Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СЕМИНАРОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ПРОГРАММАМ МАГИСТРАТУРЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ИНСТИТУТА УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

Вологда
2025

УДК 340
ББК 67
С23

Компьютерная верстка:
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент Костикова Н.А.

С23 Сборник материалов научно-исследовательских семинаров обучающихся по программам магистратуры Северо-Западного института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) / Северо-Запад. ин-т Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – Вологда : Фонд развития филиала МГЮА имени О.Е. Кутафина в г. Вологде, 2025. – 521 с.

ISBN **978-5-6052816-4-1**

Сборник содержит научные статьи, подготовленные по итогам научно-исследовательских семинаров обучающимися очной и заочной формы обучения по магистерским программам «Магистр частного права», «Теория и практика применения уголовного и уголовно-процессуального права» в 2024/2025, 2025/2026 учебных годах.

В сборник вошли представленные обучающимися научные разработки, в которых рассматриваются исторические аспекты, современное состояние, проблемные вопросы и перспективы развития российского права, криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений различных категорий.

Статьи публикуются в авторской редакции. Авторы несут ответственность за содержание статей, за достоверность приведенных в статье фактов, цитат, статистических и иных данных, имен, названий, ссылок и прочих сведений.

Для научных работников, обучающихся, преподавателей вузов, практикующих юристов, а также широкого круга читателей, проявляющих интерес к юриспруденции.

УДК 340
ББК 67

ISBN **978-5-6052816-4-1**

© Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025
© Фонд развития филиала МГЮА имени О.Е. Кутафина в г. Вологде, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

МАГИСТЕРСКАЯ ПРОГРАММА «МАГИСТР ЧАСТНОГО ПРАВА»

Баскаев Владислав Сергеевич
НЕУСТОЙКА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ **14**

Гадаева Зарина Шахнавазовна
ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ ТОВАРНОГО ЗНАКА КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ **16**

Губинская Мария Сергеевна
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВОЗНИКНОВЕНИЕМ ПРАВА ОБЩЕЙ ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ, ПРИОБРЕТЕННОЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА **21**

Журавлев Михаил Андреевич
К ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА В ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЕ **27**

Зацепина Кристина Романовна
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДОГОВОРЕ АРЕНДЫ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА **30**

Калганова Вероника Алексеевна
АСТРЕНТ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ **34**

Козлова Алина Николаевна
ПРОБЛЕМЫ ВНЕСЕНИЯ В ЕГРН СВЕДЕНИЙ О ГРАНИЦАХ ЗОН С ОСОБЫМИ УСЛОВИЯМИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ (ЗОУИТ) В ОТНОШЕНИИ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ **38**

Кокшаров Александр Юрьевич
КОММЕРЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КАК ФОРМА ДОГОВОРНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА **41**

Комарова Ева Андреевна
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ СТРАХОВЫМИ КОМПАНИЯМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ДОГОВОРУ КАСКО: СТАГНАЦИЯ СТРАХОВОГО ДЕЛА **45**

Лобырева Дарья Алексеевна
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ОСАГО В РОССИИ **50**

Лустова Анна Станиславовна
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ **56**

Лютикова Анастасия Владимировна
ОСОБЕННОСТИ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ **61**

Маракова Дарина Владимировна
ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ **63**

Марченко Софья Алексеевна
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТОРГОВ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ В АРЕНДУ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ **67**

Михайлов Егор Евгеньевич
ПРИМЕНЕНИЕ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ К ДЕЛАМ ПО ИСКОВЫМ ЗАЯВЛЕНИЯМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ **70**

Озеринин Иван Валерьевич
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ РАБОТНИКА ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ТРУДОВЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ **74**

Панов Алексей Евгеньевич
К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ ЛИЦА, ГОРИЗОНТАЛЬНО АФФИЛИРОВАННОГО К ДОЛЖНИКУ, К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ **78**

Папылева Юлия Александровна
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ: ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРОВ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ЖИЛЫХ ОБЪЕКТОВ **81**

Пашкова Наталья Сергеевна
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЙ **85**

Першина Мария Константиновна
ПРОБЛЕМА ЭТИКИ И НЕЗАВИСИМОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА **90**

Протасова Диана Игоревна
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ПРОДАЖИ НЕДВИЖИМОСТИ КАК СПОСОБ МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ СТОРОН **96**

Разоренова Валерия Игоревна
БИЗНЕС: ПОНЯТИЕ, ЦЕЛИ И СТРУКТУРА **101**

Рогозин Илья Александрович
СРОКИ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО АНТИКОРРУПЦИОННЫМ ДЕЛАМ В СВЕТЕ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВОЙ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ **105**

Рогозин Илья Александрович
НОРМЫ О СОСЕДСКОМ ПРАВЕ В РОССИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ОБЩИЙ ОБЗОР ЗАКОНОПРОЕКТА И КОДИФИЦИРОВАННЫХ АКТОВ **110**

Румянцева Мария Викторовна
РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ БАНКОВСКИМ ВКЛАДОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА **116**

Сидельникова Дарья Михайловна
ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РОССИИ **122**

Судаков Захар Владимирович
ПРАВОМОЧИЯ УЧАСТНИКОВ ОБОРОТА ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ **125**

Сызранцева Оксана Романовна
ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ **130**

Тепляков Илья Сергеевич
ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАПРОСА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ДЛЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА **134**

Фоканова Екатерина Сергеевна
К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ С ЦЕЛЬЮ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРАВОМ СО СТОРОНЫ ПОТРЕБИТЕЛЯ **136**

Хоменко Наталья Владимировна
ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В НАСЛЕДОВАНИИ **141**

Чернышков Павел Дмитриевич
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИСТОЧНИКА ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ **145**

МАГИСТЕРСКАЯ ПРОГРАММА «ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА»

Афаныгин Николай Александрович
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ОБВИНЕНИЕМ **149**

Бакулина Арина Дмитриевна
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **154**

Бедрина Арина Александровна
ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **160**

Белов Дмитрий Алексеевич
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ **165**

Берсенева Ирина Владимировна
ПРОБЛЕМА ПРОЯВЛЕНИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ И ОБВИНЕНИЯ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ **169**

Быстров Дмитрий Алексеевич
ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ **173**

Быстров Дмитрий Алексеевич
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ **177**

Бычкова Элина Владимировна
ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ОБВИНЯЕМОГО: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **181**

Вохминова Анастасия Андреевна
ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ **186**

Габибов Эльмир Агишнович
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАНЯТИЕ ПРОСТИТУЦИЕЙ В РОССИИ И ПРАКТИКА ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ **191**

Горева Полина Александровна
О ПРОБЛЕМАХ ВНУТРИВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ **196**

Горшков Дмитрий Сергеевич
ЯТРОГЕНИЯ И ЯТРОГЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ – ПОНЯТИЯ, СУЩНОСТЬ, СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ **199**

Гоциридзе Давид Александрович
ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ДВУМЯ ФОРМАМИ ВИНЫ **202**

Громова Алина Олеговна
ЭЛЕКТРОННЫЕ НОСИТЕЛИ ИНФОРМАЦИИ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ **205**

Громова Алина Олеговна
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ **207**

Дербин Юрий Владимирович
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТЫ **212**

Дружинин Сергей Владимирович
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ **216**

Дружинин Сергей Владимирович
ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ **220**

Дятлева Арина Андреевна
КВАЛИФИКАЦИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ПРИ КОНКУРЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ **227**

Егорова Алена Алексеевна
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ **231**

Емельянова Полина Алексеевна
ЦИФРОВИЗАЦИЯ И НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ СХЕМ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ **236**

Жерлицына Арина Павловна
ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОБЖАЛОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СУД **240**

Журавлев Дмитрий Андреевич
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПУБЛИЧНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ РФ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ **244**

Зыков Роман Васильевич
ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СУДАМИ ВОПРОСОВ НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ **249**

Игнашев Михаил Сергеевич
КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ **253**

Кедровский Александр Сергеевич
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ **257**

Кипяткова Мария Михайловна
КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И МЕХАНИЗМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ **263**

Кирсанов Дмитрий Евгеньевич
К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВВЕДЕНИЯ НОВЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, ПРИМЕНЕНИЕ КОТОРЫХ ВЛЕЧЕТ ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ И КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ **268**

Клюшин Даниил Николаевич
ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ **272**

Кораблев Виктор Дмитриевич
ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД **275**

Кострюкова Арина Дмитриевна
ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **279**

Кротов Игорь Владимирович
ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРА: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **284**

Кузьминов Алексей Михайлович
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИЕМА И РЕГИСТРАЦИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ **289**

Мазепина Юлия Алексеевна
АБОРТ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ: НОВЫЕ РИСКИ И ПРОБЕЛЫ В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ **294**

Манухова Ксения Васильевна
ИСТОРИЯ И БУДУЩЕЕ ГАБИТОСКОПИИ: ОТ ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ **298**

Маракасов Игорь Анатольевич
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ АЗАРТНЫХ ИГР: РОССИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ **304**

Мартюков Роман Алексеевич
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СЛЕДСТВЕННЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ **309**

Матвиенко Мария Александровна
ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ **318**

Мезенева Валерия Александровна
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО **324**

Минина Марина Евгеньевна
ОТГРАНИЧЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА ОТ ИНЫХ МОШЕННИЧЕСКИХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ (СТ.159.1, 159.6 УК РФ) **329**

Моисеев Станислав Алексеевич
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ВОЗБУЖДЕНИЕМ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ, А РАВНО УНИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ **334**

Морозов Егор Николаевич
ИСТОРИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ИЛИ ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **337**

Назирова Нафиса Хуршедовна
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРАВОСУДИЕ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ **342**

Непеина Алёна Александровна
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **345**

Овсянникова Ирина Сергеевна
СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН **351**

Панин Иван Николаевич
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО, СОПРЯЖЕННОЕ С ИНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **354**

Пашков Артём Владимирович
АМНИСТИЯ И ПОМИЛОВАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ **357**

Плеханов Илья Сергеевич
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ И (ИЛИ) ОБОРОТОМ АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ **361**

Поповкина Полина Викторовна
ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СООБЩЕСТВА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ **365**

Поталицын Егор Дмитриевич
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ **371**

Путягина Екатерина Алексеевна
СПОСОБЫ СОБИРАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СЛЕДОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ **374**

Ропот Анастасия Алексеевна
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **377**

Рыбакова Ирина Алексеевна
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ **384**

Рыжов Георгий Сергеевич
ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ДОПРОСА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **388**

Сангинов Руслан Сейтаблаевич
ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **395**

Ситова Виктория Сергеевна
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **400**

Смирнов Илья Денисович
ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА **404**

Смирнова Вера Вадимовна
ГРАНИЦЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ **410**

Смирнова Дарина Александровна
ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДОКУМЕНТОВ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **416**

Соколов Виталий Дмитриевич
ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИНСТИТУТА ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ **420**

Соколов Виталий Дмитриевич
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ И ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ДОНОСА **425**

Соловьев Владимир Викторович
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ЗАКОННОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ **428**

Соловьева Александра Викторовна
ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОМУ И ОБВИНЯЕМОМУ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ **434**

Степанов Матвей Андреевич
РАЗВИТИЕ НОРМ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **437**

Степашова Татьяна Александровна
НЕОТЛОЖНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **443**

Тепаева Анастасия Сергеевна
ИСТОРИЧЕСКИЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ **448**

Теребова Анна Николаевна
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ **454**

Тупушев Анатолий Анатольевич
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕРКИ И ОЦЕНКИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ **460**

Умницына Ирина Владимировна
СТАНОВЛЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД **464**

Фролов Даниил Эдуардович
ИСТОРИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ **470**

Цветков Роман Геннадьевич
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ, КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В РОССИИ **474**

Черныш Яна Евгеньевна
КИБЕРПРОСТРАНСТВО КАК НОВАЯ ПЛОЩАДКА ДЛЯ ДЕМОНСТРАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ЕДИНЫЕ ПОДХОДЫ К КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВ **478**

Черныш Яна Евгеньевна
ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СТ. 109 УК РФ **483**

Шабловский Сергей Васильевич
ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА **489**

Шарова Екатерина Евгеньевна
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНСТИТУТЕ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ И ПРАКТИКА ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ **493**

Шевцова Екатерина Александровна
ИНСТИТУТ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ **498**

Шемякина Алина Алексеевна
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **503**

Шохина Ксения Юрьевна
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **507**

Якушев Артемий Владимирович
ИНСТИТУТ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА **511**

Янсон Федор Степанович
ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА «ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОВТОРНЫМ НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ» И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **515**

МАГИСТЕРСКАЯ ПРОГРАММА «МАГИСТР ЧАСТНОГО ПРАВА»

НЕУСТОЙКА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Баскаев Владислав Сергеевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Макарьин Андрей Альбертович,
доцент кафедры частно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

Неустойка является одним из наиболее распространенных способов защиты своих прав кредитором в договорных правоотношениях.

Впервые институт неустойки сформировался в римском частном праве, под неустойкой понималась устная договоренность о штрафе, который должна была выплатить сторона, нарушившая свои обязательства. На Руси аналоги неустойки встречаются в Русской правде, Псковской Судной грамоте, Судебнике 1497 года и Соборном уложении 1649 года, ими являлись «рост», «гостинец», «пеня». Термин «неустойка» в российском праве впервые был официально закреплен в Своде законов Российской империи 1833 года.

В современном законодательстве Российской Федерации неустойка по-прежнему представляет собой, согласно ст. 330 ГК РФ, определенную законом или договором денежную сумму, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения[1].

Отличительными чертами неустойки является ее обеспечительный и дополнительный характер по отношению к основному обязательству, вследствие чего неустойка не может существовать как самостоятельное соглашение.

Неустойка выполняет следующие функции:

- Обеспечительная, т. к. является способом обеспечения исполнения обязательств. Соответственно оказывает стимулирующее воздействие на должника, чтобы он исполнил обязательство надлежащим образом и своевременно.

- Превентивная функция представляет собой предотвращение нарушения исполнения обязательства под страхом выплаты суммы неустойки кредитору должником.

- Компенсационная функция состоит в возмещении кредитору его потерь. Выражается в том, что служит для кредитора гарантией в получении компенсации в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения основного обязательства независимо от причинения убытков.

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

- Штрафная функция проявляется в том, что неустойка является мерой ответственности и возлагается на должника в качестве наказания за нарушение им своих обязательств.

В юридической науке существует дискуссия касаемо определения правовой природы неустойки. Некоторые авторы относят неустойку к обеспечительным мерам, другие – к мерам ответственности[1]. Существует и третий подход, заключающийся в определении двойственной правовой природы неустойки на различных стадиях договорных правоотношений, когда ее функции сменяют друг друга, способом обеспечения неустойка является только до момента нарушения обязательства, после чего становится мерой ответственности за совершенное нарушение[2].

Порядок исчисления неустойки может быть различным: в виде процентов от суммы договора или его неисполненной части, в твердой сумме, в кратном соотношении к сумме договора или его неисполненной части и др.

Различают договорную и законную неустойку. Договорная устанавливается по соглашению сторон, ее размер, порядок исчисления, условия применения и пр. определяются сторонами самостоятельно в письменной форме. Законная неустойка может быть как императивной, то есть подлежать обязательному применению независимо от того, предусмотрена ли обязанность ее уплаты соглашением сторон, и диспозитивной, то есть применяться только в том случае, если стороны не предусмотрели своим соглашением иной размер неустойки.

В отечественной цивилистике принято выделять следующие виды неустойки: зачетная – когда убытки взыскиваются в части, которая не покрывается неустойкой; штрафная – убытки возмещаются сверх неустойки; исключительная – возмещение убытков в случае взыскания неустойки не производится; альтернативная – кредитор имеет право выбрать взыскание убытков или неустойку.

Также необходимо разделять такие разновидности неустойки как штраф и пени. Штрафом именуется фиксированная сумма, которую должник обязуется выплатить кредитору за нарушение обязательства, например, за просрочку исполнения. Пени представляют собой процент от суммы задолженности, начисляемый за каждый день просрочки исполнения обязательства, и могут накапливаться до полного исполнения обязательства. В отличие от штрафа, пени часто используются для компенсации более мелких, но продолжительных нарушений обязательств.

Еще одной особенностью является законодательно установленное право суда на снижение взыскиваемой неустойки в случае ее явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства, таким образом законодатель предусматривает механизмы защиты не только прав кредитора, но и должника[3].

Исходя из этого неустойка является важным и многофункциональным инструментом в системе гражданско-правовых отношений, выступающим как в качестве обеспечительной меры, так и меры ответственности, что укрепляет положение кредитора и стимулирует должника к надлежащему исполнению своих обязательств, при этом предусматривая ограничительные меры, защищающие должника от злоупотреблений со стороны кредитора.

---

[1] См.: *Карапетов А.Г.* Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 – 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.Г. Карапетов // М.: М - Логос, 2017. – 1120 с. – Текст: непосредственный.

[2] *Сатина Э.А.* Взыскание неустойки как способ защиты гражданских прав / Э.А. Сатина, Н.А. Иванова // Тамбовские правовые чтения им. Ф.Н. Плевако. Материалы II Международной научной конференции. – Тамбов: Издательство: Издательский дом «Державинский», 2018. – С. 291 – 294. – Текст: непосредственный.

[3] *Матул А.О.* Проблемы правоприменительной практики по снижению размера неустойки / А.О. Матул // Право, общество, государство: история, современные тенденции и перспективы развития. – Воронеж: Издательство Ритм, 2017. – С. 407 – 410. – Текст: непосредственный.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ ТОВАРНОГО ЗНАКА КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Гадаева Зарина Шахнавазовна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Баскова Анна Валерьевна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

С каждым годом всё большую популярность набирает такое средство индивидуализации товаров, как товарный знак. Сейчас товарные знаки, не осознавая того, можно встретить повсюду: в названиях магазинов, кафе, на этикетках продуктов, на одежде и даже в доменных именах сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – ИТС «Интернет»).

Товарные знаки играют важную роль в современном экономическом обороте. Их использование направлено на обеспечение не только узнаваемости, но и правовой защиты бизнеса, создание условий для добросовестной конкуренции.

Законодательное определение термина «товарный знак» дано в пункте 1 статьи 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Под товарным знаком понимается обозначение, служащее для индивидуализации товаров[1].

На законодательном уровне в нашей стране отсутствует четкое определение момента возникновения исключительного права на товарный знак. В данном вопросе помогает разобраться системный анализ положений ГК РФ, в том числе пункта 1 статьи 1232, пункта 1 статьи 1484, пункта 1 статьи 1491 ГК РФ. На основе указанного можно сделать вывод о том, что лицо приобретает исключительное право на товарный знак именно с момента государственной регистрации товарного знака.

При этом, в соответствии с разъяснениями, данными в пункте 155 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – ПП ВС РФ № 10), использование третьими лицами обозначения, тождественного или сходного до степени смешения с заявленным на регистрацию в качестве товарного знака обозначением, в период между датой подачи заявки (датой приоритета) и датой регистрации этого товарного знака не может считаться нарушением исключительного права на товарный знак[2].

Указанный вывод Верховного Суда Российской Федерации находит свое отражение и в материалах судебной практики – например, *в Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 10.04.2025 г. № С01-372/2025 по делу № А41-8253/2024, которым решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены ввиду неправильного толкования норм права при исчислении*

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак, начиная со дня подачи в регистрирующий орган заявки на регистрацию товарного знака[1].

В Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим государственную регистрацию товарных знаков, является Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) (далее – Роспатент).

Указанное полномочие закреплено за Роспатентом ГК РФ, а также Положением о Федеральной службе по интеллектуальной собственности, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 21.03.2012 г. № 218 (далее – Положение).

Нормативными актами, регулирующими порядок регистрации товарных знаков в Российской Федерации, являются ГК РФ, Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, утвержденные приказом Минэкономразвития России от 20.07.2015 г. № 482 (далее – Правила), Требования к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их формы, утвержденные приказом Минэкономразвития России от 20.07.2015 г. № 482 (далее – Требования).

До 29.06.2023 г. – даты вступления в законную силу Федерального закона от 28.06.2022 г. № 193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» – в силу прямого указания п. 1 ст. 1492 ГК РФ физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, не могли подавать заявки на государственную регистрацию товарных знаков.

На настоящий момент обратиться с заявкой в Роспатент могут как юридические лица, так и граждане (в том числе индивидуальные предприниматели и самозанятые граждане).

В процедуре государственной регистрации товарных знаков можно выделить следующие этапы: (1) подача заявки на товарный знак; (2) проведение специалистами Роспатента формальной экспертизы товарного знака; (3) проведение специалистами Роспатента экспертизы обозначения, заявленного в качестве товарного знака, – экспертизы товарного знака по существу; (4) принятие Роспатентом решения о регистрации товарного знака; (5) государственная регистрация товарного знака и выдача свидетельства на него.

Согласно статье 1480 ГК РФ, государственная регистрация товарного знака происходит путем внесения товарного знака и информации о нём в Государственный реестр товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации[2].

Государственная регистрация даёт правообладателю товарного знака следующие правомочия: (1) исключительное право на использование товарного знака в гражданском обороте; (2) возможность устанавливать запрет третьим лицам на использование обозначений, идентичных товарному знаку или сходных с ним до степени смешения; (3) право требовать от третьих лиц, нарушивших исключительное право правообладателя на товарный знак, возмещения убытков/компенсацию за нарушение исключительного права на товарный знак.

Несмотря на некоторый формализм требования о регистрации товарного знака, правоприменительная практика показывает, что сама процедура государственной регистрации и последующая защита зарегистрированных прав сопровождается определенными особенностями и сложностями.

---

[1] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10.04.2025 № С01-372/2025 по делу № А41-8253/2024 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

В связи с вышеуказанным представляется актуальным выделить общие тенденции и проблемы государственной регистрации товарного знака как основания возникновения исключительных прав на товарный знак.

Среди тенденций государственной регистрации товарных знаков можно выделить следующие.

Одна из самых важных тенденций, которая в том числе увеличивает интерес к вопросу регистрации товарных знаков, – стабильное ежегодное увеличение количества подаваемых заявок на регистрацию товарных знаков. Согласно статистике, приводимой Роспатентом, в 2022 году число поданных заявок на регистрацию товарных знаков составило 90 тысяч, в 2023 году – превысило 100 тысяч. В 2024 году в Роспатент было подано 137 тысяч заявок на товарные знаки, что превышает показатели 2023 года на 12 процентов. Наиболее популярными категориями товаров, по которым подавались заявки были: одежда и обувь, косметические средства, бытовая химия, программное обеспечение и электроника. В 2024 году наибольшая активность в регистрации товарных знаков наблюдалась за физическими лицами – ими подано свыше 50 процентов всех заявок. Высока, в том числе, и доля заявок, поданных самозанятыми гражданами – более 21 тысячи заявок. Указанная тенденция несомненного говорит об укреплении правовой культуры среди лиц, желающих зарегистрировать товарные знаки.

Следующая, не менее важная тенденция – активизация борьбы с недобросовестной регистрацией товарных знаков. Судебная практика показывает стремление судов обеспечить защиту добросовестных правообладателей товарных знаков. Примером может служить *Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 07.07.2023 г. № С01-1113/2023 по делу № СИП-1085/2022, которым оставлено в силе решение Суда по интеллектуальным правам от 20.04.2023 г. по делу № СИП-1085/2022 о признании актом недобросовестной конкуренции действия Ответчика по приобретению и использованию исключительного права на товарный знак. Суд при вынесении решения указал следующее: «Ответчик, регистрируя на свое имя обозначение, имеющее определенную историю, специфику и ставшее известным широкому кругу лиц потребителей в результате действий большого круга лиц, и получая на него монопольное право, запрещающее дальнейшее использование этого обозначения всем лицам кроме правообладателя и его лицензиатов, избрал способ конкуренции на рынке, отличающийся от поведения, которое в подобной ситуации ожидалось бы от любого субъекта, преследующего свой имущественный интерес, но не выходящего за пределы осуществления гражданских прав и честной деловой практики»*[1].

Третья тенденция – развитие цифровых сервисов. Указанная тенденция находит свое отражение как в подготовительной части регистрации товарных знаков (которая осуществляется заявителем на этапе принятия решения о необходимости регистрации товарного знака), так и в цифровизации взаимодействия заявителей с Роспатентом. На этапе подготовки заявки к регистрации заявителю предоставлена возможность осуществить проверку планируемого к заявке обозначения на предмет наличия тождественных или сходных до степени смешения через сервисы Роспатента (предварительный поиск). Среди указанных сервисов можно выделить: (1) Реестр заявок на регистрацию товарного знака и знака обслуживания, размещенный на официальном сайте Роспатента в ИТС «Интернет»; (2) сервис поиска «Поисковая платформа» (далее – Платформа). Пользователи Платформы имеют доступ к информации о зарегистрированных Роспатентом товарных знаках, общеизвестных товарных знаках, международных товарных знаках, охраняемых на территории Российской Федерации. Платформа располагает широким спектром возможностей по поиску схожих обозначений.

[1] Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 07.07.2023 № С01-1113/2023 по делу № СИП-1085/2022 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Поиск на Платформе предлагается осуществлять по тексту, по изображениям, по смыслу, по звучанию.

Что касается цифровизации взаимодействия заявителей с Роспатентом, следует выделить электронный сервис «АРМ Регистратор» (далее – Сервис) – электронный сервис, предназначенный для подготовки, подачи заявок и документов заявки на регистрацию товарных знаков в электронном виде. Использование Сервиса позволяет: (1) подавать в Роспатент электронную заявку и документы для регистрации; (2) вести электронную переписку с Роспатентом по ходу процедуры регистрации, направлять дополнительные документы в электронном виде; (3) отслеживать ход процедуры регистрации в личном кабинете Сервиса, в том числе получать уведомления о прохождении каждого из этапов регистрации. В работе через Сервис можно выделить следующие преимущества: (1) электронная подача заявок упрощает процесс взаимодействия с Роспатентом; (2) Сервис автоматизирует процесс документооборота и обеспечивает надежную защиту данных через шифрование; (3) возможность отслеживания статуса заявок в реальном времени. К недостаткам Сервиса можно отнести следующие: (1) сложности адаптации новых пользователей из-за необходимости разбираться в принципах использования электронных сертификатов; (2) существование специфических форм документов, для заполнения которых необходима определенная подготовка и знания заявителя; (3) ограниченная поддержка форматов файлов; (4) четкие требования к техническим характеристикам загружаемых документов[1]. Указанная тенденция помогает заявителям на начальных этапах регистрации, а также позволяет сократить сроки взаимодействия заявителей с Роспатентом и повысить доступность процедуры регистрации.

Среди общих проблем государственной регистрации товарных знаков можно выделить следующие:

Первая проблема – длительное рассмотрение заявок на регистрацию товарных знаков. Максимальный установленный срок формальной экспертизы составляет 1 месяц с момента подтверждения факта уплаты соответствующих государственных пошлин. Однако указанный срок может продлеваться при необходимости представления заявителем дополнительных материалов по требованию Роспатента. Максимальный срок экспертизы по существу составляет 12 месяцев со дня принятия заявки к рассмотрению по результатам формальной экспертизы. Указанный срок также может продлеваться при направлении Роспатентом запроса дополнительных материалов. В общей сложности длительность процедуры регистрации товарного знака может достигать 12-18 месяцев. Например, товарный знак № 1100491 зарегистрирован Роспатентом 01.04.2025 г., в то время как заявка на регистрацию была подана 03.06.2022 г. Общий срок регистрации составил почти 3 года.

Вторая проблема – недостатки экспертизы товарного знака по существу. Критике поддается качество производства указанной экспертизы. Среди аспектов, подвергающихся критике, можно выделить следующие: (1) субъективность оценки – решение эксперта может зависеть от личного восприятия степени различимости и иных критериев сопоставления товарных знаков; (2) пропуск экспертизой заявок на товарные знаки, имеющие важные сходства с ранее зарегистрированными товарными знаками, и, наоборот, отказ в регистрации ввиду наличия несущественного сходства с ранее зарегистрированным товарным знаком; (3) формальный подход к оценке различительной способности товарного знака – отказ в регистрации без проведения детального анализа рынка и восприятия предлагаемого к регистрации товарного знака потребителями; (4) экспертизой не всегда объективно учитывается фактическое использование обозначения и

[1] *Кононенко И.Ю.* Обзор электронных сервисов в сфере интеллектуальной собственности / И.Ю. Кононенко, Д.В. Заставный, Ю.А. Лагида, Д.И. Зубов // ИС. Промышленная собственность. – 2024. – № 6. – С. 34 – 43. – Текст: непосредственный.

его узнаваемость на рынке; (5) ограниченные возможности заявителя влиять на процесс экспертизы.

Третья проблема – ограниченные механизмы защиты незарегистрированных обозначений. Использование обозначения без государственной регистрации фактически не обеспечивает эффективной защиты прав использующего его лица. Хотя судебной практике и известны примеры прекращения правовой охраны зарегистрированного товарного знака, который фактически в течение длительного времени использовался другим лицом без регистрации (*см. вышеприведенный пример из судебной практики*) – в таком случае суды рассматривают данный вопрос с точки зрения недобросовестной конкуренции.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать вывод, что государственная регистрация товарного знака является важнейшим условием возникновения исключительных прав на товарные знаки в Российской Федерации. Практика свидетельствует о росте значимости товарных знаков в коммерческом обороте и одновременно выявляет ряд серьезных проблем, связанных с процедурой регистрации.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВОЗНИКНОВЕНИЕМ ПРАВА ОБЩЕЙ ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ, ПРИОБРЕТЕННОЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА

Губинская Мария Сергеевна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Баскова Анна Валерьевна,
доцент кафедры частно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент

Общая собственность – это сложный правовой феномен. Гражданский кодекс Российской Федерации[1] (далее – ГК РФ) подразумевает под общей собственностью как институтом вещного права, имущество, находящееся в так называемой «многосубъектной собственности», то есть в собственности двух или нескольких лиц. Законодатель закрепляет два самостоятельных вида общей собственности – общая долевая и общая совместная собственность. Пункт 3 статьи 244 ГК РФ закрепляет презумпцию общей долевой собственности, за исключением случаев, когда законом предусмотрено образование совместной собственности на это имущество. Сфера практического применения норм о данном институте гражданского права достаточно широка, в последнее время идет тенденция к ее расширению.

Целью данной научной статьи является исследование проблем, связанных с возникновением права общей долевой собственности в связи с приобретением жилого помещения за счет средств материнского капитала, а также выдвижение путей их решения. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: дать общую характеристику института общей долевой собственности и понятие доли в праве; выделить особенности приобретения жилого помещения на средства материнского капитала как основания возникновения права общей долевой собственности; проанализировать конкретные проблемы, связанные с возникновением права общей долевой собственности на жилое помещение, приобретенное на средства материнского капитала; изучить влияние цифровизации на процедуру оформления сертификата на материнский капитал; сделать вывод по научной работе.

Вопросам, связанным с режимом общей долевой собственности, посвящены учебники и научные статьи многих советских ученых и современных авторов, таких как Е.А. Суханов[2], Г.Ф. Шершеневич[3], М.Г. Шах[4], Л.М. Минкина[5], Чашкова С.Ю.[6]

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *См. Суханов Е.А.* Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть : учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / отв. ред. — Е.А. Суханов. — 3-е изд., перераб и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 720 с. – Текст: непосредственный.

[3] *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданиям 1912 и 1914- 1915 гг.) : в 2 томах. Том 1 : учебник / Г.Ф. Шершеневич. - Москва : Статут, 2021. - 838 с. - ISBN 978-5-8354-1766-7. - Текст : электронный. - URL: https://znanium.com/catalog/product/1859669 (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: по подписке.

[4] *Шах М.Г.* Общая собственность по советскому гражданскому праву: дис. … канд. юрид. наук. / М.Г. Шах // Л., 1953. – 335 с. – Текст: непосредственный.

Существуют несколько концепций относительно понимания права общей долевой собственности и доли в праве. Понимание доли, как доли именно в праве собственности, а не доли в имуществе, приверженцем которого являлся Суханов Е.А.[1], стало общепринятым в науке и в законодательстве. По его мнению, участник долевой собственности может по своему усмотрению распоряжаться своей долей как самостоятельным объектом гражданского права наряду с другими сособственниками. Суханов критиковал понятие «расщепленной собственности», утверждая, что невозможно установить два одинаковых права собственности на одно и то же имущество[2]. Право собственности неделимо и принадлежит собственникам не в какой-то «доле» от общего объема права, а целиком. Таким образом, в современном гражданском праве укоренилась точка зрения, которая гласит, что у каждого обладателя доли есть право собственности и на всё имущество в целом. Доля не характеризует какую-то вещественную часть общего имущества, на которую вправе претендовать собственник. Она закрепляет принадлежность ее правообладателя к участникам многосубъектной собственности.

Право собственности у субъекта возникает при наступлении определенных обстоятельств, так называемых «оснований возникновения права собственности». К ним относятся договор, наследование, приобретательная давность и другие. Для общей долевой собственности в российском законодательстве установлено также несколько специальных оснований возникновения, а именно: приобретение помещения в многоквартирном доме, соединение вкладов нескольких лиц без образования юридического лица на основании договора простого товарищества, долевая собственность на земли сельскохозяйственного назначения, на ценные бумаги, а также приобретение жилого помещения с использованием средств материнского капитала и другие. На практике споры, связанные с институтом общей долевой собственности, имеют некоторую сложность и неопределенность. Споров, связанных с приобретением, строительством, реконструкцией жилого помещения с использованием средств материнского капитала достаточно большое количество, их разрешение имеет свои особенности, которые будут рассмотрены в данной работе.

Материнский (семейный) капитал – это мера государственной поддержки семей, имеющих детей, введенная в Российской Федерации с 01 января 2007 года, и представляющая собой средства федерального бюджета, передаваемые в бюджет Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на реализацию дополнительных мер государственной поддержки. Основные положения, касающиеся данной меры поддержки, регламентированы федеральным законом от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»[3].

Согласно части 4 статьи 10 данного закона лицо, поучившее сертификат, его супруг обязаны оформить жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств материнского капитала, в общую собственность такого лица, его супруга, детей с определением размера долей по соглашению. Таким образом, законодатель регламентирует круг субъектов, в чью

---

[5]*Минкина Л.М.* Право общей долевой собственности: понятие и особенности осуществления: автореф. дис. …канд. юрид. Наук / Л.М. Минкина // Электронная библиотека диссертаций. - URL: https://www.dissercat.com/ (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[6]*Чашкова С.Ю.* Основание, момент возникновения и субъекты права общей долевой собственности на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского (семейного) капитала / С.Ю. Чашкова // Нотариальный вестникъ. – 2017. – № 4. – С. 17-30. Текст: непосредственный.

[1] *Суханов Е.А.* Гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. проф. Е.А. Суханов // М. : БЕК, 2002. Т. 1. - С. 580. – Текст: непосредственный.

[2] *Суханов Е.А.* Гражданское право / под ред. Е.А. Суханова // Т. 1 М., 2000. - С. 491. – Текст: непосредственный.

[3] Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ // Российская газета, № 297, 31.12.2006.

собственность поступает такое жилое помещение, и устанавливает вид собственности – общая долевая, который возникает у них на приобретенное помещение.

На основании изученных научных статей[1] мы пришли к выводу о том, что существует проблема неопределенности в моменте возникновения права общей долевой собственности на жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) на средства материнского (семейного) капитала. С одной стороны, в силу того, что жилое помещение согласно статье 130 ГК РФ относится к недвижимому имуществу, право собственности на него возникает с момента государственной регистрации перехода права, то есть с момента внесения соответствующей записи в Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН). С другой стороны, федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» трактует момент возникновения права собственности с оформления данного жилого помещения в общую собственность лица, получившего сертификат на материнский капитал, его супруга и детей с определением размера долей по соглашению. Некоторые ученые трактуют момент оформления жилого помещения в общую собственность родителей и детей в данном случае как момент перечисления средств материнского капитала кредитору[2].

Срок оформления жилого помещения в общую долевую собственность родителей и детей уточнен в пункте 15(1) постановления Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2007 года № 862 «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий»[3] – в течение 6 месяцев после перечисления Фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации денежных средств лицу или организации, осуществляющим отчуждение жилого помещений, или с момента погашения кредита или ипотеки и др. Следовательно, обязанность по оформлению жилого помещения в общую собственность происходит не сразу же, а в будущем, что создает риск неисполнения данной обязанности родителями. Во избежание риска нарушения прав детей, являющихся участниками общей собственности на имущество, приобретенное с использование средств материнского (семейного) капитала, Верховный Суд Российской Федерации в Обзоре судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал, от 22 июня 2016 года[4] указал на то, что жилое помещение, приобретенное на средства материнского капитала, переходит в общую собственность родителей и детей до момента государственной регистрации перехода права.

Решить проблему определения момента возникновения права общей собственности на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского (семейного) капитала, можно следующим образом – возложить обязанность по оформлению такого имущества не на родителей, которые нередко могут быть не заинтересованы в этом, а на регистрирующий орган, который должен будет исполнить эту обязанность с момента перечисления денежных средств на счет кредитора. Следовательно, момент возникновения права общей собственности не будет растянут во времени, будет исполнен

---

[1] См. например: *Поготовко А.Н.* К вопросу о моменте возникновения права общей долевой собственности родителей и детей на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского капитала / А.Н. Поготовко, Р.В. Шамич // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. - № 4. – С. 125- 129. – Текст: непосредственный.

[2] *Чашкова С.Ю.* Основание, момент возникновения и субъекты права общей долевой собственности на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского (семейного) капитала / С.Ю. Чашкова // Нотариальный вестникъ. – 2017. – № 4. – С. 17–30. – Текст: непосредственный.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2007 года № 862 (ред. от 04 февраля 2025 года) «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] «Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июня 2016 года). // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 17.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

специальным органом, профессиональным субъектом права, к тому же за бездействие он может быть привечен к ответственности в рамках административного судопроизводства.

В случае неисполнения обязанности по оформлению жилого помещения, купленного на средства материнского капитала, в общую долевую собственность родителей и детей права несовершеннолетних могут быть восстановлены в суде по иску одного из родителей или по иску прокурора о возложении обязанности оформить в общую долевую собственность и выделить несовершеннолетнему долю в жилом помещении, приобретенном за счет средств материнского (семейного) капитала. Как показывает практика, в большинстве случаев суд удовлетворяет такие исковые требования. Так в решении Вологодского районного суда Вологодской области от 18 апреля 2024 года суд усмотрел основания для удовлетворения исковых требований прокурора[1]. Отсутствие государственной регистрации права общей собственности на спорное жилое помещение подтвердилось выпиской из ЕГРН, в соответствии с которой мать несовершеннолетнего является единственным собственником. В судебном заседании ответчик пояснила, что против удовлетворения исковых требований не возражает, не оформление собственности в надлежащем виде объяснила отсутствием денежных средств для обращения к нотариусу для оформления соглашения о выделении долей в жилом помещении. Суд исковые требования прокурора удовлетворил, обязал ответчицу в течение двух месяцев с момента вступления решения суда в законную силу оформить жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского (семейного) капитала, в общую долевую собственность с определением размера долей по соглашению.

Кроме того, судами разрешаются и другие споры, связанные с реализацией права на материнский (семейный) капитал, а именно споры по поводу раздела между супругами имущества, приобретенного с использованием средств материнского капитала. Такие дела имеют особую специфику, поскольку, как указал Верховный Суд Российской Федерации[2], – «раздел жилого помещения, приобретенного с использованием средств материнского (семейного) капитала, без учета интересов детей, имеющих наряду с родителями право на такое жилое помещение, невозможен».

Помимо этого, при разделе между супругами имущества, приобретенного с использованием средств материнского капитала, нередко возникает путаница по поводу того, что из общего имущества будет являться общей долевой собственностью родителей и детей, а что совместной собственностью супругов. Так на пересмотре Верховного Суда Российской Федерации оказалось дело, рассмотренное в первой инстанции Вологодским районным судом Вологодской области о разделе совместно нажитого имущества супругов[3]. Гражданка еще до вступления в брак приобрела квартиру по договору долевого участия в строительстве многоквартирного жилого дома, долговые обязательства исполнялись уже в браке ей и ее супругом, в том числе, за счет средств материнского капитала. Суды нижестоящих инстанций отнесли это имущество к личной собственности женщины. Как обоснованно указал Верховный Суд Российской Федерации «средства материнского (семейного) капитала, имея специальное целевое назначение, не являются совместно нажитым имуществом супругов и не могут быть разделены между ними». Вместе с тем, суды нижестоящих инстанций не учли, что денежные средства, полученные

---

[1] Решение Вологодского районного суда Вологодской области от 18 апреля 2024 года по гражданскому делу № 2-532/2024 // Официальный сайт Вологодского районного суда Вологодской области. - URL: https://vologodsky.vld.sudrf.ru/ (дата обращения: 17.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] «Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июня 2016 года). // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 17.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Определение Верховного суда Российской Федерации от 24 октября 2023 года № 2-КГ23-5-К3 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. - URL: https://www.vsrf.ru/ (дата обращения: 17.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

на основании государственного сертификата на материнский капитал, были потрачены на погашение ипотеки на приобретение спорной квартиры, что в силу закона влечет наделение несовершеннолетних соответствующими долями в праве собственности в спорном объекте недвижимости. Верховный Суд Российской Федерации отменил в части решение Вологодского районного суда Вологодской области, апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Вологодского областного суда, определение судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции и направил дело в указанной части на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В доктрине высказывается мнение о том, что наиболее выгодным и оптимальным вариантом разрешения споров по поводу раздела имущества, приобретенного с использованием средств материнского капитала, для бывших супругов будет являться включение доли второго супруга в счет погашения алиментных обязательств[1]. Данное соглашение можно оформить у нотариуса либо заявить об этом при рассмотрении в суде дела о разделе имущества.

Исходя из всего вышесказанного, приобретение жилого помещения с использованием средств материнского капитала сравнительно новый и развивающийся институт, в некоторых моментах создающий спорные ситуации на практике. Процедура оформления сертификата на получение права на материнский (семейный) капитал и процедура получения указанных средств для неподготовленного человека может показаться достаточно сложной. В нынешнее время цифровизация, затрагивающая почти все сферы жизни общества, является инструментом, направленным на упрощение многих процессов. Проявление цифровизации можно увидеть и при процедуре оформлении сертификата на получение материнского капитала. Согласно федеральному закону[2], информация об установлении дополнительных мер государственной поддержки лицам, имеющим детей, размещается в государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая площадка в социальной сфере». Сертификат на право получения средств материнского капитала оформляется в электронном виде, подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица территориального органа Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации. Подробную и достоверную информацию по многим вопросам, касающихся материнского (семейного) капитала, можно получить в электронной форме с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг» (далее – портал «Госуслуги»). Во-первых, на Госуслугах можно оформить сертификат. Он автоматически придет в личный кабинет пользователя после подачи заявления, подписанного электронной подписью, в течение трех недель после регистрации рождения ребенка в органах записи актов гражданского состояния. Кроме того, на Госуслугах можно получить выписку об остатке средств на сертификате, узнать его реквизиты, также подать заявление о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала на цели, закрепленные в законе. Цифровизация имеет множество преимуществ для получателей государственных и муниципальных услуг, а также эффективно сказывается на работе тех, кто эти услуги оказывает. Так сотрудники подразделений Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации могут делать запросы необходимых документов в электронной форме с помощью межведомственного информационного взаимодействия с использованием единой системы, что достаточно удобно, а также положительно влияет на

[1] *Исаева К. А.* Разделение материнского капитала в делах о разделе совместно нажитого имущества супругов / К.А. Исаева // Молодой ученый. — 2017. — № 14 (148). — С. 517-519. — URL: https://moluch.ru/archive/148/41675/ (дата обращения: 17.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ // Российская газета, № 297, 31.12.2006.

скорость и объем предоставления услуг.

Таким образом, в ходе данного исследования были изучены некоторые проблемы, связанные с возникновением права общей долевой собственности на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского капитала. Нами была выявлена проблема в определении момента возникновения права общей долевой собственности на имущество, приобретенное с привлечением средств материнского капитала, и найден следующий путь ее решения: возложить обязанность по оформлению такого имущества не на родителей, а на регистрирующий орган, который должен будет исполнить эту обязанность с момента перечисления денежных средств на счет кредитора. Кроме того, в ходе анализа проблем, связанных с разделом имущества, приобретенного на средства материнского капитала, мы пришли к выводам о том, что средства материнского капитала не являются совместно нажитым имуществом супругов и не могу быть разделены между ними в равных долях. Этот подход является наиболее правильным, так как он защищает права детей, которые также являются сособственниками данного имущества. Для сохранения баланса интересов бывших супругов, а также защиты прав их детей наиболее рациональным будет включение доли второго супруга в счет погашения алиментных обязательств. Изучив влияние цифровизации на процедуру оформления сертификата на материнский капитал, мы пришли к следующему заключению: многие вопросы, связанные с оформлением сертификата на получение средств материнского (семейного) капитала и распоряжение ими, оптимизированы. Также стоит отметить, что единым лейтмотивом законодательства и судебной практики по вопросам приобретения (строительства, реконструирования) жилого помещения с использованием средств материнского капитала и последующего оформления права собственности на него является защита провозглашенного Конституцией Российской Федерации[1] права детей на жилище.

[1] Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

К ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА В ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЕ

Журавлев Михаил Андреевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Кондратовская Светлана Николаевна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА,
кандидат юридических наук, доцент

В настоящее время активно происходит развитие права в сфере цифровизации. Потребительский кредит не стал исключением: он также преобразился, и теперь его можно заключать при помощи технических средств дистанционно, не посещая банк.

Заключение договора потребительского кредита именно в дистанционной форме имеет ряд преимуществ: быстроту заключения, отсутствие необходимости посещать кредитную организацию, простоту использования. Вместе с тем существуют и недостатки, вытекающие из указанных преимуществ. Главным недостатком является увеличение сложности для граждан должным образом разобраться в содержании договора и правильно его понять, а также риски при заключении кредитного договора.

В связи с тем, что цифровая среда активно развивается и не имеет достаточной правовой базы, возникают новые вызовы и проблемы для права. Заключение потребительского кредита в дистанционной форме не стало исключением. При заключении могут возникать проблемы с идентификацией лица, заключающего договор, что является проблемой, с которой сейчас активно сталкиваются граждане.

В 2024 году объем операций без добровольного согласия клиентов увеличился по сравнению с 2023 годом на 74,36%[1].

Заключение договора потребительского кредита в дистанционной форме не противоречит действующему законодательству.

Исходя из содержания в абзаце 2 пункта 1 статьи 160 ГК РФ[2], письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю.

Исходя из содержания в пункте 14 статьи 7 353-ФЗ[3], «документы могут быть подписаны сторонами с использованием аналога собственноручной подписи способом, подтверждающим ее принадлежность сторонам в соответствии с требованиями федеральных законов, и направлены с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"».

---

[1] Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций 2024. - URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (в ред. от 23.07.2025) // Российская газета, № 289, 23.12.2013.

Таким образом, заключение договора потребительского кредита дистанционным способом, осуществляется с применением электронных технологий и при помощи идентификации личности через аналоги подписи никаким образом не нарушает обязательных норм письменной формы.

В российском законодательстве была введена процедура, которая в добровольном порядке дает гражданину ограничить возможность заключения кредитных договоров[1], в том числе договора потребительского кредита в дистанционной форме, с целью защиты от мошенничества и неправомерного использования персональных данных.

Выделяются два вида самозапрета на заключение кредита. Первый вид запрета – это полный запрет, который полностью запрещает заключать кредиты как в дистанционной, так и в очной форме. Второй вид самозапрета – частичный, которым можно установить запрет либо на очное присутствие, либо только на дистанционную форму. Это сделано для того, чтобы на практике возникало меньше случаев, связанных с заключением договоров третьими лицами без согласия и волеизъявления лица. Подача заявления на самозапрет возможна через Центральный банк или через портал "Госуслуги".

Правовым последствием самозапрета на кредит является то, что банк обязан отказать в заключении кредитного договора. Если такой договор всё же будет заключён, кредитная организация не сможет требовать его исполнения в следующих случаях: если не отказала в заключении договора, зная о наличии такого запрета, а также если не запросила информацию о наличии запрета на получение потребительского кредита. Поскольку запрет может устанавливаться в разных субъектах Российской Федерации, начало действия самозапрета или его снятие определяются по Московскому времени.

Возможны ситуации, когда при заключении потребительского кредита в дистанционной форме нарушаются гарантии потребителя.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.11.2023 № 67-КГ23-14-К8, гражданка обратилась в кредитную организацию с требованием признать потребительские кредиты недействительными, мотивируя свои доводы тем, что кредиты были заключены путем обмана третьими лицами и без её волеизъявления[2].

Кредитные договоры были подписаны простой электронной подписью при помощи SMS-кодов, направляемых банком на авторизованный номер телефона истца. При этом содержание SMS-кода было представлено латинским шрифтом.

Верховный Суд пришел к выводу, что представление содержания SMS-кода латинским шрифтом недопустимо и противоречит закону о правах потребителей. Информация должна быть предоставлена на русском языке, в понятной для потребителя форме.

Также необходимо различать характер волеизъявления при заключении договора кредита. Если договор был заключен без волеизъявления лица, его могут признать недействительным.

Определением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2023 № 88-22480/2023, гражданин обратился в суд с требованием о признании кредитных договоров недействительными. Он ничего не подписывал, денежные средства от банка не получал. В день заключения договоров было зафиксировано пересылка SMS-сообщения с кодом с телефона гражданина на другой номер, принадлежавший неизвестному лицу[3].

---

[1] Федеральный закон от 26.02.2024 № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» // Российская газета, № 43, 28.02.2024.

[2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.11.2023 № 67-КГ23-14-К8 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2023 № 88-22480/2023 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Суд первой инстанции принял решение, что пересылка сообщения была осуществлена самим гражданином, что свидетельствует о наличии и соблюдения волеизъявления.

Апелляционная инстанция установила, что доказательств того, что истец выразил согласие на подключение услуги или знаком с обладателем телефонного номера, в материалах дела не содержится. Последующее обращение истца в правоохранительные органы, в совокупности с другими обстоятельствами дела, свидетельствует о том, что у истца отсутствовало волеизъявление на заключение оспариваемых договоров.

Кассационный суд поддержал позицию апелляционной инстанции и признал договоры недействительными.

Определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2024 № 88-2461/2024 гражданин обратился в суд с требованием о признании кредитного договора недействительным, указывая, что договор заключен мошенническим путем без его волеизъявления[1].

Суд сделал вывод о том, что гражданин нарушил правила пользования электронным средством платежа, сообщив код неизвестным лицам, а если такой код был сообщен третьим лицам, волеизъявление считается соблюденным. В данном случае оснований для признания договора недействительным не имеется.

Таким образом, проанализировав судебную практику, можно сделать следующий вывод. Если SMS-код является основой для идентификации лица, важно определить, были ли нарушены правила использования кода либо содержание SMS-кода было украдено.

В первом случае, если гражданин ничего не сообщал третьим лицам, ничего не пересылал и при этом от его имени был заключен дистанционным способом договор потребительского кредита, отсутствует волеизъявление лица, и имеются основания для признания такого договора недействительным. Во втором случае, например, когда гражданин сообщил SMS-код третьему лицу, договор считается заключенным с соблюдением волеизъявления.

Таким образом, дистанционное заключение договора потребительского кредита, стало намного упрощенным и быстрым. Однако, несмотря на такие преимущества, есть и недостатки, такие как сложность понимания договоров граждан, а также риски мошенничества и неправомерный доступ к персональным данным. Для уменьшения рисков и защиты прав, кто заключает потребительский кредит в дистанционной форме, необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, также необходимость повышение правовой грамотности граждан, в использовании цифровых средств.

[1] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2024 № 88-2461/2024 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДОГОВОРЕ АРЕНДЫ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

Зацепина Кристина Романовна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Кирсанов Константин Александрович,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

Договор аренды недвижимого имущества является важным инструментом в сфере гражданских правоотношений, в настоящий момент он активно используется субъектами общественных отношений, что и привело к его популярности.

По договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование[1].

Считается, что договор аренды берет свое начало в Древнем Египте, в тот период существовали соглашения об аренде земельных участков и домов. Законы Хаммурапи, датируемые XVIII веком до н.э., содержат нормы, регулирующие отношения аренды, включая обязательства сторон и условия расторжения договоров.

В Древнем Египте аренда земли использовалась для сельского хозяйства, что позволяло крестьянам обрабатывать землю, принадлежащую храмам или фараонам. Договоры фиксировались в памятниках и папирусах, которые служили доказательством прав арендаторов. Действительно, зарождение договора аренды происходило в Древнем Египте, но если говорить о зарождении правовой основы договора, то стоит перенестись во времена Древнего Рима, когда договор аренды приобрел юридическую силу.

В Древнем Риме аренда играла важную роль в сельском хозяйстве, поскольку объектами аренды были и сельскохозяйственные земли, и городские здания.

Аренда недвижимости в Древнем Риме была классовым вопросом, так как не все свободные граждане были равны в имущественном отношении. Помимо крупных землевладельцев, существовала также группа свободных крестьян, которые либо владели небольшими участками земли, либо вообще не имели земельной собственности. Эти крестьяне арендовали землю у помещиков для обработки[2].

Арендатор в то время не являлся собственником земли или другой вещи и поэтому какой-либо защиты от посягательства на его землю или иную вещи не имел, иными словами арендатору приходилось пользоваться защитой своих прав со стороны арендодателя.

Римское право не различало аренду движимого и недвижимого имущества, применяя к обоим видам общие правила. Однако особенности землепользования уже тогда предопределяли некоторые нюансы, такие как ответственность арендатора за поддержание плодородия земли. Важным принципом было равенство сторон, при этом на практике положение землевладельцев часто было доминирующим.

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *См. Голубкина К.В.* Римское частное право : хрестоматия / К.В. Голубкина, С.К. Абрамян // Федеральное гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Морская гос. акад. им. адмирала Ф. Ф. Ушакова. - Новороссийск : МГА им. адмирала Ф. Ф. Ушакова, 2011. – 57 с. – Текст: Текст: непосредственный.

Времена Древнего Рима для договора аренды стали, так называемой, отправной точкой для придания данному договору юридической силы и создания элементов, которые используются и в наше время.

Хотелось бы заострить внимание на становление договора аренды недвижимого имущества именно в России.

Договор аренды регулировался обычным правом до принятия Соборного уложения царя Алексея Михайловича. Нельзя не заметить, что указанные отношения на Руси были довольно распространены в применении, что вытекает из постановлений Псковской судной грамоты о изорниках, огородниках, кочетниках и прочих арендаторах.

В России важную роль сыграли судебники 1497 и 1550, поскольку именно они стали первыми нормативно-правовыми актами, которые включили в себя нормы об арендных отношениях.

Так, например, согласно Судебнику 1497 года арендаторы должны были вносить плату согласно договору. Или же не мало важным примером положений Судебника 1497 года может послужить пункт 57 о крестьянском отказе, где сказано следующее: «А крестьянам отказываться из волости (в волость), из села в село в один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и в течение недели после Юрьева дня осеннего (26 ноября). Дожитое за дворы (крестьяне пусть) платят в полях из расчета рубль за двор, а в лесах полтина (за двор). Если какой-либо крестьянин поживет за кем-нибудь год и уйдет прочь, то (пусть) он заплатит (пожитое за) четверть двора; если поживет два года и пойдет прочь, то (пусть) он заплатит (пожитое за) поддвора; если поживет три года и пойдет прочь, то (пусть) он заплатит (пожитое за) три четверти двора; если поживет четыре года, то (пусть) он заплатит (пожитое) за весь двор»[1]. Иными словами, в этой норме регламентировалось право крестьянина покинуть хозяина с выплатой арендной платы за пользование землей.

Вместе с тем, Соборное Уложение 1550 года в сравнении с Судебником Ивана III содержало в себе более подробные нормы арендных обязательств. Так, в соответствии с данным нормативно-правовым актом подразумевалась обязательная письменная форма договора аренды с указанием стоимости, сроков, состояния, а также количества арендуемого имущества. В этом смысле, с точки зрения современного гражданского права обязательная форма письменного договора для XVI века представляется по-настоящему инновационным решением, в особенности, если учесть процент безграмотных подданных Российского государства той эпохи.

Нельзя не сказать о том, что с появлением большого количества городов как в России, так и в других странах, договор аренды начал меняться и разделяться на виды. Самым востребованным из видов договоров стал договор аренды недвижимости (договор аренды коммерческих помещений и договор аренды жилого помещения).

С XVII века начинается процесс кодификации гражданского законодательства в Европе. В данный период времени большинство стран разрабатывают и утверждают кодифицированные акты, в которых детально регулируются арендные отношения.

Во Франции в 1804 году был принят Гражданский кодекс, который стал образцом для многих других стран. Кодекс содержал подробное описание прав и обязанностей арендатора и арендодателя, а также определял порядок расторжения договора. Данный кодекс оказал значительное влияние на эволюцию гражданского права в России и других странах.

В России Петр I начал реформы, направленные на унификацию гражданского законодательства. В 1864 году был принят Устав гражданского судопроизводства, в котором также нашли отражение нормы, регулирующие аренду, что оказало положительное воздействие на развитие гражданских правоотношений.

---

[1] «Документы по истории России до XVIII в. — Судебник (1497 г.)» // Москва: Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU, дата обновления: 03 ноября 2006, URL: https://portalus.ru/ (дата обращения: 17.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

С конца XX века в условиях глобализации и рыночной экономики договор аренды получил новое развитие. Появились различные виды аренды — от классической аренды до лизинга, что расширило возможности использования недвижимого имущества. Важным шагом стало принятие новых законов, регулирующих аренду, которые учитывали специфику рыночных отношений.

В эпоху существования Советского государства в юридической доктрине при описании исследуемых отношений преимущественно использовался термин «имущественный наем», единственное исключение отмечается в начале 1990-х гг. Связано это с тем, что прежняя система хозяйствования перестала соответствовать экономическим потребностям общества и предприятия, находившиеся в государственной собственности, стали использовать такой способ организации деятельности, как арендный подряд. В этой связи в Российской Федерации сложилось неоднозначное восприятие договора аренды. С одной стороны, это был гражданско-правовой договор имущественного найма, где отношения выстраивались по принципам равенства, свободы договора и т.п. С другой стороны, аренда считалась способом разгосударствления экономики и не имела ничего общего с договором имущественного найма, так как такие отношения носили характер субординации.[1]

В 1991 году в России была принята новая редакция Гражданского кодекса, которая значительно обновила нормы, касающиеся аренды. В настоящее время аренда недвижимости регулируется главой 34 Гражданского кодекса РФ, что отражает современные реалии и потребности арендных отношений.

На протяжении истории развития договора аренды, социально-экономические факторы оказывали существенное влияние на формирование договорных условий. В периоды экономического роста, повышался спрос на аренду недвижимости, что приводило к увеличению арендных ставок и ужесточению условий аренды для арендаторов. В периоды экономических кризисов, наоборот, арендные ставки снижались, и арендодатели были вынуждены идти на уступки арендаторам. В качестве примеров влияния социально-экономических факторов можно указать такие, как: рост городов привел к увеличению спроса на коммерческую недвижимость и формированию новых форм аренды, таких как аренда торговых помещений и офисов; жилищные кризисы и социальные волнения в XX веке вызвали необходимость государственного регулирования арендной платы и защиты прав арендаторов жилья.

Несмотря на развитие законодательства, в области аренды недвижимости остаются проблемы. Одной из главных является несовершенство правовой защиты арендаторов, что порой приводит к злоупотреблениям со стороны арендодателей. Необходимы механизмы, которые бы обеспечили баланс интересов сторон, а также повысили бы стабильность арендных отношений.

Одной из актуальных тем является аренда недвижимости в условиях цифровизации. Мир не стоит на месте, поэтому новые технологии и платформы создают новые возможности для договора аренды, что требует адаптации законодательства.

Основными тенденциями цифровизации можно указать:

1. Рост онлайн-платформ для поиска и аренды недвижимости, упрощающих процесс поиска и заключения договоров аренды (Авито, Booking, Юла, Циан и т.д.);
2. Использование электронных систем управления недвижимостью для автоматизации процессов управления арендными отношениями (Rentec Direct, Pro.Rent и т.д.).

История развития договора аренды недвижимого имущества представляет собой сложный процесс, отражающий эволюцию представлений о собственности, обязательствах и способах эффективного использования ресурсов. От примитивных форм пользования землей в римском праве до современных цифровых платформ, аренда

[1] См. *Белов В.А.* Правовая природа арендных отношений: исторический аспект / В.А. Белов // Адвокат. - 2015. - № 9. - С. 68 - 71. – Текст: непосредственный.

постоянно адаптировалась к меняющимся социально-экономическим условиям и технологическому прогрессу.

Современные тенденции, такие как цифровизация и развитие новых форм аренды, создают новые возможности для арендаторов и арендодателей, но и требуют адекватного правового регулирования.

В дальнейшем исследования в области истории развития договора аренды должны быть направлены на изучение влияния современных технологий на арендные отношения, анализ правовых аспектов цифровой аренды и разработку рекомендаций по совершенствованию законодательства в этой сфере. Только таким образом можно обеспечить развитие справедливой и эффективной системы аренды, отвечающей потребностям современного общества.

АСТРЕНТ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Калганова Вероника Алексеевна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Онищенко Ирина Сергеевна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Астрент – судебная неустойка, которая является относительно новым институтом в российском праве.

Нормы об астренте содержатся в ряде кодифицированных нормативных правовых актов Российской Федерации. Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) была введена ст. 308.3, согласно которой суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму на случай неисполнения судебного акта, которым должник обязан исполнить обязательство в натуре, в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения.

Аналогичные положения были закреплены Федеральным законом от 03.08.2018 № 340-ФЗ в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ).

В целом прослеживается недостаточное правовое регулирование института судебной неустойки, так как ей посвящены только три статьи в кодифицированных актах, которые фактически дублируют друг друга. Само понятие астрента в законодательстве не закреплено и является доктринальным.

С. Э. Либанова предлагает следующее понятие судебной неустойки: судебная неустойка представляет собой принуждение ответчика к уплате истцу определенной денежной суммы за каждый день (неделю, месяц) неисполнения должником судебного решения, присуждающего совершить какое-либо действие или воздержаться от него[1].

Астрент в гражданском праве – это судебная неустойка, право кредитора требовать присуждения в его пользу денежной суммы на случай неисполнения судебного акта[2].

Анализируя доктринальные понятия и нормативно закрепленные положения, можно дать следующее определение астренту: астрент – способ обеспечения исполнения обязательства, выражающийся в обязанности должника уплатить кредитору определенную судом денежную сумму в случае неисполнения обязательства в натуре, возложенного на должника решением суда. На наш взгляд, данное понятие судебной неустойки можно было бы включить в ст. 308.3 ГК РФ.

Проблему недостаточного правового регулирования астрента частично восполняют разъяснения Верховного суда Российской Федерации об ответственности за неисполнение обязательств в натуре, изложенные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от

[1] *Либанова С.Э.* Гражданско-правовая ответственность: взыскание убытков: учебное пособие для вузов / С. Э. Либанова // Москва: Издательство Юрайт, 2024. - С. 125. – Текст: непосредственный.

[2] *Ахмедов А.Я.* Институт астрента в гражданском праве России / А.Я. Ахмедов, Р.А. Беляев // Наука и современность. - 2016. - № 44. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-astrenta-v-grazhdanskom-prave-rossii (дата обращения: 10.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

Тем не менее, есть определенные противоречия в позициях Верховного суда РФ и Конституционного суда РФ относительно сферы применения судебной неустойки. Так, согласно п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 судебная неустойка может быть присуждена только на случай неисполнения гражданско-правовых обязанностей, она не может быть установлена по спорам административного характера, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства и главы 24 АПК РФ, при разрешении трудовых, пенсионных и семейных споров, вытекающих из личных неимущественных отношений между членами семьи, а также споров, связанных с социальной поддержкой. Таким образом, Верховный суд РФ ограничил круг отношений, к которым применяется астрент, указав на его применение только в случае неисполнения гражданско-правовых обязательств.

14 ноября 2024 г. Конституционный Суд РФ, рассмотрев жалобу гражданина С.С. Шапки о проверке конституционности п. 1 ст. 308.3 ГК Российской Федерации, ч. 3 ст. 206 ГПК Российской Федерации и ст. 419 Трудового кодекса Российской Федерации, пришел к выводу, что судебная неустойка подлежит применению также при разрешении споров, вытекающих из трудовых отношений[1]. Из позиции Конституционного суда РФ следует, что если спор рассматривается по правилам гражданского или арбитражного судопроизводства, то астрент подлежит применению вне зависимости от отраслевой принадлежности спора.

Таким образом, мы считаем, что сферу применения судебной неустойки необходимо урегулировать и закрепить на законодательном уровне, что частично позволило бы решить проблему ее недостаточного правового регулирования.

Из проблемы недостаточного правового регулирования вытекают и другие проблемы: неосведомленность истцов и их представителей, даже имеющих высшее юридическое образование, о таком способе обеспечения исполнения обязательств как астрент.

Считаем, что роль астрента в судебном процессе недооценена. На наш взгляд, астрент носит побудительный и штрафной характер. Так, астрент побуждает исполнить судебный акт вовремя во избежание применения финансовых санкций к должнику, а в случае просрочки исполнения обязательства судебная неустойка носит также штрафной, карательный характер. Если умело применять астрент в судебном процессе, то он увеличит шансы исполнения судебного акта, которым на должника возложена обязанность исполнить обязательство в натуре.

Правоведы выделяют также и другие функции астрента, например, Т. В. Белова пишет: «... астрент не столько механизм государственного принуждения, сколько мера, направленная на компенсацию потерь, которые несет управомоченное лицо в связи с задержкой исполнения судебного решения. Таким образом, астрент выполняет компенсационно-восстановительную функцию, свойственную гражданско-правовой ответственности»[2].

Таким образом, можно выделить следующие функции астрента:

- побудительная;
- штрафная;
- компенсационно-восстановительная.

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2024 № 52-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации, части третьей статьи 206 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 419 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. С. Шапки» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 17.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Белова Т.В.* Предпринимательское право : учебник и практикум для вузов / под ред. Т.В. Беловой. 4-е изд., перераб. и доп. // Москва : Издательство Юрайт, 2024. - С. 229. – Текст: непосредственный.

Проанализировав практику Вологодского городского суда, Вологодского районного суда и Арбитражного суда Вологодской области за период с 01.01.2023 г. по 21.11.2024 г., мы приходим к выводу, что арбитражные суды чаще применяют нормы об астренте, чем суды общей юрисдикции.

Так, за 2023 г. и 11 неполных месяцев 2024 г. Арбитражным судом Вологодской области было вынесено 36 решений, которыми были удовлетворены требования истцов об исполнении обязательств в натуре, а также установлена судебная неустойка за неисполнение указанного обязательства в срок, определенный судом, Вологодским городским судом – 20 решений, Вологодским районным судом Вологодской области – 3 решения. Считаем, что это критически маленькие цифры, которые говорят о нераспространенности астрента в судебной практике Вологодской области, несмотря на то, что нормы об астренте появились в российском праве почти 10 лет назад.

Установление судебной неустойки применяется в различных спорах: при возложении судом обязанности провести ремонтные работы, обязанности передать документы, обязанности не чинить препятствия при вселении в жилое помещение, провести строительно-монтажные работы и так далее.

На наш взгляд, наиболее перспективными категориями споров для применения судебной неустойки являются земельные споры об освобождении земельных участков, споры о сносе самовольных построек, а также споры по договорам, которые попадают под социальные программы, например в рамках «догазификации», которые в силу безвозмездного характера не охраняются законом РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». В указанных категориях споров должник должен понести значительные финансовые затраты для исполнения обязательств в натуре, в связи с чем недобросовестное поведение и уклонение от исполнения обязательств являются для него более выгодными, чем их добросовестное исполнение. И с целью понуждения должника исполнить указанные обязательства может быть применена судебная неустойка, которая в случае неисполнения судебного акта подлежит принудительному взысканию с должника.

Пробелом гражданского законодательства и судебной практики является отсутствие чётких критериев определения размера судебной неустойки и зависимости этого размера от вида обязательства, степени нарушения прав взыскателя или от имущественного положения должника[1].

Также считаем необходимым закрепить на законодательном уровне в соответствующих процессуальных кодексах (АПК РФ и ГПК РФ) положение о том, что сумма астрента, установленная судом, должна быть значительной для должника и устанавливаться с учетом его материального положения, так как зачастую судами на практике сумма астрента несоразмерно занижается. Так, например, Вологодский городской суд, разрешая спор между застройщиком и дольщиком, возникший из-за неисполнения застройщиком обязанности передать квартиру участнику долевого строительства по акту приема-передачи, возложив на ответчика-застройщика обязанность в течение 10 календарных дней с момента вступления решения суда в законную силу передать истцу по передаточному акту квартиру, установил судебную неустойку в размере 50 рублей в день за каждый день неисполнения решения суда в соответствующей части до фактического исполнения в полном объеме (заочное решение Вологодского городского суда Вологодской области от 18.09.2024 по делу № 2-9166/2024). То есть за просрочку исполнения решения суда на год с ответчика будет взыскано только 18 250 рублей, что не является значительным для застройщика.

В условиях цифровизации гражданского права и гражданского процесса астрент мог бы стать одним из самых действенных способов обеспечения исполнения обязательств, возложенных на должника судом к исполнению в натуре. Например, если

[1] *Оселедко А.Н.* К вопросу об астренте в Российской Федерации / А.Н. Оселедко // Вестник науки. - 2018. - № 8 (8). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-astrente-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 15.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

автоматизировать начисление, ежедневный перерасчет и списание судебной неустойки с должника через госуслуги, то это замотивировало бы недобросовестных ответчиков к скорейшему исполнению судебного акта.

Таким образом, мы считаем, что институт судебной неустойки недостаточно изучен российскими правоведами и требует дополнительного законодательного регулирования. При решении указанных проблем астрент стал бы чаще применяться в судебной практике и выполнял бы роль способа обеспечения исполнения обязательств наряду со способами, поименованными в гражданском законодательстве.

ПРОБЛЕМЫ ВНЕСЕНИЯ В ЕГРН СВЕДЕНИЙ О ГРАНИЦАХ ЗОН С ОСОБЫМИ УСЛОВИЯМИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ (ЗОУИТ) В ОТНОШЕНИИ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ

Козлова Алина Николаевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попович Марина Михайловна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Кандидат юридических наук, доцент

Федеральным законом от 03.08.2018 № 342-ФЗ в Земельный кодекс РФ (далее – ЗК РФ) были внесены масштабные изменения в части включения в ЗК РФ новой главы 19, закрепляющей правовой статус зон с особыми условиями использования территорий (далее – ЗОУИТ)[1]. В данном случае будет неправильно говорить о том, что понятие ЗОУИТ не было известно в отечественном земельном праве до этих изменений, наоборот, установление подобных «охранных зон» происходило еще с советских времен. Однако данная процедура на едином федеральном уровне урегулирована не была, что в свою очередь в правоприменительной практике порождало различные противоречивая в правовом регулировании указанных зон.

В соответствии с частью 24 статьи 106 ЗК РФ зона с особыми условиями использования территории считается установленной только с момента внесения ее в ЕГРН[2]. В тоже время в силу существования переходного периода для наполнения сведениями об охранных зонах ЕГРН в судебной практике сформировалась позиция о том, что ограничения, вытекающие из установления ЗОУИТ, распространяются на земельный участок вне зависимости от включения сведений о них в ЕГРН[3]. В данном случае земельные участки, которые частично или полностью расположены в границах таких зон, не изымаются, но ограничиваются в использовании, возникает особый правовой режим, запрещающий те виды деятельности, которые несовместимы с целью установления таких зон.

По смыслу статьи 106 ЗК РФ можно выделить два основания установления ЗОУИТ: это федеральный закон или решение уполномоченного на то органа государственной власти или органа местного самоуправления. При этом в отношении последнего основания охранная зона может быть закреплена на местности в случае существования зонообразующей территории и зонообразующего объекта, либо в случае строительства нового или реконструкции существующего зонообразующего объекта. В нашем случае таким зонообразующим объектом может выступать линейный объект. Необходимо отметить, что несмотря на отнесение линейного объекта к категории единого недвижимого комплекса согласно статье 133.1 Гражданского кодекса РФ, в доктрине вещного права, а также в судебной практике до сих пор существует дискуссионный

[1] Федеральный закон от 03.08.2018 № 342-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06.08.2018, № 32 (Часть II), ст. 5135.

[2] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 21.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, ст. 4147.

[3] Постановление АС Западно-Сибирского округа от 25.09.2015 по делу № А03-22308/2014, URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=128662&cacheid=E0B93D75F16F4C4136F706007976031A&mode=splus&rnd=07KwgjUU54nOdCFE1#vTEzgjUwZVIpsusp2 (дата обращения: 14.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

вопрос о квалификации линейных объектов в качестве недвижимых вещей. Правовая неопределенность в данном вопросе в свою очередь создает проблемы в установлении и координатном описании ЗОУИТ в отношении линейных объектов.

Законодательно установленного понятия линейного объекта отсутствует. В тоже время в доктрине гражданского права различные исследователи предлагают собственные признаки линейных объектов как вещей: протяженность (длина объекта намного превышает его ширину)[1]; является сооружением[2]; наличие связи с землей и особое назначение (транспортные коммуникации, линии связи, электрические сети и другие)[3]. Среди других критериев для квалификации линейного объекта в качестве недвижимости можно выделить необходимость получения разрешения на строительство. В данном случае для возведения некоторых линейных объектов (например, модульных трансформаторных подстанций) не будет требоваться получения данного разрешения.

Ранее пунктом 13 части 3 статьи 55 Градостроительного кодекса РФ (далее – ГрК РФ) было установлено, что с 11.01.2018 для принятия решения о выдаче разрешения на ввод объекта в эксплуатацию также необходимы наличие определенных документов, в том числе подготовленные в электронной форме текстовое и графическое описания местоположения границ охранной зоны, перечень координат характерных точек границ такой зоны в случае, если подано заявление о выдаче разрешения на ввод в эксплуатацию объекта капитального строительства, являющегося объектом электроэнергетики, системы газоснабжения, транспортной инфраструктуры, трубопроводного транспорта или связи, и если для эксплуатации этого объекта в соответствии с федеральными законами требуется установление охранной зоны. Местоположение границ такой зоны должно быть согласовано с органом государственной власти или органом местного самоуправления, уполномоченными на принятие решений об установлении такой зоны (границ такой зоны)[4].

В настоящее время данное положение в ГрК РФ утратило силу, однако оно было перенесено в соответствующую Главу 19 ЗК РФ в части 10 и 11 статьи 106. В тоже время мы полагаем, что в новой редакции ЗК РФ не совсем четко прослеживается зависимость получения разрешения на строительство линейного объекта от представления документа, содержащего текстовое и графическое описание охранной зоны. По смыслу положений ЗК РФ представление застройщиком решения об установлении ЗОУИТ и описания местоположения границы охранной зоны линейного объекта являются основанием для выдачи органом государственной власти разрешения на строительство объекта. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что в отношении линейных объектов, возведение которых возможно только после получения разрешения на строительство, ЗОУИТ устанавливается, по сути, до осуществления строительных работ.

В то же время законом не урегулирован момент установления ЗОУИТ в отношении линейных объектов в ЕГРН, для возведения которых не требуется получения разрешения на их строительство. Более того, сложившаяся ситуация осложняется тем, что в большинстве случаев в отношении таких объектов проекты планировки и межевания территории не утверждаются. В данном случае отсутствие в законодательстве регламентации о внесении сведений в ЕГРН об установлении охранной зоны в отношении

---

[1] *Шмакова Д.А.* Линейные объекты: понятие и виды / Д.А. Шмакова // Политика, государство и право. - 2016. - № 4. - URL: https://politika.snauka.ru/2016/04/3804 (дата обращения: 14.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Каленков А.Ю.* Линейный объект как правовая категория в земельных отношениях / А.Ю. Каленков // Аграрное и земельное право. - 2017. - № 1 (145). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lineynyy-obekt-kak-pravovaya-kategoriya-v-zemelnyh-otnosheniyah (дата обращения: 14.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Корнеев А.Л.* О некоторых изменениях в правовом регулировании размещения линейных объектов / А.Л. Корнеев // Экологическое право. - 2023. - № 6. - С. 23. – Текст: непосредственный.

[4] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 03.01.2005, N 1 (часть 1), ст. 16.

линейных объектов, для которых не требуется получения разрешения на их строительство, создает основания для злоупотребления своими правами застройщиками указанных объектов, поскольку ЗОУИТ при таком регулировании может быть установлена вообще только после окончательного строительства линейного объекта, что способно долгое время держать в неведении о наличии потенциальной охранной зоны собственников и иных правообладателей смежных рядом с линейным объектом земельных участков, зданий, сооружений. В данном случае смежные землепользователи лишаются гарантий на свободное осуществление своего права собственности и иных вещных прав на объекты недвижимости.

В связи с этим мы полагаем, что необходимо устранить данный законодательный пробел путем закрепления в статье 106 ЗК РФ отдельно момента установления ЗОУИТ в отношении линейных объектов, для возведения которых отсутствует обязанность застройщиков в получении разрешения на строительство. На наш взгляд, данный момент может быть определён началом осуществления строительных работ по объекту путем направления в уполномоченные органы уведомления о начале строительства по аналогии со строительством индивидуального жилого или садового дома.

Таким образом, существует проблема наполняемости ЕГРН в части внесения сведений об установлении охранной зоны в отношении линейных объектов. Наличие данной проблемы связано с неопределенностью правового статуса линейного объекта в качестве недвижимой вещи в правоприменительной практике, несмотря на его закрепление в ГК РФ как единого недвижимого комплекса. В данном случае в земельном законодательстве до сих пор существует пробел в определении момента установления ЗОУИТ в отношении линейных объектов, не требующих получения разрешения на их строительство, который может быть устранен, по нашему мнению, путем определения данного момента через направления в уполномоченные органы уведомления о начале строительства линейного объекта.

КОММЕРЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КАК ФОРМА ДОГОВОРНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Кокшаров Александр Юрьевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попович Марина Михайловна,
доцент кафедры частно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент.

Введение санкций и уход зарубежного бизнеса из России дало мощный толчок для активного развития национального предпринимательства. Ежегодный рост производства, внутреннего валового продукта создает пространство для развития в стране самостоятельной хозяйственной деятельности новыми субъектами правоотношений.

Для более эффективного ведения предпринимательской деятельности создаются различие механизмы и правовые конструкции, упрощающие ведение дел, заключение сделок, контроль поставок продукции и производства. Именно такой конструкцией и является коммерческое представительство, призванное обеспечить представление интересов субъекта предпринимательской деятельности в рамках отношений с другими лицами.

Легальное определение коммерческого представительства в действующем гражданском законодательстве – отсутствует.

С течением времени понимание представительства не изменилось. Представитель отечественной цивилистики дореволюционного периода профессор Г.Ф. Шершневич писал, что в понятие представительства входит прежде всего совершение одним лицом в интересе другого юридических сделок[1]. М.В. Гришина под коммерческим представительством определяет разновидность представительства общегражданского. Отсюда следует схожая правовая природа рассматриваемых правоотношений. Вместе с тем, наличествуют некоторые отличия, присутствие которых позволяет вычленить коммерческое представительство как особую разновидность общегражданского представительства. Отличия коммерческого представительства от общегражданского заключаются в субъектном составе, характере полномочий представителя и объеме прав и обязанностей представляемого и представителя, а также в характере совершаемых коммерческим представителем сделок[2].

М.Д. Овраченко определял коммерческое представительство как «правоотношение, согласно которому одно лицо (коммерческий представитель) в интересах и от имени другого лица (представляемого) самостоятельно, добросовестно и постоянно управляет полномочиями представляемого, чем напрямую создает, изменяет или прекращает для него обязанности и права при заключении договоров и прочих сделок в области предпринимательства»[3].

---

[1] *Шершеневич Г.Ф*. Учебник торгового права (по изданию 1914 года) / Г.Ф. Шершеневич // М.: Спарк, 1994. - С. 33. – Текст: непосредственный.

[2] *Гришина М.В*. К вопросу о понятии и основаниях возникновения коммерческого представительства / М.В. Гришина // Наука и практика. - 2014. - № 3 (60). - С. 167. - Текст: непосредственный.

[3] *Овчаренко М.Д.* Общественные отношения коммерческого представительства и их отражение в российском гражданском праве / М.Д. Овчаренко // Право и государство: теория и практика. - 2013. - № 10 (106). - С. 63. - Текст: непосредственный.

Филиппов К. указывает, что коммерческое представительство как особый вид профессиональной предпринимательской деятельности, основан на постоянной и самостоятельной деятельности по представительству предпринимателей при заключении ими договоров в сфере предпринимательской деятельности[1].

На наш взгляд коммерческое представительство — это правоотношение, основанное на самостоятельной и независимой от представляемого деятельности, которая является для представителя профессиональной и основной.

Коммерческое представительство можно понимать также и в объективном смысле, как структурный элемент института представительства в гражданском праве, представляющий из себя совокупность правовых норм, регулирующих правоотношение по представлению интересов предпринимателей.

Основание возникновения отношений по коммерческому представительству является договор коммерческого представительства, заключаемый между предпринимателем (доверителем) и его представителем, под которым следует понимать соглашение, в соответствии с которым лицо, именуемое коммерческим представителем, постоянно и самостоятельно представительствует от имени предпринимателей при заключении ими договоров в сфере предпринимательской деятельности[2].

Договор коммерческого представительства заключают в случаях, когда предприниматель не имеет возможности самостоятельно реализовывать свои права, исполнять обязанности, совершать сделки. В этом случае возникает потребность в представителе, который бы действовал от имени и за счет доверителя, представляя его перед другими участниками гражданско-правовых отношений и создавая для него юридические последствия.

По своей правовой природе договор коммерческого представительства является двухсторонним, возмездным и консенсуальным договором.

В данном случае принимается именно коммерческое представительство, а не простое представительство в связи с особой природой тех прав и обязанностей доверителя, которые будут реализовываться представителем. Во многом это обосновано тем, что участие в предпринимательских отношениях требует особых знаний, опыта и компетенции.

Кроме того, коммерческие представители имеют более узкие знания в определенной сфере например – технической или имеют постоянное место жительства и работы в отдаленном регионе от места постоянной деятельности предпринимателя.

На основании вышеизложенного можно определить следующие признаки коммерческого представительства:

1) Оно является подвидом договорного представительства.
2) Действует на основе гражданско-правового договора.
3) Предполагает совершение определенных действий в интересах доверителя.
4) Существует исключительно в сфере предпринимательских отношений, в связи с чем обязательным признаком доверителя является наличие факта занятия предпринимательской деятельностью, а к характерным чертам представителя относится наличие специальных знаний в экономической, правовой или технической сферах.

Правовое регулирование договора коммерческого представительства закреплено в статье 184 Гражданского кодекса РФ, в соответствии с которой: «Коммерческим представителем является лицо, постоянно и самостоятельно представительствующее от имени предпринимателей при заключении ими договоров в сфере предпринимательской

---

[1] *Филлипов К.* Особенности коммерческого представительства: теория и практика. - URL: https://zakon.ru/blog/2021/03/31/osobennosti_kommercheskogo_predstavitelstva_teoriya_i_praktika (дата обращения: 18.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Згонников А.П.* Юридическая природа, содержание и определение понятия договора коммерческого представительства / А.П. Згонников // Вестник ВГУ. Серия: Право. - 2007. - №1. - С.92. – Текст: непосредственный.

деятельности. Одновременное коммерческое представительство разных сторон в сделке допускается с согласия этих сторон, а также в других случаях, предусмотренных законом. Если коммерческий представитель действует на организованных торгах, предполагается, поскольку не доказано иное, что представляемый согласен на одновременное представительство таким представителем другой стороны или других сторон. Особенности коммерческого представительства в отдельных сферах предпринимательской деятельности устанавливаются законом и иными правовыми актами».

По правовой природе коммерческое представительство представляет собой организационный договор, по условиям которого доверитель и коммерческий представитель договариваются об основных принципах их внутренних взаимоотношений, объеме функций, осуществляемых представителем в интересах доверителя, порядке исчисления и уплаты его вознаграждения, иных условиях в зависимости от вида представительства.

В доктрине выделяется отдельный вид коммерческого представительства – трансграничное коммерческое представительство. Как отмечала Н.В. Власова «Доктринальные подходы к коллизионному регулированию трансграничного коммерческого представительства предполагали определение такого вида представительства как отношения между представителем и представляемым, возникающие на основе заключенного ими договора о представительства, как правило, подчиняются в национальном праве различных государств общим нормам о праве, подлежащем применению к договорам (договорный статут). В свою очередь особый интерес с позиций международного частного права представляют коллизионные привязки для внешних отношений представительства, в статут которых включаются обычно наличие и объем полномочий представителя, последствия осуществления им своих полномочий, превышения их или действий без полномочий»[1].

Международно-правовое регулирование вопроса коммерческого представительства исходит из Конвенции о представительстве при международной купле-продаже товаров[2].

Положения данной конвенции применяются к отношениям представительства в том случае, если коммерческие предприятия представляемого и третьего лица находятся в разных государствах, при этом коммерческое предприятие представителя должно находиться в договаривающемся государстве либо право договаривающегося государства должно быть определено как подлежащее применению согласно нормам международного частного права.

Если сторона не имеет коммерческого предприятия, учитывается ее место жительства. Конвенция применяется и в случаях, когда отношения купли-продажи не имеют международного характера в смысле ст. 1 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., если таким характером обладают отношения представительства.

Модельные правила европейского частного права[3] - подробно регулирует внешние и внутренние отношения представительства, включая общие положения о нем (где специально не выделяется коммерческое представительство, регламентируется как добровольное, так и законное представительство), а также нормы, посвященные отдельным видам договоров о представительстве (договору поручения, положения о котором в основном ориентированы на регулирование общегражданского

---

[1] *Власова Н.В.* Основные подходы к коллизионному регулированию отношений добровольного представительства за рубежом / Н.В. Власова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2022. - № 3. – С. 73. – Текст: непосредственный.

[2] «Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров" (Заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, № 14, 1994 год.

[3] См. Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н.Ю. Рассказова // М.: Статут, 2013. - 989 с. – Текст: непосредственный.

представительства, а также договорам коммерческой направленности: коммерческому агентскому договору, договору франчайзинга, дистрибьюторскому договору).

По мнению Шестаковой М.П.: «Современная практика заключения трансграничных коммерческих договоров демонстрирует заметное единодушие в обращении к результатам негосударственной унификации правил международной торговли - актам мягкого права, или неформальным источникам регулирования внешнеэкономических отношений»[1].

Коммерческое представительство не следует смешивать с профессиональным возмездным представительством, осуществляемым адвокатами, патентными поверенными и т.п., поскольку представителем в суде или в патентном ведомстве может быть и обычный гражданин, не относящийся к названным категориям профессиональных представителей.

Например, коммерческим представителем в силу прямого указания закона является брокер (профессиональный участник рынка ценных бумаг), осуществляющий деятельность по совершению гражданско-правовых сделок с ценными бумагами на основании возмездных договоров с клиентом (п. п. 1, 2.1 ст. 3 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О рынке ценных бумаг»).

На наш взгляд необходимо различать понятия «коммерческое представительство» и «представительство в коммерческих отношениях». Последнее понятие более широкое, оно включает в себя как коммерческое представительство, так и иные случаи представительства в коммерческих отношениях (в частности, представительство предпринимателя, осуществляемое его работниками).

[1] *Шестакова М.П.* О неформальных источниках регулирования внешнеэкономических отношений / М.П. Шестакова // Международное публичное и частное право. - 2019. - № 6. - С. 31 - 35. – Текст: непосредственный.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ СТРАХОВЫМИ КОМПАНИЯМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ДОГОВОРУ КАСКО: СТАГНАЦИЯ СТРАХОВОГО ДЕЛА

Комарова Ева Андреевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Баскова Анна Валерьевна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

В связи с принятием 27 ноября 1992 года Закона Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации», стало возможным нормативное регулирование страховой сферы. В статье 3 закона закреплялась обязательная и добровольная формы страхования. Принятие второй части Гражданского кодекса Российской Федерации 26 января 1996 года (статья 927 «Добровольное и обязательное страхование») способствовало расширению условий для правоприменительной практики разных форм страхования.

Одним из главных видов в России стало страхование транспортных средств. Оно покрывает многочисленные финансовые риски при попадании в дорожно-транспортные происшествия, число которых на момент 2024 года по всей России составило 132 037 случаев, а в среднем ежемесячно фиксировалось 11 003 происшествия[1]. Данная тенденция обуславливает развитие Российского автострахования. Появилось две его категории: обязательное страхование автогражданской ответственности (ОСАГО) и комплексное автомобильное страхование, кроме ответственности, так называемое, добровольное (КАСКО)[2].

КАСКО-страхование покрывает: повреждения, утрату, уничтожение транспортного средства и его частей, закрепленных на нем или хранящихся внутри, а также предметов, перечисленных в правилах страхования в специальном списке. В рамках КАСКО-страхования страховщики предлагают два варианта: неполное и полное КАСКО. Данные виды страхования автомобиля различаются объемом страховых случаев. Этот объем может быть свободно согласован со страховщиком и различается в разных страховых компаниях. Важной особенностью данного вида страхования является то, что какой бы не была причина повреждения транспортного средства, независимо от того, кто его виновник, возмещение будет выплачено выгодоприобретателю (страхователю, если они выступают в одном лице).

Рассматривая особенности КАСКО-страхования, стоит отметить, что в любом виде страхования его объектом является имущественный интерес страхователя, без которого сами по себе страховые отношения не возникают. В страховании КАСКО таким объектом является имущественный интерес страхователя или выгодоприобретателя, связанный с повреждением либо утратой автомобиля либо дополнительного оборудования[3].

---

[1] Показатели состояния безопасности дорожного движения. – URL: http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 15.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Алексеева О.В.* КАСКО как форма добровольного страхования транспортных средств / О.В. Алексеева, Л.В. Алексеева // Молодёжный форум: актуальные вопросы современной науки: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 23 февраля 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 26. – Текст: непосредственный.

[3] *Адаксин А.Д.* Особенности каско-страхования / А.Д. Адаксин // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: Сборник материалов XX Международной научно-практической

Возникновение правовых проблем в регулировании отношений по добровольному страхованию имущества способствует формированию единообразной судебной практики, которая в аспекте признания физических лиц слабой стороной данных правоотношений встает на защиту потребителей, все чаще обнаруживая в действиях страховых компаний по урегулированию страхового случая ненадлежащее исполнение или неисполнение обязательств по договору КАСКО, что в результате разрешения судебного спора приводит к возложению на профессионального участника рынка страховых услуг бремени возмещения убытков и штрафных санкций. Это же подтверждается применением к случаям добровольного страхования имущества для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, Закона Российской Федерации от 07 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей».

Как следует из судебной практики относительно споров между страхователями и страховыми компаниями, последние стабильно нарушают права граждан, не исполняя свои обязательства по договорам добровольного страхования имущества или исполняя их с нарушением срока, установленного Правилами страхования конкретного страховщика, что подтверждается статистическими данными за 2024 год, согласно которым в Российской Федерации суды общей юрисдикции в порядке рассмотрения гражданских дел по правилам производства в суде первой инстанции вынесли решения по 5514 спорам, из которых полностью удовлетворено 3871 исковое заявление, 1236 - частичное удовлетворение основного требования[1].

Вопросы неисполнения страховщиками обязательств по договорам добровольного страхования имущества граждан, а точнее транспортных средств, сводятся к отказу в удовлетворении требований страхователей об осуществлении страхового возмещения, нарушению срока его исполнения по обстоятельствам, не зависящим от самого потерпевшего или виновника в дорожно-транспортном происшествии.

Исходя из имеющихся случаев возникновения спора между сторонами, заключившими договор КАСКО, стоит отметить, например, нарушение установленного Правилами страхования срока выдачи направления на ремонт транспортного средств. При условии, что именно правилами страхования установлен порядок и сроки рассмотрения заявлений об урегулировании страхового случая страхователей, которые часто определены в пределах 20-45 рабочих дней с даты получения страховыми компаниями полного пакета документов, подтверждающих факт повреждения имущества и его принадлежность конкретному лицу, страховщики, ссылаясь на несвоевременное предоставление потерпевшим автомашины на станцию технического обслуживания, уходят от исполнения требований граждан, заявленных в претензионном порядке, об организации восстановительного ремонта, возмещении убытков или осуществлении доплаты страхового возмещения.

Анализируя практику судебной коллегии по гражданским делам Вологодского областного суда, рассматривающей споры о возмещении ущерба, в том числе по ОСАГО и КАСКО, в качестве суда апелляционной инстанции, необходимо отметить тенденцию страховых компаний на подачу апелляционных жалоб - в их обоснование входит ссылка на «недобросовестное поведение страхователей», подтверждение которой не обнаруживается как в определениях суда второй, так и последующих инстанций.

Часто страхователи не могут исполнить требование страховщика по предоставлению своего транспортного средства на станцию технического обслуживания в связи с тем, что юридическим лицом, каковым является страховая компания, предложен

конференции, Москва, 21 апреля 2023 года. – Москва: Печатный цех, 2023. – С. 243. – Текст: непосредственный.

[1] Сводные статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2024 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: https://cdep.ru/ (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

дилер, имеющий возможность осуществить восстановительный ремонта поврежденного автомобиля, но являющийся неофициальным, не предусмотренным в перечне дилеров, указанных в гарантийном талоне[1]; страховщик, согласовывая заказ-наряд на ремонт автомашины, не учитывает скрытые повреждения, которые сотрудниками Госавтоинспекции зафиксированы в административных документах при оформлении факта дорожно-транспортного происшествия[2]; страховая компания продолжительный период времени не осуществляет осмотр транспортного средства или выдает направление на ремонт при наличии факта полной гибели автомобиля[3]. Данные обстоятельства являются следствием нарушения прав страхователей на надлежащее урегулирование страхового случая по договору добровольного страхования имущества граждан.

Стоит также отметить, что в отношениях, возникающих в связи с заключением договора КАСКО, так и ОСАГО, страховщики в одностороннем порядке изменяют форму страхового возмещения с натуральной (организация и/или оплата восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания страховщика или станции, предложенной страхователем) на денежную (выплата денежных средств в размере, определенном договором страхования: по расчету, установленному в Правилах страхования, или в соответствии с установленной экспертным заключением стоимостью восстановительного ремонта автомобиля по Единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утвержденной Положением Банка России от 04 марта 2021 года № 755-П[4]).

Ключевой проблемой в разрешении спорных ситуаций, возникающих между страхователем и страховщиком, является неверное толкование страховыми компаниями, которые часто выступают в качестве подателей апелляционных и кассационных жалоб, норм материального права. Так, например, страховая компания, находя свой отказ в организации восстановительного ремонта автомобиля, которая является формой страхового возмещения по договору добровольного страхования имущества, приводит положения пункта 1 статьи 929 Гражданского кодекса Российской Федерации которой предусмотрено, что по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы).

Однако страховые компании намеренно упускают положения пункта 4 статьи 10 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 года № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», согласно которым условиями страхования имущества и (или) гражданской ответственности в пределах страховой суммы может предусматриваться замена страховой выплаты предоставлением имущества, аналогичного

---

[1] Определение судебной коллегии по гражданским делам Вологодского областного суда от 05 марта 2025 года № 33-1131/2025 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Определение судебной коллегии по гражданским делам Вологодского областного суда от 27 ноября 2024 года № 33-5887/2024 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Определение судебной коллегии по гражданским делам Вологодского областного суда от 27 ноября 2024 года № 33-5886/2024 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2020 года № 18-КГ19-180 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

утраченному имуществу, а в случае повреждения имущества, не повлекшего его утраты, - организацией и (или) оплатой страховщиком в счет страхового возмещения ремонта поврежденного имущества.

Таким образом, ненадлежащее исполнение страховщиком обязанности по организации восстановительного ремонта автомобиля страхователя на станции технического обслуживания приводит к нарушению его прав, что является следствием возникновения убытков[1].

Также при урегулировании страхового случая не редко возникают ситуации, при которых страховые компании отказываются осуществлять страховые выплаты в размерах, определенных договором КАСКО, основываясь на том, что, например, при порче имущества вследствие пожара и проведении по данному факту проверки по материалам КУСП, дознавателями назначаются экспертизы для определения размера ущерба, в том числе стоимости самого имущества до его повреждения. Значительная разница в суммах в договоре и экспертном исследовании побуждает страховые компании осуществлять страховое возмещение, основываясь на заключении эксперта, а не на согласованных сторонами суммах.

Решение подобных споров находит свое выражение в положениях статьи 948 Гражданского кодекса Российской Федерации, из которой следует, что риск несоответствия страховой и действительной стоимости имущества на гражданина-потребителя, в отношении которого страховщик не доказал факт умышленного введения страховщика в заблуждение относительно стоимости имущества, являются недействительными.

Действующие нормы Гражданского кодекса Российской Федерации указывают на то, что проверка наличия и характера страхуемого интереса при заключении договора проводится по инициативе страховщика. Несовершение страховщиком этих действий впоследствии лишает его возможности ссылаться на несоответствие установленной в договоре страховой суммы действительной (рыночной) стоимости объекта страхования. После заключения договора страхования основанием оспаривания страховой стоимости имущества может служить только введение страховщика в заблуждение относительно действительной стоимости имущества[2].

Учитывая позицию судов относительно оценки поведения страховых компаний как нарушающего законные права страхователей, продолжительность неизменности судебной практики, а также количество удовлетворенных исковых заявлений физических лиц, выступающих стороной в договорных отношениях по добровольному страхованию транспортных средств, можно отметить стагнацию страхового дела, которая выражается в стабильном совершении страховщиками однообразных действий, которые к положительному результату не приводят.

Взыскание в пользу потерпевших от незаконных действий страховых компаний доплаты страхового возмещения, убытков, штрафов, процентов за пользование чужими денежными средствами в соответствии со статьей 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, компенсации морального вреда направлено на усмирение действий страховщиков в части неисполнения обязательств по договорам, но количество исковых заявлений и основания обращения граждан за судебной защитой подтверждают факт неизменности позиции страховых компаний, рассчитывающих на узаконивание их неправомерного поведения.

---

[1] Определение судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19 февраля 2025 года № 88-4528/2025 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Определение судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25 марта 2024 года № 88-7304/2024 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что решением сложившейся проблемы могут являться только действия со стороны страховых компаний по изучению судебных актов и уменьшению количества возникновения споров, являющихся в большей части однотипными: иски страхователи мотивируют неисполнением страховщиками обязательств по договорам КАСКО, а страховщики жалобы обосновывают злоупотреблением страхователями своими правами.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ОСАГО В РОССИИ

Лобырева Дарья Алексеевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Баскова Анна Валерьевна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина(МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

В современном правовом поле России обязательное страхование автогражданской ответственности занимает особое место, поскольку направлено на защиту прав и законных интересов потерпевших в дорожно-транспортных происшествиях (далее – ДТП), а также является важной частью финансового обеспечения владельцев транспортных средств. Данный институт выполняет важнейшую социальную функцию, позволяя обеспечить своевременное и гарантированное возмещение вреда, причинённого как жизни и здоровью граждан, так и их имуществу.

В последние годы обязательное страхование автогражданской ответственности находилось и находится в процессе цифровой трансформации. Одним из ключевых процессов, способствующих указанным изменениям, является цифровизация. Так, под цифровизацией ОСАГО следует понимать внедрение и дальнейшее использование цифровых технологий для трансформации существующих процессов в рамках меняющейся законодательной базы обязательного страхования автогражданской ответственности.

Среди наиболее значимых цифровых преобразований за последние годы в области обязательного страхования автогражданской ответственности следует выделить: е-ОСАГО, внедрение технологий искусственного интеллекта в страховых операциях по ОСАГО, дистанционное урегулирование убытков, цифровые продукты автострахования, использование усовершенствованных бизнес-моделей автостраховщиков применительно к цифровой экономике, клиентоориентированный подход к потребителям услуг по автострахованию.

Согласно основным направлениям Банка России по развитию финансового рынка, процессы цифровизации демонстрируют положительную эффективность в первую очередь именно в сегменте обязательного страхования автогражданской ответственности. Банк обосновывает такое мнение тем, что обязательное страхование автогражданской ответственности является наиболее массовым, а бизнес-процессы в нем – детально определены страховым законодательством и нормативными актами.

Генезис цифровизации обязательного страхования автогражданской ответственности в России хронологически следует отсчитывать с 1 июля 2015 года, когда на основании Федерального закона от 21.07.2014 N 223-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О внесении изменений в Федеральный закон[1] «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»[2] и отдельные законодательные акты

[1] Федеральный закон от 21.07.2014 № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 17.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Справочная правовая система

Российской Федерации» (далее – Закон N 40-ФЗ) в статью 15 указанного закона был введен п. 7.2, предусматривающий право страховщика на оформление полиса ОСАГО не только в бумажном виде, но и в электронном.

Новый электронный полис, полностью заменяющий бумажный, стали называть е-ОСАГО. И как сообщал президент Всероссийского союза страховщиков (РСА) Игорь Юргенс[1], в тот период многие страховые компании уже с 15 июня 2015 года приступали к тестированию системы продаж электронных полисов. Юргенс пояснял, что страховые компании сами решали, какую долю тиража полисов в пределах положенной квоты они будут получать в бумажной форме, а какую отведут под е-ОСАГО. На третий квартал 2015 года доля электронных полисов в общем объеме разрешенной квоты составляла около 10%. Указанные статистические данные позволяют сделать вывод о том, что изначально не все страховщики подключились к системе электронных полисов.

Однако знаковым этапом цифровой трансформации ОСАГО в России стало нормативное закрепление уже обязанности (а не права) страховых организаций обеспечивать возможность заключения договоров ОСАГО в электронной форме, реализованное с 1 января 2017 года. Так, указанные полисы должны были оформлять все страховщики, которые имеют лицензию на обязательное страхование автогражданской ответственности. Реестр страховых компаний, предоставляющих подобные услуги, был представлен на сайте Российского союза автостраховщиков (РСА). Таким образом, полисы в электронном виде имели юридическую силу без бумажного дублирования, легко взаимодействовали с базами ГИБДД, имели полностью дистанционное оформление.

Значимым направлением цифровой трансформации ОСАГО в России также стала разработка мобильных приложений на должном уровне, позволяющих получать актуальную информацию по полису ОСАГО, персонализированные уведомления, онлайн-консультации и полный цикл дистанционного обслуживания. При этом, функционал мобильных приложений эволюционировал от простого информирования к комплексному сопровождению при наступлении страховых случаев. Например, в автостраховании такие цифровые изменения больше всего прослеживаются в рамках оформления европротокола через сервис «Помощник ОСАГО», запущенный РСА. Данное приложение позволяет полностью автоматизировать процесс электронного оформления извещения о ДТП и фотофиксации повреждений.

Такое цифровое направление в автостраховании, как индивидуализация, характеризуется развитием индивидуальных страховых продуктов с помощью применения цифровых технологий. Исходя из этого, страховые организации могут предлагать каждому клиенту индивидуальный тариф, учитывая специфику страхуемого объекта. Например, в 2022 г. Банк России расширил тарифный коридор по страхованию ОСАГО для физических лиц на 10%[2]. В таком случае страхователи смогли платить более низкую стоимость полиса ОСАГО за аккуратную езду, а страхователи рассчитывать индивидуальный тариф для каждого.

При этом, с развитием цифровых технологий и аккумулированием больших объемов данных стало возможным использование большего числа факторов для оценки рисков. **Следовательно, возникла необходимость системного выявления причинно-следственных факторов, непосредственно** влияющих на возникновение страхового случая. Например, считается, что риск ДТП увеличивается с увеличением мощности

«КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 17.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[1] Электронные полисы ОСАГО: готовность номер один. – URL: https://www.garant.ru/news/633708/ (дата обращения: 17.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Указание Банка России от 08.12.2021 № 6007-У (ред. от 22.11.2024) «О страховых тарифах по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.12.2021 N 66609) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.04.2025) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

транспортного средства. Исходя из этой логики, максимальному риску ДТП подтверждены грузовые автомобили. По данным официальной статистики Госавтоинспекции[1], в 2018 г. всего в России было зафиксировано 168 тыс. ДТП, но произошедших по вине водителей грузовиков было 10,9 тыс.

В 2023 году Банком России совместно с Правительством Российской Федерации, а также при активном участии участников рынка автострахования, были реализованы меры в рамках законодательной базы обязательного страхования автогражданской ответственности, направленные на её адаптацию в условиях цифровизации. Среди ключевых направлений процесса цифровизации обязательного страхования автогражданской ответственности стоит выделить возможность удаленного урегулирования убытков по ОСАГО, включая: подачу заявления о страховом случае по договору ОСАГО через онлайн-платформы, дистанционную оценку ущерба с использованием фото- и видеоматериалов ДТП, автоматизированное принятие решений о страховых выплатах.

Банк России на регулярной основе утверждает основные направления по развитию финансового рынка на ближайшие годы. Так, например, в целях развития процесса цифровизации автострахования в 2024 году[2] началась передача данных по обязательному и добровольному автострахованию. В дальнейшем проводилась работа над выстраиванием и систематизацией механизмов контроля за полнотой и качеством данных в АИС автострахования с использованием всех имеющихся механизмов. А в 2025 году[3] выстроены направления по созданию нормативной и технологической базы для обеспечения функционирования централизованной системы сбора, анализа и хранения информации с прямым участием Банка России (АИС автострахования): установлены требования к передаваемым в нее данным, к защищенности системы.

Для оценки уровня цифровизации ОСАГО в России Всероссийским союзом страховщиков (ВСС) совместно с аналитическим агентством AC&M Consulting был разработан Индекс цифрового застрахованного (далее – ИЦЗ)[4]. Анализ структуры ИЦЗ предполагает его разделение на 3 основные категории[5]: 1) Digital Prence (цифровое присутствие); 2) Digital Practice (цифровая практика); 3) Digital Perception (цифровое восприятие). Первая категория включает в себя оценку интенсивности взаимодействия страховых компаний и клиентов в цифровых каналах продаж и обслуживания. Вторая – оценка возможностей онлайн-взаимодействия (покупка полисов ОСАГО, урегулирование страховых случаев по ОСАГО). Третья – оценка субъективного восприятия потребителями опыта взаимодействия с цифровыми сервисами (опросы населения).

Максимальное значение ИЦЗ составляет 100%, при этом в России он равен лишь 43%, что указывает на большой потенциал развития страховой отрасли в условиях цифровизации. Данный индекс рассчитывается регулярно, а результаты его исследования позволяют автостраховщикам оценить их уровень цифровизации в динамике и выстраивать стратегию цифровой трансформации. Среди страховых организаций можно выделить группу лидеров с показателями ИЦЗ на уровне 55–75% (РЕСО-гарантия,

---

[1] Онлайн-версия газеты «Известия». – URL: http://www.fcp-pbdd.ru/propaganda/projects/detail.php?ID=48823/ (дата обращения: 18.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов» (разработаны Банком России) // Вестник Банка России. 2024. № 5.

[3] «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2025 год и период 2026 и 2027 годов» (разработаны Банком России) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] Индекс цифрового застрахованного во втором полугодии 2020 года вырос до 44 процентов. Страхование сегодня. – URL: https://www.insur-info.ru/pressr/76951/ (дата обращения: 18.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[5] *Адамчук Н.Г.* Страхование в условиях цифровой экономики: наука, практика, образование: монография / под ред. Л.А. Орналюк-Мелицкой, А.А. Цыганова // Москва: ЦИФРА-М, 2023. – С. 96. – Текст: непосредственный.

АльфаСтрахование, Росгосстрах), что демонстрирует опережающие темпы цифровизации услуг автострахования.

Несмотря на заметные успехи цифровизации ОСАГО в России в течение последних лет, на сегодняшний день всё ещё существуют критические факторы, которые замедляют процесс цифровой трансформации обязательного страхования автогражданской ответственности. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, это – отсутствие услуги по автоматическому обновлению полиса ОСАГО. Подобная технология позволит сократить время страхователя на пролонгацию договора, поскольку новый договор ОСАГО должен быть заключен после дня истечения старого. В таком случае исключается возможность управления транспортным средством без полиса ОСАГО. Важно учесть, что функция автоматического продления должна быть прописана в договоре, в ином случае – страховщик не может самостоятельно продлить договор без согласия страхователя.

Во-вторых, это – недостаточное развитие P2P-страхования. Указанная технология позволила бы единомышленникам с общими страховыми интересами объединять капитал, создавая при этом ощущение доверия и контроля с возможностью перераспределения капитала в конце страхового периода. Так, например, американская платформа Lemonade уже сейчас позволяет объединять свои страховые взносы, тем самым снижая расходы.

В-третьих, это – наличие только частичной реализации страхового продукта в сфере онлайн-урегулирования по договору ОСАГО. Реализация же полной цифровизации в указанной сфере возможна только при полном онлайн цикле взаимодействия – от покупки полиса до осуществления выплат, расторжения полиса и возврата страховой премии. В настоящее время урегулирование убытков по полису ОСАГО характеризуется трудоемким процессом, который требует значительных временных и финансовых затрат, средств, психологической готовности страхователя-потерпевшего к организационным преградам. Согласно аналитическим данным[1], **переход на онлайн-урегулирование убытков позволяет ежегодно экономить до 28,8 млн рабочих часов владельцев транспортных средств, пострадавших в ДТП, что в денежном выражении эквивалентно 7,74 млрд рублей.**

О неполной реализации процесса цифровизации в сфере онлайн-урегулирования убытков по ОСАГО свидетельствует и сохраняющаяся традиционная модель взаимодействия между страховщиками и клиентами. Так, страховые организации предпочитают использовать традиционную схему продвижения продуктов через живое общение с клиентами посредством звонков и редко применяют мессенджеры для общения с клиентами. Однако цифровой мир требует совершенно иных подходов от страховых организаций, чтобы они могли оставаться на рынке автострахования и занимать лидирующие позиции.

Представители диалоговой платформы TWIN провели исследование[2] каналов коммуникаций, которыми пользуется девять российских страховых компаний. Проведенный анализ платформ, предлагающих услугу оформления е-ОСАГО, показал, что около 90% страховых компаний предоставляет клиенту возможность самостоятельно связаться со страховым сервисом по телефону колл-центра, при этом только 67% компаний используют номер «8-800», который позволяет клиенту бесплатно связаться с сотрудником компании. Все девять исследуемых компаний имеют функцию голосового меню (IVR), ускоряющую маршрутизацию звонков в колл-центре.

---

[1] Эксперты: онлайн-урегулирование убытков в ОСАГО сэкономит до 7,74 млрд рублей в год. - URL: https://finance.rambler.ru/business/39065458-eksperty-onlayn-uregulirovanie-ubytkov-v-osago-sekonomit-do-7-74-mlrd-rubley-v-god/ (дата обращения: 18.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Исследование TWIN: самые распространенные каналы коммуникаций в российских страховых компаниях // CRN/RE. – URL: https://www.novostiitkanala.ru/ (дата обращения: 18.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Что касается социальных сетей, так только 45% страховых компаний обрабатывает запросы клиентов во «ВКонтакте», а 22% – «Одноклассники». Социальные сети обладают большим потенциалом с точки зрения привлечения новых автострахователей, позволяют повысить узнаваемость бренда, прорекламировать продукты страховой организации и т.д. Большинство российских страховых организаций рассматривают социальные сети как инструмент продвижения бренда и расширения клиентской базы компании. Стоит отметить, что самые популярные мессенджеры в нашей стране – WhatsApp и Telegram – не используются страховыми организациями.

В настоящее время для организации коммуникаций в автостраховании с клиентами важную роль играют чат-боты. Чат-боты применяются для обработки заявок клиентов по страховым случаям с целью сокращения затрат времени клиента на дорогу в страховую организацию и на оформление документов. Чат-боты дают возможность сделать многие процессы более стандартизированными, а увеличение скорости принятия заявок значительно влияет на улучшение репутации страховой организации. Удобство применения чат-ботов заключается в том, что они могут взаимодействовать с клиентом 24/7, быстро давать ответы клиенту на часто задаваемые вопросы, получать обратную связь от клиента о качестве полученных страховых услуг, направлять информацию о новых продуктах автострахования, акциях и оказывать консультационную поддержку клиента (заказ услуги буксировки, построение маршрута к ближайшему отделению страховой организации и др.). Клиенты страховых организаций с помощью ботов могут рассчитать стоимость договора ОСАГО или оформить полис. Преимущества чат-бота в том, что он может одновременно выполнять большое количество операций и обрабатывать поступившие запросы, при этом затраты страховой компании значительно ниже затрат на содержание операторского центра.

Кроме того, на неполную реализацию процесса цифровизации в сфере онлайн-урегулирования убытков по ОСАГО указывает и отсутствие телематических устройств[1]. Телематика стала применяться в страховании около 20 лет назад в Италии[2]. Европейские страховые компании используют телематику для урегулирования страховых случаев (фиксация факта и обстоятельств ДТП и др.). В России в связи с низким уровнем количества автомобилей, оснащенных телематическими устройствами, высокой стоимостью блоков телематики и нежеланием как клиентов, так и страховщиков взять на себя расходы на их установку телематическое страхование не получило должного распространения.

В-четвертых – это большая вероятность подверженности внешним рискам, среди которых наиболее опасные – риски мошенничества. Убытки от них оцениваются в 2–10% от собираемых страховщиками премий. В структуре мошеннических выплат основная доля принадлежит ОСАГО – 87%. Далее идет каско – 8%.

Согласно ст. 32 Закона N 40-ФЗ водителю транспортного средства достаточно иметь при себе распечатанный бланк полиса страхования, купленный посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет через специальную систему, разработанную РСА. Этим умело пользуются мошенники, создавая сайты-двойники известных страховых компаний (Росгосстрах, РЕСО-гарантия, ВСК и др.). Суть преступной схемы заключается в регистрации домена (адреса сайта), максимально соответствующего официальному адресу страховой компании. Это происходит посредством добавления или удаления букв, цифр или знаков в названии сайта. Затем происходит копирование внутренней структуры «оболочки» официального сайта

---

[1] ***Телематика в автостраховании*** *– это технология сбора и анализа данных о поведении водителя и параметрах движения транспортного средства с помощью телематических устройств (GPS-трекеров, OBD-датчиков, мобильных приложений) для персонализации страховых тарифов и управления рисками.*

[2] Телематика в стратегической перспективе и в актуальных страховых проектах // Страхование сегодня. – URL: https://www.insur-info.ru/interviews/1215/ (дата обращения: 18.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

страховщика с последующим размещением информации на вновь зарегистрированном домене. В результате этого происходит создание сайта-двойника, очень схожего по дизайну или полностью дублирующего оригинальный сайт страховой организации. Внедрение же IT-технологий, направленных на снижение мошеннических выплат, позволит страховым организациям получить значительный стоимостной эффект.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что переход на цифровизацию ОСАГО выявил ряд проблем: неготовность части населения к использованию онлайн-сервисов, киберриски, а также необходимость дальнейшего совершенствования законодательной базы. Текущий уровень цифровизации ОСАГО в России страховые организации используют в недостаточном объеме, а реализуемые ими меры – не в полной мере эффективны, поскольку технологический потенциал задействован лишь частично. Несмотря на это, цифровизация ОСАГО в целом оценивается положительно, так как способствует снижению расходов организаций во многих аспектах их деятельности (особенно постоянных расходов), повышению конкуренции среди организаций по автострахованию и улучшению качества обслуживания.

В данном контексте будет уместно процитировать Президента ВСС Юргенса И.Ю., который отмечает, что «цифровая трансформация страхования в России – неизбежный процесс, который в ближайшие годы станет основным драйвером отрасли. Страховщики, предлагающие качественный цифровой клиентский опыт, постепенно будут становиться компаниями первого выбора и укреплять лидерство».

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Лустова Анна Станиславовна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научной руководитель:
Кирсанов Константин Александрович,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

В российской правовой системе в настоящее время отсутствует легальное закрепление термина договора оказания платных медицинских услуг как отдельного вида договора. Кроме того, как верно отмечается в научной литературе, нет единообразного понимания в определении самого названия договора, поскольку в терминологии можно заметить различный разброс - «договор о медицинских услугах», «договор оказания медицинских услуг», «договор об оказании платных медицинских услуг»[1].

Следовательно, к регулированию данного «непоименованного» договора применяется Гражданский кодекс Российской Федерации (далее - ГК РФ), с опорой на главу 39, Закон РФ от 7 февраля 1992 г. N 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее - Закон РФ N 2300-1), Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее - 323-ФЗ). Кроме того, необходимо учитывать нормативные положения Правительства РФ об утверждении правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, приказы Минздрава, стандарты и порядки оказания медицинской помощи, клинические рекомендации. Таким образом, спектр нормативно-правовой базы по данным правоотношениям достаточно широк и требует глубокой теоретической и практической проработки и осмысления.

В зарубежном законодательстве, в отличие от российского, договорные отношения медицинской организации и пациента прямо регулируются отдельными разделами актов. Например, в Германском гражданском уложении (раздел 8) появилась главы о лечебных обязательствах, где определены: понятие договора о предоставлении лечения, обязанности врача и основания для перераспределения бремени доказывания[2]. Такой подход, бесспорно, минимизирует правовые пробелы и вопросы на практике.

Договор оказания медицинских услуг по своим частноправовым признакам является взаимным, возмездным, консенсуальным, публичным. Однако отдельные его особенности являются предметом споров в теории и практике.

Так, по общему правилу, данный договор является консенсуальным, т.е. признается заключенным с момента согласования сторонами всех существенных условий. Но возникает вопрос: каким будет являться договор, если его предметом также будет передача какого-либо биологического материала? Над данным вопросом рассуждал А.Н. Левушкин, который усматривает в таких договорах признаки реального, так как здесь есть

---

[1] *Старчиков М.Ю.* Договор оказания медицинских услуг: правовая регламентация, рекомендации по составлению, судебная практика и типовые образцы / М. Ю. Старчиков // Москва.: Инфотропик Медиа, 2017. - 280 с. - Текст: электронный // Справочно-правовая система ГАРАНТ. - URL: https://base.garant.ru/77575606/ (дата обращения: 15.09.2025). - Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.

[2] *Кратенко М.В.* Вред при медицинском вмешательстве: проблемы компенсации и предотвращения (сравнительно-правовое исследование) : монография / М. В. Кратенко // Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. — 240 с. — ISBN 978-5-00156-342-6. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2117063 (дата обращения: 15.09.2025). — Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.

обязанность у одной из сторон передать донорский материал[1]. Действительно, согласования только существенных условий в таких видах договоров для признания их незаключенными будет недостаточно, поскольку для возникновения дальнейших прав и обязанностей по договору и его исполнению требуется сама передача биологического материала. С другой стороны, такие случаи передачи биологического материала можно отнести к конклюдентному действию, выражающему волю лица на его использование, т.е. как бы полное и безоговорочное принятие (акцепт) условий Оферты.

Важно отметить, что договор возмездного оказания медицинских услуг является публичным. Исходя из толкования ст. 426 ГК РФ медицинская организация обязана оказать медицинскую услугу каждому, кто к ней обратился и не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим в отношении заключения публичного договора, а цена и другие существенные условия должны быть одинаковыми для всех граждан. В противном случае отказ от заключения договора считается незаконным и порождает право для пациента требовать заключения договора по суду и (или) возмещения убытков[2].

В данном вопросе определяющее мнение в своем Определении высказал Конституционный суд, где обозначил «обязательность заключения публичного договора о предоставлении платных медицинских услуг как ограничение свободы договора для медицинской организации, оказывающей платные услуги, учитывающее существенное фактическое неравенство сторон и особый характер предмета договора (в.т.ч. уникальность многих видов медицинских услуг), направлено на защиту интересов гражданина-пациента как экономически более слабой стороны в этих правоотношениях, обеспечение реализации им конституционного права на медицинскую помощь и охрану здоровья»[3]. Однако на практике нередки случаи, когда медицинская организация вынуждена отказать в той или иной медицинской услуге.

Например, в одном из споров суд отказал в удовлетворении заявленных истцом требований по оказанию ему медицинской помощи с применением ВРТ и привлечением суррогатной матери. В данном случае, несмотря на естественное право на семью, продолжение рода, которое декларировано принципами международного права, медицинская организация и суд опирались на требования 323-ФЗ, Приказ Минздрава о порядке использования ВРТ. Исходя из этого пришли к выводу, что данный метод возможен только при тех обстоятельствах и медицинских показаниях, которые могут возникнуть исключительно у женщины, а у истца таких состояний возникнуть не может[4].

В другом примере суд посчитал также правомерным отказ медицинской организации в оказании услуг в связи с отказом истца предоставить паспорт, опираясь на утвержденные правила предоставления платных медицинских услуг и Приказы Минздрава, которые регламентируют предоставление гражданином паспорта при оказании медицинских услуг по нескольким причинам: ведение медицинской

---

[1] *Левушкин А.Н.* Правовая природа, особенности исполнения и ответственности сторон по договору возмездного оказания медицинских и биомедицинских услуг / А. Н. Левушкин // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата : научно-правовой журнал. - Москва: РУАН, 2024. - № 2. - 192 с. - ISSN 1997-0986. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2201841 (дата обращения: 18.09.2025) — Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 24.06.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2002 № 115-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 779 и пунктом 2 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37641/ (дата обращения: 15.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] Апелляционное определение Московского городского суда от 06.04.2023 по делу № 33-9967/2023 (УИД 77RS0016-02-2022-023926-90) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=2524681&dst=100001#45yiejU0VtFRjBk41 (дата обращения: 15.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

документации, которая определяет качество медицинской помощи; оформление информированного добровольного согласия гражданина на медицинское вмешательство, анонимное оформление которого невозможно в связи с возможностью выявления опасной для жизни пациента патологии; отсутствия возможности идентифицировать личность пациента для верной постановки диагноза, назначения и проведения конкретного лечения, выявление особенностей здоровья и в том числе защиту прав пациента. Кроме того, истцом не было предоставлено доказательств того, что такая медицинская помощь требовалась ему по экстренным показаниям, что является единственным условием оказания медицинской помощи без предоставления каких-либо документов, в том числе паспорта[1].

На сегодняшний день в законодательстве отсутствует какой-либо исчерпывающий перечень оснований для отказа в заключении рассматриваемого договора, что является некоторой проблемой, порождающей судебную практику по данному вопросу. В п.3 ФЗ-323 содержится право лечащего врача по согласованию с соответствующим должностным лицом (руководителем) медицинской организации отказаться от наблюдения за пациентом и его лечения, если отказ непосредственно не угрожает жизни пациента и здоровью окружающих. Но такой отказ нельзя назвать отказом от самого договора с пациентом, так как должностное лицо (руководитель) медицинской организации должно организовать замену лечащего врача[2].

Таким образом, для устранения противоречий в спорах об отказе медицинской организации в оказании услуги пациенту, следует разработать четкие критерии такого правомерного отказа, подобных критериям оценки качества медицинской помощи, утвержденных приказом Минздрава.

Также существуют точки зрения, что договор возмездного оказания медицинских услуг обладает признаками договора присоединения. В большинстве случаев медицинские организации разрабатывают шаблонные (стандартные) формы и условия договора, к которым пациент-потребитель присоединяется. Однако впоследствии на практике может возникнуть ситуация, когда такие условия ограничивают ответственность медицинской организации или являются обременительными для пациента. В таком случае у него возникает право расторжения или изменения договора в судебном порядке.

В теории существует спорная позиция, что рассматриваемый договор является фидуциарным, поскольку основан на особых лично-доверительных отношениях сторон[3]. Действительно, при оказании медицинских услуг должно быть доверие пациента к врачу, однако оно основано на профессиональном морально-этическом характере. Следовательно, нельзя согласиться с данной точкой зрения по нескольким причинам. Во-первых, одной из особенностей фидуциарных сделок является упрощенный порядок прекращения правоотношений по воле сторон, в случае утраты доверительного характера[4]. Данный признак не соответствует природе договорных взаимоотношений между пациентом и медицинской организацией, поскольку право на отказ заказчика от исполнения договора, а в определенных случаях и отказ медицинской организации не

---

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 18.10.2022 по делу № 33-41480/2022 (УИД 77MS0176-01-2021-003397-52) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=2389037#wFMjejUtcc1N1Xy1 (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Российская газета, № 263, 23.11.2011.

[3] *Клокова С.А.* Договор возмездного оказания медицинских услуг: диссертация на соискание степени магистра: / С.А. Клокова // Национальный исследовательский Томский государственный университет. - Томск, 2018. - 131 с. - URL: https://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2018/07/Клокова-Светлана-Александровна.pdf (дата обращения: 14.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] *Гонгало Б.М.* Гражданское право: учебник: в 2 т. / О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др. // Москва.: Статут, 2018. - Т. 1. - 528 с. - URL: https://znanium.ru/catalog/document?id=337802#ant (дата обращения: 15.09..2025) — Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.

связаны с утратой доверия. Во-вторых, в данных взаимоотношениях отсутствует некая свобода усмотрения сторон, так как медицинские услуги оказываются в рамках стандартов и клинических рекомендаций. В-третьих, данные отношения носят публичный интерес, поскольку находятся под контролем государства.

Имеет место быть точка зрения авторов, которые выделяют в договоре возмездного оказания медицинских услуг признаки рисковых (алеаторных) сделок[1]. Действительно, достижение определенного результата большинства медицинских услуг не полностью зависит от возможностей и усилий сторон, поскольку могут возникнуть иные обстоятельства, о которых стороны могли не предполагать: индивидуальные особенности организма, запущенная стадия заболевания, послеоперационные осложнения, которые сложно было предвидеть. 323-ФЗ в ст. 20 содержит обязанность медицинской организации перед проведением медицинского вмешательства предоставить гражданину информированное добровольное согласие, в котором должна содержаться, в частности, полная информация о методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, последствиях и предполагаемых результатах[2]. В данном случае законодательство констатирует рисковый характер и неопределенность исхода оказания медицинских услуг. Тем самым, происходит как бы «распределение рисков» между сторонами, где пациент принимает их через информированное добровольное согласие, а медицинская организация через ответственность за виновное причинение вреда при его доказанности.

Еще одним спорным вопросом договора возмездного оказания медицинских услуг является отождествление его с договором подряда. Ряд авторов, в частности, Кратенко М.В. пишет, что если наряду с лечебными процедурами предполагается передача пациенту определенного результата работ (в случае протезирования, имплантации и т.п.) в большинстве случаев это будет договор возмездного оказания медицинских услуг (гл. 39 ГК РФ), возможно, с элементами подрядного договора (гл. 37 ГК РФ)[3]. Регулируя отношения, возникающие из договора возмездного оказания услуг, ГК РФ предусматривает субсидиарное применение общих положений о подряде[4]. В данном случае следует обратиться к разграничению понятий работы и услуги, где первые имеют материально выраженный результат, а вторые деятельность как процесс. Как отмечает А.А. Мохов, несмотря на наличие в определенных видах медицинских услуг, таких как: установка пломбы, протеза, кардиостимулятора и тп. материального результата, договор не становится подрядным и его предметом остаются услуги, поскольку интерес пациента заключается в восстановлении его здоровья, что является целью медицинской деятельности[5].

Другой вопрос представляют такая категория услуг как косметология, пластическая хирургия, ортодонтия, где пациент может визуально увидеть и оценить результат с точки зрения эстетики. Как пишет П.Г. Габай, в таких случаях будет уместно

---

[1] *Абуталипова А.М.* К вопросу о понятии и признаках договора возмездного оказания медицинских услуг / А.М. Абуталипова // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты : сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 ноября 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. – С. 242 - 246. – Текст: непосредственный.

[2] Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Российская газета, № 263, 23.11.2011.

[3] *Кратенко М.В*. Вред при медицинском вмешательстве: проблемы компенсации и предотвращения (сравнительно-правовое исследование) : монография / М. В. Кратенко // Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. — 240 с. — ISBN 978-5-00156-342-6. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2117063 (дата обращения: 15.09.2025). — Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 24.06.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[5] *Мохов А.А.* Медицинское право России : учебник для бакалавров / А.А. Мохов // М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. — 336 с. - ISBN 978-5-91768-589-2. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/561038 (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.

провести аналогию с положением о договоре подряда, так как данные недостатки услуги могут быть установлены пациентом при обычном способе приемки[1].

Однако в данном вопросе есть другая спорная сторона, когда оказанная медицинская услуга соответствовала всем требованиями, клиническим рекомендациям, но пациент остался не удовлетворен эстетическим результатом своего внешнего вида. В данном случае следует понимать, что что медицина - не точная наука, поскольку связана с индивидуальными особенностями организма человека. Поэтому, не всегда есть возможность в точности спрогнозировать определенный результат и прийти к ожидаемому варианту, т.к. здесь могут возникать обстоятельства, не зависящие от сторон. Подобный ответ на вопрос дает судебная практика, где по одному из медицинских споров суд отметил, что недостижение по результатам эстетической (пластической) медицинской процедуры ожидаемого положительного эффекта не может свидетельствовать о ненадлежащем качестве медицинской услуги, поскольку целью такой услуги является улучшение внешнего облика, прогнозируемый эффект от ее применения строго индивидуален, в связи с чем с достоверностью положительный эффект от проведения предопределен быть не может[2].

Таким образом, верным было бы не отождествлять договор возмездного оказания медицинских услуг и договор подряда ввиду самой специфики предмета договора возмездного оказания медицинских услуг. Так, сложно себе представить протез, как материальный результат оказанных услуг отдельно от тела пациента, а следовательно и отнести его к объекту гражданского права, который самостоятельно выступает в гражданском обороте[3].

Вышеприведенный анализ позволяет сделать вывод, что договор оказания платных медицинских услуг обладает смешанной правовой природой, ввиду особого предмета, субъектного состава, а также наличия элементов как гражданско-правового характера, так и публичного. Теория и судебная практика демонстрирует противоречие в данных вопросах и отдельные аспекты гражданских правоотношений в рамках оказания платных медицинских услуг требуют дополнительного осмысления. Специфика медицинских услуг, связанная с их высокой степенью риска, требует детальной проработки и устранения пробелов. Следовательно, разработка специализированного предметного правового регулирования позволит не только усилить защиту наиболее значимых человеческих ценностей - на жизнь и здоровье, но и обеспечит правовую ясность для медицинских организаций при возникновении возможных споров.

---

[1] *Габай П.Г.* Договор на лечение или излечение пациента? / Габай П.Г. // Медицинское право. - 2015. - № 1. - С. 16 - 23. – Текст: непосредственный.

[2] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.12.2023 № 88-26731/2023 (УИД 77RS0031-02-2022-020585-06) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Мохов А.А.* Медицинское право России : учебник для бакалавров / А.А. Мохов // М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. — 336 с. - ISBN 978-5-91768-589-2. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/561038 (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Лютикова Анастасия Владимировна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Баскова Анна Валерьевна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина,
кандидат юридических наук, доцент

В 2020 году пандемия коронавируса полностью коснулась сферу образования в мире, что поспособствовало изменению образовательных процессов и переходу с очного формата обучения на дистанционный. Студенты и преподаватели были вынуждены подстраиваться под новые реалии. В настоящее время, благодаря пандемии, получение знаний при помощи дистанционных технологий уже вошло в привычку для многих. Такой формат позволяет получать образование удаленно, совмещая работу и, при этом, не тратить время на дорогу до учебного заведения.

Основным источником регулирования отношений в сфере образования является Закон об образовании[1]. В п. 1 ст. 2 названного закона раскрыто понятие термина «образование». Выделим основные признаки понятия:

процесс воспитания и обучения;

является общественно значимым благом;

осуществляется в интересах человека, семьи, общества;

осуществляется в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов.

Образовательная деятельность, в соответствии с пп. 40 п. 1 ст. 12 Закона о лицензировании отдельных видов деятельности[2], относится к перечню видов деятельности, на осуществление которой необходимо получение лицензии. Соискателями лицензии на осуществление образовательной деятельности являются образовательные организации, организации, осуществляющие обучение, а также индивидуальные предприниматели, за исключением индивидуальных предпринимателей, осуществляющих образовательную деятельность непосредственно. Таким образом, получение лицензии на осуществление образовательной деятельности индивидуальному предпринимателю, реализующему образовательные программы непосредственно (без привлечения педагогических работников), не требуется.

Органами, осуществляющими лицензирование образовательной деятельности, являются: Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор), и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие переданные полномочия Российской Федерации в сфере образования[3] (для Вологодской области таким органом является Министерство образования Вологодской области).

---

[1] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета, № 303, 31.12.2012.

[2] Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 09.05.2011, № 19, ст. 2716.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 18.09.2020 № 1490 (ред. от 20.06.2024) «О лицензировании образовательной деятельности» (вместе с Положением о лицензировании образовательной деятельности) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Местом получения лицензии для организации является ее место регистрации, в случае с индивидуальными предпринимателями – по месту регистрации физического лица.

Оформление лицензии необходимо в следующих случаях:

1) руководитель нанимает сотрудников, с которыми заключаются трудовые договоры;

2) обучение имеет образовательную программу, которая содержит в себе: учебный план, календарный учебный график, рабочие программы учебных предметов, курсы, дисциплины (модули), оценочные и методические материалы, формы аттестации;

3) учащимся выдаются документы, подтверждающие получение образования. Такие документы перечислены в пп. 1-2 п. 1 ст. 60 Закона об образовании: документы об образовании, документы об образовании и о квалификации, документы о квалификации, свидетельство об обучении, свидетельство об освоении дополнительных предпрофессиональных программ в области искусств, иные документы.

Законом также установлены требования к осуществлению образовательной деятельности с применением дистанционных технологий, имеющей лицензию. К ним следует отнести следующее:

- наличие образовательной программы, в которой должна учитываться специфика организации обучения. Например, каким образом происходит взаимодействие между преподавателем и обучающимися в формате онлайн.

- наличие онлайн-платформы. Онлайн-платформа для дистанционного обучения — это виртуальная площадка, где одни пользователи организуют обучение, а другие получают удалённый доступ к материалам и учебному процессу. Такие платформы включают в себя разные инструменты, например: видео-лекции, интерактивные задания, форумы для обсуждений, тестирование, и помогают учиться на расстоянии.

- наличие доступа в электронные библиотечные системы.

При изучении вопроса о лицензировании образовательной деятельности с применением дистанционных технологий, были отмечены следующие особенности:

- лицензия распространяет свое действие на всю территорию России, благодаря чему ученики могут находиться в любой точке нашей страны. Однако, выдача лицензии осуществляется тем государственным органом, в регионе которого находится сам соискатель лицензии и именно этому органу он будет подотчетен.

- отсутствие требований по наличию помещения и санитарно-эпидемиологического заключения, поскольку обучение происходит без личного контакта студентов и преподавателей (в случае, если образовательная деятельность осуществляется исключительно с использованием дистанционных технологий).

Таким образом, при получении разрешения на образовательную деятельность, применяющую дистанционные технологии, необходимо соблюдать общие условия к лицензированию образовательной деятельности, за исключением наличия помещения и санитарно-эпидемиологического заключения.

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Маракова Дарина Владимировна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Баскова Анна Валерьевна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Цифровизация в современном мире оказывает значительное влияние на правовую сферу. Внедрение новых технологий позволяет оптимизировать большинство имеющихся в ней процедур, в том числе в сфере земельного оборота.

Процесс цифровизации земельных отношений представляет собой комплексное усовершенствование всех этапов управления земельными ресурсами, включая разработку и поддержание цифровых кадастров, использование электронного документооборота, а также внедрение автоматизированных систем учета и контроля.

Ключевые задачи цифровизации заключаются в повышении эффективности управления земельными ресурсами, усилении контроля за соблюдением земельного законодательства, обеспечении безопасности различных информационных систем, а также подготовки и переподготовки специалистов в области информационных технологий.

Для успешного внедрения цифровых технологий и достижения поставленных задач, необходимо учитывать не только интересы потенциальных арендаторов и арендодателей, но и нормативно-правовое регулирование данной сферы.

Пунктом «к» статьи 72 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) установлено, что земельное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации[1].

Согласно статье 9 Конституции РФ «земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности».

Государственной собственностью являются земли, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц или муниципальных образований[2].

Законодатель разграничивает государственную собственность на землю на собственность Российской Федерации (федеральную собственность), собственность субъектов Российской Федерации и собственность муниципальных образований (муниципальную собственность).

В частности, статья 19 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) закрепляет, что в муниципальной собственности находятся земельные участки:

– которые признаны таковыми федеральными законами и принятыми в соответствии с ними законами субъектов Российской Федерации;

[1] Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Земельный кодекс Российской Федерации № 136-ФЗ от 25.10.2001 (в ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

– право муниципальной собственности на которые возникло при разграничении государственной собственности на землю;

– которые приобретены по основаниям, установленным гражданским законодательством;

– которые безвозмездно переданы в муниципальную собственность из федеральной собственности.

Земельное законодательство предусматривает два способа предоставления земельных участков в аренду, находящихся в муниципальной собственности, - посредством проведения торгов (аукциона) и без их проведения.

Порядок процедуры торгов (аукциона) на право заключения договора аренды земельного участка, находящегося в муниципальной собственности, был переведен в электронный формат благодаря вступлению в законную силу Федерального закона от 07.10.2022 № 385-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс РФ и признании утратившей силу части 7 статьи 34 Федерального закона «О внесении изменений в Земельный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ».

По новым правилам аукцион на право заключения договора аренды земельного участка, находящегося в муниципальной собственности, проводится в электронной форме.

Однако закон предусматривает случаи, когда органами государственной власти субъектов Российской Федерации определены муниципальные образования, на территориях которых расположены находящиеся в муниципальной собственности земельные участки, в отношении которых до 1 января 2026 года аукционы в электронной форме не проводятся по причине технической невозможности участия в них граждан и (или) крестьянских (фермерских) хозяйств в связи с ограничением либо отсутствием доступа к подключению к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В таком случае опубликование извещений о проведении соответствующих аукционов осуществляется в порядке, установленном для официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов уставом муниципалитета, на официальном сайте Российской Федерации, определенном Правительством Российской Федерации[1].

С целью обеспечения открытости процедуры законодатель вводит норму, предусматривающую заключение договора аренды земельного участка, находящегося в муниципальной собственности, исключительно на тех условиях, которые предусмотрены извещением о проведении аукциона, а также с учетом сведений, содержащихся в протоколе рассмотрения заявок на участие в аукционе.

Перевод в электронный формат процедуры проведения аукциона на право заключения договора аренды земельного участка, находящегося в муниципальной собственности, является важнейшим шагом в развитии муниципального земельного оборота. Такой порядок обеспечивает не только равный доступ к участию в проведении торгов всех заинтересованных лиц, но и предотвращает коррупционные действия.

Порядок предоставления земельного участка, находящегося в муниципальной собственности в аренду, без проведения торгов регламентирован статьей 39.14 ЗК РФ.

Отличительная особенность такого порядка заключается в том, что только три категории потенциальных арендаторов имеют право на заключение договора аренды. К ним относятся:

– юридические лица в соответствии с указом или распоряжением Президента Российской Федерации;

[1] Федеральный закон «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и признании утратившей силу части 7 статьи 34 Федерального закона «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 385-ФЗ от 07.10.2022 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

– граждане, имеющие право на первоочередное или внеочередное приобретение земельных участков в соответствии с федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации;

– граждане для индивидуального жилищного строительства, ведения личного подсобного хозяйства в границах населенного пункта, ведения гражданами садоводства для собственных нужд и иным категориям.

Одним из ключевых цифровых нововведений является возможность подачи заявления на аренду земельного участка и получения решения в электронном виде через портал государственных и муниципальных услуг. Это значительно упрощает процедуру для потенциальных арендаторов, сокращая временные и финансовые затраты, связанные с личным обращением в уполномоченный орган.

Внедрение цифровых технологий в сферу управления земельными ресурсами позволяет усовершенствовать процесс предоставления земельных участков в аренду, находящихся в муниципальной собственности, как арендаторам, так и арендодателям в лице органов местного самоуправления и иным заинтересованным лицам (например, Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр)).

В целях реализации своих функций и задач уполномоченные органы используют в своей деятельности следующие IT-разработки.

В первую очередь среди цифровых систем стоит выделить федеральную государственную информационную систему территориального планирования (далее – ФГИС ТП), сервисами которой могут воспользоваться не только государственные и муниципальные органы, а также физические и юридические лица.

ФГИС ТП – информационно-аналитическая система, обеспечивающая доступ к сведениям, содержащимся в государственных информационных ресурсах, государственных и муниципальных информационных системах, в том числе в государственных информационных системах обеспечения градостроительной деятельности, и необходимым для обеспечения деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в области территориального планирования[1].

Основное преимущество системы – возможность отобразить в едином пространстве информацию, необходимую для стратегического и территориального планирования.

С помощью системы можно получить доступ к таким документам территориального планирования муниципальных образований как генеральные планы, правила землепользования и застройки, проекты планировки территорий.

Функционирование ФГИС ТП упрощает процедуру предоставления земельных участков в аренду для всех заинтересованных лиц. С одной стороны, потенциальные арендаторы могут воспользоваться документами территориального планирования, чтобы правильно разработать схему расположения земельного участка на кадастровом плане территории с желаемым видом разрешенного использования в соответствии с функциональными и территориальными зонами. А, с другой стороны, система упрощает и повышает объективность принятия решений, ускоряет разработку и согласование документов территориального планирования.

Еще одним преимуществом цифровизации является замена бумажных архивов цифровыми кадастрами, которые позволяют автоматизировать процессы сбора, обработки и хранения информации, повышающие эффективность и точность учёта.

В России функции по разработке и поддержке информационных систем, в том числе систем цифрового кадастра, возложены на Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр).

---

[1] Градостроительный кодекс Российской Федерации № 190-ФЗ от 29.12.2004 (в ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Так, например, Росреестром был разработан портал «Национальная система пространственных данных» (далее – НСПД). Платформа и ее отдельные сервисы позволяют:

– получить находящуюся в свободном доступе информацию о земельных участках по заданному кадастровому номеру или по выбранным границам (например, категория земель, вид разрешенного использования, кадастровую стоимость, вид собственности и другие сведения);

– повысить эффективность использования земель;

– воспользоваться картографическими слоями;

– получить земельные участка, находящиеся в государственной или муниципальной собственности.

В рамках НСПД реализован сервис «Умный кадастр», предназначенный для сотрудников уполномоченных органов, осуществляющих государственный и муниципальный земельный контроль и надзор, позволяющий выявить возможные массовые нарушения использования земельных участков.

С помощью алгоритмов пространственного анализа можно определить:

– земельные участки, сведения о границах которых отсутствуют в Едином государственном реестре недвижимости;

– границы земельных участков, которые установлены с нарушением требований земельного законодательства;

– состояние и использование земельных участков по назначению.

Указанные выше сервисы, созданные с помощью цифровых технологий, играют значительную роль в земельном обороте. В частности с помощью их осуществляется земельный контроль и надзор, а также создаются благоприятные условия для устойчивого развития территорий, что в свою очередь повышает привлекательность регионов и улучшает качество жизни граждан.

Несмотря на то, что процесс цифровизации сопровождается положительными моментами, не стоит забывать о том, что он требует пристального внимания к уже сложившимся проблемам. Среди них можно выделить следующие:

– отсутствие или нехватка в составе органов местного самоуправления квалифицированных специалистов в области информационных технологий;

– несогласованность работ по внедрению информационных система в систему муниципального управления;

– проблематичность внедрения информационных технологий в деятельность органов сельских и удаленных территорий.

Для решения проблем, препятствующих эффективному внедрению цифровых технологий в область управления земельными ресурсами, предлагается осуществить ряд мероприятий, направленных на:

– повышение качества предоставления государственных (муниципальных) услуг, функций и сервисов в земельной сфере;

– обеспечение доступа органов местного самоуправления к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

– развитие системы подготовки/переподготовки специалистов.

В заключении стоит отметить, что интеграция цифровых технологий в область управления земельными ресурсами муниципальных образований, улучшит полноту и эффективность деятельности органов местного самоуправления. Цифровой ресурс позволит не только ускорить межведомственное взаимодействие, а также повысит удобство и оперативность процедуры предоставления земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, в аренду.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТОРГОВ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ В АРЕНДУ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Марченко Софья Алексеевна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Онищенко Ирина Сергеевна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Цифровизация деятельности органов государственной власти – один из приоритетов современной государственной политики Российской Федерации. В век цифровых технологий развитие интернет-ресурсов позволяет достичь большего распространения информации о деятельности органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации, а также муниципальных образований во всех сферах деятельности. В рамках земельных правоотношений также развивается система мер по цифровизации процессов, связанных с заключением договоров.

Исходя из положений гражданского законодательства, торги – конкурентная форма заключения договора. Современные реалии позволяют проводить их открыто путем размещения информации об их проведении в сети «Интернет» на публичных ресурсах.

Информация о торгах, проводимых в форме конкурса либо аукциона, на право заключения договора аренды земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, размещается на электронной площадке Государственной информационной системе «Торги».

Согласно положениям приказа Федеральной антимонопольной службы России от 21.03.2023 № 147/23 «О порядке проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества, и перечне видов имущества, в отношении которого заключение указанных договоров может осуществляться путем проведения торгов в форме конкурса» «Конкурсы или аукционы на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества (далее соответственно - договоры, конкурсы, аукционы), проводятся в электронной форме и являются открытыми по составу участников и форме подачи предложений[1]».

Исходя из указанных положений, электронная форма – единственный возможный способ заключения договора.

[1] Приказ Федеральной антимонопольной службы России «О порядке проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества, и перечне видов имущества, в отношении которого заключение указанных договоров может осуществляться путем проведения торгов в форме конкурса» от 21.03.2023 № 147/23 (ред. от 23.09.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Статьей 39.13 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) предусмотрены положения о возможном проведении аукциона по предоставлению земельных участков в аренду с использованием электронных площадок.

Исключением из указанных положений будет являться техническая невозможность проведения указанной формы торгов в связи с ограничением либо отсутствием доступа к подключению к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территориях данных муниципальных образований. В указанном случае опубликование извещений о проведении соответствующих аукционов и извещений, предусмотренных подпунктом 1 пункта 1 статьи 39.18 ЗК РФ, осуществляется в порядке, установленном для официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов уставом поселения, городского округа, муниципального округа, наряду с размещением таких извещений на официальном сайте Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для размещения информации о проведении торгов, определенном Правительством Российской Федерации[1].

Согласно части 19.1 статьи 39.11 ЗК РФ уполномоченный орган обеспечивает размещение извещения о проведении аукциона в срок не позднее чем три месяца с момента принятия решения о проведении аукциона, предусмотренного подпунктом 5 пункта 3, подпунктом 9 пункта 4 настоящей статьи или подпунктом 1 пункта 7 статьи 39.18 настоящего Кодекса. Введение рассматриваемой части статьи 39.11, в отличие от утратившего силу в связи с ее введением части 20, не ограничивает круг субъектов, размещающих извещение в сети «Интернет» только лишь органами местного самоуправления. Данный вывод следует из введенной формулировки «уполномоченный орган», под которым могут пониматься в том числе и федеральные органы власти, и органы власти субъектов Российской Федерации.

К информационным ресурсам, на которых возможна публикация информации о проведении аукциона для предоставления земельного участка в аренду, с учетом редакции части 19 статьи 39.11 ЗК РФ от 28.12.2024, являются официальный сайт уполномоченного органа в сети «Интернет», официальный сайт Российской Федерации, определенный Правительством Российской Федерации. Рассматриваемые положения значительно расширили распространение информации о проводимом аукционе за счет увеличения количества площадок для размещения такой информации.

Автоматическое направление извещения посредством информационных ресурсов, согласно части 3.2 статьи 39.13 ЗК РФ, является, по нашему мнению, наиболее конкурентным способом реализации прав участников земельных правоотношений на заключение договора.

Исходя из современных реалий, делового оборота, стороны арендных отношений являются в том числе профессиональными субъектами. Следовательно, участники таких процедур несут риск наступления неблагоприятных последствий ввиду пропуска сроков на подачу заявки в электронном аукционе, а также подачи ненадлежащих документов.

Реестр имущества, в том числе и земельных участков, в отношении которого возможно заключение договора аренды на торгах, имеется на сайте Федерального агентства по управлению государственным имуществом (далее – Росимущество) в разделе «Маркетплейсы». Объекты, размещенные на указанном сайте, являются собственностью Российской Федерации, что подтверждается выписками из Единого государственного реестра недвижимости об объекте недвижимости (раздел «Сведения о зарегистрированных правах»), размещенных в карточке каждого объекта недвижимости.

[1] Федеральный закон «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и признании утратившей силу части 7 статьи 34 Федерального закона «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 385-ФЗ от 07.10.2022 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Помимо имущества, находящегося на торгах, имеется также и то имущество, которое планируется к вовлечению в торгах.

Исходя из аналитики, приведенной на рассматриваемом сайте в разделе «Маркетплейс», можно выделить следующее. За 1 квартал 2025 года аренда земельных участков занимает большую долю объектов, вовлеченных в хозяйственный оборот. По поступлению денежных средств рассматриваемая категория занимает второе место после приватизации пакетов акций (2 557 против 9 098 из 13 643 млн рублей за первый квартал текущего года)[1]. По количеству договоров аренды на сегодняшний день наибольшее число таких договоров заключено в отношении земельных участков (всего 68 989 из 72 087).

Размещение статистики на электронных ресурсах позволяет сделать вывод об эффективности их работы.

Кроме того, следует отметить простоту использования интерфейса раздела «Маркетплейсы» сайта Росимущества. Он позволяет не только использовать стандартные фильтры, например, по субъекту Российской Федерации, категории земель, дате начала и окончания приема заявок, кадастровому номеру участка, начальной цене, но и использовать интерактивную карту страны, при помощи которой возможно узнать информацию о количестве объектов недвижимости на территории каждого субъекта, актуальная информация о которых в настоящий момент есть на сайте.

Таким образом, развитие электронных ресурсов, содержащих информацию о торгах и имуществе, подлежащему вовлечению в них, позволяет упростить процесс проведения таких торгов. Интерактивные разделы сайтов органов государственной власти и местного самоуправления являются одним из способов привлечения субъектов предпринимательской деятельности к участию в электронных торгах ввиду возможности оценить информацию об объекте недвижимости исходя из приведенной на указанных сайтах информации.

[1] Росимущество: раздел «Маркетплейс», подраздел «Подробная аналитика». - URL: https://fiol.rosim.gov.ru/mk/dashboards (дата обращения: 15.04.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ К ДЕЛАМ ПО ИСКОВЫМ ЗАЯВЛЕНИЯМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Михайлов Егор Евгеньевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Онищенко Ирина Сергеевна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Исковая давность – важный институт гражданского права, обеспечивающий стабильность правоотношений и ясность в юридических вопросах[1]. Актуальность темы обусловлена возрастающим количеством исков, подаваемых государственными органами в защиту публичных интересов. Вопросы применения исковой давности к таким делам остаются дискуссионными, поскольку законодательство не всегда четко регулирует сроки давности для публично-правовых споров. Кроме того, переход к цифровизации судебной системы вносит новые аспекты в процесс исчисления и применения сроков исковой давности, что требует дополнительного изучения.

Исковая давность является одним из ключевых институтов гражданского права, направленным на обеспечение стабильности гражданского оборота и защиту прав участников правоотношений, однако в случае с исками, подаваемыми государственными органами, применение исковой давности имеет свои особенности[2]. Государственные органы часто выступают в защиту публичных интересов, что порождает споры о применимости общих сроков давности к таким делам.

Срок исковой давности начинается с момента нарушения права (объективный критерий) или с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении (субъективный критерий). Суды учитывают оба подхода, стремясь к балансу интересов сторон. Судебная практика показывает, что пропуск процессуальных сроков может быть признан уважительным, если истец предоставит доказательства, например, длительного лечения, которое препятствовало обращению в суд[3]. Для государственных органов пропуск процессуальных сроков может быть признан уважительным, если он обусловлен объективными и документально подтвержденными обстоятельствами, не зависящими от воли должностных лиц. В судебной практике и в соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ такими причинами могут быть: технический сбой в системе электронного документооборота, задержка при согласовании с вышестоящими органами, позднее получение уведомления или документов, форс-мажорные обстоятельства. Однако в других случаях суды отказывают в восстановлении сроков, если истец не предпринял достаточных усилий для защиты своих прав. Это подчеркивает необходимость выработки четких и универсальных стандартов для оценки уважительности причин пропуска сроков, что поможет гармонизировать судебную практику.

---

[1] *Щербинина И.В.* Правовые конструкции исковой давности: перерыв, приостановление, восстановление / И.В. Щербинина // МЦНП «Новая наука». - 2023. - С. 28. – Текст: непосредственный.

[2] *Федорова Ю*. Понятие и значение срока исковой давности, его отличие от иных гражданско-правовых сроков смежного характера / Ю. Федорова. - URL: http://synergy-journal.ru/archive/article6516 (дата обращения: 19.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *См. Тагиев П.А.* О сроках исковой давности в российском гражданском праве: течение, приостановление, перерыв // П.А. Тагиев // Вопросы устойчивого развития общества. - 2022. - № 8. - С. 514-517. – Текст: непосредственный.

Государственные органы, выступая от имени публичных интересов, часто сталкиваются с вопросами применения исковой давности. Согласно статье 196 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ)[1], общий срок исковой давности составляет три года. Однако для некоторых категорий дел, в том числе связанных с защитой публичных интересов, законодательство предусматривает исключения[2]. Например, в соответствии со статьей 208 ГК РФ, исковая давность не применяется к требованиям о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ (могут включать репутацию, деловую честь, наименование и информацию, охраняемую законом), если иное не вытекает из закона.

Например, по делам о взыскании недоимок по налогам и сборам сроки давности регулируются Налоговым кодексом РФ и могут отличаться от общих сроков. В налоговой сфере сроки давности регулируются статьей 113 Налогового кодекса РФ (далее - НК РФ). Согласно этой норме, лицо не может быть привлечено к ответственности за налоговое правонарушение, если с момента его совершения или окончания налогового периода прошло три года. Срок давности приостанавливается, если налогоплательщик препятствовал проведению налоговой проверки, что сделало невозможным определение суммы налогов. Налоговые проверки могут охватывать только три предыдущих года, при этом срок хранения отчетной документации составляет четыре года.

Сроки давности в налоговой сфере зависят от вида правонарушения. Например, для нарушений, связанных с грубым нарушением правил учета доходов и расходов (ст. 120 НК РФ), срок начинает течь с окончания налогового периода. Для других правонарушений срок исчисляется с момента их совершения. Пропуск срока давности налоговыми органами делает невозможным привлечение нарушителя к ответственности.

В административном праве, согласно статье 4.5 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее - КоАП РФ), срок давности составляет один год с момента совершения или выявления правонарушения, если иное не предусмотрено законом.

За наиболее серьезные налоговые нарушения предусмотрена уголовная ответственность. Сроки давности по уголовным делам установлены статьей 78 Уголовного кодекса РФ (далее - УК РФ) и зависят от тяжести преступления: два года для преступлений небольшой тяжести, шесть лет – средней тяжести, десять лет – тяжких и пятнадцать лет – особо тяжких. Например, за неисполнение обязанностей налогового агента (ч. 1 ст. 199.1 УК РФ) срок давности составляет два года, а за сокрытие имущества (ч. 2 ст. 199.2 УК РФ) – шесть лет.

Сроки исковой давности в гражданском праве и сроки давности в налоговом, административном и уголовном праве имеют разную правовую природу. В гражданском праве истечение срока давности не лишает истца права на обращение в суд, но он может быть применен судом только по заявлению ответчика. В публичном праве срок давности имеет пресекательный характер: его истечение лишает уполномоченные органы права на привлечение к ответственности. Общей чертой этих сроков является их цель – упорядочение правоотношений во времени и стимулирование своевременного разрешения споров.

В судебной практике встречаются случаи, когда государственные органы пытаются восстановить сроки давности, ссылаясь на защиту публичных интересов, однако суды не всегда поддерживают такие требования, подчеркивая необходимость соблюдения баланса между интересами государства и правами частных лиц. Например, в одном из дел налоговый орган обратился в суд с иском о взыскании недоимки по налогам за период,

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Шекунов Е.А.* Объективный срок исковой давности в гражданском судопроизводстве: современные проблемы применения / Е.А. Шекунов // Вестник магистратуры. - 2023. - № 3-1 (138). - С. 49. – Текст: непосредственный.

превышающий три года. Суд отказал в удовлетворении иска, сославшись на истечение срока исковой давности, несмотря на аргументы налогового органа о защите публичных интересов[1]. В другом случае государственный орган обратился с иском о признании сделки недействительной, ссылаясь на то, что сделка является ничтожной и срок исковой давности 3 года. Суд отказал, указав, что оспариваемый договор купли-продажи не подпадает под категорию ничтожных сделок. Следовательно, для его оспаривания установлен срок исковой давности в один год[2].

Особые сложности возникают при определении начала течения срока исковой давности для бессрочных обязательств. Согласно действующим нормам, срок начинает течь с момента, когда кредитор получает право требовать исполнения обязательств[3], однако некоторые юристы предлагают отсчитывать срок с момента фактического нарушения прав, что, по их мнению, лучше защитит интересы кредитора и предотвратит злоупотребления со стороны должника. Мы считаем, что начинать отсчет срока исковой давности с момента фактического нарушения прав – разумная идея. Это позволит лучше учитывать реальные обстоятельства спора и обеспечит большую защиту интересов кредитора, особенно в случаях, когда должник затягивает исполнение обязательства. Такой подход поможет сократить возможность злоупотреблений и повысит справедливость в применении сроков исковой давности.

Цифровизация как глобальный процесс охватывает все сферы общественной жизни, включая правосудие и деятельность органов государственной власти. Информационные технологии призваны оптимизировать процессы управления, повысить прозрачность, доступность и эффективность государственной и судебной деятельности. Однако, несмотря на очевидные преимущества, цифровизация сопровождается целым рядом рисков и уязвимостей, проявляющихся, в том числе, в виде технических сбоев и срывов коммуникации между участниками юридического процесса.

Яркий пример уязвимости цифровых платформ — ситуация, имевшая место в России с ноября 2024 года по март 2025 года, когда полностью прекратили работу сайты судебной системы, функционирующие под доменом sudrf.ru. Сбой затронул значительное число судебных учреждений, включая сайт Вологодского городского суда. В результате была парализована работа электронного документооборота, нарушены сроки подачи и рассмотрения исков, а также взаимодействие с органами государственной власти, включая прокуратуру, ФССП, МВД и другими ведомствами. Данный кризисный эпизод демонстрирует, что в условиях полной зависимости от цифровых систем любая техническая неустойчивость может привести к системным сбоям правоприменительной практики и нарушению процессуальных прав граждан и организаций.

В условиях действия соглашений об электронном обмене процессуальными документами между судами и органами государственной власти, сбой в системе ГАС «Правосудие» обернулся невозможностью своевременной подачи исковых заявлений, процессуальных документов, ходатайств и отзывов в электронном виде. Многие органы, находящиеся за пределами г. Вологды и Вологодской области, были вынуждены перейти на бумажный документооборот: направлять документы через ФГУП «Почта России» или лично доставлять их в суд, что создало существенные логистические и временные затраты и фактически привело к снижению доступности правосудия для региональных участников процессов.

---

[1] Решение Московского районного суда г. Калининграда (Калининградская область) от 27.07.2020 по делу № 2А-1725/2020. - URL: https://sudact.ru/regular/doc/R06YXo64xBQ8/?ysclid=m8j9iyp9nt275439973 (дата обращения: 21.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Решение Арбитражного суда Ульяновской области (АС Ульяновской области) от 17.09.2021 по делу № А72-7369/2021. - URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/eIcL6XztV6m6/?ysclid=m8j9kg9brz728042104 (дата обращения: 21.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Старцева С.В.* Исковая давность: анализ отдельных предложений по совершенствованию законодательства / С.В. Старцева // Теория и практика общественного развития. - 2023. - № 7. - С. 298. – Текст: непосредственный.

Итак, применение исковой давности к делам по исковым заявлениям государственных органов остается сложным и неоднозначным вопросом. Необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, направленное на четкое регулирование сроков давности для публично-правовых споров. Цифровизация судебной системы открывает новые возможности для упрощения процесса исчисления сроков, но также требует разработки механизмов защиты от технических ошибок.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ РАБОТНИКА ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ТРУДОВЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Озеринин Иван Валерьевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Кирсанов Константин Александрович,
доцент кафедры частно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Выбранная тема доклада является актуальной в связи с многочисленными спорами, которые возникают среди научных и практических работников при разрешении ситуаций, связанных с причинением вреда жизни и здоровью гражданина. Для анализа таких проблем первоначально следует обратиться к сущности института возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью человека.

Жизнь, здоровье человека и гражданина, согласно правовым нормам Конституции Российской Федерации[1] являются высшей ценностью государства. Россия как правовое государство гарантирует защиту вышеуказанных нематериальных благ человека.

Под вредом, который наносится субъекту стоит понимать[2] его умаление каких-либо материальных и (или) нематериальных благ, физического вреда, которые в свою очередь охраняются законом. Гражданско-правовая ответственность за вред, который причиняется работнику при выполнении трудовых обязанностей отличается своими специфическими особенностями, среди которых особое значение придается внедоговорному характеру такой ответственности.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.03.2011 № 2[3] отмечается, что работодатель (страхователь) несет ответственность за вред, причиненный жизни или здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей, в порядке, закрепленном главой 59 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Это свидетельствует о регулировании данных отношений также нормами гражданского права. Следует согласиться с мнением о наличии правовых норм разной отраслевой природы, регулирующих отношения в сфере страховой ответственности работодателя за ущерб, причиненный здоровью работника[4].

---

[1] Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Общие основания ответственности за причинение вреда // Прокуратура Ленинградской области. - URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_47/activity/legal-education/explain/other?item=59256154 (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.03.2011 № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 10.03.2011 № 2 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111595/ (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] *Погонышева С.Д.* Обязанность возмещения вреда, причиненного работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей / С.Д. Погонышева // Молодой ученый. – 2017. – № 19 (153). – С. 223-226. – URL: https://moluch.ru/archive/153/42179/ (дата обращения: 16.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

При решении вопроса о возмещении данного вреда следует обращаться к различным нормативным актам, при этом выбор конкретного нормативного акта определяется условиями, при которых был причинен вред.

Для того, чтобы наступила гражданско-правовая ответственность, необходимо установить наличие основания, которым является совершение правонарушения. Условиями же деликтной ответственности являются совершение самого деяния, которое квалифицировано как противоправное, а также причинение в результате совершения деяния вреда интересам, которые находятся под защитой закона, причинная связь между нарушениями и наступившими последствиями, а также вина субъекта нарушения.

Субъектом, т.е. участником правового отношения, на который будет возложена обязанность по возмещению причиненного вреда могут быть юридические лица, публично-правовые образования (муниципальные образования, субъекты и сама Федерация) и физические лица. Данный субъект должен обладать деликтоспособностью – способностью нести ответственность за причиненный вред.

При причинении вреда жизни или здоровью работника на работодателя возлагается обязанность возмещения работнику либо членам его семьи материального и морального вреда.

Презумпция для работодателя также возможна. В этом случае ему необходимо доказать, что именно пострадавший является непосредственным причинителем вреда и ответчику необходимо возмещать причиненный вред. Однако при доказанных виновных действиях работодателя ему придется возместить материальный и моральный вред. Здесь уже будет идти речь о его определении в денежном выражении, предоставлении истцом документов, подтверждающих расходы, связанных с устранением последствий (если таковы имеются). Возмещение в случае вины будет оцениваться с учетом действий и бездействий виновной стороны в рамках случая причинения вреда.

Желая уйти от ответственности, участия в судебном процессе, некоторые работодатели стараются умышленно сокрыть информацию, не проводят расследование, не извлекают в должной мере уроки из произошедшего, заставляют работников не обращаться в лечебно-профилактические учреждения. Это реальная проблема.

При причинении вреда здоровью потерпевшему виновному лицу в соответствии с требованиями ст. 1085 ГК РФ необходимо возместить потерянный доход за период нетрудоспособности, документально подтвержденные расходы на лечение, дополнительное питание, санаторно-курортное лечение, уход третьими лицами и другое. При этом потерпевший должен в этом действительно нуждаться и не может это получить на бесплатной основе.

На примере решения Сызранского районного суда Самарской области по делу № 2-174/2020[1] рассмотрим практическое применение норм законодательства. Работник управляющей организации, обслуживающей многоквартирные дома, 06.06.2019 погиб в рабочее время при исполнении им трудовых обязанностей на дне коллекторного узла очистных сооружений вследствие острого отравления парами метана. Супруга работника и его отец подали исковое заявление в суд, в котором просили выплатить сумму в размере 1 миллион рублей каждому в качестве компенсации морального вреда. Судебная инстанция учла, что работник был обеспечен надлежащими средствами индивидуальной защиты, но не применял необходимые при проведении работ, также не получил наряд-допуск от начальника участка на проведение работ, никого не уведомил о производстве работ, спустился в канализационной колодец один, тем самым нарушил требования техники безопасности. При этом отметил, что в соответствии со ст. 212 Трудового кодекса РФ ответственность за обеспечение безопасных условий труда и соблюдение требований безопасности возложена на работодателя. Судья оценил и факты истцов: супруга, которая

[1] Решение Сызранского районного суда Самарской области от 23.04.2020 по делу № 2-174/2020. - URL: https://sizransky--sam.sudrf.ru/ (дата обращения: 21.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

не дозвонилась до мужа, пошла в его рабочий кабинет, в котором его не обнаружила. Далее обходила территорию очистных. После того, как супруг спустя время не пришел на обед домой, вновь начала его поиски и спустя время обнаружила его на дне колодца в неестественном положении. После чего начала звонить знакомым и просить о помощи.

Определяя размер компенсации в пользу супруги и дочери погибшего работника, суд учел, что именно супруга начала поиски мужа, беспокоилась за его состояние, а также тот факт, что они состояли в браке более 29 лет, учитывая скорбь, тоску, её нравственные страдания суд постановил выплатить ответчика в пользу супруги 700000 рублей, в пользу дочери – 400000 рублей.

Несмотря на разъяснения, данные Верховным Судом РФ одним из спорных вопросов является вопрос об определении размера компенсации морального вреда.

В постановлении Пленума Верховного Суда России от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» сказано, что компенсация морального вреда является одним из способов защиты гражданских прав. Под понятием «моральный вред», по мнению пленума, стоит понимать нравственные, физические страдания. Также даны разъяснения, что моральный вред, причиненный действиями, являющимися правомерными, компенсации не подлежит. Касаемо определения размера компенсации морального вреда Пленум решил, что причинитель вправе добровольно компенсировать вред потерпевшему в разных формах (денежная и иные). При определении размера компенсации судам необходимо проводить комплексную оценку незаконных действий лица, нанесшего вред, соотносить их с тяжестью страданий потерпевшего, его особенностями личности, учитывать разумность, справедливость и соразмерность. Тяжелое имущественное положение ответчика не может влиять и каким-либо способом оказывать влияние на компенсацию морального вреда[1].

В настоящее время отсутствует градация, по которой бы судьи могли определять размер компенсации, что не всегда способствует единообразному применению, особенно в разных регионах нашего государства. Создание подобной градации, включение и описание в ней примерных категорий, которые необходимо учитывать судам при рассмотрении подобных споров способствовало бы применению более единообразной судебной практике, выплате компенсаций равных размеров. Но определить размер компенсации проблемно не только судам, но и самим истцам, ведь если задать такой вопрос потерпевшему, с большой долей вероятности он сам сможет обосновать именно ту сумму заявленных требований к возмещению с виновной стороны.

В своей статье[2] Эрделевский А.М. обращает внимание на то, что суд должен учитывать при определении размера компенсации степень вины работодателя, а также степень страдания пострадавшего, его индивидуальные особенности личности и иные обстоятельства, которые заслуживают своего внимания. При рассмотрении этих обстоятельств стоит руководствоваться принципами разумности и справедливости. Если имело место быть нравственным страданиям, как, например, при значительном ущербе здоровью, был пережитый страх за свою жизнь, такие обстоятельства также необходимо оценивать в ходе слушания дела.

Под гражданско-правовым нарушением стоит понимать действия, либо бездействия, виновного лица, которое не имеет признаков уголовно-, административно-наказуемого деяния и вред, которым причинен имущественному или неимущественному характеру другого лица.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 2 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации – 2025 – URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/31761/ (дата обращения: 21.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Эрделевский А.М.* Моральный вред и компенсация за страдания / А.М. Эрделевский // М: издательство ВЕК. 1997. – URL: https://vk.cc/cLnRM (дата обращения: 21.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Статья 1079 ГК РФ предписывает, что работодатели, чья деятельность связана с повышенной опасностью (использование высокого напряжения электроэнергии, атомной энергии, взрывчатых веществ, строительная деятельность и другие) несут ответственность за вред, который причинен их источником повышенной опасности. Предусмотрены и исключения, в которых лицо не будет нести меньшую ответственность, к таким относится грубая неосторожность самого потерпевшего. А в случае, если собственник источника повышенной опасности докажет, что данный источник выбыл из его обладания из-за противоправных действий иных лиц, то сам собственник ответственности за вред не несет.

Как верно отметил директор Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации Владислав Иванов[1]: «Искусственный интеллект не обладает такими качествами как, например, сострадание. И поэтому полностью заменить судей искусственным интеллектом невозможно». Здесь как раз также прослеживается актуальность оценки случаев, в рамках которых определяется ситуация, значимые обстоятельства, при которых был причинен вред жизни и здоровью человека, понесенные потерпевшим вынужденные потери дохода, трудоспособности, его морального состояния.

Гражданин, вред которому был нанесен источником повышенной опасности, вследствие незаконного осуждения, привлечения к уголовной ответственности, наложения мер ограничения, распространением в отношении него сведений, которые порочили его честь, достоинство, деловую репутацию и в иных случаях, прямо предусмотренных законом, вправе требовать от причинителя вреда компенсации морального вреда в денежной форме. При этом компенсация за моральный вред не зависит от возмещения имущественного вреда. При определении размера суммы компенсации на суд возложена обязанность по учету степени вины нарушителя и других существенных обстоятельств момента нанесения вреда. Также дополнительно суду необходимо оценивать страдания (нравственные и физические), которые понес гражданин. В соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного суда РФ на юридическое или физическое лицо может быть возложена ответственность за вред, который причинил их работник при выполнении трудовых обязанностей в соответствии с трудовым договором. Стоит учитывать, что такая ответственность может быть возложена исключительно в случае выполнения работ по заданию своего работодателя и под его контролем за безопасным ведением работ.

[1] В Верховном суде объяснили, почему ИИ не заменит судей // Информационное агентство ТАСС. – URL: https://tass.ru/politika/23707211 (дата обращения: 21.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ ЛИЦА, ГОРИЗОНТАЛЬНО АФФИЛИРОВАННОГО К ДОЛЖНИКУ, К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ

Панов Алексей Евгеньевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Шелепина Елена Александровна,
заведующий кафедры частно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, закрепленный в ст. 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), стал действенным инструментом защиты прав кредиторов[1]. Однако его применение в основном сосредоточено на привлечении так называемых «вертикальных» контролирующих лиц – руководителей, участников, материнских компаний, что следует из общего подхода судебной практики[2].

Вместе с тем, в современных корпоративных структурах значительное влияние на деятельность должника могут оказывать и «горизонтально» аффилированные с ним лица (например, компании-«сестры», входящие в одну группу лиц)[3].

Отсутствие прямого указания на таких субъектов в законодательстве создает правовой пробел, позволяя недобросовестным участникам оборота выводить активы и уклоняться от ответственности. Целью настоящего исследования является комплексный анализ возможности и правовых оснований для привлечения к субсидиарной ответственности «горизонтально» аффилированных лиц.

Основная сложность привлечения «горизонтально» аффилированного лица к субсидиарной ответственности по ст. 61.11 Закона о банкротстве заключается в доказывании наличия у него возможности определять действия должника, особенно, с учетом самостоятельной имущественной ответственности юридического лица, которая следует из положений п. 1 ст. 48 и ст. 65 Гражданского кодекса Российской Федерации[4].

В отличие от генерального директора или основного участника, чей контроль над должником очевиден, влияние компании-«сестры» или иного «горизонтально» связанного лица часто носит скрытый, неформальный характер. Одним из примеров горизонтально аффилированного лица является «зеркальное» общество.

Легального понятия «зеркального» общества нет, однако его некоторые признаки выработаны в судебной практике. Так, общество признается «зеркальным» при наличии одного или нескольких, в зависимости от обстоятельств дела, признаков: общество

[1] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Российская газета, 02.11.2002. № 209-210.
[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета, 29.12.2017. № 297.
[3] *Сятчихин А.В.* Доктринальный и нормативный подходы к понятию аффилированности / А.В. Сятчихин, Д.И. Стороженко // Ex jure. - 2021. - №4. - С.52. – Текст: непосредственный.
[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета, 08.12.1994. № 238-239.

осуществляет ту же деятельность, что и должник[1]; сходство атрибутов (наименование, адрес и пр.)[2]; перевод сотрудников должника в новую компанию[3] и т.д.

Однако признак «зеркальности» сам по себе не свидетельствует о причинении кредиторам убытков[4]. С учетом правового подхода, выработанного судебной практикой и отраженного в Определениях Верховного Суда Российской Федерации, при установлении того, повлекло ли поведение ответчиков банкротство должника, необходимо принимать во внимание, в том числе, то, является ли лицо потенциальным выгодоприобретателем возникших негативных последствий[5].

Предполагается, что контролирующим является выгодоприобретатель, извлекший существенные преимущества из такой системы организации предпринимательской деятельности, которая направлена на перераспределение совокупного дохода, получаемого от этой деятельности лицами, объединенными общим интересом, в пользу ряда этих лиц с одновременным аккумулированием на должнике основной долговой нагрузки[6].

Например, «зеркальное» общество будет выгодоприобретателем, если создано в момент кризисного состояния должника[7], перезаключило договоры с основными контрагентами должника, получило имущество должника безвозмездно или с большим дисконтом[8]. Полагаем, что подходы, применяющиеся к внебанкротной субсидиарной ответственности в данном случае справедливы и для дела о банкротстве.

Таким образом, к субсидиарной ответственности должно быть привлечено, в том числе, «зеркальное» общество как выгодоприобретатель в случае, если оно является «центром прибыли» за счет функционирования должника как «центра убытков».

Причем Верховным Судом Российской Федерации было отмечено, что намеренное создание такой корпоративной структуры является основанием для субсидиарной

---

[1] Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.05.2023 № 14АП-1673/2023, 14АП-1674/2023 по делу № А13-20175/2019. - URL: https://kad.arbitr.ru/Card/7825902f-f9df-4e83-8d0a-a30ef59491c3 (дата обращения: 20.11.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.04.2023 № 09АП-11558/2023 по делу № А40-173689/2019. - URL: https://kad.arbitr.ru/Card/387f8292-aa0c-44e6-8cde-7f584282357f (дата обращения: 20.11.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.12.2022 № Ф05-15048/2021 по делу № А40-200781/2019. - URL: https://kad.arbitr.ru/Card/b98bae14-9d59-4276-8915-e7bce7a60a63 (дата обращения: 20.11.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] *Пархоменко А.Д.* Сходства и различия подходов к правовому регулированию субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в российском и зарубежном праве / А.Д. Пархоменко // Актуальные проблемы российского права - 2021. - № 12. - С. 40. – Текст: непосредственный.

[5] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2020 № 307-ЭС19-18723(2,3) по делу № А56-26451/2016. - URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22062020-po-delu-n-307-es19-1872323-a56-264512016 (дата обращения: 23.11.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.11.2021 № 305-ЭС19-14439(3-8) по делу № А40-208852/2015. - URL: https://kad.arbitr.ru/Card/fbde8753-720e-448d-9036-38d89c8026db (дата обращения: 23.11.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета, 29.12.2017. № 297.

[7] *Мельников В.В.* Субсидиарная ответственность за создание «зеркальных» юридических лиц / В.В. Мельников // Юридический справочник руководителя. - 2024. - № 1. - С. 37. – Текст: непосредственный.

[8] Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 25.03.2025 по делу № А65-8080/2023. - URL: https://kad.arbitr.ru/Card/b98bae14-9d59-4276-8915-e7bce7a60a63 (дата обращения: 23.11.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

ответственности, если нерыночные доходы должника начинают превышать кредиторскую задолженность, т.е. причинять вред кредиторам[1].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, действующее законодательство о банкротстве, несмотря на отсутствие прямого указания на горизонтально аффилированных лиц, содержит достаточные правовые основания для их привлечения к субсидиарной ответственности.

Во-вторых, при привлечении к субсидиарной ответственности горизонтально аффилированных к должнику лиц ключевым аспектом, подлежащим доказыванию, является возможность приобретения ими выгоды за счет должника.

В-третьих, для дальнейшего развития правоприменительной практики целесообразно закрепить в Постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» развернутые критерии определения контроля со стороны горизонтально аффилированных лиц, что будет способствовать единообразию судебной практики и защите прав кредиторов от недобросовестных действий в сложных корпоративных структурах.

[1] Определение Верховного Суда РФ от 03.08.2020 № 310-ЭС20-6760 по делу № А14-7544/2014. - URL: https://kad.arbitr.ru/Card/bed84e38-78d8-4249-981a-29de2d3fd830 (дата обращения: 23.11.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ: ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРОВ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ЖИЛЫХ ОБЪЕКТОВ

Папылева Юлия Александровна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попович Марина Михайловна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Сделки с недвижимостью стали неотъемлемой частью гражданско-правового оборота, поэтому актуальность изучения проблемных аспектов таких сделок становится более значимой. Сделки по купле-продаже вторичного жилья сопровождаются правовыми и практическими проблемами, которые приводят к судебным разбирательствам и финансовым проблемам для обеих сторон.

Одной из проблем, возникающей при заключении сделок с недвижимостью на вторичном рынке жилья, является занижение стоимости жилого объекта в договоре купли-продажи. В соответствии со ст.ст. 217 и 217.1 Налогового кодекса Российской Федерации, продавец освобождается от уплаты 13% налога на доходы физических лиц, при условии владении объектом недвижимости в течение минимального срока, который составляет 3 и 5 лет.

На практике часто возникают ситуации, когда собственник недвижимого имущества продает его до истечения срока минимального владения и намеренно пытается снизить сумму уплачиваемого налога. В связи с чем в договоре купли-продажи указывается стоимость, при которой уплата налога не возникает. Как правило, указывается цена, по которой владелец первоначально приобретал объект недвижимости. На практике такие сделки оформляются двумя договорами – договором купли-продажи и дополнительным соглашением к договору купли-продажи. На регистрацию в Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии стороны сдают договор купли-продажи, дополнительное соглашение регистрации не подлежит. Таким образом, стороны показывают неполную стоимость в договоре, и продавец освобождается от уплаты процентов. Покупатель также может быть инициатором занижения стоимости недвижимости в договоре с целью скрыть свои реальные доходы от Федеральной налоговой службы.

Сделки с занижением стоимости несут правовые риски, как для продавца, так и для покупателя.

В случае проведения налоговой проверки и выявления факта уклонения от налогов, налоговая служба обяжет продавца заплатить налоги и начислит неуплаченную сумму, также инспекторы ФНС РФ вправе наложить штраф за нарушение налогового законодательства. Кроме того, уклонение продавцом от уплаты налогов является составом преступления, в соответствии со ст. 198 УК РФ.

Покупатель является более уязвимой стороной данной сделки. В случае признания договора недействительным, стороны возвращаются в первоначальное положение. Право собственности переходит обратно продавцу, и в таком случае продавец должен будет вернуть только ту стоимость, которая указана в договоре купли-продажи. В данной ситуации покупатель лишается как самого объекта недвижимости, так и денежной суммы, которая не была указана в договоре.

В случае признания продавца банкротом, сделка с занижением цены в договоре купли-продажи может быть признана недействительной. Во время процедуры банкротства арбитражный управляющий изучает все сделки по отчуждению недвижимого имущества должника, и, если в ходе анализа будет установлено, что такая сделка совершена в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, суд признает ее недействительной. В таком случае отменяется переход права собственности, расторгается договор купли-продажи, и стороны возвращаются в первоначальное положение. Объект недвижимости возвращается в собственность продавца, однако, покупателю не всегда возвращается денежная сумма, поскольку продавец к этому моменту может их реализовать.

Занижая стоимость объекта недвижимости, покупатель лишается возможности оформления налогового вычета на реальную стоимость объекта, вычет будет оформлен только на ту стоимость, которая указана в договоре.

Также, такие сделки приводят уменьшению доходной части бюджета государства, что также является нарушением законодательства Российской Федерации.

Другой проблемой, встречающейся на практике на вторичном рынке жилья, является завышение цены в договоре купли-продажи. Данная ситуация выгодна уже для покупателя. Такая ситуация может возникнуть, к примеру, если у покупателя отсутствует первоначальный взнос для ипотечного кредита, чтобы не платить эту сумму, стоимость в договоре купли-продажи увеличивается на проценты первоначального взноса. Сумма первоначального взноса, как правило, указывается в расписке, по которой денежные средства между сторонами не передаются, и затем банк выдает ипотечный кредит и переводит деньги на счет продавца.

Сделки с завышением стоимости недвижимого имущества также имеют правовые риски для обеих сторон договора.

В некоторых банках обязательным условием в выдаче ипотечного кредита является оценка недвижимости. Оценка проводится в интересах и понимания банка, что согласованная сторонами цена является рыночной. В случае выявления, в ходе проведения банковской проверки, факта завышения стоимости объекта недвижимости, банк имеет право отказать покупателю в ипотечном кредитовании либо снизить запрашиваемую сумму денежных средств до рыночной стоимости объекта недвижимости.

Продавец в такой сделке рискует повышенным налогом, поскольку, чем выше будет цена, тем выше будет и подоходный налог. В случае если не истек минимальный срок владения объектом недвижимости, продавец будет обязан уплатить налог на доходы физического лица с той суммы, которая указана в договоре.

В случае признания сделки недействительной, стороны вернутся в первоначальное положение, и тогда продавец обязан будет вернуть ту сумму, которая была указана в договоре купли-продажи с завышением. В случае отказа Росреестра в регистрации перехода права собственности, продавец будет обязан вернуть денежную сумму, которая была указана в расписке. Доказать факт того, что она не передавалась практически невозможно.

Также сделки с завышением стоимости объекта недвижимости нарушают уголовное законодательство, поскольку действия сторон являются составом преступлений ст.ст. 159 и 159.1 УК РФ (мошенничество и мошенничество в сфере кредитования).

Таким образом, сделки с занижением и завышением стоимости недвижимого имущества несут юридические и финансовые проблемы для обеих сторон договора купли-продажи. Такие сделки следует избегать, чтобы обезопасить себя от правовых рисков и выбирать легальные способы снижения налоговой нагрузки. Всё же, несмотря на данные правовые последствия, данные сделки на практике проводятся часто и становятся объектом судебного разбирательства.

Также проблемой, часто встречающейся в теории и судебной практике, является проблема «вечных жильцов». Перечень лиц, имеющих право на бессрочное проживание в квартире, не регистрируется в ЕГРН, и это является правовым упущением, порождающим

большое количество судебных споров, поскольку покупатель, приобретая объект недвижимости, не знает о таких лицах, а продавец может умолчать.

Категории лиц, которым предоставлено право бессрочного проживания:

1. Лица, отказавшиеся от участия в приватизации жилого помещения в пользу других членов семьи. При отчуждении собственником жилого помещения за лицами, отказавшимися от приватизации, сохраняется право постоянного проживания.

В данную категорию также входят лица безвестно отсутствующие, осужденные к лишению свободы, проживающие в учреждениях социальной защиты, на время отсутствия в месте постоянного проживания их снимают с регистрационного учета, но поскольку их отсутствие носит временный характер, за ними остается право пожизненного проживания в жилом помещении.

2. Лица, получившие право на бессрочное проживание на основании завещательного отказа. Такие лица не наследуют имущество наследодателя, не обладают и не распоряжаются им, а только приобретают право пожизненного проживания.

3. Члены жилищно-строительных кооперативов и члены их семьи (в том числе бывшие).

До 01.03.2005 года квартиру членам жилищно-строительных кооперативов предоставляли по ордеру. Лица, включенные в ордер как члены семьи собственника, приобретают право пользования квартирой и право бессрочного проживания, даже если была оплачена часть пая[1].

4. Несовершеннолетние, вынужденно покинувшие родительское жилье, т.е. находящиеся под опекой либо в детском доме.

5. Лица, получившие право бессрочного пользования жилым помещением на основании договоров или соглашений:

- в договоре дарения недвижимого имущества указан перечень лиц, имеющих право постоянного проживания;

- между супругами заключен брачный договор либо соглашение о разделе имущества, в котором прописано право одного из супругов проживать в квартире;

- лица, передавшие свое недвижимое имущество по договору ренты и др.

Покупатель, приобретая жилое помещение, с жильцами, имеющими право постоянного бессрочного проживания, не сможет свободно им распоряжаться или использовать его по своему усмотрению, поскольку лиц, обладающих правом постоянного бессрочного пользования жилым помещением, нельзя выписать даже через суд. Право бессрочного проживания может быть прекращено только в добровольном порядке, и с условием, если выезд в другое место жительства будет иметь постоянный характер[2]. Для того, чтобы избежать судебных разбирательств перед совершением сделки, как отмечает Иванов А.П.[3], покупателю необходимо получить сведения из домовой книги обо всех лицах, зарегистрированных в отчуждаемом жилом помещении и расширенных сведений о лицах, ранее зарегистрированных в отчуждаемом жилом помещении.

В соответствии с Федеральным законом от 26.12.2024 года № 482-ФЗ (далее - Закон) с 1 сентября 2025 года в ЕРГН будут вноситься сведения о жильцах, имеющих право пожизненного проживания: о лицах, отказавшимся от участия в приватизации жилого помещения в пользу других членов семьи и членах семьи собственника жилищно-строительного кооператива.

---

[1] Определение Верховного суда Российской Федерации от 12.01.2016 г. по делу №56-КГ15-31. - URL: https://www.vsrf.ru/ (дата обращения: 01.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст электронный.

[2] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.06.2020 г. по делу №88-13629/2020. – URL: https://2kas.sudrf.ru/ (дата обращения: 01.10.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст электронный.

[3] *Иванов А.П.* Покупка жилья на вторичном рынке недвижимости как способ приобретения жилого помещения физическими лицами по действующему законодательству / А.П. Иванов // Вестник экономической безопасности. - 2019. - №3. – С.90. – Текст: непосредственный.

Плюсы нового Закона для покупателей приватизированного и кооперативного заключается в минимизации судебных разбирательств. В соответствии со ст. 558 ГК РФ, существенным условием договора купли-продажи является указания перечня лиц, которые сохраняют право пользования жилым помещением после его приобретения покупателем. При отсутствии такого указания сделка считается незаключенной ввиду отсутствия в ней существенного условия. Жилой объект возвращается продавцу, но деньги покупатель не всегда получает. Перед сделкой, покупатель сможет ознакомиться с перечнем лиц, имеющим право постоянного проживания в выписке ЕГРН заранее и обезопасить себя.

Также, нововведения защищают права пожизненных жильцов, поскольку сделки с недвижимостью, на которое есть право бессрочного проживания, требуют нотариального удостоверения согласия таких лиц, без этого согласия собственник не может распорядиться имуществом.

Однако у правового акта есть и недостатки. В Закон внесены не все категории лиц, данные о которых будут вноситься в выписку ЕГРН, только – лица, отказавшиеся от участия в приватизации жилого помещения и члены семьи собственника кооперативного жилья, поэтому касаемо остальных категорий остаются риски, как для покупателей, так и для граждан, имеющих право пожизненного пользования жилым объектом. Также информацию о лицах, имеющих право пожизненного проживания в квартире, в Росреестр обязан вносить собственник жилого объекта, который может не передать такие сведения, что снова приведет к риску возникновения судебных споров.

Судебная практика по прекращению и восстановлению права бессрочного пользования жилыми помещениями огромна и противоречива, каждое дело рассматривается с учетом множества факторов и в индивидуальном порядке. Законодательство по вопросам регулирования правового статуса лиц, имеющих право постоянного бессрочного пользования жилым помещением, совершенствуется, однако, всё ещё остаются пробелы и несовершенства в нормативно-правовом регулировании.

В заключении следует отметить, что приобретение объекта недвижимости на вторичном рынке жилья является более рискованным, чем на первичном рынке, где покупатель становится первым собственником объекта. Правовое регулирование сделок в сфере купли-продажи жилых объектов требует детального научного и законодательного рассмотрения, ввиду динамически развивающихся отношений.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЙ

Пашкова Наталья Сергеевна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Макарьин Андрей Альбертович,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

Государству для выполнения своих функций и задач по социальному обеспечению граждан, обеспечению правопорядка в стране и ее обороны необходимо вступать в хозяйственные отношения с другими экономическими субъектами путем осуществления государственных и муниципальных закупок товаров, работ и услуг.

Современные государственные и муниципальные закупки товаров, работ и услуг в Российской Федерации нельзя представить без открытой конкуренции, электронных площадок, Единой информационной системы, Модуля исполнения контрактов. История законодательства о государственных и муниципальных закупках прошла долгий путь — от неупорядоченного и спонтанного взаимодействия государственной казны с предпринимателями до нормативно урегулированных взаимовыгодных отношений.

О первых государственных и муниципальных закупках известно немногое. Среди учёных нет единого мнения, какое события считать первым в истории закупок в России.

Огромное влияние культуры Древнего Рима на европейскую культуру общеизвестно, и, конечно, Россия не могла избежать этого влияния. Ряд авторов к первому упоминанию системы государственных и муниципальных закупок относят период Древнего Рима, где повсеместно были распространены литургии[1]. С помощью литургий государство возлагало на поданных обременения для выполнения тех или иных социально значимых нужд.

Салчак Инесса Шолбановна в своей работе утверждает, что первым документом о государственных закупках является казенный подряд в Указе «О заготовлении материалов для строения Смоленской крепости», изданный Федором Иоановичем[2].

В указе Федор Иванович велит князьям, дьякам и городовому мастеру ехать в Смоленск «делати свою государеву отчину Смоленск каменной». Далее по тексту идет описание комплекса мероприятий, которые необходимо было осуществить в связи с подготовкой строительных материалов к возведению крепости. От дьяков и городового мастера требовалось составление сметы, которую надлежало утвердить самому царю. Предполагалась, что строиться крепость будет через найм рабочих, за счет государственных денег.

Следующим этапом можно считать период царствования Алексея Михайловича и его Указ «О подрядной цене на доставку в Смоленск муки и сухарей». Государь указал

[1] *Кадырова Г.М.* Управление государственной и муниципальной закупочной деятельностью : учебник для вузов / Г.М. Кадырова, С.Г. Еремин, А.И. Галкин; под редакцией С. Е. Прокофьева // — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 392 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-15790-1. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт. — URL: https://urait.ru/bcode/565681/p.12 (дата обращения: 30.09.2025). - Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст электронный.

[2] *Салчак И.Ш.* История становления института государственных закупок / И.Ш. Салчак // NOVAUM.RU. - 2020. - № 23. — ISSN 2500-1167 // NovaUm.Ru. с. 62-66 — URL: https://urait.ru/bcode/565681/p.12 (дата обращения: 30.09.2025). - Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст электронный.

послать свои государевы грамоты в Москву к боярам и в города к Воеводам, и к приказным людям. В городах государь указ всяким людям, которые договорятся везти под Смоленск муку ржаную и сухари давать им за муку за четверть по сороку и по сороку по пяти алтын и по полутора рубли за поставку. Так же согласно Указу, перевозчики освобождались от уплаты пошлин.

Период Петра I характеризуется экономическим подъемом, освоением новых территорий. В связи с этим возникает потребность детального урегулирования контрактной системы для государственных нужд. Свое наибольшее урегулирование получил именно договор подряда. 23 января 1699 года был издан Именной указ «О держании во всех приказах и приказных избах гербовой бумаги, о писании на оной всяких крепостей и о ведении денежного за оную сбора в оружейной палате». Согласно приказу было велено во избежание споров, ябедников, составщиков воровских вести записи бумажные, которые больше 50 рублей, на бумаге под большим орлом. Если меньше 50 рублей на бумаге под гербом величиной против золотого. В 1715 году была создана Канцелярии подрядных дел, которая подчинялась Сенату. Проводилась борьба с коррупцией, взяточничеством для обеспечения открытости и публичности казенных подрядов. Также в связи с нуждой освоения новых территорий возникла нужда поиска арендаторов земель. Земли сдавались на несколько лет для бортничества, охоты, собирательства или иных нужд. Землю получал тот, кто предложит наивысшую цену за арендную плату. При Петре I билеты (объявления) на общественные работы были вывешены на городских воротах, чтобы люди, выезжающие или въезжающие в город, могли ознакомиться с тем, что в настоящее время требуется для государства. Через объявления на городских воротах людям передавали информацию обо всех льготах поставщикам и подрядчикам, которые уже выполняли государственные заказы. Уже позднее льготы были отменены в связи с антикоррупционным подходом к определению поставщиков и подрядчиков. На выполнение заказа мог претендовать любой добросовестный человек, но его ответственность и способность выполнить заказ должны были быть подтверждены поручителем из числа уважаемых граждан или общественных деятелей.

При Екатерине II в 1776 году был утвержден указ «О контрактах по подряду, поставке и откупу». Казённая Палата напрямую заключает контракты до десяти тысяч рублей и срок исполнения которых от одного года до четырех лет. Если контракт свыше десяти тысяч рублей, то Казенная Палата должна доносить об этом Генерал-Губернатору, Губернскому Правлению и Государственному Казначею. Также Указ устанавливал ответственность за неисполнение условий поставки, а именно 6% за непоставку. Акт закреплял преимущество в заключении контракта с лицами из собственной губернии при равных условиях с другими губерниями[1].

Следующим значимым указом Екатерины II был Указ 1784 года «О производстве торгов». В нем императрица указала, что подряды, во-первых, должны отдаваться на местах, где удобно, и где по установленному порядку проходят сами торги, так как забирая уведомления в столицу происходят промедления и иные затруднения при поставке. Во-вторых, стараться отдавать подряды в разные руки для выгоды большей части людей, а не одного или немногих, кто хочет захватить все себе. В-третьих, если контракты свыше десяти тысяч рублей предоставлять их в Сенат с приложением условий[2].

[1] Указ ея императорскаго величества самодержицы всероссийской [О контрактахъ по подряду; поставкъ и откупу 1776 год — Текст: электронный // Полное собрание законов Российской Империи, с. 465. — URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 30.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст электронный.

[2] Указ ея императорскаго величества самодержицы всероссийской, [О рассылке указа Екатерины II от 20 февраля 1784 года о производстве торгов на подряды], Из Правительствующаго Сената. — Б.м. март 1784. — URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_72398?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 30.09.2025). Режим доступа: свободный. – Текст электронный.

В продолжение развития законодательства о закупках были приняты и другие указы, например, Указ «О приеме залогов по подрядам, поставкам и винным откупам» и прочее.

Следующие кардинальные изменения контрактная система претерпела в XIX веке.

В связи с освоением Сибири и продолжением политики по реформированию контрактной системы Александром I было принято Положение от 22 июля 1822 года «О Земских повинностях в Сибирских Губерниях»[1]. В документе указано, что земские повинности (это работа, которая выполняется лично по очередям и нарядам, или наймом посредством денежного сбора) осуществляются через торги. Торги, согласно Положению, назначаются либо оптовые, либо раздробительные по частям. По документу контракты должны заключаться по ценам, которые будут выгоднее. При этом контракты могу заключаться или на все трехлетие, или погодно, по желанию подрядчиков, в последнем случае торги в течение трехлетия возобновляются. Важно отметить, в случае равенства цен, прежние подрядчики, если они были исправны, предпочитаются.

Следующим значимым этапов было издание 17 октября 1830 года «Положение об обязательствах, заключаемых с торгов между казною и частными людьми по подрядам, поставкам, по содержанию оброчных статей и продажам казённых движимых имуществ»[2]. Данный акт определял круг лиц, которые могли вступить в обязательства с казной; механизм заключения договоров; ответственность за нарушение и неисполнение контрактов. Например, государственный служащий не допускались к контрактам, если заказчиком работ выступало учреждение, в котором он проходит службу.

Интересно то, что на именно во время царствования Александра I и Николая I сильно поменялся механизм обеспечения исполнения обязательств, в том числе, залог, поручительство. Например, для купцов была характерна уплата гильдейских взносов, в зависимости от капитала той гильдии, которой соответствует подрядная цена. Была введена практика штрафов не только недобросовестных поставщиков, подрядчиков, но и членов департамента, которые выступали в роли Заказчиками.

Вспоминая историю важно отметить, что Российская Империя включала в себя большую территорию. В связи с этим были исключения, введенные раннее, на утверждение Сенатом контрактов свыше десяти тысяч рублей. Отдельными указами и положениями, утверждёнными Николаем I, разрешалось заключать контракты без согласования с Сенатом.

События 1917 года привели к новой государственной политике. На смену конкуренции приходит плановое хозяйство и государственное распределение.

Первым этапом становится принятие Декрета СНК РСФСР от 1921 года «О государственных подрядах и поставках (Положение)», где советские законодатели четко разграничил контракты поставки и подряда. В данном документе прописан порядок заключения контрактов. И важно отметить, что условия контрактов невыгодные для поставщиков, подрядчиков. Позже был принят Декрет ЦИК СССР, СНК СССР от 1923 года «Положение о государственных подрядах и поставках, который урегулировал обеспечение исполнения контракта, порядок сдачи, приемки товаров и работ»[3]. Продолжением данных декретов стало Положение о государственных подрядах и поставках, утвержденное 11 мая 1927 г., которое расширили вышеуказанные акты. При

---

[1] См. Высочайше утвержденное положение о земских повинностях в сибирских губерниях : 22 июля (3 августа) 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. 38. – № 29132. - С. 545–550. – Текст: непосредственный.

[2] Положение об обязательствах, заключаемых с торгов, между казною и частными людьми по подрядам, поставкам, по содержанию оброчных статей и продажам казенных движимых имуществ / Подлинное подписал: Председатель Государственного Совета граф В. Кочубей. — Б. м., 1830. — 26 л. - URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01008264361 (дата обращения: 30.09.2025). - Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст электронный.

[3] *См. Бурмистров А.А.* Нормативно-правовое регулирование государственного заказа в советский период / А.А. Бурмистров // Марийский юридический вестник. - 2012. - №9. – С.99 – 107. – Текст: непосредственный.

этом публичные торги с каждым годом теряли свои актуальность, появлялись плановые договоры.

В дальнейшем институт государственного заказа был заменён Государственным комитетом СССР по материально-техническому снабжению, который распределял всё, что производили в стране или ввозили за границу.

17 июля 1987 г. принимается Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР № 816 «О перестройке планирования и повышения роли Госплана СССР в новых условиях хозяйствования», где указывается, что государственные заказы выдаются предприятию вышестоящим органом и они обязательны для включения в план.

Распад СССР ознаменовал потребность в новом урегулировании контрактной системе в рамках нового государства - России. Современное регулирование контрактной системы государственных и муниципальных закупок начинается с Закона Российской Федерации от 1992 года № 2859-I «О поставках продукции и товаров для государственных нужд». Закон никак не конкретизируя нормы, возлагал обязанность на заказчиков осуществлять, из интересов государства, выбор поставщиков продукции для заключения государственных контрактов. Продолжая законодательное регулирование в новых условиях были приняты Указ Президента РФ от 1992 года № 826 «О мерах по формированию Федеральной контрактной системы», постановление Правительства РФ от 1992 года № 565 «О реализации Указа Президента РФ “О мерах по формированию федеральной контрактной системы”», которые многие аспекты оставили неурегулированными. Уже в 1994 году появляется первый Федеральный закон, регулирующий поставку №60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд». Данный нормативный акт установил правила взаимодействия сторон при заключении и исполнении контракта поставки, процесс формирования потребностей и размещение заказов, ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение контракта.

Таким образом, до 2005 года законодательную основу контрактной системы для государственных и муниципальных нужд в России составляло множество специальных законов, разъяснений, писем, которые создавали проблему в применении их на практике. При этом никак не обеспечивалось соблюдение принципов открытости, прозрачности, конкурентности.

С принятием Федерального закона № 94-ФЗ система государственных и муниципальных закупок перешла на новый уровень. Его основной целью стало создание в России единого экономического пространства. Закон четко определил процедуру выбора поставщиков, подрядчиков, исполнителей; появился реестр недобросовестных поставщиков; вся информация о закупочной деятельности размещается на едином общероссийском портале (с 2011 ЕИС); создание конкурентной среды благодаря закупках в электронной форме; ограничении возможности изменения контракта. Однако, у ФЗ-94 есть ряд недостатков, например, отсутствие детального регулирования всех стадий закупочного процесса; проблема низкого качества товаров, работ, услуг; низкая эффективность государственных и муниципальных закупок; коррупциогенные факторы при осуществлении закупочной деятельности.

Исходя из недостатков Федерального закона сложились предпосылки для принятия нового Федерального закона № 44. 5 апреля 2013 года вышел Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд", который действует и сейчас. Согласно закону, главной задачей контрактной системы является обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок.

Для решения задач используются принципы открытости, прозрачности закупок, обеспечения конкуренции, профессионализма заказчиков, введение инноваций, общего единство контрактной системы, эффективность закупочной деятельности.

При этом следует отметить, что закон о государственных и муниципальных закупках является достаточно сложным нормативно-правовым актом для практического применения. Так, в законе большинство норм отсылочные. Для применения одной нормы нужно обратиться к нескольким другим законам для усвоения и понимания истинного смысла нормы. Так же стоит отметить, что ФЗ-44 содержит множество терминов, которые сложны для быстрого восприятия и усвоения. Остаётся актуальным вопрос наличия коррупциогенных факторов в закупочной деятельности. Усложнение новой политики в национальном режиме также оказывает негативное влияние на закупки на сегодняшний день. Так, Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 N 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» ограничивает перечень товаров, работ, услуг, которые можно свободно приобрести у поставщиков и подрядчиков. Для приобретения товаров, работ и услуг требуется приложить немало усилий, чтоб соблюсти новое законодательство. При этом не всегда понятен сам механизм последующих действий, не оговоренных в Постановлении.

В результате анализа исторического развития законодательства о государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации можно сделать вывод, что, несмотря на колебания в уровне регулирования, основная цель системы остается неизменной — обеспечение эффективности и результативности закупок. Современные закупки представляют собой сложный и динамичный процесс, который активно адаптируется к новым условиям, включая переход к полной цифровизации, что открывает новые возможности для повышения прозрачности и оптимизации государственных расходов.

ПРОБЛЕМА ЭТИКИ И НЕЗАВИСИМОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА

Першина Мария Константиновна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Шелепина Елена Александровна,
заведующий кафедрой частно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Федеральный закон от 26.04.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[1] наделяет арбитражного управляющего достаточно широкими полномочиями, предъявляя к кандидатам серьезные требования, поскольку главная цель института банкротства – восстановление платежеспособности должника, а также соразмерного удовлетворения требований кредиторов.

По сообщению Общероссийского профсоюза арбитражных управляющих 9 июля 2021 года в Москве состоялся Всероссийский съезд арбитражных управляющих[2]. Участники приняли Кодекс этики арбитражного управляющего, однако, его официально так и не опубликовали.

Тем не менее, все этические принципы и стандарты поведения арбитражного управляющего в процедуре банкротства можно проследить и в ФЗ о банкротстве, а также в утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ «Обзоре судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве» от 11.10.2023 г. в разделе I[3]. Также каждая саморегулируемая организация сама разрабатывает для своих членов такие этические принципы и стандарты. Ознакомиться с принципами работы арбитражного управляющего можно на сайтах различных СРО, где открыто размещены Правила, Положения или Стандарты профессиональной деятельности и деловой этики арбитражных управляющих конкретных СРО (например, СРО АУ «Авангард»[4], СРО АУ «Меркурий»[5] и др.). Естественно, деятельность арбитражных управляющих должна основываться и на общепризнанных нравственных принципах и нормах.

Таким образом, в настоящее время к принципам деятельности арбитражного управляющего в соответствии с ранее указанным законодательством относятся следующие: 1) соблюдение объективности и беспристрастности по отношению ко всем лицам, участвующим в процессе по делу о банкротстве; 2) доброжелательное отношение к

---

[1] Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета, № 209-210, 02.11.2002.

[2] Арбитражные управляющие получили кодекс этики // Новостной канал «Право.ру». – URL: https://pravo.ru/news/233159/ (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/documents/thematics/33022/ (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] Правила деловой этики арбитражных управляющих – членов некоммерческого партнерства «Объединение арбитражных управляющих «Авангард» // Официальный сайт Саморегулируемой организации арбитражных управляющих «Авангард». – URL: http://oau.ru/11/2456.html (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[5] Положение о профессиональной этике // Официальный сайт ассоциации «Саморегулируемой организации арбитражных управляющих «Меркурий». – URL: https://soautpprf.ru/01.01.01.03/1343.aspx (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

другим арбитражным управляющим, им следует воздерживаться от необоснованной критики их деятельности и иных сознательных действий, причиняющих ущерб профессиональной репутации арбитражных управляющих – членов Партнерства; 3) отказ от назначения его арбитражным управляющим на организацию-должника, если у него есть сомнения в уровне своей профессиональной квалификации для успешного проведения процедуры банкротства данной организации; 4) объективное рассмотрение всех возникающих ситуаций и реальных фактов, следует также не допускать, чтобы личная предвзятость, предрассудки либо давление со стороны могли сказаться на объективности их заключений, решений и действий; 5) недопущение личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов; 6) вежливость, доброжелательность, корректность, внимательность и проявление терпимости в общении с гражданами и коллегами независимо от возраста, расы, национальности, языка, гражданства, социального, имущественного или семейного положения, политических или религиозных предпочтений и др.

У принятого Кодекса арбитражных управляющих есть еще одно название – этика многоликих интересов[1], имеющий отчасти негативный подтекст: арбитражные управляющие ведь действуют в многосторонних интересах. Это и кредиторы, и должник, и общество, а в некоторых случаях и государство, а иногда кредитор и государство в одном лице.

При анализе правового статуса арбитражного управляющего возникает закономерный вопрос, чьи интересы он представляет. К примеру, Т.В. Ускова придерживается позиции, что арбитражный управляющий – это представитель кредиторов[2].В свою очередь, Ю.А. Гартина констатирует, что арбитражный управляющий наделен специфическим статусом, и определить его правовое положение невозможно[3]. Тем не менее, важно помнить, что арбитражный управляющий является обязательным участником всех стадий процедуры банкротства (за исключением «внесудебного банкротства» физических лиц) и поэтому его деятельность должна обеспечивать баланс интересов различных субъектов, участвующих в процедуре несостоятельности[4].

Согласно ст. 1 и 10 Гражданского Кодекса РФ[5] арбитражный управляющий является участником интерес, с точки зрения права, представляют нормы Федерального закона о банкротстве, предъявляющие к арбитражным управляющим требования добросовестности, компетентности и независимости. Критерии определения данных требований в законе не раскрываются. Однако необходимо отметить, что добросовестно, компетентно и независимо арбитражный управляющий должен действовать в интересах всех участников процедуры банкротства: и должника, и кредиторов, и суда, и иных лиц, заинтересованных в исходе дела, чьи интересы зачастую диаметрально противоположны.

---

[1] Этика многоликих интересов (о кодексе этики арбитражных управляющих) // Новостной канал законодательства «Zakon.ru». – URL: https://zakon.ru/discussion/2021/07/14/etika_mnogolikih_interesov_o_kodekse_etiki_arbitrazhnyh_upravlyayuschih (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Ускова Т.В.* Проблемы определения правовой природы арбитражного управления / Т.В. Ускова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 5. – С. 37. – Текст: непосредственный.

[3] *Телюкина М.В.* Основы конкурсного права / М.В. Телюкина // М., 2004. – С. 228. – Текст: непосредственный.

[4] *Гартина Ю.А.* Арбитражный управляющий в процедуре банкротства: теоретико-правовые проблемы / Ю.А. Гартина // Наука. Общество. Государство. – 2022. – №3 (39). – С. 10. – Текст: непосредственный.

[5] Гражданский кодекс РФ (часть первая) № 51-ФЗ от 30.11.1994 (в ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

В Порядке определения ранее указанных понятий[1], утвержденном Ассоциацией «Национальная организация арбитражных управляющих», конкретизируется, что под добросовестностью понимается тщательное исполнение формальных или неформальных обязанностей арбитражным управляющим в процедурах, применяемых в делах о банкротстве, осуществленных без умысла причинить вред другому лицу, а также отсутствие легкомыслия (самонадеянности) и небрежности по отношению к возможному причинению вреда должнику и кредиторам. Причем добросовестность заключается не только в отсутствии умысла причинения вреда лицам, участвующим в процедуре банкротства, но и в том, что арбитражный управляющий должен выполнять все необходимые в конкретной процедуре действия для достижения поставленных перед ним задач в рамках конкретного дела о несостоятельности (банкротстве). И добросовестность в данном случае будет характеризоваться достаточностью, полнотой, всесторонностью, обоснованностью и разумностью выполненных действий.

В свою очередь, компетентность – это наличие знаний и опыта, необходимых для эффективной деятельности арбитражного управляющего в процедурах, применяемых в деле о банкротстве. СРО арбитражных управляющих устанавливает следующие обязательные требования компетентности к своим членам: 1) наличие высшего и (или) дополнительного образования в рассматриваемой сфере; 2) наличие стажа работы; 3) сдача теоретического экзамена по программе подготовки арбитражных управляющих; 4) отсутствие судимости за совершение умышленного преступления и др. Вместе с тем, согласно пункта 2.2. Порядка, СРО вправе устанавливать иные требования к компетентности, добросовестности и независимости арбитражного управляющего в рамках законодательства о банкротстве.

Независимость представляет собой отсутствие подчиненности, самостоятельность в определении целей, задач и методов их достижения, самостоятельность в принимаемых решениях, осознанная ответственность за их исполнение, способность решать вопросы и проблемы за свой счет в рамках закона. Это показатель моральной силы арбитражного управляющего, его уровня мировоззрения, адекватности представлений о себе и о лицах, участвующих в деле о банкротстве, что прямо регламентировано пунктом 2.3. Порядка.

Вопрос конфликта интересов – это, прежде всего, вопрос независимости арбитражного управляющего. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что применительно к арбитражному управляющему названные принципы означают соответствие его действий определенным стандартам, установленным, помимо законодательства о несостоятельности, правилами профессиональной деятельности арбитражного управляющего, утвержденными постановлениями Правительства РФ (например, Постановлением Правительства РФ от 25.06.2003 г. № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа»[2]), либо стандартам, выработанным правоприменительной практикой.

Согласно обзору судебной практики, утвержденному Президиумом Верховного Суда РФ[3], нарушение принципов может выражаться в следующем: 1) аффилированности

---

[1] Порядок определения компетентности, добросовестности и независимости члена Ассоциации «Национальная организация арбитражных управляющих» (Утв. решением Совета Ассоциации «Национальная организация арбитражных управляющих» от 20.04.2018 (Протокол № 131 от 20.04.2018). – URL: https://sroarbitr.ru/sites/default/files/files/Порядок%20определения%20компетентности%2C%20добросовестности%20и%20независимости.pdf (дата обращения: 30.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа» № 367 от 25.06.2003 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.03.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/documents/thematics/33022/ (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

арбитражного управляющего с должником лица, инициировавшего его банкротство и предложившего кандидатуру арбитражного управляющего; 2) мажоритарном участии кандидата в управляющие в хозяйственном обществе наряду с руководителем одного из кредиторов должника; 3) содействии кандидата в управляющие прежнему конкурсному управляющему, отстраненному судом от исполнения обязанностей за противоправное ведение процедуры банкротства. Установив данные обстоятельства, суды отказывали в утверждении кандидатуры арбитражного управляющего по конкретному делу.

Кроме того, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в определении от 28.08.2023 года № 307-ЭС23-6153 (1, 4, 5)[1] прямо разъясняет, что любые разумные сомнения в независимости арбитражного управляющего трактуются против него и в отсутствии надлежащего опровержения влекут отказ в его утверждении.

В то же время Верховный Суд РФ в ранее указанном Обзоре конкретизировал, что неоднократное предложение кредитором одной и той же кандидатуры арбитражного управляющего в делах о банкротстве разных должников само по себе не указывает на зависимость этого арбитражного управляющего от кредитора. Закон не запрещает кредитору систематически пользоваться услугами одного и того же арбитражного управляющего. В одном из дел предложение банком кандидатуры Е. в делах о банкротстве различных должников не указывает на зависимость этого арбитражного управляющего от кредитора. Выбор банка обусловлен высокими профессиональными качествами этого арбитражного управляющего, его безупречной деловой репутацией, проверенными банком в ряде предыдущих дел, и возникшим на этой базе доверием к Е.

Согласно статье 22 Федерального закона о банкротстве, у СРО арбитражных управляющих есть обязанности по разработке и установлению обязательных для выполнения их членами стандартов и правил профессиональной деятельности, а также контролю за их соблюдением. То есть, как уже было выяснено, СРО может разрабатывать собственные требования к арбитражным управляющим, но только такие, которые не выходят за рамки Федерального закона о банкротстве (добросовестность, компетентность, независимость). Кандидатами в арбитражные управляющие по конкретному делу становятся либо по определению суда о принятии заявления к производству, либо по представлению заявленной СРО кандидатуры из числа своих арбитражных управляющих, давших на это согласие. Причем СРО обязана обеспечить свободный доступ всех заинтересованных лиц к проведению процедуры выбора кандидатуры арбитражного управляющего. Такие правила могут позволить гарантировать лицам, участвующим в процедуре банкротства, независимость кандидатуры арбитражного управляющего от других участников и его незаинтересованность.

Развитие данного вопроса в судебной практике в целом склоняется к тому, что «институт представительства, в том числе, и судебного, является лишь инструментом для осуществления гражданских прав и обязанностей, и не подменяет собой понятий заинтересованности либо наличия безусловного контроля со стороны доверителя и поверенного по отношению к финансовому управляющему. Представительство (без анализа всей совокупности действий управляющего) само по себе не свидетельствует однозначно о наличии какой-либо заинтересованности, поскольку представитель не может давать для доверителя какие-либо обязательные указания»[2].

---

[1] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.08.2023 № 307-ЭС23-6153 (1, 4, 5) по делу № А56-108239/2019 // Информационно-правовой портал «Гарант». - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407489914/ (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-78347/2023 от 20.12.2023 № 09АП-78347/2023 от 20.12.2023 // Официальный сайт Девятого арбитражного апелляционного суда. – URL: https://9aas.arbitr.ru (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

В 2021 году девятый арбитражный апелляционный суд вынес постановление по делу № А40-187983/19[1], которым признал возможным раскрытие адвокатской тайны арбитражному управляющему. В силу пункта 3 статьи 20.3 Закона о банкротстве арбитражный управляющий обязан сохранять конфиденциальность сведений, охраняемых федеральным законом (в том числе составляющих служебную или коммерческую тайну) и ставших ему известными в связи с исполнением обязанностей. Кроме того, пунктом 1 статьи 126 Федерального закона о банкротстве установлено, что с даты принятия судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства сведения о его финансовом состоянии прекращают относиться к конфиденциальным или составляющим коммерческую тайну. Суд посчитал, что по смыслу приведенных норм вопрос о распространении режима служебной или коммерческой тайны на документы должника применительно к правам арбитражного управляющего разрешен.

Апелляция отметила, что применительно к такой разновидности тайны, как банковская, в определении от 13 декабря 2018 г. № 305-ЭС18-5703(3)[2] Верховный Суд РФ сформулировал правовой подход, в силу которого, если управляющий принял решение раскрыть информацию, то прежде чем передать соответствующие документы, он обязан потребовать от кредитора расписку, в которой тот подтвердит, что предупрежден о конфиденциальном режиме получаемой информации и обязанности ее сохранять. Такой подход вытекает из смысла разъяснений, данных в абзаце 2 пункта 15Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ»[3]. При несоблюдении обязанности сохранять конфиденциальные сведения лицо, чьи права были нарушены, вправе требовать возмещения убытков нарушителем по общим правилам гражданского законодательства.

В определении Верховного Суда РФ от 26.12.2023 года № 308-ЭС23-15786[4] регламентируется, что для достижения целей положения абзаца десятого пункта 1 статьи 20.3 Закона о банкротстве наделяют арбитражного управляющего правом запрашивать во внесудебном порядке необходимые сведения о должнике, о лицах, входящих в состав органов управления должника, о контролирующих лицах, о принадлежащем им имуществе (в том числе имущественных правах), о контрагентах и об обязательствах должника у физических лиц, юридических лиц, государственных органов, органов управления государственными внебюджетными фондами РФ и органов местного самоуправления, включая сведения, составляющие служебную, коммерческую и банковскую тайну. Таким образом, положения статьи 20.3 наделяют арбитражных управляющих полномочиями получать соответствующую информацию без предварительного обращения в арбитражный суд, запрашивая ее напрямую у лиц, имеющих доступ к такой информации или осуществляющих ее хранение.

---

[1] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-49732/2021. - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/309f2dda-7222-47cb-9dba-7e656582225a/23e757e6-bdc2-4394-9070-b6014be4876b/A40-187983-2019_20211108_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 30.09.2025 г.). – Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 13.12.2018 г. № 305-ЭС18-5703(3). – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f354d862-73b4-4225-9e64-f9c78a6a6bab/f44a1641-94f9-44b5-b95a-64ef516da0be/A40-185433-2017_20181213_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 30.09.2025 г.). – Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[3] Информационного письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.01.2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 декабря 2023 г. № 308-ЭС23-15786 по делу № А63-14622/2022 // Информационно-правовой портал «Гарант». - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408202389/#review (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что соблюдение баланса интересов кредиторов, должника и иных лиц гарантирует законное проведение процедуры банкротства. Однако анализ норм действующего законодательства о несостоятельности позволяет сделать вывод о том, что в большей степени арбитражный управляющий защищает интересы кредиторов в процедуре банкротства, так как большая часть правовых норм Закона о банкротстве сконструирована именно по модели ступенчатого признания должника банкротом и попытки максимального удовлетворения требований кредиторов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ПРОДАЖИ НЕДВИЖИМОСТИ КАК СПОСОБ МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ СТОРОН

Протасова Диана Игоревна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попович Марина Михайловна,
доцент кафедры частно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Договор купли-продажи недвижимости является одним из самых востребованных договоров, заключаемых гражданами и юридическими лицами. За январь-декабрь 2024 года Управлением Росреестра по Москве зарегистрировано 146 200 переходов прав на основании договоров купли-продажи (мены) жилья[1].

Договор купли-продажи недвижимости — это важный инструмент, который регулирует отношения между продавцом и покупателем. Он обеспечивает правовую защиту сторон и способствует стабильности на рынке недвижимости. Однако, несмотря на свою значимость, данный договор может сопровождаться множеством проблем, которые могут привести к правовым спорам и финансовым потерям.

Согласно статье 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), к недвижимости относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства[2].

При анализе критерия недвижимости, связанного с прочной связью объекта с землёй, необходимо учитывать его относительный характер. Данный критерий подразумевает, что перемещение объекта связано с существенными трудностями и может привести к значительному ущербу, однако это не исключает возможности его перемещения. В качестве примера, иллюстрирующего данную позицию, судебные инстанции нередко ссылаются на случай перемещения жилого дома по улице Серафимовича в Москве в 1937 году. В данном случае дом был перемещён на несколько сотен метров с использованием рельсов и шпал, установленного на специально подготовленный фундамент. Этот прецедент был упомянут в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 июня 2013 года по делу № А40–53007/12[3]. Несмотря на осуществлённое перемещение, объект продолжал сохранять статус недвижимого имущества.

Договор купли-продажи недвижимости является двусторонним, возмездным и консенсуальным, что означает, что для его заключения достаточно согласия сторон на основные условия сделки. На наш взгляд, правовая характеристика данного договора

---

[1] Купля-продажа столичного жилья: статистика 2024 года // Росреестр: сайт. URL: https://rosreestr.gov.ru/press/archive/kuplya-prodazha-stolichnogo-zhilya-statistika-2024-goda/ (дата обращения: 25.02.2024). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного суда РФ 27.12.2017) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

определяет основание и момент возникновения обязательств у субъектов правоотношений (достижение «согласия»), а также определяет основные обязанности сторон. В то же время в правовой доктрине существует иная научная позиция, согласно которой, стороны вправе выбрать любую модель договора (реальную или консенсуальную), ссылаясь на статью 421 ГК РФ[1].

Как правило, стороны стремятся к противоположным материально-правовым результатам. С одной стороны, продавец заинтересован в быстром, безопасном и простом получении денежных средств за проданный объект. С другой стороны, покупатель, после осуществления оплаты, стремится минимизировать риски утраты приобретенного имущества. Традиционным способом исполнения договора является передача денежных средств и получение предмета договора в день его заключения. В отличие от общих положений о купле-продаже, где исполнение обязательств может осуществляться в форме конклюдентных действий, при продаже недвижимости стороны обязаны передать и получить её по передаточному акту в соответствии со статьей 556 ГК РФ.

Кроме того, договор купли-продажи недвижимости подлежит государственной регистрации. Согласно ст. 131 ГК РФ права собственности на недвижимое имущество переходят к новому владельцу только после внесения записи в Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН). Это обеспечивает защиту прав собственника и подтверждает законность сделки. Без государственной регистрации сделки такие, как купля-продажа квартиры или земли, не будут иметь юридической силы, и претензии на право собственности могут быть оспорены.

В связи с вышеизложенным традиционный способ исполнения договора купли-продажи теряет свою актуальность, поскольку значительно увеличивает риски для покупателя. Продавец может действовать недобросовестно и уклоняться от государственной регистрации перехода права собственности. Также возможно наличие запретов на проведение регистрационных действий или наложение обеспечительных мер судом, что может привести к приостановлению государственной регистрации. Кроме того, покупатель может не располагать согласованной в договоре суммой денежных средств после завершения регистрационных процедур. Таким образом, возникает правовая проблема: у покупателя появляется риск осложнения процесса переоформления права собственности на недвижимое имущество, в то время как продавец испытывает обоснованное опасение не получить денежные средства. Следовательно, для решения данной проблемы продавцу и покупателю необходимо более детально изучить механизмы и способы передачи предмета договора и получения денежных средств в рамках сделки купли-продажи недвижимости для минимизации указанных рисков.

М.Т. Саблин предлагает использовать договор банковского хранения как способ обеспечения исполнения денежных обязательств. В этом случае, банк выступает хранителем, предоставляя покупателю и продавцу банковскую ячейку. Покупатель размещает там средства при сделке с недвижимостью, а банк обязуется предоставить доступ продавцу при выполнении условий (например, предоставление выписки из ЕГРН)[2].

Однако, такой подход сопряжен с рисками, такими как подделка выписки. Банк в данном случае лишь хранитель, а не гарант сделки. Необходимо, чтобы банк проверял документы.

Альтернативой может служить аккредитив. В соответствии с ним, банк по поручению плательщика производит платеж или другие действия для выполнения условий аккредитива. Чаще всего используют безотзывный аккредитив, который нельзя

---

[1] *Гумеров Р.К.* Современные проблемы исполнения договора купли-продажи недвижимости / Р. К. Гумеров, Н. В. Свечникова // Научный альманах Центрального Черноземья. - 2022. - № 1-5. - С. 203. – Текст: непосредственный.

[2] *Саблин М.Т.* Покупка квартиры в России: техника подбора, юридической проверки и проведения сделки / М.Т. Саблин // Монография, издание третье, переработанное и дополненное. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. - С. 52. – Текст: непосредственный.

отменить без согласия бенефициара и банка. Ключевые принципы аккредитива – строгое соответствие и независимость.

Аккредитив гарантирует, что покупатель не сможет забрать средства, а продавец получит оплату только после предоставления документа о регистрации права собственности. Это защищает обе стороны, так как в случае подделки выписки и выплаты средств, ответственность перед продавцом несет банк.

Таким образом, вместо банковской ячейки, целесообразно использовать аккредитив, где банк выступает гарантом. Это позволяет избежать рисков подделки документов, так как банк заинтересован в их подлинности. Исключается и риск кражи средств, так как они находятся на счете до выполнения условий аккредитива.

По нашему мнению, увеличить безопасность сделки можно с помощью проведения цифровой сделки с использованием сервиса от Сбербанка «Домклик». Данный сервис разработан с использованием инновационных технологий и перечнем мер, обеспечивающие безопасность:

1. Юридическая чистота объекта. Пользователи получают доступ к данным из ЕГРН, что позволяет тщательно изучить историю перехода прав собственности на объект. Кроме того, сервис предлагает рекомендации по минимизации рисков и предоставляет консультации профессиональных юристов в случае обнаружения потенциальных угроз.

2. Гарантия сервиса. В случае утраты права собственности покупателю выплачивается компенсация до 25 миллионов рублей. Если ипотека была оформлена в Сбербанке, сервис возмещает оценочную стоимость недвижимости. Для случаев, когда ипотека выдана другим кредитным учреждением или объект приобретен за счет собственных средств, компенсация осуществляется на основании кадастровой стоимости.

3. Безопасные расчеты. В процессе сделки денежные средства хранятся на защищенном счете Сбербанка. Расчеты между покупателем и продавцом проводятся только после завершения регистрации сделки, что исключает необходимость дополнительных посещений банка благодаря использованию сервиса безопасных расчетов.

4. Усиленная квалифицированная электронная подпись (УКЭП). УКЭП является наиболее безопасным видом электронной подписи, подделка которой практически невозможна. Эта подпись гарантирует, что документ был подписан конкретным лицом в определенный момент времени и после его подписания не претерпел изменений.

Также, следует обратить внимание на существующие сложности, возникающие в результате взаимодействия норм ГК РФ и положений другого законодательства при заключении договоров купли-продажи недвижимости. Особое внимание стоит уделить сделкам, касающимся купли-продажи земельных участков.

Анализ судебной практики показывает, что при осуществлении сделок купли-продажи земельных участков часто не учитываются требования, изложенные в пункте 3 статьи 35 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ)[1]. Данный пункт устанавливает преимущественное право на приобретение земельного участка за лицами, являющимися собственниками объектов недвижимости, расположенных на соответствующих участках. Это означает, что владельцы зданий и сооружений, находящихся на определённом земельном участке, имеют первоочередное право на его приобретение в случае продажи. Проблема может быть продемонстрирована на конкретном примере. Так, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19 ноября 2015 года №Ф06-2440/15 по делу №А65-3304/2015[2] касается заявления общества с ограниченной ответственностью «Фаэтон» к муниципальному казенному учреждению

[1] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 21.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, ст. 4147.

[2] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19 ноября 2015 года №Ф06-2440/15 по делу № А65-3304/2015 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

«Комитет земельных и имущественных отношений Исполнительного комитета муниципального образования города Казани» об оспаривании отказа в продлении договора аренды земельного участка. Суд установил факт отсутствия на арендованном земельном участке каких-либо объектов недвижимости, в том числе объектов незавершённого строительства. С учётом пункта 3 статьи 35 Земельного кодекса РФ пришёл к выводу об отсутствии у общества преимущественного права аренды земельного участка, в том числе и права продления договора аренды, поскольку арендатор не приступил своевременно к освоению земельного участка.

Согласно пункту 3 статьи 35 Земельного кодекса РФ, собственник здания, находящегося на чужом земельном участке, имеет преимущественное право покупки этого земельного участка, а не только части, занятой зданием.

Как видно на практике нередки случаи, когда стороны сделки игнорируют данное требование. Более того, в некоторых ситуациях суды не отменяют такие сделки и не признают их недействительными, что вынуждает заинтересованных лиц обращаться в суды вышестоящих инстанций для защиты своих прав. При этом следует отметить, что суды часто оказываются ограниченными в своих действиях, поскольку формальное несоблюдение указанного требования не является основанием для признания договора купли-продажи недвижимости недействительным.

На наш взгляд, в ГК РФ необходимо закрепить соответствующее основание для признания таких сделок недействительными. В отсутствие подобного закрепления при заключении договора купли-продажи земельного участка целесообразно удостоверять факт отсутствия нарушения требований пункта 3 статьи 35 ЗК РФ. Это может быть достигнуто путем получения письменного согласия от лиц, обладающих преимущественным правом на приобретение земельного участка, либо путем документального подтверждения того, что такие лица не желают реализовывать своё право.

Кроме того, важно информировать всех заинтересованных лиц о возможности предъявления требований на основании части 3 статьи 250 ГК РФ. Данная норма предоставляет возможность собственникам недвижимости, расположенной на данном земельном участке, обратиться с требованием о признании сделки недействительной в случае нарушения их преимущественного права.

Таким образом, необходимо выработать более четкие механизмы взаимодействия норм ГК РФ и ЗК РФ, а также обеспечить надлежащую защиту прав собственников объектов недвижимости при осуществлении сделок по купле-продаже земельных участков. Это позволит минимизировать риски и повысить правовую определенность в сфере оборота недвижимости.

Ещё одна проблема, связанная с покупкой будущей недвижимости, представляет собой важный аспект гражданского оборота и требует внимательного анализа с точки зрения действующего законодательства и судебной практики. В частности, Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем»[1] в пункте 8 устанавливает важное положение: если покупатель выплачивает полную стоимость или значительную часть цены будущей недвижимости по предварительному договору, то данный договор следует квалифицировать как договор купли-продажи будущей вещи с условием предоплаты, а не как аванс.

Данное положение получило в целом положительные отзывы среди юридических экспертов, однако не обошлось и без критических замечаний. К примеру, К.И. Скловский указывает на недостаток в постановления Пленума ВАС №54 норм, регулирующих право

[1] Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 9.

продавца на замену объекта договора в случае его несоответствия, а также на смешение понятий купли-продажи будущей вещи и чужой вещи[1]. В этом контексте важно отметить, что смешение данных понятий может привести к правовым неясностям и затруднениям в защите интересов сторон.

В свою очередь, О.В. Манько акцентирует внимание на том, что резкие изменения в понимании договорных отношений относительно будущей недвижимости могут негативно отразиться на инвестиционном климате. Это связано с тем, что неопределенность в правовом регулировании может отпугнуть потенциальных инвесторов и снизить уровень доверия к сделкам с недвижимостью[2].

Неоднозначность также возникает в контексте индивидуализации предмета договора. Согласно пункту 2 постановления Пленума ВАС № 54, допускается указание иных сведений для идентификации объекта недвижимости. Однако значительные отклонения от этих данных могут привести к признанию договора недействительным из-за несогласованности существенных условий, что предусмотрено статьёй 432 ГК РФ. В то же время неполнота сведений или отсутствие ссылок на проектную документацию не всегда ведут к признанию договора незаключенным. Судебная практика по данному вопросу демонстрирует неоднородность, особенно в отношении расхождений в площади объекта, что создает дополнительные риски для сторон сделки.

В заключение, договор купли-продажи недвижимости остается важным правовым инструментом, однако его практическое применение требует внимательного анализа и адаптации. На фоне растущих рисков, связанных с недобросовестным поведением сторон и различными ограничениями на регистрацию сделок, покупатели и продавцы должны находить новые подходы для минимизации потенциальных убытков, в том числе с использованием цифровых сервисов.

Установление четких процедур и более детальных соглашений между сторонами обеспечит стабильность и предсказуемость на рынке недвижимости, что, безусловно, способствует его развитию и укреплению позиций как для покупателей, так и для продавцов.

[1] *Скловский К.И.* Приобретение права собственности покупателем недвижимости и его судебная защита / К.И. Скловский // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2019. - № 10. - С. 52. – Текст: непосредственный.

[2] *Манько О.В.* Актуальные проблемы договора купли-продажи будущей недвижимости / О.В. Манько, А.А. Мурадян, А.А. Корнеев // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 7-3(109). – С. 172. – Текст: непосредственный.

БИЗНЕС: ПОНЯТИЕ, ЦЕЛИ И СТРУКТУРА

Разоренова Валерия Игоревна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Онищенко Ирина Сергеевна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

В условиях нашей современной экономики достаточно часто встречается такой термин как «бизнес». И в литературе это понятие достаточно точно и конкретно определено. Так, бизнес - это экономическая деятельность субъекта в условиях рыночной экономики, нацеленная на получение прибыли путем создания и реализации определенной продукции или услуг[1].

Бизнес, как и предпринимательство, является одним из главных элементов рыночной экономики, без которых государство развиваться не может. Предпринимательство и бизнес влияют на темпы экономического роста государства, объем, структуру и качество валового национального продукта. И с ростом количества предприятий растет и ВВП. Так, согласно статистике «Росстата», в 2000 году ВВП России составлял 7,3 триллиона рублей, а в 2022 году – уже 153,4 триллиона рублей. Это значит, что за 22 года стоимость всех товаров и услуг, производимых в стране за год для конечного потребления, выросла в 21 раз.

В последнее время понятия «бизнес» и «предпринимательство» стали смешиваться и утрачивать свой первоначальный смысл.

Предпринимательство (предпринимательская деятельность) — самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке (ч. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)). Предприниматель может осуществлять любые виды хозяйственной деятельности, не запрещенные законом, включая коммерческое посредничество, торгово-закупочную, консультационную и иную деятельность, а также операции с ценными бумагами[2].

Исходя из данного определения, мы видим, что в предпринимательстве ключевыми моментами является самостоятельность предпринимателя, его инициативность, ответственность, а также новаторство. А бизнес - это экономическая, инвестиционная деятельность хозяйствующего субъекта, направленная на излечение прибыли, путем создания, производства и продажи продукта (продукции) или различных услуг.

Систематизируя эти определения, можно прийти к выводу, что данные понятия в определенной степени разнозначные. Но если углубиться глубже, то можно найти различие в:

1. подходе к риску. Предприниматель должен быть готов рисковать своим имуществом и под свою ответственность ради новых возможностей, а бизнес ориентирован на минимизацию рисков и стабильность;

---

[1] *Азрилян А.Н.* Экономический словарь / под ред. А.Н. Азриляна. 2-е изд. // М.: Институт новой экономики,2008. - С. 84. – Текст: непосредственный.

[2] *Болор Б.* Понятие и содержание предпринимательства / Б. Болор // Проблемы науки. - 2017. - № 7 (20). – С. 52. – Текст: непосредственный.

2. инновации. Бизнес чаще всего работает в рамках уже существующих моделей и процессов, а предприниматели постоянно ищут новые пути и создают инновационные решения;

3. цели — предприниматели создают что-то новое, в бизнесе управляют и развивают уже существующее, проверенное не одними годами;

4. масштабе — предпринимательство чаще всего связано с небольшими стартапами (например, малый бизнес, где количество сотрудников достигает до 100 человек), бизнес может включать крупные компании с сотнями и тысячами сотрудников, а также огромное количество филиалов и дочерних организаций по всей стране;

5. правовом закреплении. Существует легальное закрепление определения термина «предпринимательство», в то время как термин «бизнес» закреплен только в специальной литературе.

Также ГК РФ регулирует и иные положения, связанные с предпринимательской деятельностью, например, в ст. 23 и 24 ГК РФ говорится о признаках данной деятельности.

В настоящие время вместо слова «бизнес» используется термин «предпринимательская деятельность» на законодательном уровне. И из-за того, что происходит смешение двух понятий «бизнес» и «предпринимательство» появляется законодательная неопределенность и противоречие. Так как правовые акты и документы могут использовать и тот, и другой термин. Именно это и создает неопределенность и противоречие в понимании того, что именно является бизнесом. Отсутствие закрепления затрудняет порядок наследования бизнеса, регулирование и защиту прав лиц, владеющих бизнесом, а также затрудняет возможность получения помощи государства для развития и модернизации.

Поэтому мы считаем, что термину «бизнес» необходимо законодательно закрепление на законодательном уровне для устранения названных проблем.

Можно сказать, что предпринимательство — это стартовая точка бизнеса. В начале своего пути предприниматель занимается поиском идей, тестированием рынка и формированием первых продаж. Когда предпринимательство становится устойчивым и прибыльным, оно превращается в полноценный бизнес, который может работать без постоянного личного участия основателя[1].

Бизнес-цель - это конкретный результат, которого компания стремится достичь в определённый период времени. И можно выделить два ключевых типа бизнес-целей: стратегические — долгосрочные цели, определяющие развитие компании на годы вперед (например, выход на новый рынок, рост бренда, лидерство в отрасли); и операционные — краткосрочные цели, которые связаны с ежедневной деятельностью бизнеса (например, увеличение объема продаж на 20% за квартал, снижение затрат на логистику).

Если говорить про предпринимательскую цель, то единственной целью ГК РФ называет систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Таким образом, мы видим, что у бизнеса нет определенного или закрытого перечня целей, они могут быть самыми разными, от улучшения качества продаваемого товара до увеличения продаж.

Структура бизнеса — это схема того, как устроено управление в компании, кто за какие функции отвечает и как взаимосвязаны бизнес-процессы. Экспертами выделяются три формы структуры бизнеса:

1. Индивидуальное предпринимательство — это бизнес, которым владеет и управляет один человек. Такую форму часто выбирают для небольших магазинов, стоматологий, юридических консультаций, репетиторства.

Индивидуальный предприниматель - гражданин (физическое лицо), занимающийся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, с момента его

[1] Отличие предпринимательства от бизнеса. - URL: https://quantum-dev.ru/blog/entrepreneurship-business (дата обращения: 27.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

государственной регистрации в соответствии со ст. 23 Гражданского кодекса Российской Федерации.

2. Партнерство — это бизнес, которым владеют два и более человек. В такой форме существуют компании малого и среднего бизнеса.

Согласно ст. 3 ФЗ от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» субъекты малого и среднего предпринимательства - хозяйствующие субъекты (юридические лица и индивидуальные предприниматели), отнесенные к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, и средним предприятиям, сведения о которых внесены в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Это могут быть, например, пекарни, парикмахерские или кафе.

3. Корпорация. Термин «корпорация» в российском законодательстве используется для обозначения корпоративных юридических лиц. Это родовое понятие, которое применяется к организациям, соответствующим определённым признакам.

Корпоративными юридическими лицами (корпорациями) считаются юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган (ст. 65.1 ГК РФ). Это компания, выпускающая акции для финансирования своей деятельности. Обычно корпорации - это крупные предприятия или сервисные холдинги, например «Яндекс», «Газпром» или «Сбербанк»[1].

Также в бизнесе нельзя забывать про организационную структуру. Это система, которая определяет, как задачи распределяются и как взаимодействуют отдельные разделы бизнеса. Она нужна для эффективного распределения обязанностей между сотрудниками и подразделениями, координации деятельности всех частей компании, упрощения процессов принятия управленческих решений и т.д.

Существует два основных вида организационной структуры: горизонтальная и вертикальная. В свою очередь, вертикальная может разделяться на дивизиональную, матричную, линейно-функциональную и др.). Остановимся на самых распространенных, таких как линейная и функциональная.

В горизонтальной структуре есть только один руководитель, остальные сотрудники — исполнители. К примеру, предприниматель открывает магазин одежды и нанимает продавцов. Все продавцы находятся в подчинении только у собственника бизнеса, других руководителей у них нет. Преимущества данной структуры в том, что чем меньше уровней управления, тем легче обмениваться информацией; компания может быстрее реагировать на изменения внешней среды. Из минусов можно выделить стресс из-за большого объема задач, сложность в контроле всех сотрудников единолично.

Вертикальная структура — иерархическая модель с несколькими уровнями управления. В такой структуре четко определены роли и обязанности руководителей и сотрудников, структура подчинения. Из плюсов можно выделить то, что четко определена зона ответственности и контроля за каждым участником бизнес-процесса. Из минусов - информация должна проходить через несколько уровней вниз по иерархии: учредителя, руководителей, сотрудников.

Линейная структура — самый простой способ организации работы компании. У сотрудников есть только один руководитель, который дает им задания и контролирует выполнение рабочих задач. Например, если у учредителя есть несколько заместителей, каждый из них управляет несколькими командами, это и есть линейная структура. Данная структура отличается простотой, так как каждый сотрудник понимает, кому подчиняется и нет нужности согласовывать действия с несколькими руководителями, что способствует повышению скорости принятия решений. К недостаткам можно отнести то, что данная система подходит только для небольших компаний.

[1] Организационная структура предприятия: как выбрать нужный тип системы управления командой. - URL: https://getcompass.ru/blog/posts/organizacionnaya-struktura-predpriyatiya (дата обращения: 27.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Функциональная структура предполагает разделение на отделы или подразделения, у которых есть руководители. Например, в компании есть директор по продажам и директор производства. Первый отвечает за отдел продаж, второй — за цех и производственный отдел. За счет этого все сотрудники понимают порядок подчиненности. Такой вариант подходит для малого и среднего бизнеса. Самое главное преимущество такой системы — эффективная работа компании. Все руководители специализируются на конкретных задачах, которые соответствуют их опыту и профессиональным навыкам. Но в этом же и недостаток структуры: без сильных и опытных управленцев есть риск совершить критические ошибки.

Подводя итог по структуре бизнеса, нужно обратиться к статистике. На сегодняшний день существует 17,7 тыс. организаций, ведущих крупный бизнес, 21 тыс. - средний бизнес, 226,5 тыс. - малый бизнес, 6,58 млн - микробизнес и 13,02 млн - самозанятых. Всего 28,3 млн человек заняты бизнесом от общего количества граждан РФ. С каждым годом количество людей, вовлеченных в бизнес, увеличивается, как и работников в частных сферах деятельности.

Лидерами по оборотам является оптовая и розничная торговля (так, в Вологодской области средний чек составляет 2 315 руб., а по Архангельской области - 1 845 руб.), ремонт автотранспортных средств, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания.

Обобщая все вышесказанное, мы можем сделать вывод, что термин «бизнес» и «предпринимательство» имеют много сходств, но в то же время данные понятия не стоит смешивать в одно. Именно поэтому в данной статье рассматриваются ключевые аспекты бизнеса, его цели, структура и отличия от предпринимательства. Особое внимание уделено законодательной неопределенности, связанной с отсутствием четкого закрепления термина «бизнес» в правовых актах, что создает трудности в регулировании, наследовании и защите прав владельцев бизнеса. Также мы аргументируем необходимость законодательного закрепления этого понятия для устранения существующих противоречий. А статистические данные подтверждают значительный рост количества предприятий и вовлеченности населения в бизнес, что свидетельствует о его важной роли в экономике.

СРОКИ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО АНТИКОРРУПЦИОННЫМ ДЕЛАМ В СВЕТЕ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВОЙ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ

Рогозин Илья Александрович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Карпикова Людмила Валериевна,
старший преподаватель кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

Коррупция представляет собой одно из наиболее опасных социальных явлений. Вследствие этого деятельность по противодействию коррупции представляется актуальной, в том числе с учетом сложившейся на сегодняшний день практики обращения Генеральной прокуратуры Российской Федерации с исками в отношении нарушивших антикоррупционное законодательство лиц об обращении доходов в собственность Российской Федерации.

Противодействие коррупции на сегодняшний день представляется одной из важных и приоритетных задач государственной политики[1], важнейшим направлением деятельности которой выступает работа органов прокуратуры. Руководствуясь в своей деятельности Конституцией России, отдельными федеральными законами о прокуратуре[2], о противодействии коррупции[3], и иными законами, можно говорить о том, что законодательство в целом отводит прокуратуре России центральную роль в комплексной работе по профилактике коррупционных явлений как таковых[4].

В соответствии с Конвенцией ООН против коррупции 2003 г., в системе органов прокуратуры Российской Федерации созданы специализированные подразделения по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции. Тем самым, в России в системе органов прокуратуры создана независимая, вертикально интегрированная структура, призванная обеспечить комплексный подход в рамках данной работы[5].

Федеральным законом от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» устанавливается обязанность государственных служащих и членов их семей декларировать источники получения доходов.

Кроме того, заключив в 2003 г. Конвенцию ООН против коррупции (принята 31 октября 2003 года Резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН), участницей которой является в том числе и Россия, страны приняли на себя обязательства по искоренению и

---

[1] *Харатян М.В.* Прокуратура как субъект механизма противодействия коррупции в Российской Федерации / М.В. Харатян // Наука. Общество. Государство. - 2014. - № 1. – С. 3. – Текст: непосредственный.

[2] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 03.02.2025) // Российская газета, № 39, 18.02.1992.

[3] Федеральный закон от 25.12.2008 №273–ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 28.12.2024) Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228.

[4] *Рубцова М.В.* Деятельность органов прокуратуры российской федерации в сфере противодействия коррупции / М.В. Рубцова // The Scientific Heritage. - 2020. - № 57. – С. 18. – Текст: непосредственный.

[5] *Мишакова Н.В.* Деятельность прокуратуры российской федерации по противодействию коррупции: состояние и перспективы развития / Н.В. Мишакова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - 2022. - № 3 (91). – С. 76. – Текст: непосредственный.

предупреждению коррупции. В частности, в преамбуле Конвенции сказано, что «предупреждение и искоренение коррупции – это обязанность всех государств, поскольку коррупцией порождаются проблемы и угрозы для стабильности и безопасности общества, что подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость и наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку»[1].

При этом Конвенция позволяет странам-участницам самостоятельно выбрать меры по предупреждению и искоренению коррупционных проявлений, которые то или иное государство посчитает нужным, правильным и необходимым в сложившихся условиях[2].

Так, в России отсутствует непосредственное закрепление юридических составов ответственности в УК РФ и КоАП РФ, связанных с коррупционными деяниями (отсутствуют составы, поименованные как «коррупция», при этом различные составы коррупционного характера располагаются в разных главах УК РФ и КоАП РФ).

Вместо этого законодатель включил в пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ («Основания прекращения права собственности») такое основание для принудительного изъятия у собственника имущества, как «обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы»[3].

Таким образом, на основании пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ органы прокуратуры (в лице Генеральной прокуратуры Российской Федерации) обращаются в суды с исками в отношении тех лиц, которые не представили достоверные сведения законного приобретения имущества и иных доходов в собственность.

Дискуссия среди ученых-цивилистов, а также неоднозначная судебная практика стали следствием того, что при подаче исков органами прокуратуры по антикоррупционным делам обосновывалось неприменение к данной категории дел сроков исковой давности, аргументируя это тем, что, во-первых, органы прокуратуры России выступают от имени народа и в лице государства (что подразумевает нематериальный публичный характер нарушенных прав), а, во-вторых, следует применять абзац второй ст. 208 ГК, согласно которому исковая давность не распространяется на требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ.

До последнего времени практика судов, в том числе Верховного Суда Российской Федерации (далее, - Верховный Суд РФ), по вышеназванной категории дел шла по пути удовлетворения исковых требований органов прокуратуры. Однако в последнее время практика высшей судебной инстанции пошла по иному пути: суд отменял ранее принятые судебные акты, которыми удовлетворялись требования прокуратуры, обосновывая тем, что правоотношения носят не публичный, а имущественный характер, вследствие чего к ним подлежит применение срока исковой давности (общий субъективный срок 3 года и объективный – 10 лет)[4].

Данная неоднозначность и противоречивость, сложившаяся в судебной практике, стала поводом для обращения в Конституционный Суд Российской Федерации (далее, -

---

[1] Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СЗ РФ. - 2006. - № 26. - Ст. 2780. // Правовая база «Гарант». – Режим доступа: URL: https://base.garant.ru/78064654/ (дата обращения: 11.10.2025). - Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст электронный.

[2] *См. Дунина Т.Ч.* Догматическая Юриспруденция о коррупции как юридическом понятии / Т.Ч. Дунина // Образование и право. - 2020. - №4. – С. 13 – 19. – Текст: непосредственный.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2024 года №18-КГ24-51-К4. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/acts?&numberExact=true&number=18-КГ24-51-К4&actDateExact=off (дата обращения: 11.10.2025). — Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Конституционный Суд РФ) по вопросу соответствия статей ГК РФ о сроке исковой давности положениям Конституции Российской Федерации. Так, в Конституционный Суд РФ обратился Краснодарский краевой суд Российской Федерации с соответствующим запросом об оспаривании конституционности статей 195, 196, п. 1 ст. 197, п. 1 ст. 200, абзаца второго п. 2 ст. 200, абзаца второго ст. 208 ГК РФ.

31 октября 2024 г. Конституционный Суд РФ опубликовал соответствующее постановление по данному вопросу, внеся тем самым правовую определенность, а также подчеркнув особую правовую природу антикоррупционных дел, в соответствии с чем к таким делам должны применяться особые требования, касающиеся сроков исковой давности[1].

Конституционный Суд РФ в постановлении обратил внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, институт исковой давности ориентирован на применение к частноправовым отношениям, тогда как нарушение антикоррупционных требований и вследствие этого обращение в доход Российской Федерации имущества не предполагает частноправовую природу.

Во-вторых, непродолжительные сроки исковой давности могли бы *препятствовать достижению неотвратимости неблагоприятных последствий для коррупционера*. Недобросовестное поведение коррупционера должно лишать его оснований рассчитывать на институт давности как средство защиты. При этом применение сроков давности в данном институте, по мнению Конституционного Суда РФ, может вызвать недоверие со стороны граждан, может нанести ущерб правовому государству в силу того, что граждане сочтут это как отказ государства от защиты основ конституционного строя. А это в свою очередь будет говорить о латентности, вседозволенности, попыткам недобросовестных лиц намеренно использовать различные механизмы по уходу от обязанности декларировать свои доходы.

В-третьих, Конституционный Суд РФ подчеркнул, что деятельность органов прокуратуры направлена на обращение конкретного имущества в доход государства, а не на защиту нематериальных благ.

Таким образом, Конституционный Суд РФ признал, что оспариваемые нормы не соответствуют Конституции России в той мере, в какой судебное толкование позволяет применять установленные сроки исковой давности к требованиям уполномоченных прокуроров об обращении коррупционного имущества в доход государства. Суд указал, что законодатель может воздержаться от регулирования данного положения, *если признает, что отсутствие сроков адекватно отражает в конкретно-исторических условиях общественные потребности.* Но если решится, то должен учитывать позицию Конституционного Суда РФ: такой срок должен существенно превышать уже установленные (3 и 10 лет); также необходимо предусмотреть специальные правила их течения (с момента, когда органам прокуратуры стало известно о нарушении). При этом особо стоит отметить, что данная позиция *не касается дел по искам о деприватизации имущества*.

Федеральный закон от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» вступил в силу с 1 января 2012 г; Конституционный Суд РФ при этом отметил, что это не означает, что обращения органов прокуратуры по антикоррупционным делам не могут предъявляться на основе данных, полученных до вступления в силу названного закона.

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // Правовая база «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/45064654/ (дата обращения: 11.10.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Таким образом, можно сделать вывод о публичной природе антикоррупционных дел, а соответственно срок исковой давности, в первую очередь носящий цель восстановление нарушенного права конкретного лица, не служит целям противодействия коррупции, при этом реализация публичного интереса не является способом защиты гражданского права. В п. 4.2. постановления Конституционного Суда РФ определено, что при прекращении права собственности еще не следует частноправовая природа спора.

Стоит сказать, что Конституционным Судом РФ было особо отмечено, что выявление коррупционных схем представляет долгий и трудоемкий процесс, в то же время само лицо, нарушившее антикоррупционные запреты, может препятствовать деятельности правоохранительных органов. Соответственно, в таких делах срок исковой давности не должен вставать на защиту недобросовестного лица, в результате чего последний мог бы рассчитывать на истечение срока. При этом публичный интерес не должен рассматриваться как интерес исключительно какого-либо государственного органа. Орган выступает от лица государства, тогда как последнее – от лица народа.

Кроме того, в отличие от категорий дел в сфере налогового, антимонопольного и банковского права, Конституционным Судом РФ было указано, что в делах антикоррупционных отсутствует презумпция добросовестности.

Конституционный Суд РФ обратил внимание и на неоднозначную судебную практику Верховного Суда РФ, указав, что, хотя суд свободен и независим в установлении всех обстоятельств дела, необходимы правовая определенность, единообразие судебной практики, что должно вести к предсказуемости судебного решения[1].

Многие правоведы и ученые-цивилисты высказали свое мнение относительно данного постановления. Ю. Тай указал на то, что «Конвенция ООН по борьбе с коррупцией хоть и не ставит какие-то конкретные ограничительные сроки, но и не указывает на их полное отсутствие»[2]. Кроме того, он также отметил, что «наличие сроков исковой давности следует рассматривать не как средство для освобождения от ответственности лиц, совершивших правонарушения, в том числе коррупционного характера, а в качестве стимула для правоохранительных органов своевременно проводить необходимые проверки и вовремя выявлять коррупционные правонарушения»[3].

Р.С. Бевзенко и А. Егоров высказались относительно фактически нивелирования сложившейся иерархии ответственности в российском законодательстве, а также отметили, что в институте уголовной и административной ответственности есть гарантия – презумпция невиновности, тогда как в гражданском праве – срок исковой давности[4].

В качестве проблемы, которая привела к сложному и неоднозначному вопросу на стыке частноправовых и публичных правоотношений, можно назвать отсутствие слаженного взаимодействия органов прокуратуры и руководителей государственных органом, органов местного самоуправления, которые могут просто не предоставлять сведения о задекларированном имуществе вовремя.

Говоря об уголовно-процессуальном законодательстве, можно сказать, что прокурор осуществляет лишь надзорные функции, не имея возможности самостоятельно возбудить уголовное дело, а может лишь направить материалы проверки в правоохранительные органы.

---

[1] *Даова М.* Позиция Конституционного Суда по антикоррупционным искам прокуратуры: finita la comedia? / М. Даова. - URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/31/poziciya_konstitucionnogo_suda_po_antikorrupcionnym_iskam_prokuratury_finita_la_comedia/ (дата обращения: 11.10.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Тай Ю.В.* Не все так плохо. Все намного хуже / Ю.В. Тай – URL: https://bartolius.ru/news_comm/ne-vse-tak-plohо-vse-namnogo-huzhe-ili-k (дата обращения: 11.10.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Тай Ю.В.* Иду на Вы!!! Или «Когда Адам пахал, а Ева пряла, то где была прокуратура?» / Ю.В. Тай. – URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/08/idu_na_vyili_kogda_adam_pahal_a_eva_pryala_to_gde_byla_prokuratura/ (дата обращения: 11.10.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] См.: Там же.

Прокурор фактически лишен возможности самостоятельно осуществлять подобного рода контроль и выступает лишь в качестве связующего звена между государственными (муниципальными) органами и судом, что представляется необоснованным и нелогичным[1]. А это приводит к затягиванию процедуры прокурорского реагирования[2].

Таким образом, можно сказать, что коррупция является одной из проблем общества, препятствующей построению правового государства. Представляется актуальным разработка идей и концепций относительно природы антикоррупционных дел, решение проблем, связанных с надлежащим правовым урегулированием изучаемого нами вопроса[3].

Рассматривая англо-саксонскую и романо-германскую правовые семьи, можно увидеть, что в первой отсутствует дискуссия на этот счет ввиду того, что в данном правопорядке отсутствует деление права на частное и публичное.

В романо-германской правовой семье в некоторых государствах коррупционные деяния включены не в нормы гражданского кодекса, а уголовного либо законодательства об административных правонарушениях.

Коррупция вредит политике государства, нарушает баланс интересов, дискредитирует государственную власть перед населением. Поэтому одной из основных задач на сегодняшний день должна стать политика государства по совершенствованию механизма взаимодействия органов прокуратуры с другими органами публичной власти для своевременного выявления нарушений антикоррупционного законодательства[4].

Можно сказать, что Конституционный Суд РФ внес существенный вклад, влияющий на деятельность публичных органов власти, в том числе органов прокуратуры, а также судов, оказывающий влияние на достижение важной цели – борьбы с коррупцией в России и злоупотреблением правом.

---

[1] *См. Жданова Д.М.* Состояние законности в деятельности органов прокуратуры за исполнением законов в сфере противодействия коррупции / Д.М. Жданова // E-Scio. - 2022. - № 3 (66). – С. 280 – 285. - Текст: непосредственный.

[2] *Иванцова Г.А.* Некоторые проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в государственных и муниципальных органах / Г.А. Иванцова // Право и государство: теория и практика. - 2020. - № 7 (187). – С. 104. - Текст: непосредственный.

[3] *См. Мишакова Н.В.* Деятельность прокуратуры российской федерации по противодействию коррупции: состояние и перспективы развития / Н.В. Мишакова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - 2022. - № 3 (91). – С. 71 - 80. – Текст: непосредственный.

[4] *См. Головко И.И.* Особенности участия прокурора в рассмотрении судом его заявления об обращении имущества в доход Российской Федерации как средство пресечения и предупреждения коррупции / И.И. Головко // Вестник Томского государственного университета. - 2017. - № 414. – С. 181 – 186. - Текст: непосредственный.

НОРМЫ О СОСЕДСКОМ ПРАВЕ В РОССИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ОБЩИЙ ОБЗОР ЗАКОНОПРОЕКТА И КОДИФИЦИРОВАННЫХ АКТОВ

Рогозин Илья Александрович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Карпикова Людмила Валериевна,
старший преподаватель кафедры частно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

На сегодняшний день в российской цивилистической доктрине сложилось общее представление о том, что в гражданском праве необходим субинститут, регулирующий соседские правоотношения. Значительная часть данных правоотношений напрямую связана с ограничением права собственности на земельный участок в интересах соседей ввиду особой ценности земли, как источника формирования имущественного оборота.

В связи с этим особенно важно найти баланс пределов претерпевания разумных ограничений (воздействия) для защиты интересов землепользователей граничащих между собой земельных участок.

В 2012 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект[1], целью которого являлось масштабное изменение Гражданского кодекса Российской Федерации. Данным актом кардинально предлагалось реформировать институт вещного права, в том числе включить нормы, связанные с урегулированием соседских правоотношений. Однако, если сравнивать нормы законопроекта с зарубежным законодательством некоторых стран, можно отметить существенную разницу – в зарубежных правопорядках нормам о субинституте соседского права уделено гораздо больше внимания, в связи с чем такие правоотношения охватывают достаточно широкий круг правовых вопросов, а их регулирование носит в большинстве государств специальный частноправовой характер.

Цель настоящей работы – осуществить общий обзор законодательства зарубежных стран, выявить общие и отличительные черты, а также сравнить данные особенности с нормами законопроекта о вещном праве в России.

Для начала следует обратить внимание, что формирование субинститута соседского права в России связано с конкуренцией частноправовых и публично-правовых норм[2]. На сегодняшний день большинство правил, должным образом регулирующих конфликты между землепользователями соседних земельных участков, охватываются нормами публичного права, в том числе ГОСТами, СНиПами, строительными правилами (СП). С точки зрения доктрины гражданского права это не является разумным и правильным.

Следовательно, в настоящее время, а также с учетом правоприменительной практики судов, очевидным становится необходимость введения в правовую реальность

[1] Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (внесен Президентом РФ) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *См. Нелюбина А.В.* Правовое регулирование соседских отношений: конвергенция публичных и частных начал / А.В. Нелюбина // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 2. – С. 27 - 32. – Текст: непосредственный.

субинститута соседского права, регулируемого частноправовыми нормами, носящими диспозитивный характер и расширяющими возможности для досудебного урегулирования разногласий между соседями по широкому кругу вопросов.

Важно сказать, что многие положения данного субинститута не до конца разработаны, как и не определены пути преодоления многих правовых коллизий и иных проблем, в том числе выявленных правоприменительной практикой (например, дискуссия относительно того, необходимо ли включение норм о соседских правоотношениях в ГК РФ, либо стоит ограничиться разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации; как поступить в ситуации, когда соседями являются не физические лица, а юридические лица, предприниматели, публично-правовые образования)[1].

Попытки включения норм субинститута соседского права имели место в проекте Гражданского уложения Российской империи[2], а К.П. Победоносцевым была разработана еще в дореволюционных учебниках и научных трудах концепция и институт вотчинных прав[3] – прообраз прав соседских, которые были затем включены в проект Уложения.

При этом проект Гражданского уложения, в котором впервые в России была построена система соседского права с учетом национальных особенностей российского государства и прогрессивных положений западноевропейских государств, стала основой для доктрины гражданского права, развивающейся в настоящий период времени. Данный вывод отмечается, в том числе, разработчиками Концепции.

До этого соседские правоотношения в Российской империи регулировались разобщенно, в том числе в рамках ограниченных вещных прав: установлением оконного сервитута или проезда, посредством участия права общего или частного; установлением чиншевых правоотношений и т.д.[4]

Публичное право не ставит перед собой цель урегулировать частноправовые отношения соседей, лишь косвенным образом затрагивает их взаимоотношения, не обладает специальным механизмом, направленным на их мирное урегулирование[5]. Традиционно ограничения права собственности в интересах соседей, начиная с римского права, составляли и составляют предмет частноправового регулирования.

В соответствии с п. 1 ст. 225 законопроекта, реализовывая положения, закрепленное в ч. 3 ст. 17 Конституции России, а также в ст. 209 ГК РФ, обращает на себя внимание норма о недопустимости осуществления своих прав, пренебрегая правами других лиц (соседей). Также указано, что «лица, владеющие соседними недвижимыми вещами, при осуществлении принадлежащих им вещных прав должны соблюдать ограничения, установленные в соответствии с настоящим Кодексом в пользу соседей (соседские права)».

Согласно п. 1 ст. 286 законопроекта «собственник земельного участка вправе владеть, пользоваться и распоряжаться им, совершать любые действия с земельным участком, если они не противоречат закону и не нарушают права и охраняемые законом

---

[1] *Титов Л.* Краткий обзор регулирования соседских прав в текущей системе гражданских правоотношений / Л. Титов // Бюллетень рынка недвижимости. – 2020. – URL: file:///E:/по%20магистерской%20диссертации/обзор%20законодательства.pdf (дата обращения: 20.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Гражданское уложение. Книга третья: Вотчинное право. Проект Высочайше утвержденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С объяснениями. Т. 1. Ст. 1–174. СПб., 1902. 630 с. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Первая часть. Вотчинные права / К.П. Победоносцев // Статут, 2002. - 800 с. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] *Езжева М.Н.* Понятие права собственности на землю в российском законодательстве XIX в / М.Н. Езжева // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2010. – №1. – С. 7. – Текст: непосредственный.

[5] *См. Нелюбина А.В.* Правовое регулирование соседских отношений: конвергенция публичных и частных начал / А.В. Нелюбина // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 2. – С. 27 - 32. – Текст: непосредственный.

интересы других лиц». Следующая за данной нормой статья 287 регулирует вопросы владения, пользования и распоряжение всем, что построено (возведено) в границах земельного участка.

Статьи 293 и 294 законопроекта имеют своей целью непосредственное регулирование правоотношений между соседями («Ограничения права собственности на земельный участок в пользу соседей», а также «Содержание соседских прав» соответственно). Так, согласно ст. 293 «собственник земельного участка должен осуществлять правомочия владения и пользования с соблюдением прав и охраняемых законом интересов собственников (владельцев) соседних земельных участков»[1].

Кроме того, в данной статье дается понятие соседних земельных участков, под которыми признаются земельные участки, как соприкасающиеся, так и не соприкасающиеся друг с другом, если последствия использования (эксплуатации) одного из участков оказывают влияние на использование другого участка.

Помимо этого, ст. 293 регулирует вопросы претерпевания с соседнего земельного участка воздействия (паров, дыма, тепла, вибраций и т.д.), при этом такое претерпевание должно не выходить за разумные пределы, нормативы, соответствовать местоположению земельных участков, природе, обычаям, иначе статьей допускается применение для защиты нарушенного права негаторного иска. Однако, очень трудно доказать впоследствии при предъявлении негаторного иска, что разумные пределы были нарушены, а потому многими учеными высказывается мнение о создании «заведомо мертвой нормы»[2].

При этом, как показывает законотворческая практика зарубежных стран, данная норма не лишена права на существование, и субинститут соседского права не может существовать без нее (подобные положения включены в законодательство ФРГ, Швейцарии и Австрии).

Стоит также добавить, что помимо ограничений права собственности на земельный участок в интересах соседей (преимущественно физических лиц), законопроект предусматривает нормы, которые устанавливают ограничения в публичных интересах (статьи 295, 295.2).

Наконец, ст. 294 законопроекта регулирует непосредственно содержание соседских прав (юридических прав и обязанностей). К ним относятся такие обязанности, как: участвовать в совместной деятельности (осуществлять допуск на свой участок соседа для устранения каких-либо неполадок, принимать участие в устранении загрязнений, разрушений, принимать меры по предотвращению вреда (например, сносить самовольно возведенные здания и сооружения, спиливать деревья), так и воздерживаться от совершения определенных действий, например, не возводить здания или сооружения, в отношении которых очевидно, что их существование или использование будет иметь следствием недопустимое воздействие на соседний земельный участок; не возводить канализационных сооружений, приводящих к загрязнению соседнего земельного участка; не выращивать такие растения, которые могут причинить вред земельному участку соседа. Перечень, изложенный в п. 1 ст. 294, не является исчерпывающим.

П. 2 ст. 294[3] устанавливается перечень правомочий собственника соседнего земельного участка (возможность собирать упавшие с соседнего участка плоды, срезать

---

[1] Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (внесен Президентом РФ) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Суюндукова А.Ю.* Понятие соседского права / А.Ю. Суюндукова // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2 (40). – С. 123. – Текст: непосредственный.

[3] Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (внесен Президентом РФ) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». –

корни деревьев, требовать устранения нарушений, связанных с самовольным строительством зданий и сооружений, а также право требовать от собственника соседнего участка участвовать в строительстве или в разумных расходах на строительство общей стены (забора, изгороди)).

Таким образом, можно сказать, что нормы законопроекта о соседском праве так или иначе затрагивают многие вопросы, восполняют пробелы, выявленные в правоприменительной практике.

Стоит обратиться к опыту зарубежных государств в урегулировании соседских правоотношений. Так, особое место занимает Гражданский кодекс Грузии, разработанный на основе Модельного Гражданского кодекса стран-участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 29 октября 1994 г.)[1]. Нормам соседского права отведена глава вторая «Соседское право» (статьи 174-182), где урегулированы вопросы понятия взаимного уважения (аналог нормы ст. 286 законопроекта), обязанностей и правомочий, в том числе претерпевания разумного воздействия и требования его устранения при превышении пределов. Нормы соседского права регулируют также правоотношения по денежной компенсации за терпение, недопустимого посягательства, вопросы установления границы между соседними земельными участками, вопросы упавших плодов, возведения самовольных построек, а также права пользования пограничными сооружениями, что отсутствует в нормах законопроекта в России, как и вопрос денежной компенсации за неудобства.

Так, в ст. 181 ГК Грузии указывается, что «если невозможно установить точные границы, решающее значение для размежевания имеет фактическое владение соседей»[2]. Согласно ст. 179 «если собственник земельного участка при строительстве непредумышленно нарушит границы соседнего участка, то собственник этого участка должен стерпеть это нарушение, кроме тех случаев, когда нарушителю заранее или незамедлительно по обнаружении нарушения был заявлен протест. Нарушивший границу сосед обязан выплатить денежную компенсацию, которая должна выплачиваться вперед ежегодно».

Стоит отметить, что несмотря на то, что положения о компенсации за «приращение» части земельного участка отсутствуют в законопроекте, данные нормы ранее излагались в проекте Гражданского уложения Российской империи.

Гражданский кодекс Республики Молдова[3] содержит в Книге второй «Вещные (имущественные) права» Главу VI «Право соседства» (нормы статей 586-603). В ней подробным образом урегулированы вопросы соседского права, аналогично тем, которые содержатся в ГК Грузии. При этом есть нормы, регулирующие вопросы водопользования, водозабора, излишек воды и водостока с крыши, а также использования воды из источника, не нарушая права собственников ниже по течению. Ст. 598 регулирует вопросы расстояния для возведения построек, осуществления работ и посадок, а ст. 603 регулирует разрешение межевых споров.

URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[1] Гражданский Кодекс (часть первая, статьи 1-448). Модель. / Принят Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ 29 окт. 1994 // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ (приложение). – 1995. – № 6 // URL: https://docs.cntd.ru/document/8306720?marker&section=status. (дата обращения: 22.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Гражданский кодекс Грузии: Принят 26 июня 1997 г., с поправ. и изм. от 26 июня 2024 г. // Законодательный вестник Грузии. – URL: https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/31702?publication=131. (дата обращения: 23.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Гражданский кодекс Республики Молдова: Принят 6 июня 2002 года №1107-XV // Законодательство стран СНГ. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3244 (дата обращения: 23.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Гражданский кодекс Латвийской Республики[1] не содержит отдельного раздела или главы, посвященной субинституту соседского права, однако, правоотношения урегулированы в общем подразделе пятом «Ограничения собственности» (нормы статей 1082-1129). Подобно законодательству Грузии и Молдавии, нормам об ограничениях собственности посвящены вопросам допустимого строительства, возведения иных строений на соседнем земельном участке, обустройству общей границы, высаживанию растений и деревьев, вопросу упавших плодов и установления право прохода через чужой земельный участок; протеканию рек, вопросам рыболовства, пользования лесами и т.д.

Стоит добавить, что нормы ГК Латвийской Республики берут свое начало с 30-х годов XX века, соответственно, они имеют иную юридическую технику, а также определенный набор правоотношений с их спецификой, в том числе с особенностями местности и общежития. Данная особенность характерна и для законодательства Республики Эстония, где отсутствует единый кодифицированный акт, а нормы соседского права закреплены в специальном Законе о вещном праве[2].

Законодательство западноевропейских государств о соседских правах (Франция, Германия, Австрия, Швеция, Нидерланды, Финляндия, Швейцария) начало складываться и закрепляться нормативно благодаря развитой в данной области судебной практике. Например, как таковых норм в Гражданском кодексе Франции о соседских правах нет, однако, есть общие положения, разработанные на основе судебной практики, посредством чего была выработана система для защиты прав соседей через институт злоупотребления правом собственности с последствием в виде отказа в защите права, а также доктрина, согласно которой собственник земельного участка, причиняющий своей деятельностью неудобства соседу, обязан был уплатить компенсацию потерпевшему[3]. Такая компенсация напоминает денежную компенсацию, указанную в ГК Грузии за терпение в связи с негативным воздействием.

В Германском Гражданском уложении[4] нормы, посвященные вопросам соседского права, расположены в § 906-924 Третьего раздела «Собственность» (глава первая «Содержание права собственности») и также имеют цель урегулировать общие вопросы, подобные тому, которые указаны в ГК Латвийской Республики и других странах – вопросы воздействия с соседнего земельного участка, вопросы упавших плодов, строительства и межевания, вопросы совместного использования тех или иных объектов, а также рентные правоотношения (по сути – компенсационные платежи).

Общая норма § 906 ГГУ закрепляет основополагающий принцип «претерпевания разумного воздействия», тогда как по законодательству Швейцарии (art. 669-701)[5] данная

---

[1] Гражданский кодекс Латвийской Республики: Принят 23 января 1937 г. Введен в действие с 1992 г. : Пер. с латыш. / Науч. ред. и предисл. Н.Э. Лившиц; Обзор. ст. А.В. Свиб. – СПб.: Юрид. центр пресс, 2001. – XXIX, 801 с.; 15 см. - (Законодательство зарубежных стран / Ассоц. Юрид. центр). – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01000904647 (дата обращения: 24.10.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Asjaõigusseadus (Закон «О вещном праве» Эстонии). – URL: http://estonia.news-city.info/docs/sistemsf/dok_ierrki/page3.htm; Codul civil al Republicii Moldova (дата обращения: 24.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *См. Емелькина И.А.* Современные модели частноправовых ограничений права собственности на земельную недвижимость / И.А. Емелькина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – № 39. – С. 74 – 98. – Текст: непосредственный; Code civil des Français (Code Napoléon) (Французский Гражданский кодекс 1804 г.). – URL: http://www.legifrance.gouf.fr (дата обращения: 24.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] Deutsches Bürgerliches Gezetzbuch (BGB) (Германское гражданское уложение 1896 г.). – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Германское_гражданское_уложение (дата обращения: 24.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[5] Schweizerisches Zivilgesetzbuch (ZGB) (Швейцарский гражданский кодекс 1907 г.). – URL: https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19070042/201601010000/210.pdf (дата обращения: 24.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

норма скорее носит не пассивный, а активный оттенок: сосед не должен превышать допустимые пределы при осуществлении своей деятельности на участке.

В силу общей правовой традиции вопросы соседского права по аналогии с Германией урегулированы и во Всеобщем гражданском уложении Австрии (§ 364 (2) – 364b)[1]. Несмотря на малое количество норм, они устанавливают общие принципы соседского права. Это же характерно для законодательства Нидерландов[2].

Рассматривая законодательство скандинавских государств, таких как: Норвегия[3] и Финляндия[4], - можно увидеть особенность в регулировании соседских правоотношений: в данных государствах действуют специальные законы о соседях, следовательно, нормы не включены в кодифицированный акт.

Таким образом, можно отметить, что формирование субинститута соседского права в российском законодательстве находится на стадии развития, что обусловлено введением права частной собственности на землю и активным вовлечением земельных участков и иных объектов недвижимости в гражданский оборот[5].

Эффективное функционирование частной собственности, возродившейся в России в настоящее время, невозможно без ограниченного права пользования ею, именно поэтому актуальность изучения данного вопроса бесспорна. Субинститут соседского права в России безусловно требует доработок и новаций, в том числе с учетом изучения опыта законодательного регулирования в данной сфере в других государствах.

На основе сравнения норм законопроекта в России в рамках реформы вещного права с нормами о соседских правоотношениях, включенных в законодательство многих зарубежных государств, можно говорить о наличии общих и отличительных черт, из чего можно сделать вывод о том, что нормы соседского права существуют в разных правопорядках ввиду их значимости для регулирования соседских правоотношений в рамках осуществления правомочий землепользователей по отношению к соседним земельным участкам в течение длительного времени, а следовательно, в этом видится их необходимость и востребованность.

Кроме того, данные положения закрепляют нравственные основы частноправового регулирования, что в целом соответствует общим началам всего гражданского законодательства и оборота, в частности.

---

[1] Österreich Allgemeines Bürgerliches Gezetzbuch (ABGB) (Австрийское общее гражданское уложение 1811 г.). – URL: http://www.ris.bka.gv.at (дата обращения: 24.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Bürgerijk Wetboek (Гражданский кодекс Нидерландов, кн.3, 5, 6, введенные в действие с 1 янв. 1992 г.). – URL: http://www.dutchcivillaw.com/ (дата обращения: 24.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Закон Норвегии от 16 июня 1961 г. № 15 «О соседях». – URL: http://www.dutchcivillaw.com/ (дата обращения: 24.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] Закон Финляндии «О некоторых отношениях между соседями» 2009 г. – URL: http://www.dutchcivillaw.com/ (дата обращения: 24.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[5] *См. Чаплин Н.Ю.* Основы правового регулирования земельных отношений в России и зарубежных странах / Н.Ю. Чаплин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 3. – С. 98 – 112. – Текст: непосредственный.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ БАНКОВСКИМ ВКЛАДОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Румянцева Мария Викторовна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попович Марина Михайловна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Сегодня Российская Федерации столкнулась с экономическими ограничениями, однако даже несмотря на них банковская система России предоставляет гражданам и предпринимателям разнообразные финансовые возможности. Среди них особенно выделяются банковские вклады, которые позволяют накапливать средства без необходимости в специальных юридических знаниях.

Договор банковского вклада – это соглашение между вкладчиком (физическим или юридическим лицом) и банком, по которому вкладчик передает банку определенную сумму денежных средств (вклад), а банк обязуется возвратить эту сумму с начисленными процентами в установленные сроки и на определенных условиях.

Данный договор регулируется главой 44 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)[1] и Федеральным законом «О банках и банковской деятельности»[2]. Он является двусторонним, возмездным и срочным (если вклад срочный) либо бессрочным (если вклад до востребования).

Несмотря на обязательства банка по возврату вклада и начислению процентов, вкладчик может столкнуться с определенными рисками, такими как: банкротство банка – если банк оказывается неплатежеспособным, вкладчики могут потерять свои сбережения; отзыв лицензии у банка – Центробанк может лишить банк права на работу, что делает невозможным дальнейшее обслуживание вкладов. Именно для защиты вкладчиков от таких ситуаций была создана система обязательного страхования вкладов.

Безусловно, надёжность системы страхования вкладов имеет ключевое значение для устойчивости всей банковской системы России и, как результат, для экономики страны в целом.

Система обязательного страхования вкладов (далее - Система) – это специальная государственная программа, направленная на защиту вкладчиков и обеспечение стабильности банковского сектора Российской Федерации. Она реализуется в соответствии с Федеральным законом от 23 декабря 2003 года № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»[3] (далее – Федеральный закон № 177-ФЗ) и охватывает все банки, имеющие лицензию на привлечение вкладов физических лиц.

Основной целью Системы является защита прав и законных интересов вкладчиков, предотвращение потерь их сбережений, а также укрепление доверия населения к банковской системе. Эта система играет ключевую роль в повышении финансовой

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 24.06.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 31.07.2025) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 6, 05.02.96, ст. 492.

[3] Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» // Российская газета, № 261, 27.12.2003.

устойчивости страны, так как стимулирует приток денежных средств в банковский сектор, способствуя его развитию и надежности.

Механизм страхования вкладов предусматривает автоматическое включение всех вкладчиков банков-участников системы в программу страхования. Она устроена таким образом, что вкладчикам не нужно заключать дополнительные договоры или подавать заявки для получения страховой защиты своих вкладов – защита действует по умолчанию. Все банки, работающие с физическими лицами и привлекающие их средства на депозиты, обязаны участвовать в системе страхования вкладов. Это требование установлено Федеральным законом № 177-ФЗ. Более того, Банк просто не может принимать вклады от граждан, если он не является участником Системы.

В Российской Федерации в соответствии с пунктом 2 статьи 11 Закона о страховании вкладов, оно выплачивается вкладчику в размере 100 процентов суммы вкладов в банке, но не более 1 400 000 рублей.

Денежные средства, предоставляемые для страхового возмещения, формируются в Фонде обязательного страхования вкладов за счет: страховых взносов; пеней за несвоевременную и (или) неполную уплату страховых взносов, а также иных источников. С принятием Федерального закона от 25 мая 2020 г. № 163-ФЗ[1] вкладчики — физические лица могут рассчитывать на страховое возмещение в повышенном размере, при соблюдении ряда условий. К ним относятся: реализация жилого помещения или земельного участка, на котором расположен жилой или садовый дом; получение наследства; возмещение ущерба, причиненного жизни, здоровью или личному имуществу и так далее. В таких случаях выплата осуществляется в размере 100% суммы, подлежащей страхованию и находящейся на его счете на день наступления страхового случая, но не более 10 000 000 рублей в совокупности, включая стандартное страховое возмещение в размере 1 400 000 рублей.

Важно отметить, что в соответствии с ч.10 ст.12 Федерального закона №177-ФЗ, при несогласии с размером подлежащего выплате возмещения по вкладам вкладчик в соответствии с законодательством Российской Федерации вправе обратиться в суд с иском об установлении состава и размера соответствующих требований, а также подлежащего выплате возмещения по вкладам. В пункте 6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 [2] отмечено, что по смыслу норм Закона (ч. 1 и 4 ст. 10, ч. 1 ст. 11, ч. 4, 7 и 10 ст. 12) вкладчик вправе обратиться в суд с иском не только в случае несогласия с составом и размером установленных реестром обязательств, но и в том случае, когда во включении их в реестр отказано полностью. В данном пункте названного Обзора изложена правовая позиция, согласно которой требования граждан о включении сумм задолженности в реестр обязательств банка перед вкладчиками рассматриваются судами общей юрисдикции.

Примечательно, что ранее рассчитывать на страхование вкладов могли лишь физические лица, а с недавнего времени в соответствии со статьей 5.1 Закона о страховании вкладов в данный список стали входить некоторые некоммерческие организации[3].

Тем не менее, на сегодняшний день страховое возмещение значительно меньше, чем в развитых странах. Например, в США, там размер возмещения составляет 250 тысяч долларов. Одной из важных особенностей американской системы является то, что FDIC

---

[1] Федеральный закон от 25.05.2020 № 163-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 114, 28.05.2020.

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.10.2016) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_206241/ (дата обращения: 25.09.2025) – Режим доступа: свободный – Текст: электронный

[3] *Тимшин Ю.П.* Страхование вкладов при банкротстве кредитных организаций: отечественный и зарубежный опыт / Ю.П. Тимшин // Евразийский научный журнал. - 2022. - №7. – С. 16. – Текст: непосредственный.

(Федеральной корпорацией по страхованию вкладов) выплачивает страховое возмещение, предоставляя каждому вкладчику новый счет в другом застрахованном банке на сумму, равную застрахованному остатку на его счете в «банке — банкроте» или выписывает каждому вкладчику чек на застрахованный остаток их счета в таком банке. Существенным является и то, что в некоторых штатах США (к примеру, в штате Массачусетс) существуют частные фонды, которые страхуют депозиты, образуя некую комбинацию возмещений, предоставляемых одновременно FDIC и фондом штата[1]. В России же подобное страхование вкладов отсутствует. Полагаем, что внедрение частных фондов в систему обязательного страхования вкладов повысило бы уровень доверия к банковской системе и дало дополнительную возможность для развития экономики.

Финансирование системы страхования вкладов осуществляется за счет регулярных страховых взносов, которые банки-участники перечисляют в фонд обязательного страхования вкладов. Эти средства формируют резерв, из которого производятся выплаты вкладчикам в случае наступления страхового случая, который возникает в случае утраты вкладчиком права на возврат вклада в полном объеме или в части по причине банкротства банка или отзыва у него лицензии на осуществление банковских операций.

Система обязательного страхования вкладов играет важную роль в защите прав вкладчиков, однако она ограничена установленными лимитами страхования. В случае, когда долг перед вкладчиком превышает сумму, подлежащую возмещению по страховке, вкладчик становится обычным кредитором в процедуре банкротства. В таких ситуациях права кредиторов, чьи требования не покрываются страхованием, должны быть защищены с помощью процедур санации, реструктуризации долгов или других механизмов, направленных на сохранение финансовой устойчивости банка и минимизацию убытков.

Процесс банкротства банков представляет собой юридически сложную процедуру, в ходе которой необходимо учитывать интересы различных категорий кредиторов. В случае банкротства банков вкладчики являются важными, но далеко не единственными кредиторами. В зависимости от структуры долговых обязательств, вкладчики могут быть как основной, так и вторичной категорией кредиторов. Важно, чтобы процедура банкротства была справедливой и эффективной для всех заинтересованных сторон.

При этом важно отметить, что в российской практике банкротства банков наблюдается несколько проблем. Во-первых, существует недостаточная защита интересов мелких и средних кредиторов, что часто приводит к игнорированию их прав в пользу крупных кредиторов и акционеров. Во-вторых, процесс ликвидации может затянуться, что увеличивает временные затраты на разрешение спора и уменьшает возможности для возврата средств вкладчикам и другим кредиторам.

Связь между системой обязательного страхования вкладов и процессами банкротства банков заключается в том, что система страхования служит своеобразной «первичной линией обороны» для вкладчиков, минимизируя их риски. Однако она не является средством от всех проблем, которые возникают в ходе банкротства банка. Важно, чтобы система обязательного страхования вкладов взаимодействовала с другими механизмами защиты прав кредиторов, включая более эффективные процедуры санации и ликвидации банков.

В соответствии со статьей 14 Федерального закона №177-ФЗ, для выполнения задач, связанных с обязательным страхованием вкладов, а также сопровождением процедуры банкротства (ликвидации) финансовых организаций создается Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» (АСВ). Данная организация предназначена для обеспечения стабильности банковской системы, защиты интересов вкладчиков и выполнения функций по страхованию вкладов физических лиц и индивидуальных предпринимателей. Основной целью деятельности АСВ является формирование и использование средств страхового фонда, осуществление выплат

[1] Там же.

возмещения по вкладам в случае отзыва лицензии у банка, а также участие в процедурах ликвидации и финансового оздоровления кредитных организаций.

Современные информационные технологии оказывают значительное влияние на банковский сектор, изменяя способы хранения, управления и защиты финансовых активов. В условиях цифровизации общества возрастает значимость модернизации Системы, которая обеспечивает стабильность финансового рынка и защиту прав вкладчиков. В ряде европейских государств применяются инновационные технологии, такие как блокчейн для учета вкладов и смарт-контракты, которые позволяют обеспечить прозрачность и надежность страховых операций.

В Германии, например, функционирует централизованная цифровая база данных, интегрированная с национальными финансовыми институтами, что упрощает процесс страхования и повышает скорость обработки выплат вкладчикам[1].

Рассмотрим ключевые аспекты развития системы страхования вкладов в условиях цифровой трансформации в Российской Федерации. Поскольку страхование вкладов находится в компетенции Агентства по страхованию вкладов, то имеется необходимость проанализировать ее стратегию развития.

Агентством по страхованию вкладов до 2025 год утверждена стратегия[2], напрямую отражающую современные тенденции цифровизации, которая уже становится обыденностью в развивающемся мире. Стратегия определила ключевые направления и целевые показатели в части выполнения возложенных на Агентство функций по защите прав и законных интересов вкладчиков и иных кредиторов финансовых организаций, а также в части поддержания стабильности финансовой системы Российской Федерации. В рамках выполнения Стратегии Агентством было запланировано создание дистанционных страховых выплат.

19 марта 2024 года Агентством по страхованию вкладов была опубликована новость – «Страховое возмещение по вкладам теперь можно получить дистанционно». С этой даты у вкладчиков появилась возможность на получение страховых выплат с помощью сайта госкорпорации или Единого портала государственных услуг («Госуслуги»)[3].

Для получения выплаты дистанционно необходимо соблюсти в совокупности следующее:

1. Быть вкладчиком банка, у которого отозвана лицензия;
2. Не получать ранее страховое возмещение;
3. Регистрация на портале Госуслуг;
4. Иметь электронную подпись;
5. Знать реквизиты своего счета или своей карты «МИР» в действующем банке[4].

Возможность подачи заявления стало инновационным, ведь ранее можно было получить страховую выплату через банка-агента, а заявление подавалась на бумажном носителе.

---

[1] *См. Королева Л.А.* Сравнительный анализ национальных систем страхования банковских вкладов в странах Европейского союза, Великобритании, США и России / Л.А. Королева, А.И. Александрова // Научный журнал НИУ ИТМО. - № 1. – 2022. – С. 25 – 36. – Текст: непосредственный.

[2] Опубликована стратегия Агентства по страхованию вкладов до 2025 года. - URL: https://www.asv.org.ru/news/391992 (дата обращения: 26.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Страховое возмещение по вкладам теперь можно получить дистанционно. - URL: https://www.asv.org.ru/news/911815 (дата обращения: 26.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] Онлайн-подача заявления на выплату страхового возмещения». - URL: https://www.asv.org.ru/online-submission-insurance-compensation (дата обращения: 26.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Возможность подавать заявление дистанционно обязана своему появлению Федеральному закону от 18.03.2023 № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»[1]. Несмотря на тенденцию цифровизации, Федеральным законом №177-ФЗ сохранилась возможность, как и ранее, подавать заявления на страховые выплаты при личном обращении в уполномоченный банк-агент или офис АСВ.

Дистанционная подача заявления значительно экономит время, ведь в соответствии с Федеральным законом №177-ФЗ, вкладчик вправе обратиться в Агентство с требованием о выплате возмещения по вкладам со дня наступления страхового случая до дня завершения конкурсного производства (принудительной ликвидации), а при введении Банком России моратория на удовлетворение требований кредиторов - до дня окончания действия моратория. Восстановление срока при пропуске возможно лишь при наличии уважительных причин. Кроме того, внедрение дистанционной подачи заявлений играет важную роль в процессе уменьшения бюрократических барьеров, поскольку подача заявления осуществляется в несколько «кликов». Это нововведение играет важную роль и для АСВ, поскольку позволяет уменьшить бумажный документооборот.

Однако, хотелось бы надеяться, что в своей перспективе российская система обязательного страхования вкладов сможет перейти на беззаявительный порядок страховых выплат. Такой порядок сможет уменьшить временные и материальные затраты АСВ на рассмотрение заявлений, а также повысят престиж банковской системы в глазах граждан.

Тем не менее, на практике реализовать в Российской Федерации беззаявительный порядок страховых выплат достаточно проблематично. Проблема заключается в том, что при банкротстве и отзыве лицензии банки уничтожают данные о вкладчиках, которые вследствие этого не могут получить возмещения, принадлежащие им по закону. Разумеется, данные действия незаконны. Полагаю, что для решения существующей проблемы необходимо создать подобие реестра, к которому будет иметь доступ АСВ со всеми имеющимися вкладами в банках страны. В случае, банкротства банка, Агентство получает доступ ко всем имеющимся вкладам в банке-банкроте. С помощью этой информации, АСВ будет осуществлять страховые выплаты.

Разработка реестра вкладов, на мой взгляд, является перспективной, однако требует большое количество экономических ресурсов. Тем не менее, появление такого реестра положительно скажется на имидже банковской сфера и обязательном страховании вкладов.

Помимо этого, в современном мире, в котором все чаще искусственный интеллект приходит на помощь человеку и помогает в решение сложных задач, видится возможным внедрение автоматизированных систем анализа, которые позволят не только прогнозировать финансовые риски и предотвращать отзывы лицензий и банкротство банков, но и выявлять потенциальные угрозы на ранних стадиях. Искусственный интеллект может анализировать большие массивы данных в реальном времени, выявлять аномалии в банковских операциях и формировать предсказательные модели поведения клиентов. Кроме того, технологии машинного обучения могут улучшить процессы оценки кредитоспособности вкладчиков, а также повысить точность оценки устойчивости банков, что играет ключевую роль в предотвращении системных финансовых кризисов.

В заключение, система обязательного страхования вкладов представляет собой ключевой элемент финансовой стабильности страны, обеспечивая защиту интересов вкладчиков и предотвращая массовые паники в случае банкротства банков. Она служит важным инструментом поддержания доверия к банковскому сектору, создавая уверенность у граждан в том, что их сбережения находятся под надежной защитой.

[1] Федеральный закон от 18.03.2023 № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» // Российская газета, № 58, 21.03.2023.

Однако следует помнить, что хотя система обязательного страхования вкладов является важным инструментом защиты вкладчиков при банкротстве банков, она не способна покрыть все риски и удовлетворить все потребности кредиторов. Когда сумма долга перед вкладчиком превышает предел страхового возмещения, он становится обычным кредитором в процессе банкротства банка. В таких случаях уже возникает необходимость применения мер для защиты прав кредиторов в рамках процедуры банкротства.

В условиях глобальных изменений, таких как цифровизация экономики и финансовых услуг, система страхования вкладов сталкивается с новыми вызовами, что требует её постоянной модернизации и адаптации к новым реалиям. Одним из важнейших шагов в направлении усовершенствования механизма страхования вкладов является внедрение более совершенных автоматизированных систем. Важным элементом модернизации, по мнению автора, является создание единого реестра вкладов, что позволит значительно улучшить мониторинг и контроль за состоянием страхования, минимизируя вероятность ошибок. Не менее значимым является внедрение искусственного интеллекта для прогнозирования и оценки финансовых рисков.

Таким образом, дальнейшее развитие системы обязательного страхования вкладов, в том числе через использование инновационных технологий, является необходимым шагом для укрепления доверия граждан к финансовым институтам и создания более устойчивой и безопасной финансовой среды в России. Внедрение этих решений поспособствует не только повышению уровня защиты вкладчиков, но и позволит эффективно противостоять рискам, возникающим в условиях глобальной цифровой трансформации экономики.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РОССИИ

Сидельникова Дарья Михайловна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Онищенко Ирина Сергеевна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

С принятием Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» государственная закупочная деятельность в Российской Федерации претерпела значительные изменения, одним из важнейших из которых стало создание Единой информационной системы (ЕИС). Этот информационный портал стал ключевым инструментом цифровизации закупочного процесса, обеспечивая автоматизацию всех его этапов — от планирования закупок и публикации соответствующей документации до заключения и исполнения контрактов. Введение такой системы позволило унифицировать процедуры, сделать процесс закупок более прозрачным и повысить его контролируемость.

Одним из главных достоинств ЕИС является ее способность обеспечивать открытый доступ к сведениям о государственных закупках, что способствует повышению конкуренции и снижению коррупционных рисков. Автоматизация закупочных процедур предоставляет участникам возможность круглосуточного взаимодействия с системой, упрощает процесс подачи заявок и делает его более доступным. Кроме того, анонимный характер рассмотрения заявок снижает вероятность предвзятости при выборе поставщиков, а внедрение цифровых механизмов контроля повышает объективность и эффективность работы закупочных комиссий[1].

Однако, несмотря на явные преимущества цифровизации, система государственных закупок в России сталкивается с рядом проблем и вызовов. Одним из существенных барьеров является необходимость получения и регистрации электронной подписи, что создает дополнительные затраты и усложняет доступ новых участников к процедуре торгов. Кроме того, обязательная аккредитация на федеральных электронных торговых площадках требует от поставщиков значительных временных и административных ресурсов. Другим важным препятствием является недостаточная интеграция между ЕИС и различными электронными торговыми площадками, что приводит к задержкам при передаче протоколов, затрудняет исполнение контрактных обязательств и создает административные барьеры для участников закупочного процесса. В результате, несмотря на общий курс на цифровизацию, сохраняются дисфункции, требующие устранения для дальнейшего совершенствования контрактной системы[2].

---

[1] *Сергеев Д.А.* «Цифровизация» государственных закупок: предпосылки, цели, преимущества и проблемы внедрения / Д.А. Сергеев. – URL: https://www.researchgate.net/publication/336057638_CIFROVIZACIA_GOSUDARSTVENNYH_ZAKUPOK_PREDPOSYLKI_CELI_PREIMUSESTVA_I_PROBLEMY_VNEDRENIA (дата обращения: 25.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Шулятьев В.Э.* Цифровизация закупок: плюсы и минусы перехода к электронным закупкам / В.Э. Шулятьев, А.В. Колоколов // Молодой ученый. - 2019. - № 22 (260). - С. 71–73. – URL: https://moluch.ru/archive/260/60050 (дата обращения: 26.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Внедрение цифровых технологий в систему государственных закупок сопровождается не только преимуществами, но и существенными рисками, которые могут повлиять на эффективность закупочного процесса, его прозрачность и надежность. Одной из ключевых проблем является замедленное внедрение современных технологических решений, что приводит к их устареванию еще до начала полноценного функционирования. Быстрая цифровизация также создает разрыв между технологической практикой и нормативным регулированием, что увеличивает вероятность юридических коллизий и нормативной неопределенности.

Серьезную угрозу представляет возможность технических сбоев, ведущих к потере данных, нарушению процедур закупок и потенциальным утечкам конфиденциальной информации. Государственные закупки продолжают оставаться одной из наиболее подверженных коррупционным рискам сфер, несмотря на автоматизацию процессов и усиленный контроль. В совокупности эти риски создают дополнительные вызовы для цифровой трансформации закупочной деятельности.

Цифровизация государственных закупок представляет собой ключевое направление развития контрактной системы, позволяя значительно повысить прозрачность, эффективность и управляемость закупочных процедур. Современные технологические решения открывают новые возможности для совершенствования процессов, минимизации рисков и повышения конкурентоспособности участников закупок.

Одним из перспективных направлений является создание интегрированной интеллектуальной платформы, осуществляющей не только мониторинг работоспособности ЕИС, но и фиксирующей в режиме реального времени все действия участников контрактной системы. Такая система позволит не только хранить и анализировать данные, но и оперативно выявлять возможные нарушения, что повысит уровень контроля и снизит вероятность коррупционных проявлений. Развитие цифровой среды государственных закупок также потребует адаптации регуляторных механизмов, совершенствования нормативной базы и внедрения гибких инструментов правового регулирования.

Ключевую роль в повышении эффективности электронных закупок играет совершенствование инфраструктуры электронных торговых площадок. Их модернизация, а также внедрение аналитических и предиктивных инструментов позволят оптимизировать процесс заключения контрактов и сократить издержки. Важным элементом развития является формирование комплексной системы обучения и методического сопровождения участников закупочных процедур, что обеспечит грамотное и профессиональное использование цифровых платформ[1].

Особое значение приобретает повышение ответственности операторов электронных площадок за устойчивость их работы. Надежность цифровой инфраструктуры должна быть гарантирована на всех этапах проведения торгов, включая защиту данных, предупреждение сбоев и обеспечение кибербезопасности. Использование методов интеллектуального анализа данных, машинного обучения и автоматизированных систем мониторинга позволит выявлять потенциальные риски, в том числе коррупционные схемы и аномальные отклонения в закупочных процедурах.

Также стоит отметить современный тренд и один из важнейших этапов цифровизации госзакупок – это развитие и последующее внедрение интеллектуальных технологий, основанных на блокчейне и смарт-контрактах. К примеру, использование технологии распределенного реестра (DLT) уже сегодня в Западных странах и в их системах закупок обеспечивает надежность, неизменность и прозрачность данных. Применение принципов смарт-контрактов позволяет автоматизировать выполнение

[1] *См. Каранатова Л.Г.* Инновационное развитие контрактной системы: переход к умным закупкам / Л.Г. Каранатова, А.Ю. Кулев // Управленческое консультирование. - 2020. - № 2. - С. 22–31. – Текст: непосредственный.

договорных обязательств, минимизируя влияние человеческого фактора и снижая вероятность нарушений. В перспективе искусственный интеллект и нейросетевые алгоритмы смогут не только анализировать массивы данных о закупках, но и прогнозировать наиболее оптимальные решения для государственных заказчиков.

Цифровизация закупочной деятельности, являясь неотъемлемой частью развития современной контрактной системы, сталкивается с большим набором сложностей и ограничений. Несмотря на активную поддержку со стороны профильных организаций и государственной системы управления и совершенствование нормативно-правовой базы, сохраняются значительные проблемы, связанные с ограничением конкуренции, рисками коррупционных сговоров и техническими сбоями в функционировании электронных систем.

Однако цифровизация уже привела к ощутимым позитивным изменениям: повысилась прозрачность процедур, расширился доступ малого и среднего бизнеса к государственным контрактам, оптимизированы процессы контроля и аудита[1]. Дальнейшее совершенствование закупочной системы возможно через комплексные реформы, направленные на устранение системных барьеров, внедрение интеллектуальных технологий и повышение ответственности участников процесса. Эффективная цифровая трансформация государственных закупок способна не только минимизировать существующие риски, но и создать условия для устойчивого развития контрактной системы, что в конечном итоге приведет к рациональному использованию бюджетных средств и повышению экономической эффективности государственного управления.

Подводя итог, можно констатировать, что в последние годы цифровизация становится важным инструментом для повышения эффективности государственных закупок. Внедрение электронных платформ и автоматизация процессов позволяет ускорить процедуры, улучшить мониторинг и анализ данных, а также уменьшить коррупционные риски. Современные технологии создают возможности для более точного контроля за исполнением контрактов, что способствует повышению доверия со стороны граждан и бизнеса к системе госзакупок.

[1] Аналитические материалы «Цифровая трансформация корпоративных закупок: достижения, потенциал, проблемы», Москва, 8 апреля 2021 года. - URL: https://www.inkontech.ru/news/ekspertyi-zakupochnoj-otrasli-obsudili-voprosyi-czifrovoj-transformaczii-korporativnyix-zakupok-v-ro (дата обращения: 28.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

ПРАВОМОЧИЯ УЧАСТНИКОВ ОБОРОТА ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Судаков Захар Владимирович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попович Марина Михайловна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Правовой режим оборота земель сельскохозяйственного назначения представляет собой комплекс норм, направленных на регулирование правоотношений между участниками оборота сельскохозяйственных земель. Законодатель, признавая землю объектом особой социальной значимости, закрепляет не только права владения и пользования, но и императивные обязанности, связанные с целевым использованием, охраной плодородия почв и ограничением оборота в пользу иностранных лиц.

Важным правом собственника земельного участка является возможность инициировать изменение категории земельного участка, если это предусмотрено законодательством. Однако такое изменение возможно только в исключительных случаях и требует согласования с уполномоченными органами. Данная возможность регулируется статьёй 7 Федерального закона от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую»[1]. Таким образом, права собственника земельного участка сельскохозяйственного назначения обеспечивают баланс интересов собственника и общества.

Обязанности собственника земельного участка сельскохозяйственного назначения включают в себя требования, направленные на обеспечение рационального использования земель, сохранения их плодородия и соблюдения экологических норм. В соответствии со ст. 42 Земельного кодекса РФ[2], собственник обязан использовать земельный участок строго по целевому назначению, то есть для ведения сельскохозяйственной деятельности. Собственник также обязан сохранять плодородие почв, что закреплено в ст. 13 ЗК РФ. Нарушение этих требований может привести к административной ответственности или изъятию участка. Обязанность собственника - своевременная уплата земельного налога, установленного Налоговым кодексом РФ (статьи 388-389). Собственник обязан соблюдать экологические нормы и требования, направленные на предотвращение загрязнения земель.

В случае изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд собственник обязан передать участок, получив при этом компенсацию. Таким образом, обязанности собственника земельного участка сельскохозяйственного назначения направлены на обеспечение устойчивого использования земель, сохранение их плодородности, экологического состояния, а также на соблюдение интересов государства и общества. Эти обязанности помогают поддерживать баланс между частными интересами собственника и публичными интересами, которые связаны с сохранением земельных ресурсов как стратегически важного актива.

---

[1] Федеральный закон «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» № 172-ФЗ от 21.12.2004 (ред. от 29.09.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 21.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, ст. 4147.

Особенности продажи земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения регулируются статьёй 8 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»[1]. Согласно этой статье, если собственник решил продать такой участок, то субъект Российской Федерации или в случаях, установленных законом субъекта Российской Федерации, муниципальное образование имеет преимущественное право покупки такого земельного участка. Собственник направляет письменное предложение с указанием цены и условий продажи. Если в течение 30 дней никто не выразит желания купить участок, собственник может продать его третьему лицу. Однако если собственник нарушит это правило, то такая сделка будет признана ничтожной. Исключения из этого правила действуют, если участок продаётся на аукционе или изымается для государственных или муниципальных нужд. Целью данного регулирования является обеспечение целевого использования сельскохозяйственных земель и защита интересов государства.

Так же статья 3 данного федерального закона ограничивает круг лиц, которые могут обладать земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения на праве собственности. К таким лицам относятся иностранные граждане, иностранные юридические лица, лица без гражданства, а также юридические лица, в уставном капитале которых доля вышеперечисленных лиц составляет более пятидесяти процентов.

Продавец земельного участка вправе самостоятельно определять цену участка, если она не противоречит законодательству и вправе выбирать покупателя после соблюдения правил преимущественного права покупки.

Так же при продаже земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения у продавца возникают следующие обязанности: соблюдение преимущественного права покупки, предоставление полной и точной информации о земельном участке, регистрация перехода права собственности на земельный участок, уплата налогов. Несоблюдение этих обязанностей может привести к оспариванию сделки, признанию её недействительной или ничтожной.

Правами покупателя являются право на получение полной и достоверной информации об участке, право на преимущественное приобретение. Обязанностями же покупателя при совершении сделки будет следующее: покупатель должен соответствовать требованиям закона (например, не быть иностранным гражданином или компанией), покупатель обязан оплатить участок в соответствии с условиями договора купли-продажи, покупатель обязан участвовать в процедуре регистрации перехода права собственности в Росреестре. Таким образом, покупатель должен действовать в рамках законодательства, чтобы защитить свои интересы и обеспечить законность сделки.

Согласно ст. 9 федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в аренду передаются только участки, прошедшие кадастровый учёт, включая долевую собственность. Для долевой собственности договор аренды или сервитута подписывается лицом, уполномоченным общим собранием собственников, если условия соответствуют их решению. Срок аренды государственных / муниципальных земель — от 3 до 49 лет, кроме сенокошения и выпаса скота (до 5 лет). Договор может предусматривать выкуп участка арендатором после оплаты выкупной цены с учётом норм закона. Арендатор, добросовестно выполнявший обязательства, имеет преимущественное право на продление аренды. Площадь одновременно арендуемых земель не ограничена. Залог арендных прав не требует согласия долевых собственников, если договором не установлено иное. Запрещены субаренда, передача прав третьим лицам, залог и внесение аренды в уставный капитал для фермерских хозяйств, арендующих государственные/муниципальные земли для своей деятельности.

Арендодатель вправе получать арендную плату в размере и порядке, установленном договором аренды, требовать возмещения ущерба, если арендатор

[1] Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 № 101-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Российская газета, № 137, 27.07.2002.

ухудшил качество земли, расторгнуть договор досрочно через суд при грубых нарушениях условий аренды (например, нецелевое использование, неуплата арендной платы более 2 раз подряд). Обязанности арендодателя: передать участок в состоянии, пригодном для сельскохозяйственного использования, без препятствий для его эксплуатации; соблюдать условия договора (сроки, порядок оплаты, ограничения); не вмешиваться в хозяйственную деятельность арендатора, если она соответствует целевому назначению земли; оформлять договор аренды в соответствии с законом (например, через торги, если участок государственный или муниципальный). Данные положения регулируются как гражданским, так и земельным кодексом Российской Федерации.

Необходимо разграничивать права и обязанности, которые возникают после вступления в силу договора аренды и те, которые необходимо соблюдать для того, чтобы договор вступил в силу и оставался действительным. Для начала рассмотрим те, которые возникают после подписания договора. Правами арендатора в таком случае будут: право использовать участок по целевому назначению; преимущественное право на продление аренды; право передать арендные права в залог, если это не запрещено договором или законом; право требовать устранения препятствий.

Обязанности арендатора земельного участка сельскохозяйственного назначения: своевременно вносить арендную плату; использовать землю строго по целевому назначению; сохранять плодородие почв и соблюдать экологические нормы; не передавать участок в субаренду или третьим лицам, если это запрещено законом или договором; возвратить участок в надлежащем состоянии по окончании срока аренды; соблюдать агротехнические, мелиоративные и иные требования; информировать арендодателя о чрезвычайных ситуациях.

Права арендатора земельного участка сельскохозяйственного назначения, необходимые для вступления договора в силу и его действительности, связаны с обеспечением законности процедуры заключения сделки и соблюдением требований законодательства. Они включают: право требовать проведения торгов (если участок государственный/муниципальный); право на получение достоверной информации об участке; право оспаривать нарушения при оформлении договора. К обязанностям же в данном случае можно отнести: участие в торгах (если участок государственный/муниципальный), подтверждение соответствия требованиям, а так же проверка кадастрового учёта участка. Если арендатор не участвовал в обязательных торгах, то договор признаётся ничтожным (ст. 168 ГК РФ). Если участок не внесён в кадастр, сделка будет признана недействительной.

Права и обязанности арендатора земельного участка сельскохозяйственного назначения направлены на обеспечение законного и рационального использования земель, а также на защиту интересов обеих сторон договора. Нарушение этих обязанностей может привести к расторжению договора, штрафам или изъятию участка. Законодательство обеспечивает баланс между правами арендатора на использование земли и обязанностями по её сохранению, что способствует устойчивому развитию сельского хозяйства и защите прав арендодателя.

Для более детального изучения темы необходимо так же изучить споры, которые возникают между участниками оборота земель сельскохозяйственного назначения. Такие споры обычно связаны с особенностями правового регулирования, а также с высокой экономической и социальной значимостью таких земель. Эти споры могут быть как имущественными, так и административными, а их разрешение требует тщательного анализа законодательства и судебной практики. Далее рассмотрим основные категории споров и их причины.

Споры о праве собственности на земельные участки возникают, когда несколько лиц претендуют на один и тот же участок. Это может быть связано с: неправильным оформлением документов, наследственными спорами и т.д. Споры, связанные с

приоритетным правом покупки могут возникать в тех случаях, если продавец не уведомил государственные органы о продаже участка.

Как пример можно привести Дело № 2-А36/2020[1], в котором Управление имущественных и земельных отношений Липецкой области обратилось в суд с иском о признании недействительными договоров купли-продажи, заключенных между ФИО1, ФИО2 и ООО «АГРОКОНСАЛТИНГ». ФИО1 и ФИО2 зарегистрировали право общей долевой собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения. Затем ФИО1 и ФИО2 продали свои доли ООО «АГРОКОНСАЛТИНГ» по отдельным договорам, что привело к регистрации права собственности компании на весь участок. По версии истца, сделки были направлены на обход преимущественного права покупки земельного участка Липецкой областью, нарушив требования Федерального закона №101-ФЗ.

Суд, исследовав материалы дела и выслушав представителей сторон, установил, что сделка по продаже земельного участка имела признаки притворной, направленной на обход законных требований о преимущественном праве покупки субъектом РФ. Суд признал сделки недействительными, применив последствия их недействительности. Применяя нормы Гражданского кодекса РФ, суд указал, что сделка была совершена с нарушением законодательства о земельных отношениях и не должна иметь юридических последствий.

Так же частыми между собственниками являются споры о границах земельных участков, споры из-за неуплаты арендной платы, о возмещении ущерба. Государственные и муниципальные органы часто участвуют в спорах, связанных с: изъятием земель для государственных или муниципальных нужд, нарушением целевого использования земель, отказом в предоставлении земельного участка или в изменении его категории. Так же могут возникать споры, связанные с установлением сервитута и другие.

Таким образом, споры между участниками оборота земель сельскохозяйственного назначения носят разнообразный характер и требуют тщательного анализа законодательства и судебной практики. Их разрешение направлено на защиту прав собственников, сохранение целевого использования земель и соблюдение интересов государства. Важным так же является соблюдение баланса между частными интересами собственников и публичными интересами, направленными на сохранение сельскохозяйственного потенциала земель и их рациональное использование.

Анализируя законодательство Российской Федерации, регулирующее вопросы оборота земель сельскохозяйственного назначения, следует выделить ряд проблемных вопросов. Во-первых, разработка и реализация действий, направленных на стимулирование рационального землепользование и ограничений действий по нецелевому использованию земель сельскохозяйственного назначения. Во-вторых, сложность контроля за соблюдением приоритетного права покупки субъектов РФ и муниципалитетов. В третьих, недостаточная защита прав добросовестных приобретателей.

Так же важно добавить, что в земельном фонде числится большое число невостребованных земельных участков земель сельскохозяйственного назначения, как следствие необходимо разработать меры по возвращению их в оборот[2].

Таким образом, эффективное регулирование оборота земель сельскохозяйственного назначения требует баланса между правами и обязанностями участников, а также создания механизмов, обеспечивающих защиту интересов всех

[1] Решение Липецкого районного суда Липецкой области № 2-А36/2020 2-А36/2020(2-А796/2019;)~М-А700/2019 2-А796/2019 М-А700/2019 от 27 мая 2020 г. по делу № 2-А36/2020. - URL: https://lipraisud--lpk.sudrf.ru/ (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Чупина И.П.* Оборот земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации: правовые аспекты / И.П. Чупина, Е.В. Зарубина, Н.Н. Симачкова, Л.А. Журавлева, Л.Н. Петрова // Московский экономический журнал. - 2023. - № 2. - С. 208. – Текст: непосредственный.

сторон. Это будет способствовать устойчивому развитию сельского хозяйства и сохранению земельных ресурсов как стратегически важного актива.

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ

Сызранцева Оксана Романовна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попович Марина Михайловна,
доцент кафедры частно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Цифровые технологии активно внедряются во все сферы жизнедеятельности человека, в том числе затрагивая и потребительскую. Ученые именуют данное явление цифровой трансформацией, то есть имплементацией цифровых технологий в экономические процессы на различных уровнях, формирующей новый тип потребителя[1]. Иными словами, потребитель нашего времени активно использует интернет-ресурсы для приобретения и продажи товаров, услуг.

Использование цифровых технологий в гражданском обороте вызывает ряд вопросов, в частности о субъектном составе обязательственных правоотношений, правовом положении их участников[2]. В связи с широким развитием рынка электронной коммерции, в частности распространения торговли дистанционным способом, появился особый субъект цифровых экономических отношений − владелец агрегатора информации о товарах (услугах). Правовое положение субъектов дистанционной торговли регламентировано Гражданским кодексом РФ, статьей 26.1. Закона РФ «О защите прав потребителей»[3], а также положениями Постановления Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»[4].

Посредники в экономических правоотношениях, связанных с электронной коммерцией, не являются владельцами электронных продуктов, размещаемых на их сайтах, но могут осуществлять прием денежных средств в электронном виде без перехода на сайт самого продавца. Так, например, истец обратилась в суд с иском к ООО «Ай Би Си», в котором просила взыскать с ответчика в свою пользу стоимость проводной платы, штраф, неустойку, а также компенсацию морального вреда в размере 50 тыс. руб.

---

[1] *Александров Ю.Л.* Цифровая трансформация и ее влияние на потребителей / Ю.Л. Александров, С.К. Демченко, Е.И. Толстихина, В.Г. Подопригора // Инновации и инвестиции. - 2022. - №3. - С. 34. – Текст: непосредственный.

[2] *Семякин М.Н.* Гражданско-правовой договор в сфере цифровой экономики / М.Н. Семякин // Российский юридический журнал. - 2020. - № 1. - С. 12. – Текст: непосредственный.

[3] Закон Российской Федерации о защите прав потребителей от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) // Российская газета, № 8, 16.01.1996.

[4] Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (ред. от 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, N 3, 18.01.2021, ст.593.

Гражданка ссылалась на то, что владелец сайта ООО «Ай Би Си», целью деятельности которого является платный поиск и подбор билетов и гостиниц, представил информацию о тарифах на иностранном языке, что скрыло существенную информацию о невозвратности тарифов, отказался выплатить сумму провозной платы, чем нарушил ее права как потребителя. В связи с этим ответчик причинил ей моральный вред, поскольку ее супруг находился в болезненном, малоподвижном состоянии, истица была вынуждена постоянно выяснять, по какой причине ей отказывают в возврате уплаченных ею денег, и что нужно сделать, чтобы их все-таки вернули. Она и ее муж из-за переживаний страдали бессонницей и головными болями, что усугубило болезнь мужчины. Для детей эта ситуация также была травмирующей, поскольку поездка была запланирована давно, были накоплены средства на нее, но при невозврате провозной платы поездка состояться не может в связи со значительной стоимостью перелета. По утверждению владельца сайта, его организация не имеет права переводить указанные документы на другой язык по причине возможного искажения их смысла, однако в случае необходимости потребитель может направить на электронную почту владельца сайта соответствующий запрос, чего сделано не было.

Суд отказал в удовлетворении требований истца в полном объеме, поскольку в данном случае владелец сайта, на котором были размещены предложения авиакомпаний по продаже авиабилетов не являлся уполномоченным посредником между потребителем и авиакомпанией. Согласно Закону РФ от 07.02.1992 2300-1 «О защите прав потребителей» владелец агрегатора не несет ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие предоставления ему недостоверной или неполной информации об услуге, в случае, если владелец агрегатора не изменяет информацию об услуге, предоставленную продавцом и содержащуюся в предложении о заключении договора купли-продажи. Перед приобретением билетов истец ознакомилась с условиями договора перевозки и условиями применения тарифа, согласилась с ними, путем проставления отметки в указанном поле, без которой технически невозможно завершить бронирование, заключить договор перевозки и произвести оплату[1].

Кроме того, в условиях цифровизации некоторые проблемы возникают в отношении защиты персональных данных потребителей. В соответствие с Федеральным законом «О персональных данных»[2], персональные данные – любая информация, относящаяся к субъекту персональных данных (ст. 3). Банковские, страховые, медицинские и многие другие организации требуют предоставления персональных данных потребителя для оказания услуг. Ввиду развития тенденции перехода на цифровые платформы, онлайн-приложения возрастает риск утечек данных, технических сбоев, взлома аккаунтов. Статья 17 вышеупомянутого закона прямо предусматривает право субъекта персональных данных на защиту своих прав и законных интересов, в том числе на возмещение убытков и (или) компенсацию морального вреда в судебном порядке.

Гражданка Н.А., являясь клиентом ПАО «Сбербанк» обнаружила в приложении «Сбербанк Онлайн» сведения о счетах некой Н.А. (своей полной тезки, с совпадением также и по дате рождения). Далее истец получила сведения от своей тезки о том, что той предоставлены сведения и открыт доступ к счету истца. После обращения истицы в банк счет заблокировали, однако через определенное время после разблокировки счета на нем вновь стали отражаться сведения о счетах ее тезки Н.А. Помимо этого, истец пользовалась бонусной программой от банка «СберСпасибо», а вследствие сложившейся ситуации

[1] Решение Ленинского районного суда г. Томска от 10 июня 2016 г. по делу № 2-1177/2016. - URL: https://sudact.ru/regular/doc/37d8FrF85YQ8/?ysclid=m95ugf1yyp777550819 (дата обращения: 02.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

количество бонусов в приложении уменьшилось. Посчитав, что ее персональные данные были переданы другому лицу, Н.А. вышла в суд с иском о защите прав потребителей к банковской организации с требованием о возмещении морального вреда в размере 3 млн. руб. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований, сославшись на наличие технического сбоя в приложении и отсутствии доказательств причинения морального вреда[1].

Суд апелляционной инстанции, наоборот, усмотрел в действиях банка нарушение банковской тайны и разглашение персональных данных истца. Вследствие этого, суд разрешил вопрос, касающийся компенсации морального вреда. В связи с тем, что гражданка Н.А. лишилась возможности следить за состоянием своего счета в онлайн-приложении, это причиняло ей дискомфорт и переживания. Как указывается в апелляционном определении, размер компенсации морального вреда определялся с учетом положений ст. 151 и 1100 ГК РФ, согласно обстоятельствам причинения вреда, разумности и справедливости. Таким образом, компенсация морального вреда составила 10 тыс. руб., вместо заявленных в иске 3 млн. руб[2]. Вышеуказанный казус показал, что применение современных информационно-коммуникационных технологий в банковской сфере не только упрощают порядок совершения расчетных операций и возможность управления клиентами банка своими счетами, но и несут новые риски[3].

Таким образом, действительно, у цифровизации есть определенные достоинства: экономия времени, удобство, содействие процессам глобализации и т.д. Однако, имеются и серьезные недостатки, такие как утечка персональных данных, «пробельность» в правовом регулировании, техническая отсталость. Все это может нарушать права потребителей, причинять моральный вред, причем в абсолютно любой сфере. В связи с этим потребителям необходимо обращать внимание на политику конфиденциальности при совершении покупок в сети интернет, быть осторожным при предоставлении своих персональных данных онлайн. Со стороны государств также принимаются меры по защите прав граждан в эпоху цифровизации. Например, в 2019 году вступили в силу изменения в Закон «О защите прав потребителей», согласно которым был зафиксирован правовой статус владельцев агрегатора информации о товарах (услугах). Также, в соответствии со сведениями, данными на официальном сайте Роспотребнадзора, в разработке находится специализированный электронный сервис для потребителей, который будет аккумулировать информацию об участниках рынка, а кроме того предоставит возможность обмена сведениями о товарах, услугах, акциях, а также потребительского скоринга — рейтингов, голосования, отзывов потребителей об использовании товаров[4].

Стоит упомянуть нововведения, которые заработают с 1 сентября 2025 года, а именно запрет продавцам, владельцам агрегаторов и исполнителям проставлять автоматические отметки о согласии потребителя на платное предоставление дополнительных товаров, работ или услуг. Это применимо к click-wrap-соглашениям – соглашлениям, которые заключаются путем щелчка мышью по клавише «я согласен».

То есть, данным субъектам запрещается выражать за потребителя согласие и в ином виде, а также создавать условия, которые предполагают, что он изначально подтверждает намерение купить дополнительные товары, работы либо услуги.

---

[1] Решение Нагатинского районного суда г. Москвы от 14 октября 2019 г. по делу № 2-6316/2019. - URL: https://mos-gorsud.ru/rs/nagatinskij (дата обращения: 02.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Апелляционное определение Московского городского суда от 16.01.2020 по делу № 33-451/2020. - URL: https://mos-gorsud.ru/mgs (дата обращения: 02.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Белобабченко М.К.* Нарушение банковской тайны и права на защиту персональных данных / М.К. Белобабченко // КОНТРАКТ. - 2020. - С. 21. – Текст: непосредственный.

[4] Глава Роспотребнадзора Анна Попова — о том, как защитить потребителя в цифровую эпоху. - URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/press_service/publications/?ELEMENT_ID=9746 (дата обращения: 02.09.2025) – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Потребитель сможет потребовать вернуть деньги, если у него не спросили согласие при продаже дополнительного продукта или навязали его. Срок на возврат – 3 календарных дня с даты предъявления требования[1]. Все это свидетельствует о том, что в эпоху развития цифровых технологий законодательство пополняется новыми нормами, которые направлены на защиту потребителя.

[1] Федеральный закон от 07.04.2025 № 69-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ, 14.04.2025, № 15, ст. 1795.

ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАПРОСА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ДЛЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Тепляков Илья Сергеевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Макарьин Альберт Андреевич,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

Одним из способов проведения конкурентной закупки является запрос предложений. Согласно п. 22, ст. 3.2 Федерального закона от 18 июля 2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее по тексту - 223-ФЗ) под запросом предложений понимается форма торгов, при которой победителем запроса предложений признается участник конкурентной закупки, заявка на участие в закупке которого в соответствии с критериями, определенными в документации о закупке, наиболее полно соответствует требованиям документации о закупке и содержит лучшие условия поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг[1].

Исходя из ч.3 п. 3 ст. 3.4 223-ФЗ Заказчик размещает извещение об осуществлении закупки и документацию о закупке в единой информационной системе (далее по тексту ЕИС) не менее чем за пять рабочих дней до дня проведения такого запроса. При этом начальная (максимальная) цена договора не должна превышать пятнадцать миллионов рублей.

Одной из разновидностей запроса предложений является проведение запроса предложений для субъектов малого среднего предпринимательства. Согласно ч.1 ст. 4 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее по тексту – 209-ФЗ) выделяют следующие категории субъектов малого и среднего предпринимательства: хозяйственные общества, хозяйственные товарищества, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели[2].

Далее следует остановиться на достоинствах проведения запроса предложений для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Во-первых, по мнению автора, одним из достоинств проведения запроса предложений является такой принцип, как информационная открытость закупки (п.1, ч.1, ст. 3 223-ФЗ) Данный принцип обеспечивается путем размещения в «Единой информационной системе» (далее по тексту ЕИС) информации о закупке. Так же я полагаю, что принцип открытости закупки предполагает, что размещенная информация в ЕИС полная и достоверная; должна обеспечивать точное и конкретное восприятие предмета закупки; не должна содержать противоречивой или непонятной информации и должна полностью сообщать потенциальным участникам закупки о требованиях, которым должны соответствовать подаваемые ими заявки.

[1] Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» № 223-ФЗ от 18.07.2011 (ред. от 08.08.2024) // Российская газета, № 159, 22.07.2011.

[2] Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» № 209-ФЗ от 24.07.2007 (ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Во-вторых, автор полагает, что еще одним преимуществом является размещение Заказчиком обоснования начальной (максимальной) цены договора (ч.2, ст. 2 223-ФЗ) и подача заявок участниками с более низкой ценой Договора. Участник закупки, отвечающий всем требованиям размещенной документации в ЕИС, может снижаться от начальной максимальной цены. Участники закупки предлагают более низкие цены, так как хотят стать победителем в размещенной закупке, а в свою очередь Заказчик за поставку товаров, выполнение работ, оказания услуг понесет меньше финансовых потерь.

В-третьих, заключение договора с победителем конкурентной процедуры. Согласно ч. 29 ст. 3.4 223-ФЗ договор по результатам закупки среди субъектов малого и среднего предпринимательства заключается на условиях, которые предусмотрены проектом договора, документацией, извещением или приглашением принять участие в закупке и заявкой участника такой закупки, с которым заключается договор. Согласно ч.15 ст. 3.2 223-ФЗ договор по результатам конкурентной закупки заключается не ранее чем через десять дней и не позднее чем через двадцать дней с даты размещения в единой информационной системе итогового протокола, составленного по результатам конкурентной закупки.

В качестве недостатков проведения запроса предложений автор выделяет следующие.

Так, по мнению автора участник закупки испытывает трудности при сборе пакета документов для участия в запросе предложений. Состав заявки в запросе предложений состоит из трех частей. Первая часть включает в себя предложение участника, согласно форме, предусмотренной документацией и срок поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг. Вторая часть содержит в себе анкету участнику; учредительные документы участника закупки; ИНН; копия документа подтверждающего полномочия лица
действовать от имени участника конкурентной закупки, за исключением подачи заявки не руководителем организации или Индивидуальным предпринимателем; копия решения о согласии на совершение крупной сделки или о последующем одобрении этой сделки; декларация, подтверждающая на дату подачи заявки на участие в конкурентной закупке с участием субъектов малого и среднего предпринимательства. Предложение участника закупки о цене договора согласно форме, которая установлена в документации.

Другим недостатком является длительность проведения запроса предложений. При проведении запроса предложений требуется много времени. Необходимо опубликовать извещение о проведении запроса предложений; направить ссылку участнику на участие в процедуре, произвести оценку заявок после окончания подачи заявок и опубликовать итоговый протокол по рассмотрению запроса предложений.

Наконец, у Заказчика есть возможные риски, когда процедура не состоялась. Запрос предложений признается несостоявшимся в трех случаях. Во-первых, подана только одна заявка на участие в запросе предложений или по результатам рассмотрения заявок Комиссией принято решение о соответствии одной заявки требованиям закупочной документации о проведении запроса предложений из всех поданных заявок. Во-вторых, не подано ни одной заявки на участие в запросе предложений. В-третьих, на основании результатов рассмотрения Комиссией заявок принято решение об отклонении всех заявок на участие в запросе предложений.

В заключение автор хотел отметить, что проведение запроса предложений является одной из самых противоречивых конкурентных процедур. С одной стороны, гласность проведения запроса предложений и выгодная ценовая политика для Заказчика. С другой стороны, сложный состав конкурентной процедуры и трудоемкая процедура.

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ С ЦЕЛЬЮ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРАВОМ СО СТОРОНЫ ПОТРЕБИТЕЛЯ

Фоканова Екатерина Сергеевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Шелепина Елена Александровна,
заведующий кафедрой частно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Законодательство о защите прав потребителей в России традиционно направлено на обеспечение интересов слабой стороны — потребителя, с целью уравновесить позиции участников рынка и предотвратить злоупотребления со стороны предпринимателей. Однако в последние годы фиксируется увеличение числа случаев недобросовестного поведения со стороны самих потребителей, когда предусмотренные законом гарантии используются не для защиты нарушенных прав, а с целью извлечения необоснованной выгоды. Это создает дисбаланс в правоотношениях и приводит к неоправданным экономическим потерям для предпринимателей. Вследствие этого возникает необходимость внесения изменений в действующее законодательство, направленных на пресечение злоупотреблений правом со стороны потребителей.

Распространённым случаем недобросовестного поведения потребителя является отказ передать товар продавцу для проверки качества или экспертизы, что лишает продавца возможности добровольно удовлетворить требования покупателя. При этом, как указал Верховный Суд Российской Федерации, при установлении таких фактов истцам-потребителям следует отказывать во взыскании, предусмотренных законом, неустоек[1]. Предпосылки возникновения подобного рода злоупотреблений как раз и заложены в недостатках действующего законодательства.

Согласно абз. 2 и 3 п. 5 ст. 18 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – ЗоЗПП) продавец (изготовитель), уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортёр обязаны принять товар ненадлежащего качества у потребителя и в случае необходимости провести проверку качества товара, а при наличии спора о причинах возникновения недостатков товара провести за свой счёт его экспертизу[2]. С учётом того, что потребитель рассматривается как слабая сторона договора, законодатель наделил продавца обязанностью, а не правом провести проверку качества (экспертизу) товара, и тем самым потребитель не обязан предоставлять продавцу товар на проверку качества (экспертизу), ведь формально обязанности соответствует право, а не встречная обязанность, что и создаёт в указанных условиях благоприятную почву для злоупотреблений со стороны потребителей.

Данный вид злоупотребления подтверждается многочисленной судебной практикой так, Ч.Е.Ю. обратилась в суд с исковым заявлением к открытому акционерно обществу «Торговый дом «ЦУМ», в котором просила взыскать оплаченные за товар денежные

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским дела Верховного суда РФ от 06 апреля 2021 г. № 8-КГ21-1-К2. – URL: https://www.vsrf.ru/ (дата обращения: 11.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
[2] Закон Российской Федерации о защите прав потребителей от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) // Российская газета, № 8, 16.01.1996.

средства, почтовые расходы по отправлению претензии, расходы по оплате услуг эксперта, компенсацию морального вреда, неустойку за период с 21.06.2019 года по 09.07.2019 года, штраф, судебные расходы по оплате услуг представителя, мотивируя свои требования тем, что 20.04.2019 года приобрела у ответчика обувь (ботинки). В ходе эксплуатации выявлен дефект обуви в виде неустойчивости красителя к трению, в связи с чем 10.06.2019 года истец направила ответчику телеграммой претензию с требованием о возврате денежных средств, уплаченных за товар, а также убытков по отправке телеграммы. Телеграмма получена ответчиком 10.06.2019 года, что подтверждается уведомлением телеграфа, однако требования истца ответчиком не удовлетворены. Согласно заключению, проведенному по инициативе истца в отношении спорной обуви на предмет причин возникновения недостатков, выявленный дефект является производственным. В связи с нарушением прав потребителя также предъявлены ко взысканию убытки, неустойка, компенсация морального вреда, штраф.

В судебном заседании суда первой инстанции было установлено, что истец не получал телеграмму ответчика о предоставлении товара для проверки качества.

Решением суда первой и апелляционной инстанции требования истца были удовлетворены, в пользу истца взысканы оплаченные за некачественные ботинки денежные средства (в данной части судебный акт считать исполненным в связи с перечислением денежной суммы ответчиком); взысканы убытки по отправке телеграммы, убытки по оплате услуг эксперта, компенсация морального вреда, неустойка за период с 21.06.2019 года по 09.07.2019 года, штраф, судебные расходы по оплате услуг представителя, расходы по оплате судебной экспертизы.

Отменяя решение суда апелляционной инстанции, судебная коллегия указала, что судами первой и апелляционной инстанции при оценке действий ответчика направленных на урегулирование требований потребителя (истца) не учтены положения ст. 165.1 ГК РФ и разъяснения, содержащиеся в п. 63 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которым юридически значимое сообщение, адресованное гражданину, должно быть направлено по адресу его регистрации по месту жительства или пребывания либо по адресу, который гражданин указал сам (например, в тексте договора), либо его представителю. Сообщение считается доставленным и в тех случаях, если оно поступило лицу, которому оно направлено (адресату), но по обстоятельствам, зависящим от него, не было ему вручено или адресат не ознакомился с ним.

Судами не разрешены вопросы о том, имелась ли у ответчика возможность для выявления характера недостатков проданного товара (обуви) и добровольного исполнения требований потребителя (истца). При этом, данные обстоятельства являются юридически значимыми, поскольку в силу Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» ответственность импортера за нарушение прав потребителей наступает в случае виновного уклонения от исполнения требований потребителя[1].

Чтобы предотвратить подобного рода злоупотребления, предлагается законодательно закрепить обязанность потребителя предоставить товар для проверки качества (экспертизы) в установленный срок. Если потребитель проигнорирует это требование, продавец может быть освобождён от требований по взысканию неустойки и потребительского штрафа. Это позволит унифицировать судебную практику и судам не придётся использовать столь неоднозначную правовую категорию как злоупотребление правом.

Штраф, установленный п. 6 ст. 13 ЗоЗПП, взыскиваемый с изготовителя (продавца, исполнителя, уполномоченной организации или импортёра) при судебном

[1] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2021 по делу № 88-4734/2021, 88-5395/2021 (УИД 12MS0013-01-2019-001825-62). – URL: https://6kas.sudrf.ru/ (дата обращения: 11.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

удовлетворении требований потребителя (в случае недобровольного исполнения), по своей природе является разновидностью законной неустойки. Однако в отличие от иных мер гражданско-правовой ответственности, он применяется в обязательном порядке — суд взыскивает его независимо от наличия соответствующего требования истца. Эта особенность сближает данный штраф с публично-правовыми санкциями. В связи с этим некоторые исследователи оспаривают его частно-правовой характер и предлагают направлять взысканные средства в пользу государства или специализированного фонда, исключая тем самым неосновательное обогащение потребителя[1]. Подобные предложения обусловлены тем, что обязательность взыскания штрафа в пользу потребителя прямо не закреплена в законе, а вытекает из судебного толкования. Кроме того, подвергается сомнению сама необходимость этой меры: взыскание штрафа в размере 50% от присуждённой суммы (которая и без того часто превышает реальные убытки из-за кумулятивного эффекта санкций) приводит к явно избыточным выплатам, не имеющим разумного правового обоснования. Это создаёт риски необоснованного обогащения потребителей, способствует злоупотреблению и потребительскому экстремизму и может провоцировать недобросовестные действия при уступке прав требования.

Вместе с тем считаем целесообразным возможность применения к штрафу положений ст. 333 ГК РФ, но только в исключительных случаях и при наличии соответствующего обоснования в решении суда. Указанные изменение обеспечит возможность соблюдение прав как потребителя, в случае добросовестных действий с его стороны, так и продавца (изготовителя), уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортёра, в случае злоупотреблением правом со стороны потребителя.

Ещё одним проблемным аспектом является отсутствие в Законе РФ «О защите прав потребителей» нормы об обязательном досудебном порядке урегулирования спора.

Некоторые представители научного сообщества высказываются за введение обязательного претензионного порядка разрешения потребительских споров. Так, В.В. Богдан обосновывает подобное предложение следующим образом: «…не обращаясь предварительно к ответчику, потребитель ухудшает своё положение: он лишает себя возможности взыскать моральный вред, неустойку и другие санкции, предусмотренные Законом лишь в случаях неудовлетворения законных требований потребителя в добровольном порядке, несоблюдения установленных сроков, наличия вины предпринимателя, что при отсутствии досудебного обращения истца установлено не будет»[2].

Тем не менее, данная позиция имеет противоречие с нормами ЗоЗПП, а именно анализ положений статей 13, 15, 23.1 и 30 ЗоЗПП показывает, что законодатель не связывает напрямую возможность взыскания компенсации морального вреда, некоторых видов неустойки, установленных статьями 23.1 и 30 ЗоЗПП, а также потребительского штрафа с обязательным предварительным направлением претензии продавцу или исполнителю.

Однако следует отметить, что в подобных случаях размер гражданско-правовой ответственности продавца или исполнителя зачастую оказывается необоснованно завышенным, особенно в ситуациях, когда ответчик не получал копии искового заявления и не принимал участия в судебных заседаниях. Отсутствие уведомления ответчика о

---

[1] *Чернова О.А.* Комментарий к Закону РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (постатейный) / О.А. Чернова, Е.Ю. Буряк // Информационно-правовой портал «Гарант». - URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 11.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Богдан В.В.* Досудебный порядок урегулирования споров, возникающих в сфере защиты прав потребителей / В.В. Богдан. - Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 11.09.2025). – Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст: электронный.

наличии претензий до предъявления судебного иска должно рассматриваться как злоупотребление правом со стороны потребителя.

Примером подобного злоупотребления правом со стороны потребителя отражено в определении судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 49-КГ21-22-К6 были оставлены в силе решения других инстанций, которые частично удовлетворили требования истца (истец приобретал смартфон и дополнительно требовал взыскать также неустойку). Основанием для отказа удовлетворения данного требования послужил факт недобросовестного поведения истца при направлении претензии ответчику. Было установлено, что истец действительно отправлял претензию в магазин, где купил телефон, но он не указал номер офиса, хотя достоверно знал, что по данному адресу расположено около 70 офисов. Также на документах был указан адрес регистрации юридического лица, но туда претензия не направлялась. Письмо возвращено отправителю, поскольку ответчик не мог получить извещение по независящим от него причинам. В свою очередь, истец больше никак не защищал свои права: не звонил по указанному номеру, не обращался в офис, не звонил в службу поддержки. Ответчик в данном случае не уклонялся от удовлетворения претензии, так как только в суде узнал о проблеме. Но он был лишен возможности в добровольном порядке удовлетворить требования потребителя, что, конечно же, исключает штрафные санкции в отношении ответчика (продавца)[1].

С учётом рассмотренного примера следует упомянуть постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства»[2]. В пункте 33 данного постановления разъясняется, что не направление требования о соразмерном уменьшении покупной цены, об устранении недостатков товара, о замене товара ненадлежащего качества или уведомления об отказе от исполнения договора является основанием для отказа судом во взыскании в пользу потребителя штрафа, предусмотренного п. 6 ст. 13 ЗоЗПП. Однако стоит отметить, что в указанных разъяснениях перечислены не все требования, предусмотренные ЗоЗПП, нарушение которых позволяет потребителю обращаться в суд минуя стадию досудебного урегулирования.

Таким образом, отсутствие досудебного обращения со стороны потребителя свидетельствует о том, что его действия (или бездействие) направлены преимущественно на получение материальной выгоды, а не на восстановление нарушенных прав, удовлетворение личных, бытовых или семейных потребностей, что противоречит целям законодательства о защите прав потребителей.

В связи с этим целесообразно дополнить Закон «О защите прав потребителей» нормой, освобождающей изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченную организацию или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортёра) от обязанности уплаты штрафа в случае отсутствия со стороны потребителя досудебного предъявления требований. Такой подход не сделает досудебный порядок урегулирования обязательным, потребитель сохранит право на обращение в суд, минуя претензионную процедуру. Однако он будет лишён права требовать взыскания штрафа, что представляется справедливым, поскольку, не предъявляя досудебную претензию, потребитель лишает контрагента возможности добровольно исполнить требования и избежать дополнительных расходов.

---

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 г. № 49-КГ21-22-К6 – URL: https://www.vsrf.ru/ (дата обращения: 11.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Таким образом, совершенствование законодательства о защите прав потребителей должно осуществляться с учётом необходимости соблюдения баланса интересов обеих сторон гражданских правоотношений. Защита потребителей не должна превращаться в инструмент получения необоснованных выгод за счёт предпринимателей. К числу приоритетных направлений реформы законодательства о защите прав потребителей можно выделить: нормативное установление обязанности потребителя предоставить товар для проверки качества (экспертизы) в предусмотренный срок и возможности уменьшения размера штрафа в соответствии со ст. 333 ГК РФ, а также развитие механизмов досудебного урегулирования потребительских споров.

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В НАСЛЕДОВАНИИ

Хоменко Наталья Владимировна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Онищенко Ирина Сергеевна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Наследственным законодательством предусматривается комплекс норм, которые имеют характеристику «преимущественного права» в рамках наследственных правоотношений. Сами по себе наследственные правоотношения тесно связаны с личными отношениями наследников и наследодателей, что порождает особенности как самого правового регулирования, так и особенности применения норм права, с учетом личных отношений, которые не всегда поддаются формальному регулированию.

Законодательные нормы предусматривают следующие особенности осуществления преимущественного права в наследственных отношениях:

- виды имущества, к которым применяются подобные правила. В частности, к ним относятся неделимые вещи и предметы домашнего обихода;

- компенсаторный механизм, призванный обеспечить права и законные интересы тех наследников, которые не обладают преимущественным правом.

Как практика, так и научные исследования акцентируют внимание на сложностях применения норм в отношении реализации преимущественных прав в наследовании. Любое наследственное дело связано с особым моральным критерием: люди сталкиваются с утратой близкого, судьбу имущества которого необходимо решить как наследникам, так и нормам законодательства. Отсутствие возможности уточнения воли самого наследодателя приводит к столкновению интересов, а также к длительным судебным процессам. Юридическими практиками не раз обращалось внимание, что наследственные дела – одни из самых затяжных.

Общие положения наследования содержат принцип, который, на первый взгляд, имеет лишь одно исключение. Так, п. 2 ст. 1141 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закрепляет правило, в соответствии с которым «наследники одной очереди наследуют в равных долях», исключение при этом составляют лишь наследники по праву представления.

Однако существование преимущественного права автоматически означает наличие иных исключений, которые закрепляют приоритет права одного из наследников. Такое двойственное положение предписаний означает присутствие некоторых противоречий законодательства, которые при их детальном доктринальном исследовании подчеркивают всю проблематику применения преимущественного права в наследственных правоотношениях.

Реализация преимущественного права в наследовании может существенно ограничивать принцип равенства, который присущ наследованию по закону. При этом нормы ст. 1170 ГК РФ предусматривают возможность компенсации другим наследникам их части, если имеет место быть несоразмерность наследства, полученного в рамках преимущественного права. Само наличие этой нормы фактически подтверждает, что законодатель допускает возможность неравного распределения наследства, и те виды

имущества, которые входят в состав преимущественных, могут существенно оцениваться и создавать несоразмерность. Нормы гражданского законодательства предусмотрели возможность передачи иного имущества, входящего в наследственную массу, а также денежной компенсации. Однако законодатель не устанавливает критериев такого возмещения, процесса оценки, распределения бремени доказывания и иной детализации применения данной нормы, что говорит о наличии неисполнения принципа равенства в отношении наследников и об отсутствии механизма урегулирования такого нарушения права.

Изучение материалов судебной практики подтверждает наличие споров в отношении определения размера такой компенсации. Так, в пример можно привести спор, возникший между П. Е., которая являлась обладателем преимущественного права, и Ч. А., который был не согласен с расчетом размера причитающейся ему компенсации[1]. Такое судебное решение ярко демонстрирует, что суд при вынесении решения опирается на долевое образование рассчитываемой суммы, исходя из общих положений наследования.

В таком случае возникает вопрос прав отдельных наследников, если преимущественное право принадлежит сразу нескольким лицам. Подобную проблему в своей работе поднимала Э. Р. Аблялимова, подчеркивая, что практические проблемы связаны именно с множественностью наследников, обладающих преимущественным правом[2].

Сам по себе механизм, кроме защиты прав наследников, призван исключить необходимость продажи и перепродажи имущества. При наличии более одного наследника с правом преимущественного наследования это не представляется возможным, т.к. их права на обладание такой вещью равны. Не устанавливается также и приоритетность права в зависимости от доли. Единственным основанием возникновения преимущественного права является факт общей собственности с наследодателем, при этом даже наличие меньшей доли не означает отсутствие преимущества.

Законодательство не содержит никаких ограничений на дробление права на имущество, что логично в условиях рыночной экономики. Предположим, жилое помещение может принадлежать наследникам одной очереди в различных долях, особенно учитывая родство, так, например, супругу может принадлежать ½, а двум детям – по ¼ доли в общем праве собственности, что автоматически означает наличие трех наследников, обладающих правом преимущественного наследования как на жилое помещение, так и на предметы домашнего быта и обихода. Кроме того, учитывая очередность, перечисленные члены семьи могут выступать не единственными наследниками, т.к. здесь не упомянуты родители, которые как раз, по сравнению с сособственниками, не будут обладать преимущественным правом наследования. Однако разделение между тремя наследниками преимущественного права является нерешенной проблемой как науки, так и практики.

Нормами ГК РФ предпринята попытка разграничить тех, кто пользовался имуществом, от тех, кто имеет право на долю, но не пользовался. Однако сам термин «постоянно пользовавшийся неделимой вещью» носит относительный и оценочный характер: не ясны критерии постоянства и необходимой периодичности пользования для оценки его в качестве постоянного, также остается открытым вопрос, будет ли иметь значение регистрация по месту жительства в таком имуществе или ее отсутствие при необходимости установления факта пользования. Или, например, наследник, имеющий явно более существенную долю в праве, но не пользовавшийся имуществом на

---

[1] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25.11.2024 по делу № 88-23635/2024 (УИД 78RS0005-01-2022-002425-17). - URL: https://3kas.sudrf.ru/ (дата обращения: 01.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Аблялимова Э.Р.* Анализ особенностей наследования при реализации преимущественного права при разделе имущества / Э.Р. Аблялимова // Инновационная наука. - 2020. - № 4. - С. 138, 139. – Текст: непосредственный.

постоянной основе, будет ли иметь приоритет перед человеком, который имеет такую небольшую долю, которую можно признать незначительной, но при этом пользующейся ей на постоянной основе? Очевидно, ответ отрицательный, однако такое положение вряд ли отвечает общеправовому принципу справедливости.

Если допустить, что один будет обладать 2/3 части недвижимости, но не пользоваться ей, а второй будет обладать 1/66, но пользоваться ей, очевидно, исходя из норм закона, приоритет наследования будет за стороной с гораздо меньшей долей. На наш взгляд, при подобных спорных ситуациях нарушаются как общее правило равенства сторон гражданского правоотношения, так и отдельные принципы наследственного законодательства.

Также отметим, что сложность правоотношений может быть осложнена фактом признания наличия доли при отсутствии таковой в формальном смысле. Речь идет о том, когда право собственности одного из супругов в общей собственности может признаваться в судебном принудительном порядке при существенных улучшениях имущества.

В научной литературе описывается практический случай, который заключался в том, что в наследственную массу после умершей супруги был отнесен дом, купленный до брака[1]. Супруг, являясь вдовцом, признал свое право на долю в жилом доме, который был приобретен супругой до брака, исходя из тех неотделимых улучшений, которые он произвел за свой счет во время брака, а именно, капитальный ремонт дома. Изначально имущество не имело приоритетных наследников, т.к. основанием возникновения является право на долю в этом имуществе, однако последующее решение суда фактически уменьшило общую наследственную массу, установив преимущественное право наследования супруга на оставшуюся часть дома (60%) в приоритетном порядке и как сособственника, и как лица, пользующегося им на постоянной основе[2].

Изучение правового положения института преимущественных прав в наследовании и особенностей осуществления такого права показывает некоторую неурегулированность вопросов, которые имеют существенное значение в правоприменении. Сделан вывод о том, что законодательство не содержит норм, разрешающих вопросы столкновения интересов лиц, одновременно обладающих приоритетным правом наследования. Также нами обращается внимание, что существующие нормы, регулирующие порядок определения преимущества, оказывают негативное влияние на реализацию принципа равенства сторон гражданских правоотношений, а также на общеправовой принцип справедливости.

Подобные законодательные пробелы требуют поэтапного разрешения либо посредством законодательных норм, либо разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ, который может высказать свою позицию относительно правил применения норм и непосредственной их связи с общеправовыми и отраслевыми принципами права. На данный момент, в п. 56 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» закреплена лишь следующая формулировка: «Раздел наследства между наследниками, одновременно обладающими преимущественным правом при разделе наследства на основании статей 1168 и 1169 ГК РФ, производится по общим правилам»[3]. На наш взгляд, необходимо добавить уточнение, которое бы определило приоритетность таких лиц, т.к. само по себе преимущественное право не

---

[1] *Попова Т.А.* Наследственные споры: судебная практика о реализации преимущественного права при разделе наследства / Т.А. Попова // Вестник УЮИ. - 2019. - № 4 (86). - С. 130. – Текст: непосредственный.

[2] Обзор судебной и нотариальной практики Московской области по применению законодательства при рассмотрении вопросов, возникающих из наследственного права, а также отдельных видов договоров по передаче имущества в собственность. - URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=827#B5RpqWUMV0PHguj12 (дата обращения: 01.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (ред. от 24.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, 2012.

может быть поделено ни поровну, ни в долях. Сущность преимущественного права заключается в единстве обладания той вещи, которая не подлежит разделу. На наш взгляд, учитывая принципы соразмерности и справедливости, необходимо установить предписание, которое бы устанавливало приоритет наследственного права, исходя из доли владения в неделимом имуществе, если речь идет о неделимых вещах.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИСТОЧНИКА ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Чернышков Павел Дмитриевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Кондратовская Светлана Николаевна,
доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Исследование понятия источника повышенной опасности (далее – ИПО) остается предметом обсуждения в юридическом сообществе, что обуславливается современными социально-экономическими и экологическими вызовами, с которыми сталкивается общество. В условиях стремительного развития технологий и индустриализации возникает необходимость пересмотра и уточнения правового регулирования, касающегося объектов, представляющих потенциальную угрозу для жизни и здоровья людей, их имущества, а также для окружающей среды. Данное положение подтверждается большим количеством научных трудов, посвященных указанному вопросу. Источники повышенной опасности, такие как механические, химические, биологические и радиационные объекты, требуют особого внимания со стороны законодательных органов, так как они порождают специфические риски, связанные с их эксплуатацией. Обусловленность актуальности исследования понятия ИПО выражается в его значимости для защиты прав граждан и обеспечения безопасной жизнедеятельности общества в условиях быстро меняющегося мира.

Впервые в отечественном законодательстве термин «ИПО» появился в 1922 году[1]. Однако, несмотря на столь продолжительное существование института ИПО в отечественной истории законодательства, на данный момент понятие ИПО законодательно не закреплено. Кроме того, единое мнение по поводу сущности понятия ИПО в юридическом сообществе также отсутствует.

Исходя из анализа научных трудов на соответствующую тему, можно говорить о том, что исследователи выделяют три основных направления в определении сущности понятия ИПО, поддерживаемых авторитетными авторами. В своей научной статье А.Р. Сулейманова пишет о трех теориях предполагаемой сущности ИПО, а именно теории объектов, деятельности и движущихся вещей[2].

Сторонником теории объектов является И.Н. Поляков. По его мнению, ИПО являются материальные объекты, поскольку они обладают различными вредными качествами, которые невозможно полностью контролировать человеком в ходе проводимых с ними действий[3]. Кроме того, в связи с этим нельзя не упомянуть позицию О.И. Красавчикова, которого также относят к сторонникам теории объектов. Главная его мысль состоит в том, что классификация источников повышенной опасности на различные группы, основанная на их видовых характеристиках, возможна только в том случае, если для такого разграничения в качестве основополагающего признака будет

[1] *См. Рожкова М.А.* Об источнике повышенной опасности / М.А. Рожкова // Вестник ВАС РФ. – 2005. – № 2. – С. 20 - 23. – Текст: непосредственный.
[2] *Сулейманова А.Р.* Понятие источника повышенной опасности в российском гражданском праве / А.Р. Сулейманова // Интерактивная наука. - 2022. - №10 (75). – С. 80. – Текст: непосредственный.
[3] *Поляков И.Н.* Ответственность по обязательствам, вследствие причинения вреда / И.Н. Поляков // М., 2006. – С. 56. – Текст: непосредственный.

использована форма энергии, содержащаяся в соответствующих объектах материального мира, применяемых в определенной области. А в свою очередь энергия независимо от ее формы всегда имеет условную локализацию в определенных материальных объектах, которые выступают в качестве ее носителей[1].

Позицию сторонников теории деятельности можно выразить через мнение Л.А. Арсеньевой, которая пишет о том, что деятельность, связанная с материальными объектами, обладающими опасными свойствами, является источником повышенной опасности, поскольку именно человеческие действия, а не сами предметы, определяют вероятность причинения вреда[2].

И. наконец, суть теории движущихся вещей заключается в том, что предметы и объекты, которые могут представлять потенциальную угрозу для окружающих исключительно в процессе их использования и являются ИПО. В качестве примера приверженцы теории приводят транспортные средства, которые в ситуации, когда они не эксплуатируются человеком, не представляют никакой опасности для окружающих[3].

Стоит учитывать, что среди правоведов также есть и те, кто придерживается смешанных теорий и на их основе выдвигает свои понятия ИПО. По нашему же мнению, наиболее рациональным и емким является определение, которое дал А.А. Субботин, а именно ИПО – «деятельность, связанная с использованием некоторых специфических объектов техники, веществ и отдельных видов природной энергии, физические свойства которых могут представлять определенную опасность для окружающих, так и отдельные объекты техники, вредоносные вещества, некоторые виды энергии, способные при определенных условиях причинить значительный ущерб окружающим»[4]. Несмотря на то, что данное определение было предложено им еще в 80-е годы прошлого века, оно все еще отвечает требованиям современности.

Исходя из анализа законодательства можно сделать вывод о том, что в статье 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих»[5] закреплен лишь примерный перечь ИПО, который является далеко не исчерпывающим. Ясность отчасти вносит Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»[6], однако, положения пленума отсылают к ряду иных нормативных правовых актов.

Необходимо учитывать, что регулирование обращения с различными объектами, представляющими потенциальную угрозу, по сути являющихся ИПО, содержится не только в Гражданском кодексе Российской Федерации, но и в специальных федеральных законах. Так, например в Федеральном законе от 21.07.1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» не содержится

---

[1] *Красавчиков О.А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности / О.А. Красавчиков. – М., 1966. – С. 95. – Текст: непосредственный.

[2] *Арсеньева Л.А.* К вопросу о классификации источников повышенной опасности / Л.А. Арсеньева // Молодой ученый. – 2021. – № 8 (350). – С. 75 - 78. – URL: https://moluch.ru/archive/350/78694 (дата обращения: 15.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Майданник Л.А.* Материальная ответственность за повреждение здоровья: монография / Л.А. Майданник, Н.Ю. Сергеева // М., 1953. – С. 25. – Текст: непосредственный.

[4] *Субботин А.А.* Субъекты гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности / А.А. Субботин // М., 1983. – С. 99-100. – Текст: непосредственный.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде». - URL: https://www.vsrf.ru/ (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

указания на то, что опасные производственные объекты являются ИПО[1]. Такого рода упущения законодателя препятствуют эффективному разграничению и регулированию общественных отношений, возникающих в том числе вследствие причинения вреда такими объектами.

Открытый перечень объектов, относимых к ИПО в законе, а также отсутствие единого подхода к сущности понятия ИПО в юридическом сообществе становятся благотворной почвой для возникновения проблемных вопросов и в правоприменительной практике. Так, последние несколько лет огромное количество дискуссий велось на тему правового регулирования ответственности за причинение вреда вследствие управления электросамокатом как ИПО. Данные статистики, свидетельствующие о большом количестве происшествий, связанных с причинением вреда здоровью окружающим лицами, управляющими электросамокатами, привлекали к проблеме большое количество внимания и требовали скорейшего решения всех сопутствующих вопросов.

Значительные трудности вызывало отсутствие легального определения термина «электросамокат» в законодательстве, согласно которому электросамокаты могли быть отнесены к транспортным средствам. Следовательно, возникали сложности с причислением таких потенциально опасных для окружающих объектов, как электросамокатов к ИПО. Отсутствие грамотного правового регулирования ответственности за вред, причиненных вследствие управления электросамокатом разрешались на усмотрение суда, что, безусловно, в ряде случаев влекло недостаточную защиту прав пострадавших лиц.

В законе определение средств индивидуальной мобильности (далее – СИМ), под которое подпадают и электросамокаты, и соответствующие дополнения в Правилах дорожного движения появились только в 2023 году, с учетом того, что первые электросамокаты в Российской Федерации стали активно использоваться еще в 2018 году[2]. То есть, вопросы, связанные в том числе с применением ст. 1079 ГК РФ оставались без должного регулирования, в условиях стремительного роста количества инцидентов с электросамокатами.

Кроме того, введение определения СИМ, согласно которому СИМ – это транспортное средство, создало дополнительные вопросы. Так, разнообразие технических характеристик введенных в эксплуатацию СИМ, создает ситуацию, в которой трудно однозначно определить правовой статус участника дорожного движения, управляющего данным устройством. На практике лиц, управляющих электросамокатами, признавали пешеходами, а после 2023 года ввиду недостаточной осведомленности лица, управляющие электросамокатами, продолжали считать себя пешеходами. В качестве примера можно привести дело № 12-1126/2023, рассмотренное в Санкт-Петербургском городском суде: лицо, управляя электросамокатом, совершило наезд на пешехода на дворовой территории и считало себя таким же пешеходом[3]. В свою очередь, статус лица, управляющего СИМ, в том числе и электросамокатом, непосредственно влияет на строгость наказания, которое ему может быть предъявлено в случае причинения вреда жизни и здоровью лиц или их имуществу.

Подводя итог, можно говорить о том, что современное состояние российского законодательства в области источников повышенной опасности нуждается в постоянном пересмотре и адаптации в контексте повышения качественных и количественных

[1] Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 28.07.1997, № 30, ст. 3588.

[2] Гражданам покатило // Коммерсантъ. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5999894 (дата обращения 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Решение Санкт-Петербургского городского суда № 12-1126/2023 5-1061/2023 от 8 октября 2023 г. по делу № 12-1126/2023. - URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/ (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

параметров безопасности. Важно, чтобы правовая база учитывала современные риски, связанные с новыми технологиями и изменениями в экологической обстановке.

Таким образом, рассмотрение понятия источника повышенной опасности в контексте гражданского законодательства не только актуально, но и необходимо для развития правовой системы, защиты прав граждан и обеспечения безопасной жизнедеятельности. Защита прав потерпевших, методов и механизмов возмещения ущерба должны соответствовать современным требованиям и вызовам, что станет основой для устойчивого развития общества. Научное осмысление данного понятия позволяет лучше понять механизмы правовой ответственности, возникающей в результате причинения вреда от таких источников. Кроме того, актуальность этой темы усиливается в свете глобальных изменений климата, роста числа техногенных катастроф и ухудшения состояния здоровья населения, что требует гибкого и комплексного подхода к определению и охране законных интересов граждан.

МАГИСТЕРСКАЯ ПРОГРАММА «ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА»

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ОБВИНЕНИЕМ

Афаныгин Николай Александрович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Валеев Артем Тахирович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина(МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

«Центральной частью уголовного судопроизводства в российском уголовном процессе традиционно является судебное разбирательство, в ходе которого суд на основании устного и непосредственного исследования всех фактически и юридически значимых обстоятельств разрешает уголовное дело по существу. Отход от сложившихся исторических форм уголовного судопроизводства, при которых именно полноценное судебное разбирательство являлось важнейшей гарантией справедливого правосудия, привел к появлению в российском уголовном судопроизводстве первого современного ускоренного производства - особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ)»[1] - отмечают Качалов В.И., Качалова О.В., Марковичева Е.В.

Закрепление в 2002 году данного института преследовало цели оптимизации уголовного судопроизводства, реализации принципа процессуальной экономии и снижения нагрузки на судебную систему. Развивая институт особого порядка судебного разбирательства, законодатель вводит новые его формы: в 2009 году особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и в 2013 году особый порядок принятия судебного решения по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме.

Исходя из данные сводных статистических сведений о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей, размещаемые Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, в соответствии с которыми в 2019 году с применением особого порядка судебного разбирательства рассмотрено 60% уголовных дел, в 2020 – 53 %, в 2021 – 47%, в 2022 – 44.5%, в 2023 – 43.4%, в 2024 – 42%[2], за время своего существования рассматриваемый институт стал одним из популярнейших инструментов судебной системы, стороны обвинения и защиты.

---

[1] *Качалов В.И.* Рассмотрение уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства: научно-практическое пособие / В.И. Качалов, О.В. Качалова, Е.В. // Проспект, 2023, Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

При этом следует отметить то, что, несмотря на появление иных форм особого порядка судебного разбирательства, сам по себе термин «особый порядок судебного разбирательства» на текущий момент в большей степени ассоциируется у правоприменителей и участников научного сообщества с особым порядком принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Это обусловлено большой востребованностью указанной формы уголовного судопроизводства и длительностью её применения.

Вопреки вышеуказанному, особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением не лишён ряда недостатков и проблемных моментов, на что неоднократно обращалось внимание как в научной среде, так и в правоприменительной практике.

На это же указал в своем выступлении на заседании коллегии Генпрокуратуры России и президент России В.В. Путин.

«Прошу также крайне ответственно относиться к согласию на рассмотрение в судах уголовных дел в особом порядке. Если есть сомнения в доказанности обвинения, добровольности и осознанности заявления обвиняемым такого ходатайства, нужно требовать рассмотрения дела в обычном порядке. Рассмотрение дел в особом порядке - важный, конечно, инструмент, но он не должен служить прикрытием некачественной, некомпетентной работы в сфере следствия», — отметил В.В. Путин[1]. Данными словами президент Российской Федерации подчеркнул не только важность и особое значение данного правового института, но и необходимость его законодательного совершенствования, а также корректировки правоприменительной практики.

Исследователи в качестве основной проблемы института особого порядка в уголовном судопроизводстве выделяют усечение доказывания. Согласно положениям части 5 статьи 316 УПК РФ, судья в рамках особого порядка доказательства не исследует и не оценивает. Исключение предусмотрено только для смягчающих и отягчающих обстоятельств, а также для характеристик личности виновного, которые могут быть приняты во внимание. Как указывают Н.А. Развейкина и Е.А. Дьячкова, «отсутствие у суда такой возможности, вызванной стремлением законодателя к процессуальной экономии, вступает в противоречие с базовыми принципами судопроизводства, поскольку у судьи, рассматривающего дело, отсутствует непосредственность как ключевая категория его деятельности». Иначе говоря, судья в рамках особого порядка судебного разбирательства осуществляет свои функции лишь формально, выносит приговор «автоматически», что противоречит принципам правосудия»[2].

На наш взгляд, данная проблема может быть решена следующими способами.

1. Дополнение статьи 316 УПК РФ новым абзацем.

Следует законодательно закрепить обязанность суда мотивированно оценивать, на чем основано обвинение – даже при отсутствии исследования доказательств в особом порядке.

В этой связи часть 7 статьи 316 УПК РФ может быть дополнена абзацем следующего содержания: «Обоснованность обвинения подтверждается совокупностью представленных материалов, отражающих все признаки состава преступления».

2. Введение новой статьи 316.1 УПК РФ: «Проверка обоснованности обвинения при особом порядке судебного разбирательства».

Предлагаем следующий проект новой статьи УПК РФ:

---

[1] Заседание коллегии Генпрокуратуры России. — URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/60100 (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Развейкина Н.А.* Проблемы применения особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам / Н.А. Развейкина, Е.А. Дьячкова // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – № 3. – С. 13. – Текст: непосредственный.

«Статья 316.1 УПК РФ. Проверка обоснованности обвинения при особом порядке судебного разбирательства.

До вынесения приговора в особом порядке суд осуществляет проверку достаточности и допустимости материалов, подтверждающих обвинение.

Суд исследует материалы дела в части, необходимой для убеждения в наличии признаков состава преступления.

Результаты такой проверки должны быть отражены в описательно-мотивировочной части приговора».

3. Уточнение статьи 307 УПК РФ.

Предлагаем включить в статью 307 УПК РФ обязанность суда включения мотивировать обоснованность обвинения, даже при особом порядке.

Вызывает вопрос отсутствие в главе 40 положения о невозможности применения особого порядка судебного разбирательства в отношении несовершеннолетних. На наш взгляд, следует внести в УПК РФ поправки, указывающие на запрет применения особого порядка судебного разбирательства в отношении несовершеннолетних.

Введение такого положения в уголовно-процессуальный закон поспособствовало бы гармонизации нормативно-правового акта и разъяснения суда высшей инстанции – Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Как следует из разъяснений суда высшей инстанции, «закон не предусматривает применение особого порядка принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого, поскольку производство по уголовному делу в отношении лица, совершившего преступление в несовершеннолетнем возрасте, осуществляется в общем порядке с изъятиями, предусмотренными главой 50 УПК РФ». Кроме того, данное положение распространяется и на тех лиц, которые достигли совершеннолетия ко времени судебного разбирательства. Также Верховный Суд РФ указал, что если по уголовному делу обвиняется несколько лиц, и хотя бы одно из которых является несовершеннолетним, то в случае заявления ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства и невозможности выделить материалы дела в отношении лиц, заявивших это ходатайство, в отдельное производство, такое уголовное дело в отношении всех обвиняемых должно рассматриваться в общем порядке[1].

Считаем целесообразным дополнение части 1 статьи 314 УПК РФ абзацем следующего содержания: «В отношении несовершеннолетнего обвиняемого применение особого порядка судебного разбирательства не допускается».

Данное нововведение позволит предотвратить возможные заблуждения правоприменителя.

Еще одной проблемой законодательного регулирования института особого порядка судебного разбирательства является вопрос соотношения понятия «признание вины» и «согласие с предъявленным обвинением».

Согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением – это «фундамент» для проведения судебного разбирательства в особом порядке. Между тем, в научных кругах ведутся дискуссии относительно того, можно ли отождествлять согласие с предъявленным обвинением и признание вины.

Проанализировав исследования по указанной проблематике, мы можем выделить четыре точки зрения по данному вопросу.

Представители первого подхода утверждают, что согласие с предъявленным обвинением автоматически влечёт за собой признание вины. По мнению К.А. Рыбалова, согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением в рамках главы 40 УПК РФ

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 4, апрель, 2011.

означает «безусловное и полное признание обвиняемым (подсудимым) своей вины по всем пунктам обвинения»[1].

Сторонники второго подхода разделяют данные категории, определяя, что для применения особого порядка обвиняемый должен по отдельности выразить и согласие с предъявленным ему обвинением, и признание вины. Д.А. Степаненко и М.А. Днепровская подчёркивают, что в материалах уголовного дела обязательно должны содержаться доказательства признания вины: «согласие обвиняемого с предъявленным обвинением предполагает признание обвиняемым своей вины, согласие с квалификацией содеянного и согласие с доказательствами, собранными по делу и только в этом случае обвиняемый вправе заявить о рассмотрении дела в «особом порядке»[2].

Согласно третьему подходу, обвиняемый, соглашаясь с предъявленным ему обвинением, может и не признавать своей вины. Как указывает Н.М. Хромова, «согласие с предъявленным обвинением не связано с позицией обвиняемого относительно фактических обстоятельств дела, и он может вообще не давать показаний, но при этом не спорить с обвинением»[3].

Наконец, четвёртый подход, помимо согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением и признанием им своей вины, предполагает также и наличие «чистосердечного раскаяния со стороны обвиняемого»[4].

По нашему мнению, наиболее соответствующей принципам уголовного судопроизводства представляется вторая точка зрения. Действительно, согласие с предъявленным обвинением предполагает и признание вины. Однако в целях соблюдения уголовно-процессуальной формы такое признание вины должно быть подкреплено доказательствами, содержащимися в материалах дела.

Считаем, что в целях соблюдения принципа единообразия судебной практики данный вопрос должен получить ответ в одном из разъясняющих актов суда высшей инстанции.

Следующей проблемой является отсутствие закрепленного в законодательстве перечня оснований, по которым государственный обвинитель возражает против заявленного ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства. В данном случае может возникнуть ситуация нарушения прав обвиняемого, который выполнил все условия необходимые для постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, так как впоследствии он лишается возможности получить льготы по уменьшению максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания и освобождения от уплаты процессуальных издержек. При таких обстоятельствах у государственного обвинителя существует реальная возможность искусственного занижения количества дел, рассмотренных в особом порядке. Одновременно с этим отсутствие таких основания в отношении потерпевшего является гарантией его прав.

Полагаем, что предложенный перечень оснований, по которым государственный обвинитель может возражать против заявленного ходатайства о постановлении приговора в особом порядке без проведения судебного разбирательства, должен обязательно содержать следующие пункты:

1. несоблюдение условий, установленных в статье 314 УПК РФ (подсудимый не признает вину в полном объеме; подсудимый не осознает последствий применения

---

[1] *Рыбалов К.А.* Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации / К.А. Рыбалов // Москва: Юрлитинформ. - 2004. – С. 31. – Текст: непосредственный.

[2] *Степаненко Д.А.* Признание вины или согласие с обвинением: соотношение понятий / Д.А. Степаненко, М.А. Днепровская // Глаголъ правосудия. – 2014. – № 1 (7). – С. 29. – Текст: непосредственный.

[3] *Хромова Н.М.* Принцип презумпции невиновности при особом порядке судебного разбирательства / Н.М. Хромова // Журнал российского права. – 2013. – № 6. – С. 112. – Текст: непосредственный.

[4] *Великий Д.П.* Особый порядок судебного разбирательства: теория и практика / Д.П. Великий // Журнал российского права. – 2005. – № 6. – С. 75. – Текст: непосредственный.

особого порядка; признание вины вызывает сомнения в добровольности, выглядит формальным или вынужденным);

2. наличие сомнений во вменяемости подсудимого (подсудимый может быть невменяем или ограниченно вменяем, что ставит под вопрос его способность осознавать суть заявляемого ходатайства и его правовые последствия);

3. недостаточная обоснованность обвинения (представленные в деле материалы не подтверждают наличие признаков состава преступления; присутствуют значительные противоречия, не устраненные на стадии предварительного расследования; возникают сомнения в корректности квалификации);

4. отсутствие достаточного количества доказательств (например, не подтверждены квалифицирующие признаки);

5. необходимость проведения полноценного судебного следствия для выяснения всех обстоятельств уголовного дела;

6. наличие возражений со стороны потерпевшего;

7. наличие спора по гражданскому иску;

8. особенности уголовного дела, которые делают особый порядок нецелесообразным или невозможным (большое количество эпизодов, различающиеся позиции соучастников и др.)

Данные основания стоит предусмотреть в ст. 314 УПК РФ либо в соответствующем приказе Генеральной прокуратуры, которому будет следовать государственный обвинитель при возражении против особого порядка судопроизводства. При этом законодательное закрепление, на наш взгляд, было бы предпочтительным.

Подводя итог, стоит отметить, что «изменение уголовного судопроизводства в сторону его ускорения при сохранении высокого уровня гарантий прав участников процесса - задача сложная, комплексная, безусловно, включающая и многие другие, в том числе и структурные, преобразования»[1]. Вместе с тем предложенные изменения позволят решить обозначенные проблемы, усовершенствовать систему правового регулирования особого порядка принятия судебного решения в уголовном судопроизводстве, а также будут способствовать соблюдению прав подсудимых при упрощенном судопроизводстве и обеспечению законности и справедливости вынесенного судом приговора.

[1] *Головинская И. В*. О перспективах развития института особого порядка разрешения уголовных дел в судах / И.В. Головинская, М.В. Крестинский // Вестник НИБ. - 2019. - № 37. - С. 57. – Текст: непосредственный.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Бакулина Арина Дмитриевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Красильникова Елена Валерьевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

Лишение свободы как вид уголовного наказания существует с древних времен и является наиболее распространенным видом наказания за совершенное преступление. Данный вид наказания представляет собой изоляцию лица, осужденного за совершение преступных действий, от общества путем помещения в специальные учреждения, которые специально созданы для реализации данного вида наказания.

Первым законодательным источником в Древней Руси стала Русская Правда[1]. Данный исторический документ был «унифицированным актом, в котором содержались нормы как уголовного, так и гражданского законодательства. Кроме того, указанный нормативный акт использовали в качестве руководства при проведении судебных разбирательств»[2]. Русская Правда регламентировала такие наказания как: кровная месть, денежные выкупы, вира, головничество, телесные наказания, а также смертная казнь. Что же касается непосредственно лишения лица свободы, то в рассматриваемый период применялось такое наказание как помещение в погреб для политических преступников, однако, данное наказание в официальных источниках не упоминалось, упоминание о нем можно найти лишь в отдельных исторических летописях. Поэтому говорить о формировании такого вида наказания как лишение свободы еще рано, оно появляется по истечении достаточно длительного времени.

Зарождение лишения свободы как вида наказания происходит во время царствования Ивана Грозного и упоминается в Судебнике 1550 года[3]. Концепция данного вида наказания носила преимущественно формальный характер, поскольку в нормативных актах не устанавливались конкретные формы, виды и сроки исполнения наказания. В XVI веке система мест заключения представляла собой разнообразные учреждения, находившиеся под управлением государства и включавшие: частные тюрьмы при дворах князей и феодалов, государственные тюрьмы, а также тюрьмы при монастырях, предназначенные для заключения лиц, совершивших преступления против церкви. Кроме того, в этот период возникли тюрьмы в рамках земской и губной реформ, проведённых при Иване IV Грозном. Конкретных сроков тюремного заключения в тех нормах не было, однако из текста Судебника Ивана Грозного можно было понять, что речь шла о лишении «до государева указу» и пожизненном – «на смерть»[4]. Часто лишение свободы применялось вместе с дополнительными наказаниями – казнью, пытками,

---

[1] Русская Правда // Хрестоматия по истории России с древнейших времён до 1618 г. / Под ред. А.Г. Кузьмина. – М.: Издательский центр ВЛАДОС, 2004. – С. 236 – 258. – Текст: непосредственный.

[2] *Толстая А.И.* История государства и права России: учебник для вузов. – М.: Юстицинформ, 2010. – С. 380. – Текст: непосредственный.

[3] Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М., 1985. – Текст: непосредственный.

[4] *Подройкина И.А.* Система уголовных наказаний в истории России и в современном зарубежном законодательстве: монография / И.А. Подройкина – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 112. – Текст: непосредственный.

телесными наказаниями, но поскольку тюрем было мало, условия содержания были тяжелыми, переполненность приводила к гибели заключённых. В качестве альтернативы вводилась ссылка, которая заменяла тюремное заключение.

Впервые о цели наказания говорит Алексей Михайлович в Соборном Уложении 1649 года[1], представляя это как устрашение потенциальных правонарушителей. В Соборном Уложении система тюремного заключения действительно была недостаточно развитой: не были закреплены конкретные нормы, регулирующие правовое положение и условия содержания заключённых, отбывающих наказание в тюрьмах при монастырях и приказах. Вместе с тем, в данном акте были определены фиксированные сроки лишения свободы – от 3 дней до 4 лет. Кроме того, был расширен список мест содержания, включавших тюрьмы, крепости и отдалённые места. Условия содержания продолжали оставаться тяжелыми, заключённые страдали от болезней и голода.

В период правления Петра I появляется еще одна цель наказания – использование труда заключенных, отбывающих наказание, а именно, каторга, введенная в 1699 году. Она включала в себя ссылку преступника, совмещенную с физическим трудом, отбывать которую нужно было в специальных учреждениях – каторжных тюрьмах. В этот период появились караульные дома (гаупвахты) для арестованных военнослужащих. Также в эпоху царствования Петра Великого был учрежден устав, в котором были зафиксированы положения, регулирующие лишение свободы – это Артикул воинский 1795 г.[2], что являлось попыткой создания мест тюремного заключения для лиц из разных сословий[3].

В период нахождения на престоле Екатерины II был положено начало развития предупредительных мер. Например, акт «Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения»[4] описывал новые цели применения наказания — охранение общества от преступлений. Также в первые годы правления императрица составила проект «Об устройстве тюрем», где шла речь о раздельном содержании заключенных в зависимости от возраста и тяжести совершенного преступления[5]. К концу XVIII века в Российской Империи формируется уголовно-правовая политика: появляются идеи о целях лишения свободы как вида наказания для устрашения потенциальных преступников и исправления заключенных, благодаря предупредительному характеру.

В начале XIX века, по инициативе Александра I, создали Попечительное о тюрьмах общество, начали строить тюремные замки[6]. В 1831 году принята Тюремная инструкция, где устанавливалось требование со ссылкой на «сколько возможность позволит» о размещении принятых в тюремный замок «по роду и важности их преступлений, не смешивая чиновников и разночинцев с чернью». Арестанты женского пола не должны были содержаться в одних камерах с мужчинами. Объектом особого внимания были беременные и кормящие грудью младенцев женщины, им по возможности выдавалась «пища лучшая против других заключенных»[7]. Многие из этих положений, как отмечают

---

[1] См. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов. – М., 1985. – 512 с. - Текст: непосредственный.

[2] Воинский Артикул 1795 г. – URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm (дата обращения: 20.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Ефимова А.С.* История развития наказания в виде лишения свободы в России / А.С. Ефимова // Научный журнал. – 2017. – №8 (21). – С. 30. - Текст: непосредственный.

[4] Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. – URL: http://doc.histrf.ru/18/nakaz-ekateriny-ii-komissii-o-sostavlenii-proekta-novogo-ulozheniya/ (дата обращения: 20.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[5] *Фумм А.М.* Развитие российского законодательства в сфере исполнения наказаний в XVIII в. / А.М. Фумм, О.Н. Яковлева // Пенитенциарная наука. – 2017. – №2 (38). – С. 68. - Текст: непосредственный.

[6] *Шурухнов Н.Г.* Общество попечительное о тюрьмах: цели, структура, правовые и организационные направления деятельности (анализ устава) / Н.Г. Шурухнов // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – №5. – С. 68. - Текст: непосредственный.

[7] *Шурухнов Н.Г.* Инструкция смотрителю тюремного замка 1831 года: об условиях содержания, благочинии и опрятности арестантов, содержащихся в тюремном замке / Н.Г. Шурухнов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – №11 (210). – С. 60. - Текст: непосредственный.

специалисты, носили декларативный характер[1]. В 1845 году принимается Уложение о наказаниях, где впервые закрепили сроки лишения свободы — от 3 дней до 4 лет, при этом возможна была замена тюремного заключения телесными наказаниями для снижения социальной опасности.

После судебной реформы 1864 года по инициативе Александра II, введён Устав о наказаниях**,** налагаемых мировыми судьями[2], отменявший телесные наказания и ограничивавший срок ареста и тюремного заключения: до 3 месяцев и до 1 года соответственно. Поскольку к середине XIX века число заключённых выросло, то увеличилась потребность в наказаниях с лишением свободы[3].

Уголовное уложение 1903 года[4] установило более узкий диапазон сроков — от 2 недель до 15 лет. После революции 1917 г. началась реформа системы, закреплённой Декретом СНК 1917 г. и последующими нормативами, с введением общественно полезного труда и раздельного содержания. В 1918 году в СССР внедрили понятие «меры социальной защиты» вместо «наказания», что сказывалось на нормативных актах.

В 1922 году появился первый Уголовный кодекс, в котором указаны сроки лишения свободы от 6 месяцев до 10 лет. В 1924 году был принят Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, разделивший места лишения свободы в зависимости от применяемых мер (например, учреждения для применения мер социальной защиты медицинского характера).

В 1930–1960-х годах лишение свободы оставалось основным видом наказания и применялось более чем к половине осуждённых. Данный период, как отмечает Непомнящая Т.В., «единственный период в истории нашего государства, когда к лишению свободы приговаривалось около 50% и даже более 50% от общего числа осуждённых. Никогда к лишению свободы не осуждалось такое огромное число лиц (за исключением периода массовых репрессий, когда этот вид наказания применялся во внесудебном порядке)»[5]. В 1958 году сроки лишения свободы были ограничены 10 годами (до 15 лет за особо опасных)[6].

В 1960 году в Уголовном кодексе РСФСР закрепили новые виды исправительных учреждений – тюрьмы, колонии, для несовершеннолетних – трудовые колонии. В 1970 году принят обновленный Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, содержащий нормы об отдельном содержании заключенных в зависимости от степени общественной опасности и вида места отбывания наказания. Главная цель данного кодекса – повышение эффективности исправительной деятельности в отношении заключенных в связи с гуманизацией уголовно-правовой политики.

Уголовный кодекс Российской Федерации принят в 1996 году, в котором мы видим переплетение норм УК РСФСР 1960 года и ИТК РСФСР 1970 года в виде аналогичного списка исправительных учреждений.

Как указывается специалистами, «практика назначения наказания в виде лишения свободы в период с 1961 по 1990 г. свидетельствует, что данный вид наказания являлся

---

[1] *Детков М.Г.* Тюрьмы России: память истории / М.Г. Детков // ВИПЭ Минюста России, Вологда, 2001. – С. 16. – Текст: непосредственный.

[2] Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_o_nakazaniyah_mirovimi_sudyami (дата обращения: 20.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *См. Непомнящая Т.В*. Практика назначения уголовных наказаний в пореформенный период / Т.В. Непомнящая // Вестник Омского университета. - Серия. Право. – 2007. – № 2. – С. 77 – 87. - Текст: непосредственный.

[4] *См. Пушкаренко А.А.* Уголовное уложение 22 марта 1903 г. / А.А. Пушкаренко // Российское законодательство X - XX веков. – М., 1994. – Т. 9. – С. 240 – 271. - Текст: непосредственный.

[5] *Непомнящая Т.В.* Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы / Т.В. Непомнящая // СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – С. 781. – Текст: непосредственный.

[6] *Упоров И.В.* Регулирование института наказания в виде лишения свободы в послевоенном уголовном исправительно-трудовом законодательстве, особенности его реализации в 1960-е г.г. / И.В. Упоров, А.Н. Лебедева // Общество и право. – 2004. – №4 (6). – С. 79. - Текст: непосредственный.

одним из наиболее распространенных. Число осужденных к этому виду наказания значительно снизилось лишь в период с 1986 по 1990 г., что говорит о том, что с началом перестройки наметилась тенденции гуманизации карательной политики государства, что обусловило снижение числа осужденных к лишению свободы практически в два раза по сравнению с 1961-1983 гг.»[1].

Таким образом, институт лишения свободы на протяжении всей истории оставался важной частью уголовной политики, адаптируясь к текущим условиям и развитию государства. Его применение и сроки менялись в зависимости от времени, отражая уровень правовой системы и социальные потребности.

Лишение свободы как вид уголовного наказания, исторически долго складывалось не только в отечественном законодательстве, но и в зарубежных странах. Рассмотрим современный этап применения данного института на примере некоторых иностранных государств.

В Англии после отмены каторжных работ в 1948 г. существовал только один вид лишения свободы — тюремное заключение, которое дифференцируется в зависимости от его срока: краткосрочное (минимальный срок наказания – 1 день), долгосрочное (максимальный срок наказания – 25 лет) и пожизненное лишение свободы[2]. Данные законодательные положения позволяют констатировать, что тюремное заключение относится к универсальным видам наказания, поскольку оно позволяет реализовать цели наказания, которые заложены в доктрине уголовного права Англии: возмездия, устрашения и исправления.

Апелляционный суд Великобритании выработал систему тарифов. Данный инструмент необходим для определения более точного размера наказания. Сущность тарифов заключается в том, что размер наказания определяется судом в зависимости от совершенного деяния, основных особенностей личности, формы вины.

Характерной особенностью уголовного законодательства Англии является указании в санкции только максимального срока наказания. В том случае, если такого указания не содержится, то лишения свободы может быть назначено на срок не более 2 лет. Лишение свободы может быть назначено лицу, совершившему преступление, и достигшему возраста 21 года. Однако, в том случае, если преступление совершено лицом, которое моложе этого возраста, суд должен аргументировать свое решение, например, наказание оправдано и вызвано необходимостью[3].

Несколько иной подход к формированию видов наказания существует в уголовном законодательстве Франции, где лишение свободы, в зависимости от вида совершенного преступления, делится на уголовное заключение и уголовное заточение. В первом случае наказание назначается за общеуголовные наказания, во втором случае за политические преступления. Хотя к настоящему времени, как отмечают французские юристы, принципиальные различия (в форме, в особенностях привлечения к труду) между этими двумя видами стерлись в связи с общей гуманизацией уголовно-исполнительной[4]. За

---

[1] *Стромов В.Ю.* Этапы развития отечественной системы уголовных наказаний в контексте совершенствования уголовной ответственности (XIX-XX вв.) / В.Ю. Стромов, М.Ю. Дворецкий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 12 (68). – С. 593. – Текст: непосредственный.

[2] *Насрудин М.А.* Лишение свободы как вид уголовного наказания в уголовном праве зарубежных стран: теоретические аспекты / М.А. Насрудин, Ш.А. Ислам // Закон и право. – 2021. – № 12. – С. 119. - Текст: непосредственный.

[3] *Борсученко С.А.* Наказания и иные меры уголовно-правового характера в законодательстве Англии и Уэльса / С.А. Борсученко // Уголовно-исполнительное право. – 2022. – № 4. – С. 505. - Текст: непосредственный.

[4] *Ахъядов Э.С.* Сравнительно-правовой анализ отдельного вида наказания в уголовном праве зарубежных стран – лишение свободы / Э.С. Ахъядов // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). – Казань: Бук, 2016. – С. 130-131. – URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/223/10909 (дата обращения: 20.09.2025). – Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

совершение проступка назначается другой вид лишения свободы — исправительное тюремное заключение, отличающееся от вышеуказанных видов лишения свободы как названием, так и режимом содержания. В соответствии со ст. 718 УПК Франции помещение осужденного в тюремное учреждение производится с учетом категории совершенного им преступного деяния, возраста, состояния здоровья и характеристики личности осужденного[1].

Уголовным законодательством Франции предусмотрено несколько новых форм лишения свободы. К ним относятся режим полусвободы и исполнение тюремного заключения по частям.

Исправительное тюремное заключение по решению суда может исполняться в режиме полусвободы. Подобное заключение может быть назначено сроком до одного года включительно. Суд должен установить необходимость для осужденного осуществления профессиональной деятельности, получения образования, медицинского обследования, участия в жизни семьи. Такой вид заключения способствует ресоциализации осужденного, поскольку в это время осужденному разрешается покидать пенитенциарное учреждение на время[2].

Особенностью исполнения тюремного заключения по частям заключается в том, такое решение суд принимает при назначении наказания в области проступков – об исполнении тюремного заключения, назначенного сроком не более одного года и в области проступков и нарушений – об исполнении по частям штрафа, штрафо-дней или временного лишения водительских прав – в течение срока, не превышающего трёх лет. Необходимыми условиями для применения такой меры являются «существенные причины медицинского, семейного, профессионального или социального порядка»[3].

В уголовном законодательстве Германии предусмотрено два вида лишения свободы – это пожизненное лишение свободы и лишение свободы на определенный срок. Уголовным кодексом Германии установлен высший (15 лет) и низший (1 месяц) пределы лишения свободы[4]. Необходимо отметить, что пятнадцатилетний срок лишения свободы является предельным сроком наказания и при назначении наказания по совокупности деяний. Параграф 47 УК ФРГ предоставляет возможность назначения краткосрочного лишения свободы в исключительных случаях, «когда особые обстоятельства, касающиеся деяния и личности совершившего деяние, делают неизбежным назначение лишения свободы для воздействия на это лицо или для защиты правопорядка»[5]. Назначение краткосрочного лишения свободы в этом случае преследует совершенно определенную цель – воздействовать на лицо и защитить правопорядок.

Пожизненное лишение свободы является высшей мерой наказания в уголовном праве Германии. Однако назначена она может всего за некоторые виды преступлений: подготовка агрессивной войны; государственная измена Федерации; общеопасное отравление. Для ряда составов наказание в виде пожизненного лишения свободы является безальтернативным. В частности, к таким деяниям относится геноцид, тяжкое убийство.

---

[1] *Кузнецова Н.Ф.* Курс уголовного права. Том 2. Общая часть. Учение о наказании / Н.Ф. Кузнецова // М.: ИКД Зерцало-М, 2002. – URL: https://studfile.net/preview/429384/ (дата обращения: 20.09.2025). – Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[2] *Ежова О.Н.* Зарубежный опыт организации процесса ресоциализации осужденных к лишению свободы / О.Н. Ежова // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – № 2. – С. 134. - Текст: непосредственный.

[3] *Подройкина И.А.* Система наказаний в современном уголовном праве Франции / И.А. Подройкина // Вестник Югорского государственного университета. – 2022. – №1 (64). – С. 200. - Текст: непосредственный.

[4] *Кокорев В.Г.* Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства зарубежных стран по лишению свободы на определенный срок с российским уголовным законодательством / В.Г. Кокорев // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 3. – С. 138. - Текст: непосредственный.

[5] *Комарова Л.Р.* Виды и средства дифференциации наказаний в законодательстве зарубежных стран: сравнительный анализ отдельных видов наказаний / Л.Р. Комарова // Право и современные государства. – 2012. – № 5. – С. 22. - Текст: непосредственный.

Таким образом, институт лишения свободы, прошедший долгий путь развития от древних времён до современной эпохи, остается одним из фундаментальных элементов уголовной политики как в России, так и за рубежом. Его эволюция отражает изменения в обществе, правовых принципах и ценностях — от методов устрашения и исправления до гуманистических подходов, ориентированных на ресоциализацию осужденных. Международный опыт показывает разнообразие моделей: от классических пожизненных и предельных сроков до инновационных режимов, таких как полусвобода и исполнение по частям, что позволяет адаптировать систему к социальным реалиям и потребностям современности. В будущем Россия может успешно заимствовать и адаптировать зарубежные практики для более гуманных и эффективных методов наказания, закрепляя роль лишения свободы как инструмента не только пресечения преступности, но и восстановления социальной справедливости.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Бедрина Арина Александровна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Петрова Ирина Александровна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

В соответствии с пунктом первым статьи 20 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на жизнь[1]. Доведение до самоубийства в Российской Федерации классифицируется как уголовное деяние, направленное против жизни и здоровья, и регулируется статьей 110 Уголовного кодекса Российской Федерации. Изучение этой статьи подчеркивает значимость уголовно-правового регулирования общественных отношений, связанных с доведением до самоубийства.

Самоубийство, как правило, является сознательным, добровольным и намеренным лишением себя жизни, обусловленным сложными обстоятельствами или тяжелой жизненной ситуацией. Ежегодно более 800 тысяч людей совершают самоубийства, а число тех, кто пытается покончить с собой, значительно выше[2]. Следует подчеркнуть, что самоубийство – это трагическое явление, затрагивающее не только конкретные семьи, но и общество, и государство в целом.

Уголовно-правовая охрана жизни является одним из приоритетных направлений уголовной политики любого государства. В связи с этим, исследование исторического развития и современного состояния уголовной ответственности за доведение до самоубийства, а также анализ зарубежного опыта, представляется актуальным и значимым. Также следует отметить, что данный состав преступления, пройдя историческое развитие, подвергся существенным изменениям[3].

Анализ законодательства, регулирующего ответственность за совершение самоубийства, основанный на исследованиях архивных материалов, литературных источников, а также трудах отечественных и зарубежных ученых, справочниках и каталогах, позволил выделить пять основных этапов. Эти этапы отражают эволюцию правовых норм, связанных с доведением до самоубийства в российском уголовном праве.

В качестве первого выделяется старославянский дохристианский этап (до X в.)[4]. Важным аспектом данной эпохи является традиционный ритуальный обычай,

---

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.09.2025).

[2] *Колодяжный В.А.* Понятие и содержание криминалистической характеристики доведения до самоубийства / В. А. Колодяжный // Проблемы права: теория и практика. – 2021. – № 53. – С. 104. – Текст: непосредственный.

[3] *Рытенко Р.А.* Квалификация доведения до самоубийства по субъективным признакам / Р. А. Рытенко // Право. Общество. Государство: Сборник научных трудов студентов и аспирантов / Редколлегия: Д.В. Рыбин (пред.), Е.В. Трофимов (отв. ред.) и др. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2021. – С. 54. – Текст: непосредственный.

[4] *Ларин Д.Н.* Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства / Д. Н. Ларин // Юридический факт. – 2021. – № 128. – С. 28. – Текст: непосредственный.

характерный для Древней Руси до принятия христианства, при котором женщины, утратившие своих мужей, не позволяли себе переживать их, поскольку это воспринималось как проявление бесчестия для семьи. В результате вдовы вынуждены были идти на самоубийство, сжигая себя на костре, что было обусловлено именно культурно-религиозными традициями. В данном случае отсутствовало какое-либо нормативное регулирование, закрепляющее ответственность за такие действия.

Следующий, более поздний этап — это период с XI по XV века, связанный с распространением древнерусского христианства. В этот исторический промежуток, а именно в эпоху формирования церковных институтов на территории Киевской Руси, прослеживается зарождение негативного отношения к самоубийству, выраженное в церковных нормативных документах. Наиболее значимым является канонический ответ Тимофея Александрийского, утвержденного VI Вселенским Собором в 680–681 годах. Исходя из этого документа, самоубийство было приравнено к убийству, что означало наложение церковных санкций и уголовной ответственности.

Имперский период (XV век – 1917 год) знаменует собой третий этап. Преобразования, инициированные Петром I, оказали глубокое воздействие на положение православной церкви, давление на церковные институты нарастало, кульминацией чего стала ликвидация патриаршества.

Правовые нормы при Петре I приобрели военно-юридическую направленность. Артикул воинский 1715 года стал первым светским законодательным актом, содержащим положение об ответственности за совершение самоубийства.

В дореволюционной России Уложение о наказаниях 1845 года предусматривало наказание за склонение к самоубийству. Уголовное уложение 1903 года, хотя и не было полностью реализовано, оказало существенное влияние на последующее развитие уголовного права, устанавливая ответственность за подговор к самоубийству лиц, не достигших 21-летнего возраста или не способных осознавать свои действия и руководить ими[1].

Советский период (1917–1996 гг.) представляет собой четвертый этап. Статья 148 Уголовного кодекса 1922 года предусматривала наказание за содействие или подговор к совершению самоубийства несовершеннолетним лицом или лицом, явно не осознающим характер своих действий или не способным ими управлять, если самоубийство или попытка его совершения произошли[2].

В 1960 году Уголовный кодекс РСФСР уточнил список способов совершения преступления, исключив расплывчатую формулировку "иным путем" и добавив в качестве способа систематическое унижение человеческого достоинства. Следовательно, перечень способов совершения данного преступления был ограничен.

Начиная с 1996 года и по сегодняшний день, продолжается пятый этап. Становление российской государственности подразумевало не просто создание правовой базы для стабильной работы социально-экономической системы, но и, что более важно, обеспечение надежной правовой охраны и безопасности граждан[3].

---

[1] *Рытенко Р.А.* Квалификация доведения до самоубийства по субъективным признакам / Р. А. Рытенко // Право. Общество. Государство: Сборник научных трудов студентов и аспирантов / Редколлегия: Д.В. Рыбин (пред.), Е.В. Трофимов (отв. ред.) и др. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2021. – С. 55. – Текст: непосредственный.

[2] *Эльмурзаев Э.И.* Уголовная ответственность за доведение до самоубийства / Э.И. Эльмурзаев // Автореферат диссертации. – 2004. - 162 с. - электронная библиотека диссертаций DisserCat. - URL: https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-zadovedenie-do-samoubiistva (дата обращения 02.10.2025). – Режим доступа: для зарегистр. пользователей. - Текст: электронный.

[3] *Ларин Д.Н.* Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства / Д. Н.Ларин // Юридический факт. – 2021. – № 128. – С. 30. - Текст: непосредственный.

После утверждения Конституции Российской Федерации в 1993 году началась интенсивная работа по созданию нового уголовного законодательства. Результатом этой работы стал Уголовный кодекс Российской Федерации, принятый Государственной Думой 24 мая 1996 года, получивший одобрение Совета Федерации 5 июня 1996 года, подписанный президентом 13 июня 1996 года и вступивший в законную силу 1 января 1997 года, заменив собой Уголовный кодекс РСФСР от 1960 года.

В настоящее время установлено, что суициду обычно предшествует комплекс неблагоприятных обстоятельств, оказывающих деструктивное влияние на психическое и физическое здоровье индивида. К числу этих обстоятельств относятся, прежде всего, социально-экономические трудности, такие как отсутствие работы, зависимость от алкоголя и наркотиков.

Истинному суициду зачастую предшествует так называемый парасуицид, то есть попытка имитации самоубийства, заведомо обреченная на провал. Согласно оценкам Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2019 году, основанным на анализе уголовных дел, связанных с данной проблемой, «предварительный суицид» имел место примерно в 30% случаев завершенных самоубийств.

При квалификации этого общественно опасного деяния важно учитывать наличие причинно-следственной связи между умышленными действиями лица и самоубийством потерпевшего. Эксперты полагают, что при расследовании данного преступления необходимо проводить судебно-психологическую экспертизу, результаты которой послужат доказательством в уголовном деле[1].

Данное преступление представляет серьезную угрозу для общества, поскольку его последствием является не только прерывание жизни человека, но и негативное воздействие на стабильность и благополучие общества[2].

Для всестороннего изучения поставленной темы стоит произвести анализ зарубежного опыта.

В современном мире суицид является серьезной проблемой. По статистике, ежегодно более 700 тысяч людей совершают самоубийство, а число тех, кто совершает попытки это сделать, еще больше[3].

Проблема самоубийств остается острой в общемировом масштабе. Важную роль в предотвращении этого опасного явления играют уголовно-правовые меры. Во многих странах подстрекательство к самоубийству и содействие в его совершении преследуются по закону.

Законодательства различных государств, включая страны Западной Европы и постсоветского пространства, предусматривают уголовное наказание за доведение до самоубийства. Однако, способы юридического оформления соответствующих правовых норм отличаются, что обуславливает актуальность сравнительного анализа положений уголовного законодательства зарубежных стран. Это необходимо для дальнейшего развития и улучшения отечественного уголовного законодательства[4].

За рубежом существуют различные подходы к регулированию вопросов, касающихся суицидального поведения. Например, в 18 развивающихся государствах,

---

[1] *Волкорез А.В.* Проблемные вопросы объективной стороны доведения до самоубийства / А.В. Волкорез // Современность в творчестве начинающего исследователя: Материалы научно-практической конференции молодых ученых, Иркутск, 26 марта 2021 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 30. - Текст: непосредственный.

[2] *Гасанов Т.К.* Дифференциация уголовной ответственности за доведение до самоубийства по уголовному кодексу Российской Федерации / Т.К. Гасанов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2021. – № 6. – С. 95. - Текст: непосредственный.

[3] *Ковалева А.В.* Проблемы регламентации доведения до самоубийства / А. В. Ковалева // Молодой ученый. – 2021. – № 49 (391). – С. 201 – 204. – URL: https://moluch.ru/archive/391/85518 (дата обращения 02.10.2025). – Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[4] *Серегин Д.А.* Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: компаративистский взгляд / Д.А. Серегин // Журнал юридических исследований. – 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 82. – Текст: непосредственный.

таких как Бангладеш, Пакистан и Южный Судан, покушение на самоубийство является уголовным преступлением.

В англосаксонских странах законодательство штатов может иметь свои особенности в отношении уголовной ответственности за доведение до самоубийства. Одним из отличий от российского права является необходимость доказать наличие специальной цели – то есть, что действия виновного были направлены на то, чтобы спровоцировать потерпевшего на самоубийство или его попытку[1].

Уголовные кодексы ряда западноевропейских государств предусматривают наказание за склонение к самоубийству или оказание помощи в его совершении. В частности, статья 155 Уголовного Кодекса Швейцарии, а также параграф 240 Уголовного Кодекса Дании и Швеции, криминализируют подобные действия.

Аналогичные положения содержатся в уголовном законодательстве Австрии. В свою очередь, голландское законодательство также устанавливает уголовную ответственность за склонение к самоубийству или любое содействие в его совершении, даже если оно осуществлялось посредством консультаций с потенциальной жертвой[2].

В отличие от этого, уголовное право Франции фокусируется на ответственности за распространение информации о товарах, изделиях или методах, которые могут быть использованы для совершения самоубийства, рассматривая это как пропаганду способов совершения противоправного деяния.

Анализ законодательных актов западноевропейских государств позволяет выделить общие закономерности: в одних странах уголовно наказуемы склонение и помощь в совершении самоубийства, в то время как в других – доведение до самоубийства.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на существование Европейского Союза как наднационального образования, уголовное законодательство стран-участниц не является единым. В связи с этим, уголовное законодательство европейских стран, в отличие от российского уголовного права, не разграничивает четко понятия «доведение до самоубийства» и «пособничество», «содействие» или «склонение» к суициду[3].

Однако, прослеживается и другая тенденция: страны бывшего Варшавского договора, такие как Польша, Болгария и другие, применяют за доведение до самоубийства наказание, схожее с российским. Незначительные различия наблюдаются в классификации составов преступления на простые и сложные, что может привести к ужесточению уголовной ответственности[4].

В основном, правовые системы стран, образовавшихся после распада СССР, адаптировали нормы, предложенные в Модельном Уголовном кодексе для государств-членов СНГ. Этот кодекс предусматривает уголовное преследование за доведение до самоубийства или попытки его совершения через угрозы, жестокого обращения или систематического унижения личного достоинства.

При этом законодательство некоторых соседних стран содержит ценные подходы и нормы, которые могут быть полезны при совершенствовании российского законодательства.

---

[1] *Серегин Д.А.* Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: компаративистский взгляд / Д.А. Серегин // Журнал юридических исследований. – 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 83. – Текст: непосредственный.

[2] *Позднякова Ю.А.* Ответственность за доведение до самоубийства по Российскому и зарубежному законодательству / Ю.А. Позднякова // Современные подходы к обеспечению и реализации прав человека: теоретические и отраслевые аспекты: Сборник материалов Ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Москва, 11 декабря 2020 года. – Москва: Российский новый университет, 2021. – С. 688. – Текст: непосредственный.

[3] *Серегин Д.А.* Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: компаративистский взгляд / Д.А. Серегин // Журнал юридических исследований. – 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 84. – Текст: непосредственный.

[4] *Позднякова Ю.А.* Ответственность за доведение до самоубийства по Российскому и зарубежному законодательству / Ю.А. Позднякова // Современные подходы к обеспечению и реализации прав человека: теоретические и отраслевые аспекты: Сборник материалов Ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Москва, 11 декабря 2020 года. – Москва: Российский новый университет, 2021. – С. 689. – Текст: непосредственный.

Например, в Литве доведение до покушения на самоубийство не влечет уголовной ответственности. В Туркменистане, наряду с классическими способами доведения до самоубийства, упоминается клевета, а в Украине – шантаж. В отличие от российского законодательства, в Азербайджане Уголовный Кодекс содержит специальный признак потерпевшего, существовавший в советское время, – зависимость от виновного. Кроме того, в Азербайджане предусмотрен привилегированный состав при совершении эвтаназии, что также представляет интерес для современной правовой системы России[1].

В Узбекистане высший судебный орган страны разработал правовые позиции, обязательные для соблюдения судами низшей инстанции и органами, применяющими закон, при проведении следственных действий, судебном разбирательстве и разрешении уголовных дел, связанных с доведением до самоубийства и аналогичными преступлениями.

Анализ исторической практики и законодательства других стран показывает, что, несмотря на развитость российского уголовного законодательства в сфере борьбы с преступлениями против личности, некоторые аспекты не нашли отражения в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации.

Представляется разумным согласиться с точкой зрения экспертов о необходимости рассмотрения возможности введения привилегированного состава – совершение эвтаназии. Данное деяние тесно связано с доведением до самоубийства, однако не мотивировано корыстными побуждениями и поэтому не должно квалифицироваться как убийство или преступление, связанное с суицидом. Кроме того, целесообразно расширить перечень способов доведения до самоубийства, предусмотренных статьей 110 Уголовного кодекса РФ, включив в него такие элементы, как клевета и шантаж. Это позволит усилить защиту прав потерпевших[2].

В текущей цифровой реальности правоприменители сталкиваются с новыми проблемами, требующими оперативного и эффективного реагирования, особенно в контексте уголовно-правовой борьбы с криминальным суицидом. В связи с этим, существующие законы должны соответствовать современным тенденциям и удовлетворять потребности общества. Только комплексный подход в правовом регулировании позволит минимизировать вероятность негативных последствий для личности и социума.

Важно подчеркнуть, что уголовное право большинства европейских государств предусматривает уголовную ответственность за пособничество при самоубийстве, однако динамика таких преступлений указывает на существующие трудности в квалификации самоубийств, что представляет собой актуальную проблему.

В итоге, как уголовное законодательство европейских стран, так и законодательство Российской Федерации устанавливают уголовную ответственность за доведение до самоубийства, пособничество или склонение к его совершению, возлагая ответственность на лиц, виновных в оказании "содействия" в совершении опасных действий.

---

[1] *Серегин Д.А.* Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: компаративистский взгляд / Д.А. Серегин // Журнал юридических исследований. – 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 85. – Текст: непосредственный.

[2] *Рыжов Э.В.* Уголовная ответственность за доведение до самоубийства // Автореферат диссертации, 2019. - 216 с. - электронная библиотека диссертаций DisserCat. - URL: https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-za-dovedenie-do-samoubiistva-1 (дата обращения 03.10.2025). – Режим доступа: для зарегистр. пользователей. - Текст: электронный.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Белов Дмитрий Алексеевич
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Герасимова Елена Владимировна,
заведующий кафедрой уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Разновидностью преступлений против личности являются общественно опасные посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу человека. Такие посягательства наносят вред нормальным взаимоотношениям между полами, сопряжены с насильственным удовлетворением половых влечений либо с действиями сексуального характера в отношении малолетних или несовершеннолетних лиц. Именно поэтому они нередко называются половыми преступлениями.

В уголовном праве преступления против половой неприкосновенности и половой свободы можно разделить на две группы:

а) посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность взрослого человека: ст. 131, 132 УК РФ (за исключением п. «д» ч. 2, п. «в» ч. 3), ст. 133 УК РФ;

б) посягательства на нравственное и физическое здоровье малолетних и несовершеннолетних, их половую свободу и половую неприкосновенность: п. «д» ч. 2, п. «в» ч. 3 ст. 131 и ст. 132, 134, УК РФ.

При детальном анализе положений Общей и Особенной частей УК РФ, стоит отметить, что глава 18 УК РФ выделяет исчерпывающий перечень составов преступлений, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних, за которые предусмотрена уголовная ответственность, однако, законодателем не определено точное определение термина «преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних».

Исследовав научно-доктринальные положения рассматриваемой темы, стоит отметить, что различные ученые-правоведы предлагают использовать свои версии данного понятия.

Так, например, Б.В. Здравомыслов к преступлениям, посягающим на половую свободу и половую неприкосновенность, нравственное и физическое здоровье несовершеннолетних относил только два посягательства, а именно, предусмотренные статьями 134 и 135 УК РФ[1]. Кроме того, в отличии от Б.В. Здравомыслова, более широкий круг преступлений к данной категории определяют Я.М. Яковлев и Г.Н. Борзенков. Помимо развратных действий и полового сношения с несовершеннолетним они причисляют к посягательствам против их половой неприкосновенности изнасилование и насильственные действия сексуального характера[2]. Также А.Е. Якубов, в свою очередь, к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних относит

[1] *Здравомыслов Б.В.* Уголовное право. Особенная часть. Учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова // М., Юристъ, 2000. – С. 97. – Текст: непосредственный.

[2] *Кудрявцев В.Н.* Уголовное право. Учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова // М., 2000. – С. 149. – Текст: непосредственный; *Яковлев Я.М.* Половые преступления // Я.М. Яковлев // Таджикский государственный университет имени В.И. Ленина. Душанбе: Издательство Ирфон, 1969. – С. 76. – Текст: непосредственный.

изнасилование малолетних и несовершеннолетних и преступления, предусмотренные ст. ст. 134, 135 УК РФ[1]. Из перечисленных доктринальных положений по рассматриваемому вопросу, наиболее обширным мнением обладает Игнатов А.Н., который предлагает включать в анализируемую группу преступлений не только изнасилование, насильственные действия сексуального характера, развратные действия и половое сношение, но вовлечение несовершеннолетнего в проституцию[2].

Исходя из этого, можно прийти к выводу, что в сфере научной доктрины, количество мнений по рассматриваемому вопросу достаточно велико. Отсутствие законодательного урегулирования этого вопроса, а также разъяснений в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, может привести к самовольному пониманию норм уголовного закона в ходе практической деятельности.

Следующей важной характеристикой внесенных в УК РФ изменений стала более подробная классификация несовершеннолетних потерпевших и основанная на ней дифференциация уголовной ответственности. На сегодняшний день в УК РФ существует следующая возрастная градация лиц в возрасте до 18 лет: новорожденные (ст. 106 УК РФ); лица, не достигшие 12 лет (ст. 134, 135 УК РФ); лица, не достигшие 14 лет (ст. 131, 132 УК РФ); лица, не достигшие 16 лет (ст. 135 УК РФ); лица, не достигшие 18 лет (ст. 58 УК РФ).

Главенствующими понятиями по данному вопросу являются «несовершеннолетний» и «малолетний». В случае, если понятие несовершеннолетнего закреплено в ст. 87 УК РФ, под которым понимается лицо, которому на момент совершения преступления исполнилось четырнадцать лет, однако, он не достиг совершеннолетнего возраста, то термин малолетнего лица нормами уголовного права не раскрывается. Исходя из понимания первого термина, следует сделать вывод, что под малолетними следует понимать таких лиц, которые к моменту совершения преступления не достигли возраста четырнадцати лет.

Статья 106 УК РФ устанавливает уголовную ответственность для матери, убившей своего новорожденного ребенка. Стоит отметить, что уголовного права, судебной и медицинской практике по сей день не выработано единое понимание верхней границы возраста новорожденного.

Так, в судебной медицине период новорожденности охватывает промежуток времени от момента рождения младенца до конца одних суток[3]. Иную трактовку темпоральных рамок новорожденности предлагают документы Всемирной организации здравоохранения[4] и ведомственные акты Министерства здравоохранения России: с момента рождения до 28 полных дней внеутробной жизни[5]. Что касается доктрины уголовного права, то к новорожденным, чаще всего, относят детей до достижения ими месячного возраста[6]. Приведенные примеры актуализируют потребность унификации понимания новорожденного, его закрепления в медицинском законодательстве, последующем использовании в уголовном праве и практике его применения.

---

[1] *Борзенков Г.Н.* Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 3. Учебник для вузов / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. – М., 2002. – С. 258. – Текст: непосредственный.

[2] *Игнатов А.Н.* Квалификация половых преступлений / А.Н. Игнатов // М., Юридическая литература, 1974. – С. 18. – Текст: непосредственный.

[3] *См. Крюков В.Н.* Судебная медицина: учебник / под ред. В.Н. Крюкова // М.: Медицина, 1998. - 464 с. – Текст: непосредственный.

[4] Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра (МКБ-10). Т. 2. (п. 5.7.1) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[5] Охрана репродуктивного здоровья работников. Основные термины и понятия (утв. Минздравом РФ 2 октября 2003 г. № 11-8/13-09) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[6] *См. Красиков А.Н.* Ответственность за убийство по российскому уголовному праву / А.Н. Красиков // Саратов, Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 123 с. - Текст: непосредственный.

Следующим проблемным вопросом является отказ законодателя от использования термина «заведомость» в характеристике субъективного отношения виновного к несовершеннолетнему и малолетнему возрасту при совершении действий сексуального характера. Ранее постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 15 июня 2006 года № 11 указывало, что ответственность за совершение изнасилования или насильственных действий сексуального характера в отношении заведомо несовершеннолетнего лица либо не достигшего четырнадцатилетнего возраста наступает лишь в случаях, когда виновное лицо достоверно знало о возрасте потерпевшего лица (являлось родственником, знакомым, соседом) или когда внешний облик потерпевшего лица явно свидетельствовал, например, о его возрасте. На сегодняшний день редакция закона изменена. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года «О судебной практике по делам об изнасиловании» указывалось, что за изнасилование несовершеннолетней подлежит ответственности лицо, которое знало или допускало, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней, либо и могло и должно это предвидеть. Эту позицию поддерживал в своих ранних работах А.Н. Игнатов[1]. Фактически приведенная цитата допускает различное отношение виновного к возрасту жертвы, которое может быть охарактеризовано с позиций прямого, косвенного умысла и неосторожности. В умышленном преступлении, каковым является изнасилование, отношение виновного ко всем признакам состава должно быть исключительно умышленным. В связи с этим ситуация, при которой виновный не предвидел несовершеннолетия жертвы, хотя должен был и мог его предвидеть, не должна охватываться составом изнасилования несовершеннолетней. В итоге, в упомянутом выше постановлении 1992 года уже значилось, что ответственность за изнасилование несовершеннолетней возможна лишь в тех случаях, когда виновный знал или допускал, что совершает насильственный половой акт с лицом, не достигшим 18 лет. Здесь, как видим, без упоминания о неосторожности, предусматривалась возможность как прямоумышленного, так и косвенноумышленного отношения виновного к возрасту жертвы изнасилования[2]. Данную позицию разделяли многие специалисты, хотя и не все. В частности, Я.М. Яковлев полагал, что ответственность за рассматриваемое преступление возможна только и исключительно в том случае, если виновный был субъективно уверен в несовершеннолетии жертвы, то есть ее возраст был ему заведомо известен[3]. Указанная позиция была закреплена в первоначальной редакции УК РФ 1996 года.

Современная редакция УК РФ не требует признака заведомости возраста жертвы изнасилования и насильственных действий сексуального характера. В этой связи, в полном соответствии с принципом вины нужно констатировать, что ответственность за рассматриваемые преступления возможна как в тех случаях, когда виновный достоверно знал о возрасте жертвы, так и в тех случаях, когда такое знание носило предположительный, вероятностный характер.

Одна из основных проблем, связанная с применением ст. 134 УК РФ в судебной практике, состоит в отграничении добровольного полового сношения от изнасилования с использованием беспомощного состояния, поскольку, как известно, беспомощность может быть выражена и в малолетнем возрасте потерпевшего. Судебная практика применения норм об изнасиловании выработала совершенно четкие критерии такого отграничения: «вступление в половую связь с малолетней, которая в силу своего возраста

---

[1] *Игнатов А.Н.* Ответственность за преступления против нравственности / А.Н. Игнатов //М., Юрид. лит. 1966. - С. 128, 129. – Текст: непосредственный.

[2] *Дагель П.С.* Субъективная сторона преступления и ее установление / П.С. Дагель, Д.П. Котов // Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. - С. 174, 175. – Текст: непосредственный.

[3] *Яковлев Я.М.* Половые преступления / Я.М. Яковлев // Таджикский государственный университет имени В.И. Ленина. Душанбе: Издательство Ирфон. - 1969. - С. 255. – Текст: непосредственный.

не может отдавать себе отчета в совершаемых в отношении ее действиях, должно рассматриваться как изнасилование»; «беспомощное состояние потерпевшей может быть признано в тех случаях, когда потерпевшая в силу малолетнего возраста, физических недостатков, расстройства психики и иного болезненного или бессознательного состояния не могла понимать характера и значения совершаемых в отношении нее действий»; «половой акт с малолетней, если нет данных, что потерпевшая понимала характер совершаемых с ней действий, должен квалифицироваться как изнасилование». Однако, проблема состоит в том, чтобы выяснить, способен ли был потерпевший действительно осознавать смысл и значение совершаемых с ним действий и способен ли он был дать осознанное добровольное согласие на вступление в сексуальные отношения с виновным.

В учебной и научной литературе весьма распространено мнение, что согласие малолетнего (до 14 лет) на половое сношение, акты мужеложства или лесбиянства не имеет юридического значения. В таких случаях предлагается квалифицировать сексуальные действия с ним как изнасилование или насильственные действия сексуального характера по признаку использования беспомощного состояния[1].

Кроме того, закон так и не решил принципиального вопроса о понятии развратных действий. Традиционно в теории и на практике выделяют две разновидности развратных действий: физические и интеллектуальные. К физическим развратным действиям наука относит: различные манипуляции с половыми органами потерпевшего или субъекта преступления (Я.М. Яковлев)[2]; обнажение и ощупывание тела потерпевшего, проникновение в женские половые органы рукой, прикосновение мужским половым членом к телу другого человека (А.Н. Игнатов)[3]. Интеллектуальные действия описываются как различного рода циничные беседы с потерпевшим, затрагивающие вопросы пола, ознакомление его с порнографической литературой или с порнографическими рисунками (Я.М. Яковлев, А.Н. Игнатов и др.), демонстрация эротических видеофильмов, кинофильмов, магнитофонных записей сексуального характера (И.Я. Козаченко)[4]. Однако если они носят «беспредметный» характер, то статья об ответственности за преступление против общественной нравственности не должна вменяться. Представляется, что данный вид действий необходимо рассматривать в качестве развратных.

На основании всего вышеизложенного стоит сделать вывод о том, что на сегодняшний день в уголовном праве в сфере рассмотрения проблематики половых преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних потерпевших, имеется достаточно большое количество не урегулированных вопросов. Анализ показывает, что законодателем успешно решен ряд важных проблем, однако состояние законодательства еще далеко от совершенства и нуждается в дальнейшем развитии.

---

[1] *Побегайло Э.Ф.* Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. особенная часть / под ред. Э.Ф. Побегайло // М., Илекса, 2008. - С. 180. – Текст: непосредственный.

[2] *Игнатов А.Н.* Квалификация половых преступлений / А.Н. Игнатов // М., Юридическая литература, 1974. - С. 214. – Текст: непосредственный.

[3] *Хлынцов М.Н.* Расследование половых преступлений / М.Н. Хлынцов // Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. Саратовский юридический институт имени Д. И. Курского. - Саратов: Приволжское книжное издательство, 1965. - С. 127. – Текст: непосредственный.

[4] *Кругликов Л.Л.* Уголовный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / под ред. Л.Л. Кругликова, Э.С. Тенчова. - Ярославль: Влад: ОРМак, 1994, - С. 353. – Текст: непосредственный.

ПРОБЛЕМА ПРОЯВЛЕНИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ И ОБВИНЕНИЯ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Берсенева Ирина Владимировна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Спиридонова Юлия Николаевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Постановлением Конституционного суда РФ от 14.02.2000 г. разъясняется распространение действия принципа состязательности и на стадии предварительного расследования: «принципы состязательности и равноправия сторон распространяются на все стадии уголовного процесса, в том числе в надзорной инстанции, прокурор и обвиняемый (осужденный, оправданный) должны обладать соответственно равными процессуальными правами»[1]. Тем самым указывая, что уголовном судопроизводстве состязательность означает строгое отграничение функций суда по рассмотрению и разрешению дела от функций обвинения и защиты, каждая из которых возложена на определенных участников процесса.

Однако процесс доказывания не исходит только из деятельности суда и государственных органов. Принцип состязательности распространяет свое действие в том числе на сторону защитника.

Уже на стадии предварительного расследования защитник сталкивается с проблематикой приобщения доказательств в материалы дела. Полученные им сведения следователь может не принять и не приобщить, что, по сути, не является нарушением норм уголовно-процессуального законодательства, так как в соответствии со ст. 122 УПК РФ право разрешать ходатайства есть только у дознавателя, следователя, судьи.

Комментируя подобные случаи практики, Т.В. Петрова делает следующий вывод: «К сожалению, нередкой является ситуация, при которой сотрудник органа расследования может посчитать ненужным приобщение документов, предметов к делу, т. е. фактически потенциальная доказательственно значимая информация в наличии имеется (по мнению стороны защиты), но по решению стороны обвинения она процессуально не оформляется»[2]. При подобном одностороннем подходе можно считать, что решение суда может быть предопределено в пользу обвинения.

Стороне защиты противостоит сторона обвинения, состоящая из прокурора, следователя, руководителя следственного органа, потерпевшего. Эта сторона наделена широкими властными полномочиями: удовлетворять или отклонять ходатайства защиты, определять ход движения дела, приостанавливать, прекращать, продлевать сроки, направлять дело в суд и т. д. В этой связи нельзя согласиться с мнением А. Тушева, который отмечает, что «...принцип состязательности имеет место даже тогда, когда

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2000 N 2-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан А.Б. Аулова, А.Б. Дубровской, А.Я. Карпинченко, А.И. Меркулова, Р.Р. Мустафина и А.А. Стубайло» // Российская газета, № 38, 23.02.2000 г.

[2] *Демидов В.А.* Проблемы реализации принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса / В.А. Демидов, Раменнов И.А. // Вестник магистратуры. – 2021. – № 5-6 (116). - С. 113. – Текст: непосредственный.

стороны наделены неравными правами. Практически уравнять стороны во всех правах невозможно... Поэтому равноправие сторон неправильно считать исходным положением принципа состязательности или включать в его содержание»[1]. В случае отсутствия равных прав у сторон не может быть и состязательности, так как противоборство сторон предполагает наличие равенства исходных шансов по собиранию и представлению доказательств суду.

Стадия предварительного расследования характеризуется тем, что следователь, фактически, является основной фигурой досудебного производства, в руках которого находится целый арсенал средств доказывания, гарантированных государством. Защитник же, по отечественному законодательству, не является субъектом доказывания. Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации устанавливаются лишь несколько правомочий, которые не дают никаких гарантий получения защитником информации о преступлении. Достаточно справедливо высказывание В.А. Азарова о том, что отсутствие процессуального равноправия сторон на предварительном следствии не характерно для состязательного типа судопроизводства[2].

По данной проблеме высказалась О.В. Вишневская: «Равенство сторон является условием реализации принципа состязательности. Уголовный процесс только тогда признается состязательным, когда стороны могут активно и на равных доказывать свою правоту, оспаривая любое утверждение, любой факт, любое доказательство, давать им свою интерпретацию, собирать и представлять доказательства, способствуя тем самым поиску истины и принятию обоснованного решения суда»[3].

Мнения ученых относительно расширения права защитника собирать доказательственную информацию по уголовному делу прямо противоположны. М.К. Свиридов, например, говорит о том, что это необходимо, при соблюдении определенных гарантий добросовестного доказывания защитником[4]. Ю.К. Якимович в свою очередь, указал, что в современных условиях не представляется возможным утверждать о рациональном распределении процессуальных полномочий среди участников досудебного производства, что является одним из элементов авторской концепции досудебного производства.

Так, по мнению А.Б. Чичканова, окончательная цель предварительного расследования заключается не в разрешении вопроса о виновности лица, а в установлении обстоятельств дела, являющихся поводом для их рассмотрения судом, в связи с этим принцип состязательности не должен распространяться на досудебные стадии уголовного процесса[5].

М.С. Строгович, возражая против состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса, полагал, что принцип состязательности полностью реализуется только в ходе судебного разбирательства, где последовательно разделены процессуальные функции между сторонами и судом. Он считал, что нельзя совместить несовместимое, что состязательность уничтожит следствие. Он определял состязательность как «такое построение судебного разбирательства, при котором обвинение отделено от суда,

---

[1] *Тушев А.* Роль прокурора в реализации принципа состязательности в уголовном процессе / А. Тушев // Российская юстиция. – 2003 г. - № 4. - С. 33 – 35. – URL: https://base.garant.ru/3949724/ (дата обращения: 21.09.2025). – Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст: электронный.

[2] *Азаров В.А.* Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография / В.А. Азаров, Н.И. Ревенко, М.М. Кузембаева // Омск: Изд-во ОмГУ, - 2006. - С. 110-114. – Текст: непосредственный.

[3] *Вишневская О.В.* Состязательная деятельность защитника на предварительном следствии. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук / О.В. Вишневская // Удмурт. гос. ун-т. - Ижевск, 2004. - С. 9, 10. - Текст: непосредственный.

[4] *См. Свиридов М.К.* Соотношение функций разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда / М.К. Свиридов // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей / под ред. Ю. К. Якимовича. Томск, 2001. Вып. 7. - С. 3 - 6. – Текст: непосредственный.

[5] *Чичканов А.Б.* Принцип состязательности в российском уголовном судопроизводстве / Чичканов А.Б. // Правоведение. - 2001. - № 5. - С. 127. - Текст: непосредственный.

обвинение и защита осуществляются равноправными сторонами, а функция суда состоит в разрешении дела. При этом весь процесс выглядит как полемика сторон, защищающих свои законные интересы»[1]. Р.Д. Рахунов также замечает, что «предварительное следствие проводится не на началах состязательности, а лишь открывает возможности и создает необходимые предпосылки для состязательного построения судебного процесса»[2].

Многими авторами, в целях разрешения проблемы правления принципа состязательности предлагают ввести «параллельное расследование» на досудебную стадию и тем самым предоставить стороне защиты больший круг прав по собиранию доказательств.

Однако, данное представление об адвокатском расследовании, как одной из форм расследования уголовного дела, наравне с дознанием и предварительным следствием является ошибочным и не может в должном объеме уравнять сторону обвинения и защиты в собирании доказательств. Так, мы не можем согласиться с Е.Г. Мартынчиком относительно его авторского определения термина «адвокатское расследование» как «основанный на законе, опирающийся на правовые основы вид публично правовой деятельности, осуществляемой адвокатом на досудебном производстве по уголовным делам в интересах подзащитного или доверителя в целях выявления, установления и закрепления доказательств и обстоятельств, имеющих значение для защиты прав, свобод, законных интересов подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика»[3].

Информация, полученная в результате адвокатского расследования, не может стать доказательством. Считается, что адвокатское расследование не может быть процессуальным. В подтверждение этого можно привести высказывание И.Я. Фойницкого: «Защитительный розыск составляет одну из существенных частей деятельности защиты, и для надлежащего производства его, необходимого в интересах правосудия, она должна быть облечена тою же властью, которую имеет прокуратура для производства розыска»[4].

Представляется, что, используя термин «защитительный розыск», автор наилучшим образом отразил сущность института адвокатского расследования. Данное обозначение института параллельного расследования подтверждает наш тезис о непроцессуальной природе рассматриваемого института. Кроме того, приведенный термин указывает и на активность данной деятельности, с чем не могут согласится все авторы. Так, В.И. Крупницкая говорит о том, что равноправие сторон должно выражаться в предоставлении стороне защиты пассивных гарантий, в частности возможность обжалования в суд незаконных действий органов расследования[5].

Иной подход в целях распространения состязательных начал на предварительное расследование уголовного судопроизводства предложен Петрухиным И.Л. в виде применение континентальной модели реализации состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса, в соответствии с которой судебный следователь без

---

[1] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович // Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. - М.: Издательство «Наука». - 1968. - С. 149. - Текст: непосредственный.

[2] *Рахунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Р.Д. Рахунов // Москва: Госюриздат, 1961. - С. 119. - Текст: непосредственный.

[3] *Мартынчик Е.Г.* Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико - методологические основы доктрины адвокатского расследования / Е.Г. Мартынчик Е.Г. // М.: Юнити, 2009. - С. 102. – Текст: непосредственный.

[4] *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий // Том I. Изд. 4-е. - С-Пб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. - С. 83. – Текст: непосредственный.

[5] *Крупницкая В.И.* Обеспечение допустимости доказательств в уголовном процессе / В.И. Крупницкая // Таганрог: Изд-во ТИУИЭ, 2006. - С. 106. – Текст: непосредственный.

обвинительного и оправдательного уклона объективно собирает и исследует потенциальные доказательства[1].

Юридическая практика в современной России свидетельствует о том, что пока нет предпосылок к тому, чтобы говорить о построении в современном российском уголовном процессе предварительного производства на состязательной основе. Как считает В.П. Божьев, пока отсутствует процессуальное равноправие сторон, субъекты, ответственные за ведение дела, совмещают функции расследования, обвинения и разрешения дела, а прокурор – еще и надзор за исполнением законов следователями и дознавателями, отсутствует суд как орган, разрешающий уголовное дело, и функция разрешения уголовного дела в этой стадии уголовного процесса принадлежит не суду, а органам расследования и прокурору[2].

Проанализировав мнения сторонников и противников реализации принципа состязательности сторон на досудебных стадиях уголовного процесса, можно сделать вывод, что ученые-процессуалисты не считают предварительное расследование полностью состязательным и предлагают иные формы реализации состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса.

Таким образом, принцип состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса носит ограниченный характер, так, для реализации принципа состязательности сторон важным условием является создание равноправной основы для собирания доказательств виновности или невиновности в отношении стороны защиты и обвинения. Предоставив равную правовую основу, создать равнозначные меры сдержек и противовесов для сторон, суд может иметь в своем распоряжении достоверные данные для правильного разрешения дела.

[1] *Петрухин И.Л.* Состязательность - основа правосудия / И.Л. Петрухин // Государство и право на рубеже веков (материалы Всероссийской конференции). Криминология. Уголовное право. Судебное право. - М.: Изд-во ИГиП РАН, 2001. - С. 276. – Текст: непосредственный.

[2] *Божьев В.П.* Состязательность на предварительном следствии / В.П. Божьев // Законность. – 2004. – № 1. - С. 24. – Текст: непосредственный.

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Быстров Дмитрий Алексеевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Валеев Артем Тахирович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Современное уголовное судопроизводство всё в большей степени опирается на специальные знания, применяемые для получения и оценки доказательств. В этом контексте судебная экспертиза выступает не просто вспомогательным элементом, а одним из системообразующих институтов доказывания. В условиях стремительного развития науки, технологий и новых форм преступности, роль экспертизы выходит далеко за пределы технической диагностики — она становится арбитром между правом и фактом, соединяя логику правового мышления и объективность научного анализа.

Судебная экспертиза является важным институтом доказательственного права, она широко используется в уголовно-процессуальной деятельности. Как отметил в своём диссертационном исследовании Л.В. Зорин, «возрастание актуальности практического применения специальных знаний повышает требования к теоретическому осмыслению различных аспектов института судебной экспертизы»[1].

Считаем необходимым определить понятие, место и признаки судебной экспертизы в рамках уголовного судопроизводства и на стадии судебного разбирательства.

Легальная дефиниция судебной экспертизы получила закрепление в Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Согласно статье 9 Федерального закона, судебная экспертиза – это предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла[2].

На основе анализа предложенного законодателем определения, мы можем выделить следующие признаки судебной экспертизы:

1. экспертиза – это процессуальное действие;
2. данное процессуальное действие включает в себя два элемента: проведение исследований и дача заключения;
3. проведение экспертизы требует наличия специальных знаний.

Понятие «специальные знания» нормативного определения не имеет, хотя и является ключевым для правильного толкования дефиниции судебной экспертизы. Кроме того, данный термин встречается в статье 57 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), которая определяет процессуальный статус эксперта, а также в статье 58 УПК РФ, посвящённой специалисту.

---

[1] *Зорин Л.В.* Назначение и проведение судебной экспертизы на стадии судебного разбирательства: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Зорин Леонид Викторович; Южно-Уральский гос. университет. – Челябинск, 2010. – С. 3. – Место защиты: Южно-Уральский гос. университет. – Текст: непосредственный.

[2] Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.06.2001, N 23, ст. 2291.

Е.Р. Россинская отмечает, что понятие «специальные знания» появилось в юридической науке в тот момент, когда для разрешения вопросов, касающихся собирания, исследования и оценки доказательств, стало не хватать общеизвестных знаний и профессиональной подготовки лиц, осуществляющих уголовное преследование[1].

Между тем, не все знания, которые не являются общеизвестными, можно назвать «специальными». Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» называет четыре области специальных знаний: наука, техника, искусство ремесло. Тот же перечень областей содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»[2].

Согласимся с Е.В. Елагиной в том, что такой подход «формально исключает из сферы специальных знаний такие используемые в уголовном судопроизводстве области человеческой деятельности, как спорт, коллекционирование, религия и ряд других, поскольку они не могут быть отнесены ни к науке, ни к технике, ни к искусству, ни к ремеслу»[3]. На наш взгляд, очерченный законодателем круг областей специальных знаний включает все необходимые сферы. Условное «коллекционирование» не требует длительной подготовки, опыта или наличия особого оборудования, а потому нельзя утверждать, что знаниями о нем обладает только ограниченный круг специалистов.

Кроме того, обратим внимание на то, что из круга специальных знаний исключаются профессиональные знания правоприменителей – судей, прокуроров, следователей и дознавателей, которые они получают при изучении дисциплин, входящих в программу высшего юридического образования[4]. По нашему мнению, данный подход несколько не соответствует современным правовым реалиям: вряд ли существует специалист, который в совершенстве ориентируется во всех ныне существующих отраслях права.

В доктрине существуют различные точки зрения относительно определения понятия «специальные знания».

По мнению А.А. Эйсмана, основным критерием является необщеизвестность – «это знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов»[5].

Е.В. Селина относит к «специальным знаниям» не только те, которые приобретаются профессиональной подготовкой и опытом, но и те, которые требуют «способностей и талантов, даже врожденных навыков»[6].

Проанализировав место специальных знаний в системе института доказывания, предлагаем определять их как знания в области науки, техники, искусства и ремесла, за исключением профессиональных знаний правоприменителя, требующие наличия определенных квалификации и опыта эксперта или специалиста.

Итак, определив значение категории «специальные знания», мы можем выделить первый подход к определению сущности судебной экспертизы – это процессуальное действие, включающее проведение исследования и дачу заключения, которое совершается экспертом – лицом, обладающим специальными знаниями.

---

[1] *Россинская Е.Р.* Судебная экспертология: генезис, современное состояние, направления развития / Е.Р. Россинская // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 4. – С. 89. – Текст: непосредственный.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2011.

[3] *Елагина Е.В*. Институт специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / Е.В. Елагина. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. – С. 45. – Текст: непосредственный.

[4] *Орлов Ю.К.* Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам: учебное пособие / Ю.К. Орлов // Москва: Юристъ, 1995. – С. 6. – Текст: непосредственный.

[5] *Эйсман А.А.* Заключение эксперта. Структура и научное обоснование / А.А. Эйсман // Москва: Юридическая литература, 1967. – С. 54. – Текст: непосредственный.

[6] *Селина Е.В*. Применение специальных познаний в уголовном процессе / Е.В. Селина // Москва: Юрлитинформ, 2002. – С. 5. – Текст: непосредственный.

Вышеизложенный подход является законодательным, он достаточно узкий. Научное сообщество предлагает более широкое понимание судебной экспертизы.

По мнению Н.П. Яблокова, судебная экспертиза является видом познавательной деятельности, осуществляемым на основе специальных знаний в рамках уголовного, гражданского или арбитражного процесса[1].

В.Д. Арсеньев подчеркивает, что судебная экспертиза — это форма участия специалистов в процессе, способная трансформировать специальные знания в доказательственные элементы[2].

На наш взгляд, оба вышеизложенных подхода имеют право на существование, поскольку они в полной мере соответствуют правовой природе судебной экспертизы. Однако наиболее оптимальным вариантом представляется соединение обеих характеристик в одном определении: институт судебной экспертизы имеет дуалистический характер – это одновременно и процессуальное действие, и результат этого действия в форме заключения.

Такой многомерный подход позволяет рассматривать экспертизу не просто как формальное исследование, а как особый способ познания фактов, интегрированный в механизм уголовного процесса.

Однако далеко не все представители юридического сообщества разделяют точку зрения о дуалистической сущности судебной экспертизы. Так, Ю.Г. Корухов писал о том, что судебная экспертиза является «самостоятельным процессуальным приемом формирования новых, проверки либо уточнения существующих доказательств». По мнению ученого, автономность судебной экспертизы обусловлена особым характером ее назначения, проведения исследований и оформления результатов[3].

Согласно статье 80 УПК РФ, заключение эксперта является одним из видов доказательств в уголовном процессе и представляет собой «представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами». Иначе говоря, это письменный документ, содержащий описание исследований, выводы по поставленным вопросам, а также методику, использованную при анализе.

Судебная практика показывает, что при грамотной постановке вопросов и профессиональной экспертизе заключение становится мощным инструментом доказывания, особенно в случаях, где факты невозможно установить иным путём.

Таким образом, третий подход к сущности судебной экспертизы заключается в рассмотрении ее как средства доказывания, опирающегося на знания, выходящие за рамки правового анализа. В данном случае основной ее задачей становится устранение недостатков знаний правоприменителя в тех сферах, где требуется специальная квалификация.

Проанализировав существующие нормативные и научные подходы к правовой природе судебной экспертизы, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, выделяется три точки зрения относительно сущности данного института:

1. процессуальное действие;
2. средство доказывания;
3. судебная экспертиза носит дуалистический характер и соединяет в себе одновременно черты процессуального действия и средства доказывания.

---

[1] *Яблоков Н.П.* Криминалистика: учебник и практикум для вузов / Н.П. Яблоков // Москва: Издательство Юрайт, 2025. – С. 13. – Текст: непосредственный.

[2] *Арсеньев В.Д.* Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела / В.Д. Арсеньев, В.Г. Заблоцкий // Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – С. 39. – Текст: непосредственный.

[3] *Корухов Ю.Г.* Судебная экспертиза в уголовном процессе: практическое пособие для экспертов и судей / Ю.Г. Корухов // Москва: Пресс Бюро, 2012. – С. 4. – Текст: непосредственный.

Во-вторых, законодатель придерживается первого подхода и определяет судебную экспертизу как процессуальное действие. Уголовно-процессуальный закон в качестве вида доказательства указывает не саму судебную экспертизу, а письменный документ, который составляется по ее завершении – заключение эксперта.

В-третьих, все три подхода к сущности судебной экспертизы характеризуют ее следующими признаками:

1. научный характер – исследования проводятся с соблюдением методик, проверяемых практикой и верифицируемых;
2. процессуальность – экспертиза проводится только по инициативе органа, уполномоченного осуществлять уголовное преследование или разрешать дело по существу;
3. обязательность правового оформления – назначение и результаты экспертизы фиксируются в процессуальных документах (постановлении, заключении и др.).

Таким образом, судебная экспертиза выступает связующим звеном между объективной реальностью, подлежащей доказыванию, и правовой оценкой этой реальности через призму научных данных. Она превращает сложные факты в доказательства, понятные правоприменителю.

Именно в этом и заключается значение судебной экспертизы в уголовном процессе. Как отмечала Д.В. Лазарева, заключение эксперта существенно отличается от остальных видов доказательств тем, что «отражает информацию, первоначально недоступную восприятию следователя, дознавателя, прокурора или судьи»[1].

Подводя итог, выделим основные аспекты, определяющие роль судебной экспертизы в современном уголовном процессе. Бесспорно, заключение эксперта нередко становится «якорным» доказательством, от которого зависит квалификация деяния, состав обвинения и даже мера наказания. Кроме того, в ходе судебной экспертизы восполнение пробелов в расследовании за счёт установления дополнительных фактов, неочевидных для следствия. И наконец, в информационную эпоху с развитием фальсификаций, подделок и цифровых следов экспертиза становится фильтром, отделяющим достоверные данные от манипуляций, что делает ее незаменимой при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, а также при рассмотрении дел, требующих глубоких технических, медицинских или экономических знаний.

[1] *Лазарева Д.В.* Заключение эксперта как процессуальное доказательство / Д.В. Лазарева // Известия Института систем управления СГЭУ. – 2019. – № 1. – С. 67. – Текст: непосредственный.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Быстров Дмитрий Алексеевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Валеев Артём Тахирович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Судебная экспертиза как институт уголовного судопроизводства представляет собой уникальное явление, сформировавшееся на пересечении права и науки. Она на протяжении веков эволюционировала от случайных, бессистемных форм применения специальных знаний в ходе правосудия — к институционализированному процессу с чётким нормативно-правовым регулированием.

Основными предпосылками возникновения судебной экспертизы являются:

1. достижение определенного уровня научных знаний;
2. осознание необходимости использования этих знаний в судопроизводстве;
3. возникновение новых форм преступной деятельности, борьба с которыми требовала использования специальных знаний[1].

Как отмечает А.М. Кустов, первые упоминания об использовании специальных знаний в судопроизводстве связаны с информацией судебно-медицинского характера. Так, древнейший памятник права – Русская правда (XI – XIII вв.) содержит указание на то, что подлежат наказанию лица, совершившие половые преступления: «любодеяние», «насилие», «поругание»; а для определения тяжести нанесенных увечий должно проводиться обследование[2].

В 1535 году случилось одно из первых достоверно зафиксированных производств судебной экспертизы. Удельный князь Андрей Ставицкий был освидетельствован по подозрению в притворной болезни[3].

Таким образом, можем сделать вывод, что исторически ранее всех видов экспертиз возникли судебно-медицинская и судебно-психиатрическая. Это соотносится с сущностью специальных знаний – в то время наука только начинала свое развитие, сфер познания было мало. «Первыми» экспертами, то есть людьми, которые обладали особыми, «необщедоступными» знаниями, были лекари.

Однако с развитием судопроизводства к разрешению тяжб стали привлекаться и другие профессионалы. Известно, что в 1508 году в связи с покупкой Данилой и Давыдом Кемскими у Федора Кемского вотчины и села с деревнями было проведено одно из первых исследований почерка[4].

В 1581 году на Руси был учрежден прообраз экспертного учреждения – Аптекарская палата, позже преобразованная в Аптекарский приказ. Данный орган,

---

[1] *Елагина Е.В.* Институт специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / Е.В. Елагина // Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. – С. 45. – Текст: непосредственный.

[2] *Кустов А.М.* История становления и развития российской криминалистики / А.М. Кустов // Москва: Юрлитинформ, 2005. – С. 47. – Текст: непосредственный.

[3] *Гришина Е.П.* Первые упоминания о «Сведущих лицах» в узаконениях российского государства (X – первая половина XIX вв.) / Е.П. Гришина // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2016. – № 1. – С. 8. – Текст: непосредственный.

[4] *Крылов И.Ф.* Судебная экспертиза в уголовном процессе / И.Ф. Крылов // Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – С. 45. – Текст: непосредственный.

помимо прочих функций, занимался проведением экспертных исследований по вопросам утраты здоровья, по итогам которых оформлялись «дохтурские сказки». «Дохтурские сказки» же, в свою очередь, стали прообразом заключения эксперта и использовались судами при определении компенсации за нанесенное увечье[1].

Итак, проанализировав зарождение и становление института судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве Руси, приходим к следующим выводам. Во-первых, в судебных разбирательствах применялись элементарные формы привлечения сведущих лиц. Во-вторых, фигура эксперта не имела устойчивого правового статуса: вместо экспертов использовались так называемые «сведущие люди», которых вызывали для толкования отдельных фактов, например, при отравлениях, убийствах или телесных повреждениях.

При Петре I начинается развитие светской медицины, открываются первые медицинские учреждения и издаются указы, регламентирующие врачебную деятельность. В 1704 году на должность Архиатера – главного исправника медицинской части был назначен лейб-медик Эрскин. В круг его обязанностей входило, в том числе, принятие мер по установлению интересующих суд обстоятельств, если для этого требовались специальные медицинские знания.

Дальнейшим этапом развития института судебной экспертизы стало принятие в 1842 году Устава врачебного, который детально регламентировал порядок составления врачебного заключения по итогам осмотра трупа.

Таким образом, Устав врачебный стал первым нормативным актом, который закреплял требования к составу, содержанию и порядку оформления экспертного заключения, что делает его прообразом современных ведомственных приказов по предмету различных видов экспертиз.

Помимо всего прочего, при Петре I укрепляется статус экспертов как участников судопроизводства. При военных судах были введены постоянные должности лекарей-советников, с которыми судьи могли консультироваться.

Смородинова А.Г. подчеркивает, что в период правления Петра I статус эксперта приравнивался к статусу свидетеля, то есть его участие ограничивалось простым допросом[2].

Следовательно, мы можем отметить следующие особенности развития института судебной экспертизы в эпоху Нового времени. Во-первых, появилось первое экспертное учреждение – Аптекарский приказ. Во-вторых, проведение экспертизы получило начальную правовую регламентацию. В-третьих, начал оформляться статус эксперта в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, при Петре I был заложен крепкий «фундамент» для дальнейшего становления института судебной экспертизы.

Следующий важный этап — XIX век, когда под влиянием европейских правовых систем в России стали формироваться основы формализованного уголовного процесса. Как отмечает Ю. Глазер, на данной стадии произошла смена статуса эксперта в судебном процессе: из категории «сведущих лиц», которые допрашивались наравне со свидетелями, они перешли к «сведущим людям в процессуальном смысле»[3].

В 1835 году сведущие лица, то есть эксперты, стали самостоятельной процессуальной фигурой. Согласно положениям Свода законов Российской империи, у суда было право истребовать от сведущих лиц их показания в тех случаях, когда «для

---

[1] *Сальников В.П.* Регламентация медицинской деятельности в России: историко-правовые вопросы (X—XVII вв.) / В.П. Сальников, С.Г. Стеценко // Журнал российского права. – 2001. – № 4. – С. 150. – Текст: непосредственный.

[2] *Смородинова А.Г.* История использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве / А.Г. Смородинова // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. – 2001. – № 2. – С. 68. – Текст: непосредственный.

[3] *Глазер Ю.* Руководство по уголовному процессу / Ю. Глазер // Санкт-Петербург: ред. журн. гражд. и угол. права, 1915. – С. 18. – Текст: непосредственный.

познания обстоятельств дела необходимы особые сведения или опытность в науке, искусстве или ремесле» [1].

Таким образом, впервые нормативное закрепление получили сферы специальных знаний: наука, искусство и ремесло. Отметим, что данный перечень впоследствии был дополнен областью техники, но в остальном без изменений сохранился и в современном российском законодательстве.

Судебная реформа Александра II 1864 года заложила основы независимого и состязательного судопроизводства. Именно тогда в Уставе уголовного судопроизводства появляется впервые закреплённый порядок назначения экспертов, возможность назначения экспертов по инициативе суда или сторон, их обязанности и участие в судебных заседаниях. Эксперт, согласно уставу, рассматривался как лицо, обладающее особыми знаниями и привлекаемое для разъяснения обстоятельств дела[2].

В конце XIX — начале XX века активно развиваются прикладные направления судебной экспертизы: судебная медицина, баллистика, трасология. Создаются первые лаборатории и учебные курсы по криминалистике. В 1912 году Николай II утвердил закон о создании первого в России специализированного судебно-экспертного учреждения – кабинета научно-судебной экспертизы при прокуроре Санкт-Петербургской Судебной Палаты. Эксперты данного органа занимались всеми существующими на тот период времени медицинскими и криминалистическими экспертизами[3].

Таким образом, можем отметить, что по окончании имперского периода под воздействием реформ институт судебной экспертизы приобрел достаточно организованный вид.

Октябрьская революция 1917 года положила начало коренной перестройке правовой и судебной системы в России. Смена общественного строя и формирование новой законодательной базы отразилось и на развитии института судебной экспертизы. Уже в первые годы советской власти был взят курс на государственную централизацию экспертной деятельности, подчинение её задачам социалистического правосудия и формирование научных основ криминалистики как самостоятельной дисциплины.

М.С. Аристеев подчеркивает, что в советский период институт судебной экспертизы приобрел те основополагающие характеристики, которые присущи ему и в наше время, а именно:

1. эксперт перестал толковаться как «научный судья»;
2. заключения эксперта стали видом доказательств;
3. помимо эксперта появилась процессуальная фигура специалиста;
4. появились повторные и дополнительные судебные экспертизы[4].

Анализ законодательной базы судебной экспертизы в советский период показывает, что был взят вектор на институционализацию данного института.

В 1918 году выходит декрет «О народном суде», в котором упоминается возможность назначения экспертов в уголовных и гражданских делах. Однако только в 1919 году начинается создание первых государственных судебно-экспертных учреждений. В 1939 году был учреждён Центральный научно-исследовательский институт судебной экспертизы (ЦНИИСЭ) при Наркомате юстиции СССР. Именно этот институт впоследствии стал головной научной организацией в системе судебной экспертизы,

---

[1] *Спасович В.Д.* О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством / В.Д. Спасович // Москва: ЛексЭст, 1860. – 112 с. – С. 38. – Текст: непосредственный.

[2] *Светличный А.А*. Зарождение и развитие института специальных знаний в уголовном судопроизводстве в дореволюционной России / А.А. Светличный // Известия Тульского государственного университета. Сер. «Экономические и юридические науки». – 2014. – № 3. – С. 210. – Текст: непосредственный.

[3] *Голобородько А.В.* История развития судебно-экспертных учреждений в период Российской империи / А.В. Голобородько, А.Г. Рябченко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 10-3. – С. 53. – Текст: непосредственный.

[4] *Аристеев М.С*. Становление и развитие судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве / М.С. Аристеев // Вестник Российской таможенной академии. – 2016. – № 4. – С. 168. – Текст: непосредственный.

разрабатывающей методические материалы и координирующей деятельность региональных бюро[1].

Важным достижением стало формирование криминалистики как самостоятельной юридической науки, предложенной советским юристом Р.С. Белкиным. Ученый утверждал, что «возможно объединение отдельных видов судебной экспертизы в единую целостную систему с четкой классификацией видов судебной экспертизы как ее элементов»»[2].

После окончания Великой Отечественной войны институт судебной экспертизы в СССР получил новый импульс развития. Введение уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года стало значимым шагом в закреплении роли эксперта на законодательном уровне. В статье 78 УПК РСФСР давалось определение судебной экспертизы, а также подробно регламентировались права, обязанности эксперта, порядок назначения экспертизы и её проведения.

Во второй половине XX века продолжилось развитие методических основ судебной экспертизы. ЦНИИСЭ и его филиалы активно публиковали методики, инструкции и научные работы. Расширяется научная и нормативная база экспертной деятельности: вводятся стандарты исследования, а также появляются специализированные учебные пособия. Кроме того, появляются новые направления судебных экспертиз: фоноскопическая, компьютерно-техническая, экономическая и др.

На начальном этапе 1990-х годов государство столкнулось с нехваткой квалифицированных кадров, недостаточным финансированием экспертных учреждений и отсутствием чёткой нормативной базы. Совокупность данных факторов повлекла за собой появление неформального сектора – негосударственных судебно-экспертных учреждений, предлагающих свои услуги по проведению различных видов экспертиз: как судебных, так и досудебных.

Подводя итог ретроспективного анализа института судебной экспертизы в России, мы можем выделить несколько ключевых закономерностей. Во-первых, судебная экспертиза прошла путь от случайного привлечения «сведущих лиц» к формированию сложной сети специализированных учреждений с профессиональными кадрами. Во-вторых, если в дореволюционный период экспертиза базировалась на опыте и субъективных знаниях, то начиная с XX века акцент сместился на научные методы, стандарты, методики и технологии. В-третьих, советская модель создала фундамент для современной государственной системы экспертизы, где чётко регламентированы процедуры, права и обязанности сторон, а также роль экспертных заключений в уголовном процессе.

[1] *Россинская Е.Р.* История становления и развития института судебной экспертизы в России / Е.Р. Россинская, А.М. Зинин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 12 (16). – С. 25. – Текст: непосредственный.

[2] Белкин Р.С. Курс криминалистики / Р.С. Белкин // Москва: Юнити, 2001. – С. 455. – Текст: непосредственный.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ОБВИНЯЕМОГО: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Бычкова Элина Владимировна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Морозов Роман Михайлович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Предъявление обвинения и последующий допрос обвиняемого – ключевые этапы уголовного процесса, от качества которых зависит не только судьба конкретного гражданина, привлекаемого в качестве обвиняемого, но и всего уголовного дела в целом.

Сущность привлечения лица в качестве обвиняемого - это выдвижение следователем первоначального обвинения, то есть официального утверждения о доказанности совершения определенным лицом преступления.

Правовое регулирование привлечения лица в качестве обвиняемого в зарубежных странах во многом отличается от регулирования в Российской Федерации.

Каждое государство имеет свои особенные черты производства по уголовным делам, однако, в зависимости от того, к какой именно правовой системе относится то или иное государство, можно выделить типичные признаки некоторых институтов права.

Акты, которые аналогичны УПК РФ отсутствуют в странах, англо-саксонского и континентального права.

При наличии оснований и условий следователь выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого. А предъявление обвинения - это уже совокупность действий, направленных на ознакомление обвиняемого и его защитника с первоначальным обвинением[1].

В соответствии со статьей 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ), основанием для привлечения лица в качестве обвиняемого является наличие достаточных доказательств. Приведенное толкование не вполне точно определяет конкретное основание выдвижения первоначального обвинения. На деле же это приводит к возникновению определенных проблем в следственной практике, а также научных споров. Необходимо отметить, что от правильного решения вопроса о достаточности во всех конкретно определенных случаях доказательств для предъявления лицу обвинения в совершении преступления, будет зависеть своевременность, обоснованность, а также законность предъявления обвинения. По причине того, что обвинение часто может основываться на недостаточных доказательствах, которые, в свою очередь, могут иметь место по причине отсутствия необходимых следственных действий, приводит к его отмене или оспариванию в суде.

Указанная в статье 171 УПК РФ формулировка неясно характеризует обоснованность такого решения, а значит нуждается в уточнении. Необходимо признать обязанность следователя указывать основные доказательства обвинения в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого. Одним из наиболее частых нарушений данной процедуры на практике при предъявлении обвинения признается формальное,

[1] *Федотченко А.В.* Привлечение лица в качестве обвиняемого: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Москва, 2006. - С. 30. – Текст: непосредственный.

неполное разъяснение либо не разъяснение прав обвиняемого вовсе, а также сюда можно отнести неправильное уведомление о предъявлении обвинения.

Следователь, принимая решение о привлечении в качестве обвиняемого и вынося соответствующее постановление, руководствуется частью второй статьи 171 УПК РФ. Андреев А.В. в своей работе считает, что помимо обязательных реквизитов постановления, также целесообразно указывать: место проживания и (или) регистрации обвиняемого; гражданство обвиняемого; максимальное точное время и дату совершения преступления; точное место совершенного преступления; уголовно-правовые признаки, вменяемой статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, а также фактическое описание незаконных действий лица[1].

Данное мнение не совсем обосновано, так как в мотивировочной части указываются точное время и место совершения преступления, иные признаки, если они установлены к моменту вынесения указанного постановления, в резолютивной части постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и так имеются данные о гражданстве лица, его дата рождения, остальные данные, указанные Андреевым А.В. кажутся нерациональными с точки зрения перегруженности постановления о привлечении в качестве обвиняемого и уголовного дела в целом, эти данные в последствии указываются в обвинительном заключении, и на протяжении всего расследования фигурируют в материалах дела.

Стоит обратить внимание, что законодатель поставил на первое место право обвиняемого, в соответствии с пунктом первым части четвертой статьи 47 УПК РФ – знать, в чем он обвиняется, а значит уже целенаправленно осуществлять свою защиту. Неопределенность в виде подозрений обретает конкретную обвинительную форму.

Приобретая статус обвиняемого, лицо с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, вместе с этим приобретает обширный перечень прав своей защиты от обвинения. Вместе с тем, ст. 171 УПК РФ, содержащая требования к постановлению о привлечении лица в качестве обвиняемого, не предписывает лицу, ведущему расследование, указывать в постановлении права обвиняемого (ч. 4 ст. 47 УПК РФ), хотя фактически они перечисляются в так называемом отдельном бланке, который удостоверяют своими подписями обвиняемый, его защитник и сам следователь. Также помимо даты предъявления обвинения, проставляется и конкретное время предъявления обвинения.

Исходя из ч. 5 ст. 172 УПК РФ, следователь обязан удостовериться в личности обвиняемого, объявить ему и защитнику соответствующее постановление, разъяснить существо обвинения и только потом права обвиняемого. Представляется нелогичным отсутствие в ст. 171 УПК РФ такого требования к содержанию указанного постановления как «права обвиняемого». Зарубежное законодательство предлагает другие пути решения, например, в соответствии с ч. 3 ст. 243 УПК Республики Беларусь следователь, после удостоверения личности обвиняемого, разъясняет ему права, о чем составляет протокол, затем объявляет постановление о привлечении в качестве обвиняемого и его сущность[2]. Тем самым обвиняемый, ознакомившийся со своими правами перед объявлением обвинения, получает возможность воспользоваться ими немного раньше, что не дает стороне защиты никаких преимуществ, а лишь способствует своевременной реализации прав обвиняемого. Таким образом, правообеспечительный блок, содержащий перечень прав, подлежащих разъяснению обвиняемому, в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 172 УПК РФ, безусловно, должен являться одним из важнейших структурных элементов

[1] *Андреев А.В.* Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при привлечении в качестве обвиняемого: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических. - Москва, 2017. - С. 17. – Текст: непосредственный.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (с изм. и доп. по сост. на 17 февраля 2025 г.) // Справочно-правовая система ГАРАНТ. - URL: https://base.garant.ru/79284549/ (дата обращения: 15.09.2025). - Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.

конструкции постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предшествовать ознакомлению с указанным постановлением, возможно, с составлением отдельного протокола.

В целях проверки законности и обоснованности принятого решения копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого направляется прокурору, который, при наличии нарушений федерального законодательства, уполномочен требовать от органов предварительного расследования их устранения. Формулировка, указанная в ч. 9 ст. 172 УПК РФ, которая предусматривает направление копии постановления прокурору, не содержит конкретно определенного срока, в который должна быть направлена копия постановления. Указанный факт говорит о некоем пробеле законодательства, поскольку ограничивает возможности прокурора своевременно отреагировать на допущенные нарушения закона (к примеру, неверное указание мотивов, времени или даты совершения преступления, либо неверное указание диспозиции статьи предъявленного обвинения). Говоря о разумности сроков, подразумеваемых УПК РФ, срок направления копии постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, должен быть достаточным для выполнения следователем процедуры объявления постановления, разъяснения его сущности и последующего допроса обвиняемого, а также позволять прокурору вовремя с ним ознакомиться и при необходимости вынести соответствующее требование. Отсутствие в законе конкретного срока направления копии обвинения прокурору позволяет недобросовестным лицам, производящим расследование, не вручая копии постановления обвиняемому и защитнику, не направляя ее прокурору, незаконно вносить в него изменения без ведома заинтересованных участников уголовного процесса. Опираясь на пример зарубежных стран, в соответствии с ч. 5 ст. 202 УПК Республики Армения копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого направляется прокурору в течение 24 часов[1]. Аналогичный порядок направления прокурору копии постановления о квалификации деяния подозреваемого в течение 24 часов после его вынесения предусматривает ч. 3 ст. 204 УПК Республики Казахстан[2]. Срок направления копии постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого прокурору в течение 24 часов представляется достаточным для выполнения следователем всех предусмотренных процессуальным законом процедур, включая время на отправку копии постановления средствами связи, а при необходимости - нарочным и обеспечит реальную возможность своевременного реагирования прокурором на допущенные нарушения закона.

Обязательным элементом института предъявления обвинения является допрос обвиняемого, порядок проведения которого регламентирован статьей 173 УПК РФ. Допрос обвиняемого лица позволяет получить показания по существу предъявленного ему обвинения. У следователя появляется возможность прояснить позицию обвиняемого по поводу инкриминируемых ему деяний.

Прежде всего, допрос обвиняемого - это его процессуальный расспрос по предъявленному обвинению в целях: 1) выяснения юридической позиции стороны защиты, 2) предоставления обвиняемому возможности выдвинуть доводы в свою защиту, 3) получения показаний обвиняемого.

В соответствии с частью первой статьи 173 УПК РФ закон требует допросить обвиняемого немедленно после предъявления ему обвинения. Слово «немедленно» в практике означает в тот же день, в который было предъявлено обвинение. Неоправданная отсрочка допроса является нарушением уголовно-процессуального закона. Немедленность допроса предотвращает возможность обвиняемого подготовиться к допросу и уйти от

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248. - URL: http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1450&lang=rus&sel=show (дата обращения: 01.08.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 01.08.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

дачи правдивых показаний, позволяет следствию незамедлительно зафиксировать отношение обвиняемого к предъявленному обвинению, а также его версию событий. Однако понимание допроса обвиняемого в контексте состязательности — как элемента процедуры выдвижения первоначального обвинения — позволяет сделать иные выводы. Незамедлительность допроса означает, во-первых, что обвиняемому должна быть предоставлена возможность дать показания так быстро после предъявления обвинения, как он пожелает. Во-вторых, немедленность допроса означает запрет проводить другие следственные действия с участием обвиняемого без предоставления ему права дать показания по предъявленному обвинению.

Однако Н.И. Газетдинов посчитал, что требование о немедленном допросе не согласуется с принципами презумпции невиновности, обеспечения обвиняемому права на защиту и некорректно с точки зрения положения ст. 51 Конституции РФ и других прав, предоставляемых обвиняемому УПК РФ[1].

Подобное положение содержится в «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 г., согласно которому минимальным правом каждого обвиняемого в совершении преступления является право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты[2].

Возможность получения следователем показаний обвиняемого ограничена положением части четвертой статьи 173 УПК РФ, где идет речь о невозможности проведения повторного допроса обвиняемого в случае его отказа от дачи показаний на первом допросе, и проводиться такой допрос может только по волеизъявлению самого обвиняемого. Однако если такое право лица, с одной стороны, призвано защитить его, то с другой стороны, оно запрещает процессуальному лицу с помощью дополнительного допроса проверить наличие смягчающих обстоятельств.

Представители науки считают, что следователь должен иметь процессуальную возможность допросить обвиняемого даже в случае его отказа от дачи показаний при наличии необходимости проверки и оценки новых доказательств, полученных в ходе расследования уголовного дела. При этом решение о согласии с предложением следователя дать показания должно оставаться за самим обвиняемым.

Согласно закону, следователь не имеет полномочий на повторный допрос обвиняемого при отсутствии его ходатайства, несмотря на указанную в УПК РФ обязанность следователя устанавливать доказательства как оправдывающие обвиняемого, так и изобличающие его в совершении преступления и, тем самым, обеспечивать возможность защищаться от обвинения. Было бы правильным предоставить следователю процессуально закрепленную возможность допросить обвиняемого даже в случае отказа последнего от дачи показаний при наличии необходимости проверки и оценки новых доказательств, полученных в ходе расследования уголовного дела. При этом решение о согласии с предложением следователя дать показания должно оставаться за самим обвиняемым. Желание дать показания по существу предъявленного обвинения может возникнуть у обвиняемого после осмысления контекста обвинения при повторном предложении следователя, при этом отдельное заявление обвиняемого с просьбой допроса представлялось бы излишним.

Одним из важнейших элементов производства допроса обвиняемого является протокол, и, как показывает практика, который не всегда составляется с учетом требований закона. В ряде случаев следователи ограничиваются исключительно записями от имени обвиняемого о его согласии с текстом постановления и, наоборот, навязывании отказа от дачи показаний при несогласии с обвинением либо ссылаются на подтверждение

---

[1] *Газетдинов Н.И.* Обеспечение прав обвиняемому при предъявлении обвинения / Н.И. Газетдинов // Адвокатская практика. - 2007. - № 6. - С. 34, 35. – Текст: непосредственный.

[2] Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп.) // URL: https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540800/ (дата обращения: 01.08.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

показаний, данных ранее в качестве подозреваемого. А ведь речь идет о лице, обладающем другим процессуальным статусом и обширным кругом прав, в том числе давать показания по предъявленному обвинению, которые являются отдельным видом доказательства. Данные факты недопустимы и могут расцениваться как грубые нарушения права обвиняемого на защиту, ограничивающее его право высказывать свою позицию относительно предъявленного обвинения.

Отдельно стоит остановиться на достоверности сведений, излагаемых в протоколах допросов обвиняемых, поскольку в ряде случаев показания обвиняемых излагаются следователем в официально-деловом стиле с такими формулировками, как «имея умысел на хищение», «вступили в предварительный сговор», «действуя из корыстных побуждений». Однако в большинстве случаев лица, привлекаемые в качестве обвиняемых, не имеют соответствующего образования для таких высказываний. В этом случае, нормы УПК РСФСР от 1922 г., регулировавшие порядок допроса обвиняемого и предоставлявшие последнему право собственноручного написания показаний, способствовали объективному изложению его отношения к предъявленному обвинению, отражали пояснения обвиняемого без искажений, при этом не ограничивая возможности следователя задавать вопросы об обстоятельствах, подлежащих выяснению[1].

В заключении стоит сформировать следующие выводы по проведенному исследованию.

1. Необходимо уточнение основания для привлечения обвиняемого (ст. 171 УПК РФ). Целесообразно дополнить формулировку «наличие достаточных доказательств» требованием указывать в постановлении ключевые доказательства обвинения (с перечнем или ссылками на материалы дела). Это повысит обоснованность и минимизирует риски отмены в суде, устранив неясность.

2. Логичным выглядит включение прав обвиняемого в постановление или процедуру (ст. 171 и 172 УПК РФ). Так необходимо ввести обязательное требование к содержанию постановления о привлечении – включение перечня прав обвиняемого (ч. 4 ст. 47 УПК РФ) как структурного элемента. Альтернативно, предусмотреть составление отдельного протокола разъяснения прав до объявления постановления (как в ст. 243 УПК Республики Беларусь), с подписью обвиняемого и защитника. Это обеспечит ознакомление и реализацию прав участников.

3. Установление срока направления копии постановления прокурору (ч. 9 ст. 172 УПК РФ). Обоснованным видится введения фиксированного срока в 24 часа после вынесения постановления при предъявлении обвинения (аналогично ст. 202 УПК Республики Армения и ст. 204 УПК Республики Казахстан). Это позволит прокурору оперативно реагировать на нарушения и предотвратит незаконные корректировки.

4. Требуется корректировка разрешения на повторный допрос (ч. 4 ст. 173 УПК РФ). Позитивным видится дополнение УПК РФ нормой, позволяющей следователю предлагать повторный допрос при появлении новых доказательств (смягчающих или отягчающих), без обязательного ходатайства обвиняемого. Решение о согласии остается за обвиняемым, что сохранит его права, но расширит возможности следствия для объективности.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 1 июля 1922 г. - URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/upk22 (дата обращения: 01.08.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Вохминова Анастасия Андреевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Герасимова Елена Владимировна,
заведующий кафедрой уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Преступления, совершенные с особой жестокостью, характеризуются повышенной общественной опасностью ввиду того, что сопровождаются крайними проявлениями насилия, глумлением над жертвой и способами причинения вреда, заведомо для виновного лица влекущими особые страдания для потерпевшего. Институт особой жестокости, как квалифицирующий признак тяжких преступлений, претерпел существенные изменения в ходе исторического развития, отражая эволюцию представлений о насилии и его общественной опасности. Настоящее научное исследование рассматривает генезис понятия особой жестокости, а также сравнительно-правовой анализ его правового регулирования в зарубежных странах.

Первое упоминание жестокого преступного поведения как отягчающего вину лица обстоятельства содержится в договоре Олега с Византией 911 года. Необходимо учитывать, что данный договор не является исключительно национальным законодательством, поскольку был заключен двумя сторонами, а значит, в его тексте содержатся положения, выражающие правовые интересы обоих договаривающихся государств. Хотя и в небольшом количестве, но в данном акте содержатся статьи, посвященные уголовному праву.

Так, статья 7 Договора 911 г. гласит: «Если кто-либо русский у христианина или христианин у русского, причиняя страдания и явно творя насилие, возьмет что-нибудь принадлежащее другому, пусть возместит убытки в тройном размере»[1]. В юридической науке нет единого мнения насчет того, о каких конкретно преступлениях идет речь в данной норме. Например, Э.В. Георгиевский считает, что данная статья описывает грабеж и разбой[2], однако, по мнению А.А. Зимина, данным положением регулируется самоуправство[3].

Несмотря на дискуссии относительно того, состав какого преступления описан в статье 7 Договора, анализируя иные положения указанного акта, можно сделать вывод о том, что совершение преступления с применением насилия не свидетельствовало о повышенной общественной опасности и не влияло на строгость наказания, назначенного виновному лицу. Так, в статье 6 вышеназванного Договора содержится норма, предполагающая ответственность за татьбу, что согласно Толковому словарю Д.Н. Ушакова означает воровство, кражу[4]. Данная статья гласит: «Если русский украдет что-

[1] *Огорелков Д.А.* Наказания в русско-византийских договорах 911 г. и 944 г. / Д.А. Огорелков // Вестник УЮИ. - 2024. - №1 (103). – С. 14. – Текст: непосредственный.
[2] *Георгиевский Э.В.* Уголовно-правовая характеристика международных договоров и соглашений древней и средневековой Руси x-xv вв / Э.В. Георгиевский // Сибирский юридический вестник. - 2004. - № 2. – С. 15. – Текст: непосредственный.
[3] *Зимин А.А.* Памятники права Киевского государства. X-XII вв. / под ред. С.В. Юшкова; сост. А.А. Зимин // Памятники русского права. Вып. 1. - М., 1952. - С. 11. – Текст: непосредственный.
[4] *См. Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка: в 4 т. // Д.Н. Ушаков // М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. - Т. 1. - 1216 с. – Текст: непосредственный.

либо у христианина или же христианин у русского и схвачен будет вор потерпевшим и будет им связан, то пусть возвратит то, на что осмелился посягнуть, в тройном размере». Соответственно, совершение, как кражи, так и грабежа или разбоя, согласно Договору Олега с Византией 991 года, каралось лишь возмещением причиненного вреда в тройном размере.

Однако нельзя не согласиться с мнением Н.В. Борисенковой, которая считает, что данные правовые положения являются первой реакцией законодателя на жестокость преступного поведения[1].

На протяжении нескольких веков, вплоть до издания Соборного Уложения в 1649 году, особые страдания потерпевшего не упоминались. Можно предположить, что при составлении Соборного Уложения 1649 года законодатель обращал внимание больше на реальные общественно-опасные последствия преступления, выражавшиеся в лишении человека жизни, похищении вещи, нежели на способ совершения преступления. Тем не менее, именно в Соборном Уложении уголовная ответственность впервые установлена не только за совершение деяния, повлекшего наступление общественно-вредных последствий, но и дополнительно за «мучительское надругательство» при совершении подобных действий (ст. 10)[2]. Таким образом, справедливым будет сказать, что данные положения являются первым упоминанием особой жестокости как квалифицирующего признака преступления.

Окончательное закрепление повышенная уголовная ответственность за жестокое преступное поведение получила лишь в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года[3]. В 3 главе указанного акта содержатся положения об обстоятельствах, увеличивающих вину и наказание, что является аналогом статьи 63 Уголовного кодекса РФ, перечисляющей обстоятельства, отягчающие наказание. Так, пункт 7 статьи 135 Уложения гласит, что вина учинившего какое-либо преступление, а с тем вместе и мера следующего за сие наказания увеличиваются по мере того, чем более было жестокости, гнусности или безнравственности в действиях, коими сие преступление было предуготовляемо, приводимо в исполнение, или сопровождаемо. Жестокость в действиях виновного лица связывалась с его отрицательными личностными качествами, что приводило к увеличению общественной опасности совершенного преступления и личности субъекта преступления и позволяло суду усилить наказание.

Помимо того, что в Уложении 1845 года жестокость выделяется в качестве отягчающего ответственность обстоятельства, отдельные проявления жестокости предусмотрены в качестве самостоятельных составов преступлений. Так, в ст. 1489 Уложения 1845 г. была установлена ответственность за истязание и мучение, а также в ст. 1490, ст. 1491 и ст. 1492 — ответственность за данные деяния при отягчающих наказание обстоятельствах[4].

Само понятие жестокости в Уложении не раскрывалось. Собственно, оно довольно редко использовало данный термин, речь больше шла о формах ее проявления, то есть об истязании и мучении, содержание которых также не разъяснялось в законе.

В первых кодифицированных уголовно-правовых актах Советской власти жестокость также упоминается. В статье 25 УК РСФСР 1922 года[5] указано, что для

---

[1] *Борисенкова Н.В.* Уголовно-правовая оценка жестокости: дисс. канд. юрид. наук. - М.: Московская государственная юридическая академия, 2005. – С 54. –Текст: непосредственный.

[2] Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии / сост. А. Г. Маньков. - Л. Наука, 1987. - 447 с. – Текст: непосредственный.

[3] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. // Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи. Пг., 1916. – URL: https://www.prlib.ru/item/459770 (дата обращения: 10.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] *Куликова М.А.* К вопросу об истории развития российского законодательства об ответственности за истязание и пытку / М.А. Куликова // Закон и право. - 2023. - № 11. – С. 229. – Текст: непосредственный.

[5] Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» (утратил силу) // СУ РСФСР. - 1922. - № 15. - ст. 153.

определения меры наказания различается, обнаружено ли совершающим преступление заранее обдуманное намерение, жестокость, хитрость. В данном случае речь идет об отягчающем наказание обстоятельстве. В пункте «в» статьи 142 УК РСФСР 1922 года, предусматривающей наказание за убийство, содержится квалифицирующий признак – совершение убийства способом, особо мучительным для убитого.

Таким образом, следует подчеркнуть, что в УК РСФСР 1922 года, как и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, жестокость упоминалась, как отягчающее наказание обстоятельство, так и в качестве квалифицирующего признака преступления, однако само понятие «жестокость» так и не было раскрыто. Этот пробел восполнялся доктринальным толкованием при анализе отдельных составов преступлений. Убийство, совершенное особо мучительными способами, предлагалось квалифицировать в случаях, когда сам процесс лишения жизни причиняет потерпевшему особо сильные страдания, выходящие за рамки обыкновенных[1]. Как отмечает А.А. Пионтковский[2], особо мучительными способами являлись сожжение на огне, лишение жизни путем голода и жажды, убийство, которому предшествовала пытка жертвы и так далее.

В действующем в настоящее время Уголовном Кодексе РФ «особая жестокость» признана в качестве, как отягчающего наказание обстоятельства, так и в качестве квалифицирующего признака отдельных составов преступлений.

Для формирования всестороннего понимания содержания и юридической природы понятия особой жестокости представляется необходимым проведение анализа норм зарубежного законодательства. Изучение зарубежных правовых систем позволяет выявить как универсальные признаки особой жестокости, так и национальную специфику ее нормативного закрепления.

Для романо-германской правовой системы квалифицирующий признак особой жестокости является традиционным, а составы преступлений, в которых он предусмотрен, являются тяжкими и особо тяжкими. Так, статьей 211 Уголовного уложения Федеративной Республики Германия (нем. Strafgesetzbuch) предусматривается ответственность за совершение тяжкого убийства, то есть убийства с квалифицирующими признаками, среди которых называются садистские побуждения и особо жестокий способ. В качестве наказания за подобное деяние предусмотрено пожизненное лишение свободы, что является значительно более строгим, нежели наказание за убийство (лишение свободы на срок не менее пяти лет) и менее тяжкий случай убийства (лишение свободы на срок от одного года до десяти лет)[3].

Также в указанном нормативном акте в качестве самостоятельного состава преступления выделяется одно из проявлений особой жестокости – истязание. Статья 225 Уголовного уложения Федеративной Республики Германия (нем. Strafgesetzbuch) гласит: «Тот, кто мучает или грубо истязает лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста, или лицо, беззащитное вследствие немощности или болезни, наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до десяти лет».

Проводя сравнительный анализ российского и немецкого законодательства, стоит отметить статью 131 Уголовного уложения Федеративной Республики Германия (нем. Strafgesetzbuch), которая не имеет аналога в Уголовном Кодексе РФ. Указанная норма предполагает ответственность за распространение, в том числе среди несовершеннолетних, печатных, звуковых и иных материалов, описывающих жестокие или иные бесчеловечные насильственные действия, направленные против людей в форме,

---

[1] *Гернет М.Н.* Уголовный Кодекс РСФСР: практический комментарий / под ред. М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина // 2-е изд., испр. и доп. - М.: Право и жизнь, 1924. - 76 с. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Пионтковский А.А.* Преступления против личности // А.А. Пионтковский // М.: Юрист, 1938. - 132 с. – Текст: непосредственный.

[3] Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. В. Головненков // изд. 2-е, перераб. и доп. - Москва : Проспект, 2016. - 311 с. – Текст: непосредственный.

выражающей прославление или умаление опасности подобных актов насилия, или который посягающим на человеческое достоинство образом отображает жестокость или бесчеловечность происходящего.

Книга Вторая Уголовного Кодекса Франции 1992 года[1] содержит в себе составы преступлений и проступков против личности, среди которых в рамках настоящего исследования особый интерес представляет отдел, содержащий нормы об ответственности за нарушение неприкосновенности личности, совершаемые умышленно. В их число включены деяния, совершаемые с жестокостью и применением пыток, угроз и иного насилия разной категории тяжести. В действующем законе за деяния, совершаемые с применением жестокости и пыток, установлено самостоятельное наказание в виде тюремного заключения продолжительностью 15 лет вместе с автоматически назначаемым периодом надежности.

Период надежности (ст. 132-23) предполагает, что при осуждении лица к наказанию, связанному с лишением свободы на срок свыше 10 лет, в течение периода надежности на осужденного не распространяются положения, касающиеся приостановления исполнения наказания и исполнения наказания по частям, помещения вне исправительного учреждения, разрешения выхода, полусвободы и условного освобождения. Продолжительность периода надежности равна половине наказания или, если речь идет о назначении пожизненного уголовного заключения, восемнадцати годам[2].

Подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть, что в законодательстве стран романо-германской правовой системы уголовная ответственность за преступления, совершенные с квалифицирующим признаком особой жестокости, характеризуется существенным ужесточением санкций по сравнению с основными составами соответствующих деяний. Проведенный сравнительно-правовой анализ демонстрирует единообразие подходов к дифференциации ответственности. В германском и французском национальных законодательствах данной правовой семьи предусмотрены сходные по строгости меры наказания, преимущественно в виде длительных сроков лишения свободы или пожизненно заключения, что свидетельствует о конвергенции правовых систем в вопросах противодействия особо жестоким формам преступности.

При анализе зарубежного опыта правового регулирования понятия особой жестокости необходимо обратить внимание на законодательство стран социалистической правовой системы, характеризующейся более строгими наказаниями в сравнении с романо-германской правовой системой.

В Уголовном кодексе Китайской Народной Республики квалифицирующий признак «с особой жестокостью» регламентирован статьей 234, предусматривающей ответственность в виде лишения свободы сроком от 10 лет, пожизненного лишения свободы или смертной казни за умышленное причинение вреда здоровью другого человека совершенное с особой жестокостью и приведшее к тяжкому увечью. При этом квалифицирующий признак «с особой жестокости» отсутствует в статье 232 Уголовного кодекса КНР, предусматривающей ответственность за совершение убийства[3]. Подобное изложение юридических норм может объясняться тем, что в китайской правовой системе убийство признано настолько тяжким преступлением, которое не требует дополнительного выделения квалифицирующих признаков.

---

[1] *Мулюков Ф.Б.* Санкции и наказания за преступления против личности по Уголовному кодексу Франции / Ф.Б. Мулюков, А.Г. Ибрагимов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020 – Т. 162, кн. 2 – С. 202. – Текст: непосредственный.

[2] *Комарова Л.Р.* Виды и средства дифференциации наказаний в законодательстве зарубежных стран: сравнительный анализ отдельных видов наказаний) / Л.Р. Комарова // Право и современные государства. - 2012. - № 5. – С. 21. – Текст: непосредственный.

[3] Уголовный кодекс Китая / под ред. проф. А.И. Коробеева и проф. А.И. Чучаева, пер. с китайского проф. Хуан Даосю. — М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2017 — 256 с. – Текст: непосредственный.

Проведённое исследование позволяет констатировать, что эволюция законодательного регулирования особой жестокости как квалифицирующего признака преступлений против личности демонстрирует устойчивую тенденцию к формализации и детализации данного понятия в уголовном законодательстве различных исторических эпох и правовых систем. Анализ нормативных источников, начиная с правовых памятников Киевской Руси и заканчивая советским периодом, свидетельствует о постепенном переходе от имплицитного учёта жестокости при назначении наказания к её эксплицитному закреплению в качестве самостоятельного квалифицирующего признака.

Сравнительно-правовое исследование современных законодательных моделей зарубежных стран выявило как общие подходы к криминализации особо жестоких способов совершения преступлений, так и существенные различия в терминологическом оформлении и критериях квалификации данного признака, обусловленные особенностями национальных правовых традиций и современными задачами уголовной политики. Полученные результаты подтверждают тезис о том, что особая жестокость как правовая категория сохраняет свою актуальность в современных уголовно-правовых системах, требуя при этом дальнейшего доктринального осмысления и совершенствования законодательных формулировок с учетом, как исторического опыта, так и современных тенденций развития уголовного права.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАНЯТИЕ ПРОСТИТУЦИЕЙ В РОССИИ И ПРАКТИКА ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Габибов Эльмир Агишнович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Петрова Ирина Александровна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

История становления института ответственности за занятие проституцией в России отражает сложный процесс взаимодействия социально-правовых норм и государственной политики в области регулирования публичной морали и охраны общественного порядка[1].

Проституция, как социальное явление, сопровождавшее человеческое общество на протяжении веков, всегда вызывала особое внимание законодателей и правоохранительных органов, что обусловило формирование специализированных норм уголовного и административного права, направленных на её ограничение и пресечение. В зарубежной практике также сложились различные подходы к регулированию проституции — от полного запрета до легализации и контроля, что позволяет рассматривать опыт иностранных государств в качестве важного источника для совершенствования российского законодательства[2].

Первые упоминания о попытках государственного регулирования проституции на территории России относятся к XVII веку. Уже в 1649 году был издан указ, обязывавший городских обходчиков пресекать появление женщин развратного поведения на улицах, что было связано с необходимостью поддержания порядка в условиях формирования регулярной армии и чиновничьего аппарата. В XVIII веке в России начали появляться более жёсткие меры по контролю и запрету проституции: Воинский артикул Петра I (1715) года запрещал наличие проституток при воинских частях, а последующие указы и постановления XVIII века предусматривали телесные наказания, высылку и другие санкции. В этот период проституция начала приобретать организованные формы, что вызвало необходимость более системного подхода к её регулированию. В XIX веке законодательство Российской империи активно развивалось в части регулирования проституции и сопутствующих ей правонарушений.

В 1845 году было введено Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое впервые установило ответственность не только для женщин, занимающихся проституцией, но и для сводников, клиентов, а также лиц, способствующих вовлечению несовершеннолетних в занятие проституцией. Закон предусматривал широкий спектр наказаний — от штрафов и телесных наказаний до лишения свободы. Важной особенностью данного периода стало признание проституции как не только частного, но и общественного преступления, что усилило роль государства в борьбе с этим явлением[3].

С приходом советской власти отношение к проституции кардинально изменилось. Проституция рассматривалась как явление, несовместимое с идеалами социалистического

---

[1] *Баранов А.В.* История уголовного права России / А.В. Баранов. – М., 2015. – Текст: непосредственный.

[2] Encyclopedia Britannica. Prostitution regulation in different countries. – URL: https://www.britannica.com/topic/prostitution (дата обращения: 10.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Кузнецов В.П.* Уголовное право Российской империи: исторический аспект / В.П. Кузнецов. – СПб., 2014. - С. 60. – Текст: непосредственный.

общества, и была объявлена преступлением против общественной морали и социалистической морали. Уголовное законодательство СССР предусматривало жёсткие меры наказания за занятие проституцией, сводничество и содержание публичных домов. Важной составляющей борьбы с этим явлением стала комплексная политика, включавшая не только уголовное преследование, но и социально-воспитательные меры, направленные на «перевоспитание» женщин, вовлечённых в проституцию. В практике правоохранительных органов СССР проституция чаще всего рассматривалась как форма эксплуатации и социального порока, что обусловило высокий уровень уголовного давления[1]. Несмотря на то, что в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года прямой статьи за занятие проституцией не существовало, практика борьбы с этим явлением продолжалась преимущественно в рамках административного законодательства. Проституция рассматривалась как проявление антиобщественного поведения, и в 1987 году в КоАП РСФСР была введена статья 164.2, устанавливающая административную ответственность за занятие проституцией в виде штрафа. Кроме того, лица, уличённые в систематическом занятии проституцией, могли подвергаться принудительной постановке на учёт в кожно-венерологические диспансеры, направлению в лечебно-трудовые профилактории или даже административной высылке. Советская профилактика включала также активную работу с женщинами, вовлечёнными в проституцию, через Комиссии по делам несовершеннолетних, женсоветы и органы внутренних дел. Идеологическая составляющая оставалась доминирующей: проституция считалась «пережитком капитализма», и её наличие в социалистическом государстве официально не признавалось[2].

С распадом Советского Союза и переходом к рыночной экономике в 1990-е годы Россия столкнулась с резким всплеском числа лиц, занимающихся проституцией. Социально-экономический кризис, рост безработицы, снижение уровня жизни и разрушение прежней системы идеологического контроля привели к тому, что проституция приобрела массовый характер. Государственные органы оказались не готовы к новому масштабу и формам этого явления, включая рост организованных преступных групп, занимающихся сутенёрством и торговлей людьми[3].

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года продолжала отсутствовать прямая статья за занятие проституцией, однако сохранялась административная ответственность на основании статьи 6.11 КоАП РСФСР (введённой ещё в 1987 году). Основной упор в уголовном праве был сделан на борьбу с организаторами и пособниками проституции — сводниками, сутенёрами, лицами, получающими доход от занятия проституцией другим лицом. На фоне отсутствия прямой уголовной ответственности за занятие проституцией в постсоветский период особую значимость приобрела борьба с её организованными формами. В этот период началась активная криминализация таких деяний, как вовлечение в проституцию, сводничество, содержание притонов[4].

Уже в начале 1990-х годов в Уголовный кодекс РСФСР были внесены поправки, направленные на противодействие организованной сексуальной эксплуатации, а с принятием нового Уголовного кодекса РФ в 1996 году появились статьи 240 и 241, предусматривающие ответственность за вовлечение в занятие проституцией и организацию занятий проституцией. Эти нормы стали ответом на распространение

---

[1] *Иванов С.Н.* Уголовное право СССР: история и практика применения / С.Н. Иванов. – М., 2010. - С. 76. – Текст: непосредственный.

[2] *Литвак О.М*. Проституция в СССР: мифы и реальность / О.М. Литвак // Вопросы истории. – 2018. – № 3. - С. 14. – Текст: непосредственный.

[3] *См. Иногамова-Хегай Л.В.* Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / под ред. доктора юридических наук, профессора Л.В. Иногамовой-Хегай, доктора юридических наук, профессора А.И. Рарога, доктора юридических наук, профессора А.И. Чучаева. - М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРАМ, 2008. - 800 с. – Текст: непосредственный.

[4] *Соловьёв А.А.* Проституция в постсоветской России: уголовно-правовые аспекты / А.А. Соловьёв // Государство и право. – 2001. – № 10. – Текст: непосредственный.

организованной преступности, вовлечённой в сексуальный бизнес, включая торговлю людьми, насильственное принуждение и участие несовершеннолетних.

С начала 2000-х годов российское законодательство сохранило подход, при котором занятие проституцией не признаётся уголовно наказуемым деянием, однако за него продолжает действовать административная ответственность по статье 6.11 КоАП РФ — штраф от 1500 до 2000 рублей. При этом особое внимание в Уголовном кодексе РФ уделяется борьбе с организованными формами проституции. Так, статьи 240 и 241 УК РФ предусматривают уголовную ответственность за вовлечение в занятие проституцией, принуждение к нему, организацию и содержание притонов, а также за использование несовершеннолетних в целях сексуальной эксплуатации[1].

Значительное усиление законодательства связано с ратификацией международных соглашений, направленных на борьбу с торговлей людьми, особенно в отношении женщин и детей. Россия обязалась принимать меры по предотвращению эксплуатации и созданию механизмов защиты пострадавших. Тем не менее, несмотря на наличие нормативной базы, практика её применения сталкивается с рядом проблем: коррупция, низкий уровень раскрываемости преступлений, а также неравномерность правоприменения в разных регионах страны.

В 2000-х годах, несмотря на закрепление в уголовном и административном законодательстве норм, регулирующих ответственность за проституцию и её организованные формы, правоприменительная практика оставалась нестабильной и фрагментарной. В первую очередь это связано с тем, что проституция как социальное явление в современной России находится в «серой зоне» — она формально запрещена, но фактически терпима в определённых масштабах. Органы внутренних дел зачастую ограничиваются наложением штрафов на лиц, занимающихся проституцией, при этом организаторы и лица, получающие доход от эксплуатации женщин, остаются вне зоны ответственности, особенно в случаях, когда их деятельность тщательно маскируется под легальный бизнес (например, массажные салоны или агентства досуга)[2]. Кроме того, в судебной практике редко применяются более тяжкие статьи 240 и 241 УК РФ, в том числе из-за сложности доказывания фактов вовлечения и принуждения. Это создаёт правовой дисбаланс: женщины, вовлечённые в проституцию, несут наказание в виде штрафов, тогда как организаторы остаются безнаказанными. В этом контексте многие исследователи подчёркивают необходимость реформирования законодательства в сторону либо полной криминализации, либо частичной легализации проституции с государственным контролем[3]. Сравнительный анализ зарубежных подходов к регулированию проституции показывает наличие трёх основных моделей: запретительной, аболиционистской и регуляционистской. В рамках запретительной модели, принятой, например, в США (за исключением штата Невада), любые формы проституции криминализированы, включая как оказание, так и потребление сексуальных услуг. Аболиционистский подход, распространённый во Франции и Швеции, фокусируется на наказании клиента, считая проституцию формой насилия над женщинами. Регуляционистская модель, применяемая в Нидерландах и Германии, предполагает легализацию и государственный контроль проституции, при этом данная деятельность регулируется нормами трудового и административного права.

Одной из наиболее известных моделей, на которую часто ссылаются исследователи и законодатели, является так называемая «скандинавская модель», впервые введённая в

---

[1] *Гумерова А.Р.* Ответственность за вовлечение в занятие проституцией: современное состояние законодательства и практики / А.Р. Гумерова // Журнал российского права. – 2023. – № 5. - С. 88. – Текст: непосредственный.

[2] *Кузнецова Н.Ф.* Проституция в современной России: правовые и социальные аспекты / Н.Ф. Кузнецова // Вестник МГУ. Серия 11: Право. – 2018. – № 4. - С. 24. – Текст: непосредственный.

[3] Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ, 2021. – URL: http://ombudsmanrf.org (дата обращения: 10.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Швеции в 1999 году. Её ключевая особенность — декриминализация лиц, оказывающих сексуальные услуги, при одновременной криминализации клиентов. Законодатель предполагал, что спрос — основная движущая сила проституции, а значит, необходимо бороться именно с ним. Цель модели — не только правовое воздействие, но и изменение общественного восприятия проституции как социального зла. Несмотря на благие намерения, практика применения данного подхода вызывает споры среди учёных, особенно в связи с ростом латентности проституции и затруднением доступа к медицинской и социальной помощи для работников[1].

Нидерланды являются одной из первых стран, где проституция была признана легальной формой трудовой деятельности. С 1 октября 2000 года в стране официально разрешена эксплуатация борделей, а сама деятельность секс-работников подлежит лицензированию и государственному контролю. Проститутки обязаны регистрироваться в муниципалитетах, проходить медицинские осмотры, а также уплачивать налоги наравне с представителями других профессий. Особое внимание уделяется вопросам гигиены, профилактике инфекций и обеспечению безопасности. Органы местного самоуправления имеют право устанавливать квоты на количество борделей, а также проводить регулярные проверки. Такая система, по мнению ряда исследователей, способствует снижению уровня принудительной проституции и торговли людьми, так как предоставляет женщинам юридическую защиту и доступ к социальной помощи. В то же время существует мнение, что легализация не устраняет полностью криминальные аспекты, поскольку часть индустрии остаётся в тени из-за нежелания некоторых участников официально регистрироваться[2].

Германия также относится к числу государств, легализовавших проституцию, но пошла ещё дальше по пути институционализации этой деятельности. Закон «О регулировании правового положения лиц, занимающихся проституцией» (Gesetz zur Regelung der Rechtsverhältnisse der Prostituierten), вступивший в силу в 2002 году, признал проституцию трудовым контрактом, что дало секс-работникам право на судебную защиту, пенсионные и медицинские отчисления, а также право на оформление трудовых договоров. В 2017 году был принят новый закон, усиливший контроль за этой сферой: он ввёл обязательную регистрацию, участие в информационных сессиях о правах и рисках профессии, а также медицинские консультации. Муниципалитеты получили возможность ограничивать зону деятельности борделей и устанавливать санитарные и технические требования. Несмотря на прогрессивность законодательства, в научной среде отмечается, что значительная часть проституции в Германии по-прежнему находится вне правового поля, что связано как с миграционным фактором, так и с социальной стигматизацией этой деятельности[3].

Соединённые Штаты Америки демонстрируют ярко выраженную запретительную модель регулирования проституции. На федеральном уровне проституция запрещена, и её правовое регулирование отнесено к компетенции штатов. В большинстве штатов занятие проституцией, равно как и содействие ей (в том числе содержание борделей, сводничество, сутенёрство), уголовно наказуемо. Единственным исключением является штат Невада, где проституция разрешена, но строго ограничена и регулируется только в отдельных округах. В этих районах допускается работа лицензированных борделей, которые подлежат строгому санитарному и административному контролю. Проститутки

---

[1] *См. Ветощкина А.Ю.* Зарубежный опыт уголовно-правового регулирования проституции / А.Ю. Ветощкина // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2021. - № 1. – С.109 – 113. – Текст: непосредственный.

[2] *Дубровина С.С.* Модели правового регулирования проституции в зарубежных странах / С.С. Дубровина // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2020. — № 3 (239). — С. 115 – 119. – Текст: непосредственный.

[3] *См. Григорьева И.В.* Правовые подходы к регулированию проституции в Германии / И.В. Григорьева // Сравнительное конституционное обозрение. - 2020. - № 2. - С. 90 – 97. – Текст: непосредственный.

обязаны проходить регулярные медицинские осмотры, а деятельность борделей лицензируется органами местного самоуправления[1].

Подход большинства штатов к проституции основывается на представлении о её общественной опасности и разрушительном влиянии на мораль и общественный порядок. В соответствии с этим, во многих юрисдикциях предусмотрены меры как уголовного, так и административного характера, включая арест, штрафы, исправительные работы и даже обязательное прохождение программ реабилитации. Однако, несмотря на жёсткое законодательство, в США активно ведутся дискуссии относительно реформирования подходов к регулированию проституции. Часть американских правозащитников и юристов выступает за декриминализацию, указывая на неэффективность репрессивных мер, рост теневой занятости и уязвимость женщин, вовлечённых в проституцию, перед насилием и эксплуатацией. В то же время, оппоненты реформ подчёркивают, что декриминализация может способствовать росту торговли людьми и сексуальной эксплуатации. Эти споры обостряются на фоне политических и культурных различий между штатами, что делает правовую картину в США неоднородной и противоречивой[2] .

Сравнительный анализ российского и зарубежного подходов к регулированию проституции демонстрирует существенные различия в правовых подходах, философии законодательства и уровне вовлечённости государства в контроль данной сферы. В России проституция формально запрещена и карается административной ответственностью, а любые формы организации проституции — уголовно наказуемы. Такая модель отражает традиционный запретительный подход, при котором проституция рассматривается как угроза общественной морали и правопорядку, но при этом не предполагает комплексного регулирования или социальной поддержки вовлечённых лиц. В то же время зарубежные государства демонстрируют широкий спектр моделей — от скандинавской, где акцент делается на борьбе со спросом, до нидерландской и германской, в которых проституция легализована и рассматривается как разновидность труда, подлежащая правовому и социальному контролю.

Следует отметить, что ни одна из существующих моделей не является универсально эффективной. В странах с легализацией наблюдается формализация прав секс-работников, снижение уровня насилия и преступности, но сохраняются проблемы, связанные с теневым сектором и стигматизацией. В странах с запретительным или частично запретительным режимом — как Россия или США — проституция часто уходит в подполье, что усиливает риски эксплуатации, делает невозможной профилактику заболеваний и затрудняет защиту прав вовлечённых лиц. Всё это свидетельствует о том, что вопрос правового регулирования проституции требует взвешенного, научно обоснованного и социально ориентированного подхода.

В условиях глобализации, трансграничной преступности и миграционных процессов становится очевидным, что изоляционистская и карательная политика, ориентированная лишь на запреты, не способна эффективно решать проблемы, связанные с проституцией. Возможно, перспективным направлением для России стало бы развитие комплексной системы мер, сочетающей элементы профилактики, социальной адаптации, правовой защиты и разумного регулирования. Такой подход позволил бы не только более эффективно бороться с преступными проявлениями, но и обеспечить защиту человеческого достоинства и прав каждого гражданина вне зависимости от рода его занятий.

---

[1] *См. Шальнев А.В.* Проституция в США: криминализация и её социальные последствия / А.В. Шальнев // Закон и право. — 2021. - № 5. - С. 89–94. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Зимин С.Ю.* Правовые аспекты регулирования проституции в США: проблемы и тенденции / С.Ю. Зимин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2020. - № 4. - С. 112 – 118. – Текст: непосредственный.

О ПРОБЛЕМАХ ВНУТРИВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ

Горева Полина Александровна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель
Спиридонова Юлия Николаевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Органами принудительного исполнения в Российской Федерации является Федеральная служба судебных приставов. Деятельность Федеральной службы судебных приставов является многогранной. Это связано с широким кругом задач, возложенных на службу государством.

Для уяснения логичности наделения законодателем полномочиями по расследованию определенных составов преступлений органами Федеральной службы судебных приставов необходимо обозначить данный круг задач[1].

Задачи органов принудительно исполнения определены статьей 6.5 Федерального закона от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения», к ним относятся: организация обеспечения и непосредственное обеспечение установленного порядка деятельности судов, организация и принудительное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, организация и исполнение межгосударственного розыска лиц, организация исполнения и непосредственное исполнение законодательства об уголовном судопроизводстве по делам, отнесенным к подследственности федерального органа принудительного исполнения, по организации и обеспечению собственной безопасности, иные задачи в соответствии с федеральным законодательством иными нормативными правовыми актами.

О возложении функции дознания на Федеральную службу судебных приставов также прямо указано в ст. 40 УПК РФ, посвященной органам дознания. Пунктом 4 ч. 3 ст. 151 УПК РФ установлен перечень преступлений, предусмотренных уголовным законодательством, дознание по которым осуществляют органы принудительного исполнения. К ним относятся преступления, предусмотренные статьями 157 (неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей), 177 (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности), частью первой ст. 294 (воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования), статьей 297 (неуважение к суду), частью первой статьи 311 (разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса), статьями 312 (незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации) и 315 (неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта) УК РФ[2].

---

[1] *См. Белинский-Вейланд Д.* Упрощение дознания, как средство оптимизации процессуальной деятельности органов дознания федеральной службы судебных приставов / Д. Белинский-Вейланд // Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно - исполнительного права и криминалистики : материалы VI науч.-практ. конф. (г. Саранск, 20 сен. 2017 г.) / Средне-Волжский институт(филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Саранск :ЮрЭкс-Практик, 2017. – С. 30-33. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Рыжова Ю.Н.* Производство дознания в Федеральной службе судебных приставов: монография / Ю. Н. Рыжова ; под ред. В. П. Божьева // Москва: Юрлитинформ, 2006. – 149 с. – Текст: непосредственный.

Проанализировав данные нормы, можно сделать вывод о специфичной подследственности: в нее входит расследование уголовных преступлений, которые препятствуют исполнению решений судов или иных органов и должностных лиц, а также создают сложности в осуществлении установленного порядка деятельности судов. Наделение ФССП России функцией дознания позволяет органам принудительного исполнения эффективней выполнять также свои другие функции[1].

Обеспечение органами дознания выполнения других функций ФССП России делает необходимым тесное взаимодействие сотрудников как одного ведомства, выполняющих различные функции, так и смежных ведомств[2].

От тесного сотрудничества должностных лиц ФССП России напрямую зависит эффективность выявления преступлений, относящихся к подследственности органов принудительного исполнения. В целях выявления преступлений, посягающих на общественные отношения в сфере правосудия, старшим судебным приставом регулярно должны запрашиваться сведения в судах о назначении к рассмотрению уголовных дел, расследованных дознавателями ФССП России, о назначении судебных заседаний, в ходе которых возможно наличие конфликтных ситуаций, а также сведения о наличии конфликтных ситуаций, ранее произошедших в ходе рассмотрения дел в суде[3].

Непосредственно в выявлении фактов совершенного преступления принимает участие судебный пристав по обеспечению установленного порядка деятельности судов (далее - судебный пристав по ОУПДС). На данном этапе необходимо правильно зафиксировать совершенное правонарушение, имеющее признаки состава преступления. В случае обнаружения признаков состава преступления в процессе судебного слушания необходимо добиться отражения события преступления в протоколе судебного заседания. Для правильного закрепления сведений, и последующего использования их в качестве доказательства дознаватель обязан оказывать методическую помощь судебному приставу поОУПДС. В приведенной ситуации необходима слаженная работа суда и сотрудников ФССП России, без которой выявление данного вида преступлений, направленных против правосудия, становится достаточно сложным.

Взаимодействие дознавателя с судебными приставами по ОУПДС помимо участия последних в выявлении преступлений против правосудия выражается также в привлечении их для обеспечения безопасности участников следственных действий, а также для принудительного привода лиц, не явившихся по требованию дознавателя.

Судебный пристав-исполнитель об обнаружении признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 157, 177, 312, 315 КоАП РФ составляет рапорт в котором отражает сведения о лице, совершенном им общественно опасном деянии, содержащем признаки состава преступления, информацию о времени, месте, способе совершения преступления, а также возможную квалификацию деяния. К рапорту приобщаются необходимые документы, подтверждающие наличие в описываемом событии признаков состава преступления. Основными документами, необходимыми при

---

[1] *См. Виниченко А.М.* Организационно-правовые основы деятельности органов дознания Федеральной службы судебных приставов: специальность 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Виниченко Анна Михайловна // Москва, 2012. - 222 с. – Текст: непосредственный.

[2] *Окунева О.О.* Эффективность взаимодействия Федеральной службы судебных приставов с Федеральной службой исполнения наказания при производстве дознания и пути его совершенствования / О. О. Окунева, Н. В. Ганжа // Актуальные вопросы теории и практики судопроизводства (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации и юбилейному, X Всероссийскому съезду судей): Сборник трудов XIX Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция, Кострома, 08–09 декабря 2022 года / отв. ред. Г.Г. Бриль, В.В. Груздев, сост. Н.В. Ганжа. – Кострома: Костромской государственный университет, 2023. – С. 316. – Текст: непосредственный.

[3] *См. Елисеева А.А.* Развитие института дознания в органах принудительного исполнения Российской Федерации. Процессуальное положение начальника органа дознания, начальника подразделения дознания / А.А. Елисеева // Вестник исполнительного производства. – 2024. – № 2. – С. 78-87. – Текст: непосредственный.

доказывании являются: рапорт об обнаружении признаков состава преступления, копия исполнительного документа, копия постановления о возбуждении исполнительного производства, копия постановления о наложении ареста, копия акта описи имущества, копия договора хранения, копия постановления о расчете задолженности по алиментам, акт проверки сохранности арестованного имущества, копи предупреждений об уголовной ответственности, врученных руководителю организации-должника под роспись, и др. Для расследования преступлений, в состав которых входит административная преюдиция (ч.1 ст. 157 УК РФ), решающую роль играет наличие в отношении подозреваемого вступившего в законную силу постановления суда о привлечении его к административной ответственности, а также сведения об отбывании лицом назначенного административного наказания. Расследование преступлений, входящих в подследственность органов принудительного исполнения, не является сложным в силу наличия в распоряжении дознавателей всего необходимого для расследования материала[1].

Юридически грамотное оформление должностными лицами ФССП России процессуальных документов, составляющих основы доказательственной базы расследуемых преступлений, влияет на сроки дознания и принятие дознавателем соответствующих процессуальных решений. На практике существует проблема ненадлежащего оформления документации во время совершения исполнительных действий в силу недостаточной юридической грамотности судебных приставов-исполнителей (отсутствие требований о наличии высшего юридического образования), большой нагрузки на должностных лиц (обычно на исполнении у одного судебного пристава-исполнителя находится от трех тысяч исполнительных производств о взыскании общеисковых задолженностей), формального внесения в процессуальные документы понятых (граждане не желают принимать участие в аресте имущества)[2].

Решением обозначенной выше проблемы является проведение совместных с дознавателями и судебными приставами-исполнителями семинарских занятий сотрудниками территориальных органов ФССП, курирующих организацию дознания и организацию исполнительного производства, в ходе которых целесообразно разбирать проблемные ситуации, возникающие на практике в масштабах не только конкретного территориального органа, но и в целом всей службы судебных приставов.

Кроме того, необходимым является снижение нагрузки на судебных приставов-исполнителей, от качества выполнения должностных обязанностей которых зависит правильность, своевременность, полнота исполнения судебных и решений, актов других органов и должностных лиц, а следовательно предупреждение и пресечение совершения подследственных ФССП преступлений. Решение обозначенных проблем не требует внесения изменений в законодательство и, при должном фокусировании на них внимания и контроле, может быть организовано службой самостоятельно.

Стоит отметить также необходимость популяризации ФССП России в социальных сетях и средствах массовой информации что позволит привлечь в службу новые кадры и сформировать у населения положительную гражданскую позицию относительно деятельности органов принудительного исполнения.

Подводя итоги данного исследования, следует отметить специфику подследственности уголовных дел органам дознания ФССП России, особенность расследования преступлений, а также важность слаженной работы должностных лиц органов принудительного исполнения, выполняющих различные функции, возложенные на службу государством и на необходимость решения обозначенных проблем.

---

[1] *См. Богданов А.В.* Административная преюдиция в уголовном праве России: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2019. – 25 с. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Тугутов Б.А.* Федеральная служба судебных приставов как орган дознания / Б.А. Тугутов // ГлаголЪ правосудия. – 2019. – № 2 (20). – С. 41-43. – Текст: непосредственный.

ЯТРОГЕНИЯ И ЯТРОГЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ – ПОНЯТИЯ, СУЩНОСТЬ, СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Горшков Дмитрий Сергеевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Петрова Ирина Александровна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

В развитии системы здравоохранения в последние годы акцентируется внимание на профессионализм и компетентность медицинских работников. Речь идет о фактах ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей работниками медицинских учреждений в отношении пациентов.

Поскольку забота о здоровье граждан – важнейшая задача государства, необходимо создать комплекс мер (в том числе и правовых), обеспечивающих достижения такой задачи. Статья 41 Конституции Российской Федерации устанавливает право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь. В части второй этой же статьи предусмотрена ответственность должностных лиц за сокрытие фактов и обстоятельств, создающих угрозу жизни и здоровью людей[1].

Другим нормативно-правовым актом, который упоминает об ответственности должностных лиц в сфере здравоохранения, является Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ. В части второй статьи 98 вышеназванного закона указывается, что медицинские работники несут ответственность за нарушение прав в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи. При этом медицинская помощь раскрывается как комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья, включающих в себя предоставление медицинских услуг[2].

Именно при нарушении правил и принципов оказания медицинской помощи жизнь и здоровье пациента могут находиться под угрозой. Вследствие данного обстоятельства появляется такие понятия, как ятрогения и ятрогенные преступления.

Высокая общественная опасность такого рода явлений вызывает необходимость их уголовно-правовой оценки. Проблемы, возникающие при этом, связаны в первую очередь с разноплановым пониманием сущности врачебных ошибок и ятрогенных преступлений, отсутствием единообразия в применении уголовного закона, устанавливающего ответственность за их совершение. В этой связи возникает первостепенная задача: уразуметь, что значит термин «ятрогенное преступление».

Прежде всего, стоит иметь представление о том, что такое «ятрогения», поскольку без этого невозможен дальнейший анализ одноименной категории преступлений.

В настоящее время ведутся дискуссии касаемо определения «ятрогения». В соответствии с разработанным Всемирной организацией здравоохранения Международным классификатором болезней десятого пересмотра (МКБ-10) ятрогения трактуется как всевозможные нежелательные или негативные последствия диагностических и лечебных вмешательств либо процедур, которые приводят к

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом изменений от 14 марта 2020 г. // Российская газета, 2020, № 144.
[2] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Парламентская газета, № 50, 24.11-01.12.2011.

нарушениям функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидности или смерти. В последующем определение дополнилось еще одним последствием: осложнением медицинских мероприятий, развившимся в результате как ошибочных, так и правильных действий врача. Справедливости ради стоит упомянуть, что самого термина «ятрогения» в МКБ-10 не находится, это обобщенное название патологических процессов, которые в сущности являются ятрогениями.

В доктрине можно наблюдать более простые и ясные определения вышеуказанного термина. Например, ятрогения – это изменения здоровья пациента к худшему, вызванные неосторожным действием или словом врача[1].

Ятрогения по своей природе бывают различными, что дает возможность их классифицировать. Например, ятрогения бывают:

1) Психогенные – неблагоприятное воздействие обстановкой, негативными словами (может проявляться в форме психоза, истерии и т.д.);

2) Лекарственные – выражается в избыточном назначении лекарственных средств, дозировка которых негативно сказывается на здоровье пациента (в виде аллергии, передозировка, зависимость от лекарственных препаратов и т.д.);

3) Травматические – причинение повреждений, которые не являются необходимыми;

4) Инфекционные – заражение медицинским работником пациента инфекцией при оказании медицинской помощи;

5) Смешанные[2].

Можно резюмировать, что ятрогении представляют собой нежелательные негативные последствия оказанной медицинской помощи, которые обусловлены дефектом, допущенным медицинским работником.

В настоящем уголовном законодательстве не содержится легальной дефиниции ятрогенного преступления, в связи с чем в доктрине существуют многочисленные обсуждения по этому поводу. Например, есть мнение, что ятрогенное преступление – это обусловленная объективными и субъективными факторами, взаимосвязанная со средой и в ней отображающаяся, возникающая и функционирующая в сфере здравоохранения вследствие нарушения охраняемых уголовным законом правил оказания медицинской помощи, сложная, общественно опасная, противоправная, реальная, динамическая система действий и их последствий, обусловленных ненадлежащим выполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей[3]. Можно заметить, что ввиду обширности вышеупомянутого явления автор попытался широко обозначить понятие ятрогенного преступления. С одной стороны, при таком подходе не останутся без внимания важные особенности рассматриваемой категории преступлений, но с другой – определение получается слишком громоздким и трудным для уяснения.

Часть авторов, давая определение ятрогенного преступления, указывает на комплексность явления. Показательным примером может являться следующая формулировка: «Ятрогенное преступление - это комплексное понятие, которое появилось в медицине, но в данный момент имеет большое значение в юриспруденции, все больше внедряется в нее, позволяет квалифицировать деяния медицинских работников[4]».

---

[1] *Алехин Д.В.* Расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности (ятрогенных преступлений): учебно-методическое пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Д. В. Алехин и др.; под ред. А. М. Багмета. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — С. 9. – Текст: непосредственный.

[2] См.: Там же. - С.10. – Текст: непосредственный.

[3] Пристансков В.Д. Теоретические и методологические проблемы расследования ятрогенных преступлений: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.09. - Санкт-Петербург, 2000. – С.10. - Текст: непосредственный.

[4] *Арышева А.О.* Первоначальный этап расследования ятрогенных преступлений : диссертация на соискание степени магистра по направлению подготовки 40.04.01. «Юриспруденция». – Томск. – 2020. – С. 8. - Текст: непосредственный.

Расширяя идею комплексности ятрогенных преступлений, некоторые авторы отражают их динамику, то есть до каких пор считать этот термин медицинским, а с какого момента он приобретает уголовно-правовой смысл. В частности, автор указывает, что в целом ятрогения выступают в качестве медико-правовых терминов, которые означают деяние медицинского работника, повлекшего смерть или вред здоровью человека. Однако они несут уголовно-правовой характер, то есть влекут уголовную ответственность только в случаях виновного нарушения правил и (или) стандартов оказания медицинской помощи медицинскими работниками, вследствие которого наступают общественно опасные последствия[1].

Важно понимать, что ятрогенные преступления – это особая категория общественно опасных деяний, которая имеет отличия от других преступлений (в частности, от других преступлений в сфере здравоохранения и от служебных преступлений). Конкретно - это разграничение по элементам и признакам состава преступления. Например, отграничения по объекту преступления (жизнь, здоровье, иные конституционные права и свободы пациента), по субъекту (физические лица, имеющие статус медицинского работника), по возникновению общественно опасных последствий (они должны быть связаны с непосредственной деятельностью медиков, например, в процессе диагностики, лечения, профилактики или реабилитации пациента)[2].

С криминологической точки зрения ятрогенные преступления отличаются высокой степенью латентности. Это обусловлено наличием ряда факторов:

1) Отсутствие официальных статистических данных;
2) Корпоративная солидарность медицинских работников;
3) Частое отсутствие специальных знаний по раскрытию ятрогенных преступлений.

Системообразующим фактором латентности рассматриваемой группы преступлений является отсутствие в УК РФ специальных норм, предусматривающих ответственность за ятрогенные преступления[3], что является существенным упущением и недостатком уголовного закона.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что ятрогенные преступления – собирательное уголовно-правовое явление с медицинскими началами. В настоящее время в Уголовном кодексе РФ отсутствуют дефиниции ятрогения и ятрогенных преступлений, вследствие чего возникают проблемы теоретического и прикладного характера. Представляется, что УК РФ необходимо дополнить нормами, которые четко трактовали вышеуказанные понятия.

---

[1] *Замалеева С.В*. Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации : автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. - Екатеринбург, 2016. – С. 9. – Текст: непосредственный.

[2] *Огнерубов Н.А*. Профессиональные преступления медицинских работников : диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. - Москва, 2014. – С.11. – Текст: непосредственный.

[3] *Богомолова К.И.* К вопросу о совершенствовании деятельности правоохранительных органов по выявлению и предупреждению ятрогенных преступлений / К.И. Богомолова, И.Х. Касаев // Вестник СГЮА. - 2020. - № 1 (132). - С. 180, 182. – Текст: непосредственный.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ДВУМЯ ФОРМАМИ ВИНЫ

Гоциридзе Давид Александрович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Колпакова Людмила Алексеевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Тема ответственности за преступление, совершённое с двумя формами вины, является актуальной в современных условиях, поскольку она отражает сложность и многогранность правовых отношений в обществе. Смешанная форма вины, включающая элементы умысла и неосторожности, требует особого внимания как со стороны теоретиков права, так и практиков, так как её правильное понимание и применение имеет важное значение для обеспечения справедливости и законности.

В древних правовых системах понятие вины имело тесную связь с причинением вреда и ответственностью за него. В Древнем Риме термин 'culpa' использовался для обозначения вины, связанной с неосторожностью, что демонстрирует раннее осознание различий между умышленным и неумышленным деянием. Это понятие применялось при рассмотрении гражданских и уголовных дел, что свидетельствует о его универсальности в правоприменении. Вина рассматривалась главным образом как объективное явление, основанное на факте нарушения общественных норм.

В средневековый период подходы к вине претерпели значительные изменения под влиянием канонического права. Вина стала рассматриваться не только как юридическое, но и как моральное явление. Этот аспект был тесно связан с представлениями о грехе и религиозной ответственности. Судебные процессы того времени часто учитывали не только действия обвиняемого, но и его внутренние намерения, что закладывало основы для дальнейшего развития концепции субъективной стороны преступления.

Эпоха Просвещения значительно повлияла на развитие теории вины через философские и правовые исследования. Утилитаристский подход, продемонстрированный такими мыслителями, как Иеремия Бентам, акцентировал внимание на анализе последствий действий для их правовой оценки. Это стало основой для различения форм вины, таких как умышленная и неосторожная, и их учета при назначении наказания. В этот период концепция вины приобрела более рациональный и систематизированный характер. Следует подчеркнуть, что изучению вопросов вины посвятили свои труды многие авторы, например Э.Я. Немировский, Н.С. Таганцев, П.С. Дагель, А.И. Рарог, А.Ф. Бернер и другие[1].

Проблема ответственности за преступления с двумя формами вины заключается в сложности их квалификации и правоприменения. Значимость данной проблемы для науки состоит в необходимости дальнейшего развития теоретических основ уголовного права, а для практики – в обеспечении единообразного подхода к рассмотрению таких дел, что способствует укреплению доверия к правовой системе.

Целью данного исследования является анализ особенностей ответственности за преступления с двумя формами вины, выявление существующих проблем и разработка

[1] *Коваленко Т.С.* Принцип субъективного вменения и проблемы его реализации в преступлениях с двумя формами вины: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Т.С. Коваленко // М., 2016. - С.4. – Текст: непосредственный.

рекомендаций для их решения. Задачи включают изучение теоретических основ, анализ законодательства и судебной практики, а также формулирование предложений по совершенствованию правоприменения.

Вина в уголовном праве является ключевым понятием, определяющим субъективное отношение лица к совершенному деянию и его последствиям. Это отношение проявляется в формах умысла или неосторожности, что отражает степень осознания и предвидения лицом характера и последствий своих действий. Умысел, по мнению С.В. Дубовиченко[1], представляет собой «осознание лицом характера и степени общественной опасности и уголовной противоправности своего деяния, определяющее положительно-волевое и эмоциональное отношение к нему». В этом контексте вина становится необходимым условием для привлечения лица к уголовной ответственности, так как она устанавливает связь между деянием и внутренним состоянием виновного.

Смешанная форма вины выделяется в отдельную категорию, так как сочетает элементы умысла и неосторожности. Например, лицо может умышленно совершить действие, предвидя его последствия, но проявить неосторожность в отношении других связанных с ним последствий. Это усложняет определение степени ответственности и требует более детального анализа в каждом конкретном случае. Так, одним из значимых оснований их деления является наличие (отсутствие) в конструкции состава преступления конъюнктивных признаков.

В российском уголовном праве смешанная форма вины закреплена в статье 27 УК РФ, что позволяет учитывать специфику преступлений, когда одно действие приводит к различным последствиям, обусловленным различными формами вины. Такой подход способствует более справедливому определению ответственности и наказания. Важно отметить, что «в настоящее время созданы все условия для исследования обобщающей характеристики преступлений, связанных с нарушением специальных правил, и анализу особенностей элементов состава таких преступлений»[2].

Классификация форм вины имеет важное практическое значение, поскольку она определяет подходы к квалификации преступлений и назначению наказания. Разделение вины на умысел и неосторожность позволяет учитывать степень осознания виновным своих действий и их последствий, что напрямую влияет на справедливость судебного решения. Форма вины всегда учитывается судом при индивидуализации уголовной ответственности и определении условий его отбывания. Это, в свою очередь, способствует разработке превентивных мер и повышению эффективности уголовного законодательства.

Вопросы ответственности за преступления, совершенные с двумя формами вины, регулируются в российском уголовном праве статьей 27 УК РФ. Эта норма устанавливает возможность сочетания умысла в отношении одного последствия и неосторожности в отношении другого в рамках одного преступления. Данное положение подчеркивает сложность и многоаспектность таких дел, что требует особого подхода к их квалификации и определению степени ответственности виновного лица. С.А. Маркарян отмечает, что «дифференциация уголовной ответственности – это осуществляемое с целью обеспечения справедливости уголовного закона установление законодателем различных объемов ограничений правового статуса для лиц, совершивших преступления, в зависимости от

[1] *Дубовиченко С.В.* Интеллектуальные моменты умышленной формы вины: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / С.В. Дубовиченко. - URL: https://rmebrk.kz/journals/4585/32715.pdf#page=92 (дата обращения: 11.11.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Мухортова М.В.* Преступления, связанные с нарушением специальных правил: природа и особенности элементов состава: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / М.В. Мухортова // Москва, 2016. - С.2. – Текст: непосредственный.

характера и типовой степени общественной опасности»[1]. Следовательно, норма статьи 27 УК РФ является важным инструментом для достижения справедливости в уголовном праве, учитывая разнообразные аспекты преступлений и их общественную опасность.

Практика применения норм, регулирующих преступления с двумя формами вины, показывает, что ключевым аспектом является точное определение формы вины в каждом конкретном случае. Умысел и неосторожность, как основные формы вины, требуют различного подхода к их установлению и доказательству. Например, при поджоге, повлекшем гибель людей, умысел может быть направлен на уничтожение имущества, тогда как неосторожность проявляется в пренебрежении возможностью причинения вреда жизни. В большинстве же случаев преступления совершаются с одной формой вины – умыслом или неосторожностью.

Существуют четкие нормы, регулирующие ответственность за преступления с двумя формами вины, тем не менее правоприменительная практика сталкивается с рядом трудностей. Одной из основных проблем является неоднозначная квалификация действий, что может быть связано как с недостаточной подготовкой специалистов, так и со сложностью установления субъективной стороны преступления. В 2021 году было зарегистрировано более 2 миллионов преступлений, среди которых случаи, вызывающие споры по квалификации вины, составили значительную часть.

Современные подходы к вине в уголовном праве отражают длительную эволюцию правовых норм и концепций. Уголовные кодексы большинства стран четко различают умышленную и неосторожную вину, что позволяет более точно учитывать обстоятельства преступления при определении меры ответственности. Эти изменения подчеркивают значимость субъективной стороны деяния и способствуют справедливому правоприменению. Принцип виновной ответственности, как отмечает Г.В. Назаренко, «выходит за рамки уголовного права и права вообще. Он является не только правовым, но и нравственным»[2].

Таким образом, среди выявленных проблем можно выделить неоднозначность трактовки смешанной формы вины и сложности в её применении на практике. Также были обнаружены противоречия между теоретическими положениями и их интерпретацией в судебной практике, что требует дальнейшего изучения и корректировки.

Для улучшения правоприменения рекомендуется разработка более четких законодательных норм, касающихся смешанных форм вины, а также проведение дополнительных обучающих мероприятий для судей и юристов, направленных на повышение их компетенции в данной области.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на углубленное изучение международного опыта в области регулирования ответственности за преступления с двумя формами вины, а также на разработку новых подходов к их квалификации, что позволит улучшить качество правоприменительной практики.

---

[1] *Маркарян С.А.* Мотивы как основание дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности (проблемы конструирования квалифицирующих признаков): автореферат дис. … канд. юрид. наук / С.А. Маркарян // Махачкала, 2012. - С.7. – Текст: непосредственный.

[2] *Назаренко Г.В.* Вина в уголовном праве / Г.В. Назаренко // М-во внутрен. дел России, Орл. высш. шк. Орел : Орл. ВШ МВД РФ, 1996. - С.34. - Текст: непосредственный.

ЭЛЕКТРОННЫЕ НОСИТЕЛИ ИНФОРМАЦИИ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Громова Алина Олеговна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Морозов Роман Михайлович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

В современном обществе наблюдается тенденция к распространению информационных технологий во всех сферах общественной жизни. В связи с этим киберпространство стало популярной средой для совершения преступлений, поскольку в нём существуют трудности с идентификацией личности, а также разнообразие способов и средств сокрытия электронной информации и деятельности. Правоохранительные и судебные органы вынуждены восстанавливать картину происшедшего события по электронным следам.

Глава 10 Уголовно-процессуального кодекса раскрывает понимание и систему доказательств в уголовном деле. Электронным носителям информации в данной главе посвящена лишь ст. 84[1] об иных документах в качестве доказательств. Тем не менее цифровые устройства (мобильные телефоны, планшеты, смартфоны, флеш-накопители, жесткие диски и т.п.) несут важную для органов предварительного расследования и суда информацию, а действующее законодательство не в полной мере адаптировано к таким источникам доказательств.

Вопрос законодательного закрепления электронного доказательства представляет интерес для многих ученых-правоведов поскольку уголовно-процессуальный закон не содержит четкого понятия ни электронной информации, ни электронных носителей информации. В частности, в перечне доказательств, указанном в части 2 статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса, электронные доказательства не упоминаются.

Анализируя взгляды ученых можно выделить как сторонников, так и противников придания самостоятельного статуса электронным доказательствам.

Так, В.Г. Голубцов отмечает, что электронно-цифровые технологии не обладают признаками и сущностными особенностями, влекущими необходимость изменять основные институты процессуального законодательства[2]. Л.А. Головко подчеркивает отсутствие новизны, так как уголовно-процессуальная категория доказательства гораздо шире и может включать в себя все электронные данные[3].

Среди сторонников, например, выступает М.И. Воронин, который отмечает необходимость введения понятий «электронное доказательство», «электронный документ», «электронный носитель информации» в уголовно-процессуальное законодательство[4]. При этом он предлагает заимствовать понятие «электронный

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Парламентская газета, № 241-242, 22.12.2001.

[2] *Голубцов В.Г.* Теория доказательств и цифровизация в гражданском судопроизводстве / В.Г. Голубцов // Пермский юридический альманах. – 2019. – С. 379. – Текст: непосредственный.

[3] *См. Головко Л.В.* Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? / Л.В. Головко // Вестник экономической безопасности. – 2019. - № 1. – С. 15-25. – Текст: непосредственный.

[4] *Воронин М.И.* Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? / М.И. Воронин // Lex russica. – 2019. - № 7 (152). – С. 79. – Текст: непосредственный.

документ» из Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[1], который определяет электронный документ как документированную информацию, представленную в электронной форме (п. 11.1 ст. 2).

Как отмечает В.С. Мичурин термин «электронные доказательства» больше принят для употребления в обиходной жизни[2]. Поэтому такие доказательства отождествляются либо с вещественными доказательствами (электронными вещественными доказательствами), либо с иными документами (электронными документами).

В большинстве случаев электронная информация приобщается к материалам уголовного дела в виде электронного носителя информации как вещественное доказательство. Но это условно, в действительности же электронная информация не обладает характеристиками, которые делают ее вещественным доказательством. П.С. Пастухов говорит, что электронная информация действительно существует на материальном носителе, поскольку без него она не может выполнять функцию доказательства. Однако внешний вид этого носителя не отражает содержащуюся на нем информацию: доказательственная ценность принадлежит самой информации[3].

Так, отсутствие выработки легального определения терминов «электронный носитель информации» и «носитель цифровой информации» «породило ряд критических отзывов, связанных преимущественно с тем, какие сложности ожидают сотрудников оперативно-розыскных и следственных подразделений при идентификации объектов, которые могут относиться к таким носителям»[4]. При этом, в подзаконном нормативном акте, Межгосударственном стандарте ГОСТ 2.051-2013, под электронным носителем информации понимается материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой при помощи средств вычислительной техники. Но данное определение совершенно не адаптировано для доказывания в уголовном процессе.

В настоящее время доказывание по уголовным делам, содержащим электронную информацию, еще находится на этапе своего осмысления и научного обоснования. На наш взгляд, информация, содержащаяся в вещественных доказательств и иных документах, зафиксированная в цифровом формате, требует специальной с ней работы для ее сохранения в первоначальном виде, это позволит соблюсти требования допустимости доказательств. Законодательного необходимо закрепить в УПК РФ процедуры собирания, проверки и оценки сведений, полученных с носителей электронной информации, их легализации, а также четких требований к юридической силе таких доказательств.

---

[1] Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Российская газета, № 165, 29.07.2006.

[2] *Мичурин В.С.* Электронная информация и особенности ее собирания в уголовном судопроизводстве / В.С. Мичурин // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. - 2025. - № 1 (21) - С. 35. – Текст: непосредственный.

[3] *См. Пастухов П.С.* Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. — Москва, 2015. — 64 с. - Текст: непосредственный.

[4] *См. Григорьев В.Н.* Об электронных носителях информации в УИС России / В.Н. Григорьев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2019. - № 3. - С. 25 – 27. – Текст: непосредственный.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Громова Алина Олеговна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Морозов Роман Михайлович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Современные цифровые технологии стремительно развиваются и внедряются во все сферы жизни общества. Такое неминуемое внедрение новых технологий касается, в том числе и уголовного судопроизводства, что требует своевременно реагировать на данные процессы и на возникающую необходимость их правового регулирования. Трудно представить жизнь в современном мире без записывающих и запоминающих устройств. Невольно такие устройства оставляют следы преступления, вследствие чего такая информация становится ценной и для уголовного судопроизводства.

Процессуальный статус электронных носителей информации однозначно определен законодателем в ч. 1 ст. 81.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее - УПК РФ), изъятые в порядке ч. 4.1 ст. 164 и ст. 164.1 УПК РФ электронные носители информации признаются вещественными доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела.

Однако существующий в законе термин «электронные носители информации» не раскрывает признаков, по которым его можно выделить среди других электронных устройств. Как отмечает Воробей С.Н. проблема в законодательном закреплении термина видится в том, что с юридической и технической точки зрения он имеет разную трактовку. Объясняется это множеством технических устройств, которые могут служить для передачи, копирования и хранения информации[1].

Часть исследователей полагают, что электронный носитель - это устройство, предназначенное для многократного использования для записи, хранения и обработки информации[2].

Другие же считают, что это сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, выполненные в форме цифровой, звуковой и видеозаписи[3].

В соответствии с п. 3.1.9 ГОСТ 2.051-2013 электронный носитель - материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой при помощи средств вычислительной техники. Как полагает Воробей С.Н., можно сделать вывод о том, что к понятию электронного носителя информации возможно отнести любое микропроцессорное устройство, что создает еще большую неточность в понимании сущности электронного носителя информации.

Наиболее целесообразно в данном случае к объектам, которые подпадают под определение ГОСТа, относить носители информации, которые не являются частью

---

[1] *Воробей С.Н.* Проблемы правовой регламентации процессуального порядка изъятия электронных носителей и копирования содержащейся на них информации / С.Н. Воробей // Закон и право. - 2020. - № 1. - С. 113. – Текст: непосредственный.

[2] *Гаврилин Ю.В.* Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве / Ю.В. Гаврилин // Тр. Академии управления МВД России. - 2017. - № 4. - С. 46. – Текст: непосредственный.

[3] *Зуев С.В*. Осмотр и изъятие электронных носителей информации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий / С.В. Зуев // Законность. - 2018. - № 4. - С. 59. – Текст: непосредственный.

другого устройства и предусмотрены для хранения информации (карты флеш-памяти, CD, DVD и т.д.).

Процессуальная форма изъятия электронных носителей и копирования с них информации при производстве следственных действий закреплена в ст. 164.1 УПК РФ. Появление указанной нормы заключается в недопущении необоснованного применения мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Тем не менее, в работах представителей научного сообщества встречается мнение о том, что указанная норма нарушает конституционный принцип равенства, введя дифференциацию уголовно-процессуальной формы по делам в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Шигуров А.В. и Подольный Н.А. отмечают, что проблема необоснованного изъятия электронных носителей информации характерна не только по уголовным делам в отношении предпринимателей или по делам о преступлениях в сфере экономики, приводя в пример изъятие электронных носителей информации при расследовании всех компьютерных преступлений, нарушении авторских прав, преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники[1].

Лишь в некоторых предусмотренных ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ случаях информация может быть изъята при условии ее копирования в ходе следственного действия, что не создаст владельцу или обладателю информации препятствий к дальнейшему осуществлению профессиональной деятельности.

Однако, несмотря на то, что специальный правовой режим изъятия электронных носителей доказательственной информации создан, всесторонний анализ рассматриваемой нормы вынуждает констатировать ее несовершенство.

Для получения необходимой следствию информации определены специальные основания, которые предусмотрены ч.1 ст.164.1 УПК РФ.

1. Наличие вынесенного следователем либо дознавателем постановления о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации.

Данное основание труднореализуемо на практике, поскольку одним из требований соблюдения процессуальной формы производства судебной экспертизы является ознакомление с постановлением о ее назначении заинтересованных участников уголовного судопроизводства, разъяснением им прав, предусмотренных ч. 1 ст. 198 УПК РФ. Однако такое постановление может быть вынесено в отношении конкретного объекта, которое уже имеется в распоряжении следователя, следовательно, отсутствие материального носителя электронной информации делает невозможным как вынесение названного постановления, так и ознакомление с ним участников процесса. Яковлева С.А. И Шарова Д.В. верно отмечают, что законодатель попросту нарушил логическую и взаимосвязанную друг с другом последовательность действий[2], ведь без материалов, в частности электронного носителя информации, невозможно назначение судебной экспертизы.

В данном случае согласимся с мнением Бортиковой К.М., что данное основание следует убрать из статьи 164.1 УПК РФ как неработающее положение об изъятии электронного носителя информации при наличии постановления о назначении экспертизы[3].

---

[1] *Шигуров А.В.* Проблемы правового регулирования изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий / А.В. Шигуров, Н.А. Подольный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2020. - №1 (49). - С. 170 - 171. – Текст: непосредственный.

[2] *Яковлева С.А.* Проблемы уголовно-процессуального регулирования изъятия электронных носителей информации / С.А. Яковлева, Д.В. Шарова // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». - 2020. - №3 (23). - С. 298. – Текст: непосредственный.

[3] *Бортникова К.М.* Правовые проблемы изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации / К.Н. Бортникова // Наука молодых: вызовы и перспективы: Сборник материалов

2. Наличие судебного решения.

Данное правило противоречит ч. 2 ст. 29 УПК РФ, закрепляющей полномочия суда по осуществлению судебного контроля за производством следственных и иных процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы участников уголовного процесса и иных лиц.

Как верно указывает Машинская Н.В, упомянутая норма содержит исчерпывающий перечень процессуальных действий, подлежащих судебному контролю в стадии предварительного расследования, логичнее было бы считать, что основанием изъятия электронной информации является наличие судебного решения для производства следственных действий, направленных на изъятие предметов и документов (обыска в жилище, личного обыска, выемки в жилище либо выемки информации, содержащей охраняемую федеральным законом тайну)[1].

3. Наличие трех альтернативных оснований: 1) владелец электронного носителя информации не обладает полномочиями на хранение и использование информации; 2) на электронных носителях содержится информация, которая может быть использована для совершения новых преступлений; 3) по заявлению специалиста копирование информации может повлечь за собой ее утрату или изменение.

Данные случаи могут применяться после предварительного изучения и анализа информации, содержащейся на электронном носителе. В определенных случаях требуется именно тщательное изучение, которое может занять довольно продолжительный период времени. Законодатель не учел, что лицо, осуществляющее расследование, чаще всего лишь предполагает, что информация, содержащаяся на электронном носителе, в будущем будет преобразована в уголовно-процессуальное доказательство. По мнению Надоненко О.Н., «недостаточно предполагать возможность совершения новых преступлений. У следователя должны быть фактические основания для таких умозаключений. Однако на сегодняшний день мы не имеем никаких разъяснений о том, какие сведения могут являться достаточными для принятия такого решения. Более того мы полагаем, что если такие разъяснения не будут сделаны, то следственная практика столкнется с прецедентами использования данной нормы формально, в виде переписывая положения ч.2 ст. 164.1 УПК без какой-либо аргументации»[2].

Также дискуссионный характер среди ученых-процессуалистов носит вопрос об обязательном участии специалиста при производстве изъятия электронных носителей информации.

Привлечение специалиста для участия в следственных и иных процессуальных действиях по уголовным делам, как правило, сопряжено с подготовительными действиями со стороны следователя: поиском необходимого сведущего лица, установлением его компетенции в соответствующей сфере или отрасли, разъяснением ему целей и задач проводимого процессуального действия, соответствующих прав и обязанностей непосредственно перед началом его проведения. Вследствие чего возникает вопрос и целесообразности привлечения специалиста для участия в производстве следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации.

Так, научное сообщество разделилось на две группы, одна из которых подтверждает, что присутствие специалиста при копировании информации с электронного носителя необходимо. Приверженцы второй концепции утверждают, что при изъятии носителя электронной информации присутствие специалиста необязательно.

Всероссийской с международным участием научно-практической конференции в рамках мероприятий «Дни науки - 2021 год», Великий Новгород, 12–16 апреля 2021 года. – С. 84-85. – Текст: непосредственный.

[1] *Машинская Н.В*. Проблемы законодательного регулирования изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий / Н. В. Машинская // Общество и право. – 2022. – № 1 (79). – С. 51. - Текст: непосредственный.

[2] *Надоненко О.Н.* Копирование электронных носителей информации при проведении следственных действий: проблемы реализации / О.Н. Надоненко // Юридический факт. - 2019. - № 56. - С. 43. – Текст: непосредственный.

Как отмечают Коновалова А.Б. и Глухих А.В., следователь (дознаватель) в определенной мере, в силу наличия специального образования и опыта, владеет навыками обращения с электронными носителями информации. В частности, при выполнении своих служебных обязанностей он успешно справляется с работой на компьютере, ноутбуке, планшете, телефоне, осуществляет копирование и перенос информации с носителя на носитель в целях решения служебных задач[1]. Осипенко А.Н. и Гайдин А.И. полагают, что участие специалиста в изъятии обнаруженных на месте обыска внешних накопителей на жестких магнитных дисках, компакт-дисков, карт флеш-памяти излишне. Такие объекты, по мнению ученых, без какого-либо ущерба проведению следствия и интересам их владельца могут быть самостоятельно упакованы следователем и впоследствии направлены на экспертизу[2]. По представлению Старичкова М.В. и Антонова В.А., нет необходимости привлекать специалиста для изъятия сотового телефона, цифрового фотоаппарата, mp3-плеера[3]. Федотова И.С. и Смагина П.Г. считают, если следователя интересует информация, зафиксированная на электронных носителях, то участие специалиста необходимо (например, сервер, на котором зафиксирована информация); если изъятию подлежит электронный носитель как материальный объект, то участие специалиста не обязательно (например, мобильный телефон как предмет кражи)[4].

По мнению же Белкина А.Р., законодатель справедливо принял во внимание то обстоятельство, что изъятие электронного носителя информации в ходе обыска и выемки может представлять собой задачу, требующую профессиональных навыков в области информатики[5].

По нашему мнению привлечение специалиста обязательно в случаях осмотра и изъятия технически-сложных устройств, копирования информации с электронного носителя, а также для изъятия электронных носителей информации, которые требуют предварительного извлечения из технически сложного устройства, частью которого они являются. В случае если электронный носитель информации изымается целиком, участия специалиста не требуется. Таким образом, в ст. 168 УПК РФ, закрепляющей право следователя привлекать специалиста к производству следственных действий, следует ограничить усмотрение следователя по применению конкретных случаев обязательного участия специалиста, закрепив их в указанной статье.

Резюмируя вышеизложенное, отметим следующее.

1. Проблемы определения и статуса электронных носителей информации. Термин «электронные носители информации» в УПК РФ (ч. 1 ст. 81.1) не раскрывает четких признаков, что приводит к неоднозначным трактовкам (от устройств для хранения данных до сведений в цифровой форме). Это усугубляется расхождениями между юридической и технической интерпретациями, а также широким толкованием по ГОСТ 2.051-2013, которое может включать любые микропроцессорные устройства. В результате возникают неточности в идентификации объектов изъятия, что может нарушать права

---

[1] *Коновалова А.Б.* Изъятие электронных носителей информации и копирование с них информации: к вопросу о новеллах правового регулирования / А.Б. Коновалова, А.В. Глухих // Общество. Наука. Инновации (НПК-2019): Сборник статей XIX Всероссийской научно-практической конференции: в 4-х томах, Киров, 01–26 апреля 2019 года. Вятский государственный университет. Том 3. – Киров: Вятский государственный университет, 2019. – С. 423. – Текст: непосредственный.

[2] *Осипенко А.Н.* Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации / А.Н. Осипенко, А.И. Гайдин // Вестник Воронежского института МВД России. - 2014. - № 1. - С. 12. – Текст: непосредственный.

[3] *Старичков М.В*. Электронные носители как источники криминалистически значимой информации / М.В. Старичков, В.А. Антонов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Вып. 3 – 4. М.: ФГКОУ ВПО «ВСИ МВД России», 2013. - С. 126. – Текст: непосредственный.

[4] *Федотов И.С.* Электронные носители информации: «вещественные доказательства» или «иные документы»? / И.С. Федотов, П.Г. Смагин // Вестник Воронежского государственного университета. - № 3 (18). - 2014. - С. 195. – Текст: непосредственный.

[5] *Белкин А.Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. В 2 ч. Часть 1: учеб. пособие для вузов / А.Р. Белкин // 2-е изд., испр и доп. – М.: Юрайт, 2018. – С. 54-57. – Текст: непосредственный.

владельцев и усложнять доказательственную базу. Полагаем, что необходимо законодательно уточнить понятие, ограничив его носителями, не интегрированными в другие устройства (например, флеш-карты, CD/DVD), и исключить избыточные трактовки. Рекомендуется внести поправки в ст. 81.1 УПК РФ для гармонизации с техническими стандартами, что обеспечит единообразие толкования.

2. Совершенствование практики. В правоприменении следует разработать методические рекомендации для следователей по классификации носителей, с опорой на экспертные заключения на ранних этапах расследования, чтобы избежать произвольных изъятий.

3. Недостатки процессуальной формы изъятия и копирования (ст. 164.1 УПК РФ). Норма направлена на защиту бизнеса от необоснованных изъятий, но вводит дифференциацию, нарушающую принцип равенства (ст. 19 Конституции РФ), и не охватывает все категории дел (например, компьютерные преступления). Основания для изъятия (постановление о экспертизе, судебное решение, альтернативные условия) часто нереализуемы: первое противоречит последовательности действий (нельзя назначить экспертизу без объекта), второе - полномочиям суда (ч. 2 ст. 29 УПК РФ), третьи требуют предварительного анализа данных, что может занять время и привести к формальному применению. Логично исключить из ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ неработающее основание о постановлении экспертизы, как предлагает автор. Уточнить судебное решение как обязательное для действий, ограничивающих права (обыск, выемка с тайной). Для альтернативных оснований ввести четкие критерии (фактические основания для подозрений в новых преступлениях или риске утраты данных), с разъяснениями в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, чтобы избежать формализма.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТЫ

Дербин Юрий Владимирович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Валеев Артем Тахирович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Принцип состязательности, закрепленный в ст. 123 Конституции РФ и ст. 15 УПК РФ, остается одной из наиболее дискуссионных категорий уголовного процесса. Несмотря на его нормативное признание, историческая инерция розыскного процесса и отсутствие механизмов реального равенства сторон порождают системные проблемы в доказывании. Исторический анализ позволяет выявить устойчивые паттерны, объясняющие современные трудности реализации этого принципа в российской правовой системе. Кроме того, необходимо уделить внимание и международному опыту в реализации принципа состязательности, попытаться найти в нем ориентиры для дальнейшего совершенствования отечественного правосудия.

В допетровской Руси уголовный процесс развивался от традиционных народных форм правосудия к более упорядоченной государственной системе, сохраняя при этом элементы состязательности, уходящие корнями в древнерусское право[1].

На ранних этапах, особенно в период действия Русской Правды (XI-XIII вв.), процесс носил ярко выраженный обвинительный характер, где инициатива в возбуждении дела и сборе доказательств полностью принадлежала частным лицам - потерпевшему или его родственникам[2]. Как отмечал М.Ф. Владимирский-Буданов, «суд в древнейший период лишь создавал условия для разрешения спора между сторонами, не проявляя собственной инициативы в доказывании»[3]. Эта система, сложившаяся под влиянием обычного права, предусматривала такие специфические формы доказывания, как судебные поединки («поле»), испытания железом и водой («ордалии»), а также присяги («роты»), которые должны были выявить «Божью правду» в спорных случаях.

С укреплением государственности и принятием новых судебных актов - Псковской и Новгородской судных грамот (XIV-XV вв.), а затем Судебников 1497 и 1550 годов - процесс постепенно приобретал более формализованный характер[4]. Однако, как подчеркивает С.В. Юшков, «даже в XVI веке сохранялись значительные элементы состязательности, особенно в делах частного обвинения»[5]. Стороны по-прежнему обладали относительным равенством в процессе: могли представлять свидетелей («послухов»), требовать очных ставок, использовать письменные доказательства.

При этом уже в Судебнике Ивана III прослеживается тенденция к усилению роли государства - вводятся нормы о преследовании «лихих людей» независимо от жалобы потерпевшего, что знаменует появление зачатков розыскного процесса.

---

[1] Российское законодательство X-XX веков // Т. 1. М., - 1984. - С. 25 - 42. – Текст: непосредственный.
[2] Памятники русского права. Вып. 1 // М., 1952. - С. 78 - 83. - Текст: непосредственный.
[3] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов // Киев, 1907. - С. 456. – Текст: непосредственный.
[4] Российское законодательство X-XX веков // Т. 2. М., - 1985. - С. 56-72. - Текст: непосредственный.
[5] *См. Юшков С.В.* Русская Правда: происхождение, источники, её значение / С.В. Юшков // М., 1950. - С. 134 - 137. – Текст: непосредственный.

Реформы Петра I в области уголовного судопроизводства стали логическим завершением той трансформации, которая началась ещё в Московском государстве – постепенного вытеснения состязательных начал розыскным процессом[1]. К концу XVII века в России сохранялись лишь отдельные элементы старой системы, когда уголовное преследование инициировалось частным лицом, а стороны могли представлять доказательства.

Первым шагом к изменению системы стал указ 1697 года «О отмене в судных делах очных ставок», который формально отменял устаревшие процедуры вроде судебных поединков, но на деле открывал дорогу для полного перехода к розыскному процессу. Этот переход окончательно оформился с принятием в 1715 году двух ключевых документов – «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» и Артикула воинского.

Особенностью новых порядков стало практически полное устранение частного начала из уголовного процесса[2]. Если раньше потерпевший мог влиять на ход дела, то теперь даже его отказ от обвинения не останавливал разбирательство – государство брало на себя роль единственного обвинителя. Эта перемена отражала общую тенденцию усиления роли государства во всех сферах жизни.

Сердцем нового процесса стала пытка, превратившаяся из исключительной меры в обычный способ получения доказательств[3]. «Краткое изображение процессов» детально регламентировало её применение – например, запрещались более трёх пыточных сеансов, но на практике эти ограничения часто нарушались[4].

В результате петровских преобразований российское уголовное судопроизводство приобрело те черты, которые сохранялись вплоть до судебной реформы 1864 года: централизованность, письменный характер, тайность и преимущественно розыскной характер. Это соответствовало общей политике абсолютизма, но создавало почву для злоупотреблений и формального подхода к правосудию.

Судебная реформа 1864 года стала поворотным моментом в истории российского уголовного процесса, ознаменовав собой возвращение к состязательным началам после почти двухвекового господства розыскной системы.

Центральное место в реформе заняло восстановление состязательного начала. В отличие от петровской эпохи, когда судья был и следователем, и обвинителем, и защитником, новая система четко разделяла эти функции. Обвинение теперь представляли прокуроры, защиту - присяжные поверенные (адвокаты), а суд превратился в независимого арбитра[5]. Это коренным образом изменило подход к доказательствам: если раньше они собирались исключительно следственными органами, то теперь стороны получили равные права на представление и исследование доказательств.

Реформа значительно изменила правила доказывания. Были отменены формальные критерии оценки доказательств, запрещены пытки, введен принцип свободной оценки доказательств[6]. Свидетельские показания перестали иметь заранее установленную силу, а признание обвиняемого более не считалось «царицей доказательств». Важным нововведением стала гласность судопроизводства, позволявшая обществу контролировать правосудие.

Советский период ознаменовал радикальный разрыв с принципами состязательности, утвердившимися после реформы 1864 года. Уже в первых декретах советской власти – Декрете о суде №1 от 24 ноября 1917 года и последующих актах –

---

[1] *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII-XIX вв.) / В.Н. Латкин // СПб., 1909. - С. 215. – Текст: непосредственный.

[2] *Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I / Д.О. Серов // М., 2009. - С. 64. – Текст: непосредственный.

[3] *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права / М.А. Чельцов-Бебутов // СПб., 1995. - С. 178. – Текст: непосредственный.

[4] Российское законодательство X-XX веков. Т. 4 // М., 1991. - С. 325. - Текст: непосредственный.

[5] Российское законодательство X-XX веков. Т. 8 // М., 1991. - С. 215. - Текст: непосредственный.

[6] Судебные уставы 20 ноября 1864 года // СПб., 1867. Ст. 612.

была провозглашена ликвидация дореволюционной судебной системы как «буржуазной»[1]. Вместо независимого суда и равноправия сторон вводилась классовая концепция правосудия, где главной задачей становилась «революционная целесообразность».

Формально Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года сохранял некоторые элементы состязательности. Однако уже к концу 1920-х годов уголовный процесс приобрел ярко выраженный розыскной характер. Особенно это проявилось в печально известных «троек» НКВД, где полностью отсутствовали элементарные процессуальные гарантии. Как отмечал А.Я. Вышинский, в условиях классовой борьбы «формальная законность должна уступить место революционной сознательности».

Парадоксально, но даже в сталинский период советская юридическая доктрина продолжала декларировать принцип состязательности[2]. Однако на практике, как показывает исследование О.П. Темушкина, «состязательность превратилась в фикцию, поскольку суд рассматривался как орган государственного обвинения».

После смерти Сталина началась определенная либерализация уголовного процесса. УПК РСФСР 1960 года формально закрепил принцип состязательности (ст. 245). Однако, как отмечает М.С. Строгович, «равенство сторон оставалось декларативным при доминирующей роли прокурора»[3].

В позднесоветский период (1970-80-е годы) наметились определенные тенденции к усилению гарантий прав обвиняемого. Однако, как показывает исследование Ю.И. Стецовского, «реальная состязательность оставалась недостижимой в условиях однопартийной системы». Лишь в период перестройки, с принятием поправок к УПК в 1989 году, началось движение к подлинной состязательности, которое получило развитие уже в постсоветский период.

Современная французская система уголовного процесса представляет собой уникальный синтез состязательных и следственных элементов, сложившийся в результате многовековой эволюции. Особенно ярко это проявляется на стадии предварительного расследования, где доминирует фигура судебного следователя, наделенного широкими полномочиями по сбору доказательств. Однако после передачи дела в суд процесс приобретает ярко выраженный состязательный характер, с равными возможностями сторон в представлении и исследовании доказательств.

В англосаксонской системе (на примере США) состязательность возведена в абсолютный принцип. Профессор Гарвардской школы права Алан Дершовиц подчеркивает, что «американский процесс - это поединок равных сторон, где суд выступает лишь беспристрастным арбитром». Характерно, что даже доказательства, добытые полицией, должны быть представлены сторонами в суде[4]. Особую роль играет институт перекрестного допроса, позволяющий сторонам активно участвовать в проверке доказательств.

Германская модель представляет собой компромисс между состязательностью и поиском материальной истины. Согласно §244 УПК Германии, суд обязан исследовать все существенные доказательства[5]. Профессор Клаус Роксим отмечает, что «в отличие от американской системы, немецкий суд не ограничен доказательствами, представленными сторонами». Однако активная роль суда сочетается с равными процессуальными правами

---

[1] Декрет о суде №1 от 24 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. №4. Ст.50.

[2] *Строгович М.С.* Уголовный процесс / под ред. М.С. Строговича // М., 1946. - С.45. – Текст: непосредственный.

[3] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович // Т.1. М., 1968. - С.156. – Текст: непосредственный.

[4] Федеральные правила доказывания США. Правило 611. – URL: https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_611 (дата обращения: 02.11.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Германии (§ 244). - URL: https://d-nb.info/1219660698/34 (дата обращения: 02.11.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

сторон, особенно в вопросах заявления ходатайств о дополнении доказательственной базы.

В Китае формальное закрепление состязательных начал в УПК 2012 года (ст. 2) сочетается с сохранением доминирующей роли прокуратуры. Как отмечает профессор Пекинского университета Чэнь Гуанчжун, «китайский процесс движется в сторону состязательности, но сохраняет социалистические особенности». Особенно показательно, что адвокаты часто сталкиваются с ограничениями при сборе доказательств.

Таким образом, перспективы развития принципа состязательности в России видятся в поиске сбалансированной модели, которая бы учитывала как международные стандарты, так и национальные правовые традиции. Речь не должна идти о простом копировании зарубежных образцов - необходим творческий синтез, который бы органично сочетал лучшие элементы разных систем. Именно такой подход должен стать ориентиром для дальнейшего совершенствования российского уголовного процесса.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Дружинин Сергей Владимирович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Колпакова Людмила Алексеевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

В настоящее время проблема обеспечения безопасности информационного пространства от многочисленных угроз, в числе которых, информационный терроризм, является одной из приоритетных, в условиях высокотехнологичного современного общества, а также глобальных процессов информатизации и цифровизации. Современный терроризм характеризуется масштабностью совершаемых террористических акций, сложным уровнем организации, финансирования, а также быстро возросшими технической и технологической базами, что объясняет появление его новых видов[1]. Одним из новых видов является информационный терроризм.

Информационный терроризм – это один из видов терроризма, который оказывает прямое воздействие на сознание и психику людей в целях формирования нужных мнений и действий, для достижения своих целей не качеством манипулятивного воздействия, а его масштабами[2]. Его сущность заключается в оказании негативного воздействия на личность, общество, государство, посредством распространения ложной информации, провокаций, атак на киберпространство и других действий для того, чтобы заставить людей испытывать страх, панику, ненависть или иные негативные эмоции, разрушить общественный порядок и вызвать хаос, что обуславливает актуальность рассмотрения данного явления. Поэтому необходимо уделять особое внимание данной проблеме как на уровне законодательства, так и на уровне доктрины.

Особую роль в информационном терроризме занимает такой признак, как «воздействие». Любой человек, который подвергается агрессии или опасности, отвечает психологической реакцией, называемой стрессом, являющейся следствием воздействия. Под воздействием понимается «оказание влияния, стремление добиться необходимого результата». Терроризм выступает психологической проблемой, так как вовлечение в террористическую деятельность происходит с помощью манипулирования хронически неудовлетворенными потребностями людей[3]. Ключевым средством (инструментом) информационного воздействия выступает информация, так как играет основополагающую роль в человеческой жизнедеятельности и способствует оказанию влияния на восприятие, мнение и поведение людей.

---

[1] *Голубев В.А*. Проблемы борьбы с кибертерроризмом в современных условиях / В.А. Голубев // Центр исследования проблем компьютерной преступности. - URL: http://www.crime-research.org/library/e-terrorism.htm (дата обращения: 19.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Григорьев Н.Ю*. Информационный терроризм / Н.Ю. Григорьев, Э.Б. Родюков // Вестник ГУУ. - 2015. - № 5. – С. 175. – Текст: непосредственный.

[3] *Сперанская А.В*. Экстремизм и терроризм как социально-психологическое явление / А.В. Сперанская, М.С. Коданева, Л.А. Колпакова // Противодействие идеологии экстремизма и терроризма среди курсантов образовательных организаций ФСИН России: Практическое руководство. – Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 6. – Текст: непосредственный.

Характерной чертой информационного воздействия является то, что вне зависимости от фактов и объективной реальности в восприятии аудитории истинным является именно тот образ, который был сформирован посредством субъектов информационного влияния. Другими словами, не имея возможности составить собственное осознанное представление по каждому из аспектов окружающего мира, мы принимаем на веру те данные, преподносимые источниками, которым мы доверяем в достаточной степени. При этом, как правило, отсутствует физическая возможность проверить истинность и подлинность данной информации[1].

В теории уголовного права (в зависимости от средств и объектов воздействия) выделяют следующие виды информационного терроризма:

- информационно-психологический терроризм – это вид информационного терроризма, при котором осуществляется манипулирование СМИ для распространения дезинформации, дестабилизации общества, подрыва доверия к властям и создания общественной напряженности среди населения. Психологический критерий всегда сопровождает явление терроризма. Это выражается в первую очередь в определении устрашения как сущностного признака терроризма. Основными целями информационно-психологического терроризма могут быть: изменение политического курса государства, дискредитация определенных групп или организаций, а также создание условий для проведения террористических атак.

В настоящее время информационно-психологическое воздействие террористической направленности осуществляется двумя способами:

1) опосредованно (усиление СМИ общественного страха гипертрофированными сообщениями, чрезмерным привлечением внимания к террористическим актам и характеристикам личности террористов);

2) непосредственно (создание террористическими группами (организациями или сообществами) своих каналов связи (веб-сайтов, СМИ, радио- и телевизионных частот) для распространения пропаганды, дезинформации, а равно вовлечения, склонения, вербовки и призывов к осуществлению террористической деятельности, оправдания терроризма и т.д.).

- информационно-технологический терроризм – это вид информационного терроризма, при котором используются информационно-коммуникационные технологии в целях нанесения ущерба отдельным физическим элементам информационной структуры государства: создание помех, использование специальных вирусных программ, вызывающих разрушение систем управления, нарушение линий связи, искусственная перегрузка узлов коммутации[2].

В законодательстве Российской Федерации отсутствует понятие «информационный терроризм», так как правоприменитель ещё не разработал норму, регулирующую соответствующее явление. В Федеральном законе от 06.03.2006 N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» даётся лишь само понятие терроризма, под которым следует понимать идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий[3].

Для решения данной проблемы предлагается внедрить в законодательство легальную дефиницию «информационный терроризм», посредством внесения изменения в

---

[1] *Устюжанин В.А.* Методы информационного воздействия / В.А. Устюжанин // Вестник ГУУ. - 2014. - № 21. – С. 326. – Текст: непосредственный.

[2] *Ковлагина А.А.* Информационный терроризм: понятие, уголовно-правовые и иные меры противодействия: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Ковлагина Д.А. // Сарат. гос. юрид. акад., Саратов, 2016. – С. 100 - 101. – Текст: непосредственный.

[3] Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Российская газета, № 48, 10.03.2006.

статью 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ, что исключит различия в толковании и позволит совершенствовать правовые основы противодействия данному явлению в будущем. Данную дефиницию изложить следующим образом: «информационный терроризм – это вид терроризма, представляющий противоправную деятельность, направленную на дестабилизацию общества, государственных институтов или международной безопасности путём целенаправленного распространения ложной, манипулятивной или деструктивной информации с помощью использования средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет». Также предлагается рассмотреть вариант добавления в статью 205 Уголовного кодекса РФ квалифицированного состава - совершение теракта с использованием информационных сетей, включая информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, так как последствия информационного терроризма по степени тяжести могут быть не просто соразмерны, но и превышать последствия реального террористического акта[1]. Использование информационно-телекоммуникационных систем и технологий в процессе совершения преступления в качестве квалифицирующего признака включено во многие статьи особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, причем используются различные формулировки для обозначения схожих технологических аспектов. При этом законодатель чаще использует этот квалифицирующий признак как средство совершения преступления[2].

Отдельное значение в законодательстве Российской Федерации имеет доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. N 646)[3]. Данный документ представляет систему официальных взглядов, направленных на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере. В доктрине информационной безопасности Российской Федерации слабо отражена система подготовки специалистов в сфере защиты информационной безопасности, особенно на стыке информационных технологий и идеологии, так как устаревшие методы обеспечения информационной безопасности потеряли актуальность, в связи высокими темпами технологического развития, что требует их значительного совершенствования.

Противодействие информационному терроризму в Российской Федерации необходимо осуществлять, посредством установления и применения уголовно-правовых мер. Уголовно-правовые меры противодействия информационному терроризму представляют законодательные и технические действия, направленные на пресечение и выявление деятельности террористических организаций и их сторонников в информационном пространстве. К данным мерам следует отнести:

- внедрение в уголовное законодательство дефиниции «информационный терроризм», посредством внесения изменения в статью 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ, раскрывающей сущность данного общественно опасного явления;

- усовершенствование института уголовной ответственности с помощью дальнейшей дифференциации составов преступлений, а также учета специфики современных видов информационного терроризма, включая использование искусственного интеллекта для создания и распространения террористического контента,

[1] *Стребкова А.А.* Информационный терроризм / А.А. Стребкова // Вопросы российской юстиции. - 2020. - № 9. - С. 1019-1020. – Текст: непосредственный.

[2] *Уторова Т.Н.* Использование информационно-телекоммуникационных сетей в преступной деятельности: проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики / Т.Н. Уторова, Я.Р. Кротов, М.М. Павлов // Lex Criminalis Scientiarum. - 2024. - Т. 1. - № 2 (2). - С. 130. – Текст: непосредственный.

[3] Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 50, 12.12.2016, ст.7074.

а также применение технологий глубокой фальсификации («Deepfake») в террористических целях;

- ужесточение наказаний, которое имеет стратегическое значение для государства и общества, так как создает мощный сдерживающий барьер для потенциальных преступников, существенно повышая цену участия в террористической деятельности в информационной сфере.

Отдельно стоит отметить иные меры противодействия информационному терроризму, под которыми понимаются средства, направленные на пресечение и выявление деятельности террористических организаций и их сторонников в информационном пространстве, посредством политических, технических и информационных методов борьбы. К соответствующим мерам следует отнести:

- работа по блокировке и удалению запрещенной информации из сети Интернет, сотрудничество с провайдерами и хостинг-провайдерами, а также поддержка и развитие алгоритмов и технологий, способных автоматически выявлять и удалять террористический контент из сети;

- внедрение мер превентивного характера, связанных с формированием у населения негативного отношения ко всем возможным проявлениям терроризма, к использованию насилия для достижения целей терроризма, ксенофобии и экстремизму;

- установление международного сотрудничества государств в сфере обеспечения информационной безопасности от возможных угроз террористического характера.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что информационный терроризм представляет высокий уровень опасности как для государства, общества, так и для личности. Данное явление влияет на различные сферы жизни, посредством распространения ложной информации, провокаций, атак на киберпространство и других действий для того, чтобы заставить людей испытывать страх, панику, ненависть или иные негативные эмоции. Соответствующие действия могут иметь серьезные последствия: нарушение стабильности, угроза национальной безопасности, повышение уровня конфликтов и напряженности в обществе. Поэтому необходимо уделять особое внимание данной проблеме для предотвращения негативных последствий, посредством внедрения комплекса мер, направленных на защиту информационного пространства Российской Федерации.

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Дружинин Сергей Владимирович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Колпакова Людмила Алексеевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Современное общество представляет сложную систему коммуникаций, где обмен информацией играет ключевую роль в формировании общественного сознания. На протяжении всей истории человечества способы передачи информации эволюционировали параллельно развитию общественной жизни, отражая технологические преобразования каждого исторического периода. В условиях цифровой эпохи информация приобрела особый статус стратегического ресурса, а вопросы ее распространения и контроля стали предметом острых общественных дискуссий.

Технологический прогресс способствовал возникновению принципиально нового канала коммуникации - глобальной сети Интернет, которая коренным образом изменила традиционные модели информационного обмена. В отличие от классических средств связи, сеть Интернет основана на принципах децентрализованного доступа к информации. Данное явление предоставляет каждому пользователю возможность не только потреблять, но и создавать информацию, используя простые и доступные инструменты публикации. При этом развитие сети Интернет осуществляется значительно быстрее, чем происходят изменения в сознании человека[1].

Революция в сфере технологий сформировала новые возможности для общественного диалога, но одновременно породила серьезные вызовы в сфере информационной безопасности и правового регулирования. Одним из соответствующих вызовов являются преступления террористической направленности, совершаемые с использованием сети Интернет.

Необходимость установления ответственности за преступления террористической направленности, совершаемые с использованием сети Интернет, обусловлена стремительной трансформацией методов террористической деятельности в условиях появления сети Интернет. Глобализация информационного пространства и технологический прогресс создали принципиально новые возможности для сторонников террористической идеологии, которые активно используют анонимность, трансграничность и высокую скорость распространения информации в своей противоправной деятельности.

Распространяя с помощью сети Интернет информацию, не всегда соответствующую действительности (это может быть и дезинформация, слухи, угрозы применения насилия или изображения актов насилия), террористические формирования стали оказывать существенное воздействие не только на возможных или действительных сторонников террористических воззрений, идеологии насилия (что используется в первую

[1] *Никуленко А.В.* Преступления, совершаемые посредством сети «Интернет»: неиспользованные возможности противодействия / А.В. Никуленко // КриминалистЪ. - 2024. - № 2 (47). - С. 91. – Текст: непосредственный.

очередь для вербовки новых членов, радикализации, подстрекательства к терроризму, подрыва веры в социальные ценности), но и на прямых или косвенных жертв террористических актов (устрашение населения путем психологического манипулирования, распространения чувств повышенного беспокойства, тревоги, страха или паники среди населения)[1]. Интернет-пространство стало использоваться как орудие воздействия на массы, а также как инструмент для достижения целей, в частности, негативного характера. В связи с возникшей проблемой у законодателя появилась необходимость закрепления института уголовной ответственности за преступления террористической направленности, совершаемые в сети Интернет.

Возникновение института уголовной ответственности за преступления террористической направленности, совершаемые с использованием сети Интернет, имеет свои корни в общемировых тенденциях, связанных с ростом терроризма и техническим прогрессом. Первые попытки правового регулирования противодействия терроризму в цифровой среде относятся к концу XX - началу XXI века, когда террористические организации начали активно использовать интернет-технологии. С начала 2000-х годов, особенно после терактов 11 сентября 2001 года в США, мировое сообщество стало более пристально следить за угрозами терроризма. На фоне данных событий проявилась новая опасность - активное использование террористическими структурами сети Интернет для оперативного управления деятельностью, вербовки сторонников и идеологической пропаганды. Именно в этот период начинается формирование первых специализированных правовых механизмов, призванных противостоять преступлениям террористической направленности, совершаемым с использованием сети Интернет.

На уровне национального законодательства страны стали осуществлять активную работу по внедрению уголовно-правовых норм за совершение преступлений террористической направленности в интернет-пространстве, включая: установление уголовной ответственности за пропаганду, финансирование терроризма, рекрутирование новых членов террористических групп, и т.д. Параллельно с законодательными мерами формируется техническая база противодействия преступлениям террористической направленности, совершаемым с использованием сети Интернет. В рамках соответствующей деятельности правительства государств начали разрабатывать специальные цифровые инструменты для мониторинга и анализа онлайн-контента, что позволяет выявлять и предотвращать террористическую деятельность на ранних стадиях. Одновременно с технологическими решениями, уделяется особое внимание работе над повышением осведомленности населения о рисках, связанных с терроризмом в сети Интернет. Это включает в себя проведение информационных кампаний, направленных на обучение граждан навыкам критического мышления и распознавания дезинформации, а также поддержку инициатив по вовлечению сообщества в борьбу с терроризмом.

Институт уголовной ответственности за преступления террористической направленности, совершаемые с использованием сети Интернет в Российской Федерации, начал формироваться в начале 2000-х годов. Внедрение данного института стало ответом законодательства на растущую угрозу терроризма и появление новых технологий, способствующих его осуществлению. Первые законодательные преобразования в данной области были направлены на криминализацию ключевых форм противоправной деятельности, а последующие правовые новеллы расширили этот перечень, дополнив его составами преступлений.

В 2006 году был принят Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который установил основные принципы, цели и задачи

[1] *Антонова Е.Ю.* Преступления террористической направленности в эпоху цифровизации: формы деятельности и меры по противодействию / Е.Ю. Антонова // Journal of Digital Technologies and Law. - 2023. - Т. 1. - № 1. - С. 254. – Текст: непосредственный.

государственной политики по противодействию терроризму в Российской Федерации[1]. В сравнении с предыдущим нормативным актом о противодействии терроризму, данный закон расширил понятие «терроризм», включив в него идеологию насилия, а также конкретизировал правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним. Для унификации принципов и правил регулирования информационных отношений, был принят Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», первый нормативный правовой акт, содержащий нормы о противодействии терроризму в сети Интернет, а также устанавливающий ответственность за размещение террористических материалов в сети Интернет. В случае нарушения норм, лица, публикующие или распространяющие такие материалы, могут быть привлечены к уголовной ответственности[2]. Важно отметить, что закон обязывает интернет-провайдеров мониторить контент, размещаемый на их платформах, и принимать меры по блокировке доступа к материалам, содержащим призывы к насилию или террористической деятельности.

Развитие законодательства в сфере криминализации террористических преступлений, связанных с использованием сети Интернет, не ограничилось лишь упомянутыми актами. В 2016 году Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» на основании Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 N 374-ФЗ претерпел изменения, направленные на ужесточение мер уголовной ответственности за деструктивные действия в сети Интернет[3]. Закон внес изменения в существующие нормы, направленные на улучшение механизмов противодействия террористическим угрозам, в том числе, связанные с организацией и осуществлением терактов через виртуальные платформы. Также претерпел изменения Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее по тексту – «УК РФ»), конкретно ч. 2 статьи 205.2 УК РФ, касающаяся ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма, была дополнена квалифицирующим признаком[4]. Согласно нововведениям, преступление может быть квалифицировано как осуществлённое с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Федеральный закон от 29.12.2017 N 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» добавил изменения в статью 205.2 УК РФ, связанные с дифференциацией таких понятий, как «публичное оправдание» и «пропаганда терроризма»[5]. До принятия данного акта, «пропаганда терроризма» являлась составной частью «публичного оправдания» терроризма, что вводило правоприменителя в заблуждение, так как не все действия в сети Интернет, совершённые в целях побуждения к совершению террористических преступлений и создающие опасность их совершения, можно было

---

[1] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3448.

[3] Федеральный закон от 06.07.2016 (ред. от 29.12.2022) № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 28. Ст. 4558.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[5] Федеральный закон от 29.12.2017 № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.01.2018. № 1 (Часть I). ст. 29.

квалифицировать как публичные призывы к террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. В частности, это затрагивало информацию, содержащую позитивную оценку и прославление террористов. Соответствующие изменения добавили дефиницию «пропаганды терроризма» в статью 205.2 УК РФ, что способствовало более чёткому разграничению составов, в результате чего, «пропаганда терроризма» была выделена в отдельное общественно опасное деяние, что позволило устранить законодательный пробел, обнаруженный при применении данной нормы.

Последние годы развития национального законодательства в сфере установления уголовной ответственности за преступления террористической направленности, совершаемые в сети Интернет характеризуются тем, что правоприменитель начал переосмысливать общественную опасность террористических деяний, совершённых в сети Интернет. Это связано с тем, что использование технологий, к которым относится сеть Интернет, позволяет виновному лицу охватить большую аудиторию по сравнению с тем количеством людей, которые могут быть подвергнуты воздействию при иных вариантах совершения преступления. Таким образом, масштабы и потенциал ущерба от террористических преступлений в сети Интернет значительно возрастают. Также важным вопросом, который стоит перед законодательством в настоящее время, является баланс между безопасностью и защитой прав личности при борьбе с интернет-терроризмом. Правоприменитель стремится найти соотношение интересов личности и государства, чтобы вводимые ограничения прав соответствовали и были обоснованы необходимостью предотвращения проявлений терроризма[1].

Проблема терроризма прямо или косвенно затрагивает все без исключения страны, что предопределяет необходимость государств в концентрации усилий на борьбе с данным явлением[2]. Терроризм имеет свою специфику в различных регионах мира, что обусловлено комплексом географических, исторических, социально-экономических и политических факторов. Данные факторы диктуют не только необходимость адаптации и унификации норм конкретного национального законодательства, но и имплементации международных стандартов по противодействию преступлениям террористической направленности.

Законодательство зарубежных стран с конца XX века подверглось значительным изменениям, направленным на противодействие современным террористическим угрозам. Особое внимание стало уделяться установлению уголовной ответственности за террористические преступления, совершаемые с применением информационно-коммуникационных технологий, в том числе сети Интернет.

При исследовании зарубежного законодательства в области установления уголовной ответственности за преступления террористической направленности, совершаемые с использованием сети Интернет, в основу анализа было положено деление государств по типам правовых систем, а именно: англосаксонской (общего права) и романо-германской (континентальной). Данный подход позволил выявить ключевые различия методов криминализации преступлений террористической направленности в сети Интернет, а также мер предупреждения соответствующих деяний.

Рассматривая конкретные национальные модели в рамках англосаксонской системы права, следует в первую очередь обратиться к опыту Соединенных Штатов Америки (США), где сформировалась одна из наиболее развитых систем противодействия терроризму в сети Интернет. Американское законодательство с начала XXI века совершило резкий сдвиг в пользу достижения безопасности, что повлияло на взаимоотношения личности, общества и государства, повысив значение последнего и

---

[1] *Рустамова Л.Р.* Права человека и противодействие терроризму / Л.Р. Рустамова // Пути к миру и безопасности. - 2019. - № 2 (57). - С. 127. – Текст: непосредственный.

[2] *Будаева С.В.* Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом / С.В. Будаева, Н.В. Дегтярева // Вестник Забайкальского государственного университета. - 2014. - № 5(108). - С. 65. – Текст: непосредственный.

создав объективные предпосылки для некоторого ограничения прав и свобод граждан в интересах не только национальной, но и личной безопасности[1]. Принятый в 2001 году «USA PATRIOT Act» (Закон об объединении и укреплении Америки путем предоставления соответствующих инструментов, необходимых для пресечения терроризма) с дальнейшими поправками, установил меры противодействия террористической деятельности в сети Интернет, конкретно: упрощенный доступ к электронной переписке и интернет-активности подозреваемых, доступ к записям интернет-провайдеров без традиционного судебного ордера, а также усиленный контроль за онлайн-платежами и криптовалютными операциями[2]. Отдельные меры ответственности за совершение преступлений террористической направленности в сети Интернет закреплены в «US Code» (Свод законов США). Так, например, § 2339A-B данного свода законов устанавливает уголовную ответственность за финансирование терроризма с использованием сети Интернет. При этом судебная практика постоянно расширяет толкование норм. Особенностью американского подхода является тесное взаимодействие правоохранительных органов с технологическими компаниями, что позволяет оперативно блокировать противоправный контент и выявлять потенциальные угрозы.

Не менее интересен опыт Великобритании, где делается особый акцент на превентивных мерах, включая обязанность интернет-провайдеров и социальных сетей активно выявлять и удалять террористический контент. В Великобритании, как и в США, прецедентное право, позволяет судам оперативно реагировать на новые формы терроризма в сети Интернет. «Terrorism Act» (Закон о борьбе с терроризмом) 2006 года ввел ряд существенных новелл, включая криминализацию не только непосредственного участия в террористической деятельности, но и пропаганды терроризма в сети Интернет. Так, например, статья 2 данного закона устанавливает уголовную ответственность за пропаганду терроризма. Дальнейшее развитие законодательной базы связано с принятием в 2023 году «Online Safety Act» (Закон о безопасности в сети Интернет), который ужесточил требования к цифровым платформам в части модерации контента. Закон предусматривает: обязательное использование автоматизированных систем для выявления террористических материалов (включая алгоритмы распознавания изображений и текстов), персональную ответственность руководителей платформ за систематические нарушения, а также создание единой базы цифровых данных[3].

Анализ законодательств зарубежных стран в рамках англосаксонской правовой системы, характерной для США, Великобритании и других стран, показывает, что применяются различные подходы, направленные на эффективное предотвращение террористических угроз в сети Интернет. В США акцент сделан на законодательные инициативы, а в Великобритании - на превентивные меры. Оба подхода демонстрируют стремление к обеспечению возможности оперативного реагирования на постоянно эволюционирующие формы террористической деятельности в цифровом пространстве посредством прецедентного права, подразумевающего более гибкое толкование законодательных норм.

В отличие от англосаксонской правовой системы, страны романо-германской системы, в частности Германия, выработали собственный подход к противодействию преступлениям террористической направленности в сети Интернет. Особенностью законодательства Германии является баланс между превентивными мерами безопасности и защитой гражданских свобод. Ответственность за данные деяния закреплена преимущественно в Уголовном кодексе Германии («Strafgesetzbuch»). Так, например, §

---

[1] *Алексеев О.Н.* Противодействие терроризму в США: опыт и проблемы / О.Н. Алексеев // Теория и практика общественного развития. - 2012. - № 7. - С. 201. – Текст: непосредственный.

[2] USA PATRIOT Act. - URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-107publ56/ pdf/PLAW-107publ56.pdf (дата обращения: 07.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Online Safety Act 2023. UK Public General Acts. - URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/50 (дата обращения: 07.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

89b Уголовного кодекса Германии криминализирует преступления террористической направленности, совершаемые с использованием сети Интернет, охватывая при этом широкий спектр онлайн-активности: от вербовки в террористические организации через социальные сети до распространения инструкций по изготовлению взрывчатых веществ и координации преступной деятельности[1]. Законодательство Германии в сфере противодействия терроризму находится в постоянном процессе совершенствования. Появление новых угроз (их видоизменение) обусловливает поиск мер их нейтрализации. Отличительной чертой германской системы минимизации террористических угроз выступает ее открытость и вовлеченность в нее научного сообщества. Каждая мера является продуманным шагом, получившим свое обсуждение в кругу ученых, правозащитников и иных политических деятелей, что создает особую атмосферу доверия гражданского общества к правоохранительным органам[2].

Законодательство Франции в рамках противодействия преступлениям террористической направленности, совершаемым с использованием сети Интернет, характеризуется комплексным и динамично развивающимся подходом, сочетающим превентивные меры, оперативное реагирование и международное сотрудничество. В целях предупреждения совершения данных деяний используются механизмы автоматизированной фильтрации и искусственного интеллекта для выявления преступлений террористической направленности в сети Интернет. Статья 421-2-5 Уголовного кодекса Франции устанавливает ответственность за пропаганду терроризма в сети Интернет, криминализируя распространение материалов, оправдывающих террористические акты, включая размещение соответствующих текстов, изображений или видеозаписей в социальных сетях и на специализированных платформах[3]. В целом борьба с терроризмом во Франции может быть классифицирована как преимущественно судебно-правовая, то есть ответом на акты терроризма здесь является модернизация специального законодательства, с точки зрения отраслевой принадлежности относящегося к французскому уголовному праву, предусматривающего серьёзные отступления от общей процедуры осуществления уголовного правосудия[4].

Романо-германская система, распространенная в Германии, Франции и других государствах, основывается на детализированных уголовных кодексах, где составы преступлений, связанных с использованием сети Интернет в террористических целях, зачастую прописаны более четко и структурированно. Подходы Германии и Франции к противодействию преступлениям террористической направленности, совершаемым с использованием сети Интернет, формирующиеся в рамках романо-германской правовой системы, демонстрируют как общие черты, так и существенные различия. Обе страны делают акцент на комплексном сочетании превентивных мер и уголовно-правового преследования, однако германская модель отличается большим вниманием к балансу между мерами безопасности и защитой гражданских свобод, что проявляется в широком обсуждении антитеррористических инициатив с участием научного сообщества и правозащитных организаций. Французская система, напротив, характеризуется более жестким подходом с акцентом на оперативное реагирование и активное использование технологических решений, таких как автоматизированная фильтрация контента и искусственный интеллект.

Подводя итог, стоит отметить, что в настоящее время институт уголовной ответственности за преступления террористической направленности, совершаемые с

[1] German Criminal Code. - URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/index.html (дата обращения: 07.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Романовский Г.Б.* Противодействие терроризму в германии: законодательные новеллы / Г.Б. Романовский // Наука. Общество. Государство. - 2019. - Т. 7. - № 4 (28). - С. 38 - 39. – Текст: непосредственный.

[3] Code Penal. - URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/ (дата обращения: 07.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] *Ерохин Д.В.* Особенности уголовной политики Франции в области борьбы с терроризмом / Д.В. Ерохин // Вестник Омского университета. Серия: Право. - 2018. - № 4 (57). - С. 166. – Текст: непосредственный.

использованием сети Интернет, является одним из приоритетных направлений в борьбе с преступностью и обеспечением национальной безопасности государства. Данное направление деятельности является динамично развивающейся сферой уголовного права, актуальность которой продолжает возрастать в условиях технологического прогресса и цифровизации общества. Исторически терроризм как явление изменялся в зависимости от социально-политических условий, и его проявления в виртуальной среде представляют собой новую парадигму, требующую усиливающегося внимания со стороны законодательных органов и правоприменителей. Сравнительный анализ законодательств зарубежных стран позволил оценить их сильные и слабые стороны, а также определить наиболее эффективные правовые механизмы противодействия, которые могут быть адаптированы в национальном законодательстве с учетом специфики правовой системы и современных вызовов в сети Интернет.

КВАЛИФИКАЦИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ПРИ КОНКУРЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Дятлева Арина Андреевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Уторова Татьяна Николаевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

Анализ статистических данных, опубликованных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, свидетельствует о росте числа осужденных по статье 317 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ): если в 2021 и 2022 годах по данной норме было осуждено по 21 лицу, то в 2023 году — уже 36, что составляет почти 50-процентный прирост[1]. Это обстоятельство подчеркивает актуальность правильной квалификации деяний, посягающих на жизнь сотрудников правоохранительных органов, особенно в условиях конкуренции уголовно-правовых норм.

В уголовно-правовой доктрине под конкуренцией норм понимается ситуация, при которой одно и то же деяние охватывается признаками нескольких норм Особенной части УК РФ, однако подлежит квалификации лишь по одной из них, наиболее точно отражающей сущность содеянного[2]. Наиболее типичным проявлением такой конкуренции в рассматриваемой сфере выступает соотношение статьи 317 УК РФ и пункта «б» части 2 статьи 105 УК РФ. Большинство исследователей, включая С.Д. Захарчука, А.В. Шабанова и М.В. Семенкова, справедливо указывают, что в данном случае речь идет о конкуренции общей и специальной норм, где специальной выступает статья 317 УК РФ[3]. Однако применение специальной нормы возможно лишь при наличии всех ее признаков, что на практике не всегда соблюдается.

Ключевое отличие указанных норм заключается в основном непосредственном объекте преступления. Так, по пункту «б» части 2 статьи 105 УК РФ им выступает жизнь лица или его близких, пострадавших в связи с осуществлением служебной или общественной деятельности, тогда как по статье 317 УК РФ — нормальная деятельность правоохранительных органов по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, при этом жизнь сотрудника признается дополнительным объектом[4]. Это, в свою очередь, определяет различия в конструкции состава, статья 317 УК РФ содержит формальный состав и считается оконченным преступлением уже на

[1] Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Статистические данные о судимости за преступления по статье 317 УК РФ за 2021–2023 гг. - URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 10.10.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Захарчук С.Д.* Сотрудники органов внутренних дел как потерпевшие в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук / С.Д. Захарчук // Тюмень, 2023. - С. 94. – Текст: непосредственный.

[3] *Захарчук С.Д.* Указ соч. С. 97. – Текст: непосредственный; *Шабанов А.В*. Преступления против порядка управления в российском уголовном праве / А.В. Шабанов // М.: Юристъ, 2003. - С. 78. – Текст: непосредственный; *Семенков М.В.* Некоторые вопросы квалификации преступлений против представителей власти / М.В. Семенов // Российский юридический журнал. - 2007. - № 5. - С. 112. – Текст: непосредственный.

[4] *Кузьмин А.В.* Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Кузьмин // Ставрополь, 2015. - С. 86. – Текст: непосредственный.

стадии покушения, тогда как убийство по пункту «б» части 2 статьи 105 УК РФ имеет материальный состав и требует наступления смерти потерпевшего[1].

Важно отметить, что Пленум Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» уточняет: «Под посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, а равно их близких в статье 317 УК РФ понимается убийство или покушение на убийство таких лиц. Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, а равно их близких, независимо от наступления общественно опасных последствий, охватывается статьей 317 УК РФ и не требует ссылки на часть 3 статьи 30 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 105 УК РФ»[2].

Важнейшим условием применения статьи 317 УК РФ является не только принадлежность потерпевшего к числу сотрудников правоохранительных органов или военнослужащих (а также их близких), но и осуществление им функций именно по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на момент посягательства. Как подчеркивает П. А. Филиппов, оперативные работники, следователи или дознаватели, прибывшие для производства обыска, осмотра или иного следственного действия, не осуществляют в этот момент охранительную деятельность, и, следовательно, не являются потерпевшими по смыслу статьи 317 УК РФ[3].

Эта позиция получила подтверждение в судебной практике. Так, в деле № 1-150/2017, рассмотренном Ленинским районным судом г. Самары, обвиняемый, опасаясь проведения обыска, бросил гранату в сотрудников полиции. Органы предварительного расследования квалифицировали действия по статье 317 УК РФ. Однако суд переквалифицировал деяние на часть 3 статьи 30 и пункт «б» части 2 статьи 105 УК РФ, указав, что потерпевшие на момент посягательства «осуществляли следственные функции, а не по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности»[4].

Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание судов на то, что: «на отдельные категории сотрудников правоохранительных органов законом могут быть возложены исключительные по своему объему и характеру обязанности по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка... в связи с чем ответственность по статье 317, 318 или 319 УК РФ за посягательство на такого сотрудника или его близких наступает в том числе и в случаях осуществления им законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности во внеслужебное время». Данное положение имеет особое значение при квалификации посягательств на сотрудников полиции, которые могут осуществлять свою деятельность по защите правопорядка вне рамок служебного времени.

Особое внимание следует уделить субъективной стороне состава, предусмотренного статьей 317 УК РФ. Обязательными признаками здесь выступают специальная цель — воспрепятствовать законной деятельности сотрудника по охране порядка и безопасности — и мотив мести за такую деятельность.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ дополнительно разъясняет, что: «Законной признается такая деятельность сотрудников правоохранительных органов или

---

[1] *Филиппов П.А.* Преступления против порядка управления: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона : дис. ... д-ра юрид. наук / П.А. Филиппов // М., 2017. - С. 153. – Текст: непосредственный.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8, август. 2023.

[3] *Филиппов П.А.* Указ. соч. С. 157. – Текст: непосредственный.

[4] Приговор Саратовского областного суда от 07.11.2017 № 2-17/2017 // URL: https://oblsud--sar.sudrf.ru/ (дата обращения: 11.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

военнослужащих по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, которая осуществляется ими в установленном законом порядке и в пределах предоставленных им полномочий» (п. 9). Это положение имеет принципиальное значение для разграничения ст. 317 УК РФ от преступлений против личности: «Если посягательство на жизнь лица, указанного в статье 317 УК РФ, было связано с его незаконной деятельностью в качестве сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, либо не относящейся к охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, то такое деяние при наличии к тому оснований квалифицируется как преступление против личности». Судебная практика должна учитывать, что посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего или их близких, совершенное из мести на почве личных неприязненных отношений, также квалифицируется как преступление против личности.

Отсутствие этих признаков исключает применение статьи 317 УК РФ даже при формальном совпадении остальных элементов. В связи с этим возникает необходимость разграничения с такими квалифицирующими признаками убийства, как хулиганские побуждения (пункт «и» части 2 статьи 105 УК РФ) или совершение преступления с целью скрыть другое преступление (пункт «к» части 2 статьи 105 УК РФ).

Е.А. Германюк справедливо отмечает, что мотив хулиганства и цель воспрепятствовать служебной деятельности взаимоисключают друг друга. Лицо не может одновременно стремиться продемонстрировать пренебрежение к обществу и целенаправленно пресечь конкретную служебную функцию[1]. Если преступление совершено в рамках хулиганского поведения, без прямой связи с профессиональной деятельностью потерпевшего, оно подлежит квалификации исключительно по пункту «и» части 2 статьи 105 УК РФ.

В то же время, если убийство (или покушение на него) совершено с целью скрыть другое преступление, но при этом потерпевший в момент нападения осуществлял охрану общественного порядка, и у виновного имелись цель воспрепятствовать этой деятельности и мотив мести, содеянное должно квалифицироваться по статье 317 УК РФ, поскольку именно эта норма учитывает профессиональную принадлежность и характер функций потерпевшего[2].

Важно также учитывать возрастные рамки субъекта преступления. По статье 317 УК РФ уголовная ответственность наступает с 16 лет, тогда как по пункту «б» части 2 статьи 105 УК РФ — с 14 лет. Следовательно, лица в возрасте от 14 до 16 лет, посягнувшие на жизнь сотрудника правоохранительного органа, подлежат ответственности по статье 105 УК РФ или ее части в совокупности с частью 3 статьи 30 УК РФ, в зависимости от стадии преступления.

Несмотря на наличие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14, практика продолжает демонстрировать ошибки в квалификации, что свидетельствует о необходимости более четкого разъяснения характера деятельности, подпадающей под защиту статьи 317 УК РФ.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14 конкретизировало понятие «правоохранительных органов», к которым относятся: «органы прокуратуры Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, органы внутренних дел Российской Федерации, Федеральная служба безопасности, Федеральная служба исполнения наказаний, таможенные органы Российской Федерации, органы принудительного исполнения Российской Федерации, органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы, Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, военная полиция Вооруженных Сил Российской Федерации и другие государственные органы при осуществлении ими

[1] *Германюк Е.А.* Проблемы квалификации убийства, совершенного из хулиганских побуждений / Е.А. Германюк // Уголовное право. - 2020. - № 2. - С. 64. – Текст: непосредственный.
[2] *Кузьмин А.В*. Указ. соч. С. 102. – Текст: непосредственный.

правоохранительной деятельности» (п. 2). Данное разъяснение имеет принципиальное значение для правильного определения круга потерпевших по ст. 317 УК РФ и разграничения ее с другими нормами Особенной части УК РФ.

Следует отметить важное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ по вопросу квалификации действий в отношении нескольких потерпевших: «По статье 317, 318 или 319 УК РФ как одно преступление следует квалифицировать совершение соответствующих противоправных действий в отношении одного, двух или более потерпевших, указанных в данных статьях, если такие действия осуществлены одновременно либо с незначительным разрывом во времени, но охватывались единым умыслом лица, и при этом ни за одно из данных действий оно ранее не было осуждено» (п. 24). Данное положение имеет особое значение для правильного применения принципа справедливости при назначении наказания и предотвращения необоснованного ужесточения ответственности.

Таким образом, статья 317 УК РФ, будучи специальной нормой, применяется лишь при наличии совокупности обязательных признаков: 1) потерпевший на момент посягательства осуществлял деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности; 2) виновный действовал с целью воспрепятствовать такой деятельности или из мести за нее; 3) возраст субъекта достиг 16 лет. При отсутствии хотя бы одного из этих элементов содеянное подлежит квалификации по другим уголовно-правовым нормам, в первую очередь по пункту «б» части 2 статьи 105 УК РФ. Правильное разграничение указанных составов не только соответствует принципу справедливости (статья 6 УК РФ), но и обеспечивает целевую защиту именно тех правовых благ, которые охраняются статьей 317 УК РФ — нормальной деятельности правоохранительных органов как одного из основополагающих институтов правопорядка.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Егорова Алена Алексеевна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Лютынский Антон Мечиславович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Информационные технологии продолжают развиваться и менять нашу реальность. Они трансформируются и дают все новые возможности для улучшения качества жизни. Но вместе с тем новые разработки стали опасным инструментом в руках киберпреступников. Интернет-преступления стали более массовыми, автоматизированными и разнообразными.

С начала 2024 года Роскомнадзор, основываясь на решениях судов и требованиях Генеральной прокуратуры, удалил или заблокировал более 58 000 фишинговых сайтов. Для сравнения: в 2023 году было заблокировано 43 100 ресурсов, в 2022 году – 13 800, а в 2021 году – всего 3 100[1]. Такой взрывной рост числа блокировок обусловлен активным использованием программы «Антифишинг», запущенной Минцифры в июне 2022 года. За время её работы было заблокировано около 215 000 вредоносных ресурсов, среди которых преобладают всё те же поддельные инвестиционные площадки, интернет-магазины, банковские ресурсы, социальные сети и мессенджеры, сервисы онлайн-бронирования, а также поддельные сайты государственных органов[2].

Изощрённость кибератак не ограничивается лишь фантазией злоумышленников. Современные технологии, включая ИИ, активно используются киберпреступниками для повышения эффективности своих преступных действий. Одним из наиболее тревожных трендов является deepfake-фишинг, когда мошенники создают поддельные аудио- и видеоматериалы, имитирующие голоса и образы доверенных лиц жертвы. Это позволяет им обманом получать доступ к конфиденциальной информации и финансовым ресурсам интернет-пользователей.

Экономический ущерб от фишинговых атак и других видов интернет-мошенничества продолжает неуклонно расти. По данным «Сбера», в 2024 году потери российской экономики могут достичь 1 трлн руб., из которых 250 млрд руб. приходится на утечки персональных данных и мошеннические звонки. Аналитики отмечают, что около 3,5 млрд записей с персональными данными находятся в открытом доступе, затрагивая примерно 90 % взрослого населения России. При этом лишь 2 % утечек связаны с кредитными организациями, которые обеспечивают высокий уровень

[1] Отчет Роскомнадзора «О деятельности по обеспечению безопасности в информационно-телекоммуникационной сфере» за I полугодие 2024 года // Официальный сайт Роскомнадзора. – URL: https://rkn.gov.ru/ (дата обращения: 27.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Программа «Антифишинг»: методические рекомендации по использованию // Официальный сайт Минцифры России. – URL: https://digital.gov.ru/ (дата обращения: 27.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

кибербезопасности, в то время как основными источниками проблем остаются интернет-магазины, маркетплейсы и медицинские учреждения[1].

Представленные статистические показатели подтверждают необходимость продолжения исследований вопросов теории и практики расследования мошенничеств, совершаемых в сети Интернет. При этом, практика организации расследования подобных преступлений представляет собой серьезную проблему не только для Российской Федерации, но и для других стран.

Исследование особенностей процесса расследования случаев интернет-мошенничества в зарубежных странах свидетельствует о значительных различиях в правовых и организационно-технических аспектах реализации соответствующих мероприятий. Несмотря на схожесть криминальных проявлений, обусловленных спецификой развития информационной инфраструктуры и степени проникновения Интернета в жизнь населения, каждая страна имеет собственные подходы к выявлению, документированию и раскрытию фактов противоправных действий в виртуальной среде. Так, например, на территории Республики Казахстан среди комплекса мер, направленных на противодействие интернет-мошенничеству, центральное внимание уделяется сбору доказательственной базы посредством специальных технических средств. Особое значение приобретают методы дистанционного наблюдения и оперативно-розыскных мероприятий в отношении подозреваемых лиц, включая сообщения электронной почты, социальных сетей и иных источников коммуникации преступников. Анализируется информация, содержащаяся на серверах провайдеров услуг связи, используемых устройствами потерпевших. Государственная служба кибербезопасности оказывает техническую поддержку органам следствия путем предоставления специализированного оборудования и программного обеспечения для сбора и обработки данных.

Кроме того, казахстанские суды активно используют практику заключения международных соглашений о взаимной правовой помощи, позволяющих запрашивать данные из-за рубежа, необходимых для установления виновных лиц. Так, например, Казахстан, также, как и Российская Федерация является участником Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий[2]. Так, на основании ст. 6 указанного соглашения подобное сотрудничество реализуется посредством направления официальными ведомствами сторон запросов о предоставлении помощи. Предоставление информации соответствующему ведомству другой стороны возможно и без предварительных запросов, если имеется обоснованное предположение, что данная информация представляет интерес для данного ведомства.

Также, стоит обратить внимание на то, что расследование мошенничеств на территории Казахстана осуществляется в рамках Концепции кибербезопасности (Киберщит Казахстана), которая разработана в соответствии с Посланием Президента Республики Казахстан «Третья модернизация Казахстана: Глобальная конкурентоспособность»[3] с учетом подходов Стратегии «Казахстан-2050» по вхождению Казахстана в число 30-ти самых развитых государств мира[4].

---

[1] Россияне ежедневно 2 млн раз пытаются зайти на мошеннические сайты. URL: https://3d№ews.ru/1114163/ya№deks-brauzer-predotvratil-437-ml№-popitok-perehoda-№a-fishi№govie-sayti-v-2024-godu (дата обращения: 19.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий // Бюллетень международных договоров. 2022. № 9.

[3] Послание Президента Республики Казахстан «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» от 31 января 2017 года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ (дата обращения: 27.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ (дата обращения: 27.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Важную роль играет взаимодействие различных ведомств, осуществляющих борьбу с коррупцией и экономическими преступлениями, поскольку значительная доля правонарушений связана с отмыванием денежных средств и финансовыми махинациями. При этом, противодействие интернет-мошенничествам является одной из приоритетных направлений работы полиции Казахстана. Стоит отметить, что современный феномен интернет-мошенничества, совершаемых на территории республики, преимущественно выражающийся в оформлении фиктивных кредитных обязательств и хищениях финансовых активов частных лиц, характеризуется значительной вовлеченностью зарубежных организованных преступных группировок. Эти группировки зачастую функционируют по модели call-центров, постоянно действующих на территории иностранных государств как близлежащих регионов, так и отдалённых юрисдикций. Для эффективного противостояния указанным проявлениям на территории Республики было инициировано и внедрено с 01.12.2022 г. стратегическое направление деятельности под названием «Киберпол». Данная инициатива была запущена в качестве пилотного проекта, реализация которого обусловлена поручением главы государства, впоследствии распространившись на территорию всей страны[1].

Центральным аспектом функционирования системы «Киберпол» стала технологическая блокировка исходящих телефонных вызовов с замаскированных («спуфинговых») номеров, принадлежащих иностранным государствам, откуда поступают попытки контакта мошеннических организаций с потенциальными жертвами. Зафиксированный эффект инициативы выражается в предотвращении более 43 миллионов попыток осуществления неправомерных звонков, что привело к значительному сокращению количества граждан, подвергшихся подобным атакам — показатель снизился более чем вдвое[2].

В ходе эксплуатации указанной платформы налажены прямые оперативные контакты с банковскими структурами и мобильными операторами связи, способствующие минимизации рисков финансовой экспроприации граждан. Так, своевременно были заморожены финансовые средства в размере около 220 миллионов тенге, предотвратив вывод указанных сумм за границу, а пострадавшим гражданам компенсирована сумма убытков, превышающая отметку в 850 миллионов тенге. Итоги первого этапа реализации проекта демонстрируют значительный положительный эффект. Общее число раскрываемых преступлений подобного характера превышает три тысячи единиц, свидетельствуя о действенности применяемых механизмов защиты финансового благополучия населения[3].

В свою очередь, Узбекистан обладает специфической системой взаимодействия правоохранительных структур, участвующих в раскрытии интернет-мошенничеств. Здесь особое внимание уделено процессу документаризации преступлений, предусматривающему подробное оформление протоколов осмотра места происшествия, изъятие компьютеров и мобильных устройств подозреваемого лица, допрос свидетелей и потерпевших. Следователи ориентированы на установление личности нарушителя путем анализа трафика данных, собранных провайдерами и операторами мобильной связи[4].

Вместе с тем, стоит обратить внимание на то, что в 2025 г. на территории Республики Узбекистан соблюдает тенденция к ужесточению борьбу с

---

[1] МВД запустило проект «CyberPol». - URL: https://el.kz/ru/mvd-zapustilo-proekt-cyberpol_71572/ (дата обращения: 27.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Спецподразделение «Киберпол» появилось в Карагандинской области. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/karaganda/press/news/details/569073?lang=ru (дата обращения: 27.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Министерство внутренних дел Республики Казахстан. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/activities/25086?lang=ru (дата обращения: 27.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] *См. Алимова Р.Р.* Борьба с киберпреступностью в Республике Узбекистан. Киберпреступность как вид мошенничества / Р.Р. Алимова // CARJIS. – 2022. – № 2. – С. 18-25. – Текст: непосредственный.

киберпреступностью за счет реализации мер, предусмотренных Постановлением Президента Республики Узбекистан от 30.04.2025 г. № ПП-153 «О мерах по дальнейшему усилению борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий»[1]. Постановление предусматривает ряд существенных изменений в сфере регулирования вопросов, касающихся профилактики и пресечения киберпреступности, начиная с 2025 года. Одним из ключевых нововведений является возложение обязанности на кредитные учреждения возместить материальный ущерб лицам, ставшим жертвой киберинцидентов, возникших вследствие ненадлежащего исполнения банком обязанностей по обеспечению надлежащей защиты клиентов от несанкционированного доступа третьих лиц к финансовым средствам и персональным данным.

Дополнительно вводится юридическая ответственность физических и юридических лиц, которые предоставили возможность использования собственных банковских карт, расчетных счетов, SIM-карт, электронных платежных сервисов либо иной конфиденциальной информации третьим лицам, действовавшим противозаконно в целях хищения денежных средств или иного имущества. Ответственность предусмотрена как административная, так и уголовная, в зависимости от тяжести последствий и обстоятельств правонарушения.

Министерство внутренних дел наделяется полномочиями уполномоченного государственного органа, несущего основную нагрузку по координации и проведению мероприятий, направленных на выявление и устранение киберугроз, обеспечение общественной безопасности и снижение уровня преступности в информационной среде. Помимо прочего, введение специального правового режима предусматривает внесение поправок в уголовное законодательство, предполагающее квалификацию использования информационно-коммуникационных технологий при осуществлении противоправных деяний в качестве квалифицирующего признака состава преступления, усиливающего степень наказания.

В то же время, значительная сложность расследования мошенничеств, с использованием информационно телекоммуникационных технологий, совершенных заключается в идентификации IP-адресов и местоположении сервера, используемого преступником. Решением данной проблемы служит внедрение аналитических инструментов, позволяющих автоматизировать процесс сопоставления полученных сведений с доступными базами данных государственных учреждений. Вместе с тем, остается нерешенной проблема недостаточной квалификации сотрудников правоохранительных органов в вопросах технической экспертизы компьютерных преступлений, что создает дополнительные трудности в процессе доказывания вины подсудимых.

В свою очередь, Республика Грузия обладает высокоэффективной структурой противодействия интернет-мошенничеству, характеризующейся активным внедрением международных стандартов и процедур проведения судебных исследований. Эффективность национального механизма обеспечивается деятельностью специализированных отделов Министерства внутренних дел и Генеральной прокуратуры, чьи усилия сосредоточены на обеспечении тщательного сбора вещественных доказательств, проведении объективных следственных экспериментов и создании оптимальных условий для обнаружения и закрепления значимых элементов, составляющих основу доказательной базы обвинения[2].

Одним из приоритетных направлений работы правоохранительных органов Грузии является укрепление межгосударственного сотрудничества в борьбе с международной

[1] Постановление Президента Республики Узбекистан от 30.04.2025 г. № ПП-153 «О мерах по дальнейшему усилению борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий». URL: https://lex.uz/docs/7511168 (дата обращения: 27.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Гогиашвили Г.* Киберпреступления в Грузии: современное состояние и методы расследования / Г. Гогиашвили // Журнал криминалистики и права. – 2024. – № 2. – С. 45 - 58. – Текст: непосредственный.

организованной преступностью. В частности, правительство поддерживает активное взаимодействие с рядом западных государств, включая Соединённые Штаты Америки и членов Европейского Союза. Подобное партнерство способствует упрощению процедуры информационного обмена, своевременному привлечению независимых экспертов и применению передовых научных подходов к проведению судебно-криминалистических экспертиз, что существенно увеличивает вероятность успешного завершения уголовного производства[1].

Особое внимание в практике грузинских спецслужб уделяется методикам восстановления утраченных или умышленно уничтоженных данных, находящихся на цифровых устройствах, таких как жесткие диски, флэш-накопители и SIM-карты. Доказательства, полученные таким способом, играют ключевую роль в установлении истинной картины произошедшего события и повышении вероятности вынесения справедливого судебного решения. Грузинские специалисты имеют широкий арсенал научно обоснованных методов, обеспечивающих надёжное извлечение и обработку необходимой информации даже в случаях её повреждения или целенаправленного уничтожения злоумышленниками[2].

Характерным признаком функционирования судебной системы Грузии является широкое применение ускоренных процессов рассмотрения уголовных дел, связанных с интернет-мошенничеством. Ограниченные сроки предварительного расследования и строгие ограничения по содержанию обвиняемых под стражей вынуждают государственные органы проводить работу быстро и качественно, что способствует эффективному решению возникающих проблем и скорейшему установлению справедливости. В совокупности указанные факторы позволяют говорить о высоком уровне готовности грузинского правосудия адекватно реагировать на угрозы, возникающие в результате новых технологических возможностей, которыми пользуются современные преступники, совершающие деяния в виртуальном пространстве[3].

Таким образом, рассмотрение положительного опыта зарубежных стран в сфере расследования интернет-мошенничества, позволяет говорить о том, что страны стремятся наладить тесное сотрудничество на международном уровне, понимая, что многие виды мошенничества носят транснациональный характер. В большинстве ведущих стран существуют специализированные группы, работающие непосредственно над преступлениями, связанными с использованием интернета и современных коммуникаций. Подобные подразделения укомплектованы высококвалифицированными специалистами в области информационных технологий, умеющими применять цифровые доказательства и новейшие методики анализа. На основании проведенного анализа Российской Федерации может быть рекомендовано создание региональных и глобальных объединений российских силовых структур с целью оперативного обмена информацией и взаимодействия с коллегами из других стран. Кроме того, перспективным направлением является активизация формирования и поддержка специализированных подразделений, обучение персонала современным методам цифрового криминалистического анализа и повышению квалификации в работе с новыми технологиями.

---

[1] *Джавахишвили Т.* Особенности расследования мошенничества в сфере информационно-телекоммуникационных технологий / Т. Джавахишвили // Правовой вестник Грузии. – 2023. – № 3. – С. 78 – 89 – Текст: непосредственный.

[2] *Капанадзе Д.* Правовые аспекты борьбы с кибермошенничеством в Грузии / Д. Капанадзе // Юридический журнал Грузии. – 2024. – № 1. – С. 90 - 102. – Текст: непосредственный.

[3] Отчет Национального бюро расследований Грузии «О состоянии киберпреступности в 2024 году» // Официальный сайт НБР Грузии. – URL: https://www.mvd.gov.ge/ (дата обращения: 27.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ СХЕМ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Емельянова Полина Алексеевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Уторова Татьяна Николаевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

За прошедшее десятилетие, благодаря усилиям, направленным на борьбу с наркотиками, обстановка с наркоситуацией в России претерпела определенные позитивные сдвиги. К исходу 2019 года эксперты констатировали, что проблема наркораспространения в стране в общем и целом пришла к состоянию стабильности, несмотря на сохраняющуюся остроту в ряде регионов[1]. Однако события 2020 года кардинально перекроили привычный уклад жизни мирового сообщества, спровоцировав беспрецедентные условия для дальнейшей трансформации наркотической обстановки как в России, так и в глобальном масштабе. В период распространения коронавирусной инфекции COVID-19 наркотрафик оказался единственной сферой в мире, которой пандемия пошла на пользу.

Так, согласно статистическим данным в стране зафиксирован рост киберпреступности на 14,2%. В январе текущего года было зарегистрировано свыше 44 тысяч преступлений, совершенных с применением информационных технологий. При этом примерно каждое седьмое преступление связано с производством, сбытом или пересылкой наркотических веществ[2].

Развитие технологий, в частности глобальной сети Интернет, оказало свое влияние не только на повседневную жизнь человека и общества, но и на преступность в целом. В условиях повсеместной глобализации и активного развития информационных технологий, интернет все больше используется как площадка для сбыта наркотических средств.

С одной стороны, внедрение цифровых технологий необходимо рассматривать как прогрессивный и неотвратимый процесс в современном обществе. По мнению исследователя М.В. Залоило, цифровизация является ответом на требования текущей ситуации в мире, особенно в контексте глобальных кризисов, таких как пандемия COVID-19[3]. С другой стороны, повсеместное распространение цифровых технологий, активное использование и развитие интернета, а также существование в его рамках неконтролируемой правоохранительными органами зоны Darknet, провоцирует появление явления, известного в научной среде как «киберпреступность».

Сбыт наркотических средств с использованием современных технологий способствует снижению рисков их обнаружения правоохранительными органами. В связи с этим, имеются сложности в установлении мест сбыта и поиска преступников, поскольку

---

[1] *См. Киржанова В.В.* Наркоситуация в Российской Федерации в свете реализации государственной антинаркотической политики / Киржанова В.В. // Вопросы наркологии. - 2021. - № 10 (205). - С. 5 – 37. – Текст: непосредственный.

[2] В России растет наркоторговля в интернете. - URL: https://www.pnp.ru/social/v-rossii-rastet-narkotorgovlya-v-internete.html?ysclid=madvm4vrek522135504 (дата обращения: 01.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *См. Залоило М.В.* Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели / М.В. Залоило // Журнал российского права. - 2020. - № 6. - С. 22–37. – Текст: непосредственный.

они могут осуществлять свою незаконную деятельность из любой точки мира. При сбыте наркотических средств также используются специальные технологии по обмену информацией, что гарантирует полную анонимность его участников[1].

Анализируя уголовно-правовые аспекты преступлений, связанных с наркотическими веществами, и их отличительные черты, стоит подчеркнуть усилия законодательства, направленные на регулирование и установление уголовной ответственности за деяния, совершаемые в сети Интернет. В частности, использование средств массовой информации либо электронных или информационно телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») для совершения преступления по сбыту наркотиков (статья 228.1 УК РФ[2]), выделено в отдельный квалифицирующий признак и отражено в части 2 этой статьи. Федеральным законом от 24.02.2021 № 25-ФЗ[3] склонение к употреблению наркотиков или их аналогов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая интернет, также было определено как самостоятельный квалифицирующий признак. Эта проблема активно обсуждалась в научных кругах на протяжении длительного времени[4]. Однако прогресс технологий и общественных связей опережает скорость установления соответствующего правового регулирования.

Схема совершения незаконного оборота наркотических средств с использованием высоких технологий можно представить следующим образом:

1. Создание интернет-сайта и размещение на нем информации о сбыте наркотических средств;
2. Создание обращения по указанному электронному адресу или в мессенджере о продаже;
3. Создание заказа, его оплата посредством безналичного перевода;
4. Сообщение о местонахождении наркотических средств посредством смс сообщения в любом удобном мессенджере[5].

Площадкой для продажи наркотических средств стал также популярный мессенджер Telegram. Граффити на стенах домов с адресами телеграм-каналов можно найти во многих городах.

На сегодняшний день у преступников имеются различные способы осуществления платежа без подтверждения личности или с высокой долей анонимности. К числу таковых следует отнести: «Binance, KuCoin, Bitflip, Yobit, Exmo, где отсутствует обязательная верификация и имеется возможность проводить транзакции на условиях анонимности». Другие способы оплаты требуют дополнительных ресурсов (чужих банковских карт, SIM-карт и аккаунтов) и иногда участников (дропов)[6].

В современном мире возникла инновационная форма валюты, характеризующаяся

---

[1] *Баньковский А.Е.* Актуальные проблемы незаконного оборота наркотических средств посредством сети Интернет: современное состояние и перспективы противодействия / А.Е. Баньковский, А.В. Деринг // Наркоконтроль. - 2019. - №. 1. - С. 12. - Текст: непосредственный.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Федеральный закон от 24.02.2021 № 25-ФЗ «О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 41, 26.02.2021.

[4] *Третьякова Е.И.* Информационные технологии в механизме преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств / И.В. Третьякова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. - 2022. - № 3. - С. 148. – Текст: непосредственный.

[5] *Тимофеев С.В*. Использование информационно-телекоммуникационных технологий при бесконтактном сбыте наркотических средств: проблемы противодействия и пути решения / С.В. Тимофеев // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. - 2018. - № 4 (8). - С. 182. – Текст: непосредственный.

[6] *Бурканов Е.Ю*. Использование высоких технологий в сфере незаконного оборота наркотических средств / Е.Ю. Бурканов // Журнал «Научный лидер». - 2024. - № 1 (150). - URL: https://scilead.ru/article/5583-ispolzovanie-visokikh-tekhnologij-v-sfere-nez (дата обращения: 01.10.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

анонимностью владельца и невозможностью отследить транзакции, связанные с противозаконной деятельностью. Эта валюта, известная как криптовалюта, не только способствует определенному виду преступлений, но и находит применение в различных других криминальных схемах.

В российской юридической практике зафиксированы прецеденты использования биткоина в качестве платежного инструмента. Тем не менее, раскрытие подобных правонарушений представляет собой сложную задачу для силовых структур, и подобные случаи редко обнаруживаются. Однако было бы ошибкой полагать, что преступники избегают применения этого цифрового актива[1].

Отследить продажу довольно сложно, поскольку наркотические средства продаются под видом других, абсолютно легальных веществ, например, биологически активных добавок, солей для ванн, сельскохозяйственных удобрений и т.д.

Особую сложность в плане раскрытия составляют преступления, осуществляемые через анонимные сети. В качестве примера можно привести программу Tor (сокращение от TheOnionRouter), обеспечивающую установление анонимной связи, скрывая при этом пользовательское местоположение.

Нельзя не упомянуть также существование даркнета, или «темного интернета». Это название обусловлено его недоступностью для обычных пользователей. Даркнет представляет собой уникальное цифровое пространство, вход в которое возможен только при помощи особых инструментов и специфических методов. Из-за сложной технической структуры этой среды, до настоящего времени не удалось существенно ограничить рост преступности, использующей данное информационное пространство.

Использование сети «Интернет» при незаконном обороте наркотиков и в целом упрощает формы координации преступных сообществ, в том трансграничных.

В рамках деятельности ООН по борьбе с наркотиками и преступностью разработан модельный закон, касающийся санкций за наркопреступления. Этот закон запрещает использование компьютерных сетей для содействия или поддержки производства, изготовления, нелегальной торговли и употребления наркотических средств[2].

Изучение зарубежного законодательства показало, что в некоторых государствах факт использования Интернета для совершения наркотических преступлений не является самостоятельным элементом состава преступления, тем не менее, осуществляется мониторинг онлайн-среды (в частности, в Великобритании, Испании, Италии, Китае и Франции). В ряде других стран это деяние признается уголовно наказуемым либо как необходимое условие основного состава преступления (например, в Нидерландах), либо как отягчающее обстоятельство, влияющее на квалификацию преступления (как в США и Чехии)[3].

Издание TheWallStreetJournal (WSJ) сообщает, что прокуратура штата Вирджиния инициировала расследование в отношении MetaPlatformsInc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена в России, в связи с нелегальной торговлей наркотиками через принадлежащие компании социальные сети, такие как Facebook и

---

[1] *Бряндина А.С.* Глобальная сеть Интернет и незаконный оборот наркотических средств / А.С. Бряндина // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. - 2014. - № 5. - С. 38 - 40. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21782792 (дата обращения: 01.10.2025). - Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст: электронный.

[2] *См. Долгиева М.М.* Социальная обусловленность возникновения уголовно-правовых запретов нарушений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты / М.М. Долгиева // Актуальные проблемы российского права. - 2018. - № 10. - С. 225 - 235. – Текст: непосредственный.

[3] *Бряндина А.С.* Опыт регламентации ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств с использованием компьютерных технологий (сети Интернет) по законодательству зарубежных стран и возможность его использования в России / А.С. Бряндина // Дни науки. Проблемы интеграции инновационных технологий в правовую сферу: Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского гуманитарного института. - 2021. - С. 56 - 59. - Текст: непосредственный.

Instagram[1].

Согласно судебным запросам, оказавшимся в распоряжении газеты, речь идет о «нарушениях, связанных с контентом о наркотиках, размещенном на платформах Meta, и/или незаконной реализацией наркотических веществ с использованием этих платформ». Инсайдеры WSJ сообщили, что поддержку прокуратуре в проведении расследования оказывает Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США (FDA)[2].

Для борьбы с анонимностью в сети Интернет, которая облегчает наркоторговлю, ряд экспертов настаивают на обязательном требовании к провайдерам – верифицировать данные при регистрации онлайн-платформ[3]. Эта идея заслуживает одобрения, поскольку информация о владельце ресурса могла бы значительно помочь в расследовании и предотвращении наркопреступлений. Подобный подход успешно реализуется, например, во французском законодательстве[4]. Однако, важно понимать, что в отличие от Франции, российское законодательство не предусматривает уголовной ответственности для юридических лиц, что существенно ограничивает эффективность данного решения в наших условиях.

Итак, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что злоумышленники стали активно использовать интернет как платформу для распространения наркотиков, психотропных препаратов и их производных. Привлекательность сети для них обусловлена возможностью сохранения анонимности и удалённого привлечения людей к наркоторговле, находясь в любой точке мира. Эта проблема, признанная во многих странах, носит международный характер и требует объединения усилий государств. Для успешной борьбы с ней необходимо усовершенствовать информационно-коммуникационные ресурсы правоохранительных органов.

---

[1] Facebook и Instagram признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ. – URL: https://www.rbc.ru/politics/21/03/2022/623882d99a79476d9ca054ab (дата обращения: 02.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] WSJ узнала о расследовании в США из-за продажи наркотиков через Facebook. - URL: https://www.rbc.ru/business/16/03/2024/65f590749a7947efa2032fc2?ysclid=madunogt4h174234330 (дата обращения: 03.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *См. Силяева А.Е.* Отдельные аспекты нормативно-правового регулирования установления ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков / А.Е. Силяева // Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования. - 2019. - С. 152 - 154. – Текст: непосредственный.

[4] *Гаджиев В.Э.-оглы* Особенности профилактической работы по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков / В.Э.-оглы Гаджиев // Российский следователь. - 2018. - № 2. - С. 53 - 56. – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=112335#Dxup2HVoT884SHNm (дата обращения: 07.10.2025). – Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст: электронный.

ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОБЖАЛОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СУД

Жерлицына Арина Павловна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Валеев Артем Тахирович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Институт обжалования действий и решений органов предварительного расследования в суде — это правовой механизм, позволяющий участникам уголовного процесса или иным заинтересованным лицам оспаривать в судебном порядке незаконные, необоснованные или нарушающие права действия (бездействие) и решения должностных лиц на стадии досудебного производства (следователей, дознавателей, руководителей следственных органов)[1]. Судебный контроль над работой должностных лиц, ведущих предварительное расследование, играет ключевую роль в обеспечении прав граждан, вовлеченных в уголовный процесс.

Развитие данного института в Российской Федерации неразрывно связано с реформами судебной системы. Для решения современных проблем правоприменения необходимо глубокое изучение нормативной базы, анализ судебной практики и учет международного опыта.

Процесс создания и совершенствования института обжалования действий/бездействий и решений органов предварительного расследования в России был многоступенчатым. Он неразрывно связан с изменениями в политической системе, принципах отправления правосудия и обеспечении прав личности. Развитие этого института можно условно разделить на ряд ключевых этапов: дореволюционный период, советский период, переходный этап и нынешнее время[2].

Институционализация права на обжалование действий органов предварительного расследования стала следствием Судебной реформы 1864 года. Устав уголовного судопроизводства, принятый в рамках реформы, впервые регламентировал возможность обжалования действий следователей и полиции. Статья 493 Устава устанавливала подсудность рассмотрения жалоб: прокурор рассматривал жалобы на действия полиции, а окружной суд – на действия следователей. Если современное уголовно-процессуальное законодательство не содержит термина «предмет обжалования», то в Уставе уголовного судопроизводства этот термин присутствовал и определялся порядок подачи жалобы, касающейся именно этого предмета. Хотя закон и был шагом вперед, он все же служил скорее для контроля над населением, чем для защиты их прав, и не предотвращал злоупотребления властью со стороны органов предварительного расследования[3].

---

[1] *См. Кузьмина Е.А.* Обжалование действий и решений органов предварительного расследования в досудебном производстве / Е.А. Кузьмина // КриминалистЪ. - 2018. - № 3 (24). –С. 59 – 61. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Кузьмина Е.А.* Право на обжалование процессуальных действий и решений как средство защиты прав и свобод гражданина в досудебном производстве / Е.А. Кузьмина // Право и политика. - 2017. - № 12. – С. 84 – 89. – Текст: непосредственный.

[3] *Григорьева Н.В.* Основные исторические этапы развития института обжалования в досудебном производстве / Н.В. Григорьева // Вестник Московского университета МВД России. - 2015. - № 3. – С. 139. – Текст: непосредственный.

После 1917 года система обжалования судебных решений претерпела кардинальные изменения. Апелляционное обжалование было упразднено, а кассационная инстанция была подчинена интересам и идеологии партийного и государственного аппарата. Хотя в первые годы советской власти были приняты нормативные акты, такие как Постановление Наркомата юстиции от 16 декабря 1917 года «О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следствен-ных действий только по ордерам следственных и судебных учрежде-ний», регулирующее порядок арестов и обысков, и Положение о военных следователях от 30 сентября 1919 года, предусматривающее возможность обжалования действий следственных комиссий, эти меры не привели к полноценному становлению института обжалования в то время.

Укрепление института обжалования связано с принятием Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 и 1923 гг. В нем была выделена целая глава, посвященная порядку подачи и разрешению жалобы, освещался круг лиц, обладающих таким правом, указывались сроки и формы жалобы. Можно сказать, что современный УПК имеет ряд общих черт с УПК РСФСР 1922-1923 гг. Но при этом, многие ученые, такие как Т. Ю. Цапаева и В. А. Яблоков утверждают, что в советский период до 1961 года уголовно-процессуальное законодательство России характеризовалось полным отсутствием судебного контроля за предварительным расследованием. По их мнению, отсутствие судебного контроля за предварительным расследованием в советском уголовно-процессуальном законодательстве объяснялось особенностями политического режима, который игнорировал права человека и не считал необходимым их защищать[1]. На наш взгляд, процедура обжалования превращалась в пустую имитацию правовой защиты, не способную остановить произвол следственных органов. Это яркий пример того, как политический режим использует правовые институты для создания видимости законности, в то время как их цель - укрепление власти, а не обеспечение справедливости и объективности.

С 1 января 1961 года введен в действие УПК РСФСР, где в статьях 218-220 право обжаловать действия следователей и дознавателей было ограничено обращением исключительно к прокурору. Такие ученые, как Р.Н. Ласточкина, Е.Е. Язева и А.Г. Кулев в своих работах подчеркивали, что в советское время в уголовно-процессуальной теории доминировало мнение о достаточности прокурорского надзора для обеспечения законности на стадии предварительного расследования[2]. Тогда получается, что прокуроры, возможно, могли проявлять склонность к поддержке своих коллег из следствия и дознания, что затрудняло объективный пересмотр принятых ими решений. Соответственно, такая тенденция лишала институт обжалования реальной силы, превращая его в формальность[3]. Таким образом, на данном историческом этапе можно говорить о сужении круга субъектов рассмотрения жалобы - обжалование в этот период подвластно только прокурору.

---

[1] *Цапаева Т.Ю.* Развитие института судебного контроля в истории российского уголовного процесса (советский и постсоветский периоды) / Т.Ю. Цапаева, В.А. Яблоков // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвузовский сборник научных статей, под редакцией В.А. Лазаревой; Федеральное агентство по образованию. — Самара : Изд-во «Самарский университет», 2008. — Вып. 3. — С. 75 – 86. — URL: https://repo.ssau.ru (дата обращения: 14.09.2025). — Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[2] *Ласточкина Р.Н.* Судебный контроль в уголовном процессе: учебно-методическое пособие / Р.Н. Ласточкина, Е.Е. Язева, А.Г. Кулев // Министерство образования и науки Российской Федерации, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Кафедра уголовного процесса и криминалистики, Ярославль: ЯрГУ, 2017. — URL: http://www.lib.uniyar.ac.ru/edocs/iuni/20170929.pdf (дата обращения: 23.09.2025). — Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[3] *Курбатов А.Я.* Защита прав и законных интересов в условиях «модернизации» правовой системы России / А.Я. Курбатов // Москва: Юстицинформ, 2013. — 172 с. — URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/ewp53ve99c/direct/89806725 (дата обращения: 23.09.2025). — Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

УПК РСФСР в 1992 году был дополнен статьями 220-1 и 220-2, которые дали гражданам право на судебное обжалование решений об избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу. В 1999 году Конституционный Суд РФ постановлением от 23.03.1999 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» указал, что запрет на обжалование в суде действий органов, проводящих расследование, противоречит Конституции.[1] Суд указал, что положения Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, которые на практике лишали граждан возможности оспаривать в суде действия и решения дознавателей, следователей и прокуроров (например, при обысках, аресте имущества, приостановлении дела или продлении сроков расследования), нарушают их конституционные права. Это решение Конституционного Суда стало отправной точкой для усиления контроля судов за деятельностью органов предварительного расследования и послужило основой для главы 16 УПК РФ.

На сегодняшний день теоретико-правовая основа института обжалования действий и решений органов предварительного расследования базируется на нормах Конституции Российской Федерации, в частности, статьей 46, которая гарантирует право на судебную защиту, включая обжалование действий государственных органов, что является фундаментом для статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Упомянутая статья 125 УПК РФ конкретизирует процедуру судебного обжалования действий (бездействия) и решений должностных лиц на стадии предварительного расследования, устанавливая сроки, подсудность и порядок рассмотрения жалоб. Важную роль играет статья 6 УПК РФ, закрепляющая защиту прав участников процесса в качестве цели уголовного судопроизводства. Подзаконные акты, такие как Приказы Следственного комитета РФ, регулируют внутренние процедуры работы с обращениями граждан, а Постановление Пленума Верховного Суда № 1 от 10.02.2009 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» разъясняет применение ст. 125 УПК РФ, подчеркивая необходимость проверки доводов заявителей.

Реформирование системы обжалования в России тесно связано еще и с международными нормами защиты прав человека. Ориентируясь на Европейскую конвенцию о защите прав человека и практику ЕСПЧ, из юрисдикции которого Российская Федерация вышла в 2022 году, российская правовая система совершенствует механизмы судебного контроля. Решения ЕСПЧ, в частности по делам против России (например, дело «Владимир Романов против России», 2021 г.), подчеркивают необходимость соответствия процедуры обжалования критериям эффективности[2]. Внедрение международных стандартов в российское законодательство расширяет возможности обжалования и усиливает защиту прав заявителей.

Таким образом, система обжалования в России эволюционировала от простого контроля со стороны прокуратуры к сложной и осознанной системе судебного пересмотра решений органов дознаний и следствия. Но несмотря на наличие нормативно-правовых актов, регулирующих процедуру обжалования, нынешняя практика выявляет существенные пробелы в их применении. Согласно отчету Главного следственного управления Следственного комитета РФ по Москве о работе с обращениями граждан в

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью “Моноком”» // Российская газета, № 72, 15.04.1999.

[2] Дело «Владимир Романов (Vladimir Romanov) против Российской Федерации» (жалоба № 41461/02). Постановление Суда от 24 июля 2008 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2009. – № 3. – Электронный текст документа подготовлен ЗАО «Кодекс».

2024 году, в рамках ст. 125 УПК РФ судами было рассмотрено 144 жалобы на действия должностных лиц[1]. Результаты рассмотрения распределились следующим образом:

- Удовлетворена — 1 жалоба (примерно 0,7% от общего числа);
- Отклонено судом (оставлено без удовлетворения) — 123 жалобы (примерно 85,4%);
- Прекращено производство (без рассмотрения по существу) — 20 жалоб (примерно 13,9%).

Вышеперечисленные данные демонстрируют крайне низкий процент удовлетворения жалоб (менее 1%) и высокую долю отказов, что, несомненно, требует дальнейшего научного осмысления и законодательных реформ[2].

[1] Главное следственное управление Следственного комитета РФ по г. Москве. Отчет о работе с обращениями граждан за 2024 год. — Москва: ГСУ СК РФ, 2025. — URL: https://sledcom.ru/reports/moscow_2024 (дата обращения: 14.09.2025). — Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[2] *См. Рудакова С.В.* Проблемы определения предмета обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ / С.В. Рудакова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 10. — С. 212 – 216. – Текст: непосредственный.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПУБЛИЧНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ РФ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Журавлев Дмитрий Андреевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Уторова Татьяна Николаевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

В настоящее время вопрос информационной войны является актуальным. Главным образом, это связано с тем, что государственные власти стремятся защитить Вооруженные Силы РФ (далее – ВС РФ) от публичных призывов к воспрепятствованию использования ВС РФ, а также от публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ и исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий. В связи с этим, в 2022 году было принято ряд поправок в Уголовный кодекс (далее – УК РФ[1])[2]. Одной из важных статей в данной сфере стала ст. 207.3 УК РФ, которая установила уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации.

Как следствие, история ст. 207.3 УК РФ фактически начинается только с 2022 года, хотя и похожие составы имели место быть в период советской власти. Однако общественная опасность данного преступления в настоящее время состоит именно в том, что публичное распространение заведомо ложной информации на сегодняшний день происходит в большей степени именно через сеть Интернет, которая охватывает огромное стремительно быстро.

Кроме того, значительная часть преступлений, связанных с публичным распространением заведомо ложной информации в информационно-телекоммуникационных сетях, характеризуется высоким уровнем латентности. Это обусловлено тем, что публикация осуществляется через различные мессенджеры, в частности Telegram, нередко с использованием анонимных аккаунтов. Указанные обстоятельства существенно затрудняют выявление и пресечение подобных противоправных деяний. При этом фактор времени приобретает критическое значение ввиду стремительной скорости распространения информации в цифровой среде, особенно когда речь идёт о сведениях, касающихся деятельности Вооружённых Сил Российской Федерации или осуществления государственными органами своих полномочий. В этой связи действующая редакция статьи 207.3 УК РФ представляет собой во многом

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] *Шамаев А.М*. Вопросы правоприменительной практики квалификации деяний, подпадающих под ст. 207.3 УК РФ (Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации) / А. М. Шамаев // Пробелы в российском законодательстве. - 2022. - Т. 15. - № 3. - С. 97. – Текст: непосредственный.

уникальное явление в отечественной правовой практике, несмотря на то, что аналогичные по содержанию нормы существовали в советском уголовном законодательстве.

Нельзя не отметить, что с 2022 года ст. 207.3 УК РФ претерпела неоднократные изменения[1]. Изначально данная статья именовалась «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации». Как следствие, объективная сторона имела более сжатый характер. Редакцией от 25.03.2022 года название статьи пополнилась указанием на «исполнение государственными органами Российской Федерации своих полномочий». Редакцией от 18.03.2023 года появляется еще одно добавление в виде «оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации». Последние редакционные изменения законодателем были внесены в название ст. 207.3 УК РФ 25.12.2023 года.

Кроме того, изменялась и санкция по ч. 1 ст. 207.3 УК РФ поправками, внесенными от 18.03.2023 года.

Таким образом, за 3 года существования ст. 207.3 УК РФ в нее вносились неоднократные поправки, связанные с ее наименованием (и, как следствие, объективными признаками), а также увеличился размер санкции.

Проведем анализ современной конструкции ст. 207.3 УК РФ. Так, исходя из анализа ст.207.3 УК РФ – родовым объектом данного преступления являются общественные отношения, связанные с обеспечением общественной безопасности и общественного порядка [2], а видовым объектом – общественные отношения в сфере общественной безопасности[3]. Непосредственный объект – общественные отношения в области получения достоверной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнении государственными органами нашей страны своих полномочий за ее пределами, направленных на защиту интересов Отечества и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. В качестве дополнительного объекта могут выступать общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование ВС РФ, государственных органов, а также честь и достоинство как отдельно взятого военнослужащего, так и лица, представляющего государственные органы.

В научной литературе обоснованно указывается на существенный недостаток правового регулирования — отсутствие чёткой дефиниции понятия «публичность» в контексте применения статьи 207.3 УК РФ[4]. Введение в действие данной статьи породило ряд сложностей в области квалификации преступных деяний. Особую актуальность приобрел вопрос о содержании понятия «публичное распространение».

Термин «публичный», используемый в диспозиции статьи 207.3 УК РФ, предполагает, что ложная информация адресуется группе лиц или неопределённому кругу субъектов и представляется в любой доступной для восприятия форме. Следует подчеркнуть, что публичное распространение заведомо ложной информации может

---

[1] *Дулькина Л.В.* Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил и деятельности государственных органов России: текущее состояние доктринального понимания / Л.В. Дулькина // Флагман науки. - 2023. - № 8 (8). - С. 406. – Текст: непосредственный.

[2] *Мартынова Д.В.* Уголовно-правовая характеристика публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 207.3 УК РФ) / Д.В. Мартынова // Актуальные проблемы юриспруденции: Сборник научных статей, под общей редакцией Т.М. Лопатиной. Том Выпуск 5. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2023. - С. 124. – Текст: непосредственный.

[3] *Родионов А.И.* Уголовно-правовая характеристика публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий / А.И. Родионов // Вестник Югорского государственного университета. - 2022. - № 4 (67). - С. 35. – Текст: непосредственный.

[4] *Шеншин В.М*. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации как преступление, посягающее на общественную безопасность / В.М. Шеншин // Военное право. - 2022. - № 3 (73). - С. 207. – Текст: непосредственный.

осуществляться различными способами: через средства массовой информации, социальные сети, массовую рассылку электронных сообщений, выступления на собраниях и митингах, распространение печатных материалов и иными аналогичными методами.

Если обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»[1], то можно заметить определение «публичности» применительно к ст. 205.2 УК РФ. Так, согласно п. 18 «под публичными призывами … следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности…».

При этом в п. 19 и п. 20 указанного Постановления отмечается, что судам следует обращать внимание на ряд обстоятельств. Например, публичное распространение может быть в форме «обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т.п. Публичные призывы следует считать оконченным преступлением с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению террористической деятельности или нет».

Соответственно, данное толкование публичности (как она может проявляться), на наш взгляд, характерно и для ст. 207.3 УК РФ.

Так, например, было возбуждено уголовное дело в отношении блогера Вероники Белоцерковской по исследуемой нами статье. Распространение заведомо ложных сведений происходило в рамках социальной сети[2]. Также преступные деяния, предусмотренные ст. 207.3 УК РФ были выявлены в действия кемеровского журналиста Андрея Новашова[3].

В данном случае, публичность будет являться оценочным признаком и должна разрешаться правоприменителем с учетом места, способа, обстановки, иных обстоятельств.

Можно выделить и спорность указания в диспозиции статьи термина «использование», который больше характерен для использования, например, служебного положения, эксплуатации чего-либо или для характеристики предмета преступления. В контексте конструкции ст. 207.3 УК РФ термин «использование» выглядит весьма спорным[4].

Еще одним неоднозначным термином, который использован законодателем при изложении диспозиции статьи, является «заведомо ложная информация»[5]. В научной литературе сложилось множество различных позиций в аспекте определения данного

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. 2012.

[2] СК возбудил дело о фейках про действия российской армии в отношении. - URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/03/16/913805-sk-vozbudil-delo-o-feikah (дата обращения: 24.09.2025). - Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[3] Против кемеровского журналиста возбудили дело о «фейках» про действия российских военных. Следователь предложил ему «извиниться». - URL: https://novayagazeta.ru/articles/2022/03/21/protiv-kemerovskogo-zhurnalista-vozbudili-delo-o-feikakh-pro-deistviia-rossiiskikh-voennykh-sledovatel-predlozhil-emu-izvinitsia-news (дата обращения: 24.09.2025). - Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[4] *Гоппе О.А*. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 207.3 УК РФ): проблемы толкования уголовного закона / О.А. Гоппе // Актуальные вопросы публичного права : Материалы XXIII Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 14–15 ноября 2024 года. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. - С. 681. – Текст: непосредственный.

[5] *Новикова О.В.* Сущность публичного распространения заведомо ложной информации применительно к ст. 207.3 УК РФ / О.В. Новикова // Военное право. - 2023. - № 1 (77). - С. 177. – Текст: непосредственный.

важного признака, который необходим для квалификации преступных деяний[1]. Отсутствие законодательной конкретизации по данному вопросу способствует складыванию и не единообразной правоприменительной практики.

Таким образом, ст. 207.3 УК РФ богата оценочными терминами, которые фактически вызывают трудности в практике правоприменения, а именно при квалификации преступных деяний, подпадающих под данный состав. Представляется, что конкретизация по каждому термину должна быть представлена в Примечаниях к ст. 207.3 УК РФ.

Важно отметить, что для доказывания направленности умысла виновного лица важно проводить судебную экспертизу[2] (например, психолингвистическую).

Необходимо рассмотреть актуальные проблемы практического применения статьи 207.3 УК РФ. Первостепенное значение имеет вопрос определения объективной стороны данного состава преступления.

Первоначальная редакция статьи не предусматривала ответственность за распространение ложной информации о деятельности других военизированных организаций, таких как Росгвардия. Данное обстоятельство было расценено как существенный пробел в законодательной формулировке диспозиции статьи 207.3 УК РФ. На указанную проблему обратил внимание глава Чеченской Республики Р.А. Кадыров, который обоснованно предложил расширить сферу действия данной нормы: «необходимо распространить действие закона об уголовной ответственности за распространение фейков о Вооруженных силах РФ на Росгвардию, а также на иные подразделения, не входящие в структуру ВС, но участвующие в боевой операции» [3].

Актуальность данного предложения обусловлена тем, что редакция статьи не обеспечивала комплексную защиту от распространения ложной информации, что создает правовую лакуну, требующую законодательного устранения.

Относительно конструкции объективной стороны рассматриваемого преступления следует отметить, что законодатель сформулировал состав как формальный. Это означает, что для привлечения к уголовной ответственности по статье 207.3 УК РФ не требуется установление конкретных общественно опасных последствий. Исключение составляет часть 3 анализируемой статьи, которая предусматривает квалифицированный состав с наступлением тяжких последствий.

Следует подчеркнуть, что совершение данного преступления путем бездействия не представляется возможным. Данный вывод подтверждается сложившейся судебной практикой применения других статей УК РФ, устанавливающих ответственность за «публичное распространение» различного рода сведений.

Более того, при квалификации деяний по ст. 207.3 УК РФ важно отграничивать ее от иных составов преступлений. Например, от ст. 275 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за государственную измену. Решающее значение в данном контексте будет занимать вопрос о ложности или правдивости распространяемых виновных лицом сведений. По ст. 207.3 УК РФ речь идет именно о распространении ложных сведений, тогда как по ст. 275 УК РФ сведения, которые выдаются виновным

---

[1] *Дулькина Л.В.* Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ и исполнении государственными органами РФ своих полномочий: складывающаяся практика применения ст. 207.3 УК РФ / Л.В. Дулькина // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2022. - № 3 (57). - С. 23. – Текст: непосредственный.

[2] *Антонов И.А.* Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации): манипулятивное использование метафоры и ее исследование при проведении экспертиз по уголовным делам / И.А. Антонов, А.А. Кульпин // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. - 2024. - № 2 (27). - С. 38. – Текст: непосредственный.

[3] Кадыров предложил распространить действие закона о наказании за фейки на Росгвардиюю. - URL: https://tass.ru/politika/13973551 (дата обращения: 24.09.2025). - Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

лицом, являются достоверными. Так, например, если лицо снимет и выложит в социальную сеть видеоролик о перемещении колонны военной техники (фактическое их количество и расположение), то речь будет идти о достоверной информации, которая может быть использована в ущерб внешней безопасности РФ. Как следствие, лицо за такие деяния может быть привлечено к уголовной ответственности за государственную измену.

Следует отметить, что ст. 207.3 УК РФ необходимо отграничивать и от ст. 280.3 УК РФ. Так, для привлечения к уголовной ответственности по ст. 280.3 УК РФ важное значение имеет не только направленность преступных деяний на дискредитацию ВС РФ, но и публичный формат соответствующего поведения. В данном случае публичность заключается в том, что лицо доносит информацию в активной форме другим лицам, количество которых может быть неограниченным.

В свою очередь, заведомо ложная информация представляет собой информацию, которая не соответствует действительности. Уголовная ответственность будет исключена в том случае, если распространяющее лицо добросовестно убеждено в истинности информации.

Отдельное внимание хотелось бы акцентировать на опыте зарубежных стран в аспекте противодействия информационному препятствованию деятельности Вооруженных Сил и (или) государственных органов.

Так, к примеру, Малайзия стала одной из первых стран, в уголовном законодательстве которой нашел состав преступления, связанный с распространением ложных новостей. Фейковые новости определены как «полностью или частично ложная информация, данные и отчеты», включая визуальные материалы и аудиозаписи. Все дела по данной статье рассматриваются специализированными независимыми судами[1].

В Германии в январе 2018 года был принят «Закон о защите прав в сети» (Netzwerkdurchsetzungsgesetz), направленный на борьбу с разжиганием ненависти и распространением фейковых новостей в социальных сетях. Закон обязывает платформы с более чем 2 миллионами пользователей удалять явно незаконный контент в течение 24 часов и весь незаконный контент – в течение 7 дней после его публикации[2].

Таким образом, статья 207.3 УК РФ была введена в 2022 году в ответ на массовое распространение ложной информации о деятельности Вооружённых Сил и государственных органов России, что представляет угрозу общественной безопасности. Особую актуальность данная проблема приобрела в связи с распространением недостоверных сведений о специальной военной операции через интернет-ресурсы, обеспечивающие мгновенный охват широкой аудитории.

За три года действия статья неоднократно корректировалась, однако по-прежнему нуждается в совершенствовании. Основная проблема заключается в использовании оценочных понятий в диспозиции нормы, что создаёт чрезмерную свободу толкования для правоприменителей и может нарушать права граждан. Для унификации судебно-следственной практики и конкретизации объективных и субъективных признаков составов преступлений необходимо принятие разъясняющего постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации деяний по статье 207.3 УК РФ.

[1] *Семишкуров Р.Е.* Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерацией (ст. 2073 УК РФ) / Р.Е. Семишкуров // Вестник молодого ученого Кузбасского института: сборник научных статей. Том Вып. 8. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. - С. 62. – Текст: непосредственный.

[2] Там же. С. 63. – Текст: непосредственный.

ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СУДАМИ ВОПРОСОВ НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Зыков Роман Васильевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Морозов Роман Михайлович
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) кандидат юридических наук, доцент

Органы прокуратуры являются одним из ключевых звеньев государственного управления во многих странах мира. Надзорное ведомство осуществляет свою деятельность во всех сферах жизни общества, надзирает за исполнением пенсионного, бюджетного, семейного и многих других отраслей законодательства. Но более всего органы прокуратуры погружены в участие в уголовном процессе. Действующим уголовно процессуальным кодексом Российской Федерации данный орган наделен широким спектром полномочий в рамках расследования преступлений. Одной из наименее изученных, но, в свою очередь, весьма актуальных в наши дни является сфера исполнения приговоров, в которой в том числе и участвуют прокуроры.

В настоящее время производств по вопросам освобождения от дальнейшего отбытия наказаний, смены исправительного учреждения, а также вопросы условно досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказаний практически ежедневно становятся предметами рассмотрения в судах различных уровней[1].

В соответствии с частью 6 статьи 399 УПК РФ в судебном заседании по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговоров имеет право участвовать прокурор.

Впервые стадия исполнения приговора упоминается еще в памятниках древнерусского права. Так, условно – досрочное освобождение проявилось в виде помилования еще в XIII в. Так, в 1234 г. Даниил Галицкий простил мятежных бояр Галича. Александр Невский помиловал поверженных им немецких рыцарей в 1242 году. Это говорит о том, что были первые факты использования института освобождения от наказания, а значит, можно говорить и о первом шаге к становлению института Условно досрочного освобождения[2].

Прокуратура как централизованный контрольно - надзорный орган государственной власти возникла в 1722 году по указу императора Петра I и с первого дня своего существования принимала активное участие в уголовном процессе в целом и в стадии исполнения приговора в частности[3].

С самого момента своего появления Прокуратура принимала активное участие в уголовном процессе. Поскольку стадия исполнения приговора на тот момент еще не была

[1] *См. Качалов В.И.* Особенности процессуального порядка разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора / В.И. Качалов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2017. - № 2 (38). - С. 19 - 29. – Текст: непосредственный.

[2] *Беляков А.В.* История развития института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / А.В. Беляков, А.В. Разова // Вестник Самарского юридического института. - 2015. - № 4. - С.190. – Текст: непосредственный.

[3] *Любушкин В.А.* История становления Российской прокуратуры / В.А. Любушкин, М.А. Зотов // Контентус. - 2017. - № 11 (64). - С.83. - Текст: непосредственный.

подробно регламентирована, Прокуратура выполняла базовые контрольные функции при исполнении наказаний[1].

В 1866 году вышло Положение «Об исправительных приютах», которое рассматривало УДО относительно несовершеннолетних преступников. Только закон «Об условно-досрочном освобождении» от 22 июня 1909 года распространил применение норм об УДО на осуждённых всех возрастных категорий[2].

Первым законодательным актом, который бы регулировал в советском праве вопросы условно-досрочного освобождения и освобождения от отбытия наказания был Декрет № 2 «О суде» от 7 марта 1918 г. Статья 32 данного декрета устанавливала, что «всем лицам, осужденным по приговорам народного суда, предоставляется право просить местный народный суд по месту жительства просителя об условном или досрочном освобождении, а также о помиловании или восстановлении в правах». Впоследствии 15 ноября 1920 года НКЮ утвердил Положение об общих местах заключения РСФСР, на основании которого каждый поступающий в места заключения преступник подлежал помещению в разряд испытуемых и должен был в нем содержаться в течение определенного периода для решения вопроса о последующем его освобождении[3].

В мае 1922 г. постановлением ВЦИК было принято первое Положение о прокурорском надзоре, согласно которому в составе Народного Комиссариата Юстиции была учреждена Государственная Прокуратура[4].

Первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР был принят в 1922 году. Данный акт является первым, подробно регламентировавшим процедуру рассмотрения вопросов на стадии исполнения приговора. В данном акте впервые был упомянут прокурор как участник судебного процесса по вопросам исполнения приговора[5].

Так, в соответствии со статьей 478 вопросы на стадии исполнения приговора разрешаются судом в судебном заседании с извещением прокурора и осужденного. Неявка вызываемых лиц не останавливает рассмотрения дела. Слушание дела начинается докладом одного из судей, после чего суд заслушивает заключение прокурора и объяснения осужденного и его защитника. По заслушании заключения прокурора и объяснения сторон суд выносит определение.

Ходатайства об условно - досрочном освобождении рассматриваются судом, не позже, как в месячный срок со дня поступления такового ходатайства, при чем в судебное заседание вызываются: прокурор, осужденный и лица, и учреждения, возбудившие ходатайства. Неявка вызываемых лиц и учреждений не останавливает рассмотрение дела.

Следует отметить, что данная норма примерно схожа с нынешней регламентацией процедуры участия прокурора при разрешении вопросов на стадии исполнения приговоров.

Вопросы на стадии исполнения приговора в соответствии с УПК РСФСР 1922 года рассматривались по месту нахождения исправительного учреждения, в котором

---

[1] *Бессарабов В.Г.* Дореформенная (петровская) прокуратура (1772—1864) / В.Г. Бессарабов // Журнал российского права. - 2002. - № 8. - С. 155-156. - Текст: непосредственный.

[2] *Максин Д.А.* Историческое развитие уголовно-процессуального законодательства и возникновение первых уголовно-процессуальных актов в России / Д.А. Максин // Молодой ученый. - 2021. - № 3 (345). - С. 191. - Текст: непосредственный.

[3] *Потехин С.В.* История развития российского уголовного законодательства об условно-досрочном освобождении / С.В. Потехин // Молодой ученый. - 2018. - № 44 (230). - С. 172. - Текст: непосредственный.

[4] *Ерёмин А.В.* История российской прокуратуры в определениях и схемах: учебное пособие / А.В. Ерёмин // Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. - С. 121. – Текст: непосредственный.

[5] *Россинский С.Б.* УПК РСФСР 1922 года - первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права (к 100-летию с момента принятия) / С.Б. Россинский // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. - 2022. - № 3. - С. 73 - 74. – Текст: непосредственный.

содержится осужденный. Следовательно и участие в судебных заседаниях принимали прокуроры, находящиеся в соответствующих районах или городах[1].

Иная правовая регламентация имелась в УПК РСФСР 1960 года. Вопросы условно досрочного освобождения, смены исправительного учреждения и освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью рассматривались без участия прокурора, хотя на практике прокуроры принимали в подобных заседаниях активное участие[2].

Извещение прокурора предусматривалось только при рассмотрении вопросов о снятии с лица судимости.

Рост числа дел, рассматриваемых в стадии исполнения приговора, повышенный интерес к ним органов прокуратуры создал необходимость в создании специализированного подразделения в органах прокуратуры, осуществляющий контроль и надзор за исправительными учреждениями, обеспечивающим участие органов прокуратуры в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговоров. В контексте Вологодской области первым таким подразделением стал созданный в 1978 году отдел Прокуратуры Вологодской области по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях.

В связи с продолжающимся ростом количества надзорных производств, производимых вышеуказанным отделом, было принято решение в 1983 году учредить специализированную прокуратуру – Вологодскую прокуратуру по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Вологодской области. В соответствии с приказом Генеральной прокуратуры СССР от 17 мая 1983 года на Вологодскую прокуратуру по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Вологодской области были возложены функции по контролю и надзору в исправительных учреждениях, лечебных профилакториях уголовно исполнительной системы, дознанием, следствием и оперативно розыскной деятельностью в исправительных учреждениях, а также представлении интересов Прокуратуры СССР в судах при рассмотрении вопросов об условно – досрочном освобождении, освобождении от дальнейшего отбывания наказания по болезни, а также о смене вида исправительного учреждения[3].

За период с 1983 по 1991 год Вологодская прокуратура по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Вологодской области приняла участие более чем в 2000 судебных заседаниях по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговоров[4].

Следующим этапом деятельности прокурора в стадии исполнения приговора является современный этап, связанный с правовой регламентацией деятельности прокурора в стадии исполнения приговора действующим уголовно – процессуальным кодексом Российской Федерации.

Рассмотрим зарубежный опыт участия прокурора в стадии исполнения приговора.

Так, в соответствии со статьей 481 УПК Республики Казахстан «При рассмотрении вопроса об освобождении от наказания или отсрочке отбывания наказания по болезни участие в судебном заседании защитника, законного представителя, прокурора, представителя учреждения или органа, исполняющих наказание, представителя врачебной комиссии, давшей заключение, обязательно. В необходимых случаях в судебном заседании участвует эксперт, проводивший экспертизу по постановлению суда и давший

---

[1] *Максин Д.А.* Историческое развитие уголовно-процессуального законодательства и возникновение первых уголовно-процессуальных актов в России / Д.А. Максин // Молодой ученый. - 2021. - № 3 (345). - С. 188. – Текст: непосредственный.

[2] *Ошуркова И.Г.* Функции прокуратуры в советском уголовном судопроизводстве / И.Г. Ошуркова, И.Г. Хлыстов // Молодой ученый. - 2017. - № 21 (155). - С. 337. – Текст: непосредственный.

[3] Прокуратура России. 295 лет. // Прокуратура Вологодской области. - 2017. - С. 56. – Текст: непосредственный.

[4] Годовая отчетность Вологодской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Вологодской области. // Государственный архив Вологодской области. - С. 53.

заключение». Аналогичная процедура проводится и при рассмотрении вопросов об условно досрочном освобождении, а также смене вида исправительного учреждения.

Как отмечала в своей работе Е.А. Букаева «участие прокурора в уголовном процессе как в России, так и в Республике Казахстан имеет множество схожих черт, в том числе и на стадии исполнения приговора»[1].

Рассмотрим вопрос участия прокурора в стадии исполнения приговора в Республике Беларусь. Так, на стадии исполнения приговора осуществляется контроль суда, постановившего приговор, за его исполнением и надзор прокурора за исполнением наказания и иных мер уголовной ответственности, назначенных судом[2].

Рассмотрим положение прокурора в стадии исполнения приговора в уголовно процессуальном кодексе Китайской народной республики.

В соответствии со статьей 222 УПК КНР «Если Народная Прокуратура считает, что распоряжение о смягчении приговора или условно досрочном освобождении, отданное Народным Судом, является неправильным, то она, в течение 20 дней с момента получения копи письменного приказа, должна отправить письменные рекомендации в Народный Суд. Народный Суд должен, в течение месяца с момента получения рекомендации, сформировать новую коллегию для рассмотрения дела и выдачи окончательного распоряжения». Статья 223 УПК КНР и вовсе устанавливает, что Народная Прокуратура наравне с Народным судом КНР вправе пересматривать ошибочные приговоры и постановления по уголовным делам.

Статьей 224 регламентировано, что Народная Прокуратура следит за тем, чтобы исполнение уголовного наказания исполнительными органами проходило в рамках закона. При обнаружении незаконных действий, Народная Прокуратура требует от исполнительных органов исправить их.

На основании вышеуказанного следует отметить, что Народная Прокуратура Китая осуществляет примерно те же функции, что и Прокуратура Российской Федерации на стадии исполнения приговоров. Отличительной же чертой является право Народной Прокуратуры КНР на пересмотр судебных актов, вынесенных ранее ошибочно[3].

Подводя итоги исследования вопроса исторического развития и зарубежного опыта участия приговора на стадии исполнения приговора можно сделать несколько выводов:

1) Периодизацией развития института участия прокурора в стадии исполнения приговора могут являться такие этапы, как: первоначальный (с момента образования органов Прокуратуры в 1722 году и до начала реформ Александра II), дореволюционный (с 1861 по 1917 годы), и советский (с 1917 и до наших дней). В советском периоде можно выделить два этапа – этап действия УПК РСФСР 1922 года и действия УПК РСФСР 1960 года;

2) Рост числа вопросов, рассматриваемых в судебных заседаниях на стадии исполнения приговора, вызвал необходимость в создании структурных подразделений в органах прокуратуры, которые будут ответственны за реализацию законодательства об исполнении приговоров - специализированные прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях.

3) Зарубежный опыт. УПК Казахстана и Беларуси демонстрируют схожесть с российским законодательством в части обязательного участия прокурора, что отражает общие подходы в постсоветских странах. Китайская модель выделяется более широкими полномочиями прокуратуры, включая пересмотр судебных актов, что может быть использовано для совершенствования российской практики.

---

[1] *Букаева Е.А.* Состязательность в уголовном процессе Казахстана и России / Е.А. Букаева // Молодой ученый. - 2021. - № 4 (346). - С. 406. – Текст: непосредственный.

2 *Матвиенко Е.А*. Уголовное судопроизводство по исполнению приговора: монография / Е.А. Матвиенко, В.Н. Бибило. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. - С. 132. – Текст: непосредственный.

3 *Лянь Миньянь* Совершенствование системы уголовного судопроизводства Китая / Лянь Миньянь // Вестник Бурятского государственного университета. - 2015. - № 2. - С. 175-176. – Текст: непосредственный.

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ

Игнашев Михаил Сергеевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Санташов Андрей Леонидович,
профессор кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент

Проблема незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов затрагивает не только Россию. Она является глобальной, носит транснациональный характер и вызывает озабоченность многих государств[1], что, конечно, отражается на правовом регулировании.

В частности, в рамках деятельности ООН были приняты ряд конвенций, направленных на контроль над наркотиками и борьбу с их незаконным оборотом. Так, Единая конвенция о наркотических средствах, принятая в 1961 г., закрепляет деление веществ на списки по степени необходимого контроля[2]. Схожий принцип установлен и в Конвенции о психотропных веществах 1971 г.[3] Также в 1988 г. разработаны и приняты общие положения о правонарушениях и санкциях в рассматриваемой сфере[4]. Именно с указанными конвенциями связывают становление международно-правовых основ регулирования оборота наркотических средств[5].

Вместе с тем, конкретные национальные правила устанавливаются государствами с учетом их системы права, что обуславливает различия в нормативно-правовом регулировании незаконного оборота наркотиков. В связи с этим видится интересным и актуальным проанализировать зарубежное правовое регулирование (Франция, Германия, Испания) и выявить его сходства или отличия с российским антинаркотическим уголовным законодательством.

В первую очередь, стоит отметить, что в законодательстве европейских стран, в отличие от российского, не распространен и, следовательно, подробно не регламентирован термин «аналоги» применительно к наркотическим средствам и психотропным веществам.

---

[1] *Подопригора А.А.* Опыт противодействия распространению наркотиков в молодежной среде в некоторых зарубежных странах / А.А. Подопригора // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии, 2017. – № 2. – С. 85. – Текст: непосредственный.

[2] Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_cov/conventons/pdf/single1961.pdf (дата обращения: 30.09.2025). - Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[3] Конвенция о психотропных веществах 1971 года. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_cov/conventons/pdf/substances1971.pdf (дата обращения: 30.09.2025). - Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[4] Конвенция Организации Объединенных Наций «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ». - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_cov/conventons/pdf/illicit_drugs.pdf (дата обращения: 30.09.2025). - Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[5] *Корякова Я.И.* Международно-правовой обзор законодательства в области незаконного оборота наркотиков / Я.И. Корякова // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 2014. – № 66. – С.32. – Текст: непосредственный.

Так, в ст. 29 Закона о наркотиках Германии упоминаются, помимо наркотических веществ иные препараты, которые выпускаются в качестве таковых[1]. Однако никаких критериев их определения не дано. Во Франции ст.222.33.3-222.43.1 Уголовного кодекса посвящены именно наркотическим средствам, перечень которых определяется в Кодексе общественного здравоохранения[2]. В ст. 368 Уголовного кодекса Испании также не употребляются какие-либо термины, позволявшие бы судить об открытом перечне запрещенных веществ[3].

В российском же правопорядке ст. 1 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» устанавливает понятие и критерии аналогов[4], благодаря чему имеется возможность установления уголовной ответственности за незаконный оборот не только строго поименованных веществ.

В рассмотренном аспекте компаративный анализ показал, что правовое регулирование в Российской Федерации более прогрессивно. Оно соответствует вызовам времени, в предупредительном порядке блокирует легальность оборота средств и веществ, схожих с прямо запрещенными и не требует от законодателя регулярного изменения перечней под страхом легализации новых средств и веществ с психоактивным действием. Указанная позиция нашла отражение и в доктрине[5].

Также видится необходимым сравнить санкции, применяемые в различных странах за наркотические преступления.

Так, ст. 368 Уголовного кодекса Испании по общему правилу предусматривает «тюремное заключение», срок которого определяется в зависимости от тяжести вреда, причиняемого наркотическим средством здоровью человека и штраф в кратном стоимости запрещенного вещества размере. Однако в примечании к указанной статье оговорено, что судья по своему усмотрению может назначить и более строгое наказание, что является особенностью испанского уголовного права[6].

Во Франции в зависимости от объективной стороны деяния предусмотрено лишение свободы от шести лет до пожизненного заключения с довольно существенными штрафами – 7 500 000 евро[7].

Можно отметить некоторую схожесть и жесткость правового регулирования в Испании и Франции. Указанный феномен объясняется тем, что испанское уголовное законодательство было разработано на основе французского[8].

Рассмотрим также правовой опыт Германии. Согласно ст. 29 Закона о наркотиках, установлена более мягкая, умеренная ответственность. А именно, допускается назначение

---

[1] Закон об обороте наркотиков (BtMG) от 28.07.1981. - URL: https://www.gesetze-im-internet.de/btmg_1981/BJNR106810981.html (дата обращения: 02.10.2025). - Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[2] *Краев Д.Ю*. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие / Л.С. Аистова, Д.Ю. Краев // 2-е изд. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. – С. 50. – Текст: непосредственный.

[3] Ley Organica 10/1995, de 23 de noviembre, del Codigo Penal. - URL: https://boe.es/buscar/act.php?id=BOE-F-1995-25444#a368 (дата обращения: 02.10.2025). - Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[4] Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета, 15.01.1998. № 7.

[5] *Цуканов Н.Н*. Законодательство об ответственности за правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотиков: опыт знакомства с зарубежными нормативными правовыми актами / Н.Н. Цуканов // Вестник Сибирского юридического института МВД России, 2022. – С. 121. - Текст: непосредственный.

[6] Ley Organica 10/1995, de 23 de noviembre, del Codigo Penal. - URL: https://boe.es/buscar/act.php?id=BOE-F-1995-25444#a368 (дата обращения: 02.10.2025). - Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[7] Code Penal. - URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/14297 (дата обращения: 04.10.2025). - Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[8] *Кобец П.Н*. Анализ уголовного законодательства в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков в государствах Андского сообщества наций / П.Н. Кобец // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы и перспективы совершенствования. Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Иркутск), 2019. – С. 64. - Текст: непосредственный.

либо лишения свободы до пяти лет, либо штрафа[1]. Таким образом, антинаркотическое законодательство Германии не предполагает обязательного лишения свободы.

Компаративный анализ показал, что страны по установленным санкциям за наркотические преступления можно разделить две группы. Во-первых, это страны жесткого регулирования, где лишение свободы является обязательным наказанием и даже может быть назначено более строгое наказание по сравнению с легально закрепленным (Франция, Испания). Во-вторых, это страны умеренного регулирования, к числу которых относится, например, Германия, где наказания применяются дифференцированно и лишение свободы предусматривает альтернативу в виде штрафа. В рассмотренном аспекте можно выявить сходство правовых подходов России и Германии.

Третий аспект, в контексте которого думается правильным проведение анализа – составы так называемых наркотических преступлений.

Во всех странах, законодательство которых взято для анализа, имеются основополагающие составы: ответственность предусмотрена за производство, хранение, перевозку и сбыт наркотиков. В Германии также прямо запрещена реклама наркотиков. В последнем случае можно на основе разъяснений Пленума[2] провести аналогию со склонением к потреблению, регламентированному ст. 230 УК РФ[3].

Вместе с тем, есть и ряд особенностей, не характерных для антинаркотического законодательства России.

Во-первых, и в Германии (ч.10-11 ст. 29), и во Франции (ст.222.38), и в Испании в объективную сторону наркотических преступлений входит также «предоставление возможности» другому лицу совершить противоправные действия с запрещенными веществами. Иными словами, в зарубежном законодательстве в качестве самостоятельного уголовно-наказуемого деяния выступает пособничество в сфере незаконного оборота наркотиков. Полагаем интересным рассмотреть возможность реципирования подобных положений в российское законодательство.

Во-вторых, во Франции, в соответствии со ст. 222.39 Уголовного кодекса, уголовная ответственность наступает также и за употребление наркотических средств. В России же потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача подпадает под действие административно-деликтного законодательства[4].

В качестве четвертого аспекта компаративного анализа следует проанализировать единообразие правового регулирования. В данном вопросе речь, прежде всего о Германии. Региональные особенности этого государства определяющим образом влияют и на антинаркотическое законодательство.

Так, не преследуется употребление наркотических средств в «незначительных количествах». Определение точных размеров регулируется не на федеральном уровне, а в каждой земле отдельно и по-разному. При этом количественный разрыв показателей между землями может достигать 10 раз[5].

На наш взгляд, подобная ситуация не способствует единству правового регулирования и порождает необоснованные различия в правовом режиме наркотических и психотропных веществ. В результате разрозненного правового регулирования может произойти дисбаланс в антинаркотическом законодательстве.

---

[1] Закон об обороте наркотиков (BtMG) от 28.07.1981. - URL: https://www.gesetze-im-internet.de/btmg_1981/BJNR106810981.html (дата обращения: 02.10.2025). - Текст: непосредственный.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета, № 137, 28.06.2006.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. 04.11.2025) // Российская газета, № 256, 31.12.2001.

[5] *Шумов В.А.* История противодействия преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в Германии / В.А. Шумов // Труды института государства и права РАН, 2010. - № 5. – С.65. - Текст: непосредственный.

Видится, что российский опыт в этой сфере более удачен, поскольку устанавливает единые нормативы в отношении количественных характеристик наркотических и психотропных веществ.

С учетом несовершенства правового регулирования отдельных стран некоторые исследователи предлагают сформировать единую правовую базу в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков[1]. Полагаем, что это преждевременно. Во-первых, особенности антинаркотического законодательства зависят от особенностей правовой системы в целом. Поэтому попытка тотальной унификации может привести к необходимости коренного пересмотра не только антинаркотического законодательства. Указанное не является в полной мере эффективным и не будет поддержано государствами. Во-вторых, на наш взгляд, прежде чем вводить какие-либо меры в общемировом масштабе, необходимо добиться их эффективности в рамках конкретной правовой системы.

По результатам анализа зарубежного законодательства и литературы можно прийти к следующим выводам. Законодательство Франции, Испании и, в особенности, Германии схоже с российским законодательством в некоторых аспектах. Однако имеются существенные отличия. Так, в зарубежном законодательстве не применяется термин «аналоги» наркотических средств и психотропных веществ или похожие. Это сужает круг нормативного регулирования и вынуждает при создании нового вещества оперативно вносить изменения. Также, например, германское законодательство является разрозненным, что усложняет контроль в сфере наркотиков. По санкциям, установленным за преступления в сфере наркотиков, можно выделить страны жесткого (Франция, Испания) и умеренного (Германия) регулирования. В части совершенствования российского антинаркотического уголовного законодательства предлагается рассмотреть возможность расширить объективную строну составов и включить в нее указание на «предоставление возможности» или оказание содействия в совершении действий с наркотиками, запрещенных законодательством.

[1] *Новикова К.А.* Международно-правовое регулирование отношений в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ и их аналогов / К.А. Новикова // Научно-издательский центр «Мир науки», 2017. – С. 539. - Текст: непосредственный.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Кедровский Александр Сергеевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Герасимова Елена Владимировна,
заведующий кафедрой уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Проблемы преступности несовершеннолетних всегда отличались особой остротой и актуальностью. Рост социальных противоречий, связанный прежде всего с появлением частной собственности и имущественным расслоением населения, вызвал резкое увеличение масштабов преступности и, в частности, преступности несовершеннолетних.

Согласно Уголовному Кодексу Российской Федерации, несовершеннолетие виновного является обстоятельством, обязывающим применять смягчение наказания, ввиду п «б» ч.1 ст. 61 УК РФ, или применения взамен наказания принудительных мер воспитательного воздействия, не являющихся наказанием. Основанием для выделения несовершеннолетних как отдельной группы являются особенности сформированности их психики. Закон в этом случае исходит из того, что несовершеннолетние нередко совершают преступления под влиянием взрослых, из чувства подражания, нежелания отстать от других, в стремлении показаться другим, чем есть на самом деле, и т.д. Кроме того, подростки в силу недостаточной жизненной зрелости, неустоявшейся психики далеко не всегда поступают должным образом. К тому же следует учитывать и то, что для их исправления, как правило, не требуется длительного времени. Все эти обстоятельства и обусловливают смягчение наказания несовершеннолетним.

Уголовный кодекс Российской Федерации, основываясь на приоритетности принципа гуманизма, а также исходя из особого правового статуса несовершеннолетних, нуждающихся в повышенной правовой охране и защите, в ч. 1 ст. 90 УК РФ предусматривает возможность освобождения их от уголовной ответственности при совершении преступлений небольшой или средней тяжести, если существует вероятность их исправления посредством применения принудительных мер воспитательного воздействия. Аналогичное правило относительно освобождения несовершеннолетних от наказания установлено в ч. 1 ст. 92 УК РФ[1].

Стоит отметить, что данное положение устанавливает именно возможность, то есть является правом, а не обязанностью для освобождения от уголовной ответственности. Однако, в п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда № 1 от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» разъясняет судам о недопустимости назначения несовершеннолетним уголовного наказания, если совершенное ими преступление относится к категории небольшой или средней тяжести, а исправление возможно с использованием принудительных мер воспитательного воздействия[2].

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 4, апрель, 2011.

Отсюда следует, что фактически любой несовершеннолетний, совершивший нетяжкое преступление, может быть освобожден от уголовной ответственности и наказания и станет претерпевать лишь принудительные меры воспитательного воздействия.

Перечень принудительных мер воспитательного воздействия содержит четыре их разновидности и указан в ч. 2 ст. 90 УК РФ:

а) предупреждение;

б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа;

в) возложение обязанности загладить причиненный вред;

г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Данный перечень, равно как и перечень уголовно-правовых наказаний, носит закрытый характер, а отдельные виды воспитательного воздействия носят различный характер и степень воздействия на субъект исправления.

Исходя из анализа уголовно-правовой нормы, возможность исправления преступника, является решающим обстоятельством для применения к несовершеннолетнему для исправления именно принудительных мер воспитательного воздействия. Другое условие – совершение преступление небольшой или средней тяжести – по своему характеру является формальным, и носит ограничивающий характер, выделяя лишь отдельную категорию преступлений, подчеркивая, тем самым внимание законодателя к правовым последствиям и степени тяжести, степени общественной опасности преступления, совершенного несовершеннолетним. Иное формирование и текстуальное изложение указанной нормы может привести к необоснованно широкому ее применению[1].

Несмотря на теоретическую обоснованность предложенного перечня мер, представляется важным оценить его практическую ценность и эффективность в контексте воспитательного воздействия на несовершеннолетних и их исправления.

Стоит начать с самой первой и относительно «мягкой» меры – предупреждения. Это проявляется в том, что данная мера не влечет последствий в виде наложения правоограничений на реализацию прав и свобод.

Предупреждение как принудительная мера воспитательного воздействия, применяемая к несовершеннолетнему, согласно ч. 1 ст. 31 УК РФ, предполагает разъяснение ему вредности деяния, а также негативных последствий, которые могут наступить при повторном нарушении норм уголовного закона. Правовую природу и сущность данной меры, в связи с этим можно определить как психологическое воздействие определенной степени, направленное на индивидуальное воздействие на конкретно-определенную личность несовершеннолетнего, совершившего данное преступное деяние[2].

Предупреждение облекается в такую форму словесного воздействия как убеждение. Суд, вынося предупреждение, должен убедить несовершеннолетнего правонарушителя в неправоте его поведения и убедить в необходимости правомерного поведения и необходимости соблюдения закона.

Предупреждение должно быть сформулировано в доступной для несовершеннолетнего форме, с учётом его индивидуальных особенностей. Судья, как

---

[1] *См. Тюрина И.Н.* Принудительные меры воспитательного воздействия как средство предупредительного воздействия / И.Н. Тюрина // Вестник Воронежского института МВД России. - 2020. - № 1. - С. 286-292. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Савина Т.А.* Значение предупреждения как принудительной меры воспитательного воздействия / Т.А. Савина // Современные тенденции развития науки и технологий. - 2016. - № 1-7. - С. 89-91. - Текст: непосредственный.

представитель судебной власти, должен обладать авторитетом, который будет непререкаемым для подростка.

Задача предупреждения заключается не только в том, чтобы убедить несовершеннолетнего в неправомерности его действий, но и сформировать у него понимание необходимости соблюдения законов. В некоторой степени это можно рассматривать как воспитательную меру.

Эффективность данной меры и ее действенность в отношении несовершеннолетнего достаточно сомнительна, так как несовершеннолетние, посягающие на охраняемые уголовным законом блага, как правило, знают все возможные их последствия, в том числе и то, что при повторном совершении преступления небольшой или средней тяжести после однократного освобождения от уголовной ответственности, они снова имеют возможность быть освобожденными от нее.

Многие исследователи, в результате анализа понятия, сущности и правовой природы предупреждения сделали выводы об избыточности и бесполезности данной меры воспитательного воздействия.

Е. В. Медведев также справедливо указывает, что эта мера выполняет функции, которые ей не свойственны. Она не предназначена для того, чтобы объяснять общественную опасность и вредные последствия преступности, а также убеждать несовершеннолетних в необходимости следовать закону. Эти задачи входят в обязанности специализированных государственных органов, которые занимаются профилактикой[1].

По сути, для применения предупреждения к несовершеннолетнему преступнику необходимо реальное существование некоторого количества условий, которые по большинству носят вероятностный характер. Как указывает А.В. Брилиантов условием применения предупреждения как меры воздействие наличие абсолютной убеждённости в том, что несовершеннолетний осознал свой проступок и раскаялся в его совершении[2]. Данная убежденность может сформироваться у суда после всестороннего изучения обстоятельств рассматриваемого дела, личности виновного, условий его жизни и воспитания.

По сути, судья должен взять на себя не только роль правоприменителя, но и психолога. Однако несмотря на все учтенные обстоятельства невозможно точно определить действия несовершеннолетнего в будущем.

Поэтому оказать воспитательное воздействие на несовершеннолетнего посредством применения предупреждения как принудительной меры довольно трудно. Данную меру невозможно отнести к мерам уголовно-правового характера. Эта мера воспитательного характера не содержит никаких ограничительных элементов, обладает условно воспитательным воздействием на морально-этическую сферу развития несовершеннолетнего, а потому ее целесообразно из перечня исключить вообще.

Следующей в перечне мер воспитательного воздействия представлена передача несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа. Ее суть состоит в возложении на указанных субъектов обязанности по воспитательному воздействию и контролю за их поведением.

Как пишет В. Ф. Щепельков, применение данной меры исключает возложение на несовершеннолетнего каких-либо обязанностей. Самостоятельное ее применение поражает в правах только лиц, на которых будет возложен контроль за его поведением[3].

---

[1] *Медведев Е.В.* Понятие и виды принудительных мер воспитательного воздействия / Е.В. Медведев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2009. - № 4. - С. 1. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Бриллиантов А.В.* Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. – Москва: Проспект, 2016. - 792 с. – Текст: непосредственный.

[3] *Шепельков В.Ф.* Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты / В.Ф. Шепельков. – М., 2003. - С. 384. - Текст: непосредственный.

Если рассматривать содержание данной меры, то, в первую очередь, оно направлено не на несовершеннолетнего, а на его родителей или лиц, их заменяющих, а также на специализированный государственный орган. С. А. Боровиков считает, что целью, которая преследуется назначением данной меры, является многократное привлечение внимания указанных лиц или специализированного органа к подростку, его кругу общения, поведению, времяпрепровождению, и принятие соответствующих мер реагирования; возможность попробовать специфическим образом обратить внимание и сподвигнуть самого нарушителя к внутренней переоценке происходящего вокруг, к тем изменениям в его жизни, которые затрагивают не только его, но и близких ему людей[1].

По мнению Е. В. Медведева, в рассматриваемой норме уголовного закона есть заметное противоречие: обязанность по воспитанию детей – прямое, установленное Конституцией Российской Федерации, а также семейным законодательством требование, в уголовно-правовом дублировании которого нет острой необходимости[2].

Таким образом на мой взгляд данная мера носит скорее педагогический характер, которая заключается в акцентировании внимания на поведении подростка, более активном воспитательном воздействии, устранении или нейтрализации криминогенных условий, усилении контроля за свободным временем ребенка.

Далее стоит перейти к третьей мере – возложение обязанности загладить причиненный вред. Как следует из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» под заглаживанием вреда следует понимать возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего. Способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются потерпевшим.

По своему характеру данная мера имеет имущественный характер и обязывает подростка, совершившего преступление, к непосредственному устранению вреда своими силами или возмещению ущерба в денежном или ином эквиваленте. Таким образом, эта мера оказывает влияние на имущественные права несовершеннолетнего. Заглаживание причиненного вреда может выражаться в передаче либо эквивалента стоимости утраченного имущества в денежном выражении, либо самого имущества, равноценного утраченному.

Законодатель не ставит целью полное возмещение вреда, не определяет вид ущерба и не конкретизирует срок возмещения. Таким образом, то, как будет возмещен ущерб, не является первоочередным вопросом. Если возмещение ущерба предполагает восстановление повреждённой вещи, то виновное лицо должно обладать необходимыми физическими способностями и трудовыми навыками, то есть речь идет о способности и возможности несовершеннолетнего выполнить ту или иную работу. Это необходимо для решения вопроса о возложении на несовершеннолетнего обязанности, например, лично своим трудом изготовить или отремонтировать уничтоженное или поврежденное имущество, осуществлять уход за потерпевшим, обустроить нарушенный преступлением быт потерпевшего и т. п. Выполнение данных обязанностей, помимо всего прочего, имеет важное воспитательное значение для несовершеннолетнего. Однако отсюда могут возникать проблемы с контролем за соблюдением правил охраны труда и техники безопасности, а также с предоставлением необходимых инструментов и материалов.

Также решение о возложении на несовершеннолетнего обязанности загладить причиненный вред должно быть принято с учетом имущественного положения

---

[1] *Ревин В.П.* Уголовное право России. Общая часть / под ред. В.П. Ревина // Юстицинформ, 2009. - С. 182. – Текст: непосредственный.

[2] *Медведев Е.В.* Понятие и виды принудительных мер воспитательного воздействия / Е.В. Медведев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2009. - № 4. - С. 1. – Текст: непосредственный.

несовершеннолетнего и наличия у него соответствующих трудовых навыков, поскольку выполнение данной обязанности также предполагает возможность ее исполнения в денежной форме. Имущественное положение несовершеннолетнего определяется наличием у него самостоятельных доходов или личного имущества. К самостоятельным доходам несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет в соответствии со ст. 26 ГК РФ относятся заработная плата, стипендия, пенсия, иные доходы из законных источников, гонорары, проценты по вкладам и т. д.

На мой взгляд данная мера потенциально имеет больший эффект на несовершеннолетнего, чем предыдущие. По своей природе неприятные последствия в данном случае будет несть сам виновный, кроме того, за свои действия он может понести имущественный ущерб.

Последней представленной мерой в ст. 90 УК РФ представлено ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Содержание принудительной меры в виде ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего раскрывается в ч. 4 ст. 91 УК РФ, которая закрепляет конкретные разновидности запретов и ограничений, налагаемых на несовершеннолетнего.

Ограничение досуга выражается в запрете, например, посещать стадионы, вокзалы, дискотеки, клубы, бары, рестораны, кафе и другие общественные места. Виды конкретных мест, куда ограничивается доступ несовершеннолетнего, должны определяться, во-первых, с учетом места совершения им преступления и, во-вторых, преследуя цель оградить несовершеннолетнего от тех мест проведения досуга, которые способствуют совершению преступлений[1].

В части 4 статьи 91 Уголовного кодекса Российской Федерации для несовершеннолетних предусмотрен запрет на определённые формы досуга, однако перечень этих форм не приводится, а лишь указывается, что они могут быть связаны с управлением механическим транспортным средством.

Прямое упоминание транспортного средства, вероятно, обусловлено тем, что оно может выступать как предметом, так и средством совершения преступлений. Например, несовершеннолетний может использовать автомобиль для того, чтобы заманить в него девушку и совершить её изнасилование, или же осуществить угон или хищение транспортного средства.

По своему характеру ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего лица наиболее похоже на условное осуждение и ограничение свободы. Тот же характер обязанностей, которые возлагаются на виновное лицо, наличие специализированного государственного органа, который осуществляет контроль за его поведением, схожие юридические последствия систематического нарушения обязанностей, возложенных судом на виновного.

Главное же отличие кроется в том, что ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего лица не влечет за собой судимость. Указанная мера налагается на несовершеннолетнего с целью обеспечить возможность его исправления без применения к нему наказания и связанных с ним иных уголовно-правовых последствий. Несовершеннолетнему лицу предоставляется еще одна возможность показать себя законопослушным членом общества, но уже с более узким пределом свободы его поведения, ограниченным возложенными на него судом обязанностями.

Из названия рассматриваемой меры воспитательного воздействия мы видим, что основным правоограничением является досуг и поведение несовершеннолетнего лица. Как известно, в уголовном праве понятия досуга не имеется, но оно там и не нужно. Вполне достаточно общелитературного значения слова «досуг», которое довольно ясно

[1] *Костюк М.Ф.* Понятия и виды иных мер уголовно-правового характера : учеб. пособие / М.Ф. Костюк, А.Н. Батанов, В.А. Посохова, Т.М. Калинина // М.: Проспект, 2011. - С. 73. – Текст: непосредственный.

раскрывает содержание положения ч. 4 ст. 91 УК РФ. Под досугом принято понимать «время, свободное от работы, занятий, каких-либо дел»[1].

В законодательстве не содержится исчерпывающего списка требований и ограничений, которые могут быть установлены для несовершеннолетних.

На основе информации о личности подростка, его отношениях с окружающими, образе жизни и ближайшем окружении, суд может принять решение о применении дополнительных ограничений и запретов, необходимых для воспитательного воздействия на несовершеннолетнего, совершившего преступление.

Среди возможных ограничений и запретов, которые могут быть применены к несовершеннолетнему, можно выделить:

1) запрет на участие в неформальных объединениях с антиобщественной направленностью;
2) обязанность пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания;

Целесообразно смотрится идея включения в рассматриваемый перечень запрета несовершеннолетнему общаться с определенным лицом, оказавшим на него негативное влияние. Данный запрет будет оправдан, в частности, если необходимо оградить несовершеннолетнего от общения со взрослым лицом, которое ранее вовлекало подростка в совершение какого-либо преступления или иных антиобщественных действий.

На мой взгляд, наличие данной меры в перечне полностью оправдано. Применение рассматриваемой принудительной меры направлено на создание условий, которые способны воспрепятствовать негативному влиянию микросреды на несовершеннолетнего либо на то, чтобы побудить подростка самому отказаться от участия в криминогенных ситуациях. Тем самым на несовершеннолетнего оказывается и определенное воспитательное воздействие, способствующее предупреждению совершения несовершеннолетним новых правонарушений.

Однако при назначении ограничений суду также стоит помнить о сохранении нормального развития и социализации несовершеннолетнего. Необходимо помнить, что налагаемые ограничения в первую очередь должны ограждать ребенка от негативных факторов, а не тормозить его развитие в социальной среде.

Итак, подводя итоги, следует отметить, что перечень принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых в качестве основания для освобождения от уголовной ответственности, представляет собой значимый институт уголовного права. Однако этот институт не лишён недостатков.

Для совершенствования законодательства в данной области необходимо провести детальный анализ рассматриваемых мер, исключив из перечня те, которые оказались малоэффективными, и более тщательно регламентировав те, в которых существуют явные пробелы.

[1] См. Словарь современного русского литературного языка. Т. 10 (По-поясочек). М.-Л. 1960. - 1774 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005646963/ (дата обращения: 04.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И МЕХАНИЗМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Кипяткова Мария Михайловна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Уторова Татьяна Николаевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

Государство, выступая в качестве заказчика либо потребителя продукции множества субъектов хозяйственной деятельности, служит поддержкой отечественным производителям, способствует развитию малого и среднего предпринимательства, стимулирует рост различных отраслей экономики и обеспечивает эффективное управление финансовыми ресурсами. В современных условиях значительная часть нужд государства и муниципалитетов обеспечивается посредством закупки товаров, работ и услуг, что поражает масштабами выделяемых бюджетных средств. По данным Министерства финансов Российской Федерации, в I квартале 2024 года отмечается увеличение количества и стоимостного объема размещенных извещений об осуществлении закупок на 7% и 5% соответственно по сравнению с аналогичным периодом 2023 года[1]. Выделение значительных объемов бюджетных средств для осуществления государственных закупок создает условия для совершения различных противоправных посягательств. Данная проблема характерна не только для России, но и практически для всех развитых государств, о чем свидетельствуют результаты крупных специализированных исследований[2].

Сфера закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд представляет собой особый рынок, включающий контрактные соглашения и состоящий из различных механизмов и институтов, основной задачей которых является придание данной деятельности организованности и законности. В современных условиях многие вопросы экономического развития, поддержания обороноспособности государства, проведения социальной политики регулируются с помощью средств государственного и муниципального заказа. Этот инструмент традиционного решения экономических процессов в условиях рыночной экономики позволяет эффективно решать проблему правильного распределения и использования ресурсов. Процесс проведения процедур государственных и муниципальных закупок должен являться одним из основных факторов улучшения экономической политики государства, а его основными принципами должны выступать открытость и прозрачность, эффективность и экономичность, добросовестная конкуренция, беспристрастность оценки результатов и другие.

Вместе с тем рыночная экономика характеризуется стремлением каждого участника получить максимальную прибыль при минимальных затратах и обойти в этом

[1] Сводный аналитический отчет о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц за I квартал 2024 г. Официальный сайт Министерства финансов РФ. URL:https://minfin.gov.ru/common/upload/library (дата обращения: 12.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *См. Кампос Э.* Многоликая коррупция: выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления / под ред. Эдгардо Кампоса, Санджая Прадхана; пер. с англ. В. Ионов, И. Окунькова, С. Сурин // Москва : Альпина Паблишерз, 2010. - 549 с. – Текст: непосредственный.

вопросе своих оппонентов. Как отмечал К. Маркс, «капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»[1]. В связи с этим представители рынка зачастую вступают в коррупционные отношения с представителями государственного заказчика в целях получения привилегированного доступа к казенным федеральным средствам быстрее предполагаемых оппонентов.

Государство предпринимает длительные попытки организовать по-настоящему свободную конкуренцию на рынке закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд и эффективно бороться с проявлениями коррупции в данной сфере. Данный процесс включает в себя не только комплексное реформирование законодательных актов, регламентирующих данную сферу, но и применение иных инструментов, в том числе общественных, для формирования действенных механизмов, обеспечивающих равенство всех участников закупок. Следует отметить, что значительное число преступлений, совершаемых в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, по различным причинам остается латентным и не всегда попадает в поле зрения правоохранительных органов. По словам бывшего Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки, «особую трудность в выявлении преступлений в сфере государственных закупок вызывает их высокая латентность, связанная с тем, что должностные лица, занимающиеся организацией проведения торгов (тендеров), привлекают для участия в них аффилированные с ними коммерческие организации, которые с помощью различных схем картельного сговора (демпингование, договорные условия с участниками торгов, использование инсайдерской информации и другое) выигрывают тендеры»[2]. Как справедливо отмечает профессор А.А. Кашкаров, высокий уровень латентности должностной преступности приводит не просто к рецидиву, а к мультипликативному эффекту, выражающемуся в новом витке вовлечения новых жертв в сферу должностной преступности[3].

К факторам, способствующим латентности преступлений в рассматриваемой сфере, относятся: неудовлетворительная работа органов, призванных обеспечить контроль в сфере государственных закупок; высокая технологичность преступлений за счет широкого применения информационных технологий; тайные соглашения между исполнителями и представителями государственного (муниципального) заказчика; нарушение процедуры размещения заказа для обеспечения государственного и муниципального заказа; несвоевременная и некачественная разработка государственного (муниципального) задания. Преступность в указанной сфере превратилась в отлично регулируемую систему расхищения государственных и муниципальных бюджетов и представляет одну из основных угроз функционированию не только экономической системы страны, но и самого государства. Отсюда следует вывод, что эффективная борьба с правонарушениями в данной сфере невозможна без совместных усилий всех органов власти, местного самоуправления и общества.

Ключевым инструментом противодействия общественно опасным деяниям на протяжении многих столетий остается уголовный закон. Именно его нормы призваны

---

[1] *Маркс К.* Капитал. Гл. 24, примечание в конце п. 6 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. 2-е изд. - Т. 23. - С. 770. – Текст: непосредственный.

[2] Всего за год было выявлено 220 таких преступлений, сообщается в докладе генпрокурора РФ Юрия Чайки. URL: https://tass.ru/obschestvo/5134470 (дата обращения: 13.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Кашкаров А.А.* Виктимная амбивалентность на примере взяточничества /А.А. Кашкаров // Виктимология. - 2017. - № 2. - С. 36. – Текст: непосредственный.

охранять интересы личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств и предупреждать их. «Будучи в силу своей природы крайним средством, с помощью которого государство реагирует на факты правонарушающего поведения, уголовный закон распространяет свое действие лишь на те сферы общественных отношений, регулирование которых с помощью норм иной отраслевой принадлежности, в том числе норм об административной ответственности, оказывается недостаточным»[1]. Еще в девятнадцатом веке известный русский ученый-криминалист Н.С. Таганцев писал: «… устанавливая, какие именно посягательства на охраненные нормами интересы признаются столь существенными условиями общежития, что государство защищает их от неисполнения угрозой наказания, закон уголовный определяет содержание, возникновение и прекращение отношений, образующихся между государством и преступником вследствие учинения преступного деяния, другими словами, определяет объем и условия осуществления правоохраны»[2].

Суть коррупции во многом отражают формы (проявления) этого негативного явления. Помимо общих для многих стран проявлений коррупции (взяточничество, лоббизм, протекционизм и др.), исследователи справедливо выделяют оригинальный российский «блат»[3]. Важным вопросом является определение критериев отнесения того или иного деяния к общественно опасному, то есть преступному. В современной науке уголовного права существует ряд мнений относительно оценки криминализации того или иного деяния. Так, А.И. Коробеев выделяет три группы оснований для признания деяния общественно опасным: социально-экономические, которые определяются причиняемым деянием ущербом, отсутствием возможных негативных последствий его криминализации и наличием объективной возможности уголовно-правового запрета; юридико-криминологические, определяемые распространенностью и типичностью деяний, их динамикой с учетом причин и условий; социально-психологические, определяемые уровнем общественного правосознания и историческими традициями[4].

С. Прадхан и Э. Кампос определяют коррупцию в сфере государственных закупок как одну из самых острых социальных проблем, стоящих перед правительствами, которая подрывает экономику, порождает цинизм и лицемерие в обществе, а порой угрожает существованию самих правительств. Безусловно, для борьбы с коррупцией необходимо формирование четкой и адекватной правовой и регулятивной базы[5]. Решение проблемы разработки эффективных правовых средств противодействия преступлениям в сфере государственных и муниципальных закупок позволит не только исключить причиняемый ими вред, но и оптимизировать государственные траты на его собственные нужды. Правовое регулирование призвано обеспечивать достаточный уровень защиты основанных на законе интересов добросовестных участников экономических отношений. Будучи инсментом упорядочивания хозяйственной деятельности, оно способствует

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2023 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта «в» части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина (С.Ф. Шатило» // Собрание Законодательства РФ. 2023. № 18. Ст. 3389.

[2] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1 / Н.С. Таганцев // Тула, 2001. - С. 133. - Текст: непосредственный.

[3] *См. Гилинский Я.И.* Коррупция: теория, российская реальность, социальный контроль / Я.И. Гилинский // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. - 2003. - № 1 (6). - С. 238 – 255. - Текст: непосредственный; *Леденева А.В.* Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе / А.В. Леденева // Мир России. Социология. Этнология. - 1997. - Т. 6. - № 4. - С. 89 - 106. - Текст: непосредственный.

[4] *Коробеев А.И.* Уголовная наказуемость общественно опасных деяний (основания установления, характер и реализация в деятельности органов внутренних дел): учебное пособие / А.И. Коробеев // Хабаровск, 1986. - С. 66. - Текст: непосредственный.

[5] *Кампос Э.* Многоликая коррупция. Выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления / Э. Кампос, С. Прадхан // Москва, 2010. - С. 441. - Текст: непосредственный.

рациональному управлению бюджетными средствами, гарантирует населению доступ к продукции, отвечающей современным стандартам качества.

В юридической доктрине ученые рассматривают криминализацию с двух сторон: во-первых, как процесс принятия законодателем решения о признании соответствующего деяния преступным; во-вторых, как результат в виде появления в структуре уголовного закона новой нормы. В числе первых исследователей понятие криминализации определил А.М. Яковлев, по мнению которого криминализация предполагает «социальный и правовой процесс выявления тех видов индивидуальных актов поведения, которые представляют опасность для господствующих общественных отношений, и отнесения их в законе к числу преступных, уголовно-наказуемых, противоправных»[1].

Анализ зарубежного опыта противодействия преступлениям коррупционной направленности в сфере государственных закупок позволяет выделить две основные группы стран. Первая группа включает государства, которые на законодательном уровне предельно ясно закрепили в уголовном законе специальные нормы, устанавливающие строгую и неотвратимую ответственность за уголовные деяния в сфере госзакупок (Армения, Китай и др.). Вторая группа представлена странами, применяющими иные нормы законодательства (в том числе уголовного и административного) при противодействии уголовно наказуемым деяниям в сфере госзакупок (Франция, США и др.)[2].

Республика Армения в своем уголовном законе выделяет злостное нарушение правил осуществления открытых торгов, которые причинили его организатору (собственнику имущества, хозяйствующему субъекту, покупателю) крупный ущерб (ст. 196 УК РА). Данное уголовное деяние ограничено процедурой проведения публичных государственных торгов и не охватывает этап исполнения госзакупок, а также конкретный прием результатов госзаказа. Преступление может совершаться как участниками госторгов (генподрядчиками, поставщиками, вендорами), так и представителями самого заказчика для государственных нужд Армении. При этом должны наступить общественно опасные последствия в виде крупного ущерба для одной из сторон госзакупок.

Соединенные Штаты Америки характеризуются чрезвычайно жестким антикоррупционным законодательством. За различные виды коррупции – взятка, кикбэкинг (выплата части незаконных денег участнику сделки) и др. – предусмотрены штрафы в тройном размере взятки или тюремное заключение от 15 лет, либо то и другое одновременно, а при отягчающих обстоятельствах – лишение свободы до 20 лет. Борьба с коррупцией облегчается тем, что в США фактически нет иммунитетов для должностных лиц. Любой чиновник, включая президента, конгрессменов и сенаторов, может быть привлечен к уголовной ответственности, хотя и в особом порядке, после отстранения его от должности.

Франция также обеспокоена наличием коррупционных деяний в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Это привело к тому, что законодатель Франции постоянно разрабатывает и внедряет в свой уголовный закон конкретные нормы, направленные на противодействие коррупционным проявлениям в сфере госзакупок. Принятие «Кодекса государственных закупок» установило должный порядок их планирования, проведения и организации, что позволило правоприменителю выявлять конкретные признаки уголовных деяний при нарушениях в сфере государственной деятельности и экономических отношений.

Антикоррупционная стратегия Китая существенно отличается от рассмотренных выше подходов и основана на превалировании репрессивных мер воздействия. В 2003

---

[1] *Яковлев А.М.* Социальные функции процесса криминализации / А.М. Яковлев // Советское государство и право. - 1980. - № 2. - С. 95. - Текст: непосредственный.

[2] *Любой И.А.* Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук, 2022. - Омск. - С. 225. - Текст: непосредственный.

году в КНР был создан Антикоррупционный комитет, который занимается не только расследованием коррупционных преступлений, за которые предусмотрена смертная казнь, но выполняет также исполнительные функции. Согласно имеющимся данным, этот Комитет привел к применению смертной казни к около 1200 чиновникам разного ранга, часть из них покончила жизнь самоубийством, свыше 8 тысяч покинули страну. Кроме того, в КНР действует «горячая» телефонная линия, по которой любой житель может анонимно сообщить о фактах взяточничества или злоупотребления служебным положением чиновников[1].

Подводя итого, следует отметить, что общественная опасность злоупотреблений, совершаемых в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, заключается в особой значимости общественных отношений, страдающих в результате совершения данных посягательств, в результате чего преступному воздействию подвергаются такие блага, как общественная безопасность, нормальная работа государственных органов, выполнение социальных и экономических программ государства; в причинении материального ущерба государству и обществу посредством заключения заведомо невыгодных контрактов, их некачественного исполнения, способствующего развитию теневой экономики, необоснованному повышению цен в социально значимых областях, а также росту экономического расслоения общества и недоверию граждан к государству; в повышенной общественной опасности злоупотреблений в сфере государственных и муниципальных закупок в целом, а не только при выполнении государственного оборонного заказа, которые совершаются не только должностными лицами и лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих организациях, но и субъектами, указанными в ч. 1 ст. 204 УК РФ.

Все это ведет к нарушению принципа свободной конкуренции, гарантированного Конституцией Российской Федерации, распространенность и латентный характер преступных проявлений в сфере государственных и муниципальных закупок, вызванные отсутствием надлежащего контроля со стороны уполномоченных органов, посягательство на интересы государства не только со стороны представителей заказчика, но и со стороны исполнителей государственного (муниципального) контракта. Коррупционные преступления в сфере государственных закупок вряд ли могут быть искоренены полностью, об этом свидетельствует опыт стран с самыми развитыми системами контроля реализации государственных контрактов. В связи с этим первоочередными задачами проводимой государством политики, в том числе уголовно-правовой, является минимизация подобных противоправных посягательств, а также способствующих им условий.

Тревогу вызывает тот факт, что по результатам уже проведенных криминологических исследований наблюдается значительное несоответствие восприятия уровня коррупции в сфере государственных закупок между представителями правоохранительных органов и представителями бизнеса. В этой связи задачами уголовно-правовой и криминологической науки становятся, во-первых, научно обоснованное объяснение причин подобных «перекосов» и, во-вторых, поиск путей их нивелирования. Дальнейшее совершенствование уголовно-правовой политики и мер уголовно-правового воздействия в рассматриваемой сфере должно осуществляться на основе глубоких, научно обоснованных, структурированных в соответствии с решаемыми задачами методов криминологических исследований, объектами которых должны стать преимущественно широкие слои предпринимателей, участвующих в государственных закупках, а также должностные лица органов государственной власти как более прямо вовлеченные группы участников в высоколатентные преступления коррупционной направленности.

[1] Азиатская модель противодействия коррупции. - URL : https://textbook.tou.edu.kz/books/140/9.5.html (дата обращения: 14.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВВЕДЕНИЯ НОВЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, ПРИМЕНЕНИЕ КОТОРЫХ ВЛЕЧЕТ ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ И КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Кирсанов Дмитрий Евгеньевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Морозов Роман Михайлович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве установлена возможность прекращения уголовного дела или уголовного преследования с применением такой меры уголовно-правового характера как судебный штраф, что регламентировано ст. 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)[1]. Судебный штраф является иной мерой уголовно-правового характера, что следует из раздела VI Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[2].

Как следует из пояснительной записки, введение указанных положений было обусловлено необходимостью достижения целей справедливости и соразмерности наказаний[3].

Несмотря на сравнительно недавнее введение вышеупомянутого института в российский правопорядок, он стал востребованным как на судебных, так и на досудебных стадиях[4]. Как указывает Верховный Суд Российской Федерации, уже на 2019 год судебный штраф широко применялся в правоприменительной практике[5]. За 2024 год с назначением судебного штрафа было прекращено 2 092 уголовных дела[6]. Все вышеуказанное свидетельствует о значимости иных мер уголовно-правового характера в аспекте прекращения уголовного дела и уголовного преследования.

В доктрине существует дискуссия относительно того, следует ли предусмотреть какие-либо другие меры уголовно-правового характера, применение которых, наряду с

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Парламентская газета, № 241-242, 22.12.2001.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

[3] Пояснительная записка к законопроекту № 953398-6 // Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/953398-6 (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] *Овсянников И.В.* Дискуссионные вопросы применения института судебного штрафа/ И.В. Овсянников // Российская юстиция, 2023. — № 9. — С. 39 – 44, Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=153678#TocSAHV8MynkVmik (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: для зарег. пользователей. – Текст: электронный.

[5] Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ, декабрь 2019. № 12.

[6] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2024 год // Данные судебной статистики URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942 (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

судебным штрафом, могло бы влечь прекращение уголовного дела и уголовного преследования[1].

Основу для дискуссии заложили несколько законопроектов, внесенных Верховным Судом Российской Федерации: № 612292-7 от 2018 года[2], в котором было предложено дополнить меры уголовно-правового характера обязательными и исправительными работами, и № 1112019-7 от 2021 года[3], в котором появились такие термины как общественные работы или ограниченно оплачиваемые работы.

Также нельзя не отметить изменчивость права, своевременное реагирование законодателя на вызовы времени. В частности, в 2024 году в УПК РФ появилась ст. 28.2, предусматривающая прекращение уголовного преследования в связи с прохождением военной службы в случаях, установленных ст. 78.1 УК РФ[4].

Видится интересным проанализировать зарубежный опыт, а также утратившие силу национальные правовые акты для решения вопроса об обоснованности закрепления новых «иных» мер уголовно-правового характера в УК РФ и оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования в УПК РФ.

На ранних этапах развития уголовного права и процесса в России в законодательстве существовал ограниченный перечень оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования. Положения о каких-либо иных мерах уголовно-правового характера отсутствуют как в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года[5], так и в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 года[6].

Однако далее, стоит отметить, уголовно-процессуальное законодательство получило значительное развитие. Так, в силу ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса РСФРС 1960 года, уголовное дело могло быть прекращено с передачей лица на поруки, что обязательно предполагало его работу в рамках организации или трудового коллектива[7].

Безусловно, в рамках предлагаемых новых иных мер уголовно-правового характера нельзя не отметить сходство передачи на поруки для осуществления, в том числе, трудовой деятельности и какого-либо вида работ. Таким образом, полагаем, что введение, наряду с судебным штрафом, иных мер уголовно-правового характера будет отражать некую преемственность правопорядка.

Не менее важным считаем анализ зарубежного законодательства на предмет установления иных мер уголовно-правового характера, применение которых влечет прекращение уголовного дела и уголовного преследования.

Например, согласно Уголовно-процессуальному кодексу ФРГ, помимо судебного штрафа (п. 2 ч. 1 ст. 153а), имеется возможность назначить обязательное оказание услуг

---

[1] *См. Плюшкина Я.М.* Законопроект об уголовном проступке с учетом германского опыта правового регулирования / Я.М. Плошкина, Л.В. Майорова // Lex Russica, 2021. — №8 (177). — С. 133 – 141. – Текст: непосредственный.

[2] Законопроект № 612292-7 // Система обеспечения законодательной деятельности — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7 (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Законопроект № 1112019-7 // Система обеспечения законодательной деятельности — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7 (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный

[4] Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета, 27.03.2024. № 66.

[5] Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864 // URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[6] Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // СУ РСФСР, 1922. № 20-21. ст. 230.

[7] Закон РСФСР от 27.10.1960 (ред. от 16.01.1990) «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР, 1960. № 40. ст. 592.

(п. 1 ч. 1 ст. 153a) или благотворительные работы (п. 3 ч. 1 ст. 153a)[1]. Указанные законоположения основаны на принципе целесообразности, который предполагает возможность достижения наибольшего результата в зависимости от корректного избрания той или иной меры уголовно-правового характера.

По германскому уголовно-процессуальному законодательству в результате применения каждой из мер, будь то наказание или иная мера, привлекаемое лицо должно столкнуться с сопоставимым деянию обременением, что обуславливает в каждом конкретном случае выбор определенной меры[2].

Схожие положения содержатся и в Уголовно-процессуальном кодексе княжества Лихтенштейн, где закреплена возможность не только наложения судебного штрафа, но и назначения общественно полезных работ или испытательного срока, что также влечет прекращение уголовного преследования[3].

Во Франции, где уголовное дело может быть возбуждено также и в отношении юридического лица, предусмотрена возможность присоединиться к реализации программы противодействия коррупции (п. 2 ч. 1 ст. 41.1.2), провести экологические мероприятия (ст. 41.1.3)[4]. При этом применение какого-либо из обязательств возможно при условии его соразмерности преступлению. В целом, законодательству Франции известны призыв к соблюдению обязательств, уголовное соглашение и уголовная сделка как обстоятельства, представляющие собой альтернативу уголовному преследованию и влекущие прекращение уголовного преследования[5].

В Нидерландах также, в силу принципа целесообразности, среди альтернатив уголовному преследованию закреплена возможность назначить выполнение общественных работ (п. а ч. 2 ст. 257a)[6].

Также в качестве альтернативы уголовному преследованию в зарубежных правопорядках применяется медиация. При этом от российского института примирения она отличается тем, что при примирении лишь констатируется факт, а в ходе медиации стороны обязаны предпринимать конкретные действия для фактического урегулированию конфликта[7]. Таким образом, обязанность поучаствовать в медиации и совершить действия по примирению также может рассматриваться в качестве меры уголовно-правового характера, применение которой влечет прекращение уголовного дела и уголовного преследования.

Компаративный анализ показал, что в зарубежных правопорядках распространены иные меры уголовно-правового характера, которые влекут прекращение уголовного дела и уголовного преследования. Как следует из приведенных законоположений, эти меры не

---

[1] Strafprozeßordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 7. April 1987 (BGBl. I S. 1074, 1319), die zuletzt durch Artikel 2 des Gesetzes vom 30. Oktober 2017 (BGBl. I S. 3618) geändert worden ist. - URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17666 (дата обращения: 22.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Тарбагаев А.Н.* Германский опыт прекращения уголовного преследования с возложением на обвиняемого обязанностей и предписаний в контексте российского законопроекта об уголовном проступке / А.Н. Тарбагаев, Л.В. Майорова, Я.М. Плошкина // Всероссийский криминологический журнал, 2021. — № 6. — С. 778. – Текст: непосредственный.

[3] *Серебренникова А. В*. Альтернативы уголовному преследованию в судопроизводстве княжества лихтенштейн / А.В. Серебренникова, А.А. Трефилов // Lex Russica. - 2022. - №1 (182). – С. 166. – Текст: непосредственный.

[4] Code de procédure pénale. - URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/2025-05-23/ (дата обращения: 23.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[5] *Килина И.В.* Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов: монография / И.В. Килина // Москва: ИНФРА-М, 2024 — (Научная мысль) — С. 64 — Текст: непосредственный.

[6] Wetboek van Strafvordering van 15 januari 1921. - URL: https://wetten.overheid.nl/BWBR0001903/2025-05-15#BoekTweede_TiteldeelIV (дата обращения: 24.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[7] *См. Кузьмина О.В.* Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве / О.В. Кузьмина // Lex Russica. - 2015. - №1. – С. 51 – 58. – Текст: непосредственный.

ограничиваются судебным штрафом, а включают в себя, в частности обязанность выполнить определенные работы в общественных интересах.

Таким образом, в целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации видится необходимым рассмотреть возможность введения в качестве основания прекращения уголовного дела и, соответственно, уголовного преследования назначение иных мер уголовно-правового характера, в частности, обязательных, ограниченно оплачиваемых или иных видов работ. С учетом системности российского права и межотраслевого характера многих институтов, изменений потребует также уголовное законодательство.

Предлагается дополнить УК РФ статьей 76.3 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением общественных работ», в которой предусмотреть условия такого освобождения, в частности, критерий «первичности» и категории преступлений - небольшой и средней тяжести - по аналогии с судебным штрафом. Отметим, что выбранный нами термин «общественные» позволит избежать путаницы с видами наказаний, уже содержащихся в уголовном законе. При этом потребуется введение в раздел VI УК РФ новой главы, а именно главы 15.3 «Общественные работы», содержащей положения о понятии таких работ и порядке определения их продолжительности и иных условий. Все вышеуказанное, безусловно, повлечет необходимость внесения изменений и в УПК РФ. Полагаем, что следует дополнить главу 4 указанного акта статьей 25.2 «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде общественных работ», обозначив субъектов инициативы применения общественных работ и порядок ее реализации.

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ

Клюшин Даниил Николаевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Костикова Наталия Александровна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Преступления, совершенные в отношении представителей власти, представляют собой особую категорию дел, требующих тщательного и комплексного подхода к расследованию. Данная категория преступлений характеризуется повышенной опасностью ввиду наличия специальной группы потерпевших, спецификой правового статуса потерпевших (представителей власти) и необходимостью выработки научно обоснованных рекомендаций для повышения эффективности расследования. В настоящее время имеется ряд пробелов в криминалистическом обеспечении расследования преступлений против представителей органов власти, что и обусловило данное исследование.

Преступления против органов власти являются одной из наиболее опасных ввиду ряда обстоятельств, так как посягают на жизнь, здоровье специальных субъектов, охрану государственного строя, безопасность страны, интересы государственных и муниципальных служащих.

К данной категории преступлений можно отнести следующие группы преступлений:

1. Направленные на угрозу жизни и здоровью (ст. 277 УК РФ – посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; ст. 295 УК РФ – посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование; ст. 296 УК РФ – угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования; ст. 317 УК РФ – посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов; ст. 318 УК РФ – применение насилия в отношении представителя власти);
2. Направленные на оскорбление личности (ст. 319 УК РФ – оскорбление представителя власти);
3. Предусматривающие квалифицирующий признак – отнесение к лицу, преступление в отношении которого совершено в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности (например, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ – убийство)[1].

Данная категория преступлений затрагивает полноценное функционирование государства, обеспечение его безопасности и нормальное существование общества, что особенно актуально в условиях специальной военной операции, при проведении которой повысился риск не только безопасности государства, но и лиц, непосредственно осуществляющих обеспечение безопасности государства, их близких, тем самым актуальность рассматриваемого вопроса повышается.

[1] *Малютин М.П.* Тактика производства следственных действий в отношении лиц, совершивших преступление против представителей органов власти: некоторые теоретико-прикладные аспекты / М.П. Малютин, А.С. Горбань, А.В. Романов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 1. – С. 117. – Текст: непосредственный.

Как и в ходе расследования любой категории преступлений, при расследовании преступлений против представителей власти необходимо провести ряд следственных действий. Среди них допросы потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого) и свидетеля, проверка показаний на месте, освидетельствование, личный обыск, задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, а также назначение и проведение экспертиз.

В целом следует признать, что исследование преступлений против представителей органов власти стало актуальной темой в криминалистике сравнительно недавно. Это новое направление в рамках криминалистических исследований является важным аспектом методики расследования отдельных видов преступлений. Изначально ученые-криминалисты сосредотачивали свое внимание на преступных посягательствах против государственной власти. Именно эта группа преступлений является наиболее обширной и включает в себя деяния, направленные против представителей органов власти.

Специфика полномочий сотрудников правоохранительных органов и необходимость поддержания авторитета правоохранительной системы государства диктуют строгие требования к их профессиональной этике и поведенческим стандартам. Это критически важно для обеспечения независимости и эффективности правосудия, а также для успешного проведения предварительного расследования. Сотрудники правоохранительных органов должны строго соблюдать закон и избегать конфликта интересов, злоупотребления полномочиями и проявления грубости, недобросовестности или профессиональной некомпетентности. Любые гарантии справедливого и честного правосудия теряют свою значимость, если моральные принципы сотрудников позволяют им принимать решения, не соответствующие закону, а обусловленные различными внешними факторами. Даже их внеслужебная деятельность должна соответствовать высоким стандартам объективности, справедливости и неподкупности, что формирует общественное доверие к правоохранительной системе.

В процессе следствия важно выявлять обстоятельства, которые могут мотивировать преступника на совершение преступления против сотрудников правосудия и предварительного расследования. Следователь должен тщательно проверять информацию о виктимном поведении пострадавшего, допрашивая его коллег и сослуживцев. При подготовке к допросу необходимо установить характер взаимоотношений пострадавшего с коллегами, что позволит более объективно оценить его показания. Во время допроса следователь должен сопоставлять факты, полученные от свидетеля, с уже имеющимися данными, применяя тактические приемы для снятия психоэмоционального напряжения допрашиваемого, демонстрации своей осведомленности и склонения его к даче правдивых показаний без преувеличений или преуменьшений. Эти же меры применяются при допросах потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых.

При допросе потерпевшего необходимо установить и другие важные обстоятельства преступления. В частности, следует уточнить:

1. Должность потерпевшего, срок его пребывания на данной должности и характер должностных обязанностей.
2. Место и время совершения преступления, а также причины нахождения потерпевшего в этом месте в указанное время (например, по чьему-либо приказу или распоряжению, что должно быть отражено в протоколе допроса). Важно выяснить, находился ли потерпевший при исполнении служебных обязанностей и как это выражалось.
3. Лиц, находившихся рядом с потерпевшим во время преступления, и наличие видеозаписей, фиксирующих деятельность потерпевшего (например, с помощью видеорегистраторов или стационарных средств видеозаписи в залах судебных заседаний).
4. Факты получения угроз, их характер и обстоятельства, а также лиц, способных подтвердить такие факты.
5. Обстоятельства совершения преступных действий и лиц, способных подтвердить эти факты.

6. Личность преступника: знаком ли потерпевший с ним, при каких обстоятельствах они познакомились и каков характер их взаимоотношений. Если потерпевший не знаком с преступником, необходимо выяснить, как было представлено лицо, совершившее преступление, что оно сказало перед преступлением и как вело себя после его совершения. Важно также установить, способен ли потерпевший опознать преступника, по каким признакам и что именно он запомнил[1].

При допросах подозреваемых и обвиняемых присутствие защитника является обязательным. Процессуальный статус подозреваемого присваивается лицу, в отношении которого начато уголовное преследование посредством одного из следующих способов:

1. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица.
2. Процессуальное задержание.
3. Избрание любой меры процессуального пресечения.

Статус обвиняемого лицо приобретает после вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого. В юридической практике встречаются случаи, когда допросы проводятся до формального присвоения статуса подозреваемого, с последующим применением мер процессуального задержания или избранием меры пресечения. В таких ситуациях полученные показания признаются недопустимыми доказательствами из-за существенных нарушений законодательства.

В процессе расследования преступлений возникает необходимость в проведении такого сложного следственного действия, как проверка показаний на месте. Проверка показаний на месте является специфическим следственным действием, эффективность которого зависит от уровня сотрудничества подозреваемого с органами следствия. В процессе проведения данного действия подозреваемый должен быть предварительно допрошен, а все обстоятельства проверки показаний должны быть детально зафиксированы. В контексте расследования насильственных преступлений, совершенных в отношении лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование, процедура проверки показаний на месте не имеет существенных особенностей, однако требует применения ряда тактических приемов:

Во-первых, подозреваемый должен иметь возможность самостоятельно выбрать маршрут к месту проверки показаний и воспроизвести свои действия. Однако, учитывая потенциальную принадлежность подозреваемого к организованным преступным структурам, необходимо обеспечить охрану следственной группы и быть готовым к возможным провокациям.

Во-вторых, следователю следует задавать уточняющие и конкретизирующие вопросы, направленные на выявление противоречий в показаниях подозреваемого и исключение самооговора. Внимательное наблюдение за поведением подозреваемого позволяет своевременно выявить признаки недостоверности его показаний.

В-третьих, использование средств фиксации, таких как видео- и аудиозапись, является обязательным для предотвращения некорректного поведения защитника подозреваемого и обеспечения объективности расследования.

Расследование преступлений против органов власти – сложное и многоаспектное направление криминалистики, требующее глубокого понимания специфики составов преступлений; строгого соблюдения процессуальных норм; применения тактически выверенных методов работы с доказательствами; обеспечения безопасности участников процесса.

Учитывая, что актуальность этой темы сохраняется, возникает необходимость дальнейшего развития методик расследования и повышения квалификации следственных работников.

---

[1] *Киселев Д.Г.* Особенности тактики отдельных следственных действий по делам о преступлениях, совершенных в отношении представителей власти / Д.Г. Киселев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 9. – С. 129. – Текст: непосредственный.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Кораблев Виктор Дмитриевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попаденко Елена Викторова,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Декретом № 1 ВЦИК «О суде», принятым 24 ноября 1917 года, в Российской Советской Республике упраздняется институт прокуроров вместе с существовавшим ранее состязательным порядком уголовного процесса. В условиях упрощённого судопроизводства, когда в деятельности одного субъекта объединяются несколько основных функций процесса (расследование, уголовное преследование, надзор, разрешение по существу, а иногда и защита), надзорная функция как самостоятельное направление деятельности независимого органа становится ненужной. Принятие уголовно-процессуальных решений основывается на таких определяющих факторах, как «революционная совесть», «революционное правосознание» и «революционное чутье в отношении классовых врагов».

В 1922 году В. И. Ленин в своей речи призвал «бороться за законность»[1]. В этот же период прокуратура вновь стала играть важную роль в поддержании законности в стране. Она следила за тем, чтобы закон одинаково понимался и применялся во всех регионах республики. В том числе это касалось досудебного уголовного процесса, который продолжал основываться на розыске.

Положение о прокурорском надзоре, принятое ВЦИК 28 июня 1922 года, устанавливало статус прокурора как универсального органа надзора. В рамках досудебного уголовного судопроизводства прокурор был обязан осуществлять надзор за производством дознания и предварительного следствия. Для этого он давал указания и разъяснения органам расследования по всем вопросам, связанным с предварительным следствием. Кроме того, прокурор осуществлял уголовное преследование, возбуждая судебное преследование против должностных и частных лиц как по собственной инициативе, так и на основе жалоб и заявлений. Он также утверждал обвинительные заключения следователей по всем делам, по которым проводилось предварительное следствие. В случаях несогласия с обвинительным заключением следователя прокурор составлял обвинительный акт и направлял дело в распорядительное заседание суда для окончательного утверждения.

Законодательство того времени чётко определило, что функция уголовного преследования подчинена функции надзора. Так, в пункте «а» статьи 2 указанного выше Положения возбуждение уголовного преследования названо одним из инструментов осуществления надзора. В дальнейшем роль прокурорского надзора над уголовным преследованием была усилена созданием 20 июня 1933 года прокуратуры СССР, которая была независима от структур исполнительной и судебной власти (Наркомата юстиции СССР и Верховного суда СССР). Задачи прокуратуры СССР по уголовному преследованию и поддержанию государственного обвинения были направлены на установление и укрепление единой социалистической законности на всей территории

[1] *См.: Ленин В.И.* Полное собрание сочинение / В.И. Ленин // М., 1969 – 1970. Том 33. – С. 326 – 330. – Текст: непосредственный.

страны. Конституция 1936 года придала прокурорскому надзору статус «высшего», а также закрепила его роль в обеспечении законности[1].

Сохранение и усиление такой двуединой надзорно-обвинительной концепции деятельности прокурора на досудебных стадиях нашло свое отражение и в принятом 15.02.1923 г. УПК РСФСР, а также его последующих дополнениях[2].

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР, принятым в 1923 году, прокурор получает полномочия в сфере уголовно-процессуального надзора. В его обязанности входит: контроль за ключевыми следственными и процессуальными действиями, включая возможность предлагать изменить или отменить выбранную меру пресечения; выдача обязательных указаний о необходимости дополнить расследование; направление дела на дополнительное расследование с указанием на необходимость изучить определённые обстоятельства; продление срока содержания под стражей; рассмотрение жалоб и отводов, поданных следователю.

В рамках уголовного преследования, осуществляемого прокурором на досудебных стадиях, он должен был инициировать уголовное преследование перед судебными и следственными органами по каждому совершённому преступлению. В случае необходимости он также должен составлять новое обвинительное заключение.

В то же время следователь был достаточно независим в своих действиях, выполняя как функции предварительного расследования, так и некоторые судебные функции, например, принимая решения по уголовным делам, возбуждённым по инициативе прокуратуры.

Взаимодействие прокурора с органами дознания осуществлялось на основе совершенно иных принципов. Прокурор выступал в роли руководителя, а органы дознания были его «руками», которые действовали исключительно по его указаниям, с его разрешения и под его полным контролем. Деятельность органов дознания определялась законом и проходила путь от предварительного розыска, который обеспечивал следствие (как это было в УУС и в первые послереволюционные годы), к приобретению черт, характерных исключительно для предварительного следствия. В результате грань между функциями этих органов практически стиралась.

С момента, когда в соответствии с Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 года следственный аппарат был выведен из юрисдикции судов и в прокуратуре были учреждены должности народных следователей, прокурор получил полный контроль над уголовным преследованием на стадии предварительного следствия. Теперь прокуратура стала единственным органом, уполномоченным проводить расследования преступлений.

Сотрудники следственных органов, которые перестали выполнять несвойственную им задачу по принятию окончательного решения по делу, как это часто предписывается законом и судебной практикой, не только фактически, но и психологически, и организационно, а также в соответствии со своим процессуальным статусом, стали представителями стороны обвинения или, другими словами, исполнителями функции уголовного преследования.

В свою очередь, прокурор становится инициатором уголовного преследования и занимает главенствующее положение в системе обвинительной власти. Как верно заметил С.А. Шейфер, «сформировалась новая модель расследования, которая сохранялась на протяжении многих лет»[3]. Прокурор определял направление расследования, давая

---

[1] Конституция СССР 1936 года (исходная редакция). – URL: http://www.ru.wikisource.org/wiki/Конституция_СССР_(1936) (дата обращения: 20.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1924. №78. Ст. 784. – Текст: непосредственный.

[3] *Шейфер С.А.* Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти / С.А. Шейфер // М., 2013. – С. 69. – Текст: непосредственный.

указания следователям, которые становились его помощниками в проведении следственных действий.

В УПК РСФСР 1923 года были заложены принципы демократического участия прокурора в досудебном производстве. Однако эти принципы были подорваны изменениями, внесёнными в кодекс. В частности, в кодекс были добавлены главы 33 и 34, которые предусматривали исключения из общего порядка производства по делам о терроризме, диверсиях и вредительстве. Кроме того, органы НКВД были фактически выведены из-под надзора прокуратуры, а также были созданы внесудебные органы в виде «двоек», «троек» и «особого совещания при НКВД СССР».

В 1955 году было принято Положение о прокурорском надзоре, а затем, в 1958 году, — Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Эти документы в классической форме описывали задачи и направления деятельности прокуратуры. Согласно этим документам, прокуратура должна была привлекать к ответственности лиц, совершивших преступления, и контролировать соблюдение законов в работе органов дознания и предварительного следствия. Законодательство того времени закрепляло за следователем роль обвинителя, а за прокурором — роль главного участника процесса.

Чрезмерно широкие полномочия прокурора в области надзора за предварительным расследованием позволили некоторым исследователям предположить, что прокурор может не только осуществлять надзор и уголовное преследование, но и выполнять функции процессуального руководства. Р.Д. Рахунов писал: «надзор за расследованием состоит в осуществляемом прокурором процессуальном руководстве деятельностью органов расследования. Вне такого руководства предоставленные прокурору надзорные полномочия не могут быть реализованы…»[1].

Однако стоит отметить, что выделение функции процессуального руководства можно считать довольно условным, поскольку её правовые инструменты направлены на обеспечение законности на досудебных этапах уголовного процесса, а значит, на осуществление уголовно-процессуальной надзорной функции.

В 1977 году была принята Конституция СССР, а в 1979 году — Закон «О прокуратуре СССР». Эти документы, вобрав в себя весь накопленный опыт правового регулирования, отразили видение законодателей о роли прокурора в советском уголовном процессе. Однако они не изменили направления деятельности прокурора в ходе досудебного производства. Прокурор по-прежнему осуществлял надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, привлекал к уголовной ответственности и проводил самостоятельное расследование преступлений. Это соответствовало принципам, провозглашённым в статье 20 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года, таким как принцип объективной истины и практическое отсутствие состязательности.

В октябре 1991 года Верховный Совет РСФСР одобрил концепцию судебной реформы, которая определила курс на внедрение демократических принципов и активное развитие состязательности в уголовном процессе[2]. Эти идеи нашли отражение в Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 году, и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, который был принят 18 декабря 2001 года. В статье 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации законодательно закреплён принцип состязательности. В соответствии с этим принципом, основные участники процесса разделены на стороны обвинения и защиты (главы 6 и 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Прокурор отнесён к числу

---

[1] *Рахунов Р.Д.* Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел / Р.Д. Рахунов // Совершенствование прокурорского надзора в СССР. Сборник статей по материалам научной конференции, проведенной 20 – 21 апреля 1972 года. – М., 1973. – С. 245. – Текст: непосредственный.

[2] См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. – М., 1992. – Текст: непосредственный.

субъектов уголовного преследования (статья 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Часть 1 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не освобождает прокурора от обязанностей по осуществлению надзора. При этом досудебное производство в значительной степени остаётся розыскным.

ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Кострюкова Арина Дмитриевна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Хабалев Валерий Дмитриевич,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат психологических наук, доцент

Институт дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества в Российской Федерации, представляет собой сложный механизм, возникший в ответ на необходимость адаптации и реформировании пенитенциарной системы под воздействием различных внутренних и внешних факторов.

Исследование истории этого института и зарубежного опыта противодействия дезорганизации позволяет выработать эффективные меры профилактики и минимизации подобных инцидентов. В статье рассматривается эволюция норм, регулирующих данную сферу, а также сравнительный анализ подходов разных стран к решению проблемы[1].

Анализируя степень разработанности данных, составляющих краткую характеристику дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, было установлено, что подобные вопросы в разные периоды времени уже становились объектом исследования многих научных авторов[2].

Латыпова Д.М. отмечает: «Среди всех общественно опасных деяний, совершаемых в пенитенциарных учреждениях, наибольшей общественной опасностью отличается дезорганизация деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ). Данный факт объясняется тем, что в процессе дезорганизации не только нарушается оперативная обстановка ИУ, но и возникает риск совершения иных тяжких преступлений в данных учреждениях (убийство, массовые беспорядки, захват заложников и т.д.)»[3].

Так, Бельский А.И., Демченко Н.В. отмечают: «Как правило, основная часть осужденных, совершающих преступления, предусмотренные ст. 321 УК РФ, отрицательно характеризуется администрацией исправительных учреждений, которая при этом руководствуется сведениями о личности. Преступная субкультура путем деления общества на слои не позволяет осужденным встать на путь исправления, что является целью уголовного наказания. Осужденные вынуждены следовать правилам преступной субкультуры, а стремление «влиться в коллектив» без потери собственного достоинства «толкает» на поступки, далеко не способствующие исправлению.

Таким образом, преступление, направленное на дезорганизацию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, совершается к тому же с целью

---

[1] *Житков А.А.* Ошибки законодательной техники в построении состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ / А.А. Житков, В.В. Шепель // IUS PUBLICUM ET PRIVATUM. - 2024. – № 1(25). – С. 91. – Текст: непосредственный.

[2] *Акчурин А.В.* Содержание данных, составляющих краткую криминалистическую характеристику дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества / А.В. Акчурин // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2018. – № 3(21). – С. 134. – Текст: непосредственный.

[3] *Латыпова Д.М.* Уголовно-правовая характеристика дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества / Д.М. Латыпова // Вестник Самарского юридического института. Право. 2022. - № 2 (48). - С. 57. – Текст: непосредственный.

занять авторитетное положение в коллективе осужденных. Чаще такая цель встречается у несовершеннолетних осужденных, для которых характерна искаженная оценка ситуации»[1].

Соснин Н.Г. также поддерживает эту точку зрения, отмечая: «Одной из причин преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы является недостаточная правильность организации и выполнения служебных обязанностей сотрудниками. Эта причина имеет значительное значение, поскольку она не только влияет на криминологическую ситуацию, но и мешает процессу исправления заключенных».

В настоящее время проблема является актуальной вследствие некомпетентности некоторых сотрудников уголовно-исполнительной системы в силу отсутствия у них желания и мотивации добросовестно нести свою службу. Из-за этого в большинстве случаев заключенные предоставлены сами себе. Со стороны администрации отсутствует должный контроль за ними»[2].

На федеральном уровне деятельность в этом направлении ведется достаточно активно. Так, Концепция развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 г. определяет направления работы по обеспечению безопасности уголовно-исполнительной системы, среди них: оснащение учреждений уголовно-исполнительной системы интегрированными системами безопасности, современными техническими средствами охраны и надзора; совершенствование системы мониторинга поведения осужденных; укрепление правопорядка и законности в исправительных учреждениях и следственных изоляторах[3].

Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества - достаточно распространенный вид нарушения, совершаемого осужденными в местах лишения свободы, который препятствует эффективному исполнению наказания, подрывает нормальное функционирование исправительного учреждения, формирует у лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, чувство вседозволенности, безнаказанности, отрицания общественных нравственных ценностей и т.д.

Российское уголовное законодательство не всегда относило подобные действия к категории, дезорганизующей работу учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных от общества. Впервые термин «дезорганизация» был законодательно введен в УК РСФСР 1926 года в контексте некоторых воинских преступлений. Исправительно-трудовой кодекс 1933 года также использовал этот термин в статье, касающейся отмены зачета рабочих дней для «дезорганизующих заключенных». Лишь УК РСФСР 1960 года (статья 77.1) утвердил термин «действия, дезорганизующие работу исправительных учреждений» в качестве законодательного определения, отнеся его к главе «Государственные преступления» наряду с изменой родине, шпионажем и другими тяжкими преступлениями. Таким образом, во многих случаях заключенные избегали уголовной ответственности за угрозу применения насилия или за легкие телесные повреждения.

Этот пробел в уголовном законодательстве привел к необходимости введения в УК РСФСР специальной статьи, касающейся уголовной ответственности за дезорганизацию нормальной работы исправительных учреждений. 25 июля 1962 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в УК была добавлена статья 77.1 «Действия, дезорганизующие

---

[1] *Бельский А.И.* К вопросу о причинах совершения преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества), и мерах его предупреждения / А.И. Бельский, Н.В. Демченко // Ленинградский юридический журнал. - 2018. - № 2. - С. 216. – Текст: непосредственный.

[2] *Соснин Н.Г.* Причины и условия совершения преступлений в местах лишения свободы / Н.Г. Соснин // Молодой ученый. - 2021. - № 48 (390). - С. 344. - URL: https://moluch.ru/archive/390/86132/ (дата обращения: 25.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Нуждин А.А.* Выявление обстоятельств, способствовавших дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (проблемы следственной практики) / А.А. Нуждин // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2022. – № 2 (12). – С. 59. – Текст: непосредственный.

работу исправительно-трудовых учреждений». В данном контексте такое преступление рассматривалось как преступление против государства.

30 января 1984 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР»[1].

В соответствии с этим указом статья 77.1 УК РСФСР была разделена на две части. В части первой устанавливалась ответственность за дезорганизацию работы исправительных трудовых учреждений (ИТУ), которая проявлялась в четырех формах: терроризирование осужденных, стремящихся к исправлению; нападения на администрацию ИТУ; создание преступных групп с целью терроризирование осужденных или нападения на администрацию ИТУ; активное участие в таких группах. Часть 2 предусматривала ответственность за действия, указанные в части 1, при наличии квалифицирующих признаков, к которым относились характеристики правового статуса осужденного: особо опасный рецидивист; лицо, осужденное за совершение тяжкого преступления.

В 1983 году в Уголовный кодекс РСФСР 1960 года была добавлена статья 188.3, касающаяся «злостного неповиновения требованиям администрации исправительно-трудового учреждения»[2]. Это деяние непосредственно угрожало нормальной деятельности исправительных учреждений, но только тех, где возможен дисциплинарный перевод осужденного в помещение камерного типа (ПКТ) или тюрьму. Действия, подпадающие под эту статью, могли проявляться в двух формах: в виде неповиновения или иного противодействия администрации учреждения в выполнении её функций. Однако Уголовный кодекс Российской Федерации не устанавливает ответственность за неповиновение наемным работникам исправительного учреждения; такие действия квалифицируются как дисциплинарный проступок.

Уже с конца 1980-х гг. началась работа над новым УК. Несколькими рабочими группами были представлены несколько проектов. Одни не предусматривали специальной нормы об ответственности за дезорганизацию деятельности ИУ. Авторы предлагали ограничиться статьей «Насилие или угроза применения насилия в отношении публичного должностного лица». Другие хотели включить специальную норму «Воспрепятствование нормальной деятельности исправительных учреждений».

В итоге в 1996 г. был принят и в 1997 г. вступил в силу УК РФ, который предусматривал ст. 321 «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества».

Дезорганизация деятельности учреждений (ДДУ), обеспечивающих изоляцию от общества, наказуемость за которую предусмотрена ст. 321 УК РФ, является в уголовно-исполнительной системе одним из особо учитываемых преступлений, занимающих значительный удельный вес в общей структуре официально регистрируемой пенитенциарной преступности[3]. Однако данные официальной статистики не в полной мере отражают реальное состояние этого вида преступлений. Значительная часть ДДУ остается латентной для уголовной статистики в силу полного сокрытия этих деяний администрацией учреждений, не желающей ухудшать показатели своей оперативно-служебной деятельности[4], либо в силу их правовой оценки как злостных нарушений

---

[1] Указ Президиума ВС РСФСР от 30.01.1984 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *См. Ворошилин Е.В*. Новое советское уголовное законодательство: Особенная часть. Учеб. пособие / Е.В. Ворошилин, Б.В. Здравомыслов, А.В. Кладков // Москва: ВЮЗИ, 1985. - 79 с. – Текст: непосредственный.

[3] Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России январь–декабрь 2015 г. // Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2016. - С. 19, 20, 25, 28. – Текст: непосредственный.

[4] *Гнедов Е.В.* Предупреждение пенитенциарных правонарушений : методическое пособие / Е.В. Гнедов и др.; под общ. ред. В.В. Цатурова // Федеральная служба исполнения наказаний, Оперативное упр., науч.-

установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы в форме групповых неповиновений в соответствии со ст. 116 УИК РФ [1]. Нередко неправильная правовая оценка ДДУ обусловлена недостатками редакции ст. 321 УК РФ, которая нуждается в совершенствовании, а также сложностями в квалификации указанных действий[2].

Законодатель ужесточил санкции за данные деяния, что связано с ростом организованных форм сопротивления в местах лишения свободы[3].

С точки зрения уголовного права дезорганизация работы исправительных учреждений подразумевает любые действия, которые нарушают их функционирование, создают угрозы для сотрудников и других осужденных. Согласно статье 321 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ), объективная сторона преступления проявляется в следующих действиях: 1) применение насилия, не опасного для жизни или здоровья сотрудника исправительного учреждения или их близких; 2) угроза применения насилия; 3) применение насилия, опасного для жизни или здоровья. Эти действия нарушают установленные правила и подрывают эффективность работы данных учреждений, что требует жесткой уголовной ответственности. Стоит отметить, что основным способом реализации уголовной ответственности, включая ответственность за преступления, дезорганизующие деятельность пенитенциарных учреждений, всегда было, есть и будет наказание[4].

Результатом анализа общей характеристики противоправных действий осужденных, совершенных в отношении персонала ИУ, выявлены следующие тенденции: фиксируется ежегодный рост числа противоправных действий в отношении персонала ИУ, происходящих на фоне значительного снижения общей численности лиц, содержащихся в них; прослеживается ежегодный рост доли противоправных действий осужденных, выражающихся в оскорблениях и угрозах применения насилия в отношении персонала ИУ; большинство противоправных действий совершается нарушителями либо злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания в период применения к ним мер дисциплинарного воздействия в виде водворения в штрафной изолятор или перевода в помещение камерного типа; среди обстоятельств совершения противоправных действий преобладает проведение обыскных мероприятий осужденных, обходов и технических осмотров камер ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, запираемых помещений строгих условий отбывания наказания, а также прогулки содержащихся в данных помещениях осужденных; совершение противоправных действий в отношении персонала ИУ свойственно лицам, отбывающим наказание в тюрьмах, воспитательных колониях, ИК общего режима и ЛИУ[5].

Исследование зарубежного опыта, показало, что пенитенциарные системы разных стран сталкиваются с проблемой дезорганизации деятельности исправительных

исслед. ин-т. — Москва: ОУ ФСИН России, ФКУ НИИ ФСИН России, 2014. — С. 96. – Текст: непосредственный.

[1] *Шеслер А.В*. Редакция ст. 321 УК РФ нуждается в изменениях / А.В. Шеслер, Т.Г. Антонов // Вестник Кузбасского института. - 2013. - № 1 (14). - С. 43. – Текст: непосредственный.

[2] *Александров И.В.* Криминалистика: учебник для вузов / И.В. Александров и др.; под ред. И.В. Александрова // 2-е изд.; испр. и доп. - М.: Юрайт, 2023. - С. 103. – Текст: непосредственный.

[3] *См. Овчинский В.С.* Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В.С. Овчинский // Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. - 351 с. - Текст: непосредственный.

[4] *Шарипова Л.О.* Обеспечение реализации уголовной ответственности и индивидуализация наказания за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества / Л.О. Шарипова // Инновационные научные исследования 2024: Сборник материалов LIV-ой международной очно-заочной научно-практической конференции. В 2-х томах, Москва, 30 октября 2024 года. – Москва: Научно-издательский центр «Империя», 2024. – С. 112. – Текст: непосредственный.

[5] *См. Горяев Э.А*. Криминалистическая характеристика дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества / Э.А. Горяев // Работы членов студенческого научного общества СЮИ ФСИН России: Сборник статей. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2023. – С. 41 - 48. – Текст: непосредственный.

учреждений (ИУ), но формы сопротивления заключенных, методы противодействия администрации и последствия для системы существенно различаются. В России основными факторами дезорганизации являются внутренние конфликты среди осужденных, жесткие условия содержания и силовое подавление протестов. В то же время за рубежом – особенно в США и Латинской Америке – ключевую роль играют преступные группировки, а в Европе – мигрантские и правозащитные движения.

Российская пенитенциарная система ближе к латиноамериканской модели по уровню насилия, но отличается более централизованным контролем. В США тюрьмы превратились в «государства в государстве» из-за влияния банд, а Европа делает ставку на правовые механизмы.

В результате исследования установлена тенденция - чем жестче система, тем выше риск кровавых бунтов – но и полная либерализация (как в некоторых европейских тюрьмах) ведет к злоупотреблениям.

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРА: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Кротов Игорь Владимирович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Морозов Роман Михайлович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Исполнение приговора – завершающая, но не менее важная стадия уголовного судопроизводства, обеспечивающая реализацию принципа неотвратимости наказания и защиту прав потерпевших. Однако, на практике нередко возникают вопросы, требующие разрешения в процессе исполнения приговора. Эффективность механизмов рассмотрения этих вопросов напрямую влияет на достижение целей уголовного наказания – исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

В связи с этим, изучение порядка рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговоров, представляется весьма актуальным. Данная статья посвящена анализу российского опыта в этой сфере и его сравнению с зарубежными моделями. Целью статьи является выявление особенностей, сильных и слабых сторон российского порядка, а также возможностей для его совершенствования с учетом лучшего зарубежного опыта.

Говоря о практическом опыте, нужно начать с вопроса «Является ли рассмотрение вопросов, связанных с исполнением приговора отдельной стадией»? Большинство ученых юристов не относит рассмотрение вопросов, связанных с исполнением приговора к отдельной стадии исполнения приговора. Тем не менее, анализ рассматриваемого вопроса, выявил наличие альтернативных подходов, обосновывающих целесообразность такого выделения. Так, например, Шабанов В.Б. и Буданова Л.Ю. в своей работе «Проблемы, возникающие при рассмотрении и разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора» указывают следующее: «рассмотрение и разрешение судом вопросов, связанных с исполнением приговора, можно обозначить как второй этап стадии исполнения приговора, наступление которого возможно только после обращения решения суда к исполнению». Свою позицию они аргументируют тем, что такой процесс не зависит от основного и начинается по инициативе определенного круга субъектов. Также, авторы полагают, что порядок рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора схож на возбуждение уголовного дела. Другие же полагают, что глава 47 УПК РФ является судебным контроле и не относится к исполнению правосудия. Вопрос является спорным и заслуживает отдельного внимания.

Нормативная правовая основа рассматриваемого вопроса состоит в большинстве своем из УПК РФ, УИК РФ и УК РФ, более подробно о порядке указано в статье 399 УПК РФ. Порядок рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора регулируется не только указанными ранее нормативно-правовыми актами, но и иными НПА, к примеру различными федеральными законами и подзаконными нормативными актами (постановления Правительства РФ, приказы Министерства юстиции), на это же ни раз обращал внимание Верховный Суд Российской Федерации[1].

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 (ред. от 25.06.2024) № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Российская газета, № 296, 30.12.2011.

Нельзя не сказать о том, что законодательство о производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, сильно страдает, поскольку УПК РФ не содержит в себе четко выделенный порядок разрешения данных вопросов, что приводит к понижению эффективности осуществления данного вида судебной деятельности. Всё это происходит из-за того, что процесс сбора необходимых материалов и обращения в суд установлен уголовно-исполнительных законодательством, а не уголовно-процессуальным.

В СССР Свиридов М.К. говорил о том, что инициирование уголовно-процессуальной деятельности в стадии исполнения приговора не может и не должен регулироваться нормами, относящимися к уголовному процессу. И это несмотря на то, то уголовно-процессуальные нормы – это основа для уголовно-процессуальной деятельности[1]. Парадокс?

Тем не менее, в данный момент мы не можем согласиться с мнением Свиридова М.К., поскольку время меняется, вместе с ним меняется практика и законодательство.

Порядок рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора похож на порядок рассмотрения дела в суде первой инстанции. Тулянский Д.В. отмечает, что судебное заседание при исполнении приговора имеет ряд черт, которые присущи стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции (широкий круг участников судопроизводства, ведение протокола судебного заседания)[2].

Нормативного закрепления этапов процесса по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговоров нет, но в теории выделяются этапы. Первый этап – возбуждение процесса. Поводами для возбуждения будут являться ходатайства лица или представление компетентного органа или учреждения – считает Тябина Ю.А.[3]

Итак, основанием (поводом) для рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, согласно ст. 399 УПК РФ, считаются:

— ходатайство реабилитированного, осужденного;

— представление органа внутренних дел или учреждения (органа) уголовно-исполнительной системы по месту задержания осужденного;

— ходатайство адвоката (п. 30 ПП ВС № от 20.12.2011 № 21)[4];

— представление учреждения или органа, исполняющего наказание;

— представление учреждения, исполняющего наказание;

— представление учреждения или органа, исполняющего наказание, в котором осужденный отбывает наказание.

После поступления ходатайства/представления в суд, суд должен принять решение о том, можно ли рассматривать его в порядке главы 47 УПК РФ, в то время как, оценка перспективы дела не дается, не затрагиваются требований заявителя, не проверяются на соответствие материалы формальным требованиям.

В главе 47 УПК РФ не указаны сроки, в течение которых суд решает вопрос о принятии или об отказе в принятии поданных ходатайств, представлений. Данный факт является большой и не решенной проблемой. Для решения этого пробела необходимо усовершенствовать уголовно-процессуальный закон в этой части и установить сроки принятия судом решений о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовно-исполнительного производства.

---

[1] *Свиридов М.К.* Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания / М.К. Свиридов // Томск, 1972. - С. 32 – 33. – Текст: непосредственный.

[2] *Тулянский Д.В*. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве : автореферат дис. кандидата юридических наук : 12.00.09 / Моск. гос. юрид. акад.. - Москва, 2004. – С. 10. – Текст: непосредственный.

[3] *Тябина Ю.А.* Уголовно-процессуальные правоотношения в стадии исполнения приговора : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. - С. 11. – Текст: непосредственный.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 (ред. от 25.06.2024) № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Российская газета, № 296, 30.12.2011.

Подготовка к судебному заседанию. Суд извещает о дате, времени и месте судебного заседания осужденного, его представителя, прокурора, представителя исправительного учреждения. Запрашиваются необходимые материалы дела, после чего начинается сам судебный процесс, порядок которого не указан в главе 47 УПК РФ. Поэтому, считаем необходимым включить в содержание статьи 399 УПК РФ указание порядок самого судебного процесса, его этапы или же указать на действие общих положении УПК РФ, которые также действуют на исследуемый порядок.

В зарубежных странах порядок рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговоров, существенно различается в зависимости от правовой системы и традиций.

В США решения об условно-досрочном освобождении принимаются комиссиями по условно-досрочному освобождению, которые состоят из профессиональных экспертов. При принятии решения комиссии учитывают тяжесть совершенного преступления, поведение осужденного в тюрьме, его раскаяние, планы на будущее и позиции потерпевших. Процедура рассмотрения заявлений об УДО обычно включает устное слушание, на котором осужденный имеет возможность представить суду свои аргументы.

В Германии вопросы, связанные с исполнением приговоров, рассматриваются специализированными палатами земельных судов. При этом, важную роль играют социальные работники, которые оказывают помощь осужденным в процессе ресоциализации и представляют суду свое заключение о перспективах успешной адаптации осужденного в обществе. Такой подход часто используется при назначении лицу условно-досрочного освобождения[1].

Во Франции существует система условного освобождения, решение о котором принимает судья по исполнению наказаний на основании заключения специальной комиссии, при этом, учитывается риск рецидива и ресоциализация осужденного.

Анализируя российский и зарубежный опыт рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, можно выделить следующие ключевые различия и сходства:

1. Субъект принятия решения: в России все вопросы, связанные с исполнением приговора, решаются судом. В зарубежных странах (например, США) широко распространены комиссии по УДО или аналогичные органы, состоящие из профессиональных экспертов.

2. Участие социальных работников: в зарубежных странах (особенно в Германии) социальным работникам отводится важная роль в процессе ресоциализации осужденных и предоставлении информации суду. В России роль социальных работников менее значима.

3. Процедура рассмотрения: процедура рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, в России достаточно формализована. В зарубежных странах (особенно в США) процедура может включать устные слушания, на которых осужденный имеет возможность представить свои аргументы.

Анализируя все вышеизложенное, приходим к выводу о том, что Российская модель рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, характеризуется централизованным подходом, где все решения принимаются только судом. Это обеспечивает законность и единообразие.

Зарубежный опыт демонстрирует альтернативные подходы, где важную роль играют специализированные органы и социальные работники, обеспечивающие более глубокий анализ личности осужденного и перспектив его ресоциализации.

Выявлена также проблема в отсутствии этапов порядка рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора. Нет четко установленного этапа подготовки дела к судебному заседанию, поскольку материалы к делу подготавливаются не судом, а обоснованность и допустимость материалов проверяется уже в самом судебном заседании после принятия ходатайства/представления.

---

[1] *См. Жиляев Р.М.* К вопросу об условно-досрочном освобождении наказания в Германской демократической Республике / Р.М. Жиляев // Закон и право. - 2020. - № 11. - С. 127 – 129. - – Текст: непосредственный.

Не ясно, можно ли приостанавливать производство, например, для ознакомления с материалами. Да, в статье 399 УПК РФ указано, что знакомиться с материалами можно, но порядок не обозначен. Используется ли общий порядок или для ознакомления с материалами необходим иной, специфически порядок – не ясно. В связи с этим, полагаем необходимым дополнить статью 399 УПК РФ новой частью, которая содержала бы в себе указания на этапы производства, на возможность приостановления судебного заседания[1].

Возвращаясь к вопросам об этапах, важнейшим из них является этап возбуждения производства по вопросам, связанным с исполнением приговора. Указанный вопрос не регулируется нормами уголовно-процессуального законодательства. Единственное, что частично касается порядка возбуждения – это перечисленные поводы (основания) для начала производства, установленного главой 47 УПК РФ. Следующим этапом, после этапа возбуждения дела, необходимо выделить подготовку к делу и уже после этап самого судебного заседания. Считаем, что это является один из самых больших пробелов по указанной главе. Об этом же говорили Николюк В.В. и Пупышева Л.А. в своей работе «Подготовка и назначение судебного заседания в связи с рассмотрением вопросов исполнения приговора»[2].

В статье 399 УПК РФ обозначены сроки, но они касаются не действий суда, а действий лица/органа, подающего ходатайство/представление. Необходимо установить сроки для принятия решения о принятии или в отказе принятии ходатайства (представления), что способствовало бы уменьшению нарушения прав осужденных и иных лиц, имеющих право подавать ходатайства по рассматриваемому производству.

Для улучшения процедуры рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, включая упорядочение этапов подготовки и назначения судебного заседания, предлагается внести изменения в УПК РФ. Эти изменения должны предусматривать перечень возможных решений, которые судья может принять после получения материалов по вопросам исполнения приговора:

1. о направлении материалов по подсудности в соответствии со ст. 396 УПК РФ;
2. о возвращении материалов заявителю для соответствующего оформления;
3. об отказе в принятии материалов к производству;
4. о прекращении производства по материалам;
5. о назначении судебного заседания.

Прокурор играет одну из ключевых ролей в уголовно-исполнительном судопроизводстве. Его участие в судебном заседании является правом, которое обеспечивается обязанностью суда заранее сообщать ему о дате, времени и месте заседания. Необходимо законодательно определить случаи, когда участие прокурора обязательно: когда существует риск ухудшения положения лица, в отношении которого ведется производство, или, когда производство начато по инициативе прокурора.

Настоящее описание процессуального положения адвоката, осужденного в статье 399 УПК РФ, не позволяет ему эффективно представлять интересы своего клиента. Создание необходимых условий для защиты прав доверителя в рамках уголовно-исполнительного производства требует более четкой регламентации. Необходимо уточнить функцию и статус адвоката осужденного, наделив его полным уголовно-процессуальным статусом защитника.

Изучение вопросов, связанных с исполнением приговора в России и за рубежом, позволило сформулировать следующие выводы.

---

[1] *Качалов В.И.* Особенности процессуального порядка разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора / В.И. Качалов // Вестник Нижегородской академии МВД России. - № 2. - 2017. - С. 99. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Николюк В.В.* Подготовка и назначение судебного заседания в связи с рассмотрением вопросов исполнения приговора / В.В. Николюк, Л.А. Пупышева // Уголовное судопроизводство. - 2018. - № 2. - С. 32 – 42. – Текст: непосредственный.

1. Российская система имеет потенциал для дальнейшего развития и совершенствования; оптимизация судебного процесса могут способствовать повышению эффективности исполнения приговоров.

2. В российском УПК РФ (глава 47, ст. 399) отсутствует нормативное закрепление этапов рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, что приводит к неопределенности в процессе. Необходимо дополнить ст. 399 УПК РФ новой частью, где будут указаны этапы, включая возбуждение производства (на основе ходатайств или представлений), подготовку к судебному заседанию (сбор материалов, извещение участников) и само заседание.

3. Введение сроков для судебных решений. Отсутствие сроков на принятие или отказ в принятии ходатайств/представлений создает риски нарушения прав осужденных и других участников. Рекомендуется внести изменения в УПК РФ, установив конкретные сроки (например, 10–15 дней) для решения о возбуждении производства, что минимизирует задержки и повысит дисциплину судов.

4. Уточнение порядка приостановления и ознакомления с материалами. Неясность в возможности приостановления заседания для ознакомления с материалами (хотя ст. 399 УПК РФ упоминает право на ознакомление) приводит к пробелам. Следует дополнить законодательство указанием на применение общих норм УПК РФ или специального порядка, с возможностью приостановки, что усилит защиту прав участников и приблизит российскую систему к французской, где учитывается риск рецидива на основе комиссионных заключений.

5. Усиление роли прокурора и адвоката. В настоящее время участие прокурора является правом, а статус адвоката не позволяет полноценно защищать интересы осужденного. В практике необходимо ввести обязательное участие прокурора в случаях риска ухудшения положения, осужденного или при инициативе прокурора, а адвоката наделить полным статусом защитника (с регламентацией функций). Это повысит баланс интересов.

6. Вовлечение социальных работников и экспертов. Российская практика фокусируется на судебном контроле, в то время как за рубежом (США, Германия) комиссии и социальные работники анализируют поведение осужденного и перспективы ресоциализации. В правоприменении следует шире привлекать социальных работников для подготовки заключений, что можно реализовать через подзаконные акты (приказы Минюста, ФСИН России), без коренных изменений УПК РФ. Это улучшит анализ личности осужденного, повысит эффективность УДО и предупредит рецидив, делая систему более гуманной и ориентированной на исправление.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИЕМА И РЕГИСТРАЦИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Кузьминов Алексей Михайлович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Спиридонова Юлия Николаевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Рассматривая проблемные вопросы в практической деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы при регистрации сообщений о преступлениях необходимо отметить, что п.43 ст. 5 действующего УПК РФ не дает понятия «сообщение о преступлении», ограничиваясь перечислением видов таких сообщений. Закон не дает также и определения «проверки сообщения о преступлении», что в свою очередь порождает закономерные правовые дискуссии. Исходя из этого, к числу проблем относится и нечеткость определений правового статуса доследственной проверки в российском уголовном судопроизводстве.

В п.1 ч.1 ст.40 УПК РФ указывается, что к органам дознания относятся органы исполнительной власти, наделенные полномочиями осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Таким образом, УПК РФ делает отсылку к Федеральному закону от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об оперативно-розыскной деятельности», где в ст. 13 наряду с другими органами называется ФСИН России. Следовательно, сотрудники оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы выступают в качестве органа дознания. Однако, объем и содержание их уголовно-процессуальных полномочий не в полной мере урегулирован в действующем законодательстве и иных подзаконных актах, что является одним из проблемных вопросов в деятельности уголовно-исполнительной системы по приему и регистрации сообщений о преступлениях. В данной связи С.И. Гирько отмечает, что в вопросах полноценной регистрации преступлений в исправительных учреждения не последнюю роль играет отсутствие у начальников учреждений уголовно-процессуальных полномочий, вследствие чего формируется потребность обращения за этим в территориальные органы внутренних дел и подразделения Следственного Комитета, к подследственности которых относятся[1].

Основным ведомственным нормативно-правовым актом регулирующим прием и регистрацию сообщений о преступлениях в учреждениях уголовно - исполнительной системы является Приказ Минюста России от 11.07.2006 № 250 (ред. от 15.08.2016) «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях», а также Инструкция о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях (Приложение к приказу Минюста РФ от 11 июля 2006 г.№ 250) (далее – инструкция). Ряд ученых выявляет несовершенство вышеуказанного нормативно-правового акта[2].

---

[1] *Гирько С.И.* Проблемы регистрации и учета пенитенциарных преступлений в Российской Федерации / С. И. Гирько // Современный юрист. - 2021. - № 3(36). - С. 72. – Текст: непосредственный.

[2]См. например: *Грязева Н.В.* Особенности приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и происшествиях в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Н. В. Грязева, Е. С. Кабанен // Вестник Самарского юридического института. - 2021. - № 3 (44). - С. 122 – 127. – Текст: непосредственный.

Рассматривая пробелы в анализируемой Инструкции необходимо отметить отсутствие бланков процессуальных документов в УПК РФ, на которые ссылается документ. Об этом в своей научной работе пишет Морозов Р.М.: «В соответствии с Федеральным законом от 05.06.2007 № 87 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и федеральный закон О прокуратуре Российской Федерации» ст. 476 УПК РФ, где содержались бланки процессуальных документов, утратила силу. Однако в Инструкции в п. 5, 31 даны отсылочные нормы к приложениям 1, 10, 11 ст. 476 УПК РФ. Кроме того, при описании правил ведения книги регистрации сообщений о преступлениях также делаются отсылки к приложениям 1–3 ст. 476 УПК РФ. До отмены указанной статьи УПК РФ в перечисленных пунктах, указанных Инструкцией, содержались следующие образцы документов: рапорт об обнаружении признаков преступления, протокол принятия устного заявления о преступлении, протокол явки с повинной, постановление о передаче по подследственности, постановление о передаче сообщения в суд»[1]. Автор считает, что для решения обозначенной проблемы, необходимо дополнить Инструкцию образцами вышеперечисленных документов.

Исходя из п.2 настоящей Инструкции сообщения о преступлениях и происшествиях принимаются в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы круглосуточно старшими оперативными дежурными, оперативными дежурными по территориальным органам УИС, дежурными помощниками начальника учреждения, дежурными помощниками начальника колонии, дежурными помощниками начальника больницы, дежурными помощниками начальника следственного изолятора, дежурными помощниками начальника тюрьмы (или их заместителями). Рассматривая проблемные вопросы в практической деятельности по регистрации сообщений о преступлениях сотрудниками уголовно-исполнительной системы, И.Л. Бедняков выделяет, что зачастую дежурные службы при регистрации рапортов о преступлениях, фактически не обращают внимание на их содержание. Это становится причиной необоснованной регистрации информации в книге регистрации сообщений о преступлениях – происшествий, которые не являются преступлениями. Несоответствие рапорта об обнаружении признаков преступления предъявляемым к нему требованиям по содержанию ведет к неполноте регистрации поступившей информации о преступлениях и происшествиях[2]. Автор статьи утверждает, что причиной допущения ошибочных действий дежурных служб органов уголовно-исполнительной системы, при регистрации рапортов о совершенном деянии в первичной служебной документации является низкий уровень их правовой подготовки, а также слабый ведомственный контроль за соблюдением правил учетно-регистрационной дисциплины.

Не менее важный проблемный вопрос выделяет Ю.Н. Спиридонова, ссылаясь на указания генеральной прокуратуры[3], в котором выражен запрет учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы принимать по сообщениям о преступлениях процессуальные решения, оставляя за ними право их приема, регистрации и проверки, а в п. 1.1. данного Указания говорится о проведении проверки только «при наличии необходимости в пределах компетенции». Что считать «необходимостью» проверки сообщения о преступлении? В некоторых случаях признаки преступления усматриваются из документа, являющегося поводом для возбуждения уголовного дела (например,

---

[1] *См. Морозов Р.М.* Некоторые проблемные аспекты регистрации и проверки сообщений о преступлениях в учреждениях уголовно-исполнительной системы России / Р.М. Морозов, А.М. Лютынский // Пенитенциарная наука. - 2022. - Т. 16. - № 1 (57). - С. 57 - 65. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Бедняков И.Л.* Проблемы регистрации и проверки сообщений о преступлениях и происшествиях в исправительных учреждениях / И.Л. Бедняков // Криминалистическое и процессуальное обеспечение расследования преступлений в уголовно-исполнительной системе: материалы межвузовской научно-практической конференции. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2017. - С. 28 – 32. – Текст: непосредственный.

[3] Указание Генерального прокурора Российской Федерации от 25.10.2013 № 456/69 «Об усилении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы».

рапорта сотрудника об обнаружении признаков преступления, когда эти признаки являются очевидными)[1].

Так же проблему вызывает, что Инструкция обязует дежурные службы учреждений и органов уголовно-исполнительной системы вести два документа, которыми являются книга регистрации сообщений о преступлениях и журнал регистрации информации о происшествиях, а также своевременно и разделять соответствующую информацию. На этот проблемный вопрос обращает внимание Овсянников И.В.: «Инструкция фактически требует от дежурного по учреждению или органу уголовно-исполнительной системы при регистрации поступающих сообщений дифференцировать их: «о преступлении» или «о происшествии». Но незамедлительное и точное осуществление указанной дифференциации, на наш взгляд, проблематично по следующим причинам. Во-первых, на практике в поступающих сообщениях содержится, как правило, ограниченный объем информации, которого недостаточно для точного установления обстоятельств и квалификации деяния. Неслучайно в книге регистрации сообщений о преступлениях предусмотрена графа 8, в которой может указываться, в частности, такой результат проверки сообщения, зарегистрированного в качестве сообщения о преступлении, как дата вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Основаниями для этого могут быть отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления (пункты 1, 2 части 1 статьи 24 УПК РФ). Применение должностным лицом, выносящим постановление, любого из этих двух оснований означает, что, по его мнению, преступления не было. Во-вторых, для осуществления любой дифференциации принимаемой информации необходимы критерии дифференциации, а также время для проверки (исследования) полученной информации с использованием этих критериев, но в Инструкции не предусмотрено ни такого рода критериев, ни времени для проверки (исследования) полученной информации (сообщения) до ее регистрации. Решение о регистрации поступившего сообщения в качестве сообщения о преступлении или в качестве информации о происшествии представляется важным, так как от него зависит, начнется ли непосредственно после регистрации уголовное судопроизводство»[2]. Стоит отметить, что благодаря графе 8 журнала регистрации информации о происшествиях Инструкция всё же предусматривает перенос записей в книгу регистрации сообщений о преступлениях, но это так же усложняет и растягивает процесс регистрации соответствующей информации, а соответственно и последующие процессуальные действия. Автор статьи предлагает осуществить корректировки Инструкции и предписать регистрацию поступающей информации в одном учетно-регистрационном документе, вместо двух и соответственно дифференцировать ее не при регистрации, а после.

По мнению ученых[3] при регистрации сообщений о преступлениях в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, присутствует компонент скрытой латентности, заключающийся в регистрации только тех сообщений о преступлениях, которые невозможно укрыть, исследователи выделяют причину этого – недостаточная

---

[1] *Спиридонова Ю.Н*. О некоторых вопросах проверки сообщений о преступлениях в исправительных учреждениях / Ю.Н. Спиридонова // Криминалистическое и процессуальное обеспечение расследования преступлений в уголовно-исполнительной системе: Материалы межвузовской научно-практической конференции, Владимир, 01 марта 2017 года / Редколлегия: Т.А. Ткачук (пред.) и др. – Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. – С. 118. – Текст: непосредственный.

[2] *Овсяннико И.В*. Порядок регистрации сообщений о преступлениях и происшествиях в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: достоинства и недостатки / И.В. Овсянников // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2024. – № 10 (269). – С. 41. – Текст: непосредственный.

[3] *См. Шаталов А.С.* Деятельность сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов по рассмотрению сообщений о пенитенциарных преступлениях: проблемы, тенденции, перспективы / А.С. Шаталов, А.В. Акчурин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. - 2021. - № 2. - С. 211 – 221. – Текст: непосредственный.

урегулированность порядка осуществления деятельности по учетно-регистрационной дисциплине.

В проводимом исследовании Грязева Н.В. обращает внимание на выявленные нарушения в ходе прокурорского надзора за деятельностью ФСИН России по регистрации сообщений о преступлениях и на выявленные нарушения в этой сфере. Автор сообщает, что за 8 месяцев 2022 года установлено 2 344 178 нарушений, связанных с приемом, регистрацией сообщений о преступлениях и выделяет наиболее частые из них:

- допускаются нарушения установленных уголовно-процессуальных законодательством требований при заполнениях талонов-уведомлений (талонов-корешков);
- не обеспечивается ознакомление осужденных с постановлениями о направлении материалов по подследственности в иные правоохранительные органы в соответствии со ст. 145 УПК РФ;
- несвоевременная регистрация сообщений о преступлениях;
- сообщения о преступлениях не оформляются и не регистрируются;
- проверки сообщений о преступлениях проводятся формально;
- сообщения, зарегистрированные в журнале регистрации информации о происшествиях, содержащее информацию о признаках преступления, не проходят регистрацию в книге регистрации сообщений о преступлениях;
- необоснованно затягиваются сроки направления материалов проверок в иные правоохранительные органы;
- ошибочная квалификация событий, зафиксированная в материалах проверки сообщения о преступлении[1].

Деятельность уголовно-исполнительной системы по регистрации сообщений о преступлениях комментирует А.М. Саутиев: «Сфера деятельности, регулируемая Инструкцией, является неполноценной вследствие того, что сотрудники уголовно-исполнительной системы лишь в крайних случаях прибегают к официальной регистрации сообщений о преступлениях и происшествиях, стараясь справиться с ситуацией «непроцессуальным» путем»[2].

Указывают на несовершенство Инструкции А.А. Игнатьев и В.И. Перепелкин, считая, что не определен порядок действий должностных лиц УИС при получении устных анонимных сообщений о преступлениях, к примеру, поступивших по телефону. Следует отметить, что анонимные письма в соответствии с пунктом 7 статьи 141 УПК РФ не могут служить поводом для возбуждения уголовного дела. Тем не менее, авторы полагают, что такие сообщения в обязательном порядке должны быть зарегистрированы в целях, как их учета, так и возможности проверки со стороны руководства мер, которые по ним предпринимались. В связи с этим пункт 3 Инструкции должен быть дополнен положением о том, что в случае проверки анонимного устного сообщения информация о преступлении подтвердилась, то уполномоченным должностным лицом учреждения должен быть составлен рапорт об обнаружении признаков преступного деяния[3].

---

[1] *Грязева Н.В.* Прокурорский надзор за проверкой сообщений о преступлениях в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Н.В. Грязева, Ю.Ю. Чупракова // Вестник Самарского юридического института. – 2022. – № 5 (51). – С. 103. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Саутиев А.М.* Прием, регистрация и рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях в исправительных учреждениях ФСИН России (сравнительно-правовое исследование на основе законодательства Российской Федерации и стран СНГ): дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2017. – 230 с. – Текст: непосредственный.

[3] *Игнатьев А.В.* Актуальные проблемы приема и регистрации сообщений о преступлениях, совершаемых в местах лишения свободы: проблемы и пути решения / А.В. Игнатьев, В.И. Перепелкин // Новая парадигма социально-гуманитарного знания: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. В 6-ти частях, Белгород, 29 декабря 2017 года / под общей редакцией Е.П. Ткачевой. Том Часть II. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство перспективных научных исследований», 2018. – С. 58. – Текст: непосредственный.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что нормативно-правовые акты, регулирующие прием и регистрацию сообщений о преступлениях в местах лишения свободы, нуждается в корректировке и дополнении. Оно должно более полно учитывать специфику функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы. Кроме того, необходимо повышать правовую грамотность сотрудников исправительных учреждений, учитывая, что уголовно-процессуальная деятельность осуществляется ими довольно редко.

Важным вопросом является уголовно-процессуальный статуса органов и учреждений ФСИН России, который остается предметом самой оживленной дискуссии различных ученых[1].

[1] *См. Ермуханов Ж. Е.* Учреждения ФСИН России как орган дознания / Ж. Е. Ермуханов // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России, Самара, 27 апреля 2016 года. Том Выпуск 4. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. – С. 81 - 82. – Текст: непосредственный.

АБОРТ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ: НОВЫЕ РИСКИ И ПРОБЕЛЫ В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

Мазепина Юлия Алексеевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Уторова Татьяна Николаевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

Искусственное прерывание беременности как репродуктивное право женщины и широко распространённое явление в обществе всегда вызывает острые дискуссии. В эпоху технологий мы всё чаще говорим о внедрении в медицину новых способов проведения абортов, в том числе дистанционно. В связи с этим возникают определенные проблемы в квалификации и расследовании преступлений, связанных с оказанием услуг в сфере телемедицины. Целью данной статьи является выявление и анализ основных проблем в контексте телемедицины в сфере абортов, определение рисков и правовых пробелов в законодательстве об охране здоровья граждан, в том числе в части абортов.

Актуальность данной проблематики подтверждается стремительным ростом цифровизации медицинских услуг. Данные исследовательского отчета компании Global Market Insights говорят о том, что мировой телемедицинский рынок стремительно расширяется и его объем должен увеличиться с $38.3 млрд в 2018 году до $130.5 млрд в 2025 году, среднегодовой темп роста более 20%[1]. В третьем квартале 2023 года объем сегмента телемедицины в РФ составил 3,76 млрд рублей: на 50% больше, чем годом ранее, и на 12% больше, чем во втором квартале. Пандемия COVID-19 значительно ускорила внедрение телемедицинских технологий, что создало новые правовые и этические вызовы в такой чувствительной области как репродуктивное здоровье[2].

Официальное понятие «телемедицина» в законодательстве не закреплено. С.А. Качнов понимает телемедицину как «использование информационных и телекоммуникационных технологий для получения и оказания медицинских услуг (за пределами традиционных медицинских учреждений), таких как дистанционные консультации с врачами в реальном и «отложенном» времени, мониторинг пациентов»[3]. А.А. Иванов говорит о телемедицине как о «видеоконференции с лечащим врачом»[4], что, на наш взгляд, является лишь одной из составляющих. Проанализировав несколько подходов, мы предлагаем следующее определение: телемедицина — это набор технологий, средств и методов, которые делают медицинские услуги более доступными, квалифицированными и оперативными.

---

[1] Объем мирового рынка телемедицины в 2025 году составит $130 млрд. - URL: https://evercare.ru/obem-mirovogo-rynka-telemeditsiny-v-2025-godu-sost (дата обращения: 10.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Рынок телемедицины вырос в полтора раза. - URL: https://www.kommersant.ru/doc/6532531 (дата обращения: 10.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Качнов С.А.* Телемедицина в системе здравоохранения / С.А. Качнов, Н.В. Болдырихин // Техника и технологии: пути инновационного развития: сборник научных трудов 8-й Международной научно-практической конференции, Курск, 28 июня 2019 года, Юго-Западный государственный университет. Том 1. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. - С. 164. – Текст: непосредственный.

[4] *См. Иванов А.А.* Телемедицинские решения для инструментальной диагностики на дому у пациента в условиях пандемии / А.А. Иванов // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. - 2021. - № 1. – С. 25 – 34. – Текст: непосредственный.

Говоря о рисках телемедицины в сфере абортов, важно рассмотреть их в сравнении с преимуществами.

С одной стороны, развитие телемедицины расширяет возможность доступа к получению медицинской помощи, в частности, женщинам, проживающим в отдаленных или малонаселенных пунктах. С другой стороны, бесконтрольное распространение информации и продажа лекарственных препаратов в сети Интернет создает определенную угрозу жизни и здоровью беременных женщин.

По данным Росстата, в России ежегодно проводится около 500 тысяч легальных абортов[1]. При этом отсутствует официальная статистика по количеству медикаментозных абортов, проведенных с использованием препаратов, приобретенных через интернет. По оценкам экспертов Всемирной организации здравоохранения, в странах с ограниченным доступом к легальным абортам до 20% женщин прибегают к самостоятельному прерыванию беременности с использованием медикаментозных средств, приобретенных онлайн, что существенно повышает риски для их здоровья[2].

Например, при приобретении лекарственных средств через Интернет, в том числе без рецепта врача, возникает угроза неправильного применения препаратов, что может привести к причинению вреда здоровью женщины, а в некоторых случаях — к летальному исходу. Медикаментозный аборт без предварительного очного обследования повышает риск неполного аборта и кровотечений. Очный осмотр критически важен для исключения внематочной беременности, которая не может быть диагностирована дистанционно и требует экстренного хирургического вмешательства.

В статье 36.2 федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закреплено ограничение возможности дистанционной диагностики и лечения. По смыслу п. 3 статьи мы можем сделать вывод, что очный прием (осмотр, консультация) является обязательным. Без его проведения дальнейшие оказание и корректировка лечения невозможна.

Примером является определение четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2022 № 88-17695/2022 по делу № 2-349/202123 кассационная жалоба истца удовлетворена в части, касающейся не принятия всех необходимых и возможных мер для своевременного и квалифицированного обследования пациента в целях установления правильного диагноза, в результате чего пациент умер. Так, на основании заключения комплексной судебно-медицинской экспертизы ГБУ РО «БСМЭ» г. Ростова-на-Дону при поступлении в стационар больному своевременно и обоснованно установлен диагноз, с учетом установленного диагноза организована консультация врачом-нейрохирургом (телемедицинская консультация), которым был неверно установлен диагноз, что привело к необоснованному отказу от оперативного вмешательства[3].

Не стоит забывать и тот факт, что женский организм индивидуален. Без должного осмотра и определенных исследований врач, осуществляющий дистанционную консультацию, не может в полной мере оценить состояние здоровья женщины и дать адекватную рекомендацию, что также может привести к нарушению здоровья.

Еще одним немаловажным фактором является то, что аборт выступает психотравмирующей ситуацией, которая наносит определенный вред психологическому состоянию женщин. Гладилина В.С. отмечает следующие последствия аборта: «после

---

[1] Гинеколог: В прошлом году в России зафиксировано 500 тысяч абортов. - URL: https://nsn.fm/society/ginekolog-v-proshlom-godu-v-rossii-zafiksirovano-500-tysyach-abortov (дата обращения: 04.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Доступность препаратов для медикаментозного аборта в восьми странах: описательный анализ основных результатов и возможностей. - URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.aae7c670-681fad6c-f4c0c42c-74722d776562/https/reproductive-health-journal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12978-023-01574-3 (дата обращения: 10.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *См. Гришин С.М.* Тенденции электронного здравоохранения и особенности практики рассмотрения споров по оказанию медицинских услуг с применением цифровых технологий / С.М. Гришин, С.В. Одинцов // Проблемы экономики и юридической практики. - 2024. - № 5. – С. 43 – 50. – Текст: непосредственный.

аборта женщине придется столкнуться с рядом психических нарушений, таких как: страх, чувство вины, раздражительность, депрессия, мысли о самоубийстве»[1]. Дистанционный формат лишает женщин возможности получить квалифицированную психологическую помощь и поддержку, что, соответственно, негативно сказывается на их ментальном здоровье.

Необходимо также упомянуть о распространенной в наше время проблеме — угрозе утечки личной информации. При обращении к онлайн-консультациям и покупке лекарственных препаратов через Интернет женщина дает свое согласие на обработку персональных данных, что может привести к нарушению конфиденциальности в результате «взлома» и «утечки» баз данных сайтов и клиник.

Действующее законодательство не в полной мере адаптировано к изменениям в обществе, связанным с развитием телемедицины в сфере абортов. Мы выделили основные проблемы и пути их решения.

Одним из основных пробелов в нашем законодательстве является отсутствие четкого статуса телемедицинских услуг в сфере абортов, что затрудняет привлечение к ответственности лиц, совершающих незаконные аборты дистанционно. Мы предлагаем внести в статью 123 Уголовного кодекса РФ новый квалифицирующий признак: «совершенный в результате оказания телемедицинских услуг». Это приведет к точному определению правового статуса телемедицинских услуг и даст возможность привлекать лиц к ответственности.

Отсутствие правового регулирования контроля за оборотом лекарственных препаратов, которые продаются через Интернет, также является существенным пробелом. Недостаток медицинских документов и невозможность наблюдения за соблюдением правил проведения абортов затрудняет установление факта проведения незаконного аборта. Путем решения данной проблемы мы видим ужесточение правил и требований к аптечным организациям, осуществляющим продажу препаратов дистанционным путем. Как утверждает Марж Берер: «аптеки должны официально стать важным альтернативным источником абортивных таблеток, в том числе для молодежи. В частности, многие молодые женщины скорее предпочтут потратиться на таблетки, чем пойти в государственное медицинское учреждение и рискнуть быть увиденными там при получении соответствующих услуг»[2]. Данная тенденция участия аптечных организаций в проведении абортов показывает нам важность государственного контроля над их деятельностью. Таким образом, возможно предотвратить риск продажи некачественных препаратов.

Для решения данной задачи мы предлагаем внести изменения в федеральный закон «Об обращении лекарственных средств», устанавливающие особые требования к дистанционной продаже препаратов, которые могут использоваться для прерывания беременности. Потому что, как мы говорили выше, недостаток контроля со стороны государственных органов над аптечными организациями приводит к нарушению оборота лекарственных средств, а отсутствие единого учета средств не дает нам возможности в полной мере оценить масштабность самостоятельной деятельности аптек.

Существенной проблемой в правовом регулировании абортов в сфере телемедицины является и то, что Приказ Минздрава России № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» не содержит специальных норм для урегулирования данного вопроса. Так же

---

[1] *Гладилина В.С.* Социально-психологические последствия аборта: Российская практика / В.С. Гладилина // Практики заботы в современном обществе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 21 декабря 2016 года. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2017. - С. 85. – Текст: непосредственный.

[2] Телемедицина и аборт путем самоконтроля. - URL: https://www.site.cidsr.md/ru/news/ru-telemeditsina-i-samostoyatelnyj-abort-diskussionnaya-statya/ (дата обращения: 05.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

и в федеральном законе № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закреплены только общие нормы и отсутствует специальный раздел, касающийся репродуктивного здоровья.

Для решения данной проблемы мы предлагаем внести в «Порядок организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» раздел, направленный на охрану репродуктивных прав женщин.

Пробелом является и отсутствие должного взаимодействия медицинских организаций, правоохранительных органов и операторов связи. Данное сотрудничество позволило бы оперативно отслеживать и блокировать сайты и предложения, которые пропагандируют незаконное проведение абортов. Мы предлагаем разработать методические материалы для данных категорий служб, которые содержали бы конкретные примеры, когда необходима совместная работа, и план действий каждого участника данной деятельности.

В качестве технологического решения проблемы можно предложить создание защищенной цифровой платформы для телемедицинских консультаций по вопросам репродуктивного здоровья с обязательной верификацией личности пациентов и врачей, интеграцией с единой медицинской информационной системой и возможностью оперативного реагирования при возникновении осложнений. Такая платформа могла бы включать геолокационные сервисы для быстрого определения ближайших медучреждений в экстренных ситуациях.

Для того чтобы в полной мере использовать возможности телемедицины для улучшения доступа к медицинской помощи, необходимо учитывать и минимизировать риски, особенно для женского репродуктивного здоровья. Ключевым является предотвращение незаконных абортов, совершаемых дистанционно.

Развитие телемедицины в сфере репродуктивного здоровья представляет собой неизбежный процесс технологической эволюции здравоохранения. Задача государства, медицинского и юридического сообществ — не противодействовать этому процессу, а направить его в русло безопасной и ответственной практики через создание адекватной нормативной базы, технических решений и образовательных программ для медицинских работников и пациентов.

ИСТОРИЯ И БУДУЩЕЕ ГАБИТОСКОПИИ: ОТ ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Манухова Ксения Васильевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Костикова Наталия Александровна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Криминалистическая габитоскопия представляет собой одну из важнейших отраслей криминалистической техники, занимающуюся изучением и анализом внешних признаков человека с целью его последующей идентификации. В условиях современного общества, где преступность принимает разнообразные формы, а технологии развиваются день за днём, потребность в эффективных методах идентификации становится особенно актуальной.

Рост преступности и возникновение новых способов совершения правонарушений и преступлений требуют своевременного ответного реагирования. С течением времени, когда традиционные методы идентификации могут оказаться недостаточно эффективными, новые технологии, позволяющие совершенствовать методы габитоскопии, становятся значимым инструментом, доступным сотрудникам правоохранительных органов.

Цель настоящего исследования состоит в анализе и оценке методов, используемых в криминалистической габитоскопии. Данная цель отражается в следующих задачах: изучение исторического развития габитоскопии как науки; оценка практической значимости габитоскопии при раскрытии преступлений; выявление проблемных аспектов и перспектив развития рассматриваемой нами отрасли криминалистической техники.

Внешний облик человека – сложная и многогранная система элементов, зрительно воспринимаемых и фиксируемых признаков, обладающих такими свойствами как индивидуальность, относительная устойчивость и отражаемость[1]. Осуществляя идентификацию, важно учитывать, что именно внешние признаки играют ключевую роль в распознавании лиц, поскольку выступают некими «маркерами», позволяющими установить личность и выявить уникальные характеристики, которые отличают одного человека от другого.

Изучение признаков внешности интересовало человечество ещё с античных времён, о чём свидетельствуют сохранившиеся надписи на табличках. При описании личности применялись базовые внешние признаки, детализация отдельных черт не производилась: указывался цвет волос (тёмный или светлый), приметные черты лица (например, большой нос или родимое пятно), особенности телосложения (отсутствие конечности, примерный рост – высокий или низкий, вес), а также иные отличительные признаки, которые бросались в глаза[2].

[1] *Сковородников В.Д.* Основные направления развития криминалистической габитоскопии как раздела криминалистической техники / В.Д. Сковородников, А.А. Карапетян // Парадигма. – 2019. – № 1. – С. 131. – Текст: непосредственный.
[2] *Порошков К.Н.* История развития габитоскопии / К.Н. Порошков // Вестник науки и образования. – 2022. – № 1 (121). – Часть 1. – С. 75. – Текст: непосредственный.

Как отмечается в научной литературе, в эпоху европейского средневековья наблюдалось ужесточение методов идентификации, например, преступников, совершивших рецидив, клеймили либо лишали части тела[1].

В XIV–XVIII веках во Франции тело преступника покрывали отметками в виде клеймения с использованием букв, которые указывали на вид совершённого преступного деяния (например, «V» – «вор», «WW» – вор-рецидивист и пр.)[2].

Схожая практика была и в истории России, например, согласно указу Петра I от мая 1691 года лиц, освобождённых от смертной казни, отправляли в ссылку, отметив их клеймом в виде буквы «В», чтобы в случае побега этого лица из места ссылки, его можно было по этой примете «познать» в других населённых пунктах. Использование такой системы идентификации преступников применялось до 1860-х годов[3].

В XIX веке французским криминалистом Альфонсом Бертильоном разработаны основы криминалистической габитоскопии. В 1879 – 1882 гг. им создана система описания различных частей человеческого тела в целях идентификации преступников, в соответствии с которой при регистрации заключённых производилось измерение ряда параметров: роста стоя, длины распростертых рук, роста сидя, длины и ширины головы, расстояния между скуловыми костями, длины левой ступни, длины среднего пальца и мизинца левой руки, длины левого предплечья. Перечисленные данные заносились в специальную карточку, где также отмечались особые приметы[4].

Таким образом, А. Бертильон предложил использовать стандартные методы измерения и фиксирования данных, что, в конечном итоге, позволило создать базу для дальнейшего анализа. Им были разработаны специальные таблицы и формы, которые упрощали процесс сбора информации о лицах, совершивших преступления. В результате проделанной им работы была создана первая система антропометрической идентификации, известная как «бертильонаж», с появлением которой раскрытие преступлений вышло на новый уровень.

До внедрения описанной нами системы личные карточки лиц, преступивших букву закона, велись, однако, заполнялись общими фразами, носящими абстрактно-расплывчатый характер («низкий рост», «средний нос» и др.), в связи с чем складывалось туманное описание лица, подлежащего идентификации, в результате чего практическая направленность в поимке и идентификации преступников в соответствии с указанными критериями стремилась к нулю[5].

Приведённой системой идентификации, предложенной А. Бертильоном, без нареканий пользовались несколько десятков лет. С появлением нового метода (дактилоскопии) опознание преступников вышло на новый уровень исторического развития.

Следующий этап развития габитоскопии связан с разработкой научной концепции Ч. Ломброзо, утверждавшего, что преступниками не становятся, а рождаются с физическими и психологическими характеристиками, предрасполагающими их к

---

[1] *Порошков К.Н.* История развития габитоскопии / К.Н. Порошков // Вестник науки и образования. – 2022. – № 1 (121). – Часть 1. – С. 75. – Текст: непосредственный.

[2] *Тучков А.Ю.* Криминалистическая габитоскопия: история и современность / А.Ю. Тучков // Проблемы противодействия преступности в современных условиях. Всероссийская научно-практическая конференция. – Орёл, 2022. – С. 115. – Текст: непосредственный.

[3] *Тучков А.Ю.* Криминалистическая габитоскопия: история и современность / А.Ю. Тучков // Проблемы противодействия преступности в современных условиях. Всероссийская научно-практическая конференция. – Орёл, 2022. – С. 115 - 116. – Текст: непосредственный.

[4] *Узлова О.С.* Криминалистическая отоскопия как метод идентификации человека / О.С. Узлова // Эксперт-криминалист. – 2012. – № 2. – С. 31. – Текст: непосредственный.

[5] Идентификация Бертильона: система, которая позволила 30 лет эффективно ловить преступников. – URL: https://kulturologia.ru/blogs/040717/35162/ (дата обращения: 05.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

преступному поведению. Результатом его исследования стала теория врождённого преступника, основанная на наличии общих черт внешности у лиц, преступивших закон.

Итальянским профессором судебной медицины исследовано более трехсот пятидесяти черепов умерших, около четырех тысяч черепов живых преступников. Сопоставляя физические особенности человеческого организма преступников и законопослушных граждан, Ломброзо пришёл к выводу, что люди со схожим типом внешних физиологических характеристик совершают преступления. Например, скошенная лобная кость, отсутствие симметрии лица и глазных впадин, явное развитие челюсти свидетельствуют о криминальных направленностях лица. При этом исследователем сделан вывод, что чаще всего преступления совершаются брюнетами и шатенами, в то время как люди с рыжим цветом волос идут на совершение преступлений реже[1].

Теория Ч. Ломброзо вызвала критику среди общественности и получила неоднозначную оценку в обществе в связи с тем, что отождествляла отдельно взятые признаки внешности человека с конкретным типом преступников (насильник, вор, убийца, мошенник), не учитывая социальный компонент в причине возникновения преступного поведения. Так, например, согласно теории прирождённого преступника для внешности типичного вора характерны: неправильный маленький череп, удлинённая голова, прямой нос (часто вздернутый у основания), бегающий или, наоборот, цепкий взгляд, черные волосы и редкая борода[2].

В 1885 году на Первом конгрессе уголовной антропологии (Рим) идеи Ч. Ломброзо подверглись критике, в результате чего он пересмотрел свои взгляды и признал, что преступность не обязательно должна быть врождённым качеством, поскольку некоторые преступают букву закона ввиду стечения сложных жизненных обстоятельств. Редактируя свои научные труды, учёный приходит к выводу, что теперь под составленное им ранее описание рождённого преступником подпадает лишь 40%, а остальные – случайные лица, для которых характерна способность к перевоспитанию и исправлению[3].

На сегодняшний день теория, разработанная Ч. Ломброзо, применению не подлежит, содержит ложные умозаключения из общего эмпирического знания, в литературе по сегодняшний день встречается её критическое восприятие. Тем не менее, данная теория привлекла особое внимание к детальному исследованию внешности человека, а антропологические исследования Ч. Ломброзо легли в основу созданного им детектора лжи (гидросфигмографа), применявшегося при допросах[4].

При составлении детального словесного портрета значимым аспектом является учёт голоса и речи лица. Так, одно из первых упоминаний характеристик голоса при описании внешности человека относится к периоду средневековой Италии, где в паспортах жителей фиксировались основные приметы внешности, включая голос. Однако, научные исследования, связанные с методикой составления словесного портрета, принимающие во внимание признаки голоса и речи, получили распространение лишь в XX веке. В научных кругах справедливо отмечается, что идентификация человека по уникальным характеристикам голоса и речи возможна благодаря таким свойствам, как индивидуальность, устойчивость и вариационность. При этом, такая идентификация

---

[1] *Долганева А.В.* Значимость теории Ч. Ломброзо в развитии криминологии и юридической психологии / А.В. Долганева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 1. – С. 2. – Текст: непосредственный.

[2] Прирождённый преступник: теория Ломброзо. – URL: https://pravo.ru/review/view/140647/ (дата обращения: 06.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Павлов Е.В.* Чезаре Ломброзо: современное видение / Е.В. Павлов // Вестник магистратуры. – 2016. – № 12-2 (63). – С. 199. – Текст: непосредственный.

[4] *Баринов Ю.В.* Бифуркации наказаний и теория Чезаре Ломброзо / Ю.В. Баринов // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 3. – С. 73. – Текст: непосредственный.

становится возможным ввиду неоднородности набора признаков, характеризующих голос и речь отдельно взятого лица[1].

В России исследованием габитоскопии и разработкой её методов занимались такие учёные, как Н.Д. Вороновский, Н.В. Терзиев, А.А. Гусев, В.А. Снетков, А.М. Зинин и др.

Н.Д. Вороновский впервые в отечественной криминалистической литературе обратил внимание на специфику идентификации человека по фотоснимкам, отмечая сложность достоверного установления личности в связи с тем, что сравнивать приходится кадры разного формата, а также установил, что наиболее точные результаты получаются при сравнении снимков, выполненных путём сигналетической (опознавательной) съёмки[2].

Более детальное исследование криминалистической габитоскопии прослеживается в трудах Н.В. Терзиева, советского учёного-криминалиста, которым в 1956 году в учебном пособии «Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности» изложены правила производства судебной портретной экспертизы[3]. Николай Владимирович придерживался точки зрения, согласно которой фактический объект экспертизы – голова человека, его лицо как включающее совокупность признаков элементов внешности, позволяющих произвести идентификацию. Труды Н.В. Терзиева легли в основу разработки методики составления фотороботов.

В XX веке А.А. Гусевым и В.А. Снетковым подготовлены монографические работы и защищены диссертации, заложившие теоретические и методические основы судебной портретной экспертизы.

В 1960-м году А.А. Гусевым на основе анализа собранных практических сведений в качестве учебно-методического пособия опубликована методика производства судебных экспертиз в целях установления личности по чертам внешности. Научный труд содержал сведения, согласно которым исследование внешности человека состоит из стадий, а также рекомендации по определению размерных характеристик лба, носа, подбородка при наклоне головы вперед и отклонении её назад[4].

А.А. Гусев заострил внимание на значимости учёта динамики изменения элементов лица, запечатлённых на фотографии, а также доказал, что пренебрежение указанной рекомендацией ведёт к экспертной ошибке.

В этот же период исторического развития криминалистической габитоскопии В.А. Снетков под руководством профессора Н.В. Терзиева защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Экспертное отождествление личности по чертам внешности», раскрыв не только основные стадии экспертного исследования носителей информации о признаках внешности, но и подробную классификацию идентификационных признаков, а также рассмотрел такую проблему, как оценка экспертного заключения, выполненного по данному роду судебных экспертиз.

Впоследствии им организовано и осуществлено внедрение в практическую деятельность первого отечественного прибора для составления композиционных портретов, послужившего основой для разработки современных автоматизированных

---

[1] *Костикова Н.А.* Особенности использования звуковой информации при расследовании преступлений: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Москва, 2007. – С. 12 – 13. – Текст: непосредственный.

[2] *Зинин А.М.* Два юбилея (значение А. А. Гусева и В. А. Снеткова для становления и развития судебной портретной экспертизы) / А.М. Зинин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2020. – № 6. – С. 54. – Текст: непосредственный.

[3] *Степанищева А.Р.* Становление криминалистической габитоскопии и ее значение в раскрытии и расследовании преступлений / А.Р. Степанищева // Научные исследования молодых учёных. Сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2022. – С. 179. – Текст: непосредственный.

[4] *Зинин А.М.* Два юбилея (значение А. А. Гусева и В. А. Снеткова для становления и развития судебной портретной экспертизы) / А.М. Зинин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2020. – № 6. – С. 55 - 56. – Текст: непосредственный.

портретных комплексов, а также внесён значительный вклад в развитие основ организации деятельности экспертов органов внутренних дел[1].

В.А. Снетков, продолжая изучать проблемы отождествления человека по признакам внешности, формулируя научные основы, обозначил новую частную теорию, которую в 1972 году назвал криминалистической диагностикой.

Таким образом, разработка словесного портрета (наглядного изображения внешности человека, изготовленного в соответствии с мысленным образом[2]) как метода описания внешних признаков человека для розыска и отождествления лиц была связана с ростом преступности во всех странах мира, что, в свою очередь, и предопределило совершенствование системы регистрации и поиска преступников.

При этом необходимо отметить, что на сегодняшний день составление словесного портрета в целях идентификации отдельно взятого лица, представляющего оперативный интерес, включает в себя несколько групп признаков, а именно: общефизические (раса, национальность, пол, возраст), анатомические (строение человеческого тела, головы, фигуры, конечностей и др.), функциональные (двигательные, речевые и иные, внешне проявляемые функции), особые (например, шрамы) и броские приметы (например, очень высокий рост), а также сопутствующие признаки (например, одежда, аксессуары).

Суть идентификации человека по признакам внешности состоит в сопоставлении совокупности ранее известных характеристик с лицом, наблюдаемым в данный момент.

А.М. Зинин, учёный-криминалист, доктор юридических наук, профессор кафедры судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ссылаясь на труды учёных второй половины XX века, утверждает, что анализ литературы свидетельствует о смешении понятий «установление личности» и «идентификация человека по его отображениям», понимая их в качестве синонимов. При этом отмечено, что при идентификации анализируются только признаки внешнего облика человека, имеющие биологическую природу, в то время как при установлении личности происходит комплексный анализ ряда свойств человека (социальных, психологических, психических и биологических), которые в своей совокупности дают представление о личности человека. По итогу исследования сделан следующий вывод: «Говорить об установлении личности по признакам внешности – значит, подменять предмет исследования в таком криминалистическом процессе, как идентификация человека по признакам его внешнего облика»[3]. Следовательно, при установлении личности целесообразно использовать комплексную совокупность знаний, исследующих человека в целом.

Кроме того, в условиях развития информационных технологий отмечается, что потребность в распознавании людей по их внешнему виду возникла не только в контексте криминальных ситуаций, но и для обеспечения мониторинга активного перемещения граждан, что привело к разработке специальной системы для распознавания людей по их фотоснимкам, появилось такое направление в исследовании и использовании данных о внешнем облике человека, как биометрическая идентификация[4].

Как отмечается в науке, внедрение биометрических учётов в России является актуальным и в то же время сложным вопросом, что обусловлено рядом обстоятельств, непосредственно связанных с правовым обеспечением сбора данных и ограничением

---

[1] *Парамонова Г.В.* Роль ученых-криминалистов Зинина А. М. и Снеткова В. А. в портретной экспертизе / Г.В. Парамонова, В.И. Поздняков // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации. Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, 02.11.2018 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 191. – Текст: непосредственный.

[2] *Егоров Н.Н.* Криминалистика: учебник и практикум для вузов / Н.Н. Егоров, Е.П. Ищенко. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – С. 122. – (Высшее образование). – Текст: непосредственный.

[3] *Зинин А.М.* Установление личности как комплексная задача субъектов правоприменения / А.М. Зинин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 3. – С. 50. – Текст: непосредственный.

[4] *Зинин А.М.* Идентификация человека по признакам внешности и методы биометрии / А.М. Зинин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 2. – С. 61. – Текст: непосредственный.

конституционных прав, а также с финансовыми затратами. Тем не менее на сегодняшний день в Российской Федерации биометрические данные широко применяются в ряде сфер жизни человека, среди которых: банковская сфера, медицина и сфера безопасности[1].

Внедрение биометрических учётов и технологий искусственного интеллекта позволяет выводить процесс установления личности опознаваемого лица на новый уровень.

Подводя итог исследованию, отметим, что криминалистическая габитоскопия развивается и продолжает совершенствоваться, успешно адаптируя возможности разрабатываемых информационных технологий в передовые методы идентификации лиц. Применение таких методов, внедрённых в практическую деятельность, способствует не только более эффективному установлению лиц, представляющих оперативный интерес при расследовании преступлений, но и благоприятно отражается на своевременном обеспечении общественного порядка и безопасности населения.

В то время как на начальном этапе развития криминалистической науки существовало всего три способа идентификации личности (по мысленному образу, антропометрическая идентификация, основанная на системе регистрации А. Бертильона, и дактилоскопическая идентификация), сегодня идентифицирующими объектами могут также выступать фото- и видеоизображения, записи голоса, носители запаховой информации и иные объекты[2], что, в свою очередь, отражается на качестве и скорости выполнения оперативных задач, возникающих при производстве следственных действий, проводимых в рамках конкретного уголовного дела.

[1] *Морозов Р.М.* Некоторые вопросы создания и использования в России биометрических учетов лица / Р.М. Морозов, А.И. Никонова // Актуальные проблемы права: научный подход молодых исследователей. Сборник научных статей обучающихся Вологодского института права и экономики ФСИН России. Вологда, 2020. - С. 175 - 176. - Текст: непосредственный.

[2] *Сретенцев А.Н.* Возможности и перспективы внедрения систем автоматического распознавания лица человека в процесс раскрытия и расследования преступлений / А.Н. Сретенцев // Российский следователь. – 2021. - № 1. - С. 17. - Текст: непосредственный.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ АЗАРТНЫХ ИГР: РОССИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Маракасов Игорь Анатольевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Валеев Артем Тахирович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

В разные исторические эпохи российское государство последовательно ужесточало контроль над азартными играми и развивало методы их преследования. Уже в Российской империи власти рассматривали азарт как социальную опасность, ведущую «к крайнему убожеству и разорению» подданных. Так, Пётр I в 1717 г. своим указом строго запретил «игру в деньги» под угрозой тройного штрафа[1]. Анна Иоанновна в 1733 г. охарактеризовала азартные игры как «богомерзкие и вредительные» и ввела жёсткие санкции: за первое нарушение нарушителям грозил тройной штраф, за повторные — тюрьма или телесное наказание (офицеры карались месяцем тюрьмы, «подлые» — бичеванием), а за третье — двукратное увеличение срока заключения вместе с телесными карательными мерами. В этих условиях нелегальные игорные дома существовали лишь подпольно, и императорская власть не щадила наказаний. Так, по сенатскому указу 3 августа 1739 г. в Сибирь были сосланы пятнадцать мастеровых одной суконной фабрики за карточные долги (трату семейных накоплений на азарт) «за свой счёт» фабриканта. При этом закон предъявлял равные требования ко всем сословиям: знаменитый общественный деятель и судья А. Ф. Кони в процессе над питерским штабс-ротмистром В. Колёминым (1874 г.)[2] подчеркнул, что «закон не знает сословных преступлений». Действительно, в 1782 г. уже Екатерина II утвердила «Устав благочиния», запрещавший организовывать игорные заведения даже в частных домах[3]. На практике такие запреты соблюдались не всегда (даже сами монархи играли на досуге), но попытки играть в обход закона карались вплоть до тюрем и конфискации имущества. Тем самым правовая и идеологическая установка императорского периода сводилась к «спасению подданных от разорения и греха» – таков был официальный мотив кабы или карательных мер против азартчиков.

После Октябрьской революции 1917 г. большевики объявили азарт «буржуазным пережитком» и немедленно запретили любые игры. Декрет Петроградского ВРК от 24 ноября 1917 г. предписывал закрыть все клубы и притоны, где имелись карточные столы и игровые автоматы[4]. Исполнение этого указа поручалось отрядам Красной гвардии, чекистам и милиции: игральные карты, «инструменты азарта» и деньги изымались, а посетители отправлялись под стражу вплоть до передачи ЧК. В частности, весной 1918 г.

---

[1] Указ Петра I от 17 декабря 1717 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. СПб., 1830. № 3866.

[2] *Кони А.Ф.* По делу об игорном доме штабс-ротмистра Колемина. - URL: https://ru.wikisource.org/wiki/По_делу_об_игорном_доме_штабс-ротмистра_Колемина_(Кони) (дата обращения: 26.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Устав благочиния 1782 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. СПб., 1830. № 16179.

[4] Декрет Петроградского ВРК от 24 ноября 1917 года // Документы Советской власти. - URL: https://istmat.org/node/26170 (дата обращения: 26.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Петроградская Коммуна постановила арестовывать и судить ответственных за игры в карты и лото. Эти меры отражали идеологию новой власти: азартные игры объявлялись вредными и «неприсущими гражданину страны Советов» (их связывали с «аморальностью», свойственной якобы лишь буржуазному миру). Хотя в Гражданскую войну предпринимались предложения частично легализовать игры ради пополнения бюджета, самые жёсткие принципы держались – например, 1 декабря 1917 г. в Петрограде был учреждён даже комиссар по борьбе с «алкоголизмом и азартом»[1]. Позднее, в 1928 г., СНК СССР окончательно ликвидировал любые официальные игорные заведения: соответствующим постановлением закрывались последние казино, а в Уголовный кодекс была введена статья 201, устанавливающая ответственность за «организацию игр»[2]. В результате в СССР оставался лишь теневой игорный бизнес.

После распада СССР законодательная политика по азартному бизнесу неоднократно менялась. В конце 1980-х в рамках экспертных опытов в гостиницах для иностранцев появились игровые автоматы и первые казино (например, Astoria Palace в Таллине, 1989 г.), однако массовые ставки разрешены не были[3]. В начале 2000-х организованная преступность широко контролировала подпольные клубы и букмекеров. В 2006 г. Владимир Путин анонсировал радикальный пересмотр политики: по проекту закона все игорные заведения должны были быть переведены «в резервуары» – четыре специально отведённые игорные зоны (по двум в европейской части и по одной в Сибири и на Дальнем Востоке)[4]. Как отметил замдиректора РПА Минюста В. Виноградов, российский проект напоминал итальянскую модель: играть разрешалось только в четырёх местах, а в остальных регионах — полный запрет. Официальные выступлений звучали однозначно: «все игорные предприятия по закону должны быть закрыты», а маскировка клубов под Интернет-кафе будет караться как коррупционное преступление. Закон № 244-ФЗ (29 декабря 2006 г.) формально закрепил эту концепцию: к 1 января 2009 г. все казино, залы игровых автоматов и тотализаторы должны были либо переехать в утверждённые игорные зоны, либо прекратить деятельность. По сути, с июля 2009 вне этих зон азарт разрешался только в строго определённых «игорных зонах» – в Крыму, Приморье, Алтайском и Краснодарском краях, Калининградской области и Сочи. Министерства и депутаты объясняли это заботой о гражданах: запрет назывался мерой по борьбе с наркоманией, лудоманией и организованной преступностью в регионах.

При таких строгих законах нелегальные операторы направили усилия на сокрытие бизнеса, что требовало от следственных органов применения специальных методов. В современной России расследование «игорных» дел чаще всего ведут подразделения Следственного комитета при силовой поддержке МВД и Росгвардии. Традиционными приёмами остаются сбор разведывательных данных и оперативный контроль: например, следователи провели прослушивание телефонных разговоров операторов нелегальных колл-центров, которые принимали ставки по интернету и через таксофоны. Далее развертывается крупная следственно-оперативная операция: в назначенный день спецназ одновременно обыскивает десятки адресов, изымая компьютеры, серверы, игровые

---

[1] *Балашев И.В.* Отношение комиссара по борьбе с алкоголизмом и азартом районным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, полковым комитетам, штабам Красной гвардии и комиссариатам о присылке представителей на совещание в Смольном. Не позднее 5 декабря 1917 г. / И.В. Балашев // Петроградский Военно-революционный комитет: Документы и материалы в 3 т. Т. 3. — М.: Наука, 1967. — С. 502. – Текст: непосредственный.

[2] Постановление СНК СССР от 1928 года // Сборник законодательства СССР. - URL: https://istmat.org/node/26170 (дата обращения: 26.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *См. Ковтун Е.В.* Игорный бизнес в России. Законодательное регулирование. — М.: ЛитРес, 2017. — 240 с. – Текст: непосредственный.

[4] Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2006 № 244-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Российская газета, № 297, 31.12.2006.

автоматы, мобильники и деньги. Так, в декабре 2023 г. в Москве прокуратура заявила о закрытии сети подпольных казино с оборотом более 10 млрд руб.: при обыске было изъято свыше 250 млн руб. наличными[1]. В январе 2025 в Петербурге по той же схеме задержали восемь организаторов: с их квартир изъяли свыше сотни компьютеров, картридеров, банковских карт и около 1,5 млн руб. наличными[2]. Особенности работы имеют региональный колорит: в Москве часто выходят «на дно» через аффилированных бухгалтеров, в Питере – через респектабельные подпольные клубы (виллы, дорогие апартаменты), а на Юге (Ростов-на-Дону и Ростовская область) иногда фигурируют одиночные арендованные помещения (гаражи, склады). Например, следствие Волгодонска установило, что в 2015 г. местный житель оборудовал «игровой клуб» в помещении гаражного кооператива с 21 игровым автоматом[3]. В другом деле (Таганрог, 2020) шестеро подсудимых получили обвинения за подпольное казино в нежилом здании, где деньги из игр отмывались через сложные финансовые схемы. Обвинительные заключения в таких делах обычно подробно описывают работу оборудования и методы получения прибыли: указывается, кто принимал ставки, как учитывались игры, кто хранил выручку. Допросы участников и сделки со следствием помогают выходить на «верхушку» сети: известны случаи, когда фигуранты соглашались признать вину в надежде на смягчение приговора.

История развития правовых механизмов и следственной практики в России демонстрирует, что борьба с незаконной азартной деятельностью неизменно находилась в зоне повышенного внимания государства, отражая идеологические, социальные и криминологические ориентиры каждой эпохи. Однако несмотря на богатый путь внутренней трансформации — от дореволюционных запретов до современных цифровых расследований — российская практика по-прежнему сталкивается с целым рядом вызовов: транснациональным характером преступлений, использованием криптовалют, удалёнными серверами, иностранными платёжными платформами и правовой маскировкой игорных операций под иные виды деятельности.

В этих условиях особое значение приобретает анализ международного опыта. Сравнение с другими юрисдикциями позволяет не только выявить общие закономерности в подходах к регулированию азартной сферы, но и перенять эффективные модели выявления и пресечения игорных преступлений, адаптированные к условиям глобализированного цифрового пространства. Особенно интересны в этом контексте примеры стран, где борьба с незаконным азартом стала предметом системной государственной политики: речь идёт о Канаде, представляющей модель финансово-контролируемого подхода, и о Сингапуре, где реализуется стратегия технологической превентивности при жёстком нормативном контроле.

Опыт этих государств позволяет взглянуть на проблему шире — как на явление, требующее не только уголовного вмешательства, но и институциональной согласованности, межведомственного взаимодействия, применения высокотехнологичных решений, а также наднационального сотрудничества.

В Канаде действует преимущественно дозволительная модель регулирования азартных игр. Хотя Уголовный кодекс Канады запрещает организацию и проведение азартных игр, разрешение на их проведение делегировано провинциям. Согласно § 207 УК Канады, провинции могут организовывать лотереи и другие формы азартных игр, что привело к созданию государственных лотерейных корпораций и лицензируемых

---

[1] Пресс-релиз прокуратуры Москвы от 12.12.2023. - URL: https://www.mosproc.ru/news/2023/12/12/likvidirovano_podpolnoe_kazino/ (дата обращения: 25.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Главное следственное управление по Санкт-Петербургу. Отчёт за январь 2025 г. - URL: https://78.sledcom.ru/news/item/2025/01/18/zakrytie_kazino/ (дата обращения: 25.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Полицейские изъяли в Волгодонске 49 игровых автоматов. - URL: https://161.ru/text/gorod/2015/12/14/58057861/ (дата обращения: 26.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

коммерческих операторов. Таким образом, в Канаде реализована система частично-государственного контроля с элементами монополии в ряде форм.

В отличие от Канады, Сингапур придерживается монопольной модели. Законодательство этой страны строго запрещает любые формы азартных игр без специальной лицензии. Закон «О контроле казино» (Casino Control Act, 2006)[1], а также новый Закон о контроле азартных игр (Gambling Control Act, 2022)[2] определяют крайне ограниченный круг допустимых форм азартных развлечений, допуская деятельность лишь двух лицензированных казино и государственной лотерейной корпорации Singapore Pools.

Уголовное законодательство Канады предусматривает ответственность за организацию игорных заведений без разрешения. Статья 201 УК Канады квалифицирует такие действия как преступление, наказуемое лишением свободы до двух лет. При этом ответственность наступает за сам факт содержания игорного дома вне зависимости от масштабов деятельности. В Сингапуре наказания значительно жёстче: за организацию нелегального игрового заведения предусмотрен штраф до 50 000 сингапурских долларов и лишение свободы до трёх лет по Common Gaming Houses Act[3]. При этом введён отдельный режим для дистанционных азартных игр – Remote Gambling Act 2014, по которому участие в онлайн-ставках вне лицензированных платформ также влечёт уголовную ответственность. Закон 2022 года усилил санкции: посредничество в незаконных ставках влечёт наказание до 5 лет лишения свободы и штраф до 200 000 сингапурских долларов.

Организация противодействия незаконному игорному бизнесу в Канаде осуществляется как на федеральном, так и на провинциальном уровнях. Полиция RCMP, а также специализированные подразделения вроде Joint Illegal Gaming Investigation Team (JIGIT) занимаются расследованием преступлений в этой сфере. В Британской Колумбии и Онтарио действуют межведомственные группы, объединяющие полицейских, следователей и представителей финансовых структур. Существенную роль играет Канадский центр финансовой разведки (FINTRAC), отслеживающий подозрительные транзакции, связанные с нелегальным гемблингом.

Сингапур, в свою очередь, сформировал единую регулирующую структуру – Gambling Regulatory Authority (GRA), подчинённую Министерству внутренних дел. Эта структура контролирует все формы игорной деятельности, включая оффлайн- и онлайн-сегмент. В сотрудничестве с полицией и финансовыми институтами GRA проводит надзор, расследует правонарушения и блокирует расчёты с нелегальными операторами. С 2015 года MAS (денежно-кредитный орган Сингапура) обладает полномочиями запрещать платежи, связанные с незаконными ставками[4].

Практика расследования в Канаде показывает высокую эффективность межведомственного взаимодействия. В 2024 году в Торонто и Воне прошли крупные рейды, в ходе которых были изъяты игровые автоматы, наличные средства и арестованы лица, подозреваемые в организации подпольных казино и ставок. Уголовные дела сопровождаются компьютерной экспертизой, анализом банковских транзакций и использованием оперативных материалов. Аналогичная практика применяется и в

---

[1] Casino Control Act 2006 (Act 10 of 2006) // Singapore Statutes Online. - URL: https://sso.agc.gov.sg/Act/CCA2006 (дата обращения: 26.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Gambling Control Act 2022 (Act 15 of 2022) // Singapore Statutes Online. - URL: https://sso.agc.gov.sg/Act/GCA2022 (дата обращения: 26.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Gambling Act 2005. An Act to make provision about gambling. 2005 c. 19. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2005/19/contents/enacted (дата обращения: 27.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] Remote Gambling Act 2014 (Act 23 of 2014) // Singapore Statutes Online. - URL: https://sso.agc.gov.sg/Act/RGA2014 (дата обращения: 26.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Сингапуре, где в ходе совместной операции с Малайзией летом 2024 года были арестованы 43 человека, изъяты значительные суммы наличности, заблокированы банковские счета и наложены запреты на имущество подозреваемых[1]. Расследование включало анализ логов сайтов, электронных носителей и трафика данных, а также изъятие устройств с информацией о ставках.

Российская модель регулирования азартных игр схожа с сингапурской по строгости ограничений: с 2009 года в России действует режим, допускающий азартные игры только в специальных игорных зонах. Организация игр вне этих зон квалифицируется по статье 171.2 УК РФ и влечёт уголовную ответственность до шести лет лишения свободы при наличии квалифицирующих признаков. Однако, в отличие от Канады и Сингапура, в России отсутствуют постоянные межведомственные структуры, специализирующиеся на борьбе с нелегальным игорным бизнесом.

Канадская модель межведомственных команд, объединяющих полицию, финансовую разведку и контролирующие органы, может быть полезна для России с точки зрения системного подхода. Сингапурский опыт показывает эффективность применения не только уголовных санкций, но и превентивных экономических мер, таких как блокировка счетов, ограничение на распоряжение имуществом и чёткое лицензирование. В частности, использование полномочий финансовых органов по предотвращению платежей и трансграничное сотрудничество в расследованиях представляют собой действенные механизмы, которые целесообразно внедрять и в российскую практику.

Таким образом, исторический путь развития правового регулирования и следственной практики в сфере азартных игр свидетельствует о принципиальной трансформации государственной политики — от эпизодических и служебно-дисциплинарных мер XVIII–XIX веков до современных комплексных систем, сочетающих уголовно-правовые, административные и технологические инструменты. В современной России режим территориальной изоляции игорной деятельности и уголовная ответственность по статье 171.2 Уголовного кодекса направлены на противодействие нелегальной практике, однако их эффективность ограничена отсутствием развёрнутой системы финансового мониторинга и межведомственного взаимодействия. Сравнительный анализ зарубежного опыта показывает, что интеграция высших стандартов финансовой разведки и цифрового контроля, применяемая в Канаде и Сингапуре, обеспечивает более высокую оперативность и результативность расследований. В этой связи российская модель может быть усилена путём создания постоянно действующих межведомственных подразделений, обладающих полномочиями по блокировке подозрительных транзакций и замораживанию активов, а также внедрения передовых методик цифровой криминалистики для анализа транзакций и сетевой активности. Кроме того, укрепление международного сотрудничества в рамках Интерпола, Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF) и двусторонних соглашений по обмену информацией позволит оперативно пресекать трансграничные схемы нелегального игорного бизнеса. Реализация этих мер позволит выстроить проактивную модель борьбы с нелегальной азартной деятельностью, отвечающую современным вызовам цифровой эпохи и обеспечивающую высокий уровень защищённости общественных интересов.

[1] Singapore Police Force. Over $4 Million Confiscated From Convicted Illegal 4D/Toto Operator. - URL: https://www.police.gov.sg/Media-Room/News/20241210_over_4_million_confiscated_from_convicted_illegal_4d_toto_operator (дата обращения: 25.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СЛЕДСТВЕННЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Мартюков Роман Алексеевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Морозов Роман Михайлович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Правовое регулирование деятельности прокуратуры в России регламентировано статьей 129 Конституции РФ, которая раскрывает статус прокуратуры, как единой федеральной централизованной системы, определяет ее первоочередные функции, требования к прокурорам и порядок их назначения на должность.

Хаматханова З.Р. отмечает, что прокурорский надзор, направленный на соблюдение Конституции РФ и иных действующих нормативных правовых актов, установлен за органами, осуществляющими предварительное расследование, с целью предотвращения различных злоупотреблений с их стороны[1].

Важную роль в регламентации прокуратуры играют нормы международного права. В частности, это соглашения, регулирующие совместную деятельность прокуратуры РФ с органами юстиции и охраны правопорядка иностранных государств, направленную на оказание правовой помощи, а также решение вопросов экстрадиции.

Так, в ходе надзора за органами предварительного расследования, прокуроры обязаны руководствоваться международно-правовыми нормами, которые содержатся во Всеобщей декларации прав человека, Конвенции о защите прав человека и основных свобод и др., обеспечивая соблюдение прав человека на всех этапах уголовного судопроизводства.

Федеральное законодательство, регулирующие прокурорский надзор за следственными подразделениями в стадии предварительного расследования, представлено Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[2] и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации[3].

Закон о прокуратуре играет ключевую роль в реализации функции надзора за органами предварительного расследования, обеспечивая законность и соблюдение прав граждан, координирует деятельность правоохранительных органов, осуществляет процессуальное руководство следствием и обеспечивает законность судебного разбирательства. Важно отметить, что закон о прокуратуре устанавливает

[1] *Хаматханова З.Р.* Прокурорский надзор за органами, осуществляющими предварительное расследование / З.Р. Хаматханова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – С. 87. – Текст: непосредственный.

[2] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 03.02.2025) // Российская газета, № 39, 18.02.1992.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Парламентская газета, № 241-242, 22.12.2001.

четкие рамки для осуществления надзорных полномочий, прокурор не должен вмешиваться в ход предварительного расследования, но при этом обязан контролировать соблюдение законности при проведении следственных действий[1].

Говоря о значении Закона о прокуратуре стоит отметить, что он является важным инструментом обеспечения законности и защиты прав граждан в сфере уголовного судопроизводства. Эффективное осуществление прокурорского надзора за органами следствия и дознания способствует повышению качества расследования преступлений и укреплению законности в стране.

Но рассматривая правовую природу Закона о прокуратуре и его применение на практике, отслеживается проблема, заключающаяся в тенденции его морального и юридического устаревания. В первую очередь, это связано с тем, что закон перестал отвечать правовым, государственным и общественным реалиям Российской Федерации. К признакам устарелости относятся сохранение неактуальных полномочий, устаревшие механизмы обжалования, отсутствие регламентации новых функций, недостаточная детализация полномочий[2].

В связи с вышесказанным видится необходимость в принятии нового единого кодифицированного Закона о прокуратуре. Такое предложение обусловлено, в первую очередь тем, что внесение многочисленных поправок в действующий закон не решит проблему совершенствования правового регулирования прокурорской деятельности. Необходим комплексный подход, предполагающий замену действующего закона новым нормативным актом. В новом законе целесообразно предусмотреть общие положения, применимые ко всем направлениям деятельности прокуратуры, а также отдельные главы, детально регламентирующие организацию и особенности каждого направления надзора.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ конкретизирует правовое положение прокурора в стадии предварительного расследования, регламентирует его полномочия и порядок их реализации. Основной перечень полномочий, составляющих прокурорский надзор за предварительным расследованием, закреплен в ст. 37 УПК РФ[3].

Первостепенными полномочиями прокурора на стадии предварительного расследования, согласно УПК РФ, являются надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, который заключается в проверке законности возбуждения уголовного дела и за законностью производства следственных действий, проверке соблюдения сроков расследования, даче письменных указаний следователю, участие в следственных действия и т.д. Процессуальное руководство расследованием состоит из вынесения согласия на возбуждение ходатайств перед судом, принятии решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и утверждения обвинительного заключения.

Наиболее соответствующее Уголовно-процессуальному кодексу РФ толкование прокурорского надзора за органами предварительного расследования дают Филимонов А.Д. и Родненек А.А., согласно мнению которых на досудебных стадиях уголовного судопроизводства основная функция прокурора как участника уголовного судопроизводства - надзор за исполнением законов органами предварительного расследования, а также за законностью оперативно-розыскной

---

[1] *Левченко О.В.* Современное правовое положение прокурора в предварительном следствии по уголовному делу и направления его совершенствования / О.В. Левченко // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 2. – С. 189-191. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Корнева Т.С.* Недостатки законодательства, регулирующего принципы организации и деятельности прокуратуры / Т.С. Корнева // КриминалистЪ. – 2022. – № 1. – С. 133-137. – Текст: непосредственный.

[3] Там же. С. 135. - Текст: непосредственный.

деятельности[1]. Придерживаясь и развивая данную позицию стоит отметить, что прокурорский надзор за исполнением законов органами предварительного расследования представляет собой деятельность соответствующих прокуроров в досудебном производстве в соответствии с предоставленными полномочиями по поддержанию законности в ходе расследования преступлений.

Прокурорский надзор за органами и должностными лицами, осуществляющими расследование по уголовному делу, представляет собой уголовно-процессуальную деятельность прокурора в досудебном производстве, заключающуюся в обеспечении исполнения законов следователем, руководителем следственного органа, органом дознания, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания и дознавателем, осуществляемую в целях защиты публичного интереса по обеспечению законности и направленную на достижение назначения уголовного судопроизводства.

Определенную роль в сфере прокурорского надзора за следственными подразделениями в стадии предварительного расследования играют межведомственные и ведомственные акты прокуратуры и правоохранительных органов. В первую очередь это обусловлено тем, что усиление контроля и надзора на определенных направлениях досудебного производства, соблюдение тех или иных конституционных прав участников процесса и налаживание эффективного взаимодействия способствуют достижению единых целей в рассматриваемой сфере.

Стоит отдельно отметить совместный приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, ФСБ России, СК России, ФСКН России, ФТС России, ФСИН России, Минобороны России, ФССП России, МЧС России от 26 марта 2014 года № 147/209/187/23/119/596/149/196/110/154 «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях»[2]. Основной причиной издания приказа подобного рода стал стагнационный фактор в вынесении прокурорами постановлений об отмене несоответствующих закону решений об отказе в возбуждении уголовного дел. Отсутствие четкой, налаженной и систематичной работы и надзора между правоохранительными органами негативно сказывалось на качестве уголовного судопроизводства.

Издание указания Генпрокуратуры России № 275/36, СК России № 1/206, МВД России № 2/5443, МЧС России № 195, ФССП России № 1-у, ФСБ России № 21, ФСКН России № 4, ФТС России № 1081 от 03.06.2015 «Об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» обусловлено тем, что нарушения требований законодательства Российской Федерации об осуществлении уголовного судопроизводства в разумный срок по-прежнему носили распространенный характер[3].

---

[1] *Филимонов А.Д.* Некоторые проблемы прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и меры по их разрешению / А.Д. Филимонов, А.А. Родненек // Полицейская деятельность. – 2023. – № 2. – С. 42. – Текст: непосредственный.

[2] Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, ФСБ России, СК России, ФСКН России, ФТС России, ФСИН России, Минобороны России, ФССП России, МЧС России от 26 марта 2014 года № 147/209/187/23/119/596/149/196/110/154 «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях» // Российская газета, № 181, 13.08.2014.

[3] Указания Генпрокуратуры России № 275/36, СК России № 1/206, МВД России № 2/5443, МЧС России № 195, ФССП России № 1-у, ФСБ России № 21, ФСКН России № 4, ФТС России № 1081 от 03.06.2015 (ред. от 11.04.2024) «Об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов, № 11, 2015.

Целью рассматриваемого указания является повышения эффективности прокурорского надзора и ведомственного контроля за соблюдением права граждан на доступ к правосудию, а также сокращения сроков проверок сообщений о преступлениях и предварительного расследования.

С момента издания вышеуказанных актов количество отмененных прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел неизменно снижается. Так, только в 2020 году прокурором вынесено 1 809 511 соответствующих постановлений, в 2021 году 1 586 962, а в 2022 году 1 419 601. Таким образом, за 3 года наблюдается снижение незаконно вынесенных на стадии возбуждения уголовного дела постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел на 11,4 %[1].

Политика, проводимая Президентом РФ, играет ключевую роль в определении приоритетов прокурорской деятельности. В настоящее время акцент делается на борьбу с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом, а также на защиту прав бизнеса, материнства и детства, и на реализацию национальных проектов. Это напрямую влияет на расстановку приоритетов в работе прокуратуры.

Ежегодные послания Президента служат важным ориентиром при планировании работы Генеральной прокуратуры. Направления развития страны, обозначенные в этих посланиях, реализуются не только в рамках плановой деятельности, но и через поручения высших государственных органов, число которых постоянно растет.

Обобщая российское законодательство в сфере прокурорского надзора за следственными подразделениями в стадии предварительного расследования стоит отметить, что законодателем и правоприменительными органами выработана четкая структура, включающая нормативную базу, систему распределение функций и взаимодействия правоохранителей. Все это рассматривается как комплексная модель действий и решений уполномоченных субъектов, обеспечивающая необходимые условия для эффективной работы прокуратуры в данном направлении надзора.

Прокурорский надзор и предварительное расследование ни что иное, как сферы комплексного правового регулирования, осуществляемого посредствам различных отраслевых юридических норм. Отрасли права, а вместе с ними и институты права, следует выделять на основе двух критериев: предмета правового регулирования и метода правового регулирования, которые называются также основаниями деления норм права на институты и отрасли[2].

Видится необходимость в проведении сравнительного анализа однородных отраслей и институтов права не только на национальном, но и на международном уровнях. Исходя из специфики проводимого исследования сравнение проводится через сферу нормативно-правового регулирования указанной деятельности.

Следственная деятельность правоохранительных органов Франции является обособленным правовым институтом. Прокуратура Франции схожа по своему статусу с прокуратурой России, которая обладает широким перечнем полномочий по надзору за следственными органами.

Нормативно-правовое регулирование прокурорского надзора Франции регламентировано Уголовно-процессуальным кодексом 1958 года[3]. Специфика следствия заключается в том, что следователь это - полноправный представитель

---

[1] Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. - URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result (дата обращения: 21.03.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *См. Панфилова Е.А.* Прокурорский надзор за предварительным следствием: сравнительно-правовой анализ практики зарубежных стран / Е.А. Панфилова // Символ науки. – 2016. – С. 178-182. – Текст: непосредственный.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Франции от 1958 года. - URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006069577/LEGISCTA000006114494 (дата обращения: 21.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

судебной власти следственный судья, поэтому взаимоотношение прокурора со следственными судьями определяется общими принципами взаимоотношения прокуроров с судебной властью, а к судебной власти можно лишь обращаться с просьбами (ходатайствами).

В соответствии со статьей 82 УПК Франции прокурор имеет право указывать следственному судье на производство действий, направленные на установление истины[1]. Согласно статьям 92 и 119 УПК Франции прокурор вправе присутствовать на следственных действиях, а также на допросах обвиняемого и гражданского истца, а также на очных ставках обвиняемого[2]. Прокурор Франции не имеет право проводить допрос, но может, в случае согласия следственного судьи, задавать допрашиваемому вопросы.

Проводя аналогию с Российской Федерацией стоит отметить, что прокурорский надзор за предварительным следствием во Франции более обширен. Так, прокуратура Франции осуществляет полное руководство деятельностью судебной полиции, возбуждает уголовное преследование, имеет право активно вмешиваться в ход предварительного следствия посредством участия в проведении ряда следственных действий, а также путем внесения на любой стадии следствия обязательных для рассмотрения требований[3].

Законодательство ФРГ не представлено специальным законом о прокуратуре. Правовое регулирование прокурорского надзора за органами предварительного расследования сформулировано в Уголовно-процессуальном кодексе ФРГ[4] и Законе о судоустройстве ФРГ[5].

Деятельность прокуратуры ФРГ обусловлена тремя основными функциями: производство следствия по уголовным делам, поддержание обвинения в суде и надзор за приведением приговоров в исполнение.

Согласно статье 160 УПК ФРГ прокуратура производит предварительное расследование, устанавливает фактические обстоятельства дела, имеющие как обвинительный, так и оправдательный характер.

Аналогично прокуратуре России прокуратура Германии строится на принципе иерархии. В соответствии с параграфом 146 Закона о судебной системе ФРГ деятельность прокурора напрямую связана с указаниями вышестоящего прокурора. Вышестоящий прокурор может забрать у нижестоящего прокурора дело для самостоятельного дальнейшего расследования или же отстранить одного нижестоящего прокурора от расследования конкретного дела и поручить его другому нижестоящему прокурору.

Прокурорский надзор в рамках предварительного расследования обусловлен, например, проверкой и принятием решения о снятии информации с каналов связи. Так же прокурор в силу пункта 12 части 4 статьи 101 УПК ФРГ осуществляет контроль при уведомлении субъектов уголовного преследования, в отношении которых проводятся скрытые оперативно-розыскные мероприятия[6].

Таким образом, институт прокуратуры Германии очень схож с дореформенной системой прокуратуры России, которая осуществляла и предварительное расследование уголовных дел, и надзирала за ним. Стоит отметить положительный

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] *См. Панфилова Е.А.* Прокурорский надзор за предварительным следствием: сравнительно-правовой анализ практики зарубежных стран / Е.А. Панфилова // Символ науки. – 2016. – С. 178-182. – Текст: непосредственный.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ. - URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/14325 (дата обращения: 22.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[5] Закон о судоустройстве ФРГ. - URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/14361 (дата обращения: 22.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[6] Там же.

опыт РФ касательно становления статуса прокуратуры как обособленного органа, отвечающего исключительно за надзор при расследовании уголовных дел и приближении к «самой объективной в мире инстанции»[1].

В сравнение немецкой и российской рассматриваемых систем следует подчеркнуть, что в России эффективной мерой прокурорского реагирования на нарушения закона, допущенные органами дознания, является отстранение дознавателя от дальнейшего ведения расследования (п. 10 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Такое положение вещей однозначно способствует повышению уровня дисциплины и правосознания в органах дознания, в то время как бесконтрольность и наличие лишь ведомственного контроля, который обычно малоэффективен в силу нежелания тех, кто его осуществляет, вскрывать проблемы в собственном ведомстве, ведёт к прямо противоположным результатам.

В этой связи крайне важным представляется наделение прокурора аналогичными полномочиями и в отношении следователей при наличии в их действиях нарушений требований уголовного закона путем изложения п. 10 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в следующей редакции: «отстранять дознавателя и следователя (с согласия руководителя следственного органа) от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований настоящего Кодекса».

После наделения прокурора соответствующими полномочиями органы прокуратуры смогут осуществлять более действенный и эффективный надзор за соблюдением законности на досудебных стадиях судопроизводства.

Отдельное внимание стоит уделить прокуратуре Австрии. Реформа 2004 года кардинально изменила подход к расследованию уголовных дел и осуществлению прокурорского надзора. Так, все полномочия по руководству предварительным расследованием были переданы прокурору, который дает указания полиции, принимает решения в необходимости медиации и прекращении уголовного преследования.

Панфилова Е.А. отмечает, что орган, принимающий позже решение об обвинении, с самого начала может определить, какие именно обстоятельства необходимо установить в процессе предварительного расследования: появляется гарантия того, что исследуются как раз те обстоятельства дела, которые затем будут решающими либо для предъявления обвинения, либо для прекращения судебного производства[2]. Так же правоведы выделяют возможность создания комиссий и групп прокурорских сотрудников, деятельность которых направлена на расследование наиболее сложны уголовных дел.

Предварительное расследование как функция прокуратуры лишает ее статуса полноценного надзорного органа, делая ее самоконтролирующимся органом. Например, российская реформа 2007 года была нацелена на полное исключение следствия из полномочий прокуратуры, делая ее единственным органом, осуществляющим надзор за следственными подразделениями на стадии предварительного расследования.

Один из самых сильных прокурорских надзоров европейских стран сформирован в Италии. Согласно статье 112 Конституции прокуроры обеспечивает надзорное полномочие в форме процессуального руководства предварительного расследования[3]. Так, прокуратура информируется о всех следственных действиях в

---

[1] *Гладков И.В*. О деятельности органов прокуратуры в ФРГ (опыт стажировки в баварском государственном Министерстве юстиции и защиты прав потребителей) / И.В. Гладков // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – С. 52. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Панфилова Е.А.* Прокурорский надзор за предварительным следствием: сравнительно-правовой анализ практики зарубежных стран / Е.А. Панфилова // Символ науки. – 2016. – С. 178-182. – Текст: непосредственный.

[3] Конституция Италии. - URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Italy_2020 (дата обращения: 22.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

рамках каждого уголовного дела. Прокурор управомочен участвовать в допросах, очных ставках, при проведении экспертиз и т.п.

Конституционный закон Республики Таджикистан № 107-ЗРТ от 25.07.2005 «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» – основной нормативно-правовой акт Таджикистана, регулирующий деятельность прокуратуры[1]. Статья 30 рассматриваемого закона при определении предмета ведения прокуратуры включает в ее поднадзорность органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие[2].

ОРД, дознание и предварительное следствие на досудебных стадиях уголовного процесса имеют общие задачи, но как отмечает правовед Каландаршохи Рахмон все же следует отличать их обособленность, предопределяющую и особенности прокурорского надзора[3]. Так, статья 31 Конституционного закона Республики Таджикистан № 107-ЗРТ от 25.07.2005 «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» устанавливает полномочия прокурора в области ОРД, дознания и предварительного следствия, в соответствии с которыми он в пределах своей компетенции уполномочивается проверять законность проведения ОРМ и обоснованность использованных при этом научно-технических средств, требовать для расследования от соответствующих органов дела оперативного учета (ДОУ), а также материалы, документы и другие сведения о ходе ОРД, рассматривать и проверять обращения граждан (письма, жалобы) на действия и решения соответствующих должностных лиц, аннулировать противозаконные решения должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, санкционировать арест, выполнять другую деятельность, предусмотренную законом[4].

Аналогично российской системе нормативно-правового регулирования прокурорского надзора законодательство Таджикистана в сфере определения полномочий прокурора при осуществлении надзора за соблюдением законов органами дознания и предварительного следствия регламентировано УПК Республики Таджикистан[5] и рядом ведомственных подзаконных нормативно-правовых актов. К таковым можно отнести приказ Генерального прокурора Республики Таджикистан от 17 октября 2000 года № 45 «О задачах органов прокуратуры по укреплению законности и правопорядка и усилению борьбы с преступностью» и приказ Генерального прокурора Республики Таджикистан от 18 сентября 2000 года № 36 «О предоставлении в Генеральную прокуратуру Республики Таджикистан информации о наиболее серьезных происшествиях и преступлениях».

Проанализировав систему правового регулирования прокурорского надзора за органами предварительного расследования Республики Таджикистан, стоит отметить ее схожесть с системой Российской Федерации, которая строится на таких основополагающих принципах, как соблюдение конституционных норм и исполнение законов, действующих на территории государства, соответствие практической деятельности поднадзорных объектов требованиям указанных нормативных документов и формирование соответствующих правовых условий для реализации законодательных норм, а также непротиворечивость федеральному законодательству

---

[1] Конституционный закон Республики Таджикистан № 107-ЗРТ от 25.07.2005 «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан». - URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=9039 (дата обращения: 22.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Там же.

[3] *Каландаршохи Р.* Сравнительный анализ форм осуществления прокурорского надзора за исполнением законов в российской федерации и республике Таджикистан / Р. Каландаршохи // Юридическая наука. – 2021. – С. 94. – Текст: непосредственный.

[4] Там же.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009. - URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 22.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

нормативных и иных ведомственных документов, издаваемых как органами государственной власти, так и негосударственными организациями[1].

Интересным для изучения видится институт электронного уголовного дела Казахстана. Важно отметить, что его правовое регулирование закреплено в уголовно-процессуальном кодексе страны, что говорит о значимости и актуальности данного института. Основным нормативным актом по вопросам ведения электронного уголовного дела является Инструкция генерального прокурора Казахстана от 03.01.2018 «О ведении уголовного судопроизводства в электронном формате».

В РФ на сегодняшний день отсутствует единый нормативно-правовой акт, регулирующий ведение уголовного дела в электронном формате. Принятие на законодательном уровне подобного документа способствовало бы повышению уровня прокурорского надзора, в частности, оперативный доступ сотрудников прокуратуры позволит в кратчайшие сроки знакомиться с материалами дела и в случае необходимости выносить соответствующие акты. Также усилится контроль за сроками следственных действий, оптимизирует рабочий процесс и исключит бумажную волокиту между органами прокуратуры, МВД и СК РФ.

Учитывая важность введения в России формата электронного уголовного дела предлагается дополнить статью 5 УПК РФ пунктом 63 следующего содержания «Электронное уголовное дело – это форма обличения уголовного дела в цифровой вид посредством сбора информации, документов, доказательств и иных материалов, собранных в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, которая хранится, передается и используется в электронном формате с применением информационных технологий и электронной подписи в соответствии с требованиями законодательства.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Действующий Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» демонстрирует признаки морального и юридического устаревания, включая неактуальные полномочия, отсутствие детализации новых функций и устаревшие механизмы обжалования. Это приводит к несоответствию закона современным правовым, государственным и общественным реалиям, что снижает эффективность надзора за органами предварительного расследования. Необходимо принять новый единый кодифицированный Закон о прокуратуре, который бы включал общие положения для всех направлений деятельности прокуратуры и отдельные главы для детальной регламентации надзора. Такой подход позволит устранить пробелы, интегрировать международные стандарты (например, из Всеобщей декларации прав человека и Конвенции о защите прав человека) и обеспечить баланс между контролем за законностью и невмешательством в ход расследования.

2. УПК РФ (ст. 37) четко определяет полномочия прокурора в стадии предварительного расследования, включая надзор за законностью возбуждения дел, следственных действий, сроков расследования и дачу указаний. Однако практика показывает пробелы в механизмах реагирования на нарушения, особенно в отношении следователей, где прокурор ограничен по сравнению с дознавателями.

Предложения по улучшению законодательства:

3.1. Дополнить п. 10 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, предоставив прокурору право отстранять следователя (с согласия руководителя следственного органа) от расследования при нарушениях, аналогично дознавателям. Это повысит дисциплину, эффективность надзора и предотвратит бесконтрольность в следственных органах.

3.2. Ввести в ст. 5 УПК РФ понятие «электронное уголовное дело» как цифровую форму хранения материалов расследования с использованием электронной подписи.

[1] *Каландаршохи Р.* Сравнительный анализ форм осуществления прокурорского надзора за исполнением законов в российской федерации и республике Таджикистан / Р. Каландаршохи // Юридическая наука. – 2021. – С. 93. – Текст: непосредственный.

Заимствование опыта Казахстана (Инструкция Генерального прокурора от 03.01.2018) позволит оптимизировать доступ прокуратуры к материалам, сократить сроки проверок, минимизировать бумажную волокиту и усилить контроль за соблюдением разумных сроков. Это особенно актуально для межведомственного взаимодействия между прокуратурой, МВД и СК РФ.

3. Межведомственные приказы (например, от 26.03.2014 № 147/209/... и от 03.06.2015 № 275/36/...) доказали эффективность в снижении незаконных отказов в возбуждении дел и соблюдении разумных сроков. Однако они не охватывают все аспекты, такие как новые виды преступности или цифровые технологии. Рекомендуется разработать новые совместные указания с учетом современных вызовов (борьба с киберпреступлениями, терроризмом и коррупцией), интегрируя оценку эффективности на основе объективных критериев (количество отмененных решений, восстановленных прав). Это усилит взаимодействие прокуратуры с МВД, ФСБ, СК и другими органами, сделав практику более системной и ориентированной на результаты.

4. В целом, российское законодательство в сфере прокурорского надзора демонстрирует превосходство за счет независимости прокуратуры, детализированных механизмов контроля, интеграции с государственной политикой и фокуса на объективности, что делает его более совершенным по сравнению с зарубежными аналогами, где часто наблюдается смешение надзора и расследования, приводящее к снижению эффективности и потенциальным нарушениям.

ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Матвиенко Мария Александровна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Лютынский Антон Мечиславович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Институт наложения ареста на имущество является одним из важнейших инструментов обеспечения уголовного судопроизводства. Его развитие отражает эволюцию российского государства и права в целом, изменение подходов к защите имущественных прав, а также борьбу с преступностью. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования механизмов наложения ареста на имущество в условиях современных вызовов уголовного правосудия. Целью работы является комплексное исследование исторического развития и современного состояния института наложения ареста на имущество в российском уголовном процессе. Для достижения поставленной цели в статье рассматриваются исторические этапы формирования института, анализируется его правовое регулирование в различные исторические периоды, проводится сравнительно-правовой анализ с зарубежными правовыми системами.

В юридической литературе существует несколько подходов к определению периодизации развития института наложения ареста на имущество в уголовном процессе России. Так в дореволюционный период выделяли следующие этапы: 1) общинный период; 2) княжеский период; 3) царский период; 4) императорский период; 5) период Уставов 1864 г.[1].

Е.В. Мельник выделяет следующие периоды: введение межотраслевых обеспечительных мер иска до судебной реформы 1864 года; постепенное формирование института ареста имущества в период с 1864 по 1917 год; с 1917 по 1960 год — период активного применения обеспечительных мер в рамках расследования уголовного дела; с 1960 по 2001 год — активное внедрение и реализация института ареста имущества в качестве процессуальной меры принуждения в рамках расследования уголовных дел; с 2001 г по настоящее время — этап дальнейшего совершенствования и развития института ареста на имущество в уголовном судопроизводстве[2].

А.П. Лыга связывает развитие института мер принуждения (к которым относится и арест на имущество) с изменением формы государственного правления, характера взаимоотношений государства и общества, преступности, экономических и социокультурных аспектов развития государства, усиливавших степень централизации власти, обусловивших тип уголовного процесса и объект принуждения (личность или

[1] *Тутынин И.Б.* Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера / И.Б. Тутынин // М., 2017. - С. 209. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Мельник Е.В*. Арест имущества в уголовном судопроизводстве: историко-правовой аспект / Е.В. Мельник // Правопорядок: история, теория, практика - 2022 - № 3 (34) - С. 82 - 87. – Текст: непосредственный.

имущество), т.е. с общественно-государственными явлениями, определявшими тенденции развития источников права[1].

В судебном процессе Древней Руси и вплоть до петровской эпохи (начала 18-го века) не находят упоминания меры процессуального принуждения в связи с исковым судебным процессом. Как считает В.Б. Искандиров «в Древней Руси Судебный процесс был исковым, в котором сам истец обеспечивал взыскание присужденного»[2].

В 18-м веке в Российской империи развивается розыскной судебный процесс, с связи с чем появляется институт обеспечения иска, который применяется по решению суда, если у ответчика меньше имущества, чем заявлено в иске. Одной из мер института обеспечения иска являет наложение ареста на имущество. В гражданском судопроизводстве того времени были четко установлены основания для наложения ареста и перечень должностных лиц, которые могли его осуществить. Именно институт наложения ареста на имущество в гражданском судопроизводстве в дальнейшем окажет влияние на становление данного института и в уголовном процессе.

Большое значение для российского уголовного судопроизводства имела Судебная реформа 1864 года. По мнению А.С. Дежнева и Б.Б. Булатова в связи с данной реформой произошла отмена инквизиционного процесса[3]. Также в результате данной реформы в Уставе Уголовного Судопроизводства от 20.11.1864 г. основаниям и порядку наложения ареста на имущество было посвящено 2 статьи – 268 и 305. Согласно статье 268, «Когда по обстоятельствам дела судебный следователь удостоверится в необходимости принять безотлагательно меры к обеспечению могущего пасть на обвиняемого денежного взыскания или иска о вознаграждении за вред и убытки, причиненные его действиями, то о наложении запрещения или ареста на имение обвиняемого входит с представлением в окружной суд». В.К. Случевский обращает внимание, что именно эта статья ввела возможность ареста имущества лица, находящегося под следствием на основании последующего решения окружного суда[4]. Как следует из ст. 305 Устава Уголовного Судопроизводства от 20.11.1864 г, потерпевший также может подать иск о наложении ареста на имущество лица, совершившего преступление, но судебный следователь ходатайствует перед судом о принятии таких мер, если признает просьбу истца основательной. Безусловно, Судебная реформа 1864 года оказала значительное влияние на формирование и правовое регулирование института наложения ареста в уголовном судопроизводстве, которое применялось для обеспечения взыскания на имущество. Реальное формирование института ареста имущества, в качестве меры процессуального принуждения в Российской стало происходить именно после проведения судебной реформы 1864 года[5]. Как справедливо отмечал И.Я. Фойницкий, «арест имущества служил гарантией возмещения вреда, но требовал судебного решения, что защищало собственника от произвола»[6].

---

[1] Лыга А.П. Эволюция мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера в российском законодательстве: от первых памятников права до кодифицированного закона / А.П. Лыга // Научный вестник Омской академии МВД России. - 2021 - № 1 - С. 56. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Искандиров В.Б.* Исторический аспект развития и становления наложения ареста на имущество как меры принуждения в России / В.Б. Искандиров // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. - 2010. - № 38 (214). - С. 35 – 39. – Текст: непосредственный.

[3] *См.:Булатов Б.Б.* Место наложения ареста на имущество в системе уголовно- процессуального законодательства: история и современность / Б.Б. Булатов, А.С. Дежнёв // Научный вестник Омской академии МВД России. - 2016. - № 2 (61). – С. 18 – 24. – Текст: непосредственный.

[4] *Случевский В.К*. Учебник русского уголовного судоустройства-судопроизводства / В.К. Случевский // СПб, 1895. - С. 511 - 512. – Текст: непосредственный.

[5] *См. Выскребцев Б.С.* Влияние социокультурной идентичности российского общества на формирование отечественного уголовно-процессуального законодательства и правовые позиции России в Европейском суде по правам человека / Б.С. Выскребцев, А.Б. Сергеев // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 6 (145). - С. 307 - 310. – Текст: непосредственный.

[6] *Фойницкий И.Я*. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий // СПб., 1996.- Т. 2. - С. 312. – Текст: непосредственный.

После революции 1917 г. институт наложения ареста на имущество подробно не регулировался, так как внимание к обеспечению имущественных прав граждан отсутствовало, поскольку советская власть негативно относилась к праву собственности. С помощью наложения ареста на имущество реализовывались конфискация и реквизиция имущества.

13.09.1922 был утвержден УПК РСФСР, который предоставил потерпевшему право на гражданский иск. Для обеспечения данного права в УПК РСФСР содержалась статья 124, согласно которой «Следователь вправе, по ходатайству гражданского истца или по собственной инициативе, принять меры обеспечения гражданского иска, если признает, что непринятие этих мер может лишить гражданского истца возможности получить возмещение понесенных вреда и убытков. Следователь, усмотрев, что потерпевшему причинены вред и убытки и что есть основание ожидать предъявления гражданского иска, вправе принять меры обеспечения, хотя бы иск еще не был предъявлен».

15.02.1923 был утвержден новый УПК РСФСР, в котором содержалась ст. 121 дословно соответствующая ст. 124 УПК РСФСР 1922 г. 10.07.1923 в УПК РСФСР 1923 г. была внесена ст. 121а, согласно которой «следователь для обеспечения исполнения приговора в случаях, если преступление, по обвинению в котором привлечено данное лицо или лица, карается согласно Уголовному кодексу конфискацией имущества, вправе как по своей инициативе, так равно и по предложению суда или прокурора принять меры обеспечения против сокрытия этими лицами имущества. Порядок и характер указанных мер обеспечения определяется особой инструкцией Народного комиссариата юстиции». Интересно, что данная статья носит бланкетный характер. М.С. Строгович указывал, что «в условиях социалистической экономики арест имущества утратил своё первоначальное значение»[1]. С ним нельзя не согласиться, так как ранее арест имущества использовался для обеспечения прав потерпевшего, а на момент действия УПК РСФСР 1923 г. лишь для обеспечения конфискации имущества.

25.12.1958 был принят Закон СССР «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». В статье 25 данного закона было дано понятие гражданского истца и также определен его процессуальный статус, согласно которому у гражданского истца было право просить орган дознания, следователя и суд о принятии мер обеспечения заявленного ими иска.

В 1960 году был принят новый УПК РСФСР, который более детально урегулировал институт наложения ареста на имущество. Согласно ст. 175 УПК РСФСР 1960 г. «В целях обеспечения гражданского иска или возможной конфискации имущества следователь обязан наложить арест на имущество обвиняемого, подозреваемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, или иных лиц, у которых находится имущество, приобретенное преступным путем.». В данной статье говорится о том, что следователь должен составить мотивированное постановление о наложении ареста на имущество. В постановлении также прописывалось о местонахождении имущества, его перечень, в исключительных случаях в постановлении делалась ссылка на то, что аресту подлежит все имущество «где бы оно не находилось, в чем бы оно не заключалось»

Таким образом, новый УПК РФ ввел возможность ареста и наложения ограничений на имущество, которое подлежало ограничению в целях обеспечения прав и интересов потерпевшего, в том числе возможной конфискации имущества[2].

Если наложением ареста на имущество обеспечивался гражданский иск, то имущество описывалось на сумму, соответствующую цене иска; если обеспечивалась

---

[1] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович // М., 1968. – С. 423. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Никулочкин Е.О.* Нормативно-правовая база и судебная практика в обеспечении гражданско-правовыми средствами конфискации имущества в уголовном судопроизводстве / Е.О. Никулочкин, А.Б. Сергеев // Социум и власть. - 2013. - № 5 (43). - С. 69 - 74. – Текст: непосредственный.

конфискация имущества, то аресту подвергалось все имущество обвиняемого (подозреваемого).

Впервые в УПК РСФСР было урегулировано наложение ареста на имущество «иных лиц». Так оно проводилось при наличии доказательств, указывающих на то, что данное имущество было добыто или увеличено в результате преступных действий подозреваемого (обвиняемого).

При наложении ареста на денежные вклады в банки следователь направлял постановление о наложении ареста на имущество в соответствующий банк или отделение связи. При этом производство каких-либо операций по вкладам прекращалось. Аналогично проводилось наложение ареста на имущество, сданное в ломбарды на хранение или в залог.

В статье 175 говорилось о том, что «имущество, на которое наложен арест, передается по усмотрению следователя на хранение представителю исполнительного комитета сельского или поселкового Совета депутатов трудящихся, либо домоуправления, или владельцу этого имущества, или его родственнику, или иному лицу, которому должна быть разъяснена его ответственность за сохранность этого имущества, о чем у него отбирается подписка. В случае необходимости имущество, на которое наложен арест, может быть изъято».

Наложение ареста на имущество отменялось, когда: а) в процессе расследования ущерб, в обеспечение возмещения которого был наложен арест, был возмещен добровольно; б) изменялась квалификация обвинения, не предусматривавшая конфискацию имущества (если в обеспечение последней был наложен арест); в) не было доказано, что имущество «иных лиц» приобретено или приумножено преступным путем; г) дело полностью прекращалось производством; д) дело прекращалось производством частично, но именно в той части, в связи с наличием которой было осуществлено наложение ареста на имущество; е) оказывалось, что имущество арестовано ошибочно.

В статье 176 УПК РСФСР 1960 г. регулировался порядок составления протокола наложения ареста на имущество, а именно регулировалось участии понятых, целесообразности применения технических средств, а в ст. 177 данного кодекса говорилось о том, что копия протокола наложения ареста на имущество, должна была быть вручена лицу, у которого изъято имущество либо должностному лицу организации, в помещении которой был произведен арест.

Анализируя законодательство советского периода 1920-1960-х годов можно прийти к выводу, что следователь самостоятельно, без обращения в суд, принимал решение о наложении ареста на имущество обвиняемого путём вынесения постановления о наложении ареста на имущество.

В дальнейшем, а именно Законом СССР от 12 июня 1990 г. «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» наложение ареста на имущество было внесено в перечень неотложных процессуальных действий, в связи с чем могло производиться и органом дознания.

В 2001 г. был принят новый УПК РФ 2001 года. Одни ученые в качестве основных причин его принятия выделяют - переход на состязательные начала уголовного процесса, обеспечением равенства сторон в уголовном судопроизводстве[1]. Другие авторы - нормативное закрепление принципа презумпции невиновности, а также распространением преступности в сфере экономических отношений[2].

---

[1] *См.: Никулина А.В.* Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве: понятие, содержание, признаки / А.В. Никулина, А.Б. Сергеев // Вестник Уральского юридического института МВД России. - 2022. - № 1 (33). - С. 40 - 46. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Сергеев А.Б.* Особенности расследования преступлений, связанных с присвоением прав на владение и управление предприятиями и организациями: монография / А.Б. Сергеев, М.А. Сергеев, К.А. Сергеев // Челябинск: ГОУ ВПО ЧЮИ МВД России, 2008. - 127 с. – Текст: непосредственный.

С принятием УПК РФ 2001 года (ст. 115) институт ареста имущества был детализирован. Законодатель выделил три цели: обеспечение конфискации; исполнение приговора в части штрафа; гражданский иск. А. В. Смирнов подчеркивает, что «современное регулирование стремится минимизировать риски необоснованного ограничения прав собственности»[1]. В подтверждении мнения А.В. Смирнова можно сказать, что в нынешнем УПК изменен порядок принятия данной меры принуждения. В отличии от УПК РСФСР 1960 г. В ныне действующем УПК наложить арест на имущество может только суд по собственному решению или на основании ходатайства следователя или дознавателя. При этом в УПК РФ 2001 г. имеются основания для наложения ареста на имущества на основании постановления следователя или дознавателя в случаях, нетерпящих отлагательств, с последующем уведомлением в течении 3-х суток суда для признания решения законным. В связи с этим П. А. Лупинская критикует излишнюю жесткость норм, допускающих арест до судебного решения[2].

Арест на имущество в США как обеспечительная мера применяется для на восстановление нарушенных в результате совершения преступления прав жертвы (для выплаты компенсации) и конфискации имущества. Арест на имущество направлен лишь против владельца предмета, но не распространяется на иных лиц, например, на кредитора, в отношении которого владелец выступает должником и т.д. Таким образом, в случае наличия у третьего лица законного права на соответствующее имущество, данная мера ни в коей мере не может помешать ему это право реализовать[3]. Порядок получения ордера на арест имущества по всей стране похож, но имеет и некоторые отличия, т.к. регулируется отдельно законодательством каждого штата. Например, законодательством штата Джорджия предусмотрено следующее: одновременно с производством по уголовному делу суд вправе применить обеспечительные меры, а именно арест имущества в целях обеспечения последующей конфискации. Он может применяться до предъявления обвинения. Временный ограничительный ордер суд выносит на основании ходатайства окружного атторнея (прокурора) в отсутствие обвиняемого, при соблюдении следующих условий:

- высокая степень вероятности того, что, в случае вынесения обвинительного приговора, подлежащее аресту имущество будет конфисковано;

- уведомление обвиняемого о производстве ареста может повлечь за собой невозможность конфискации. Лица, обладающие правами в отношении подлежащего аресту имущества, должны быть уведомлены о судебном заседании.

Также необходимо убедить суд в том, что ограничительный ордер не нанесет владельцу имущества непоправимого ущерба, несопоставимого с необходимостью обеспечения конфискации. Полученный в таком порядке ордер действует не более 90 суток.

В Республике Ирландия процедура, связанная с арестом активов от преступной деятельности, рассматривается в рамках гражданского судопроизводства, т. е. в порядке уголовного судопроизводства возбуждается своего рода гражданский иск, истцом в котором будет выступать Бюро расследований, а ответчиком – лицо, которое пытается доказать, что его доходы были получены в законном порядке[4]. Порядок наложения ареста на имущество установлен Законом о доходах от преступной деятельности 1996 г. (с поправками от 2016 г.). Помимо данного закона, порядок наложения ареста на имущество

---

[1] *Смирнов А.В.* Уголовный процесс / А.В. Смирнов // М., 2020. – С. 289. – Текст: непосредственный.

[2] Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве / П.А. Лупинская // М., 2010. – С. 176. - Текст: непосредственный.

[3] *См. Хохлова Е.П.* Арест имущества в уголовном процессе США / Е.П. Хохлова // Законность и правопорядок в современном обществе - 2015 - № 1 - С. 172 - 176. – Текст: непосредственный.

[4] *См.: Сливинская Н.Ю.* Правовое регулирование института розыска, ареста и возврата активов, полученных преступным путем, как формы международного сотрудничества в Республике Ирландия / Н.Ю. *Сливинская* // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. - 2024. - Т. 24, вып. 1. - С. 89 – 98. – Текст: непосредственный.

регулируется также: 1) Законом о таможне 2015 г., который устанавливает ответственность за таможенные преступления. Согласно ст. 18 сотрудник таможни сообщает о наложении ареста на какую-либо группу груза или на груз в целом. 2) Законом о торговле детьми и детской порнографии 1998 г., согласно которому сотрудник полиции в праве наложить арест на отдельный предмет или группу предметов, находящихся на месте совершения предполагаемого преступления. 3) Законом об уголовной юстиции (коррупционные преступления) 2018 г. устанавливает ответственность за любые акты пассивной и активной коррупции. Согласно ст. 20 вышеуказанного закона сотрудник Гарды Шиханы (полиция Ирландии) в рамках ст. 20 вправе арестовать землю, денежные средства и иное имущество, если есть основания полагать, что данное имущество является объектом коррупции. Как правило, арест на имущество накладывается на 72 часа. По решению суда срок ареста может быть продлен, если расследование в отношении данного имущества находится в производстве.

Согласно ст. 106 УПК Японии арест вне здания суда могут быть произведены после выдачи соответствующего ордера. Ордер на арест должен быть предъявлен лицу, которое должно пройти эту меру. Прокурор, обвиняемый, а также адвокат могут присутствовать при исполнении ордеров на обыск или арест. При этом соответствующие лица заблаговременно уведомляются о дате, времени и месте исполнения ордера. Кроме того, уведомляются также и руководители организаций или собственники помещений, где производятся процессуальные действия[1].

При изучении уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных государств (Азербайджанская Республика, Грузия, Украина, Республика Молдова, ФРГ, Эстония и др.) можно сделать вывод о возможности имплементации в российское законодательство нормы, предусматривающей отнесение к случаям, не терпящим отлагательства в производстве ареста на имущество без получения судебного решения, не только преступлений, перечисленных в части 1 статьи 1041 УК РФ, в отношении которых законодатель в соответствии с частью 5 статьи 165 УПК РФ допускает наложение ареста, но и в случае совершения подозреваемым (обвиняемым) любого из преступлений, отнесенных к хищениям чужого имущества (ст. 158–162 УК РФ)[2].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт наложения ареста на имущество прошел длительный путь развития, претерпев существенные изменения в своем правовом регулировании и практическом применении. От примитивных форм обеспечения иска в дореволюционный период до современного института процессуального принуждения – институт ареста имущества постоянно совершенствовался, отражая потребности общества и государства в защите имущественных прав и интересов. Анализ зарубежного опыта показывает перспективность дальнейшего развития данного института в направлении усиления судебной защиты прав собственности при одновременном обеспечении эффективности уголовного преследования. Современные тенденции развития института направлены на минимизацию рисков необоснованного ограничения прав собственности при сохранении его эффективности как инструмента уголовного судопроизводства.

---

[1] *См. Бирюков П.Н.* Особенности совершения некоторых уголовно-процессуальных действий по праву Японии- Текст : электронный / П.Н. Бирюков // Международное и европейское право- 2019 - № 2 - С. 298-303. – Текст: непосредственный.

[2] *Соколова М.В.* Деятельность следователя по наложению ареста на имущество / М.В. Соколова // Публичное и частное право. - 2019. - № 2 (42). - С. 156. - Текст: непосредственный.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Мезенева Валерия Александровна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Морозов Роман Михайлович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

В современных правовых системах одной из важнейших задач является обеспечение прав и свобод граждан, в том числе прав подозреваемых. Проблематика реализации этих прав остаётся актуальной в свете изменений в уголовном законодательстве, а также в контексте общественных и правозащитных инициатив.

Согласно основам уголовно-процессуального законодательства, одним из процессуальных прав подозреваемого является право на защиту. Описывая данное право, нельзя говорить только о полномочиях, предоставленных подозреваемому уголовно-процессуальным законом, важно обращать внимание и на корреспондирующие этим правам обязанности иных участников уголовного судопроизводства. Таким образом, в содержание обеспечения права на защиту как конституционного принципа должно входить положение о возложении на дознавателей, следователей, прокуроров и судей обязанности осуществлять действия, направленные на содействие защите подозреваемых.

То, с чем обычно олицетворяют право на защиту – участие защитника.

В основе одной из проблем реализации права подозреваемого на защиту лежит проблема собирания доказательств адвокатом на стадии предварительного расследования и судебного следствия. Законодательно понятия «собирание доказательств» не закреплено. Исходя из ст. 74 УПК РФ, где дается определение доказательств, как любых сведений, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела[1], защитник не входит в число лиц, которые имеют право устанавливать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Другими словами, адвокат-защитник не собирает доказательства, а осуществляет сбор информации, потому что правом наделить сведения, имеющие значение для уголовного дела, статусом доказательства он не обладает - все отдается на волю органов предварительного расследования, прокурора и судьи, что может привести к злоупотреблениям со стороны обвинения и нарушением Конституционных прав граждан. Это явно противоречит принципу о состязательности и равноправия уголовного судопроизводства, так как видим очевидное зависимое положение адвоката-защитника от решения органов предварительного расследования.

С учетом изложенного представляется целесообразным добавить в ч. 1 ст. 53 УПК РФ полномочия адвоката по собиранию доказательств, обязав следователей и дознавателей приобщать собранные защитником материалы по уголовному делу.

Еще одну проблему в принципе состязательности сторон на досудебной стадии представляет «…необоснованный и немотивированный отказ следователя (дознавателя) в удовлетворении заявленных стороной защиты ходатайств. Следователь, являясь участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения, субъективно оценивает

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Парламентская газета, № 241-242, 22.12.2001.

заявленные ходатайства защитника и в итоге принимает процессуальное решение с обвинительным уклоном. При таких обстоятельствах представляется, что законодателю не удалось юридически оформить механизмы, которые реально гарантируют права стороны защиты»[1]. Указанная проблема связана с тем, что зачастую рассмотрение ходатайств имеет формальный подход, без производства должной оценки необходимых доводов и обстоятельств дела, что представляет негативную тенденцию.

Продолжительное время в уголовно-процессуальной науке остается неразрешенным вопрос о процессуальном положении лица, в отношении которого проводятся: ОРМ, направленные на изобличение в совершенном преступлении; предварительная проверка сведений, которые предполагают причастность к совершенному преступлению; фактическое задержание. В этой связи остается открытым вопрос о том, каков же процессуальный статус таких лиц и с какого момента возникает право на защиту.

Законодатель предусмотрел возможность пользоваться квалифицированной юридической помощью таким лицам. А также защитник участвует в уголовном деле и с момента фактического задержания, согласно ч. 3 ст. 49 УПК РФ. Но возникает все же проблема в реализации требования такого лица о предоставлении адвоката по назначению, поскольку таковой может вступить в дело только по требованию подозреваемого, согласно ч. 2 ст. 50 УПК РФ. Да и аналогичная проблема связана с фактическим задержанием, поскольку такое лицо получит официальный статус подозреваемого только после доставления в орган дознания или к следователю и составления протокола задержания в порядке, предусмотренном ст. 91-92 УПК РФ. Хоть и ч.3 ст. 49 УПК РФ предоставляет возможность участия адвоката с момента фактического задержания, вот только в данном случае законодатель повествует об оказании квалифицированной юридической помощи только по соглашению по смыслу ч.1 ст. 50 УПК РФ и ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской федерации» от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ[2].

Не уходя далеко от данной проблемы, обсудим еще один тесно связанный с ней неразрешенный вопрос: возможно ли участие адвоката при проведении ряда оперативно-розыскных мероприятий, перечисленных в ст.6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по требованию лица, которое еще не получило официальный статус подозреваемого. Поскольку прямого ответа на данный вопрос в законе нет, то бытует неверное мнение среди оперативных сотрудников, что право, гарантированное ст. 48 Конституции РФ, можно реализовать только участникам уголовного судопроизводства, имеющим официальный процессуальный статус. Данную проблему возможно устранить путем внесения дополнения в норму п.6 ч.3 ст. 49 УПК РФ следующей формулировки: «Защитник участвует в деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, в том числе и при производстве гласных оперативно-розыскных мероприятий органами, осуществляющими оперативно- розыскную деятельность»[3].

Чуркин А.В. предлагает закрепить в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» новую правовую норму, сформулированную следующим образом: «Статья 5.1. Участие защитника в гласных оперативно-розыскных

---

[1] *Амасьянц А.Э.* Уголовно-процессуальные проблемы принципа состязательности в уголовном судопроизводстве / А.Э. Амасьянц // Евразийская адвокатура. - 2013. - № 2 (3). - С. 46. – Текст: непосредственный.

[2] *Григорьев В.Н.* Обретение лицом уголовно-процессуального статуса подозреваемого: в чем проблемы? / В.Н. Григорьев // Вестник Моск. ун-та МВД России. - 2016. - № 4. - С. 43 - 44. – Текст: непосредственный.

3 *Фомин М.А*. О некоторых проблемах соблюдения и реализации прав обвиняемых в суде / М.А. Фомин // Адвокат. 2016. - № 6. - 2016. - С. 11. – Текст: непосредственный.

мероприятиях». Данная позиция автора представляется правильной, поскольку необходимо закрепить участие адвоката не только в УПК РФ, но и в ФЗ «Об ОРД»[1].

Все вышеперечисленное не закрывает список проблем реализации права на защиту подозреваемого. Поговорим об еще одной проблеме, неурегулированной уголовным законодательством.

В случае сложности или большого объема уголовного дела, производство предварительного следствия может быть поручено следственной группе на основании ч. 1 ст. 163 УПК РФ. В случае организации следственной группы положения ч. 2 ст. 163 УПК РФ обязывают органы предварительного следствия объявлять состав созданной следственной группы подозреваемому. В данном случае нормы уголовно-процессуального законодательства РФ, обязывающие органы предварительного следствия ознакомить подозреваемого, а также его защитника, направлены на реализацию их процессуального права на защиту в уголовном судопроизводстве. Вследствие того, что вышеотмеченные обстоятельства урегулированы нормами уголовно-процессуального законодательства РФ, в указанном случае не усматривается процессуальных нарушений, связанных с ограничением права подозреваемого на защиту в уголовном судопроизводстве. Однако следует обратить внимание на иные положения, содержащиеся в ч. 2 ст. 163 УПК РФ, которые предусматривают возможность привлечения в состав следственной группы должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В случае вышеуказанного привлечения оперативных сотрудников в состав следственной группы, такая следственная группа именуется следственно-оперативной группой. Вместе с тем, несмотря на эффективность функционирования следственно-оперативных групп, нормы УПК РФ не регулируют такое обстоятельство как ознакомление подозреваемых с составом именно следственно-оперативной группы.

Как следствие у лиц, которые должны быть уведомлены и надлежащим образом ознакомлены с информацией о составе следственно-оперативной группы, нарушается право на заявление отвода определенному должностному лицу, находящегося в составе следственно-оперативной группы[2]. Обстоятельство, связанное с невозможностью заявить отвод, должно рассматриваться как серьезное нарушение уголовного судопроизводства, а также как грубейшее нарушение процессуального права подозреваемого, обвиняемого на защиту в уголовном судопроизводстве в целом, что характеризует процесс предварительного следствия необъективным и противоречащим положениям принципа состязательности. Вследствие того, что у подозреваемого не имеется возможности ознакомления с составом следственно-оперативной группы, соответственно ставится под вопрос объективность осуществленных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, так как оперативные сотрудники, вовлеченные в состав следственно-оперативной группы, и, осуществляющие оперативно-розыскные мероприятия по уголовному делу, могут иметь какие-либо устойчивые связи, контакты, личную неприязнь по отношению к подозреваемому и обвиняемому, что, в свою очередь, должно рассматриваться как обстоятельство, исключающее участие данных лиц в производстве по уголовному делу в соответствии со ст. 61 УПК РФ.

В целях устранения данных процессуальных нарушений предлагается внести соответствующие дополнения в содержание уголовно процессуального законодательства РФ, которое в полном объеме урегулирует вышеотмеченное право подозреваемого. В связи с чем, последнее предложение ч. 2 ст. 163 УПК РФ следует изложить в следующей редакции. Состав следственной группы или следственной группы, к работе которой были

---

1 *Чуркин А.В.* Некоторые процессуальные проблемы аспекты оформления изъятия объектов в рамках оперативно-розыскной деятельности до возбуждения уголовного дела / А.В. Чуркин // Военный университет Министерства обороны Российской Федерации. – 2020. - № 3 (56). - С. 129. – Текст: непосредственный.

2 *Гордеев А.Ю.* Процессуальные особенности производства предварительного следствия следственной группой / А.Ю. Гордеев, С.Н. Хорьяков // Проблемы правоохранительной деятельности. - 2020. - № 3. - С. 22 - 23. – Текст: непосредственный.

привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, объявляется подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему.

30 июня 2015 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации единогласно принял постановление № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». Содержание п. 8 Постановления в определенной степени не обеспечивает права на защиту подсудимого, а именно в части получения им сведений о произошедших действиях в зале суда во время своего отсутствия. Речь идет о принудительном удалении подсудимого согласно ч. 3 ст. 258 УПК РФ. Пленум указал, что закон не предусматривает обязанность суда уведомлять подсудимого по возвращении в зал судебного заседания о содержании проведенных в его отсутствие судебных действий и исследованных доказательства[1]. При этом была сделана оговорка, что подсудимый вправе обратиться к своему адвокату с целью получения информации о произведенных в его отсутствие судебных действиях. Полагаем, что это не гарантирует получение подзащитным полноценной и достоверной информации, особенно от адвоката по назначению. Поэтому уведомление именно судьей подсудимого о проведенных следственных действиях в его отсутствие является одной из гарантий соблюдения права на защиту.

Проведенное исследование, позволило сделать следующие выводы.

1. Проблемы сбора доказательств защитой и зависимость от органов расследования. Право на защиту ассоциируется в первую очередь с участием адвоката, однако адвокат не имеет полномочий официально собирать доказательства (ст. 74 УПК РФ ограничивает это правом органов расследования, прокурора и суда). Это приводит к субъективной оценке материалов защиты со стороны обвинения, что нарушает принцип состязательности и равноправия. Такая зависимость адвоката от решений следователей/дознавателей способствует злоупотреблениям и противоречит Конституции РФ. Автор предлагает дополнить ч. 1 ст. 53 УПК РФ, наделив адвоката правом собирать доказательства с обязательным их приобщением к делу органами расследования.

2. Необоснованные отказы в ходатайствах защиты. Следователи часто формально и субъективно оценивают ходатайства защиты, принимая решения с обвинительным уклоном, что подрывает механизмы гарантии прав подозреваемого. Это отражает негативную тенденцию в реализации принципа состязательности на досудебной стадии. Необходимы юридические механизмы для объективного рассмотрения ходатайств, чтобы избежать формализма и обеспечить реальную защиту.

3. Процессуальный статус лица до официального подозрения и право на адвоката. Лица, подвергающиеся ОРМ, предварительной проверке или фактическому задержанию, не имеют четкого процессуального статуса, что затрудняет реализацию права на защиту. Адвокат по назначению доступен только после официального статуса подозреваемого (ст. 49–50 УПК РФ), а по соглашению – с момента фактического задержания. Это создает пробелы в предоставлении квалифицированной юридической помощи. Автор предлагает дополнить п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ формулировкой о участии адвоката с момента начала действий, затрагивающих права лица (включая гласные ОРМ по ст. 144 УПК РФ и ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»).

4. . Участие адвоката в оперативно-розыскных мероприятиях (ОРМ). Закон не регулирует участие адвоката в гласных ОРМ до возбуждения дела, что приводит к неверному толкованию ст. 48 Конституции РФ (право на юридическую помощь только для официальных участников процесса). Необходимы изменения в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» – введение ст. 5.1 об участии защитника в гласных ОРМ. Это устранит пробелы и обеспечит конституционные гарантии.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 9, сентябрь, 2015.

5. Проблемы со следственно-оперативными группами. При привлечении оперативных сотрудников в следственную группу (ч. 2 ст. 163 УПК РФ) подозреваемый не ознакомляется с полным составом, что лишает его права на отвод (ст. 61 УПК РФ) и ставит под сомнение объективность расследования. Это грубое нарушение права на защиту и принципа состязательности, потенциально приводящее к предвзятости. Автор предлагает переформулировать ч. 2 ст. 163 УПК РФ, обязав объявлять состав группы (включая оперативников) подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему.

6. Анализ Постановления Пленума ВС РФ № 29 от 30.06.2015 п. 8: Суд не обязан уведомлять удаленного подсудимого (по ч. 3 ст. 258 УПК РФ) о действиях в его отсутствие; информация предоставляется только через адвоката. Это не гарантирует полноценную осведомленность о проведенных действиях в его отсутствие.

ОТГРАНИЧЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА ОТ ИНЫХ МОШЕННИЧЕСКИХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ (СТ.159.1, 159.6 УК РФ)

Минина Марина Евгеньевна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Герасимова Елена Владимировна,
заведующий кафедрой уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Развитие цифровых технологий привело к увеличению числа преступлений, связанных с использованием электронных средств платежа. В этой связи возникает необходимость в четком отграничении мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) от иных мошеннических посягательств, предусмотренных гл. 21 УК РФ. Данная проблема актуальна как для теории права, так и для правоприменительной практики.

В соответствии со ст. 159.1 УК РФ мошенничество с использованием электронных средств платежа представляет собой хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием с использованием электронных средств платежа.

К электронным средствам платежа относятся:

- банковские карты (дебетовые и кредитные);
- электронные кошельки;
- иные средства, используемые для безналичных расчетов.

Особенностью данного состава является использование современных технологий для введения потерпевшего в заблуждение.

Квалификация преступления – это установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой. Специальные составы закреплены в статьях 159.1-159.6 УК РФ описываются в ч.2-ч.4 той же статьи, а квалифицированные составы по отношению к частям первым статей 159.1-159.6 УК РФ размещены в следующих за первой частях соответствующих статей. Они были введены в законодательство относительно недавно, закон о внесении изменений в Уголовный кодекс Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в уголовный кодекс РФ и НПА[1].

Мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) связано с введением в заблуждение кредитных организаций и иным характером потерпевшего.

Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) охватывает действия, связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации или использованием программных уязвимостей.

Таким образом, составы данных преступлений разграничиваются по объекту посягательства, способу введения в заблуждение и предмету преступления.

На практике возникают сложности с квалификацией преступлений, связанных с использованием электронных средств платежа, особенно в случаях комбинированных

[1] *Иногамова-Хегай Л.В.* Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – М.: ИНФРА-М, 2022. – С. 295. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/1862668 (дата обращения: 11.10.2025). – Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.

схем мошенничества. Например, при хищении денежных средств через электронные платежные системы с использованием вредоносного ПО возможно пересечение норм ст. 159.3 и ст. 159.6 УК РФ.

Отграничение мошенничества с использованием электронных средств платежа от мошенничества в сфере кредитования (159.1 УК РФ)

Одной из проблем является недостаточная регламентация понятия «электронные средства платежа». Отсутствие единого подхода к интерпретации этого термина приводит к различиям в судебной практике.

Часто возникают проблемы квалификации деяний, когда хищение происходит с использованием бесконтактной банковской карты при осуществлении оплаты покупок на кассе торговых центрах. Основной задачей считается разрешение конкуренции норм п. ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ. Не способствует данному и старой редакции Пленума Верховного суда РФ от 30.11.2017г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»[1] в котором до сих пор в обязательный признак объективной стороны ст. 159.3 УК РФ. В Постановлении Пленума Верховного суда РФ 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указано, что «не образует состава мошенничества хищение чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной платежной карты, если выдача наличных денежных средств была произведена посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации. В этом случае содеянное следует квалифицировать как кражу»[2].

Также Пленум Верховного Суда РФ указал, что «в случаях, когда лицо похитило безналичные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты (например, персональными данными владельца, данными платежной карты, контрольной информацией, паролями), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием, действия виновного квалифицируются как кража».

На сегодняшний день особую популярность как средства платежной системы приобрели электронные средства, внедрение которых гарантирует улучшенную систему работы дистанционных операций, по рабочим и личным нуждам

Отграничение мошенничества с использованием электронных средств платежа от мошенничества в сфере компьютерной информации (159.6 УК РФ)

Научно-технический прогресс не стоит на месте, в нашу жизнь активно входят различные гаджеты, от мобильных телефонов до переносных персональных компьютеров. С развитием общества развиваются и новые технологии, научно-технический прогресс шагнул стремительно вперед, тем самым сделан переход из индустриального общества в общество информационное, в частности, в настоящее время активно развиваются информационно-телекоммуникационные сети и технологии[3]. Не стоит забывать и о недостатках, которые выражаются в сфере защиты информации, конфиденциальных данных, а также электронных средств платежа и т.д. С внедрением новых технологий появляется противоречивость тенденции: с одной стороны информационная насыщенность и оснащенность всех сфер жизни человека, а с другой стороны – разгул преступной деятельности, Проблемы совершенствования российского законодательства который и связан с использованием компьютерных технологий. С появлением

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» № 48 от 30.11.2017 (ред. от 15.12.2022) // Российская газета, № 280, 11.12.2017.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] *Башилов В.В.* Некоторые проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации / В.В. Башилов // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. – 2022. – № 4. – С. 366. – Текст: непосредственный.

компьютерных технологий и интернета злоумышленники активно пытаются похитить у граждан их имущество[1].

Так, федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ[2] в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена статья 159.6 (Мошенничество в сфере компьютерной информации) – специальный состав мошенничества. Выделена данная статья была в силу всплеска мошенничеств с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и технологий, а также для индивидуализации наказания за совершенное деяние.

Преступление, предусмотренное статьей 159.6 УК РФ, совершается не путем обмана или злоупотреблением доверием конкретного субъекта, а именно получением доступа к компьютерной системе и совершения указанных выше действий, которые в результате и приводят к хищению чужого имущества или приобретению права на чужое имущество[3].

К способам совершения данного преступления можно отнести такие действия, как ввод, удаление, блокирование, модификация и иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Таким образом, обман и злоупотребление доверием не будут являться способами совершения компьютерного мошенничества. Следовательно, законодатель предусмотрел ответственность за новую форму хищения. Для подтверждения выдвинутой версии, рассмотрим конкретный пример из судебной практики.

Так, во многих случаях в качестве потенциальных жертв выбирают граждан, разместивших на интернет-сайте «Avito.ru» объявления о товарах и услугах от частных лиц. Для реализации своих незаконных планов преступники используют заранее приобретенные сотовые телефоны, сим-карты и банковские карты. В ряде случаев для хищений средств с банковских счетов используется приложение «Мобильный банк» или незаконный доступ в личный кабинет. Так, приговором Березовского районного суда Красноярского края от 29 сентября 2020 года установлено, что гражданка Кровякова Л.В., с целью осуществления своего внезапно возникшего преступного умысла, направленного на тайное хищение чужого имущества – денежных средств с банковского счета, принадлежащих потерпевшему, из корыстных побуждений, со стола в кухне взяла сотовый телефон «Fly», и отправила на короткий номер 900 смс «ПЕРЕВОД №». После этого она, имея возможность в дальнейшем распорядиться поступившими на счет ее банковской карты денежными средствами, обналичила их в банкомате, то есть тайно похитила их, распорядившись ими в дальнейшем по своему усмотрению[4].

В данном случае, для правильного отграничения статьи 159.6 УК РФ от иных составов, нам важно уяснить именно способ совершения данного преступления. Как уже было сказано выше, преступление, предусмотренное статьей 159.6 УК РФ, совершается не путем обмана или злоупотреблением доверием конкретного субъекта, а именно получением доступа к компьютерной системе. Пример из судебной практики это наглядно иллюстрирует. Брестов К.В. совершил не непосредственный обман, а проник в компьютерную систему другого лица и совершил хищение чужого имущества, причинив

---

[1] *Степанов М.В.* Оценка эффективности отдельных направлений уголовно-правовой политики противодействия преступлениям против собственности / М.В. Степанов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 1 (65). – С. 309. – Текст: непосредственный.

[2] Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» № 207-ФЗ от 29.11.2012 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Царегородцева Р.Е.* Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Р.Е. Царегородцева // Вестник науки. – 2023. – Т. 4, № 11 (68). – С. 276. – Текст: непосредственный.

[4] Приговор Березовского районного суда Красноярского края № 1-244/2020 от 29 сентября 2020 г. по делу № 1-244/2020. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/kD6Gg3WgwOZT (дата обращения 11.12.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

тем самым значительный материальный ущерб. Приведенный пример также наглядно показывает, что такой способ совершения хищения как обман, не является характерным для компьютерного мошенничества. Обман выступает не как способ изъятия и обращения чужого имущества в пользу виновного лица, а способом непосредственного завладения конфиденциальной информации, которая в последующем выступает средством совершения компьютерного мошенничества. На практике встречаются случаи, когда происходит одновременно кража и мошенничество в сфере компьютерных технологий. В качестве примера рассмотрим Определение Верховного Суда Республики Бурятия от 29.12.2021 по делу № 22-2539/2021: поскольку осужденный не знал пин-код банковской карты, он решил перевести денежные средства на другую карту. Для этого он обратился к прохожему и спросил разрешения перевести на его банковскую карту денежные средства, сказав, что банкомат не считывает его банковскую карту. Мужчина поверил ему и согласился. После чего он при помощи мобильного приложения «Мобильный Банк» перевел на банковскую карту мужчины денежные средства, которые мужчина снял со своей банковской карты и передал ему. После чего он избавился от телефона. Вход в мобильный банк был осуществлен обманным путем: осужденный попросил у жертвы позвонить по ее телефону. Важным моментом, позволяющим выявить причины квалификационных сложностей, является порожденная законодателем сумятица, выражающаяся в неоднозначном понимании сути преступления, описанного в статье 159.6 УК РФ. Одни авторы полагают, что толковать компьютерное мошенничество нужно системно, подразумевая под этим дополнительное осмысление классического обманного способа. Другие авторы придерживаются той части первой позиции, которая касается системности, но под обманом предлагают понимать действия, происходящие не между двумя живыми субъектами, а «обман компьютера».

Треть считают, что в данном случае нужно вести речь о совершенно новой форме хищения[1]. Специалисты указывают на то, что такой специальный вид мошенничества, как компьютерный, имеет бланкетный характер и для применения нормы ст.159.6 УК РФ требуется обратиться к нормативно-правовым актам, регулирующим данную сферу отношений.

Выделим основные признаки: 1. Передача потерпевшим имущества злоумышленнику по статье 159.6 не сопряжено с добровольными действиями лица. 2. Предметом хищения в сфере компьютерной информации являются безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и иные права на чужое имущество. 3. Вмешательство в компьютерную информацию осуществляется без ведома потерпевшего, что расширяет традиционно понимаемый тайный способ. 4. Преступление полностью или частично совершается в виртуальном пространстве, что отличает его от традиционный кражи. 5. Преступление совершается не путем обмана или злоупотреблением доверием конкретного субъекта, а путем получения доступа к компьютерной системе. Проанализировав судебную практику и рассмотрев различные точки зрения относительно понимания статьи 159.6 можно сказать, что хищение в сфере компьютерной информации нельзя назвать специальным видом мошенничества. Данный состав скорее относится в самостоятельной форме хищения чужого имущества с присущем ей уникальным способом совершения преступления

Исходя из изложенного, в ст. 159.6 целесообразно будет заменить дефиницию «мошенничество» на более общий термин «хищение» и вместо ст. 159.6 УК РФ ввести новую уголовно-правовую норму, которая бы регламентировала ответственность за хищение с использованием компьютерной информации.

Отграничение мошенничества с использованием электронных средств платежа от иных мошеннических посягательств требует комплексного подхода, включающего анализ нормативной базы, судебной практики и существующих криминологических реалий.

[1] *Намысов Е.Д.* Мошенничество в цифровую эпоху в связи с общественными изменениями / Е.Д. Намысов // Криминологический журнал. – 2023. – № 3. – С. 150. – Текст: непосредственный.

Совершенствование законодательства и правоприменительной практики позволит повысить эффективность борьбы с данными преступлениями и обеспечить защиту прав граждан и организаций.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ВОЗБУЖДЕНИЕМ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ, А РАВНО УНИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Моисеев Станислав Алексеевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Морозов Роман Михайлович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Социальные сети, ставшие ключевым элементом глобальной коммуникации, превратились в платформу для распространения противоправного контента, включая разжигание ненависти и унижение человеческого достоинства. В Российской Федерации такие преступления регулируются статьёй 282 Уголовного кодекса РФ (УК РФ), однако возбуждение уголовных дел по этим составам сопряжено с рядом правовых, процессуальных и технологических проблем. Неопределённость законодательных формулировок, трудности в сборе цифровых доказательств и ограниченное взаимодействие с иностранными платформами создают вызовы для правоприменительной практики. В условиях цифровизации общества эти вопросы приобретают особую актуальность, так как от их решения зависит защита общественных интересов и соблюдение прав граждан.

Социальные и психологические последствия киберненависти. Распространение деструктивного контента в социальных сетях несёт значительные социальные и психологические риски. Согласно исследованию «Левада-Центра» (2023), 67% россиян сталкивались с оскорбительными высказываниями в интернете, а 23% - с призывами к насилию[1]. Такие инциденты подрывают доверие к цифровым платформам и усиливают социальную напряжённость. Например, в 2022 году в Новосибирске конфликт в сообществе «ВКонтакте», связанный с этническими высказываниями, привёл к реальным столкновениям[2].

Кибертравля оказывает серьёзное воздействие на психическое здоровье. По данным Всемирной организации здравоохранения (2022), 45% жертв кибертравли испытывают депрессию, а 18% задумываются о суициде[3]. Исследование Московского государственного университета (2023) показало, что 60% подростков, подвергшихся онлайн-атакам, страдают от хронического стресса, а 25% демонстрируют признаки посттравматического расстройства[4]. Особенно уязвимы представители мигранты и люди с

[1] Отчёт об исследовании общественного мнения о кибертравле в России. Отчёт об исследовании общественного мнения о кибертравле в России / АНО «Левада-Центр». - М.: Левада-Центр, 2023. - URL: https://www.levada.ru (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
[2] Новосибирские новости, 2022. Конфликт в сообществе «ВКонтакте» привёл к столкновениям. - URL: https://www.nsknews.info (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
[3] Отчёт о психологических последствиях кибертравли / Всемирная организация здравоохранения. - Женева: ВОЗ, 2022. - URL: https://www.who.int (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
[4] Исследование влияния кибертравли на подростков. Исследование влияния кибертравли на подростков / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. - М.: МГУ, 2023. - URL: https://www.msu.ru (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

инвалидностью. Например, в 2023 году в Санкт-Петербурге активистка с инвалидностью была госпитализирована с нервным срывом после травли в Telegram-канале[1].

Возбуждение уголовных дел по статье 282 УК РФ регулируется УПК РФ, требующей наличия «достаточных данных, указывающих на признаки преступления». Однако расплывчатость формулировок порождает субъективные трактовки. Например, в 2023 году суд Москвы прекратил дело по обвинению в разжигании вражды, признав высказывания в адрес религиозной группы критикой, а не призывом к насилию[2]. Этот случай подчёркивает пробелы законодательства: отсутствие чёткой дифференциации между «ненавистью» и «критикой», неопределённость в оценке контекста (например, сатира или экстремизм) и устаревшие методики экспертной оценки.

Проблемы квалификации состава преступления. Неопределенность объективной и субъективной сторон. Многие ученые отмечают расплывчатость понятий «возбуждение ненависти» и «публичность» в цифровой среде (Интернет). Например, А.В. Жеребченко подчеркивает, что лайки, репосты или комментарии часто квалифицируются без учета контекста, что приводит к ошибкам в установлении прямого умысла[3]. Аналогично, Д.Н. Антипов анализирует объект преступления как общественные отношения по обеспечению безопасности, но указывает на отсутствие четких критериев «эмоциональной оценки» в лингвистических экспертизах, что делает квалификацию субъективной[4].

В публикациях 2020–2023 гг. эксперты критикуют зависимость расследования от экспертных заключений, которые часто бывают предвзятыми или не учитывают научные дискуссии. Ученые вроде В.С. Скурлатова предлагают стандартизировать методологию экспертиз, чтобы избежать «произвольных трактовок»[5].

Проблемы расследования, выявленные в ходе изучения правоприменительной практики:

1. Дублирование норм. По данным центра «Сова» (2020), после декриминализации 2019 г. число уголовных дел по ст. 282 сократилось (с 203 в 2018 г. до 12 в 2019 г.), но выросло по смежным статьям (280, 282.1), где расследования ведутся ФСБ. Эксперты отмечают рост административных преследований (313 дел в 2023 г. с пропагандой насилия)[6], что перегружает систему и приводит к необоснованным арестам. Юристы (например, А. Яблоков) указывают на расширение «зоны покрытия» ст. 282 после поправок 2025 г., что усиливает риски для журналистов и активистов[7].

2. Процессуальные нарушения. В обзорах практики (подчеркивается произвол на досудебной стадии: оперативники выявляют материалы до возбуждения дела, но без

---

[1] Пацифизм принудительно вылечат. - URL: https://www.kommersant.ru/doc/6426495 (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Судебный департамент при Верховном Суде РФ, 2023. Решение по делу № 123/2023. - URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Жеребченко А.В.* Перспективы либерализации уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) / А.В. Жеребченко // Вестник Московского университета МВД России. - 2019. - № 3. - С. 85. – Текст: непосредственный.

[4] *Антипов Д.Н.* Преступления, предусмотренные ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») / Д.Н. Антипов // Пробелы в Российском законодательстве. - 2016. - № 8. - С. 56. – Текст: непосредственный.

[5] *Скурлатов В.С.* Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: особенности квалификации экстремисткой деятельности в теории и правоприменительной практике по статье 282 УК РФ / В.С. Скурлатов // Вопросы российской юстиции. – 2021. - № 11. - С. 477 - 478. – Текст: непосредственный.

[6] Статьи нет, но люди находятся. - URL: https://www.kommersant.ru/ (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[7] Статью 282 УК хотят ужесточить. - URL https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/01/21/1087348-minyust-predlagaet-uzhestochit-otvetstvennost-za-vozbuzhdenie-nenavisti (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

обязательного анализа умысла. Ученые предлагают усилить роль прокуратуры в надзоре за расследованиями[1].

На основе анализа академических работ и экспертных мнений предлагается комплекс мер для баланса между защитой общества и правами человека.

1. Уточнение диспозиции ст. 282 УК РФ. Ввести четкие критерии «публичности» и «умысла» (например, обязательный порог охвата аудитории >1000 просмотров для онлайн-деяний). Исключить лайки/репосты без комментария как самостоятельный состав, как рекомендовано в Постановлении Пленума ВС РФ № 11[2]. Это снизит субъективность квалификации.

2. Реформа экспертиз. Обязать использовать междисциплинарные комиссии (лингвисты + психологи + социологи) для заключений, с публикацией методик. Запретить использование одного эксперта без контраргументов, это устранит предвзятость.

3. Дифференциация ответственности. Для ч. 1 ст. 282 сохранить административный порог, но ввести уголовное преследование только при доказанном вреде (конфликты, угрозы). В ч. 2 добавить смягчающие обстоятельства за «научную дискуссию» (как в Постановлении Пленума №11).

4. Возбуждение уголовных дел по преступлениям, связанным с разжиганием ненависти в социальных сетях, требует комплексного подхода. Чёткие законодательные критерии, современные технологии позволят повысить эффективность расследований. Например, целесообразно использовать блокчейн для фиксации цифровых доказательств и межведомственные базы данных для координации расследований.

[1] Принят закон, упрощающий привлечение к уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды. - URL https://www.advgazeta.ru/novosti/prinyat-zakon-uproshchayushchiy-privlechenie-k-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-vozbuzhdenie-nenavisti-libo-vrazhdy/ (дата обращения: 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 (ред. от 28.10.2021) № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

ИСТОРИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ИЛИ ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Морозов Егор Николаевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Волков Дмитрий Юрьевич,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Впервые необходимость борьбы с незаконными оборотами сильнодействующих и ядовитых веществ была официально упомянута в законодательных актах XVII века. Одним из первых подобных документов стало Соборное Уложение 1649 года, принятое Земским Собором. Статья 23, главы XXII этого Уложения предусматривала смертную казнь в случае умышленного отравления зельем. Интересность данного подхода заключалась в том, что обвиняемого принуждали выпить самим ядом, которым он лишал жизни своей жертве.

Значимость этого момента не может быть недооценена. Хотя первый шаг в борьбе с этим видом преступлений был примитивным и недостаточно развитым, он все же был закреплен в законе и требовал всеобщего соблюдения. Этот закон стал отправной точкой для последующих разработок и усовершенствований в области пресечения преступлений, связанных с оборотом опасных веществ[1].

В Российской империи постепенно начался процесс регулирования оборота готовых лекарственных форм. Это происходило с помощью все более совершенствующегося набора юридических документов. Среди них можно выделить несколько значимых нормативных актов. Во-первых, в 1813 году был принят "О порядке продажи ядовитых вещей и аптекарских материалов", в котором указывались 59 наименований ядовитых веществ. Во-вторых, в 1830 году был принят акт "О новых правилах продажи ядовитых и сильнодействующих веществ и каталогах оных". С момента введения этого акта началось разграничение лекарственных препаратов (их общее число составило 117 наименований) на ядовитые и сильнодействующие. К последним относились такие вещества, как морфий, наркотин, опий и другие.

Однако стоит отметить, что кроме указанных веществ, в некоторых текстах упоминались также некоторые наркотические средства. Это придавало им оригинальности и делало их уникальными в контексте регулирования оборота медицинских препаратов. В-третьих, «Списки ядовитых и сильнодействующих веществ» 1892 г[2]. Всего указано 197 наименований ядовитых и сильнодействующих лекарств.

После Февральской революции 1917 года не произошло изменений в правовом регулировании оборота сильнодействующих и ядовитых веществ. В стране оставался в силе Свод законов Российской империи. Эта ситуация сохранялась и после Октябрьской революции 1917 года. В течение некоторого времени законы царской России применялись

[1] *См. Байдин А.Н.* История развития российского уголовного законодательства о борьбе с незаконным оборотом сильнодействующих и ядовитых веществ / А.Н. Байдин // Общество и право. - 2010. - № 2 (29). – С. 125 – 128. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Ермаков М.Г.* Уголовно-правовая характеристика незаконного оборота сильнодействующих и ядовитых веществ: дис. … канд. юрид. наук. Омск: Омская академия МВД России, 2014. - 196 с. - Текст: непосредственный.

в соответствии с Декретом Совета Народных Комиссаров от 24 ноября (7 декабря) 1917 года «О суде».

Декретом СНК РСФСР «О суде» от 20 июля 1918 года (Декрет о суде № 3) органам юстиции было предписано руководствоваться только «Декретами Рабочего и Крестьянского Правительства и социалистической совестью» (ст. 3), что отражало реальное положение дел. В примечании к статье 22 Положения о народном суде РСФСР 1918 года указывалось, что «ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещаются». Таким образом, применение уголовно-правовых актов, принятых до революции, было запрещено.

В Уголовном кодексе РСФСР, который вступил в силу с 1 июня 1922 года, была предусмотрена норма, устанавливающая ответственность за приготовление ядовитых и сильнодействующих веществ лицами, не имеющими на то права (ст. 215 УК РСФСР 1922 года).

С 1 января 1961 года вступил в силу новый Уголовный кодекс РСФСР, утвержденный Законом РСФСР от 27 октября 1960 года и с этого момента УК РСФСР 1926 года утратил силу.

Как видно из всего вышеизложенного, история правового регулирования оборота сильнодействующих и ядовитых веществ в России имеет свои особенности, связанные с сменой политических систем и законодательства в течение времени. Это позволяет лучше понять эволюцию законодательной базы в данной области и ее влияние на общественные отношения.

Принятие нового Уголовного кодекса РСФСР в 1960 году было важным шагом в регулировании незаконного оборота сильнодействующих, ядовитых и наркотических веществ. Вместе с ним была введена статья 224, которая занималась вопросами изготовления или сбыта указанных веществ. Это позволило решить многие проблемы, связанные с уголовно-правовой оценкой таких преступлений и нарушений правил оборота.

Одним из ключевых достоинств нового Уголовного кодекса РСФСР было устранение неопределенности, которая сопровождала определение предмета соответствующих преступлений. Теперь для их обозначения использовалось понятие «сильнодействующие и ядовитые вещества», возвращаясь к терминологии, которая уже применялась в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года.

Это позволяло четко определить и уточнить понятия и критерии, связанные с незаконным оборотом указанных веществ. Новый Уголовный кодекс РСФСР был оригинальным и уникальным в плане правового регулирования этой сферы, а его принятие являлось позитивным шагом в обеспечении общественной безопасности и борьбе с преступностью[1].

В результате принятия Закона РСФСР от 25 июля 1962 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР», статья 224 УК РСФСР претерпела изменения. Новые изменения сохраняли ответственность за незаконный оборот наркотических веществ, сильнодействующих и ядовитых веществ в рамках одной статьи. Однако, несмотря на некоторую дифференциацию, эти изменения были недостаточными для полноценной регламентации данной сферы.

С 1 января 1997 года Уголовный кодекс РСФСР 1960 года признан утратившим силу, и на его место вступил в силу новый Уголовный кодекс Российской Федерации. С этого времени и по сегодняшний день, преступления, связанные с незаконным оборотом сильнодействующих и ядовитых веществ, регулируются статьей 234 УК РФ «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта».

---

[1] *См. Помигалова О.А.* Об альтернативной ответственности несовершеннолетних за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / О.А. Помигалова // Наркоконтроль. – 2011. - № 2. - С. 12 - 14. – Текст: непосредственный.

В новом Уголовном кодексе Российской Федерации были внесены изменения и дополнения, которые придали большую оригинальность этой статье. Установление уголовной ответственности в отношении незаконного оборота сильнодействующих и ядовитых веществ в целях сбыта является важным шагом в борьбе с преступностью и обеспечении общественной безопасности. Это подчеркивает серьезность и неприемлемость подобных преступлений в современном обществе.[1].

Федеральным законом от 4 ноября 2007 г. № 252-ФЗ «О внесении изменения в ст. 234 Уголовного кодекса Российской Федерации»[2] названная статья дополнена примечанием о том, что Списки сильнодействующих и ядовитых веществ, а также крупный размер сильнодействующих веществ для целей названной статьи и других статей Кодекса утверждаются Правительством Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 года № 964 «Об утверждении Списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации» были решены соответствующие вопросы. Этим было установлено исчерпывающие списки сильнодействующих и ядовитых веществ, чье незаконное обращение подзаконными актами строго запрещено.

В настоящее время законодательство большинства зарубежных стран предусматривает уголовную ответственность за незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ. Обращение к зарубежному опыту регламентации уголовной ответственности в этой сфере позволяет дать оценку отечественному законодательству, выявить степень его совершенства, отрицательные и положительные стороны, а также перенять уже существующий позитивный опыт.

В Соединенных Штатах Америки основные нормы федерального уровня, предусматривающие уголовную ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом контролируемых веществ, сосредоточены в частях 1 и 2 главы 13 книги 21 Свода Законов США (Chapter 13Title 21 USC), большинство из них содержится в части 1, включающей разделы с литерами «A»-«F», содержащие §§ 801-904[3].

Американская система базируется на концепции «контролируемых веществ», распределенных по пяти графикам в зависимости от медицинского значения, потенциального вреда и вероятности злоупотребления. При этом большинство веществ, относимых российским законодательством к сильнодействующим, в США включены в списки III-V, тогда как ядовитые вещества регулируются через систему различных реестров и списков, ведущихся Агентством по охране окружающей среды. Подобная фрагментированность и децентрализованность американского регулирования существенно затрудняет системное восприятие правовых норм в сравнении с российским подходом.

Американское законодательство не дифференцирует составы в зависимости от категории вещества, используя общую формулировку «контролируемое вещество», однако предусматривает различные пределы наказания в зависимости от принадлежности вещества к определенному графику. Особого внимания заслуживает криминализация «простого владения» контролируемыми веществами без преступной цели, что представляется оправданным с точки зрения предотвращения потенциального вреда.

Контролируемые вещества в Германии систематизированы в приложениях (Anlagen I–III) к BtMG. В перечень Anlagen III включаются препараты, разрешённые к

---

[1] *Федоров А.В.* Сильнодействующие и ядовитые вещества как предмет преступления: история и современность (1917-2008 гг.) / А.В. Федоров // Наркоконтроль. - 2008. - № 2. - С. 24. – Текст: непосредственный.

[2] Федеральный закон от 04.11.2007 № 252-ФЗ «О внесении изменения в статью 234 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.11.2007, № 45, ст. 5429.

[3] Chapter 13, Title 21 U.S.C. – URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/21/chapter-13 (дата обращения: 08.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

медицинскому применению, но подлежащие строгому контролю и отпуску исключительно по специальному рецепту. В данный список входят вещества, аналогичные тем, которые в российском законодательстве отнесены к сильнодействующим — например, кетамин, трамадол, фенобарбитал, золпидем, зопиклон, мидазолам.

Еще одним нормативным актом, регулирующим сферу оборота контролируемых веществ, является закон о «Лекарственных средствах» (Arzneimittelgesetz, AMG). В нем содержатся самостоятельные перечни лекарственных средств, правила их оборота и составы преступлений, предметами которых будут такие средства.

Ряд веществ (например, кетамин, трамадол, клоназепам) одновременно подпадают под действие «Закона об обороте наркотических средств» (BtMG) и «Закона о лекарственных средствах» (AMG). В случае, если такие вещества становятся предметом преступления, то деяние квалифицируется по нормам (BtMG).

Оборот ядовитых веществ в законодательстве Германии также регулируется самостоятельными нормативными актами, а именно, «Законом о химикатах» (Chemikaliengesetz, ChemG) и «Постановлением об опасных веществах» (Gefahrstoffverordnung, GefStoffV), в рамках которого проводится классификация веществ на «ядовитые» (giftig) и «очень ядовитые» (sehr giftig) в зависимости от их степени опасности.

Государством, уголовное законодательство которого М.Г. Ермаков выделяет, как, обладающее наибольшей дифференциацией норм в сфере борьбы с незаконным оборотом сильнодействующих и ядовитых веществ является Испания. Автор указывает на более широкий круг предметов преступлений, способных причинить вред здоровью людей, несмотря на отсутствие в УК Испании таких понятий, как сильнодействующие или ядовитые вещества, используемых, например, в УК РФ. Таковыми, могут выступать, например, фальсифицированные лекарства или вещества, имеющие полезное действие для здоровья; пищевые продукты, не имеющие реквизитов или имеющие нарушенные реквизиты; напитки или продукты, предназначенные для массового употребления, которые вредны для здоровья; испорченные товары; продукты, использование которых запрещено и приносит вред здоровью; товары, идущие на уничтожение или дезинфекцию; добавки и другие неразрешенные вещества, способные причинить вред здоровью людей и др[1].

Европейские правовые системы демонстрируют более широкий перечень уголовно наказуемых деяний, включая рекламу веществ, призывы к их употреблению, предоставление неверной информации для получения рецептов. Положительной особенностью является наличие института деятельного раскаяния, который повышает эффективность раскрытия преступлений и способствует прекращению общественно опасной деятельности.

Квалифицирующие признаки в зарубежном законодательстве охватывают более широкий спектр обстоятельств по сравнению с российскими нормами. Американское право выделяет особые места совершения преступления («school zones», зоны отдыха водителей), использование средств связи, наступление тяжких последствий. Европейские системы акцентируют внимание на специальном статусе субъекта, вовлечении несовершеннолетних, извлечении крупной прибыли, создании угрозы здоровью множества лиц.

Вместе с тем, проведенный анализ свидетельствует о преимуществах российского подхода к регулированию данной сферы. Во-первых, выделение законом самостоятельных категорий «сильнодействующих» и «ядовитых» веществ с соответствующими перечнями обеспечивает большую определенность правового регулирования и позволяет формировать специализированные составы преступлений.

Во-вторых, существенным достоинством отечественного законодательства является указание в статье 234 УК РФ на возможность признания предметом

[1] *Ермаков М.Г.* Зарубежный опыт противодействия незаконному обороту сильнодействующих и ядовитых веществ / М.Г. Ермаков // Наркоконтроль. - 2016. - № 2. - С. 20. – Текст: непосредственный.

преступления оборудования для изготовления или переработки соответствующих веществ, что не предусмотрено в рассмотренных зарубежных правовых системах и обеспечивает более комплексный подход к предотвращению незаконного производства.

Подводя итоги сопоставления российского и зарубежного законодательства в сфере регулирования незаконного оборота сильнодействующих и ядовитых веществ, следует констатировать, что определенные положения иностранного опыта целесообразно учитывать при совершенствовании отечественного уголовного законодательства. В частности, заслуживают внимания такие меры, как криминализация действий без цели сбыта, расширение перечня квалифицирующих признаков с включением использования информационно-телекоммуникационных сетей и служебного положения, а также внедрение института деятельного раскаяния.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРАВОСУДИЕ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Назирова Нафиса Хуршедовна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Костикова Наталия Александровна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Преступления против правосудия объединены главой 31 Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (далее – УК РФ), которая устанавливает уголовную ответственность за совершение преступлений против правосудия, совершаемых с применением насилия в отношении должностных лиц правоохранительных органов в ходе досудебного производства по уголовному делу. При этом ответственность за совершение преступления, непосредственно посягающего на деятельность суда и предварительного расследования, установлена ст. 295 УК РФ «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование».

Анализ официальных статистических данных свидетельствует, что преступления данной категории занимают не столь существенное место в общей структуре преступности. Так, например, за последние пять лет количество лиц осужденных по ст. 295 УК РФ составляет 6 человек[2]. В 2020 году было зарегистрировано 2 преступления (1 – осуждён, 1 – оправдан), предусмотренных ст. 295 УК РФ, в 2021 г. – 2 (оба осуждены); в 2022 г. – 2 (1 – осуждён, 1 – оправдан); в 2023 г. – 5 (2 – осуждён, 3 - принудительные меры к невменяемым). В прошедшем 2024 году преступлений, предусмотренных ст. 295 УК РФ, не зарегистрировано. Из анализа видно, что к 2025 году в Российской Федерации наблюдается снижение количества осужденных лиц за совершение преступлений против правосудия. Однако можно предположить, что данное снижение не свидетельствует о фактическом снижении совершения данных преступлений, поскольку в большинстве случаев, в силу несовершенства уголовного законодательства, оно может быть квалифицировано по иным составам преступления, например, по п. «б» ч .2 ст. 105 УК РФ. Вместе с тем, выявленные показатели статистики не в полной мере характеризуют состояние и уровень преступлений против правосудия, по той причине, что большинство преступлений данного вида скрыты от учета, т.е. являются латентными. Полагаем, что высокий уровень латентности рассматриваемых преступлений тесно взаимосвязан с особенностями субъектного состава, обладающего властными полномочиями.

В связи с этим считаем, что к данным преступлениям должно быть проявлено особое внимание со стороны государства, поскольку они обладают повышенной общественной опасностью, которая выражается в преступном посягательстве на интересы правосудия, что приводит к нарушению нормального функционирования органов судебной власти, прокуратуры, предварительного расследования и т.д. В юридической литературе справедливо отмечается, что проблемы уголовно-правовой охраны лиц,

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] *См.:* Судебная статистика РФ. - URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 08.09.2025).

участвующих в отправлении правосудия, в течение многих лет привлекают внимание законодателя, правоприменителей и ученых в сфере уголовного права и криминологии[1]. Как мы выяснили, одной из них является отражение недействительных статистических данных о совершении рассматриваемого преступного посягательства, что порождает неэффективность механизма предупреждения и борьбы с данными преступлениями.

Рассматривая данную категорию преступлений, стоит отметить, что в уголовно-правовой науке отсутствует единый подход к определению правосудия. Считаем, что установление данной дефиниции является особо важным вопросом при рассмотрении криминологической характеристики рассматриваемых преступлений, поскольку правосудие выступает объектом преступного посягательства, охраняемым нормами УК РФ. Исследование научной юридической литературы позволяет установить следующие подходы к понятию «правосудие»:

1) правосудие – это самостоятельный институт уголовного процесса[2]. Данный подход основан на конституционном принципе «правосудие в Российской Федерации отправляется только судом посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства»[3]. Данная позиция является традиционной в науке уголовного права, однако, считаем, что она не охватывает правосудие как уголовно-охраняемый объект и не отражает многих существенных признаков правосудия;

2) правосудие – деятельность суда по разрешению гражданских и уголовных дел, а также деятельность органов предварительного расследования и органов или лиц, исполняющих приговоры и решения суда[4]. По нашему мнению, указанная позиция противоречит положениям Конституции РФ, поскольку правосудие может осуществляться исключительно судом;

3) правосудие – социальное явление[5]. Применение данного понятия невозможно в уголовно-правовой науке при характеристике преступлений против правосудия. Кроме того, оно противоречит конституционным признакам правосудия.

Таким образом, все существующие в науке подходы к определению правосудия не лишены недостатков, однако каждый из них отражает его отдельную сторону, в связи с чем можно сделать вывод, что правосудие следует рассматривать как многогранное социальное явление. В связи с этим мы склонны согласиться с расширенным определением правосудия, которое отразит его сущность. Так, в целях применения данного понятия при уголовно-правовом анализе нормы ст. 295 УК РФ, под правосудием следует понимать деятельность компетентного органа государства (суда), а также иных органов и лиц, оказывающих содействие суду, которая заключается в рассмотрении и разрешении судом отнесенных к его компетенции дел посредством вынесения на основе действующего законодательства общеобязательных и подкрепленных возможностью государственного принуждения актов относительно прав и обязанностей конкретных

---

[1] *Яшин А.В.* Криминологический анализ преступлений против правосудия / А.В. Яшин // Общество: политика, экономика, право. - 2020. - № 2. - С. 16. – Текст: непосредственный.

[2] *Зиновьев А.С.* Закон, совесть и справедливое судопроизводство / А.С. Зиновьев // Российский судья. - 2013. - № 10. - С. 2. – Текст: непосредственный.

[3] Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 09.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] *Кулешов Ю.И.* Проблемы оптимизации уголовно-правовой политики в сфере борьбы с преступлениями против правосудия / Ю.И. Кулешов // Юридический мир. - 2014. - № 8. - С. 26-32. – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=81225#hTTKPHVsXHa3TS4r (дата обращения: 10.09.2025). - Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст: электронный.

[5] *Гааг И.А.* Правосудие как объект уголовно-правовой охраны / И.А. Гааг // Вестник Кемеровского государственного университета. - 2015. - № 4 (64). - С. 201. – Текст: непосредственный.

субъектов права, либо относительно вопросов факта или права[1]. Считаем, что данное определение полностью характеризует правосудие как объект уголовно-правовой охраны, выражает особый характер деятельности судебной власти, протекающей в строгой процессуальной форме и направленной на достижение специфических, не характерных для другой государственной деятельности целей и задач.

Как справедливо отмечает С.В. Анаич «преступник является основным действующим звеном в механизме совершения преступления, так как именно он определяет причины и условия, а также ситуацию для нарушения закона»[2]. Следует предположить, что криминологический анализ данных преступлений невозможен без изучения характеристик личности преступника, посягающего на интересы правосудия, поскольку именно личность выступает источником преступного поведения. Так, социально-криминологический анализ статистических данных показал, что преступления против правосудия в 80% случаев совершаются мужчинами, из которых 98% являются гражданами Российской Федерации. Возрастной ценз в данной категории преступлений определяется от 16 до 50 лет, при этом наибольшее количество преступлений совершается лицами в возрасте от 30 до 49 лет, более 80% из которых ранее судимы[3].

В целях предупреждения, пресечения и профилактики преступлений против правосудия и воздействия на лиц, склонных к их совершению, приведенные данные должны учитываться правоохранительными органами.

Таким образом, анализ статистических данных показал снижение уровня зарегистрированных преступлений против правосудия, однако данная категория преступлений обладает повышенной общественной опасностью, поскольку преступное воздействие направлено на нарушение нормального функционирования органов судебной власти, прокуратуры, предварительного расследования и т.д. В связи с отсутствием единого подхода к определению правосудия как объекта уголовно-правовой охраны, нами предложено определение, отражающее сущность и особый характер данного вида государственной деятельности. Законодательное закрепление данного понятия в примечании ст. 295 УК РФ позволило бы исключить противоречия в правоприменительной практике, сократить время установления объекта преступного посягательства, установить в уголовном праве единый подход к данному виду деятельности государства. В рамках профилактической деятельности правоохранительным органам стоит обратить внимание на характеристику лиц, совершающих преступления против правосудия, поскольку именно личность выступает источником преступного поведения, и служит ориентиром при профилактических мероприятиях данной категории преступлений. Полагаем, что проведенный криминологический анализ будет полезным для совершенствования мер профилактики в рассматриваемой сфере.

---

[1] *Коробейников Н.А.* Правосудие как объект уголовно-правовой охраны / Н.А. Коробейников // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 1. – С. 200. – Текст: непосредственный.

[2] *Анаич С.В.* Личность преступника как криминологическое основание формирования и применения институтов и норм уголовного права / С.В. Анаич // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. - 2019. - № 2. - С. 13. – Текст: непосредственный.

[3] Официальный сайт Главного информационно-аналитического центра МВД России. - URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 10.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Непеина Алёна Александровна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Морозов Роман Михайлович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Уголовно-процессуальный кодекс РФ устанавливает различные виды мер пресечения, которые имеют цель воспрепятствовать обвиняемому (подозреваемому) скрыться от дознания, органов предварительного следствия, судебного разбирательства и от приведения приговора в исполнение, воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу, продолжить заниматься преступной деятельностью.

Одним из видов мер пресечения является личное поручительство. Личное поручительство в уголовном процессе Российской Федерации охватывается более широким понятием поручительства.

На основании толковых словарей, общее понятие поручительства можно сформулировать следующим образом: поручительство – это обязательство, гарантия, принимаемые на себя одним лицом (поручителем) перед другим лицом в том, что третье лицо исполнит свои обязательства[1].

В контексте уголовного процесса, поручительство является мерой пресечения, где поручитель гарантирует надлежащее поведение подозреваемого/обвиняемого и его явку в суд, а в случае неисполнения этих обязательств несет ответственность, предусмотренную законом.

Поручительство в Российской Федерации кроме личного предусматривает также имущественное, общественное, должностное и законное поручительство. Все указанные виды поручительства в той или иной степени известны отечественному уголовно-процессуальному законодательству. Например, имущественное поручительство применялось вплоть до введения в действие УПК РСФСР 1960 г. Общественное поручительство (поручительство общественных организаций, поручительство общественных объединений) было известно советскому и российскому уголовно-процессуальному законодательству вплоть до введения в действие УПК РФ[2].

Действующим уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено три вида поручительства: личное, должностное и законное[3].

Личное поручительство предусмотрено ст. 103 УПК РФ. В соответствии с частью 1 данной статьи личное поручительство состоит в письменном обязательстве заслуживающего доверия лица о том, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств являться в назначенный срок по вызовам дознавателя,

---

[1] *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: АСТ, 2004. - URL: https://povto.ru/russkie/slovari/tolkovie/ushakova/tom-1/ushakov-tom-1_0001.htm?ysclid =mg5ngqz8wd174529493 (дата обращения: 02.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Орлов А.В*. Система мер пресечения в России: история становления и перспективы развития / А.В. Орлов // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 1 (32). – С. 87-88. – Текст: непосредственный.

[3] *Смирнов А.В*. Уголовный процесс: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция» / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под. общ. ред. А.В. Смирнова // 7-е изд., перераб. - Москва: Норма : ИНФРА-М, 2017. – С. 243. – Текст: непосредственный.

следователя и в суд, а также иным путем не препятствовать производству по уголовному делу.

Должностное же поручительство предусмотрено ст. 104 УПК РФ в виде наблюдения командования воинской части, которое применимо лишь по отношению к специальному субъекту - военнослужащим, которые проходят воинскую службу по призыву[1], а также к лицам, которые проходят военные сборы, и ст.105 УПК РФ в части присмотра за несовершеннолетними подозреваемыми или обвиняемыми со стороны должностных лиц специализированных детских учреждений.

Законное поручительство также предусмотрено ст. 105 УПК РФ, но в части присмотра за несовершеннолетними подозреваемыми или обвиняемыми со стороны родителей, опекунов и попечителей.

Все виды поручительства для подозреваемого (обвиняемого), по существу, являются более мягкими, чем подписка о невыезде, несмотря на то, что по порядку расположения в ст. 98 УПК РФ она стоит на первом месте как более мягкая мера пресечения[2]. Например, подписка о невыезде ограничивает конституционное право человека на свободу передвижения и выбора места жительства или места пребывания. Поручительство непосредственно никаких прав человека не ограничивает.

Основной особенностью данных мер пресечения, что облегчает их применение, является то, что в стадии предварительного расследования для их избрания дознавателю или следователю не нужно решение суда, ему лишь достаточно вынести постановление.

Институт поручительства тесно связан привлечением общественности к участию в борьбе с преступностью и представляет собой частный случай проявления тенденции на более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества.

При рассмотрении вопроса о поручительстве, необходимо проанализировать зарубежный опыт применения данного института и выделить его особенности, по сравнению с российской практикой.

Как показал проведенный анализ, уголовно-процессуальные кодексы почти всех стран СНГ сохранили поручительство в качестве меры пресечения. Исключение составляет УПК Кыргызской Республики, в котором в настоящее время применение поручительства предусмотрено только в отношении ребенка в рамках договора о выведении его из системы уголовного судопроизводства[3].

В отличие от отечественного уголовно-процессуального законодательства Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан кроме личного поручительства, отдачи несовершеннолетнего под присмотр; наблюдения командования за поведением военнослужащего содержит норму о поручительстве общественного объединения или коллектива. Так статья 252 закрепляет: «Общественное объединение или коллектив вправе принять решение о поручительстве в отношении лица привлеченного к участию в деле в качестве обвиняемого, подсудимого. Решение общественного объединения или коллектива излагается в виде письменного обязательства о том, что они ручаются за надлежащее поведение обвиняемого, подсудимого». Поручительство общественного объединения или коллектива должно быть основано на доверии данного коллектива к

---

[1] *Булатов Б.Б.* Меры пресечения в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. / Булатов Б.Б., Николюк В.В., Цоколова О.И. // М-во внутр. дел Рос. Федерации, Гос. учреждение «Всерос. НИИ». - Москва: ВНИИ МВД России, 2005. - С. 35. – Текст: непосредственный.

также см. *Алексеев А.И.* Вопросы применения наблюдения командования воинской части в отношении военнослужащих / А.И. Алексеев // Молодой ученый. - 2017. - № 13 (147). - С. 427. - Текст: непосредственный.

[2] *См. Кондрат И.Н.* Охрана прав участников уголовного процесса в досудебном производстве: международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации: автореф. дис... канд. юрид. наук. - Москва, 2013. – 34 с. – Текст: непосредственный.

[3] *Алексеева Е.С.* - Личное поручительство в системе мер пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве России и стран СНГ / Е.С. Алексеева, К.П. Федякин // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. - 2023. - № 4. - С. 144 - 145. – Текст: непосредственный.

лицу, в отношении которого возбуждено уголовное преследование. Эффективность этой меры пресечения находится в прямой зависимости от качества и активной воспитательной работы, проводимой среди членов коллектива, всестороннего знания своих работников, и возможности контролирования их поведения[1]. Общественное объединение или коллектив может давать поручительство лишь за обвиняемого, являющегося его членом. Этот вывод следует из положения о том, что дача общественного поручительства предполагает доверие к обвиняемому коллектива поручителя, которое формируется обычно в результате длительного и непосредственного общения членов организации с обвиняемым, знания его положительных деловых и личных качеств. Только при наличии постоянного контакта с обвиняемым, организация может видеть результаты своего поручительства, информировать о них судебно-следственные органы. Выбытие лица из состава организации - поручителя лишает последней возможности осуществлять возложенные на нее обязанности по обеспечению надлежащего поведения обвиняемого.

Если рассмотреть институт именно личного поручительства в зарубежном праве, то можно сделать вывод о том, что Уголовно-процессуальное законодательство некоторых стран СНГ в определенном смысле облегчает следователю задачу по выбору кандидатуры личного поручителя. Так, ст. 166.2 УПК Республики Азербайджан устанавливает, что личными поручителями могут выступать только заслуживающие доверия совершеннолетние граждане Азербайджанской Республики, заранее перечислившие в депозит суда в государственном банке штраф в размере пятьсот пятьдесят манат, который может быть взыскан с них в случае невыполнения ими принятого на себя обязательства.

Аналогичная норма, содержится в УПК Молдовы. Интересным видится формулировка требований к личным поручителям в законе данного государства: это заслуживающие доверия лица, которые ручаются своим авторитетом и вносимой денежной суммой за соответствующее поведение подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, включая соблюдение им общественного порядка, явку по вызову органа уголовного преследования или судебной инстанции, а также исполнение других процессуальных обязанностей (ст. 179).

То есть помимо того, что лицо по своим личным качествам должно заслуживать доверия со стороны лиц, ведущих производство по уголовному делу, надлежащее поведение обвиняемого дополнительно гарантируется вносимыми денежными средствами, которые могут быть обращены в доход государства в случае невыполнения принятого на себя обязательства.

В отечественном уголовно-процессуальном законодательстве также содержатся нормы об имущественной ответственности личного поручителя, однако денежное взыскание на него может быть наложено лишь после того как будет установлен факт невыполнения им своих обязательств. Вместе с тем, на наш взгляд, предварительное финансовое обеспечение личного поручительства является более эффективным с точки зрения гарантии обеспечения надлежащего поведения обвиняемого и дополнительно стимулирует личного поручителя ответственно подходить к взятым на себя обязательствам.

Но необходимо отграничивать имущественной ответственность личного поручителя и меру пресечения в виде залога: в случае применения личного поручительства сдерживающим фактором в поведении обвиняемого является моральная ответственность, а не возможность имущественных потерь. То есть суть воздействия лежит в морально-нравственной плоскости[2].

В соседней нам Республике Беларусь институт поручительства был реорганизован сравнительно недавно. На официальном правовом портале 14 апреля 2021 г. был

---

[1] *Тухташева У.А*. Уголовный процесс. Общая часть. Учебное пособие / У.А. Тухташева // Т.: Издательство ТГЮИ, 2007. – С. 241. - Текст: непосредственный.

[2] *Вдовцев П.В.* Залог или личное поручительство? / П.В. Вдовцев // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. - № 2 (20). - С. 85. - Текст: непосредственный.

опубликован указ № 122, согласно которому институт личного поручительства распространяется на случаи помилования осужденных[1].

Это означает, что помимо обвиняемых и подозреваемых поручительство может применяться и в отношении лиц, уже отбывающих наказание в следующих случаях:

1) при освобождении полностью или частично от отбывания как основного, так и дополнительного наказания;

2) замене наказания или его неотбытой части более мягким наказанием;

3) освобождении от наказания условно.

В соответствии с данным нормативным правовым актом для реализации поручительства обвиняемому или подозреваемому необходимо заручиться поддержкой минимум двух поручителей, которые, как и в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, должны обладать высоким уровнем надежности. Помимо прочего, следователь (дознаватель), осуществляющий расследование, обязан допросить поручителей в качестве свидетелей в целях установления данных и провести сбор характеризующего материала о поручителе[2].

В этой связи представляется верной позиция: «поручители должны сообщать такие обстоятельства, которые обосновывают их обязательство о том, что обвиняемый не будет чинить препятствий расследованию и рассмотрению дела судом, не станет заниматься преступной деятельностью»[3].

Анализ же наблюдения командования части в качестве меры пресечения требует отметить, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве не имеется перечня видов ограничений, применение которых допустимо по отношению к обвиняемому (подозреваемому) военнослужащему.

В разного рода научно-практических комментариях к УПК РФ их авторы указывают, что при применении данной меры пресечения к обвиняемому (подозреваемому) военнослужащему можно использовать следующие специальные ограничения: лишение права на ношение оружия; постоянное нахождение под наблюдением суточного наряда или своих начальников; установление запрета на направление на работы вне части в одиночном порядке, увольнение из части, на отпуск, на назначение в караул, на другие ответственные наряды; отстранение обвиняемого (подозреваемого) военнослужащего от управления транспортными средствами либо временное его устранение от исполнения иных специальных обязанностей[4].

Ни один другой ведомственный документ, принятый Минобороны РФ, не устанавливает порядка применения наблюдения командования воинской части и списка ограничений, которые налагаются на обвиняемых (подозреваемых) военнослужащих при исполнении данной меры пресечения.

---

[1] *Бакуменко А.А.* Господин поручитель (институт поручительства в уголовном процессе России) / А.А. Бакуменко // Закон и общество: история, проблемы, перспективы: материалы XXV Межвуз. науч.-практич. конференции студентов и аспирантов. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет. - 2021. - С. 220. - Текст: непосредственный.

[2] *Савчук Т.А*. Личное поручительство: история, современное состояние и тенденции совершенствования уголовно-процессуального законодательства / Т.А. Савчук // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: сборник статей. Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2017. - С. 133. - Текст: непосредственный.

[3] *Зиновьева Е.С.* Институт поручительства в уголовном процессе зарубежных стран: особенности применения и перспективы использования в Российской Федерации / Е.С. Зиновьева // Вестник Уральского юридического института МВД России. - 2025. - № 1 (45). - С. 78. - Текст: непосредственный.

[4] *Безлепкин Б.Т*. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений и дополнений, внесенных Федеральными законами № 329-ФЗ, 331-ФЗ, 375-ФЗ: основные положения, дознание и предварительное следствие, производство по уголовным делам в судах, исполнение приговоров, реабилитация невиновных, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства / Б.Т. Безлепкин // Изд. 14-е. - Москва: Проспект, 2017. – С. 207. - Текст: непосредственный.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Армения подобные ограничения устанавливает непосредственно в законе. В соответствии с ч. 4 ст. 149 УПК Армении обвиняемый или подозреваемый военнослужащий, по отношению к которому применена мера пресечения в виде наблюдения командования воинской части, не может быть назначен в караул и для несения боевого дежурства, он также лишается права на ношение оружия в мирное время; кроме того, военнослужащий, не являющийся офицером или унтер-офицером, в одиночестве не может быть направлен за пределы воинской части. Аналогичный подход применяется в уголовном судопроизводстве Республики Азербайджан.

В соответствии с УПК РФ присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым состоит в обеспечении его надлежащего поведения, родителями, опекунами, попечителями или другими заслуживающими доверия лицами, а также должностными лицами специализированного детского учреждения, в котором он находится, о чем эти лица дают письменное обязательство.

Так, в России основной целью отдачи несовершеннолетнего под присмотр является обеспечение его явки в орган предварительного расследования или суд, а также в контроль за его надлежащим поведением[1]. Вместе с тем, представляется, что целью работы с несовершеннолетними преступниками выступает не только их наказание за совершенное деяние, сколько их перевоспитание. Представляется, что меры пресечения присмотра за несовершеннолетним не преследует указанной цели. Этому свидетельствует, как отсутствие критериев для определения лиц, которым несовершеннолетний может быть отдан под присмотр. А вместе с тем, например, родители несовершеннолетнего могут вести аморальный образ жизни, и в целом не могут достигнуть цели присмотра[2].

В данном случае представляется интересной для изучения норма Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, которая предусматривает, что в случаях, когда несовершеннолетний подозреваемый по условиям жизни и воспитания не может быть оставлен в прежнем месте жительства, он по постановлению органа, ведущего уголовный процесс, при участии органов опеки и попечительства может быть помещен для проживания на период производства по уголовному делу в организацию, осуществляющую в соответствии с законом функции по защите прав ребенка, или отдан под патронат. Должен быть установлен приоритет воспитания над наказанием, а также определена необходимость учитывать в процессе судопроизводства особенности физического и душевного состояния несовершеннолетних преступников. То есть определить то, в каких условиях данная мера пресечения будет иметь максимальный результат для несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого.

Проведенное исследование института поручительства позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Поручительство как мера пресечения (ст. 103–105 УПК РФ) представляет собой гарантию надлежащего поведения подозреваемого/обвиняемого со стороны поручителя, без прямого ограничения конституционных прав (в отличие от подписки о невыезде). Оно включает три вида: личное (от заслуживающего доверия лица), должностное (наблюдение командования воинской части или должностных лиц детских учреждений) и законное (присмотр родителей/опекунов за несовершеннолетними). Эта мера облегчает участие общественности в борьбе с преступностью и не требует судебного решения на стадии предварительного расследования.

2. В России поручительство эволюционировало от имущественного и общественного (до УПК РФ 2001 г.) к современным формам. Зарубежный опыт (страны

[1] *Хвостова А.В.* Проблемы применения мер пресечения к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым / А.В. Хвостова // Вестник БелЮИ МВД России. - 2021. - № 4. - С. 98-99. – Текст: непосредственный.

[2] *Ибатуллина Э.Р.* Отечественный и зарубежный опыт применения мер пресечения, избираемых в отношении несовершеннолетних / Э.Р. Ибатуллина // Вестник магистратуры. - 2022. - №10-2 (133). - С. 22-23. – Текст: непосредственный.

СНГ) показывает сохранение института в большинстве случаев, но с вариациями: исключение в Кыргызстане (только для детей в альтернативных процедурах), общественное поручительство в Узбекистане, предварительное финансовое обеспечение в Азербайджане и Молдове, расширение на осужденных в Беларуси, конкретные ограничения для военных в Армении и Азербайджане, акцент на воспитание несовершеннолетних в Казахстане. Это подчеркивает, что российское регулирование базируется на советском наследии, но уступает в эффективности и детализации некоторым зарубежным аналогам.

3. Поручительство мягче других мер, стимулирует моральную ответственность, но в России нет конкретных критериев для поручителей, ограничений для военного и воспитательного акцента для несовершеннолетних. Зарубежный опыт демонстрирует более эффективные гарантии (финансовые, воспитательные), что повышает надежность меры. Институт поручительства в РФ нуждается в модернизации для повышения эффективности, с учетом положительного опыта СНГ, чтобы лучше обеспечивать явку, предотвратить преступления и способствовать перевоспитанию.

4. На основе зарубежного опыта предлагаю следующие изменения в УПК РФ и практике его применения. Эти предложения направлены на повышение эффективности поручительства, усиление гарантий и учет специфики субъектов, с сохранением гуманистического подхода.

Изменения в законодательстве по личному поручительству (ст. 103 УПК РФ).

Ввести требование предварительного финансового обеспечения поручительства (аналогично Азербайджану и Молдове): поручитель должен внести фиксированную сумму (например, эквивалент минимального штрафа) на депозит суда до избрания меры. Это стимулирует ответственность поручителя и отличает меру от залога, сохраняя морально-нравственный акцент. В случае нарушения — взыскание в доход государства. Это повысит доверие к мере и снизит риски уклонения обвиняемого.

Установить минимальное количество поручителей (не менее двух, как в Беларуси) для усиления коллективной гарантии, особенно для тяжких преступлений.

Изменения по должностному поручительству для военнослужащих (ст. 104 УПК РФ).

Дополнить статью перечнем конкретных ограничений, применяемых к обвиняемому военнослужащему (как в Армении и Азербайджане): запрет на ношение оружия в мирное время, несение караула или боевого дежурства, одиночные выезды за пределы части, управление транспортными средствами. Это устранит пробел в регулировании и обеспечит единообразие практики.

Обязать Минобороны РФ принять ведомственный акт с детальным порядком применения наблюдения командования, включая мониторинг и отчетность перед следственными органами.

Изменения по присмотру за несовершеннолетними (ст. 105 УПК РФ).

Ввести критерии отбора лиц для присмотра (родители, опекуны): учитывать их образ жизни, отсутствие судимостей и способность к воспитанию (критика статьи по отсутствию таких норм). Если условия неприемлемы - разрешить размещение в специализированных организациях по защите прав ребенка или под патронат (как в Казахстане), с приоритетом перевоспитания над наказанием.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН

Овсянникова Ирина Сергеевна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попаденко Елена Викторовна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Институт прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон имеет глубокие исторические корни и прошёл долгий путь становления и развития. Первые упоминания об освобождении от ответственности и наказания встречаются задолго до крещения Руси – вместе с первыми зачатками отечественного уголовного процесса. Идеи добра, гуманности и справедливости были важны для наших предков и, как следствие, оказывали влияние на формирование правовых норм, начиная с договоров славянских князей с Византией и первых редакций «Русской правды» X века и заканчивая Уставом уголовного судопроизводства 1864 года и проектом Уголовного уложения 1903 года[1].

Однако важно различать социальную практику примирения и юридический институт как элемент системы публичного уголовного преследования. Данная работа посвящена именно становлению института, то есть моменту, когда примирение сторон стало законным, регламентированным и контролируемым основанием для прекращения уголовного дела в рамках современного процессуального порядка.

Наиболее значимым законодательным актом Древнерусского государства была «Русская правда». В этом источнике впервые была отражена возможность примирения сторон: лицо, лишившее жизни другого человека, могло быть привлечено к головничеству — «плате за голову»[2]. Примирение выражалось и в других формах: виновный в причинении смерти платил виру (штраф) и возмещал ущерб родственникам убитого, тем самым избавляясь от кровной мести. Были и другие случаи примирения с потерпевшим при наличии его согласия, однако формы такого примирения законом не регламентировались.

Особое значение имеет также Псковская судная грамота, которая допускала прекращение процесса по желанию одной из сторон. Стороны могли заключить соглашение как напрямую, так и через посредника. Условием примирения было возмещение ущерба и просьба о прощении.

Итогом всех исторических предпосылок развития правовых норм стало принятие Судебника 1497 года, в котором впервые было закреплено основание для прекращения дела – примирение сторон. При этом каких-либо ограничений по составам преступлений не предусматривалось. В Судебнике 1550 года появилось дополнение: примирение могло состояться на этапе подачи жалоб судье, но до того, как стороны были переданы

[1] *Пеннер А.Я.* Становление и развитие уголовного – процессуального института прекращения уголовного дела и уголовного преследования / А.Я. Пеннер // Публичное и частное право. - 2014. - № 1. - С. 129. – Текст: непосредственный.

[2] *Кабельков С.Н.* Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям, не исключающим производство по делу: дисс. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. - С. 36. – Текст: непосредственный.

приставу[1]. Важно отметить, что по обоим Судебникам примирение допускалось до начала судебного разбирательства, что подчёркивало частноправовой характер данных отношений.

Таким образом, в допетровский период речь шла не об институте в современном понимании, а о социальной практике урегулирования конфликтов, основанной на компенсации и добровольном согласии. Публичное уголовное преследование отсутствовало, и государство не выступало в роли субъекта обвинения.

В XVIII — первой половине XIX века, в условиях усиления абсолютизма и централизации государственной власти, практика примирения как основание прекращения дела фактически исчезает из законодательства. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, регулировавшее уголовную ответственность до 1917 года, не содержало норм, допускающих примирение в делах публичного обвинения. Государство рассматривало преступление исключительно как посягательство на общественный порядок, что исключало возможность частного урегулирования.

Большим шагом в развитии правового регулирования стало принятие в 1864 году Устава уголовного судопроизводства. В одной из его статей содержались основания, по которым уголовное преследование не начиналось или прекращалось, в том числе «примирение с обиженным». Однако понятийный аппарат того времени был сформулирован весьма расплывчато. Размытые и поверхностные формулировки создавали трудности в правоприменении и могли приводить к произвольным решениям.

Начиная с 1917 года все органы юстиции находились в подчинении партийно-государственных структур. Тем не менее Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года сохранил основание «примирение обвиняемого с потерпевшим по делам, возбуждаемым не иначе как по жалобе потерпевшего»[2]. Как отмечает Ю. В. Кувалдина, статья 4 УПК РСФСР 1922 года устанавливала возможность прекращения дела, возбужденного по жалобе потерпевшего, в случае примирения до вступления приговора в законную силу[3].

Однако в 1930–1950-е годы, в условиях укрепления тоталитарного режима и идеологизации права, институт примирения был практически вытеснен из уголовного процесса. Акцент делался на классовой борьбе и репрессивных мерах. Даже по делам частного обвинения примирение рассматривалось с подозрением как проявление «буржуазного индивидуализма».

Конец 1950-х — 1960-е годы ознаменовались принятием целого ряда важных нормативных актов, в том числе Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 года. В этот период наметилась общая тенденция к гуманизации уголовно-процессуального законодательства[4]. Период «оттепели» привёл к расширению оснований для прекращения уголовного преследования, в том числе за отсутствием события или состава преступления, что было включено в число реабилитирующих оснований. Государство активно вмешивалось в личную жизнь граждан. Одним из проявлений этого стало создание примирительных комиссий, которые собирали информацию о конфликтующих сторонах и пытались их примирить. Однако их деятельность ограничивалась делами частного обвинения.

---

[1] *См.:* Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. - С. 57 - 177. – Текст: непосредственный.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25.05.1922 // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР, июнь 1922 года, № 20-21, ст.230.

[3] *Кувалдина Ю.В*. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. - С 41. – Текст: непосредственный.

[4] Закон СССР «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства ССР и союзных республик» от 25.12.1958 г. (вместе с Основами законодательства) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 23.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Таким образом, институт примирения как основание для прекращения дела публичного обвинения в советский период не существовал. Государство рассматривало преступление как посягательство на общественный порядок, а не на частные интересы, поэтому примирение сторон не могло служить основанием для прекращения дела по большинству преступлений.

Сравнивая с действующим законодательством, следует отметить, что статья 76 Уголовного кодекса Российской Федерации «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» впервые появилась в истории российского уголовного законодательства только в УК РФ 1996 года. Этот кодекс заменил собой УК РСФСР 1960 года и значительно расширил основания для освобождения от уголовной ответственности. Немаловажную роль в этом сыграл опыт зарубежных стран. В частности, законодатель предусмотрел в качестве одного из таких оснований примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Порядок прекращения уголовного дела по данному основанию регулируется статьёй 25 УПК РФ, что обеспечивает оптимальную модель соотношения материально-правовых и процессуальных норм.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 29 июня 2010 г. № 17 указал, что по делам публичного и частно-публичного обвинения о преступлениях небольшой и средней тяжести обязательными условиями для прекращения уголовного дела являются: совершение преступления впервые; заявление потерпевшего о примирении; заглаживание причинённого вреда[1].

Суд обязан всесторонне исследовать характер и степень общественной опасности содеянного, данные о личности подсудимого и иные обстоятельства дела.

Таким образом, именно в 1996–2001 гг. произошло юридическое становление института: он получил:

- чёткие материально-правовые условия (ст. 76 УК РФ);
- установленную процессуальную процедуру (ст. 25 УПК РФ);
- судебный контроль за добровольностью и законностью;
- ограничения по категории преступлений (только небольшой и средней тяжести).

Это отличает современный институт от всех предшествующих форм примирения, которые носили частный, неофициальный или ограниченный характер.

Таким образом, институт прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон как юридическая категория сформировался в постсоветский период – в 1996–2001 гг., с принятием УК РФ и УПК РФ. Несмотря на то, что практика примирения существовала ещё в Древней Руси, она не являлась институтом в современном понимании, поскольку отсутствовали публичное обвинение, чёткие процессуальные гарантии, ограничения по тяжести преступлений и судебный контроль.

Исторический путь института не был линейным: от частноправовых урегулирований в допетровскую эпоху – к полному отрицанию в сталинский период – и к системному восстановлению в условиях правового государства. Лишь в постсоветской России примирение сторон стало законным, регламентированным и контролируемым основанием для прекращения уголовного дела.

Совершенствование института продолжается и сегодня и находится в неразрывной связи с развитием отечественной юридической науки, которая исследует как фундаментальные, так и прикладные аспекты прекращения уголовного преследования, включая проблемы добровольности примирения, злоупотреблений и обеспечения баланса между интересами личности и общества.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (ред. от 16.05.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 9, сентябрь, 2010.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО, СОПРЯЖЕННОЕ С ИНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Панин Иван Николаевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Петрова Ирина Александровна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Убийство, сопряженное с совершением иного преступления, представляет повышенную общественную опасность, так как посягает одновременно на несколько охраняемых законом объектов. В статье анализируется эволюция отечественного законодательства за данные преступления с IX по XXI век, а также проводится сравнительно-правовой анализ с зарубежными правовыми системами (Англия, Германия, Франции).

В древнерусском государстве происходит зарождение идеи об особой опасности комплексных преступлений, в частности об убийствах, сопряженных с иными преступлениями. Хотя «Русская Правда», датированная XI веком, прямой нормы о сопряженности не содержит, но в ней была установлена двойная «вира» (штраф) за убийство «княжа мужа» при исполнении обязанностей (т.е. убийство, которое сопряжено с посягательством на власть)[1]. Убийство в «разбое» уже выделялось как более опасное, чем убийство в «сваде» (драке) или совершенное «на пиру».

Псковская судная грамота (1397-1467 гг.)[2] прямо устанавливала высшую меру наказания – «выдать князю голову» (смертная казнь) за убийство, совершенное в ходе разбоя. Это первый в русском праве пример законодательного закрепления повышенной ответственности за убийство, сопряженное с другим тяжким преступлением против собственности.

В период становления Московского государства (XV–XVII вв.) происходит институционализация «лихого дела». Судебник 1497 г. вводил смертную казнь для «ведомого лихого человека», совершившего убийство в сочетании с татьбой (кражей) или разбоем[3]. Тоже самое было присуще и Уставной книге разбойного приказа (1555-1631 гг.), содержащей положение о том, что если «на том разбою убийство или пожег дворовый или хлебный был и тех казнить смертью». При этом убийство зачастую приравнивалось к разбойнику, бывшему в трех разбоях. Судебник 1550 года также содержал положения о сопряженности убийства с разбоем и содержал следующую норму: «А побьютца на поле в пожеге, или душегубстве, или в разбое, или в татьбе...».

Соборное уложение 1649 г. устанавливало, что убийство, совершенное в разбое, каралось смертной казнью «безо всякия пощады», без возможности выкупа. Убийство при «насильстве» (включавшем сексуальное насилие) также влекло смертную казнь.[4][5]

---

[1] *Юшков С.В.* Памятники русского права. Вып. 1 / под ред. С.В. Юшкова // М.: Госюриздат, 1952. – С.287. – Текст: непосредственный.

[2] *Алексеев Ю.Г.* Псковская судная грамота / подг. текста Ю.Г. Алексеев // СПб.: Наука, 1997. – С.146. – Текст: непосредственный.

[3] Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1985. – С. 520. – Текст: непосредственный.

[4] *Маньков А.Г.* Соборное уложение 1649 г.: Текст, комментарии / под ред. А.Г. Манькова // Л.: Наука, 1987. – С. 448. – Текст: непосредственный.

Термин «лихое дело» стал юридической категорией для преступлений, сочетающих насилие, корысть и повторность[1].

В эпоху Российской Империи (XVIII–XIX вв.) осуществлена систематизация и криминологическое обоснование опасности сопряженных убийств. Артикул воинский Петра I (1715 г) ввел понятие «злодейского убийства», включавшего предумышленное убийство, сопряженное с грабежом, изнасилованием. Наказание – квалифицированная смертная казнь (колесование, четвертование)[2]. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г., в ред. 1885 г.) прямо выделяло квалифицированные виды убийства, включая:

- убийство, сопряженное с разбоем, грабежом или изнасилованием;
- убийство при похищении человека.

Наказанием была смертная казнь или бессрочная каторга[3].

Н.С. Таганцев в труде «Русское уголовное право» 1874 года обосновал повышенную опасность убийств, сопряженных с иными преступлениями, из-за множественности объектов посягательства (жизнь и собственность, половая свобода) и «озлобленного состояния» преступника[4].

В начале советского периода (1917–1991 гг.) устраняется дореволюционная дифференциация сопряженности убийств. Статья 136 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года предусматривала ответственность за убийство с квалифицирующими признаками однако сопряженность с иными преступлениями отсутствовала.

УК РСФСР 1960 г. частично восстановил данный недостаток. Статья 102 предусматривала возможность квалификации по пункту «е»: убийство, сопряженное с изнасилованием. В качестве наказания применялась смертная казнь или 8–15 лет лишения свободы. Это стало шагом к возрождению дореволюционного подхода.

Действующий же УК РФ содержит следующие виды убийств, сопряженных:

- с похищением человека;
- с разбоем, вымогательством или бандитизмом;
- с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера.

Данные преступления наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью.

Однако необходимо учитывать разъяснения Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. N 1, который указывает на то, что при сопряженном убийстве действия виновного должны квалифицироваться по ч. 2 ст. 105 УК РФ в совокупности со статьями УК, предусматривающими ответственность за разбой, вымогательство или бандитизм, похищения человека, изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера.

Можно сделать вывод, что на данный момент в отечественном уголовном законодательстве сопряженность одна из наиболее опасных форм преступных деяний, которая непосредственно влияет на квалификацию и усиливает наказание.

Регулирование убийств, совершенных в связи с другими преступлениями (сопряженных убийств), является сложным аспектом уголовного права, где правовые

---

[5] *Маньков А.Г.* Уложение 1649 года – кодекс феодального права России / А.Г. Маньков // Л.: Наука, 1980. – С. 273. – Текст: непосредственный.

[1] Нерсесянц В.С. Развитие русского права в XV-XVII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц // М.: Наука, 1986. – С. 288. – Текст: непосредственный.

[2] *См.:* Артикул воинский 1715 г. // Законодательство Петра I. – М.: Юридическая литература, 1997. – С. 170 - 257. – Текст: непосредственный.

[3] *См.* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (изд. 1885 г.) // СПб., 1885. – 892 с. – Текст: непосредственный.

[4] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. Т. 2 / Н.С. Таганцев // М.: Наука, 1994. – С. 393. - Текст: непосредственный.

системы по-разному решают вопрос усиления ответственности. Основные подходы включают квалификацию как особо тяжкого вида убийства или учет сопряженности как ключевого отягчающего обстоятельства при назначении наказания. Рассмотрим опыт Англии, Германии и Франции.

Английское право не выделяет формально отдельного состава «квалифицированного убийства», сопряженного с другим преступлением. Все умышленные убийства (murder) караются обязательным пожизненным заключением. Однако сопряженность с иным тяжким преступлением (например, разбоем, изнасилованием, поджогом) является одним из важнейших отягчающих обстоятельств (aggravating factors) при назначении наказания и определении минимального срока тюремного заключения до возможности условно-досрочного освобождения[1]. Убийство при совершении других тяжких преступлений автоматически попадает в категорию особой тяжести. Закон о правосудии и иммиграции 2008 года[2] и Рекомендации по назначению наказаний (Sentencing Guidelines) детализируют учет сопряженности с другими преступлениями как отягчающий фактор.

Германское уголовное право[3] прямо выделяет «убийство» (Mord) как особо тяжкую форму умышленного лишения жизни по сравнению с «убийством по человеческим мотивам» (Totschlag). Квалифицирующим признаком убийства (Mordmerkmal) является, в частности, совершение деяния «с целью облегчить или сделать возможным совершение другого преступления или сокрытие его следов» («um eine andere Straftat zu ermöglichen oder zu verdecken»). Это охватывает ситуации, когда убийство совершается для облегчения или сокрытия разбоя, изнасилования, похищения человека, террористического акта и т.д. Например, убийство кассира при ограблении банка или убийство свидетеля изнасилования будет квалифицировано как Mord, влекущее пожизненное лишение свободы. Совершение самого сопутствующего преступления (например, разбоя) образует совокупность преступлений.

Французское уголовное право использует концепцию отягчающих обстоятельств (circonstances aggravantes) для усиления ответственности за умышленное убийство. В УК Франции прямо устанавлено, что умышленное убийство является отягченным (punissable de la réclusion criminelle à perpétuité), если оно совершено, в частности: «с целью подготовить или облегчить совершение проступка или преступления, либо облегчить бегство или обеспечить безнаказанность исполнителя или соучастника проступка или преступления» и «сопряжено с другим преступлением». Это охватывает убийства, совершаемые для сокрытия кражи, изнасилования или убийства, совершенные одновременно с другим тяжким преступлением. Отдельные статьи предусматривают отягчение за убийство в связи с похищением человека или террористическим актом. Совершение самого сопутствующего преступления (например, изнасилования) образует совокупность преступлений (concours d'infractions).

Несмотря на различия в юридической технике, правовые системы Англии, Германии и Франции единодушно признают повышенную общественную опасность убийств, сопряжённых с иными преступлениями, и предусматривают за них наиболее суровые санкции.

[1] Sentencing Council, Sentencing Guidelines for Murder.

[2] Criminal Justice and Immigration Act 2008, c.4. – URL: https://www.lexisnexis.co.uk/legal/legislation/uk-parliament-acts/criminal-justice-and-immigration-act-2008-c4 (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Germany: Strafgesetzbuch (StGB). § 211. – URL: https://www.strafgesetzbuch-stgb.de/stgb/211.html (дата обращения: 16.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

АМНИСТИЯ И ПОМИЛОВАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Пашков Артём Владимирович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Колпакова Людмила Алексеевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Институты амнистии и помилования традиционно рассматриваются как специфические формы высшей меры уголовно-правового снисхождения. С одной стороны, они отражают идею государственного милосердия, с другой – служат социально-политическим целям (например, стабильности или реабилитации). В отечественном праве амнистия и помилование закреплены законодательством: Уголовный кодекс РФ (ст. 84–85) и Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ст. 50, 176) определяют процедуры их применения. Эти институты исторически развивались на разных юридических традициях – в России с монархическим наследием и советскими особенностями, на Западе – в рамках конституционных республик и королевств.

История амнистии уходит корнями в античные традиции. Уже в Древнем Риме существовали акты аболиции (прекращение судебного преследования) и индульгенции (полная или частичная отмена наказания) по решению народа или сената[1]. На Руси понятие «амнистия» не использовалось до Нового времени, однако широко применялись акты милости — помилования («проща́ния») осуждённых лиц. Так, с XVI в. в Московском государстве вводились ежегодные помилования, приуроченные к праздникам или событиям («пасхальное прощение» по решению Стоглавого собора 1551 г. освобождало заключённых за мелкие преступления[2]). Цари и императоры регулярно издавали милостивые манифесты: например, традиция коронационных амнистий была известна при Борисе Годунове и Петре I («Манифест Петра I о прощении всем каторжным» заменял некоторым осуждённым смертную казнь на пожизненную ссылку)[3]. Таким образом, в дореволюционной России право освобождать от наказания прочно было связано с прерогативой монарха – помилования выдавались индивидуально или по категориям (как правило, за малозначительные преступления и по случаю царской милости)[4]. Института амнистии в современном понимании ещё не сложилось: масштабных всеобщих амнистий практически не практиковалось, а освобождение часто оформлялось как частичное смягчение приговора.

Ситуация кардинально изменилась в XX веке. Первым настоящим актом об амнистии в российской истории считается указ Временного правительства от 6 марта 1917 г., которым была объявлена широкая политическая амнистия всем лицам, осуждённым за политические деяния. Впоследствии Советская власть активно использовала амнистии как инструмент уголовно-политической политики. За весь советский период было издано

[1] *Саркисов Ю.А*. Право Российской Федерации: учеб. пособие / Ю.А. Саркисов. – М : Юрлитинформ, - 2012. - С. 276. – Текст: непосредственный.
[2] *Петров И.В.* История амнистий в России: Сб. ст. / отв. ред. И.В. Петров. – Санкт-Петербург: Наука, 2018. - С. 420. – Текст: непосредственный.
[3] *Саркисов Ю.А.* Международное уголовное право: учеб. пособие / Ю.А. Саркисов. – М.: Норма, 2015. - С. 168. – Текст: непосредственный.
[4] *См. Скецин Д.А.* Анализ дореволюционного уголовного законодательства: дис. … канд. юр. наук. Тольятти: ТЛГТУ, 2021. - 198 с. – Текст: непосредственный.

более 20 актов об амнистии (в частности, в 1918, 1925, 1953 и 1970 (70-летие Октября) гг.), тогда как акты о помиловании являлись скорее единичными. В конституциях СССР и РСФСР 1977–1978 гг. впервые были закреплены правовые основы амнистии и помилования как равноправных институтов освобождения от наказания[1][2]. В постсоветской России практика амнистий сохранилась: приемлемыми стали ежегодные или юбилейные амнистии в отношении отдельных категорий осуждённых (инвалидов, многодетных и т.п.). Одновременно продолжилось применение институтов помилования: по Уголовному кодексу президент РФ может смягчить или отменить наказание конкретного осуждённого[3].

За рубежом институты помилования и амнистии также имеют долголетнюю историю. В монархических странах Европы «право помилования» традиционно относилось к прерогативе монарха (короля, императора) по смягчению или отмене приговора: например, английская система (позднее перенесённая в колонии) предусматривала королевское прощение осуждённых «под большой печатью», не подлежащее пересмотру парламентом[4]. Многие колонии Британии (включая будущие США) унаследовали эту практику, делегируя полномочия по помилованию либо губернаторам, либо парламентам (в штатах США). В США конституционная норма (ст. II, разд. 2) закрепила исключительно за президентом «полное помилование» федеральных преступников. На практике американские президенты активно пользовались этим правом (например, президент Дж. Форд в 1974 г. помиловал бывшего президента Р. Никсона). Одновременно при федеративном строе США предусмотрены и губернаторские помилования по делам штата.

В республиканской Европе механизмы различаются. Так, во Франции амнистия обычно объявляется парламентом, а президент лишь утверждает её; президент обладает ограниченным правом индивидуального помилования. В некоторых странах, напр. Швеции или Норвегии, полномочия по решению вопросов помилования переданы правительству (например, канцлеру или специальному совету)[5]. В целом же практика зарубежных стран свидетельствует о значительном разнообразии: институт помилования может требовать согласия суда или парламента (Португалия, Финляндия), иметь консультативные советы при главе государства (как в США) или вообще быть приостановлен (Китай)

С юридической точки зрения амнистия и помилование — разнородные по природе правовые акты. Амнистия обычно представляет собой нормативный акт (федеральный закон или указ парламента) общего характера, направленный на освобождение неопределённого круга лиц от уголовной ответственности или наказания. При амнистии закон «не знает» конкретных лиц: ее действие распространяется на категории осуждённых (по возрасту, состоянию здоровья, по видом преступления или обстоятельствам его совершения). Напротив, помилование — это персональный акт милосердия главы государства (президента или монарха), применяемый к конкретному осуждённому. Помилование основано на личной или общественной убедительности случая, часто по инициативе самого осуждённого (он подаёт прошение). Как отмечают правоведы, «помилование не обращается в закон, оно составляет изъятие из закона», то есть по существу представляет собой исключение из применённой к лицу нормы наказания.

---

[1] *Саркисов Ю.А.* Международное уголовное право: учеб. пособие / Ю.А. Саркисов. – М.: Норма, 2015. - С. 189. – Текст: непосредственный.

[2] *Скецин Д.А*. Дореволюционное уголовное право России: автореф. дис. … канд. юр. наук. Тольятти, 2021. - С. 15. – Текст: непосредственный.

[3] *См. Иванова М.Ю*. Помилование в российском праве: проблемы и перспективы / М.Ю. Иванова // Юридический вестник. - 2024. - № 3. - С. 45 – 52. - Текст: непосредственный.

[4] *См. Петров А.В*. Монаршее право миловать в исторической перспективе / А.В. Петров // Вопросы уголовного права. - 2020. - № 8. - С. 17 – 23. – Текст: непосредственный.

[5] *См. Сидоров И.П.* Гарантии прав осуждённых при помиловании / И.П. Сидоров // Журнал российского права. - 2024. - № 6. - С. 60 – 65. - Текст: непосредственный.

Амнистия, напротив, по своей сути — это отказ государства от дальнейшего применения репрессивных мер в отношении определённых лиц.

Таким образом, ключевые различия рассмотренных институтов состоят в следующем. Полномочия: амнистию объявляет обычно законодатель (Государственная Дума), а помилование – глава государства (президент или монарх). Объект и эффект: акт амнистии затрагивает категорию лиц, освобождает их от ответственности/наказания или смягчает его, влечет отмену судимости; акт помилования смягчает или отменяет наказание конкретному осуждённому. Этапы применения: амнистия может применяться на любой стадии уголовного процесса, тогда как помилование имеет место исключительно после вступления приговора в законную силу. Инициатива: амнистия принимается по усмотрению государства (обычно к памятным датам, юбилеям побед), а помилование – исключительно по индивидуальному ходатайству осуждённого или его представителей. Правовая природа: ученые полагают, что амнистия по большей части носит социально-политический характер, тогда как помилование, являясь «межотраслевым» институтом, затрагивает конституционные, уголовные и уголовно-исполнительные нормы.

В России институты амнистии и помилования регулируются комплексно. Законодательство (УК и УПК РФ) определило рамки амнистии (индивидуально-неопределённый круг лиц, объявления Государственной Думой, с возможностью полного или частичного освобождения от наказания). Помилование же закреплено в УПК РФ (ст. 50) и УК РФ (ст. 85) за Президентом РФ: по закону он может «освободить от дальнейшего отбывания наказания», «сократить или заменить его более мягким видом» либо снять судимость после отбытия наказания. Фактически процедура помилования формализована в УИК РФ (ст. 176): после вынесения приговора осуждённый может подать письменное ходатайство о помиловании, это ходатайство направляется в администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание, либо в следственный изолятор, далее оно передаётся в территориальный орган уголовно-исполнительной системы, который направляет материалы в комиссию по вопросам помилования на территории субъекта Российской Федерации, комиссия рассматривает ходатайство и выносит заключение о целесообразности применения акта помилования, затем материалы передаются высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (губернатору), который, при положительном заключении, направляет Президенту Российской Федерации представление о целесообразности применения акта помилования. Практика показывает, что президент рассматривает лишь малую долю поступающих прошений; количество фактически помилованных сравнительно невелико (десятки человек в год), причем среди них — часто пожилые, больные, или те, у кого решено снизить срок наказания из гуманитарных соображений. Амнистии в современной России, как правило, носят ограниченный характер (программа амнистии 2013 г. по случаю 20-летия Конституции – одна из самых крупных), а их применение регламентировано федеральными законами. По мнению юристов, амнистия «не должна быть инструментом произвольной снисходительности» и не может применяться к лицам, совершившим особо тяжкие преступления (что принципиально и закреплено в тексте УК РФ для амнистии)[1].

За рубежом практика правоприменения в целом соответствует конституционным моделям. В США президент обладает исключительным правом помилования за федеральные преступления (в дополнение к помилованиям на уровне штатов, осуществляемым губернаторами). Федеральный офис по помилованию (при Минюсте) анализирует прошения осуждённых; президенты, как правило, милуют лишь невинно осуждённых или раскаявшихся законопослушных граждан. Так, по данным на 2021 год, с 1900 г. американские президенты в общей сложности помиловали более 22 000 человек, из них наибольшее число приходилось на администрацию Б. Обамы (1715 чел.), тогда как

[1] *Саркисов Ю.А.* Право Российской Федерации: учеб. пособие / Ю.А. Саркисов. – М.: Юрлитинформ, 2012. - С. 204. – Текст: непосредственный.

Д. Трамп помиловал 144 человека. В Европейском союзе и странах Совета Европы институты помилования обычно сохраняются, но акцент смещается в сторону судебных процедур. Международные нормы (Конвенция ООН против пыток, решения Европейского суда) запрещают помилование лиц, совершивших особенно тяжкие преступления против человека, стимулируя страны использовать процедурные гарантии и правосудие вместо широких амнистий. Тем не менее нередки примеры коллективных помилований в постконфликтных ситуациях (Югославия, Восточный Тимор) или политических амнистий (ЮАР в период перехода к демократии). Во многих странах мандат главы государства по помилованию дополняют консультативные советы и обязательные запросы к судам (как, например, в Японии или США), что отражает баланс между милосердием и юридической обоснованностью.

В юридической литературе амнистии и помилования неоднозначно оцениваются с точки зрения их социальной роли. Положительные стороны их применения подчёркиваются в ситуациях, когда жесткое наказание может быть заменено на более гуманный акт: это способствует ресоциализации отдельных лиц и разгрузке пенитенциарной системы. Амнистии после войн или политических потрясений позволяют формально закрыть прошлое и создать условия для национального согласия. С другой стороны, ученые обращают внимание на риски злоупотребления этими институтами. Во-первых, непредсказуемость и иррациональность решений о помиловании (они принимаются «сверху» без ясных критериев) может подрывать доверие к судебной власти и принципам верховенства права. Во-вторых, амнистии зачастую критикуются за возможность предоставления «иммунитета» лицам, виновным в коррупции или серьезных преступлениях, что противоречит идее равенства перед законом. Именно поэтому в правовой науке высказываются предложения о ограничении применения амнистии узким перечнем преступлений или усилении контроля со стороны парламента и судов над актами помилования. Так, в решениях высших судов РФ уже обращается внимание, что акт помилования не должен ухудшать положение осуждённого по сравнению с приговором суда, а в конституциях ряда стран (например, Германии) закреплено право пострадавших иметь доступ к информации и участвовать в процессе рассмотрения прошения.

Таким образом, институты амнистии и помилования представляют собой сложное сочетание гуманитарных и правовых начал. В современной доктрине амнистия рассматривается преимущественно как социально-политический акт (призванный учесть новые обстоятельства после опубликования приговора), тогда как помилование – как проявление личного милосердия власти по отношению к конкретному человеку[1]. Несмотря на многообразие форм, ни амнистия, ни помилование не освобождают государство от ответственности по защите прав общества и жертв преступлений; напротив, их применение в демократических странах постепенно увязывается с прозрачностью процедур и соблюдением принципа правопорядка.

[1] *Саркисов Ю.А.* Право Российской Федерации: учеб. пособие / Ю.А. Саркисов. – М.: Юрлитинформ, 2012. - С. 208. – Текст: непосредственный.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ И (ИЛИ) ОБОРОТОМ АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

Плеханов Илья Сергеевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Красильникова Елена Валерьевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

В современной России существует острая необходимость в обеспечении рынка качественными и безопасными товарами. Решение этой задачи приобретает особую значимость, поскольку в условиях глобальной конкуренции увеличивается риск правонарушений, связанных с реализацией некачественной продукции. Это не только подрывает репутацию страны на международной арене, но и наносит ущерб национальной экономике, снижает приток иностранных инвестиций и отрицательно влияет на общее благополучие и здоровье населения.

Именно поэтому Федеральным законом от 26.07.2017 № 203-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УК РФ была включена статья 171.3 «Незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции», которая является специальной по отношению к ст. 171 «Незаконное предпринимательство».

До включения указанной нормы незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции квалифицировались как мошенничество (ст. 159 УК РФ), незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (ст. 171.1 УК РФ), контрабанда алкогольной продукции (ст. 200.2 УК РФ), производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ).

По мнению В.С. Денисова, к преступлениям в сфере производства и оборота алкоголя следует относить виновно совершенные общественно опасные деяния в сфере государственного регулирования производства и оборота алкогольной продукции, направленные против нормального функционирования экономики, установленного порядка управления и здоровья населения, которые запрещены уголовным законом под угрозой наказания[1].

Статья 171.3 УК РФ устанавливает ответственность за производство, закупку (в том числе импорт), поставки (в том числе экспорт), хранение, перевозки и (или) розничную продажу этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии в случаях, если такая лицензия обязательна, совершенные в крупном размере.

[1] *Денисов В.С.* Уголовная ответственность за незаконные производство и оборот алкогольной продукции: 12.00.08: дис. ... канд. юрид, наук // Москва, 2006. - С. 24. - URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003261982/ (дата обращения: 20.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Одной из проблем при квалификации указанного деяния является бланкетный характер анализируемой нормы. Для ее применения необходимо обращаться к правилам, установленным Федеральным законом от 22 ноября 1995 года № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее - Закон № 171-ФЗ). Согласно п. 2 ст. 18 лицензированию подлежат:

1) производство, хранение и поставки произведенного этилового спирта, в том числе денатурата;

2) производство, хранение и поставки произведенной алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции;

3) хранение этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции;

4) закупка, хранение и поставки алкогольной и спиртосодержащей продукции;

5) производство, хранение и поставки спиртосодержащей непищевой продукции;

6) розничная продажа алкогольной продукции;

7) перевозка этилового спирта (в том числе денатурата) и нефасованной спиртосодержащей продукции с содержанием этилового спирта более 25 процентов объема готовой продукции;

8) производство, хранение, поставки и розничная продажа произведенной сельскохозяйственными производителями винодельческой продукции.

Из толкования данной нормы, можно сделать вывод, что лицензированию подлежат все виды деятельности, связанные с оборотом алкогольной продукции.

В соответствии с п. 2 ст. 18 Закона № 171-ФЗ лицензия требуется только для деятельности, признаваемой предпринимательской, то есть осуществляемой самостоятельно, на свой риск и с целью систематического извлечения прибыли от использования имущества, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг (ст. 2 ГК РФ). Лицензируемая деятельность, в свою очередь, включает цикл действий, таких как покупка (или производство) и последующая продажа, направленные на получение прибыли.

Однако согласно комментируемой уголовно-правовой норме, перевозка или хранение алкогольной продукции, совершаемые в предпринимательских целях, без обязательной лицензии в крупном размере квалифицируется как преступление. К такому выводу приходит и правоприменитель. К примеру, в деле М. (2024 г.) Восьмой кассационный суд подтвердил обвинение по ч. 1 ст. 171.3 УК РФ за хранение и перевозку спиртосодержащей продукции без лицензии. Суд указал, что даже при отсутствии маркировки (что могло бы квалифицироваться по ст. 171.1 УК РФ) действия подпадают под ст. 171.3, так как лицензия была обязательна, а стоимость изъятой продукции превысила 100 тыс. руб. (крупный размер)[1].

Таким образом, следует поддержать мнение о том, что ответственность наступает исключительно за незаконный оборот продукции, направленный на получение прибыли без уплаты соответствующих налогов. В то же время такие действия, как приобретение и хранение алкогольной продукции в крупном размере для целей, не связанных с предпринимательской деятельностью, не образуют состава преступления.

В ситуациях, когда лицо систематически извлекает прибыль без регистрации или лицензии, либо с нарушением условий лицензии, правил регистрации, или с использованием заведомо ложных документов для регистрации, осуществляя производство или продажу товаров, выполнение работ или оказание услуг, не соответствующих требованиям безопасности, совершённое должно квалифицироваться по

[1] Кассационное постановление Восьмого Кассационного суда общей юрисдикции от 08 февраля 2024 года по делу №77-497/2024. - URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=28596687&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 20.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

правилам идеальной совокупности преступлений, предусмотренных статьями 171 и 238 УК РФ[1].

Еще до введения анализируемого состава, Б.В. Волженкин писал: «то, что субъект, не будучи зарегистрирован как предприниматель или не имея лицензии, стал заниматься производством (реализацией) алкогольной продукции, дает основание для вменения ст. 171 УК РФ, а то, что реализовывалась фальсифицированная продукция, — для вменения ст. 159 УК РФ»[2].

Р.М. Кравченко считает, что «при систематическом осуществлении таких преступных действий лицом без регистрации и/или без лицензии возможна квалификация деяний виновного по ст. ст. 171, 159 и 238 УК РФ. При этом квалификация хищений, совершенных путем обмана или злоупотребления доверием потребителя относительно стоимости работ или услуг, на которой, в том числе, отражается соблюдение соответствующих правил и требований безопасности, должна осуществляться с учетом правил квалификации хищений при их множественности»[3].

Итак, разногласия в вопросах квалификации указанных преступлений имели место до введения в УК РФ норм, устанавливающих ответственность за незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (ст. 171.3 УК РФ), а также за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 171.4 УК РФ).

Думается, что в настоящее время квалификация сбыта фальсифицированной алкогольной продукции путем обмана как мошенничество по ст. 159 УК РФ возможна только при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. ст. 171.3, 171.4 УК РФ.

Необходимо отметить, что квалификация закупки алкогольной продукции, ее перевозки и хранения, совершенных в целях сбыта, однако без самого факта сбыта в качестве оконченного преступления, ответственность за которое предусмотрена соответствующей частью ст. 171.3 УК РФ, не соответствует требованиям закона. Согласно действующей редакции ст. 171.3 УК РФ такие действия при доказанности умысла на сбыт (поставку или розничную продажу) могут квалифицироваться только как покушение на незаконный оборот алкогольной продукции, которое заключается, например, в закупке, хранении алкогольной продукции с целью ее поставки или розничной продажи (покушение на незаконный оборот «алкогольной продукции»). Как справедливо указывает Т.Г. Черненко, «покушение на преступление с формальным составом будет иметь место в том случае, когда выполнены не в полном объеме действия, входящие в объективную сторону преступления»[4].

Не менее важной проблемой, возникающей в процессе квалификации искомых деяний, является их разграничение с составом контрабанды алкогольной продукции (ст. 200.2 УК РФ).

В соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде», если лицо наряду с незаконным перемещением через таможенную границу Таможенного

---

[1] *Иванов И.Г.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с организованными преступными группами в сфере незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции: 12.00.08: дис. ... канд. юрид, наук // Москва, 2013. - С. 33. - URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01005545623 (дата обращения: 20.09.2025). - Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст: электронный.

[2] *Волженкин Б.В.* Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России / Б.В. Волженкин // Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2007. - С. 763. – Текст: непосредственный.

[3] См. об этом подробнее: *Кравченко Р.М.* Особенности квалификации небезопасного выполнения работ и оказания услуг при осуществлении незаконной предпринимательской деятельности / Р.М. Кравченко // Российский судья. - 2017. - № 9. - С. 40 - 44. – Текст: непосредственный.

[4] *Черненко Т.Г.* Некоторые вопросы квалификации приготовления к преступлению и покушения на преступление / Т.Г. Черненко // Вестник Кузбасского института. - 2016. - № 3 (28). - С. 99. – Текст: непосредственный.

союза в рамках Евразийского экономического союза либо через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического союза предметов, перечисленных в ст.ст. 226.1 и 229.1 УК РФ, совершает умышленное противоправное деяние, связанное с незаконным оборотом этих предметов, в том числе их перевозку, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 226.1 и (или) ст. 229.1 УК РФ и соответствующими статьями УК РФ[1].

Представляется, что приведенное правило применимо и при квалификации содеянного по ст. 171.3 УК РФ. Таким образом, при незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза алкогольной продукции в крупном размере (стоимость которой превышает 250 тыс. рублей) деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 171.3 и 200.2 УК РФ.

Поскольку норму ст. 171.3 УК РФ следует признать частично специальной по отношению к норме ст. 171 УК РФ, то при совершении преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, во время сбыта, например, алкогольной продукции без лицензии, деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 171.3 и 238 УК РФ.

Преступление, ответственность за которое установлена ст. 171.3 УК РФ, следует отграничивать и от сходного с ним административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.17 КоАП РФ «Нарушение требований к производству или обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции». Часть 3 устанавливает ответственность за производство или оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии. При этом в случае конкуренции указанных норм, статья 171.3 УК РФ подлежит применению при совершении деяния в крупном размере.

Проведенное нами исследование свидетельствует о наличии ряда проблем, возникающих в процессе квалификации преступлений, состоящих в незаконном производстве и обороте алкогольной и спиртосодержащей продукции. Полагаем, что законодателю предстоит еще немало сделать на ниве противодействия указанным деяниям, а юридическая общественность должна ему в этом оказать всяческое содействие.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о контрабанде» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 6, июнь, 2017.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СООБЩЕСТВА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ

Поповкина Полина Викторовна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Костикова Наталия Александровна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России с 2022 по 2025 гг. количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности увеличивается. Так, за 1 квартал текущего года зарегистрировано 552 преступления (за аналогичный период 2024 г. – 390; 2023 г. – 469; 2022 г. – 340)[1]. Конечно, в структуре преступности указанные преступления незначительны (0,1 %), однако актуальность темы исследования заключается в том, что преступления экстремистской направленности, в круг которых входят статьи 282.1 – 282.2 УК РФ, причиняют наибольший ущерб обществу и государству, так как способны к дестабилизации социально-политической обстановки. Учитывая, что для более подробного изучения данных явлений, выработки мер по противодействию указанным преступлениям, следует использовать принцип историзма, обозначим основные этапы развития уголовного законодательства.

Документально впервые экстремистское сообщество возникло в Римской империи в 1 веке н.э. в виде еврейской боевой группировки, именуемой «Сикарии» (от евр. sica – «кинжал»), целью которой являлось создание независимого еврейского государства, полная автономность от римлян. Еще одним не менее ярким примером организации экстремистских сообществ в зарубежной истории можно признать период Великой французской буржуазной революции 1789-1793 г. В указанное время большинство французских юристов и журналистов использовали понятие «экстремистское сообщество» когда речь шла о борьбе за власть «ультраправых» или «ультралевых» сил, то есть подразумевались группировки, имеющие свои идеологические ценности, достигаемые путем насильственных и радикальных мер. Непосредственно термины «экстремизм» и «экстремистские группы» нашли закрепление в 1838 году в большом философском сборнике немецкого философа Вильгельма Трауготта Круга, где говорилось: «Экстремистами являются те, что не хотят признавать середину и находят удовольствие в крайностях. Их называют «ультра»[2].

Одним из первых проявлений «экстремистской группы» на Руси является развитие междоусобных войн между князями и их знатью с целью захвата киевского трона. Подобные проявления привели к последующему созданию норм, закрепляющих правила урегулирования государственного порядка. Признак группы впервые выделился в первом кодифицированном правовом источнике Русского государства – Судебнике 1497 года, где

[1] Статистика и аналитика // Официальный сайт МВД России. – URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics?ysclid=mb6vbu1wm2499939706 (дата обращения 14.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Марченко О.В.* Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: зарубежный опыт законодательной регламентации ответственности / О.В. Марченко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 6-1. – С. 83. – Текст: непосредственный.

термином «крамольники» определялись слои населения, которые предпринимали попытки бороться с государственной властью, посягнуть на безопасность и целостность государственного строя. Однако, наказание за совершение преступления в одиночку или в группе на данном этапе истории не различалось, всех «неугодных» ждала смертная казнь. При судебном разбирательстве выяснялся не только факт совершения преступления, но и обнаружение умысла, а также наличие сговора среди «крамольников»[1].

Необходимо заметить, что экстремизм имел лишь одну форму и один мотив – это восстание, именно физическое нападение по политическим мотивам, выражающееся в захвате власти. Примером такого проявления является восстание под предводительством Степана Разина в 1667-1671 годах. Основной идеей восставших было свержение государственной власти через применение насильственных способов, что указывает на наличие экстремистских мотивов и наличия группы, сообщества. Указанные события позволяют заметить современный состав преступления, предусмотренного статьей 282.1 УК РФ – руководство экстремистским сообществом. Эти признаки выразились в новых изменениях Соборного уложения 1649 года. Помимо государственной власти, признанной наивысшей ценностью, иные общественные отношения, например общественный порядок, стали признаваться дополнительными объектами преступления. Самым важным изменением являлось то, что ответственность наступала не только при оконченном преступлении, но и при приготовлении к нему. Один из признаков приготовления описывался так: «за то, что кто-либо начнет рать собирать»[2]. Налицо современный состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 282.1 – создание экстремистского сообщества.

Конец первой четверти 19 века по мнению ряда ученых и практиков, например Г.Ю. Лесникова, признается официальным началом экстремизма и развития экстремистских групп в России. Это связано с попыткой совершения государственного переворота 25 декабря 1825 года, больше известного как восстание декабристов. Основной целью было разрушение самодержавной системы государственной власти, отмена крепостного права, освобождение крестьян[3].

Опираясь на историю, вспомним, что декабристское движение подразумевало под собой создание тайных обществ, например, «Союз благоденствия», «Союз спасения» под предводительством А.Н. Муравьева, «Южное общество» П.И. Пестеля, «Северное общество» под руководством Н.М. Муравьева и иные секретные группы, которые находились в разных районах Санкт-Петербурга, а также в других городах России – в провинциях. В качестве примера разберем некоторые общества. Первым тайным обществом, в которое вошли офицеры армии, стал «Союз спасения». Члены общества желали благородных изменений, например, добровольный труд для общественного блага, развитие стабильной социально-экономической программы, культурное, правовое, научное просвещение населения. На первый взгляд, группа выглядела как общественная организация или как общество гражданской инициативы, где совсем отсутствовали признаки экстремистской направленности. Однако, среди единомышленников появились новые цели, связанные с ликвидацией царской семьи, применением более карательных мер для достижения благородной идеи, в связи с чем общество было распущено. Лидеры общества не брали в расчет царскую семью, некоторые из них, например С.П. Трубецкой, Н.М. Муравьев на допросах признавались, что каждый из них был бы не против видеть

[1] *Погорельцев В.И.* Зарождение и развитие экстремизма в мире и в России / В.И. Погорельцев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 3-2 (42). – С. 182. – Текст: непосредственный.

[2] *Кочеткова Ю.А.* Особенности исторического развития экстремизма, его отражение в обществе и законодательстве / Ю.А. Кочеткова, И.Е. Трушкин // Научные высказывания. – 2024. – № 12 (59). – С. 87. – Текст: непосредственный.

[3] *Лесников Г.Ю.* История становления и современное состояние законодательства об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ / Г.Ю. Лесников, З.Б. Леймоева // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 6. – С. 80. – Текст: непосредственный.

Россию «в новом обличии под своим началом». В последствии образовались два новых общества – Северное и Южное, силами которых произошло восстание.

Таким образом, восстание декабристов является наиболее интересным явлением для современных историков и юристов[1]. С одной стороны, движение декабристов содержит в себе большинство признаков экстремистского сообщества: устойчивость группы, объединенность, руководство, сплоченность состава и согласованность в действиях, наличие структурных подразделений. С другой стороны, изначально движение зарождалось как объект гражданского общества для благих перемен, но вследствие расколов приобрело статус неправового характера. Если изначально деятельность была законной, осведомлен был даже император Александр I, то встает вопрос, не является ли данное движение прототипом экстремистской организации, предусмотренной статьей 282.2 современного УК РФ[2]? Ставятся и иные вопросы по поводу целостности декабристского общества. Является ли декабристское сообщество, как говорит нам история, цельным движением и единой группой, или из-за разности взглядов тайные сообщества являются отдельными экстремистскими группами? Могло ли произойти такое, что движение, изначально созданное как гражданское, в последствие разработав преступные планы, трасформировалось в экстремистскую организацию, а позже расслоилось на несколько экстремистских сообществ? На эти и другие вопросы современные историки и правоведы не могут ответить единогласно.

В 1845 году в силу вступил новый акт – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое содержало главу № 6 «О тайных сообществах и запрещенных сходбищах», где в статье 347 предлагалось разделять основателя, начальников и членов, тем самым, создав новые руководящие роли, которые в современном УК РФ содержатся под составами: «создание экстремистского сообщества» и «руководство таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями», «участие в экстремистском сообществе»[3]. Члены общества, в вышеуказанной статье, имели свою иерархию по степени осведомленности действий, статья содержала обязанность сообщать о планах сообщества правительству взамен на снижение ответственности, что также можно считать прототипом современного примечания к статье 282.1 УК РФ.

В начале 20 века ярким примером преступлений экстремистских групп являлись убийство эсерами комиссара по делам печати и агитации В. Володарского, попытка убийства В.И. Ленина эсеркой Ф.Е. Каплан, взрыв в здании Московского комитета РКП(б), осуществлённый анархистами 25 сентября 1919 г. 5 сентября 1918 г. постановлением Совета народных комиссаров введен закон «О красном терроре», согласно которому все заговорщики и мятежники подлежали расстрелу, имена их опубликовывались[4].

---

[1] *Криштопов С.В.* Развитие законодательства об ответственности за преступления экстремистской направленности в период Российской империи (с 1846 по 1917 г.) / *С.В. Криштопов* // Российский следователь. – 2024. – № 8. – С. 64. – Текст: непосредственный.

[2] *Лесников Г.Ю.* История становления и современное состояние законодательства об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ / Г.Ю. Лесников, З.Б. Леймоева // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 6. – С. 86. – Текст: непосредственный.

[3] *Бешукова З.М.* Ретроспективный анализ уголовного законодательства императорской России об ответственности за экстремизм (по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовному уложению 1903 г.) / З.М. Бешукова // Национальная безопасность / NOTA BENE. – 2015. – № 6. – С. 813. – Текст: непосредственный.

[4] *Марченко О.В.* История развития отечественного законодательства об ответственности за возбуждение ненависти или вражды (ст. 282 УК РФ) / О.В. Марченко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 6-1. – С. 81. – Текст: непосредственный.

Уголовной кодекс РСФСР 1926 г.[1] уравнивал ответственность организаторов и участников экстремистских преступлений, что являлось особенностью данного нормативного акта в изучаемой части[2]. 25 декабря 1958 г. Верховным Советом СССР принят Закон «Об уголовной ответственности за государственные преступления», который был принят и во всех союзных республиках и содержал статьи антиэкстремистской направленности. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.[3] перенял особенности УК РСФСР 1926 г., но в нем впервые была установлена ответственность за дискриминацию по признакам национальности и расы[4].

Современное состояние статей 282.1 – 282.2 ознаменовано принятием Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в 2002 году[5]. Сами нормы были введены Федеральным законом от 25.07.2002 № 112-ФЗ, однако первый приговор по статье 282.1 был вынесен лишь в 2005 году. В 2014 году в обе статьи вошли два новых состава преступления – склонение и вербовка, а также один квалифицированный состав преступления – совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения.

В дополнение к уголовному закону в 2011 году в силу вступило Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», которое определяет экстремистское сообщество как устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности[6], а экстремистскими организациями признает общественные или религиозные объединения либо иные организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности[7]. К ним относятся организации, указанные в специальном перечне в статье 9 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который подлежит официальному опубликованию.

Рассматривая криминалистический аспект, важно сказать, что развитие криминалистической методики расследования преступлений, предусмотренных статьями 282.1-282.2 УК РФ также прошло определенный исторический путь. Развитие криминалистической методики расследования экстремистских преступлений можно разделить на 3 этапа.

На начальном этапе (1990 – начало 2000-х гг.) расследование экстремистских преступлений производилось в рамках общих уголовно-процессуальных действий без специализированных методик и подходов. Примером может являться расследование преступлений неонацистских группировок в Санкт-Петербурге в 1990-х годах, когда

---

[1] Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (утратил силу) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 14.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Бешукова З.М.* Ответственность за экстремизм по Уголовному кодексу РСФСР 1922 года / З.М. Бешукова // Политика и Общество. – 2016. – № 3. – С. 3. – Текст: непосредственный.

[3] Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» (утратил силу) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 14.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] *Бешукова З.М.* Развитие законодательства об ответственности за экстремизм и терроризм в период действия Уголовного кодекса РСФСР 1960 года / З. М. Бешукова // Право и политика. – 2016. - № 5 (197). – С. 653. – Текст: непосредственный.

[5] Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (в ред. от 23.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (в ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2011.

[7] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

действия преступных групп квалифицировались по статьям о хулиганстве или нанесении побоев.

Второй этап (2000-2010 гг.) ознаменован развитием специализированной методики. С ростом террористических атак, примерами которых могут быть террористические акты в Москве, Беслане, в правоохранительных органах стали создаваться подразделения по борьбе с экстремизмом и терроризмом. Методика расследования включала в себя проведение ОРМ «Наблюдение», «Оперативный эксперимент», «Прослушивание телефонных переговоров» для выявления участников экстремистских сообществ, материалов, мест встречи как в реальной жизни, так и в виртуальной сети «Интернет»; работу с интернет-ресурсами, взаимодействие со СМИ[1]. При доказывании особое внимание отдавалось доказательствам, подтверждающим факты образования сообществ по мотиву разжигания национальной, религиозной ненависти[2].

Современный этап методико-криминалистического обеспечения (2010 г. – по настоящее время) стал включать в себя компьютерную криминалистику, работу с зашифрованными интернет-ресурсами и мессенджерами, использование искусственного интеллекта для распознавания экстремистских материалов, работы с большим объемом данных, создание специализированных отделов по борьбе с преступлениями экстремистской направленности в органах МВД России, СК РФ, ФСБ России, примерами работы которых может являться расследование преступлений запрещенного в Российской Федерации объединения «Кровь и честь»[3], пресечение преступлений, связанных с распространением материалов, пропагандирующих исламский экстремизм.

Современная методика расследования преступлений экстремистской направленности и экстремистских групп не стоит на месте, приобретая новые направления развития, которые возможно разделить по блокам. Первым блоком современной методики расследования является выявление экстремистского контента, который включает в себя анализ опубликованных и скрытых интернет-каналов, оценивая представленные каналами материалы на наличие экстремистского содержания[4]. Вторым блоком криминалистической методики является выявление лиц, причастных к совершению преступлений, что выражается в проведении негласных мероприятий, использовании видеонаблюдения, мобильной связи для установления местонахождения лиц, выявление среди участников лидеров сообществ и организаций[5]. Еще одним элементом методики является проведение нетипичных следственных действий, в которые входит: выемка электронных носителей и документов, проведение компьютерно-технических, автороведческих, лингвистических экспертиз[6]. Особый интерес для криминалистов представляет изучение зарубежного опыта: анализ практики зарубежных спецслужб, заимствование новых средств и методов по определению преступлений с экстремистским мотивом.

---

[1] *Кузьмин М.Н.* К вопросу о методах расследования преступлений экстремистской направленности / М.Н. Кузьмин // Экономика и социум. – 2014. – № 4 (13). – С. 491. – Текст: непосредственный.

[2] *Погодин И.В.* Доказывание по делам о преступлениях экстремистской направленности: Автореф. … канд. юрид. наук / И.В. Погодин. – Москва, 2012. – 22 с. – Текст: непосредственный.

[3] Решение Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № АКПИ12-665. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/491390 (дата обращения: 14.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] *Герасименко Н.И.* Особенности использования сети Интернет в расследовании преступлений экстремистской направленности / Н.И. Герасименко // Пенитенциарная наука. – 2020. – № 3. – С. 392. – Текст: непосредственный.

[5] *Калугин А.Г.* Особенности выявления и доказывания субъективных признаков состава преступления «организация экстремистского сообщества» на начальном этапе расследования / А.Г. Калугин // Научный компонент. – 2022. – № 4 (16). – С. 24. – Текст: непосредственный.

[6] *Коршунова О.Н.* Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды или ненависти / А.Я. Винников, Н.М. Гиренко, О.Н. Коршунова, А.В. Леухин, Е.Б. Серова; под общ. ред. О.Н. Коршуновой. – СПб., 2002. – 92 с. – Текст: непосредственный.

Вместе с тем, методика расследования преступлений экстремистской направленности имеет свои недостатки, например: отсутствие достаточного и прогрессивного материально-технического обеспечения, нехватка профессиональных кадров, сложность доказывания группового экстремизма, расширительное содержание понятия «экстремизм». Указанные недостатки позволяют ставить новые задачи по развитию методики расследования преступлений и видеть новые перспективы, такие как: разработка рекомендаций по расследованию преступлений экстремистских групп, внедрение программы искусственного интеллекта, изобретение новых средств и инструментов для отслеживания экстремистских материалов и участников экстремистской деятельности[1].

Подводя итог, следует отметить, что становление статей 282.1 – 282.2 УК РФ как самостоятельных составов преступления, а также методика расследования преступлений экстремистской направленности прошли большой путь развития. История России насыщенна яркими примерами возникновения экстремистских групп и борьбы с ними. Правовой и криминалистический аспекты противодействия экстремизму в современной России оценен на международной арене. Несмотря на то, что наработанный опыт в данной сфере заимствовали зарубежные специалисты, уголовно-правовая и криминалистическая составляющая нуждаются в доработке понятийного аппарата, приведении в стройную систему законодательства, разработке новых методов борьбы с организованной экстремистской преступностью.

[1] *Ковылина П.С.* Актуальные проблемы тактики и методики расследования экстремистских преступлений, совершаемых в глобальной сети Интернет / П.С. Ковылина // Молодой ученый. – 2023. – № 21 (468). – С. 284-286. – URL: https://moluch.ru/archive/468/103091/(дата обращения: 14.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Поталицын Егор Дмитриевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попаденко Елена Викторовна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Современная судебная система демократического государства характеризуется фундаментальными принципами, среди которых особое место занимает состязательность и равноправие сторон. Данные правовые конструкции оказывают непосредственное воздействие на функционирование судебных институтов, определяя характер взаимодействия участников процесса и специфику принятия судебных решений. Развитие правовых систем на современном этапе демонстрирует тенденцию к интеграции публичного начала и состязательных элементов при приоритетном обеспечении защиты прав человека. Фундаментом данного правового симбиоза выступают принципы судопроизводства, среди которых особую роль играет состязательность, органически связанная с равноправием участвующих сторон[1].

Конституционное положение об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) устанавливает возможность разрешения правовых конфликтов в условиях процессуального равенства. Данная норма находится в органической взаимосвязи с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции России). Конституционный Суд РФ интерпретирует данное положение как требование строить судопроизводство путем разграничения функции правосудия, осуществляемой исключительно судом, от функций спорящих перед судом участников. Суд обязан обеспечить справедливое и объективное разрешение спора, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, не принимая на себя их процессуальные функции.

Уголовно-процессуальное законодательство регламентирует принцип состязательности в статье 15 УПК РФ, устанавливая, что все уголовное судопроизводство основано на состязательности сторон. Закон предусматривает четкое разделение процессуальных функций, отделение суда от органов уголовного преследования и наделение его функцией рассмотрения и разрешения уголовных дел, а также созданием условий для реализации сторонами своих процессуальных прав и обязанностей.

Практическое воплощение принципа состязательности призвано способствовать установлению объективной истины по делу. Теоретически участие противоборствующих сторон должно стимулировать активный поиск доказательств, что минимизирует риск судебной ошибки. Однако в российских реалиях наблюдается существенный дисбаланс процессуальных возможностей между стороной обвинения и защиты, особенно на досудебной стадии.

Законодатель предпринял определенные шаги для смягчения данного дисбаланса. Примечательны поправки 2017 года в ст. 159 УПК РФ, согласно которым защитнику не

[1] *Ткачева Н.В.* Состязательность и равноправие сторон в производстве суда первой инстанции / Н.В. Ткачева // Журнал юридических исследований. - 2022. - №. 3. - С. 68 - 78. – URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/54801/view (дата обращения: 10.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

может быть отказано в участии при производстве следственных действий, если соответствующее ходатайство заявлено подозреваемым, обвиняемым или непосредственно защитником. Более того, согласно ч. 2.2 данной статьи, «лицам, указанным в части второй настоящей статьи, не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела».

Статья 327 УПК РФ предусматривает, что уже в рамках подготовительного судебного заседания стороны представляют суду документацию и иные материалы, имеющие значение для рассматриваемого дела. Суд приобщает эти материалы к уголовному делу. Из данной нормы следует, что к моменту передачи дела в суд сторона защиты уже должна располагать всеми доказательствами и представить их во время подготовительного заседания, при этом механизм самостоятельного сбора и последующего представления доказательств стороной защиты непосредственно в суд отсутствует.

В ходе судебного рассмотрения материалов уголовного дела сторона защиты, как и сторона обвинения, вправе только заявлять ходатайства о дальнейшем сборе доказательств с четко определенной спецификацией: об истребовании конкретных предметов или документов; о временном доступе к вещам и документам; о производстве следственных действий; о назначении экспертизы. Для удовлетворения таких ходатайств суд руководствуется установленными законом условиями. В частности, при рассмотрении ходатайства о временном доступе к вещам и документам или о проведении следственных действий суд анализирует причины, по которым соответствующие процессуальные действия не были осуществлены в рамках предварительного расследования.

Отдельного внимания заслуживает проблема реализации принципа состязательности при назначении судебно-медицинских и иных экспертиз. Как отмечается в научных исследованиях, «сторона обвинения имеет существенное преимущество перед стороной защиты при назначении судебно-медицинской экспертизы». Это объясняется тем, что заключение специалиста, привлеченного стороной защиты, «не признается полновесной альтернативой заключению эксперта», назначенного следователем.

Экспертиза также может быть назначена судом при наличии определенных условий: если имеются несколько экспертных заключений, содержащих противоречивые выводы, а допрос экспертов не позволил устранить эти противоречия, либо если в процессе судебного разбирательства возникла необходимость в длительном наблюдении и исследовании личности[1].

Между тем, необходимо констатировать, что за редким исключением очевидных случаев, представители судебной системы и следственных органов не располагают возможностью беспристрастно оценить заключение эксперта из-за фундаментального отсутствия соответствующих профессиональных компетенций. Устранить данную проблему призван институт рецензирования.

В профессиональной литературе описывается следующий алгоритм рецензионного процесса: сторона, не согласная с экспертными выводами, обращается к квалифицированному специалисту в соответствующей области экспертизы с задачей критического анализа заключения на предмет наличия методологических, логических или фактических погрешностей. По итогам проведенного исследования специалист формулирует аргументированное заключение относительно наличия или отсутствия экспертных ошибок, а при их обнаружении — оценивает степень их существенности и потенциальное влияние на итоговые выводы эксперта. Данный структурированный

[1] *Егорова А.И.* Оптимизация уголовного процесса в Российской Федерации путем упрощения: проблемы и перспективы / А.И. Егорова // Сб. матер. IV междунар. науч. конф. Казань, 2016. - С. 232 – 234. – URL: https://www.moluch.ru/conf/law/archive/181/10237 (дата обращения: 10.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

подход позволяет трансформировать субъективное несогласие стороны в профессионально обоснованную критику[1].

Учитывая, что рецензия специалиста формально не обладает доказательственным статусом в судопроизводстве, целесообразной представляется следующая процедурная последовательность: при выявлении рецензентом значимых ошибок в экспертном заключении суд, после ознакомления с представленной рецензией, должен инициировать судебный допрос как специалиста-рецензента, так и автора оспариваемого экспертного заключения. Особенно важно предоставить эксперту возможность аргументированно прокомментировать критические замечания рецензента, обосновать корректность применённой методики и представить дополнительные аргументы в поддержку своих выводов. Такая процессуальная конструкция способствует всестороннему исследованию спорных аспектов экспертизы.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что, несмотря на конституционное закрепление принципа состязательности и многочисленные законодательные новеллы, его практическая реализация в российском уголовном процессе сталкивается с серьезными препятствиями. Основная проблема заключается в дисбалансе процессуальных возможностей между стороной обвинения и защиты.

В качестве одного из решений проблем, возникающих при проведении судебной экспертизы, предлагается внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс, дополнив ч. 2 ст. 74 п. 3.2 следующего содержания: «письменные рецензии на заключения экспертов и специалистов». Указанные изменения, не позволят судьям немотивированно отказывать в приобщении к материалам дела рецензий, подготовленных стороной защиты, тем самым будет достигаться большее равенство сторон во время судебного следствия.

[1] *См.: Малахова Л.И.* О соотношении публичных и состязательных начал в российском уголовном судопроизводстве / Л.И. Малахова // Вестник ВГУ. Серия: Право. - 2012. - № 2 (13). – С. 430 – 435. – Текст: непосредственный.

СПОСОБЫ СОБИРАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СЛЕДОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Путягина Екатерина Алексеевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Валеев Артем Тахирович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

В современном мире человек использует различные технические средства, чтобы ускорить и облегчить свою жизнь. Но, как нам известно, любое действие, в том числе, в информационное среде, оставляет свой след. Так и при совершении преступления с использованием информационных носителей, остаются свои, специфические следы, которое следователь должен не только уметь обнаружить, но и уметь их правильно изъять, чтобы в дальнейшем использовать в уголовном деле как доказательство. Так, Ларин А.М. доказывание разбивал на самостоятельные стадии, такие как поиск, обнаружение доказательств и их закрепление (фиксирование)[1].

Собирание информационных доказательств, хранящихся на электронном носителе, можно считать первичным элементом доказывания по уголовному делу. Поэтому, способ собирания электронной доказательственной информации – это процессуальный механизм, направленный на добывание в электронном виде информации, представленной или полученной для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Стоит отметить, что в зависимости от источников информации можно выделить следующие классификации способов собирания электронных доказательств.

Так, Ефремова О.М.[2] выделяет следующие группы классификаций: группу, направленную на непосредственное обнаружение и получение следователем компьютерной информации (в ходе осмотров, обысков и выемок); группу следственных действий (осмотр и выемка электронных или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений, контроль и запись телефонных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами) связывает с опосредованным характером получения данной информации, находящейся в ведении специальных подразделений правоохранительных органов или иных организаций и учреждений, предоставляющих услуги связи или доступ к сети «Интернет». Таким образом, следователь получает эту информацию через «посредников», то есть к своей детальности он привлекает либо специалистов в области компьютерной информации, либо системные программы для получения такой информации, в связи с чем уже мы может указать на то, что сбор информационных следов преступления специфичен и требует куда больше знаний и профессиональных качеств сотрудника правоохранительных органов.

Истребование и представление электронной информации следует различать между собой в зависимости от того, кому принадлежит инициатива осуществления процедуры передачи информации. Для истребования характерна ситуация, когда субъект уголовно-

[1] *Ларин А.М*. Работа следователя с доказательствами / А.М. Ларин // М.: Юрид. лит, 1966. - С. 43. – Текст: непосредственный.

[2] *Ефремова О.М.* Реализация полномочий следователя, направленных на получение и использование компьютерной информации при производстве следственных действий: дис.... канд. юрид. наук. Орел, 2021. С. 13. – Текст: непосредственный.

процессуального познания инициативно требует от других лиц и организаций представления материалов, имеющих значение для дела, а также поручает соответствующим органам производство специальных исследований с представлением актов, справок, а также получение образцов для сравнительного исследования. Для представления – участники уголовного процесса, организации, учреждения, а также граждане по своей личной инициативе представляют предметы и документы с информацией, имеющей процессуальное отношение к делу.

Любой участник уголовного судопроизводства может обнаружить электронную информацию и в дальнейшем ее представить следователю (дознавателю) или суду, это предусмотрено ст. 86 УПК РФ и превалирует при обнаружении такой информации стороной защиты, но при этом, данная информация должна быть правильно изъята, чтобы суд не смог признать доказательства недопустимыми, что иногда, приводит к некоторым проблемным моментам, в том числе, легализации такого информационного доказательства в материалах уголовного дела.

Истребование информационных доказательств, точнее электронной информации, будет характерен для опосредованного получения электронной доказательственной информации через подачу ходатайства лицу, производящему расследование, или при обращении к суду. Если же, к примеру, защитник самостоятельно истребует такую информацию, то это надо рассматривать как непосредственный способ ее получения.

Еще одним критерием для классификации способов собирания электронных доказательств является субъект восприятия электронной информации. Можно выделить:

- единоличное восприятие электронной доказательственной информации – следователь самостоятельно может изъять с места преступления какое-либо техническое устройство, а уже в дальнейшем провести по нему экспертизу или исследование. Возвращение электронных носителей информации осуществляется в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ. При этом не предусмотрено мер, направленных на обеспечение сохранности возвращенных законному владельцу электронных носителей, а также ответственности за утрату, уничтожение или повреждение вещественных доказательств.

- получение информации с привлечением отдельных лиц (специалистов) – в случае, если техническое средство не представляется возможным изъять, следователь может прибегнуть к помощи специалиста в компьютерной сфере, которые изымет, без повреждения технического средства, необходимую информацию. Стоит отметить и некоторую проблему такого способа: неоправданность императивно установленного требования об участии специалиста во всех без исключения случаях изъятия электронных носителей информации в ходе обыска или выемки, и недостаточная проработанность процедуры копирования информации, предусмотренной ч. 2.1. ст. 82, ч. 9.1 ст. 182, ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ. Представляется, что вопрос об участии в следственном действии специалиста, а также уровне его компетентности должен решаться следователем индивидуально, исходя из вида, характеристик и особенностей носителя информации, подлежащей изъятию.

- обнаружение иными лицами, не имеющими своих интересов в уголовном процессе. Недостатком последнего способа получения информации является риск искажения и возможность потери процессуально значимой информации. Поэтому такой способ, на практике, применяется крайне редко, так как информация может оказаться недостоверной.

Еще следует рассмотреть такой способ получения электронных доказательств по судебному решению или без такового.

В случае извлечения информации о входящих-исходящих звонках, данных записной книжки, заметок в календаре – решение суда получать не нужно. Если же извлекаются данные СМС, переписка в социальных сетях, мессенджерах, электронной почте – необходимо обращаться с ходатайством в суд.

Множество проблемных вопросов, связанных с собиранием доказательств, на электронных носителях исходит из особенности следообразования в информационной среде, а также физической формы такой информации (легкая возможность удаления информационных следов лицом, совершившим преступление или иным лицом, изъятие технического устройства не всегда способствует сохранению следов). Какого-то одного и единого подхода к решению таких проблем нет, так как каждое уголовное дело является индивидуальным, со своими особенностями и способами расследования, поэтому и следователь, при сборе информационных доказательств, должен подходить к ним со всей ответственностью и индивидуальностью, что порой очень сложно, так как ограничивается не только временными сроками, но и технической оснащенностью следственного отдела или экспертного учреждения.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ропот Анастасия Алексеевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Колпакова Людмила Алексеевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

В деле формирования и развития правовой базы противодействия экстремизму в России пройден большой, трудный и интересный путь. С позиции сегодняшнего дня мы можем сказать, что знаем об экстремизме как социальном и правовом явлении намного больше, чем в начале этого пути. Именно поэтому сейчас наступил тот момент, когда можно обернуться назад, осмыслить пройденные этапы, проанализировать ошибки и достижения для того, чтобы определить направления дальнейшего движения.

Становление правовой базы противодействия экстремизму началось на рубеже XX - XXI вв. Понятно, что экстремизм (политический, национальный, религиозный, социальный, культурный и т.д.) как явление появился существенно раньше. Но именно в данный период созрели политико-правовые условия для закрепления его как правовой категории и формирования правовых основ борьбы с ним. Появившись еще в актах органов власти СССР, понятие «экстремизм» стало уверенно входить в юридический лексикон в 90-е гг. XX века. В целом ряде указов Президента РФ того периода экстремизм упоминался в качестве угрозы государственной и общественной безопасности[1].

Первое официальное определение понятия «экстремизм» было сформулировано в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подписанной 15 июня 2001 г. Однако на внутригосударственные процессы в России эта Конвенция и содержащаяся в ней дефиниция не оказали существенного воздействия.

Важнейшим этапом в формировании правовой основы противодействия экстремизму стало принятие Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который закрепил развернутое определение экстремизма, направления и принципы противодействия ему. Именно 2002 год можно считать отправной точкой формирования отечественного антиэкстремистского законодательства.

С позиции сегодняшнего дня принятие Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» выглядит как некоторый правовой эксперимент. Никогда в постсоветский период государство не предпринимало попыток системного законодательного вмешательства в стихию политических, национальных, религиозных течений. Не было и зарубежных аналогов - ни в одной из стран западной демократии нет подобного закона.

Через пять лет, 24 июля 2007 г., был сделан новый шаг - Федеральным законом № 211-ФЗ был внесен целый ряд изменений как в базовый Закон «О противодействии экстремистской деятельности», так и в другие федеральные законы. Одновременно было существенно скорректировано определение экстремистской деятельности.

[1] *Пролетенкова С.Е.* Теоретические аспекты построения системы противодействия экстремизму в Российской Федерации / С.Е. Пролетенкова // История государства и права. – 2013. – № 8. – С. 54 - 56. – Текст: непосредственный.

Представляется, что именно с этого времени можно говорить о том, что антиэкстремистское законодательство России приобретает комплексный характер.

Следующей вехой в истории развития норм о противодействии экстремизму стало принятие 6 июля 2016 г. Федеральных законов № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» и № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». Были существенно ужесточены меры ответственности за проявления терроризма и экстремизма, введены новые ограничения в сфере деятельности религиозных организаций, созданы дополнительные механизмы контроля средств массовой коммуникации.

Новый импульс получило и международно-правовое регулирование в рассматриваемой сфере. В развитие положений Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. в г. Астане 9 июня 2017 г. была заключена Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму. Новая Конвенция содержала и новое определение экстремизма как «идеологии и практики, направленной на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий» (из всех определений экстремизма именно это представляется наиболее удачным, сочетающим лаконичность формулировки и точность передачи смысла)[1].

В период 2002 - 2018 гг. развитие законодательства о противодействии экстремизму шло по пути усиления его карательной составляющей. Появились новые составы преступлений и правонарушений, ужесточены меры ответственности за те или иные проявления экстремизма.

Правоприменительная практика в сфере противодействия экстремизму складывалась довольно противоречиво. С одной стороны, созданная законодательная база позволила нанести серьезный удар по существовавшим в то время экстремистским организациям и их лидерам. С другой стороны, росло число фактов явно некорректного правоприменения. В материалах Уполномоченного по правам человека в РФ и других правозащитных институтов говорилось о субъективизме, политической ангажированности, отсутствии логики и определенности в работе правоохранительных органов по борьбе с экстремизмом. Многие судебные дела приобрели скандальную известность в масштабах страны: речь идет о попытках признания экстремистскими материалами религиозной литературы, преследовании граждан за публикации в социальных сетях и репосты таких публикаций. К сожалению, такая практика показала, что борьба с экстремизмом может быть контрпродуктивной: каждый такой эпизод лишь усиливал радикализацию общества и порождал новые протесты. Любой факт неправомерного преследования гражданина за радикальное высказывание давал повод для множества еще более радикальных высказываний.

В научных публикациях и выступлениях официальных лиц по проблематике противодействия экстремизму 2002 - 2018 гг. прослеживается убежденность авторов в необходимости «усилить», «ужесточить» деятельность государства в данной сфере[2].

2018 год стал поворотным и переломным в истории развития антиэкстремистского законодательства. Можно назвать даже конкретную дату – 7 июня. В ходе прямой линии с

---

[1] *Тамаев Р.С.* Экстремизм и национальная безопасность: правовые проблемы: монография / Р.С. Тамаев. – М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2019. – С. 183 − 192. – Текст: непосредственный.

[2] Пора поставить действенный заслон информационной войне: Председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин - о методах борьбы с экстремизмом в России // Коммерсантъ Власть. – 2016. – № 15. – С. 20. – Текст: непосредственный.

Владимиром Путиным, отвечая на вопрос депутата Государственной думы С.А. Шергунова о преследовании граждан за экстремизм, Президент РФ призвал определиться с понятием экстремизма, не доводить правоприменительную практику «до маразма и абсурда».

Это высказывание главы государства незамедлительно было воспринято как сигнал к развороту правовой политики в области противодействия экстремизму. Поручением Президента РФ от 26 июня 2018 г. Общероссийскому общественному движению «Народный фронт «За Россию» совместно с Генеральной прокуратурой РФ было дано задание провести анализ использования в правоприменительной практике понятий «экстремистское сообщество» и «преступление экстремистской направленности». В экспертном сообществе начались дискуссии, причем не только по поводу упомянутых терминов, а в целом о путях дальнейшего развития и реформирования законодательства о противодействии экстремизму. Необходимость в широком общественном и экспертном обсуждении этих проблем назрела уже давно, требовался лишь сигнал к действию, политическая воля. Вскоре были выработаны весьма интересные рекомендации[1].

Вскоре последовали и конкретные результаты, среди которых можно выделить три наиболее значимых:

1) в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 сентября 2018 г. № 32 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» были даны разъяснения, направленные на упорядочение (по сути, некоторое ограничение) применения мер уголовной ответственности за репосты, высказывания в средствах массовой информации и социальных сетях;

2) Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» исключена уголовная ответственность за впервые допущенное лицом высказывание, направленное на возбуждение ненависти или вражды, а Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 521-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» данное деяние признано административным правонарушением по ст. 20.3.1;

3) Федеральным закон от 2 декабря 2019 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» и статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» снят абсолютный запрет на использование нацистской символики. Теперь ее использование допускается при условии, что формируется негативное отношение к идеологии нацизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацизма. В 2020 году примечание аналогичного содержания было внесено в ст. 20.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

В 2019 - 2020 годах появились правовые механизмы противодействия общественно опасным действиям, которые формально и не подпадают под определения экстремизма, но фактически могут выступать его проявлениями, поскольку носят провокационный и

[1] Эксперты обсудили либерализацию и правоприменение статьи об экстремизме. – URL: https://onf.ru/2018/10/05/eksperty-obsudili-liberalizaciyu-i-pravoprimenenie-stati-ob-ekstremizme/ (дата обращения: 24.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный; ОНФ обозначил направления работы над поручением Президента по анализу применения законодательства по противодействию экстремизму. – URL: https://onf.ru/2018/07/05/onf-oboznachil-napravleniya-raboty-nad-porucheniem-prezidenta-po-analizu-primeneniya/ (дата обращения: 24.09.2025) – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный; СПЧ призвал пересмотреть антиэкстремистское законодательство. – URL: http://president-sovet.ru/presscenter/publications/read/6623/ (дата обращения: 24.09.2025) – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный; Рекомендации по совершенствованию законодательства о противодействии экстремизму и практики его применения. – URL: http://president-sovet.ru/documents/read/607/ (дата обращения: 24.09.2025) – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

даже агрессивный характер, - речь идет о фейковых новостях и оскорблении органов государственной власти.

Так, Федеральными законами от 18 марта 2019 г. № 27-ФЗ и от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ введена административная ответственность за распространение «заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений» (ч. 9, 10, 10.1, 10.2, 11 ст. 13.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях). Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. N 100-ФЗ введены ст. 207.1 и 207.2 Уголовного кодекса РФ, предусматривающие уголовную ответственность за распространение заведомо ложной информации при определенных обстоятельствах.

Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 28-ФЗ установлена административная ответственность за «распространение информации, выражающейся в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции РФ или органам, осуществляющим государственную власть» (ч. 3, 4, 5 ст. 20.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях).

Начатая в 2018 г. работа по модернизации законодательства о противодействии экстремизму далеко не завершена, внесенные изменения являются необходимыми, но не достаточными. Призванный быть основополагающим и комплексным правовым актом, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в настоящее время перестал играть отведенную ему роль и нуждается в серьезной модернизации. Как уже отмечалось, некоторые его положения в настоящее время практически не актуальны.

Например, представляется нецелесообразным отнесение к экстремизму таких действий, как «публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением», «воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения». Напротив, распространение фейковых сообщений о деятельности государственных органов, а также оскорбления в их адрес, выраженные в неприличной форме, следовало бы включить в список экстремистских действий. Сюда же следовало бы отнести и организацию массовых беспорядков[1].

Среди первоочередных мер по модернизации законодательства о противодействии экстремизму можно назвать (все эти меры давно обсуждаются в научной литературе, в экспертном сообществе):

1) пересмотр законодательного определения экстремизма[2];

2) пересмотр установленных законом принципов и направлений противодействия экстремизму с учетом наработанного опыта, правовых позиций Конституционного Суда РФ, норм международного права и современных научных исследований[3];

3) реформирование (возможно, упразднение) такого механизма, как федеральный список экстремистских материалов[4];

---

[1] *Николаенко Н.П.* Законодательное определение экстремизма и отдельных форм экстремистской деятельности / Н.П. Николаенко // Закон и право. – 2009. – № 2. – С. 53–55. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Михайлов С.В.* Юридический анализ дефиниции экстремизма / С.В. Михайлов // Судья. – 2019. – № 4. – С. 50 - 63. – Текст: непосредственный.

[3] *Волеводз А.Г.* Международно-правовые подходы к противодействию экстремизму: материально-правовые и процессуальные аспекты / А.Г. Волеводз, В.А. Ализаде // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2018.– № 6. – С. 7 - 11. – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 25.09.2025). – Режим доступа: для зарегистр. пользователей. - Текст: электронный.

4) оптимизация мер административной и уголовной ответственности за проявления экстремизма (уточнение формулировок, более четкое разграничение смежных составов)[1].

Также назрела острая необходимость в методическом обеспечении деятельности органов местного самоуправления, на которые возложены функции по участию в профилактике экстремизма и терроризма, профилактике межнациональных конфликтов[2].

Если говорить об опыте зарубежных стран по противодействию экстремизму, то можно отметить, что в странах Западной Европы и США вместо понятия экстремизм применяются термины «hate speech» (речи ненависти) и «hatred crime» (преступления ненависти). Речь идет, прежде всего, о возбуждении национальной, расовой и религиозной вражды, об оскорблениях, угрозах и насилии в отношении лиц по причине их принадлежности к какой-либо общности, о распространении литературы и идеологии расистского, нацистского толка[3].

В странах западной демократии нет законов, аналогичных российскому закону «О противодействии экстремистской деятельности», поскольку считается, что наличие такого закона может причинить вред демократическим правам и свободам. Противодействие экстремизму в этих странах осуществляется в основном мерами уголовной ответственности.

В ряде конституций зарубежных стран, так же как и в Российской Федерации, имеются нормы, касающиеся противодействия экстремизму. В частности, в Германии установлен запрет использования профашистской идеологии и любой деятельности экстремистских организаций, в Японии – дискриминации по экономическим, политическим признакам, социального положения, расы, религии, Дании – на учреждение религиозных объединений, если эти образования нарушают нормы общественного порядка и морали, в Португалии – создание фашистских объединений[4].

Помимо введения конституционных запретов на деятельность экстремистских организаций, в некоторых государствах приняты специальные законы, запрещающие создание и деятельность профашистских, пронацистских организаций, создание и функционирование объединений и организаций, распространяющих принципы национальной или религиозной вражды и дискриминации. Такие законы действуют в Австрии, Португалии, Италии, Ирландии, Франции и других странах.

В Канаде, Дании, Нидерландах, Франции, Германии, Испании действуют законы, предусматривающие наказания в виде тюремного заключения и крупных штрафов за оскорбление религиозных чувств верующих, препятствие отправлению религиозных обрядов, разрушение или ослабление национального чувства, посягательство на единство нации, поддержку или пропаганду деятельности сепаратистов, оскорбление граждан в связи с их национальной, религиозной, этнической принадлежностью, дискриминацию[5].

Страны СНГ пошли по пути принятия специализированных законов о противодействии экстремизму по образцу Российской Федерации. Подобные законы

---

[4] *Бодров Н.Ф.* Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений: Монография / Н.Ф. Бодров, А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин // М.: Норма; ИНФРА-М, – 2020. – С. 23. – Текст: непосредственный.

[1] *См. Стуканов А.П.* Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: проблемы привлечения к административной ответственности / А.П. Стуканов, А.К. Соловьева // Законность. – 2019. – № 8. – С. 28 - 33. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Сальников Е.В*. Инновационные направления деятельности органов местного самоуправления по профилактике экстремизма (экономический и правовой аспекты) / Е.В. Сальников, И.Н. Сальникова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2017. – № 7. – С. 23 - 28. – Текст: непосредственный.

[3] *Брунер Р.А*. Международно-правовое понятие экстремизма (экстремистской деятельности) / Р.А. Брунер, С.В. Борисов // Современное право. – 2013. – № 9. – С. 121. – Текст: непосредственный.

[4] *См. Корнилов Т.А.* Международные аспекты противодействия экстремизму : автореф. дисс. канд. юрид. наук. − М., 2021. − 25 с. – Текст: непосредственный.

[5] *См. Солопченко Д.В.* Новые тенденции развития законодательства об экстремизме и терроризме в Российской Федерации и за рубежом / Д.В. Солопченко // Российский следователь. – 2024. – № 6. – С. 52 - 55. – Текст: непосредственный.

приняты в Белоруссии, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, Таджикистане. Законы этих стран имеют как общие, так и отличительные особенности. Общим является то, что в рассматриваемых законах сформулированы основные понятия, принципы, направления, определены субъекты противодействия экстремистской деятельности, судебный порядок признания организации экстремистской, запрещается использование сетей и средств связи для осуществления экстремизма, издания или распространения экстремистских материалов.

Вместе с тем анализ национальных законов о противодействии экстремизму (экстремистской деятельности) государств – участников СНГ свидетельствует о наличии национальных особенностей. В частности, имеются некоторые разногласия в определении понятийного аппарата.

Законодатели Республики Таджикистан и Республики Молдова различают понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность».

В Законе Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» законодатель различает экстремизм по видам и каждому из них дает определения. Закон Республики Казахстан в качестве форм экстремизма выделяет организацию вооруженного мятежа и участие в нем и разжигание родовой и сословной розни.

В Законе Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» перечислены конкретные органы законодательной, исполнительной и судебной власти, являющиеся субъектами противодействия экстремизму, и определена их компетенция. В соответствии с законодательством Таджикистана к формам экстремистской деятельности также относятся присвоение властных полномочий и осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической ненависти либо вражды.

В соответствии с Законом Республики Молдова «О противодействии экстремистской деятельности» к формам экстремистской деятельности относятся самовольное присвоение полномочий должностного лица, провоцирование массовых беспорядков и пропаганда исключительности, превосходства или неполноценности граждан по признаку их пола, взглядов, политической принадлежности, имущественного положения или социального происхождения.

В других странах СНГ (Азербайджане, Туркменистане, Узбекистане, Армении) специальный закон о противодействии экстремизму до сих пор не принят, хотя в национальном законодательстве этих государств термин «экстремизм» встречается достаточно часто.

Эксперты отмечают важность гармонизации законодательства стран СНГ о противодействии экстремизму. Это необходимо для того, чтобы при взаимодействии правоохранительные органы разных стран использовали одинаковую терминологию и исходили из единых подходов[1].

В заключение нужно сказать еще об одной проблеме противодействия экстремизму на международном уровне − проблеме двойных стандартов. В настоящее время складывается ситуация, когда некоторые зарубежные страны (США и их союзники) делят экстремистов и террористов на «плохих» и «хороших». К «плохим» относятся лица, угрожающие безопасности самих этих государств, с ними ведется жесткая борьба. А к «хорошим» относятся экстремисты и террористы, деятельность которых направлена против других стран, их действия оправдывают и даже поддерживают. Такой подход недопустим, потому что поддержка экстремизма и терроризма под любым предлогом в конечном итоге способствует распространению этой угрозы по всему миру и причиняет вред всем странам[2].

---

[1] *Никитин А.Г.* Вопросы противодействия экстремизму в законодательстве стран СНГ / А.Г. Никитин // Журн. рос. права. – 2013. – № 12. – С. 98, 99. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Власов И.С.* Уголовное законодательство зарубежных стран в борьбе с экстремизмом: сравнительно-правовое исследование / И.С. Власов, Н.А. Голованова, В.Ю. Артемов и др.; отв. ред. И.С. Власов – М.:

В заключение отметим, что экстремизм – это не временное явление, с которым мы столкнулись в силу политической конъюнктуры. Это вызов не на несколько лет, а на долгосрочную перспективу. Противодействие экстремизму – это вовсе не преследование оппозиционных политиков и представителей нетрадиционных религиозных течений. Это выстраивание системы защиты общества и государства от провокаций и идейно-мотивированного насилия.

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; КОНТРАКТ, 2014. − 136 с. – Текст: непосредственный.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рыбакова Ирина Алексеевна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Уторова Татьяна Николаевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

Стремительное развитие и совершенствование информационных технологий, позволяющих предоставлять населению различные услуги в дистанционном формате, не могло не оставить в стороне такой аспект, как оборот денежных ресурсов, выступающих универсальным средством урегулирования различных обязательств возмездного характера. На протяжении последних десяти лет особенно активно применение информационно-телекоммуникационных технологий в криминальной сфере проявилось при совершении мошенничества, что обусловило появление понятия «дистанционное мошенничество»[1]. На сегодняшний день в следственной практике, как и в науке уголовного права подобные виды мошенничества зачастую именуют и телефонными мошенничествами, и мошенничеством с использованием банковских карт, и интернет-мошенничеством, но чаще всего встречается употребление термина «дистанционное» мошенничество[2]. Мошенничество с использованием дистанционных технологий является серьезной угрозой для общества. Так число преступлений, совершенных дистанционно за восемь месяцев 2023 года, выросло на 40% в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года[3].

Законодательного закрепления понятие «дистанционное мошенничество» не нашло, но данный вопрос освещался в научной литературе. Кроме этого, сама правоприменительная практика выработала ряд признаков, с учетом которых, становится возможным отнести совершенное деяние к данной категории.

Главным признаком дистанционного мошенничества является обман или злоупотребление доверием, совершенные в условиях, как правило, исключающих личный контакт, с использованием средств связи (сотовой, телефонной) и (или) вредоносного программного обеспечения), под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют их изъятию[4]. При этом стоит отметить, что личный контакт не просто исключается, а преступник и жертва могут находится в разных городах и странах, а в некоторых случаях

---

[1] *Давыдов В.О.* Об актуальных проблемах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / В.О. Давыдов, И.В. Тишутина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. - 2020. - № 2 (14). – С. 83. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Петрикова С.В.* Особенности состава преступления «дистанционное мошенничество» / С.В. Петрикова, А.А. Лаврушкина // Молодежный научный вестник. - 2017. - № 11 (24). - С. 276 - 285. – Текст: непосредственный.

[3] Генпрокуратура сообщила о росте числа дистанционных мошенничеств на 40%. - URL: https://tass.ru/obschestvo/18957905 (дата обращения: 12.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] *Шитикова Ю.И.* Особенности криминалистического обеспечения расследования мошенничеств, совершенных дистанционным способом / Ю.И. Шитикова // Альманах молодого исследователя. - Вып. 9. - 2020. - С. 134. – Текст: непосредственный.

преступник может уже находится в местах лишения свободы и продолжать противоправную деятельность.

Необходимо добавить, что потерпевший, как правило, не осознает факта вывода денежных средств с его счета в момент их изъятия[1], иногда понимание происходящего может наступить уже после совершения всех манипуляций, диктуемых преступниками, а в редких случаях лишь через несколько дней.

Обращаясь к доктрине, можно согласиться с мнением представленным А.Н. Калюжным о том, что дистанционное мошенничество, с одной стороны, является результатом эволюции традиционного мошенничества, поскольку некоторые его виды встречаются в Интернете без каких-либо серьезных изменений в методике реализации преступного замысла, а с другой стороны – это качественно новая группа преступлений, так как при схожести методов реализации конкретные способы имеют существенные отличия»[2]. Автор акцентирует внимание на то, что, не смотря на схожесть с мошенничеством, квалифицированным по ч. 1 ст. 159 УК РФ, дистанционное мошенничество требует особой квалификации и выделения в самостоятельную статью. Именно этот факт порождает необходимость на законодательном уровне закрепить термин «дистанционное мошенничество», и раскрыть самые распространенные способы совершения данного преступления. Несомненно, преступники совершенствуются и создают новые схемы обмана, но приведенный перечень позволит выделить характерные признаки дистанционного мошенничества.

Если обратиться к определению, которое дают В.В. Поляков и А.В. Ширяев: «Дистанционное мошенничество – это мошенничество, совершаемое с помощью компьютеров, информационных технологий, вводящее в заблуждение потерпевшего с целью получения его имущества на расстоянии»[3].

Следует отметить существенный недостаток данной трактовки. Определение необоснованно сужает спектр технических средств, используемых при совершении дистанционного мошенничества, ограничивая их лишь компьютерами и информационными технологиями. Между тем значительная часть дистанционных мошеннических действий осуществляется с применением телефонной связи и других коммуникационных устройств, которые не всегда можно отнести к категории компьютеров или информационных технологий в узком понимании этих терминов.

Уделим внимание самым распространенным способам совершения дистанционного мошенничества, которые должны если не получить законодательного закрепления, то хотя бы быть доведены до общественности в целях предупреждения совершения новых преступлений.

Фишинг — это один из способов мошенничества, целью которого является формирование поддельного сайта, неправомерное получение паролей, номеров банковских счетов и т.д. для получения конфиденциальной информации пользователей[4]. Чаще всего ссылка на поддельный сайт поступает посредством массовой рассылки, при этом это преимущественно сайты популярных интернет-магазинов, социальных сетей, а

---

[1] *Евтушенко И.В.* Дистанционные хищения: понятие и признаки / И.В. Евтушенко, А.А. Венедиктов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2020. - № 12-2. – С. 66. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Калюжный А.Н.* Использование возможностей средств сотовой связи в раскрытии и расследовании преступлений, посягающих на свободу личности / А.Н. Калюжный // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2018. - № 1 (84). - С. 118 - 124. – Текст: непосредственный.

[3] *См. Поляков В.В.* Проблемы тактики допроса по делам о компьютерных преступлениях / В.В. Поляков, А.В. Ширяев // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. - 2015. - № 15 (1). - С. 123 - 126. – Текст: непосредственный.

[4] *Завьялов А.Н.* Интернет-мошенничество (фишинг): проблемы противодействия и предупреждения / А.Н. Завьялов // Baikal Research Journal. - 2022. - № 2. – С. 2. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-moshennichestvo-fishing-problemy-protivodeystviya-i-preduprezhdeniya (дата обращения: 12.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

иногда и сайта Госуслуг[1].

Мошенничество в социальных сетях – злоумышленники получают доступ к странице жертвы, делают массовую рассылку с просьбой направить денежные средства. В большинстве случаев они просят перевести небольшую сумму, используя в качестве приманки дополнительную информацию, например, в виде изображения, после открытия которого в телефон жертвы проникает вирус, который крадет персональные данные и велика вероятность, что в скором времени доступ к социальной сети будет потерян.

Телефонное мошенничество реализуется посредством звонков от лиц, представляющихся сотрудниками банка (сообщающих о подозрительных операциях по счету), правоохранительных органов (уведомляющих о причастности к уголовному делу) или близкими родственниками (информирующих о бедственном положении, требующем срочной финансовой помощи). Необходимо отметить, что данный метод является одним из наиболее распространенных и постоянно модифицируется: меняется только «личность собеседника» и предлог для перевода денежных средств, в то время как цель и принцип осуществления остаются неизменными – злоумышленник завоевывает доверие, используя психологические приемы и манипулятивные техники воздействия на потерпевшего[2].

Обманное завладение денежными средствами посредством создания или использования сайтов благотворительных организаций. В данном способе мошенники так же используют доброту и небезразличие людей. Преступники посылают письма от имени благотворительных организаций или людей, которые нуждаются в помощи. Публикуют вымышленную информацию о болезни, при этом размещают чужие фотографии людей, нуждающихся в финансовой помощи на лечение, или копируют объявления с сайтов благотворительной помощи, принадлежащих реальным людям, меняя при этом реквизиты для перевода денежных средств[3].

Создание ложных объявлений по продаже вещей или предоставлении услуг – преимущественно это размещение сообщений от физических лиц, на сайтах «Авито» и ему подобных и приложениях, по поиску попутчиков. После того, как жертва заинтересовалась объявлением и уже готова совершить сделку, злоумышленники просят перейти по ссылке в чате для подтверждения какой-либо информации, где так же происходит потеря персональных данных и преступники получают доступ к банковским приложениям и совершают денежные переводы.

Еще одним проблемным аспектом, который не нашел не только законодательного, но и однозначного доктринального закрепления, является место совершения мошенничества с использованием дистанционных технологий. Отсутствие единого толкования места совершения преступления приводит к многочисленным нарушениям прав граждан, обращения которых отправляются по подследственности из одного территориального подразделения в другое.

Согласно ст. 152 Уголовно-процессуального кодекса РФ в отношении каждого преступления необходимо установить территориальную подследственность рассмотрения уголовных дел. Место всегда было связано с действиями виновного лица, совершившего преступление. Но объективная сторона преступления имеет различную конструкцию, и деяние может совершаться в одном месте, а последствия наступят в другом. В мошенничестве с использованием дистанционных технологий последствия находят свое проявление по месту нахождения жертвы, а само деяние может совершаться за тысячу километров. Поэтому в доктрине были предложены два подхода по определению места

---

[1] *См. Антонова Т.С.* Фишинг как неизученное киберпреступление / Т.С. Антонова, В.М. Смирнов // StudNet. - 2021. - № 6. – С. 69 – 75. – Текст: непосредственный.

[2] Дистанционное мошенничество // Официальный сайт УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве. - URL:https://cao.мск.мвд.рф/Dop/Pravovaja_informacija/документы/konsul-yurista/комментарии-юриста/item/17467440 (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *См.: Матвеева В.О.* Способы совершения дистанционного мошенничества / В.О. Матвеева // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. - 2022. - № 12 (75). – С. 665. – Текст: непосредственный.

совершения преступления: первый - применять правило, аналогичное времени совершения преступления, закрепленного в ст. 9 Уголовного кодекса РФ по совершению общественно опасного действия (бездействия) независимо от наступления последствий; второй - не только по совершению деяния, но и по наступлению последствий (нахождения потерпевшего)[1]. До тех пор, пока жертва и преступник находились на территории одного государства, на практике не возникало проблем с привлечением к уголовной ответственности и квалификации преступлений. Существует еще ряд научных подходов к определению места совершения преступления, так В. В. Коломинов неоднозначно подходит к его толкованию, по его мнению: «С одной стороны, местом совершения мошенничества в сфере компьютерной информации является сама информационно-телекоммуникационная сеть.., с другой стороны, местом является местонахождение конкретного компьютера, с которого осуществляется неправомерный доступ»[2].

На практике при рассмотрении уголовных дел руководствуются разными правилами: одни определяют место совершения дистанционных хищений - адрес филиала (отделения) банка, где открыт счет потерпевшего; другие считают адрес, по которому потерпевшему стало известно о совершенном в отношении его преступлении; третьи - адрес проживания потерпевшего; четвертые - адрес, по которому находится отдел полиции, в котором сделано заявление о совершенном преступлении[3].

Данную проблему пытались решить в приказе МВД России от 3 апреля 2018 г. № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений», было установлено, что местом проведения предварительного расследования является орган полиции, в который обратился потерпевший с заявлением о совершенном в отношении его преступлении, но также не устанавливается место совершения хищения.

Таким образом, считаем необходимым устранить пробелы в действующем законодательстве, а именно:

1. Закрепить следующее понятие «дистанционного мошенничества — это вид мошенничества, при котором преступник, чаще всего используя информационные технологии и телефонные сети, воздействует на сознание потерпевшего путём обмана и склоняет к передаче имущества удалённым образом».
2. На законодательном уровне закрепить устоявшееся правило по установлению места совершения мошенничества с использованием дистанционных технологий: при установлении лица, совершившего преступление, местом совершения преступления необходимо считать его местонахождение в момент совершения преступления или местонахождение оборудования (технических средств), с помощью которых совершено преступление, в то время как на первоначальных стадиях, когда лицо не установлено, местом совершения преступления на момент возбуждения уголовного дела необходимо считать место проживания потерпевшего.

---

[1] *Комаров А.А.* О составных элементах проблемы места совершения компьютерного преступления / А.А. Комаров // Инновационные научные исследования: материалы X Междунар. на-уч.-практ. конф. «Наука и просвещение». - 2016. - С. 194. – Текст: непосредственный.

[2] *Коломинов В.В.* Установление места совершения преступления в процессе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации / В.В. Коломинов // Иркутск, 2014. - С. 266. – Текст: непосредственный.

[3] *Белова Н.В*. Место совершения дистанционных хищений (проблемы практики применения) / Н.В. Белова, А.В. Белов // Судебная власть и уголовный процесс. - 2021. - № 2. – С. 72. – Текст: непосредственный.

ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ДОПРОСА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Рыжов Георгий Сергеевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Лютынский Антон Мечиславович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Допрос является ключевым процессуальным действием в уголовном судопроизводстве, обеспечивающим получение доказательств через показания участников процесса. Этот институт позволяет следователю, дознавателю или суду устанавливать обстоятельства дела. История допроса в России отражает эволюцию правовых систем, от примитивных методов выяснения истины до современных процедур, основанных на криминалистике и правах человека. Цель данной статьи — проследить историческое развитие допроса с акцентом на российскую практику и криминалистические аспекты.

Исследование исторического процесса, включая эволюцию института допроса, требует предварительного методологического обоснования подходов к пониманию истории и ее границах. В статье используется Источниковедческий подход — методология, разработанная Л. фон Ранке и развитая российским историком А.С. Лаппо-Данилевским, основанная на анализе и синтезе исторических источников для реконструкции прошлого[1]. В качестве общенаучных методов применяются методы диалектического и исторического материализма, в качестве философско-исторической концепций — позитивизм О. Конта, Л. фон Ранке, основывающийся на эмпирической проверке фактов.

С указанных позиций, исторический процесс предмета исследования представляет собой последовательность взаимосвязанных событий, фактов и общественных отношений. Временные рамки данного процесса определяются наличием подтверждающей источниковой базы. В рамках данного методологического подхода хронология исторического процесса не ограничивается условными временными рамками, а определяется моментом первичной фиксации события в различных формах исторического наследия: документальных источниках, свидетельствах очевидцев или материальных артефактах. История продолжается до тех пор, пока данные формы фиксации поддаются верификации, то есть могут быть проверены на достоверность с использованием современных методов исторического исследования.

Анализ исторического развития допроса в рамках уголовного права и процесса России требует прежде всего анализа исторических источников уголовного права и процесса, при анализе которых следует обратить внимание на структурно-функциональные элементы допроса и на их историческую динамику. Исследование предполагает последовательное рассмотрение следующих аспектов: участников процедуры (допрашивающий, допрашиваемый, иные — вспомогательные — участники), процессуальных рамок (время, место, порядок проведения), способов

[1] *См. Безлепкин Н.И.* «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского в российских университетах / Н.И. Безлепкин // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2019. - № 22 (5). - С.121 – 140. – Текст: непосредственный.

фиксации результатов (эволюция от устных клятв к цифровым технологиям), целей и задач (смещение акцентов от репрессивных методов к защите прав личности), форм допроса (классификация по публичности, структуре, субъекту), методов и тактик (от физического воздействия к психолого-криминалистическим приёмам), институциональных признаков (нормативная база, гарантии, санкции за заведомо ложные показания), а также качественных характеристик процесса — объективности, эффективности и гуманизма.

Критически значимым является выявление взаимосвязи между применяемыми при допросе методами, их нормативным закреплением и соответствием поставленным целям. При этом важно отметить эволюцию подходов к следственным действиям: если ранее доминировал принцип, согласно которому цель оправдывала средства, то в современных правовых реалиях действует противоположная концепция — «средства оправдывают цель». Это позволяет оценить, насколько исторически сложившиеся практики соответствуют принципам правового государства, где приоритетом является соблюдение процессуальных гарантий и прав личности, а не достижение результата любой ценой.

Исследование исторического развития допроса как процессуального действия в уголовном праве России требует анализа ключевых источников права, отражающих этапы его эволюции. Основу составляют законодательные акты, начиная с древнерусских памятников (Русская Правда, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г.), регламентировавших ранние формы допроса, и заканчивая более современными кодифицированными нормами (Устав уголовного судопроизводства 1864 г., УПК РСФСР 1923 г., Конституция РФ 1993 г., УПК РФ 2001 г.). Изучение этих источников позволяет выявить закономерности трансформации процедуры: от архаичных методов, основанных на религиозных и общинных традициях, до современных стандартов, ориентированных на защиту прав личности, объективность и технологизацию.

Классическая периодизация истории допроса, опирающаяся на политико-административные изменения (Древняя Русь, Московское государство, имперский, советский и современный периоды), может быть дополнена альтернативными классификациями. Например, по уровню процессуальной закрепленности выделяют 4 этапа[1]: первый этап — зарождение допроса (XX в. до н.э. — XI в. н.э.), второй этап (XI — XVII в.в.) — попытки начальной правовой регламентации, третий этап развития допроса (середина X1X в. — конец XX в.) — формирование и совершенствование учения о допросе, четвертый этап (XXI в. — наше время) — дальнейшее развитие и использование высокотехнологичных средств в следственных действиях.

Зарождение допроса в древности и средневековье

В Древней Руси (IX–XIII вв.). допрос как формализованная процедура отсутствовал. Целью его было установление истины любой ценой, как правило пытками. Также установление истины основывалось на ордалиях (испытаниях огнем и водой) и судебных поединках («поле»), что отражало веру в божественное вмешательство. В Русской Правде поименованы такие виды судебных испытаний, как железо, под которым понималось судебное испытание раскаленным железом, ордалия, «Божий суд»; вода – как судебное испытание посредством погружения в воду, «Божий суд». «Русская Правда» не содержала норм о допросе, но упоминала свидетелей, чьи показания учитывались общиной и князем. В пункте 26 Русской Правды говорится: «если следов побоев нет, то привести ему свидетеля в соответствии со словами его показания». Процесс был неструктурированным, а криминалистические методы еще не существовали. Особое внимание уделялось проверке показаний, которая в большинстве случаев осуществлялась

[1] *Бертовский Л.В.* История становления и развития тактики допроса / Л.В. Бертовский, А.М. Кустов // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. - 2023. - № 1. - С. 403. – Текст: непосредственный.

путем пыток, испытаний или клятв[1]. Клятвой (ротой) участники процесса подтверждали свои показания перед богом и судом, например при недостаточном количестве необходимый свидетелей[2].

Таким образом, период Древней Руси характеризуется первыми упоминаниями о показаниях и свидетелях, использованием различных пыток для получения информации от «виновного» и отсутствием законодательного регулирования допроса, который воспринимался как процедура пыток, а не получение добровольных показаний, место ее проведения также не регламентировалось.

Московское государство (XIV–XVII вв.).

С укреплением центральной власти допрос стал частью розыскного процесса. Судебники 1497 и 1550 гг. закрепили допрос как способ получения признательных показаний, часто с применением пыток. Соборное уложение 1649 г. (гл. XXI, ст. 10) узаконило пытки, подчеркивая обвинительный уклон системы. Показания, добытые под давлением, считались «царицей доказательств», что свидетельствовало о неразвитости следственных техник. Отсутствие научных методов делало допрос зависимым от физического принуждения. Доносы («извет») и оговоры часто служили отправной точкой расследования. Допросы проводились в приказных избах, велось протоколирование: «Срочная сказка сторон, когда стать им к допросу в Приказной избе. (Поручные записи есть). После допроса (в марте) помета: послать подьячего в другой раз для осмотра»[3].

Таким образом, период Судебников 1497, 1550 и 1589 гг., а также Соборного Уложения 1649 г. включает три ключевых элемента розыскного процесса: обыск, свидетельство о репутации обвиняемого и пытку. Судебник 1550 г. ввел процедуру допроса и «повальный обыск», который предполагал массовый допрос подозреваемых и свидетелей, хотя пытки продолжали использоваться при допросах.

Эволюция допроса в имперский период (XVIII–XIX вв.)

Петр I модернизировал уголовный процесс, заимствуя элементы европейского права. В 1697 году Петром I был издан указ, согласно которому состязательный процесс подвергся жесткой критике. Категоричной была позиция царя и к лжесвидетельству – за дачу ложных показаний была введена смертная казнь[4].

На тот момент наиболее надежными доказательствами считались собственные признания, при этом предъявлялись требования: признание должно быть сделано перед судьей, быть полным и не вызывающим сомнений. Если признание дало лицо под пыткой и впоследствии отказалось от него, его снова подвергали пыткам, допускаемым до трех раз. После третьей попытки, если отказ продолжался, человека отпускали, указав на то, что в случае возникновения новых подозрений лицо может быть вновь подвергнуто пытке[5].

Среди правовых источников того времени стоит отметить «Артикул воинский» от 26.04.1715, в главе XX которого «О содомском грехе, о насилии и блуде»

---

[1] Черепнина Л.В. «Указная книга Разбойного приказа 1616/17 г.» // Памятники Русского Права. / под ред. Л.В. Черепнина // Москва: Юридическая литература, 1963. - С. 193-194. – Текст: непосредственный.

[2] Рота, в древнерусском процессе // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб. - 1899. - Т. XXVII. - С. 151-152. – Текст: непосредственный.

[3] *См. Победоносцев К.П.* Материалы для истории приказного судопроизводства в России / К.П. Победоносцев // Москва: Унив. тип., 1890. - 175 с. - URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Pobedonoscev/materialy-dlja-istorii-prikaznogo-sudoproizvodstva-v-rossii/#source (дата обращения: 22.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] *См. Брусиловский А.Е. С*видетельские показания в качестве судебных доказательств /А.Е. Брусиловский, М.С. Строгович // Методика и техника следственной работы: сборник статей. Москва, 1934. - С. 103 - 107. – Текст: непосредственный.

[5] *Зинченко П.И.* К вопросу об истории процессуальной регламентации и тактических приемах ведения допроса в России в эпоху Петра I / П.И. Зинченко // Вестник института: преступление, наказание, исправление. Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Москва. - 2011. - № 1 (13). - С. 86 - 90. – Текст: непосредственный.

содержится методика расследования заявлений об изнасилованиях и тактические рекомендации для допросов потерпевших[1].

«Краткое изображение процессов» (1715 г.) и «Воинский устав» (1716 г.) ввели регламентацию допросов, разделив функции судьи и следователя. Однако пытки сохранялись, хотя их применение ограничивалось для определенных групп (например, дворян и пожилых).

Ключевым моментом этого периода стало прекращение пыток во время допросов. Указом Александра I от 27.09.1801 года пытки были отменены, но на практике их применяли до середины XIX века. С этого времени началась реформа методов допроса, основанная на психологических принципах, что позволило добиваться истины без физического насилия, используя психологические тактики[2].

Судебная реформа 1864 г., в частности Устав уголовного судопроизводства запрещали пытки. Было ведено обязательное протоколирование допросов. Состязательность, участие адвокатов и присяжных заседателей изменили роль допроса, перенеся акцент с признаний на исследование доказательств, в том числе допрос с участием адвокатов на стадии судебного разбирательства[3].

Теория формальных доказательств была отменена лишь после принятия четырех уставов, после чего в России впервые систематизировался порядок проведения следственных действий, в том числе и допроса[4].

Таким образом, третий период охватывает XVIII-XIX века, когда постепенно упорядочивалась процедура пыток и их применение стало регулироваться законодательно. Впервые в акте «Артикул воинский» 1715 года была закреплена методика расследования преступлений с рекомендациями по допросам. В этом периоде важным этапом стало отмена пыток указом Александра I в 1801 году, хотя они использовались до середины XIX века. В XIX веке методы допроса в России значительно развились: в первой половине века применяли физическое воздействие, но с середины века началась реформация, основанная на психологических принципах для достижения истины без насилия. Допросы стали проводиться с использованием психологических тактик, однако порядок их проведения оставался не урегулированным.

Советский период

В 1922 и 1923 годах были приняты уголовно-процессуальные кодексы РСФСР, в которых устанавливался порядок допроса. В ст. 141 УПК РСФСР 1922 года указывалось, что допрос начинается с приглашения обвиняемого изложить известное по делу, после чего ему задаются вопросы. В протоколе допроса фиксируются показания обвиняемого и, по возможности, вопросы и ответы. Показания записываются в первом лице и, если возможно, дословно[5].

1. УПК РСФСР 1923 г. формально закрепил права обвиняемых, но на практике допросы часто сопровождались давлением, особенно в годы политических репрессий

---

[1] Военный устав с Артикулом военным, при котором приложены толкования, также с кратким содержанием процессов, экзерциciею, церемониями, и должностьми полковых чинов // Императорская Академия Наук. Санкт-Петербург, 1748. - 228 с. – Текст: непосредственный.

[2] *Роднёнок А.А*. История становления допроса в России и его исторические особенности / А.А. Роднёнок // Вопросы российской юстиции. - 2023. - № 29. – С. 367. – Текст: непосредственный.

[3] *Буфетова М.Ш*. Формирование института адвокатуры и института защиты судебной реформой 1864 года / М.Ш. Буфетова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. - 2024. - № 3 (45). – С. 33. – Текст: непосредственный.

[4] *См. Кондратенко В.А.* Теория и практика допроса в стадии предварительного расследования : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Москва: РГБ, 2003. - 211 с. – Текст: непосредственный.

[5] Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-процессуальном кодексе» (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» - URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4006#NJasbHVM92sxPoKE1 (дата обращения: 25.10.2025) – Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст: электронный.

1930-х гг. Фальсификация протоколов стала распространенной проблемой, что подрывало достоверность показаний.

С принятием УПК РСФСР 1960 г. произошло улучшение положений о допросах и установлен процессуальный порядок для участников уголовного судопроизводства. Глава 11 (ст. 150) касалась допроса обвиняемого, глава 19 - свидетеля и потерпевшего, а глава 16 (ст. 192) — эксперта.

В середине XX в. криминалистика сделала шаг вперед благодаря работам Р.С. Белкина[1] (см. также[2]) и И.А. Громова[3] (см. также[4]). Были детально разработаны тактики допроса и методы фиксации показаний, включая аудиозапись в 1960-х гг. Это повысило объективность процесса, хотя обвинительный уклон сохранялся. Введение научных методов, таких как психологический анализ показаний, позволило улучшить качество допросов.

Таким образом, четвертый период в уголовно-процессуальном законодательстве ознаменовался появлением кодексов, которые установили регламенты проведения допроса. С 1922 и 1923 годов с принятием УПК РСФСР начали закрепляться нормы, касающиеся допроса, а УПК РСФСР 1960 года улучшил эти положения, определив процессуальный порядок допроса участника судопроизводства.

Современный этап (1990-е – настоящее время)

УПК РФ 2001 г. закрепил принципы состязательности (ст. 15) и права на защиту с момента задержания (ст. 49–50), урегулировав процедуру допроса (ст. 189–190). Внедрение видеозаписи (ст. 191) и когнитивных методов допроса, основанных на психологии памяти, стало важным достижением: устанавливаются ограничения по времени допроса, место проведения фиксируется в законе и детализируется порядок проведения допроса.

С принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2001 году были закреплены ключевые принципы уголовного судопроизводства, включая принцип уважения чести и достоинства личности. Это означает, что участники процесса не могут подвергаться насилию или унижению. Все следственные действия, включая допрос, должны строго соответствовать процессуальному законодательству.

В 2022 году ст. 278.1 УПК РФ о допросах и судебных действиях с использованием видео-конференц-связи была изменена, а с 9 января 2023 года расширены возможности её использования и подачи электронных документов[5].

Таким образом, в действующем УПК РФ впервые прописаны основные принципы уголовного процесса и правила проведения допроса как на стадии предварительного расследования, так и в суде. За последние годы законодательство обогатилось новыми нормами, такими как видеозапись следственных действий и видеоконференц-связь для допросов.

Современные технологии, такие как видеозапись, электронные протоколы и онлайн-допросы, изменили подход к допросу, повысив его прозрачность и эффективность. Например, видеозапись позволяет фиксировать поведение

---

[1] *См. Белкин Р.С.* Версии в доказывании. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая / Р.С. Белкин // М.: Юрид. лит., 1966. - 584 с. – Текст: непосредственный.

[2] См. Грибунов О.П. Научное наследие Р.С. Белкина и его влияние на становление и развитие криминалистической науки / О.П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2018. - № 2 (85). – С. 103 – 109. – Текст: непосредственный.

[3] *Головин А.Ю.* Представления о системе криминалистики в трудах отечественных криминалистов первой половины XX / А.Ю. Головин // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. - 2014. - № 5-2. – С. 5-6. – Текст: непосредственный.

[4] *См. Громов В.У*. Методика расследования преступлений : Руководство для органов милиции и уголовного розыска / В.У. Громов. - Москва : изд-во Нар. ком. внутр. дел. РСФСР, 1929 (Л. : типо-лит. «Сокол»). - 114 с. – Текст: непосредственный.

[5] Основные изменения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации в 2023-2024 годах // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» - URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.10.2025) – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

допрашиваемого, что важно для анализа достоверности показаний. Однако цифровизация влечет риски, такие как утечка данных, что требует усиления кибербезопасности.

В США в ряде штатов до сих пор применяется «Тактика Рейда» (Reid Technique), основанная на презумпции виновности и психологическом давлении. Например, следователи используют закрытые вопросы, манипуляции («Ты случайно это сделал?») и длительные допросы без адвоката[1]. Это приводит к ложным признаниям, особенно среди несовершеннолетних. Верховный суд США формально признаёт различия в развитии детей и взрослых, но на практике допросы несовершеннолетних часто проводятся без учета их психологической уязвимости. Например, отсутствие обязательной видеозаписи и ограничений по времени.

В Германии §136a УПК запрещает не только физическое насилие, но и «обманные тактики» (например, ложь о наличии доказательств). В РФ ст. 189 УПК РФ запрещает наводящие вопросы, но разрешает «тактические приемы», что иногда трактуется расширительно. Немецкий опыт мог бы усилить гарантии против манипуляций.

Модель P.E.A.C.E. (Великобритания). Эта методика, разработанная в 1990-х, состоит из пяти этапов: планирование, вовлечение, получение показаний, завершение и оценка. Она основана на необвинительном подходе, где следователь создает комфортную обстановку, передавая инициативу допрашиваемому. Видеозапись допросов часто обязательна, что снижает риски давления. Метод применяется в том числе в Норвегии, Канаде и Австралии.

Система «правосудия заложников» (хитоджичи сихо) в Японии характеризуется тем, что подозреваемых могут задерживать до 23 дней без предъявления обвинений и без права на освобождение под залог. Это позволяет следователям проводить длительные допросы, чтобы добиться признания. Подозреваемых часто допрашивают без адвоката, допросы могут длится до 10 часов в день без перерыва[2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исторически допрос сталкивался с проблемами, такими как доминирование обвинительного подхода, отсутствие гарантий для уязвимых групп (жертв, несовершеннолетних) и применение пыток. Уроки прошлого подчеркивают необходимость гуманизации процедур и развития криминалистики для обеспечения объективности. Влияние международных стандартов, таких как решения ЕСПЧ, способствовало укреплению прав участников процесса.

Этика допроса требует баланса между долгом раскрытия преступления и уважением прав личности. Особое внимание уделяется допросу уязвимых групп, таких как несовершеннолетние и жертвы преступлений.

В будущем ожидается активное внедрение инновационных технологий, улучшение защиты прав потерпевших, уделение особого внимания психологической поддержке участников процесса с обязательным присутствием квалифицированного психолога при допросах.

Изучение эволюции методов, тактик и принципов допроса позволяет выявить закономерности:

1. Исторического отбора, процессуальных инструментов на основе их практической эффективности. Так, историческая ретроспектива демонстрирует, что устойчивое закрепление в законодательстве получили те методы, которые

---

[1] *См. Шаевич А.А.* Обзор зарубежных методик допроса: «Тактика Рейда» / А.А. Шаевич // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. - 2023. - Т. 25. - № 1. - С. 255 - 263. – Текст: непосредственный.

[2] *Реховский А.Ф.* Современная реформа уголовного процесса Японии / А.Ф. Реховский // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. - 2020. - № 1 (27). – С. 10. – Текст: непосредственный.

обеспечивали достоверность доказательств (например, переход от устных показаний к протоколированию), тогда как деструктивные практики, такие как, например, применение пыток, постепенно запрещались на законодательном уровне из-за ненадежности их применения для установления истины по делу.

2. Взаимосвязь между гуманизацией процесса и качеством доказательств. Отказ от инквизиционных (обвинительных) методов обусловлен не только этическими требованиями, но и прагматическими соображениями: доказательства, полученные под принуждением, теряют юридическую силу по причине их необъективности.

3. Преемственность криминалистических методик. Современные методики являются логическим развитием исторических попыток минимизировать субъективизм в фиксации показаний.

История допроса демонстрирует, что многие его элементы, трансформируясь, сохраняют функциональную связь с прошлым, например, средневековые допросы на площади, где община участвовала в «суде толпы», эволюционировали в принцип открытости судебных заседаний, обеспечивающий прозрачность. Устные клятвы перед крестом, основанные на вере в божественную кару, сменились видеозаписью, где технология гарантирует достоверность, а наказание за лжесвидельствование предусмотрено законодательно. Физические пытки уступили место психологическому воздействию, сохранив цель — получение признания, но в рамках правовых ограничений. Совмещение судьей ролей обвинителя и защитника в прошлом трансформировалось в разделение функций между сторонами процесса, что формально снижает субъективизм.

Таким образом, диалектический подход позволяет увидеть в современных нормах не разрыв с прошлым, а результат его критического переосмысления, где исторические практики допроса, лишённые явного насилия, продолжают служить установлению истины.

ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Сангинов Руслан Сейтаблаевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Петрова Ирина Александровна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) кандидат юридических наук, доцент

В условиях глобализации и массовой миграции вопросы миграционной безопасности стали актуальными для многих государств. Миграционные правонарушения охватывают незаконный пересечение границ, нарушение режима пребывания, подделку документов и организацию нелегальной миграции. На международном уровне сложился широкий спектр подходов к противодействию этим деяниям – от административных санкций до уголовного преследования. Постепенно сформировались нормы, устанавливающие уголовную ответственность за нарушения миграционного законодательства в разных юрисдикциях. Настоящая статья прослеживает исторические этапы развития такого регулирования в России и странах СНГ, Европейском союзе и США, описывает ключевые законодательные новеллы, анализирует квалификацию миграционных преступлений в различных Уголовных кодексах и выявляет общие и отличительные черты этих подходов.

В Российской империи и позднее в СССР свободное пересечение границы было строго ограничено. Уже в советский период за «незаконный переход Государственной границы СССР» предусматривалась уголовная ответственность (например, статьи 137–138 УК РСФСР 1960 г.), связанная с «попытками самовольного пересечения границы и побегом за рубеж»[1]. После распада СССР новые государства СНГ унаследовали советскую правовую модель миграционного контроля. В первые годы независимости уголовная ответственность за миграционные правонарушения обычно основывалась на статьях о незаконном переходе границы и контрабанде (в Уголовных кодексах России, Украины, Белоруссии, Казахстана и др.)[2]. Например, первые редакции УК РФ 1996 г. (ст. 322) уже устанавливали наказание за «незаконное пересечение Государственной границы РФ» без надлежащих документов. Однако в 1990-е – начале 2000-х гг. такие преступления относили к малозначительным: за незаконную миграцию чаще применялась административная ответственность (штрафы или депортация).

Настоящее же уголовное регулирование в России начало формироваться с середины 2000-х. Законом от 28 декабря 2004 г. № 187-ФЗ в УК РФ была введена ст. 322.1 («Организация незаконной миграции»)[3]. Эта статья криминализировала деятельность посредников при нелегальном въезде, транзите и пребывании иностранцев (необходимо отдавать отчет, что санкции за сам факт нелегального пребывания до введения 322.1 были

[1] Вопросы уголовной ответственности в сфере миграции // Прокуратура Иркутской области, 26.06.2024. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_38/activity/legal-education/explain/criminal/e363888/ (дата обращения 28.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 28.12.2004 № 187-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета, № 290, 30.12.2004.

административными). Далее законами 5 ноября 2006 г. № 189-ФЗ и 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ в УК РФ появились новые составы, связанные с миграцией: ответственность за фиктивную регистрацию (ст. 322.2 и ст. 322.3 УК РФ). В 2018–2024 гг. в России были приняты очередные поправки (ФЗ № 420-ФЗ от 07.12.2011 г., № 383-ФЗ от 09.11.2024 г. и др.), усиленно совершенствующие квалификацию и наказания за миграционные преступления[1]. Так, в конце 2024 г. установлены более суровые санкции за «организацию незаконной миграции» (увеличены верхние пределы лишения свободы)[2].

В большинстве государств СНГ (например, в Казахстане, Азербайджане, Узбекистане, Белоруссии) аналогичные нормы создавались по образцу российского законодательства и советской практики. Многие из этих стран сохранили ответственность за незаконное пересечение границы как уголовно наказуемое деяние, при этом развивая собственные механизмы миграционного контроля.

Правовое регулирование в Европейском союзе

В странах Евросоюза подход к нелегальной миграции складывался в рамках Шенгенского соглашения и общих европейских директив. До 1990-х гг. вопросы контроля за границей решались преимущественно национальными законами: в одних странах (например, Италия, Греция) незаконный въезд был де-факто административным правонарушением, в других (в частности, в восточных государствах-членах) – мог преследоваться уголовно. К началу интеграции (Шенген, 1995 г.) стало ясно, что необходимы общие правила.

В 2002 г. был принят «Пакет фасилитаторов» – три директивы, одним из которых стала Директива Совета 2002/90/ЕС, определившая преступление «фасилитации» (организации) незаконного въезда, транзита или пребывания на территории ЕС[3]. Эта директива обязала страны-члены установить в национальном законодательстве наказание для «лиц, которые организуют или содействуют несанкционированному въезду, транзиту или легализации» иностранцев. В то же время сама незаконная попытка пересечь общую границу (без документов) в ЕС как правило оставалась административно запрещенной (штраф, депортация), а не уголовной (за исключением отдельных случаев массовых беспорядков или нападений на границу). После миграционного кризиса 2015 г. Евросоюз продолжал укреплять общие стандарты: в 2008 г. была введена Директива 2008/115/ЕС по процедурам возвращения нелегальных мигрантов, а в 2014 г. началась разработка новой Директивы о фасилитации (ныне «Директива о солидарности»), которая должна дополнительно ужесточить наказание за содействие нелегальной миграции[4].

Практика государств ЕС различается. Во многих странах (Германия, Франция, Австрия) нелегальный въезд рассматривается как административное правонарушение, а уголовную ответственность несут лишь «фасилитаторы» (перевозчики и посредники). Например, в Германии Residence Act (§95) нарушение иммиграционных правил наказывается штрафом или тюремным сроком до 1 года (или более при отягчающих обстоятельствах), а по §96 (§96 AufenthG) тот, кто за вознаграждение организовал или побудил других к нелегальному въезду или пребыванию, может получить до 5 лет лишения свободы[5][6]. Во Франции («кодекс въезда и пребывания иностранцев») аналогично

---

[1] Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 (ред. от 12.05.2023) «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы» // Собрание законодательства РФ, 05.11.2018, № 45, ст. 6917.

[2] Уголовное право, исполнение наказания // Прокуратура Иркутской области. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_38/activity/legal-education/explain/criminal?item=96067072/ (дата обращения: 28.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Statewatch. EU: New migrant smuggling law to ensure criminalisation of solidarity. 10 Dec. 2024.

[4] Immigration and Nationality Act (8 U.S.C.), внесен Сенатом США 1952 г., разделы 1325–1326. Federal Immigration Act 1929 (U.S.), Chapter 690.

[5] EU Member States' legislation on irregular entry and stay, as well as facilitation of irregular entry and stay. – URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra-2014-criminalisation-of-migrants-annex_en.pdf (дата обращения: 28.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

за содействие нелегальной миграции предусмотрено лишение свободы до 3 лет, а незаконный въезд в СНГ после 1 месяца карается депортацией. Европейская правоприменительная практика всё чаще обсуждает гуманитарную ответственность – необходимость исключений для спасения жизней мигрантов и правозащитников[1].

Правовое регулирование в США

В США иммиграция традиционно регулировалась федеральным законодательством. Уголовная ответственность появилась ещё в начале XX в. Законы 1929 г. ввели наказание за нелегальный въезд, а Immigration and Nationality Act 1952 г. кодифицировал основные нормы. В современных США ключевыми уголовными статьями являются 8 U.S.C. §1325 (незаконный въезд без документов) и §1326 (повторный въезд после депортации). Первая позволяет наказать гражданина другой страны, который пересёк границу «не в установленном месте или без разрешения»; по ней обычно назначается штраф или тюремный срок (часто этот состав квалифицируется как фелония при рецидивах). Вторая (§1326) преследует лицо, ранее депортированное, и может грозить более длительным тюремным сроком (до 2 лет). Американский НИПНЛГ отмечает, что эти статьи восходят к 1920-м годам и были направлены на «поддержку расистской политики» тех лет[2]; лишь в 1996 г. (IIRIRA) в 8 U.S.C. §1325 были внесены изменения, направленные скорее на административное, чем уголовное наказание (ввиду перегрузки судов)[3]. Кроме того, 8 U.S.C. §1324 криминализирует «ввоз и укрывательство» нелегальных иностранцев (до 5 лет лишения свободы) – например, перевозка нелегалов на автомобиле карается уголовно. За подделку иммиграционных документов отвечает 18 U.S.C. §1546 (фальсификация виз, «AOS»-гринкарт, разрешений на работу и прочих миграционных документов)[4]. США также известны депортируемыми уголовными составами для беженцев, обманувших иммиграционные органы (Marriage Fraud и т.д.), но эти виды ответственности выходят за рамки миграционного законодательства. Таким образом, в США основой квалификации миграционных преступлений являются собственные статьи иммиграционного законодательства, ориентированные на нелегальный въезд и повторный въезд, тогда как въезд по недействительным документам прямо подпадает под общую статью о мошенничестве с документами.

Анализ квалификации миграционных преступлений

В российском уголовном законодательстве складывается чёткая система миграционных составов. Статья 322 УК РФ включает «незаконное пересечение границы»: часть 1 касается пересечения без документов или разрешения (наказывается штрафом или арестом до 2 лет), часть 2 – попытки въезда туда, куда въезд явно запрещён (до 4 лет). Часть 3 322 ст. ужесточает ответственность за эти же деяния, совершённые группой или с применением насилия (до 5 лет). Статья 322.1 УК РФ вводит самостоятельный состав «организация незаконной миграции»: за организацию незаконного въезда или пребывания грозит 2–5 лет лишения свободы, а при отягчающих обстоятельствах (группа, служебное положение, поддельные документы и т.п.) – до 10 лет. Статьи 322.2 и 322.3 УК

---

[6] Шенгенское соглашение (Convention Implementing the Schengen Agreement), 1990. – URL: https://en.wikisource.org/wiki/Convention_implementing_the_Schengen_Agreement (дата обращения: 28.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[1] Legal Information Institute (Cornell Law). 18 U.S.C. § 1546 (fraud and misuse of visas etc.). – URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1546 (дата обращения: 28.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Unauthorized Entry & Re-entry Prosecutions // National Immigration Project (NIPNLG), 2024. – URL: https://nipnlg.org/unauthorized-entry-re-entry-prosecutions (дата обращения: 28.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] U.S. Dept. of Justice. Criminal Resource Manual: 8 U.S.C. §1325 Unlawful Entry (Archive). – URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/8/1325 (дата обращения: 28.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] 18 U.S. Code § 1546 - Fraud and misuse of visas, permits, and other documents | U.S. Code | US Law | LII / Legal Information Institute. – URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1546 (дата обращения: 28.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

РФ отвечают за фиктивную регистрацию: незаконную регистрацию по месту жительства и по месту пребывания иностранных граждан. Они предусматривают наказания вплоть до 5 лет лишения свободы. Таким образом, российская квалификация разделяет «самостоятельное» незаконное пересечение (ст. 322) и «организацию» миграции (322.1), а также фиктивные регистрационные действия (322.2–322.3). По совокупности национальных и российских УК, миграционное преступление квалифицируется в зависимости от способа (пересечение, фальсификация документов, посредничество), объекта (Граница РФ, регистрационная база) и обстоятельств (группа, насилие, корысть).

В законодательстве стран СНГ аналогичные деяния квалифицируются сходно с российскими: например, в Уголовном кодексе Украины переход к нарушителю границы влечёт арест до 3 лет, а организация нелегальной миграции – наказание до 8 лет. В странах Балтии и Восточной Европы аналогичные составы могут входить в УК или отдельные иммиграционные кодексы.

В странах ЕС, где прямого общегосударственного Уголовного кодекса нет, квалификация определяется национальным законодательством в рамках директив. Как правило, сам факт нелегального въезда в ЕС (если речь не идёт о массовом вторжении или трафике людей) не образует уголовного преступления – за него приговаривают к административному штрафу или депортации. Уголовной признана организация (фасилитация) нелегального въезда/транзита: государства-члены включили в УК европейскую директиву 2002/90, по которой пособник мигрантов (например, перевозчик, господин, фальсификатор) получает до 5 лет тюрьмы[1]. Во многих странах ЕС также наказуемо использование фальшивых документов при въезде. Например, в Польше согласно национальному Уголовному кодексу любая попытка организовать незаконный переезд карается лишением свободы на 6 месяцев – 8 лет[2]. Во Франции и Испании подлоги миграционных документов часто отнесены к общим уголовным статьям о фальсификации, но могут квалифицироваться как отягчающие в контексте миграции.

В США миграционные преступления классифицируются через статуты иммиграционного права. 8 U.S.C. §1325 и §1326 – это неснятые с обсуждения «иммиграционные статьи» о въезде и повторном въезде; §1324 – статья о контрабанде и укрывательстве («brining in and harboring aliens»), а 18 U.S.C. §1546 – общефедеральная статья о фальсификации иммиграционных документов[3]. Таким образом, квалификация преступлений в США строится на уровне федеральных кодексов: действие (въезд, переправка, документ) и умысел (знание о незаконности) определяют статью. Международные стандарты (например, Конвенция ООН о борьбе с транснациональной преступностью) влияют на трактовку «посредничества» и «торговли людьми», однако непосредственно миграционные составы у каждой страны самостоятельны.

Сравнительная характеристика подходов

Анализ показывает как общие черты, так и существенные различия в подходах. Общее: почти все юрисдикции признают опасность организованной нелегальной миграции и стремятся противостоять ей. Во всех рассматриваемых системах имеются составы, наказывающие посредничество и подделку документов, что соответствует международным обязательствам (Резолюции ООН, конвенции ООН). Многие государства включают повышенные санкции за преступления, совершённые организованной группой или с корыстными мотивами.

---

[1] Council Directive 2002/90/EC of 28 Nov. 2002 defining the facilitation of unauthorised entry, transit and residence (Directive of the European Parliament and of the Council). – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX%3A32002L0090 (дата обращения: 28.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Justice Manual | 1911. 8 U.S.C. 1325 -- Unlawful Entry, Failure To Depart, Fleeing Immigration Checkpoints, Marriage Fraud, Commercial Enterprise Fraud | United States Department of Justice. - : https://www.justice.gov/archives/jm/criminal-resource-manual-1911-8-usc-1325-unlawful-entry-failure-depart-fleeingimmigration (дата обращения: 28.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Там же.

Отличия заключаются прежде всего в том, что в России и США сам факт нелегального пересечения границы чаще трактуется как преступление (необходимые документы и разрешения – обязательны, а пересечение «без них» карается), тогда как в ЕС незаконный въезд иностранца почти всегда считается административным правонарушением, а уголовно преследуются в основном организаторы. В России, наоборот, часть 1 ст. 322 УК РФ прямо предусматривает наказание за пересечение границы «без действительных документов»[1]. С другой стороны, в ЕС и США намного шире представлена уголовная ответственность за фиктивную регистрацию и фальсификацию, тогда как в России часть этих вопросов решается административно (проживание нелегалов) или через положения о регистрации (ст. 322.2–322.3 УК РФ).

Кроме того, подходы различаются по отношению к мотивам. Российское законодательство недавними поправками акцентировало внимание на государственной безопасности: запрещено въезд и посещение иностранцам, включённым в «черные списки». В Евросоюзе противопоставление «преступник» vs «беженец» требует учитывать международное право о беженцах и права человека. Поэтому европейские страны устанавливают исключения: оказание первой помощи беженцам на границе в принципе освобождается от наказания (в ряде стран действует «гуманитарная норма»). В США и России таких исключений на федеральном уровне нет: все миграционные нарушения преследуются независимо от мотивов пересечений (за исключением прохождения процедур убежища в установленных местах).

Наконец, санкции отличаются строгостью. В России текущие уголовные санкции по миграционным статьям (до 10–15 лет тюрьмы за особо опасные составы) во многих случаях более жёсткие, чем в ЕС (где максимальные сроки обычно до 5–7 лет)[2]. В США за повторное нарушение (§1326) санкция до 2 лет, но, если к преступлению примешан криминалитет (например, человек был осуждён за тяжкое преступление, выдан лишь для депортации), срок может достигать 20 лет. Вместе с тем американская практика реальной отбываемости сроков за миграционные преступления часто мягче заявленной санкции (многие проходят через «петиционные» программы освобождения).

Таким образом, история правового регулирования уголовной ответственности за миграционные нарушения показывает эволюцию от общей репрессивной практики к более дифференцированному подходу. В России и странах СНГ развитие шло от советских норм к современным уголовно-правовым институтам, введенным в 2000-х годах, с акцентом на борьбу с организованной миграцией (ст. 322.1–322.3 УК РФ). В ЕС формировались европейские директивы, устанавливающие минимальные стандарты (главным образом по фасилитации), однако большая часть наказуемых деяний остаётся в компетенции национальных правовых систем. В США закреплены собственные федеральные нормы, отражающие исторические особенности американской миграционной политики (откровенно иммиграционные статьи 1920–30-х гг. до IIRIRA 1996 г.). Общими чертами стали внимание к борьбе с организованной преступностью, согласование с международными стандартами (например, Конвенцией против транснациональной организованной преступности) и постепенное ужесточение санкций на фоне глобального миграционного давления. Различия заключаются в уровне криминализации факта нелегального въезда (строгий в РФ и США, умеренный в ЕС) и наличии или отсутствии гуманитарных исключений. Сравнительный анализ показывает, что ни одна система не ограничивается чисто административными мерами – в век больших миграционных потоков большинство стран консолидируют правоохранительные ресурсы, включая уголовно-правовой инструментарий, для регулирования миграции, при этом каждая юрисдикция сохраняет свои приоритеты и правовые традиции.

---

[1] Там же.

[2] Иностранные судебные решения по миграционным преступлениям и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (приложение к протоколу о торговле людьми) // М., 2000. - С. 44. – Текст: непосредственный.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ситова Виктория Сергеевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Морозов Роман Михайлович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Судебный контроль является неотъемлемым элементом правового государства, обеспечивающим защиту прав и свобод граждан, поддержание законности в деятельности органов государственной власти и соблюдение принципа разделения властей. Тем не менее, нормативно закрепленного термина судебного контроля в настоящее время нет, но в доктрине имеется немало вариаций определения указанного понятия. Судебный контроль призван обеспечивать защиту прав и свобод, а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых хозяйствующими субъектами[1].

Так, например, Профессор, заслуженный юрист РФ И.Л. Петрухин[2], профессор А.П. Гуськов[3] выделяют судебный контроль в качестве элемента правосудия.

Судебный контроль - одна из функции судебной власти, основной целью которой является не только укрепление процессуальных гарантий соблюдения конституционных прав и свобод в стадии досудебного расследования, но и установление конституционной законности путем производства комплекса проверочных мероприятий для обеспечения обоснованности и законности решений органов досудебного расследования[4].

Встречаются иные точки зрения, согласно которым судебный контроль является самостоятельной правовой категорией, а не просто функцией судебной власти[5].

Проанализировав различные источники, можно констатировать, что в сфере уголовного судопроизводства выделяют два основных вида судебного контроля, различающихся по предмету или субъекту контроля:

1) конституционный судебный контроль, который реализуется Конституционным Судом РФ за конституционностью нормативных актов, регулирующих отношения в сфере уголовного судопроизводства;

2) уголовно-процессуальный судебный контроль, который реализуется судами общей юрисдикции за действиями и (или) решениями публичных процессуальных

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 16.10.2007 № 677-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Монцевой Валентины Серафимовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 42 Федерального закона «Об акционерных обществах» // URL: https://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_4984. htm?ysclid=mg5masovil142681069 (дата обращения: 01.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Петрухин И.Л.* Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием / И.Л. Петрухин // Российская юстиция. - 1998. - № 9. - С. 13. – Текст: непосредственный.

[3] *Гуськова А.П.* К вопросу о судебном порядке рассмотрения жалоб по уголовному делу в досудебном производстве / А.П. Гуськова // Проблемы совершенствования и применения законодательства о борьбе с преступностью: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию Башкир. гос. ун-та. - Ч. I. - Уфа : РИО БашГУ, 2004. - С. 9. – Текст: непосредственный.

[4] *Кулбаева М.М*. Международные стандарты, зарубежный законодательный опыт судебного контроля в стадии расследования / М.М. Кулбаева, А.Н. Ахпанов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. - 2023. - № 2 (73). - С. 89. - Текст: непосредственный.

[5] *Бучакова М.А.* Судебный контроль: некоторые теоретические подходы / М.А. Бучакова // Вестник ОмГУ. Серия. Право. - 2017. - № 1 (50). - С. 157-158. – Текст: непосредственный.

органов в сфере уголовного судопроизводства, который реализуется в двух основных формах: контроль за действиями и решениями органа предварительного расследования и прокурора и контроль за действиями и решениями нижестоящего суда. Такой же позиции придерживается в своей работе «Понятие и виды судебного контроля» Шестало С.С., помощник судьи Арбитражного суда Самарской области, советник юстиции 3-го класса[1].

Говоря об исследуемой теме стоит дать понятие правовых основ. Правовые основы – это совокупность нормативных правовых актов (далее – НПА), которые регулируют различного рода общественные отношения.

Правовыми основами судебного контроля в уголовном процессе в России являются такие НПА, как:

1. Конституция Российской Федерации;
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Основой судебного контроля в уголовном процессе является Конституция Российской Федерации. Конституция РФ гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, закрепляет принцип независимости судей и право на обжалование в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц. Основным видом судебного контроля в России, как нами уже было отмечено, является конституционный контроль, осуществляемый Конституционным Судом Российской Федерации.

К слову, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает судебный контроль за законностью и обоснованностью применения мер уголовно-процессуального принуждения. Судебный контроль осуществляется в отношении законности действий следственных органов, включая проверку законности арестов, обысков и других процессуальных действий. Суд осуществляет контроль за соблюдением процессуальных норм, прав сторон и законностью доказательств. Обжалование действий и решений УПК РФ предоставляет возможность обжаловать действия и решения следственных органов и суда, что также является важным элементом судебного контроля.

В других странах так же, как и на территории России, производится судебный контроль. Зарубежный опыт судебного контроля в уголовном процессе разнообразен и зависит от правовой системы конкретной страны.

В основе правового регулирования лежат конституционные принципы, которые гарантируют защиту прав и свобод личности, а также принципы независимости судебной власти и состязательности сторон.

В странах англосаксонской правовой системы, таких как США и Великобритания, судебный контроль осуществляется на различных этапах уголовного процесса. Главную роль играет прецедентное право, а также законодательство, определяющие полномочия судов по контролю над действиями следственных органов.

В Соединенных Штатах судебный контроль в уголовном процессе регулируется несколькими ключевыми нормативно-правовыми актами и принципами. Основные из них включают.

1. Конституцию США. Основной закон страны, содержащий важные положения, касающиеся уголовного процесса, такие как Четвёртая поправка (защита от необоснованных обысков и арестов), Пятая поправка (право на защиту от самообвинения и двойного наказания) и Шестая поправка (право на справедливый суд).

2. Законодательство федерального уровня. Оно регулирует порядок ведения уголовных дел в федеральных судах, включая процедуры ареста, допроса, судебного разбирательства и апелляций.

---

[1] *Шестало С.С.* Понятие и виды судебного контроля / С.С. Шестало // Подготовлено для СПС КонсультантПлюс. - 2025. - URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=153298#8cxsDyUuiLXl48jF1 (дата обращения: 10.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

3. Законодательство штатов, каждый штат имеет свои собственные уголовные кодексы и правила уголовного процесса, которые могут различаться, но должны соответствовать федеральным стандартам.

4. Прецедентное право. Решения Верховного суда и других судов также играют важную роль в толковании и применении норм уголовного процесса, устанавливая прецеденты, которые должны соблюдаться в дальнейшем при разрешении вопросов о судебном контроле.

Доктор юридических наук Васильевич Г.А. полагает, что американская модель судебного контроля была воспринята и другими странами, в частности, странами Латинской Америки и некоторыми европейскими государствами (Норвегией, Швейцарией)[1].

В странах континентальной Европы, например, во Франции и Германии, судебный контроль регулируется, прежде всего, уголовно-процессуальными кодексами. Судьи осуществляют контроль за законностью и обоснованностью действий органов предварительного расследования, санкционируют проведение следственных действий, избирают меры пресечения и рассматривают жалобы на действия следователей.

Взяв в качестве примера Францию, выделим те НПА, которыми регулируется судебный контроль на ее территории:

1. Конституция Франции;
2. Европейская конвенция о защите прав человека;
3. Уголовный процессуальный кодекс Франции;
4. Решения Конституционного совета и Европейского суда по правам человека.

Страны с переходной экономикой и развивающейся демократией, такие как страны Восточной Европы и Латинской Америки, находятся на стадии реформирования правовых норм, регулирующих судебный контроль. Иными словами, происходит постепенное внедрение стандартов справедливого судебного разбирательства и усиление роли суда в защите прав человека в уголовном процессе.

Анализ показывает, что нормативные акты, регулирующие судебный контроль, в разных странах имеют много общего: это конституции, нормативно-правовые акты, международные договоры и конвенции. В странах англосаксонской правовой системы, помимо нормативно-правовых актов, важную роль играет прецедент. Решения судов по конкретным делам формируют прецеденты, которые могут быть использованы при рассмотрении аналогичных дел в будущем. Судебная практика позволяет конкретизировать и адаптировать общие нормы закона к конкретным жизненным ситуациям.

Отметим, что ни в одной стране из изученных нами стран нет официального, нормативно закрепленного понятия судебного контроля, что накладывает свой отпечаток на практику, поскольку немаловажным аспектом правового регулирования является определение объема и пределов судебного контроля. В одних странах суд осуществляет полный контроль за деятельностью органов расследования, в других – контроль носит более ограниченный характер. Важно, чтобы нормативные акты четко определяли компетенцию суда, чтобы избежать дублирования функций и конфликтов между различными органами государственной власти.

Эффективность судебного контроля во многом зависит от качества правовых норм и механизмов их реализации. Недостаточно закрепить в законе право на обжалование действий следователя или прокурора, необходимо обеспечить доступность и эффективность этих механизмов. Улучшение доступности процедур обжалования можно достичь за счет внедрения цифровых технологий, таких как подача электронных жалоб и использование систем онлайн-мониторинга хода рассмотрения обращений. Подобная цифровизация, соответствующая современным подходам к систематизации права,

[1] *Василевич Г.А.* Американская модель судебного конституционного контроля (на примере США) / Г.А. Василевич // Эконмика. Право. Общество. – 2019. - № 4 (20) - С. 89-90. – Текст: непосредственный.

способствует повышению эффективности судебного контроля, минимизации коррупционных рисков и обеспечению соблюдения процессуальных прав сторон.

В качестве подтверждения наших доводов уделим внимание ряду позиций, которых придерживаются авторы.

Липень С.В. указывает на важность внесения ясности в терминологию в различных отраслях права, в том числе и в понятие «судебный контроль», для обеспечения эффективности правового регулирования[1].

На основе изложенного, мы пришли к следующим выводам.

1. Необходимость нормативного закрепления понятия судебного контроля. Судебный контроль трактуется доктринально как функция судебной власти или самостоятельная категория, но отсутствует в НПА (например, в Конституции РФ или УПК РФ). Аналогичная ситуация наблюдается в США, Франции, Германии и других странах, где регулирование опирается на конституционные принципы, кодексы и прецеденты, но без единого определения. Для устранения пробелов рекомендуется внести в УПК РФ (статьи, регулирующие досудебный контроль) четкое определение судебного контроля, включая его виды (конституционный и уголовно-процессуальный), предмет, субъекты и пределы.

2. Укрепление механизмов судебного контроля в уголовном процессе. В России основы контроля заложены в Конституции РФ (гарантия судебной защиты) и УПК РФ (контроль за принуждением, обжалование действий), но практика показывает ограничения в доступности и его эффективности. Улучшить доступность обжалования возможно путем цифровизации процессов (электронные жалобы, онлайн-мониторинг), как подразумевает трансформация теории систематизации в эпоху цифровизации. Это повысит эффективность контроля, снизит коррупционные риски и обеспечит соблюдение процессуальных гарантий.

[1] *Липень С.В*. Трансформация теории систематизации в эпоху цифровизации права / С.В. Липень // Lex Russica. - 2022. - № 2 (183). - С. 143-144. – Текст: непосредственный.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

Смирнов Илья Денисович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попаденко Елена Викторовна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Институт приговора в России образовался уже достаточно давно, чтобы у исследователей появился научный интерес к данной теме.

Во времена начала зарождения российского права, а именно, в IX-XIII веках, нет закрепленных процессуальных порядков вынесения решений по судебным делам, решения, как правило, выносились в устной форме, не было, в современном понимании, обвинительных или оправдательных приговоров, решений, иных судебных актов. Тем не менее, упоминания о возможности вынесения итогового решения по результатам судебного рассмотрения о невиновности лица в преступлении (своего рода оправдательный приговор) и права несправедливо обвиненного на, как сказали бы сейчас, реабилитацию и возмещение убытков, находятся уже в Пространной Русской Правде, а именно в ст. 20: «А если кто ответет обвинение в убийстве, то дает отроку гривну кун за оправдание; а кто его недоказанно обвинил, то тому дать другую гривну, а за помощь в ответении обвинения в убийстве 9 кун»[1].

В дальнейшем, в русском уголовном процессе, как и в других странах того времени, утвердились «инквизиторские» правила, виноват или нет, решалось всё посредством пыток, но было предусмотрено и наказание за ложное обвинение, при одновременном, пусть не полном, но оправдании невиновного. Заметим, что оправдательные приговоры не выносились, допускалось лишь смягчение наказания, даже если под пытками обвиняемый вины не признал.

Следующим этапом развития законодательства об уголовном процессе можно считать «Краткое изображение процессов или судебных тяжеб» Воинского Устава 1716 г., в ст. 8 Главы 5 которого сказано: «Когда ответчик присягу учинить может, и оную учинит, тогда судья довольное имеет основание приговор учинить, и его от наказания освободить: понеже в сей присяге сия сила есть, что когда ответчик оную учинил, то уже от наказания и дальняго обвинения освобожден быть может»[2].

Институт исполнения приговора берет свои начала с судебной реформы Петра I и имеет очень длинную историю в нашем отечественном законодательстве. Так, следует обратиться к положениям «Краткого изображения процессов и судебных тяжб», в котором, очевидно, прослеживается желание Петра I перенять зарубежный опыт, предусматривающий учет доказательств по формальному признаку, имеющий место в рассматриваемый временной промежуток в Германии. Такой подход, по мнению Петра I,

---

[1] *Савватеев А.В*. Исторический аспект оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве / А.В. Савватеев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 9-1 (84). – С. 306. – Текст: непосредственный.

[2] *Савватеев А.В*. Исторический аспект оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве / А.В. Савватеев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 9-1 (84). – С. 307. – Текст: непосредственный.

должен устранить произвол судей, являющийся древней проблемой Российского государства, а также сформировать у судейского аппарата соображения, отвечающие принципам справедливости и законности[1].

В.Д. Спасович высказывался на этот счет в негативном ключе, отмечая, что Петр I «навязал» архирозыскной процесс, который использовался в средневековье. Следовательно, такой опыт нельзя считать положительным.

Попытка преобразования России в государство западной Европы в очередной раз показала свою частичную эффективность, поскольку необдуманное, по большей части, решение привело к ситуации, когда отечественным законодателем был перенят не самый эффективный способ реализации прав. Самым достоверным доказательством вины считалось признание самого обвиняемого. Если же он отказывался признать свою вину, его подвергали пыткам. Пытка являлась неотъемлемыми процессом судопроизводства и ей подвергались не в целях наказания, а в целях «выбивания» признаний. Даже если во время суда, обвиняемый давал отпор и заявлял о непричастности, эти действия автоматически вменялись ему в вину.

И только в 1801 году указом Александра I пытка было отменена. Обратимся к позиции Г.А. Джанишева, который характеризовал дореволюционный суд как суд несправедливый, порочный, который, в большей степени, формировал решения не на основе внутреннего убеждения или закона, а руководствуясь исключительно коррупционными мотивами, такими как подкуп или давление руководства[2].

Подобное «невежество» является порождением формализма, вызванного действующей доказательственной системой, которая и способствовала принятию несправедливых и незаконных приговоров. Формальный подход сводил любую деятельность суда к банальному подсчету количества и качества доказательств, не учитывая при этом индивидуальных качеств обвиняемого. Следовательно, обстоятельства, смягчающие и отягчающие, наказание, не учитывались вовсе, что не позволяло дифференцировать наказание в отношении каждого обвиняемого. Следовательно, приговоры были бездушными, т.е. упускали истину, подлежащую обязательному установлению в уголовном судопроизводстве.

Коренным образом существующая система изменилась с принятием первых реформ Александром II, который положил начало модернизации следственной власти. Формальной целью такой модернизации являлось предоставление больших возможностей полиции, однако истинной целью являлось обособление следственной части от полиции, что сделано для устранения коррупции в органах исполнительной власти. Вследствие изменения досудебного производства изменению подверглась и судебное производство, т.е. реформы затронули все уголовного судопроизводство, не забывая при этом и о судебных стадиях.

Вследствие изменения досудебного производства изменению подверглась и судебная процедура. Реформы, начатые Александром II, затронули все сферы уголовного судопроизводства, не ограничиваясь лишь организационной перестройкой следствия. Введение гласных судебных заседаний, участие присяжных заседателей, возможность обжалования приговоров – все это стало следствием стремления к большей справедливости и объективности. Однако, даже после реформ, проблема формализма не исчезла полностью. Хотя система стала более прозрачной и контролируемой, оставались места для манипуляций и субъективизма. В частности, проблема недостаточного учёта индивидуальных особенностей обвиняемых частично сохранилась.

Хотя смягчающие и отягчающие обстоятельства стали учитываться более систематически, существовала определённая жесткость в применении законодательства.

---

[1] *Коврижкина А.А*. Развитие и становление института исполнения приговора / А.А. Коврижкина // Форум. – 2024. – № 2 (32), ноябрь. – С. 147. – Текст: непосредственный.

[2] Цит по: *Коврижкина А.А*. Развитие и становление института исполнения приговора / А.А. Коврижкина // Форум. – 2024. – № 2 (32), ноябрь. – С. 148. – Текст: непосредственный.

Судьи, стремясь придерживаться буквы закона, иногда упускали из виду дух закона, то есть цель наказания – исправление и предупреждение преступлений. В результате, некоторые приговоры оставались чрезмерно жестокими или, наоборот, слишком мягкими, не соответствуя действительной степени общественной опасности преступления и личности обвиняемого. Ещё одной проблемой стала неравномерность применения законов в разных регионах империи. Различия в культурных традициях, уровне развития судебной системы и качестве судейского корпуса приводили к тому, что одинаковые преступления наказывали по-разному. Это порождало чувство несправедливости и подрывало доверие к суду. Кроме того, реформы не смогли полностью искоренить коррупцию. Влияние чиновников, подкуп судей и присяжных – все это продолжало подрывать независимость суда и способствовало вынесению несправедливых приговоров.

Развитие и упорядочивание уголовно-процессуальных норм о приговоре, в соответствии с достаточно активным прогрессом общественных отношений, нашло свое отражение в 1835 г., с вступлением в силу Свода законов Российской империи и последующим его переизданием в 1842 г. и в 1857 г., в частности в Части II содержались «Законы о судопроизводстве по делам об преступлениях и проступках». Указанный нормативный акт зафиксировал наличие в уголовном процессе трех типов приговора: обвинительный, оправдательный и оставление в подозрении при недостаточности доказательств для осуждения. Оправдательный приговор мог быть вынесен только в случае полного отсутствия доказательств. Если улик было недостаточно (если были найдены хотя бы несколько доказательств) для обвинительного приговора, то подозреваемый оставался под подозрением. Такое решение означало, что уголовное дело могло быть возобновлено в любое время, если появились новые обстоятельства.

Так, по мнению Т.Г. Бородиновой, в Уставе приговоры суда, вне зависимости от их вида, стали подразделяться на окончательные и неокончательные. Данный порядок постановления приговоров был приемлем исключительно для судов первой инстанции[1].

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., было закреплено, что «Суд постановляет приговор об оправдании подсудимого, когда деяние, в коем он был обвиняем, признается недоказанным, не подлежащим вменению по законным причинам или невоспрещенным законами под страхом наказания» (ст. 771 Отд. 1 Гл. 9 Разд. 4 Кн. 2).

Устав появился в рамках судебной реформы Александра II. По мнению А.С. Камнева, судебная реформа кардинально повлияла на всю правовую систему Российской империи и общество в целом. Действительно, осуществлённые судебные реформы были масштабными и в значительной степени видоизменяли порядок работы российских судов. В частности, во время реформы сформировались некоторые ключевые принципы судопроизводства, которые применяются и поныне[2]. Формирование данных принципов в наибольшей степени отражено в судебной практике того времени.

Приговор воспринимался не только как документ, на котором отражён результат рассмотрения дела судом, но и как документальное воплощение воли судьи, основанное на его личном опыте, внутреннем убеждении, познаниях права, на обстоятельствах совершённого преступления и информации о личности подсудимого. Такие особенности постановления приговора перекочевали и в современную уголовно-процессуальную практику. Так, ст. 17 УПК РФ закрепляет положение, согласно которому «судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности

---

[1] *Бородинова Т.Г.* Оправдательный приговор как следствие установления реабилитирующих оснований / Т.Г. Бородинова // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 8 (184). – С. 183. – Текст: непосредственный.

[2] *Камнев А.С.* Пересмотр не вступивших в законную силу приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, в России: традиция и международные стандарты уголовного правосудия / А.С. Камнев // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 391. – С. 162. – Текст: непосредственный.

имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

Данные правила просуществовали до Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 г., когда произошел коренной перелом общественных отношений, но правила, заложенные в XIX веке, сохранили свое действие. Как отмечалось в ст. 8 Декрета ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде», «судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам происходит по правилам судебных уставов 1864 года»[1].

В конце XIX – начале XX века проблема формализма в судебной системе стала предметом широких общественных дискуссий. Юристы и общественные деятели предлагали различные способы её решения: усиление подготовки судей, совершенствование законодательства, внедрение новых процессуальных норм, укрепление независимости суда от исполнительной власти. Однако полностью избавиться от формализма удалось лишь после революций 1917 года, с приходом к власти большевиков и полной перестройкой судебной системы. Однако это привело к другим проблемам, и вопрос о сочетании формального и субстанционального подхода в правосудии остаётся актуальным и по сей день. Проблема баланса между строгостью закона и справедливостью в конкретном случае остаётся вечной дилеммой правосудия.

Несмотря на кардинальные изменения в судебной системе после Октябрьской революции и отмену Устава уголовного судопроизводства (УУС) 1864 года, некоторые его нормы сохранились и в современном российском праве. Например, положение об отсрочке исполнения приговора, сформулированное в УУС, до сих пор действует в неизменном виде и закреплено в п. 1 ч. 1 ст. 398 УПК РФ.

Первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР был принят 25 мая 1922 года. Его подготовили видные юристы того времени: П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис, Д.И. Курский. При разработке кодекса они опирались на демократические принципы УУС 1864 года, многие из которых были воспроизведены в новом советском законодательстве. Таким образом, несмотря на смену политического строя и судебной системы, преемственность отдельных положений сохранилась, в том числе в регулировании исполнения приговоров.

После революции 1917 года вступает в силу эпоха нового зарождающегося Советского строя. Народный Секретариат, отвергнув старые каноны законодательства, ставил перед собой задачу разработать и внедрить новое - советское законодательство, отражающее дух времени и интересы трудящихся масс. Этому посвящено принятие «Положения о революционных трибуналах», которое датировано 18 марта 1918 года Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. Новое положение устанавливало механизмы организации расследования преступлений[2].

При каждом созданном революционном трибунале формировалась специализированная следственная комиссия, состоящая из шести членов, чья задача заключалась в проведении детального дознания и предварительного следствия по всем делам, поступающим в орган. Инновационный подход к правосудию и новаторские методы работы делали организацию работы трибуналов уникальной и несравненной по своему времени.

После перехода к мирному хозяйствованию усилилась роль суда, и совершенствовалось демократическое начало его деятельности. Демократические начала получили свое продолжение в Инструкции для народных судей от 18.06.1921 устанавливалось, что следователь мог закончить расследование в форме составления

---

[1] *Савватеев А.В.* Оправдательный приговор в российском уголовном законодательстве / А.В. Савватеев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – №. 9-2 (84). – С. 137. – Текст: непосредственный.

[2] *Коврижкина А.А.* Развитие и становление института исполнения приговора / А.А. Коврижкина // Форум. – 2024. – № 2 (32), ноябрь. – С. 148. – Текст: непосредственный.

постановления о направлении дела в суд для решения вопроса о привлечении обвиняемого к ответственности или об ее закрытии.

25 мая 1922 было принято постановление, согласно которому по всей территории РСФСР вводился в действие Уголовно-процессуальный кодекс.

Внедрение Уголовно-процессуального кодекса 1922 года стало значительным шагом на пути к систематизации и унификации уголовного судопроизводства в РСФСР. До этого момента, несмотря на новаторский подход революционных трибуналов, существовала значительная правовая неразбериха, обусловленная быстрыми изменениями политической и социальной обстановки. Кодекс, хотя и отражал революционные принципы, стремился установить более четкие рамки проведения следствия и судебного разбирательства, ограничив произвол и обеспечив, по крайней мере формально, более справедливый судебный процесс. Одним из ключевых изменений стало более детальное регламентирование полномочий следователя.

Инструкция для народных судей 1921 года заложила основу для этого, предоставив следователю право завершать расследование постановлением о направлении дела в суд или о его закрытии. Уголовно-процессуальный кодекс 1922 года развил эту идею, конкретизировав процедуру составления таких постановлений, определяя необходимые доказательства и основания для принятия того или иного решения. Впервые были четко прописаны сроки следствия, что должно было предотвратить затягивание процесса и обеспечить соблюдение прав обвиняемого. Однако реализация кодекса на практике столкнулась с рядом трудностей. Нехватка квалифицированных кадров, особенно в регионах, приводила к неравномерному применению норм права. Многие народные судьи, не имевшие юридического образования, опирались на собственное понимание справедливости, игнорируя формальные требования закона. Это порождало неравенство в применении наказаний и создавало почву для произвола. Система доказательств также оставалась сложной и неоднозначной. Кодекс, стремясь учитывать специфику революционного времени, допускал использование широкого спектра доказательств, включая показания свидетелей, очные ставки, вещественные доказательства и документы.

Однако критерии оценки этих доказательств были не всегда четко определены, что оставляло простор для субъективной интерпретации. Это, в свою очередь, приводило к несправедливым приговорам и ошибочным решениям. В связи с этим, в последующие годы были предприняты попытки усовершенствования Уголовно-процессуального кодекса 1922 года. Были изданы различные циркуляры и разъяснения, направленные на устранение неясностей и противоречий. Проводились курсы повышения квалификации для народных судей и следователей.

Тем не менее полностью решить проблемы, связанные с недостатком квалификации и субъективностью применения закона, удалось лишь значительно позже, с появлением более совершенных кодексов и усилением роли профессиональных юристов в судебной системе. Переход к мирному хозяйствованию потребовал не только более формализованных процедур, но и развития правовой культуры во всех слоях общества, что являлось длительным и сложным процессом.

Первым полноценным уголовно-процессуальным кодексом (уже не Уложением) нового, советского периода истории, считается УПК РСФСР 1922 г., в ч. 1 ст. 330 было прямо указано на возможность и основания вынесения оправдательного приговора: «Суд выносит приговор об оправдании подсудимого в тех случаях, когда не доказано событие преступления, ему приписываемого, или не доказано участие подсудимого в совершении преступления, или когда деяние, учиненное подсудимым, не содержит в себе состава преступления». Эта же норма была воспроизведена и в ст. 326 УПК РСФСР 1923 г. Фактически в то время было три вида приговоров: оправдательный, обвинительный с назначением наказания и обвинительный приговор с освобождением от наказания (т.е. без назначения наказания). УПК РСФСР 1960 г. в ст. 309 было указано, что приговор суда может быть обвинительным или оправдательным.

Таким образом, нормы УПК РСФСР 1960 года в значительной мере легли в основу современного законодательства. В частности, основания для вынесения оправдательного приговора, зафиксированные в ст. 309 УПК РСФСР, практически полностью воспроизведены в ч. 2 ст. 302 УПК РФ. При этом в действующий УПК добавлено новое основание — п. 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, предусматривающее оправдание на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей.

ГРАНИЦЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Смирнова Вера Вадимовна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Уторова Татьяна Николаевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

Современное общество переживает период стремительной цифровизации всех сфер жизнедеятельности. Информационные технологии, глобальная сеть Интернет и мобильные устройства связи стали неотъемлемой частью повседневной жизни, предоставляя неограниченные возможности для коммуникации, получения информации и осуществления финансовых операций. Однако вместе с положительными аспектами цифровой трансформации наблюдается и обратная сторона медали – рост преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий.

Актуальность исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Статистические данные свидетельствуют об увеличении количества преступлений в сфере компьютерной информации за последние годы. Так, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за восемь месяцев 2025 года число преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ) немного сократилось по сравнению с аналогичным периодом 2024 года и составило 473 тысячи случаев, что примерно 40% от общего числа зарегистрированных преступлений. В первом полугодии зафиксировано 371,4 тыс. таких преступлений (рост на 0,7%), из которых 83% — мошенничества (185,4 тыс.)[1]. При этом, как отмечают исследователи, реальное количество подобных преступлений значительно превышает официальные цифры из-за высокой латентности таких деяний и недостаточной готовности жертв обращаться в правоохранительные органы.

Особую проблему в правоприменительной практике представляет квалификация мошенничества в сфере компьютерной информации, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ. Введение данной нормы в 2012 году не устранило, а напротив, породило новые проблемы в разграничении данного состава от смежных преступлений, таких как кража (ст. 158 УК РФ), неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание и использование вредоносных программ (ст. 273 УК РФ) и неправомерный оборот средств платежей (ст. 187 УК РФ). Судебная практика демонстрирует отсутствие единообразного подхода к квалификации однородных деяний, одни и те же действия в одних случаях квалифицируются как мошенничество в сфере компьютерной информации, в других – как кража или мошенничество общего вида.

Научная проблема заключается в том, что в уголовно-правовой доктрине до сих пор нет единого понимания правовой природы компьютерного мошенничества. Некоторые ученые считают его разновидностью мошенничества, в то время как другие еще одной формой хищения, помимо имеющихся шести, по этой причине предлагается

[1] России удалось преломить тенденцию роста онлайн-преступности. - URL: https://d-russia.ru/rossii-udalos-prelomit-tendenciju-rosta-onlajn-prestupnosti-genprokuratura.html (дата обращения: 12.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

изменить название статьи[1]. Отсутствие консенсуса в научной среде усугубляет проблемы правоприменения. Мы придерживаемся мнения, что специальные составы мошенничества в УК РФ не криминализируют новые деяния, а лишь дифференцируют подход к оценке способов и сфер мошеннических действий, подпадающих под общую норму ст. 159 УК РФ[2]. Как подтверждает Конституционный Суд РФ, специальная норма не может предусматривать принципиально иной вариант по сравнению с общей нормой, а лишь конкретизирует отдельные аспекты в обозначенных общими пределах[3].

Целью настоящего исследования является комплексный анализ проблем отграничения мошенничества в сфере компьютерной информации от смежных составов преступлений и разработка предложений по совершенствованию уголовно-правовых норм в данной сфере.

Мошенничество в сфере компьютерной информации, предусмотренное ст. 159.6 УК РФ, представляет собой специальную разновидность общего состава мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Данная норма была введена в действие Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ[4], что отразило необходимость уголовно-правового реагирования на новые общественно опасные явления, возникающие в условиях цифровизации общества.

В соответствии с ч. 1 ст. 159.6 УК РФ мошенничество в сфере компьютерной информации определяется как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Анализируя объективную сторону данного преступления, следует отметить ряд особенностей, выделяющих его среди других форм мошенничества. В отличие от традиционного мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ, данное преступление совершается не путем обмана или злоупотребления доверием конкретного лица, а путем получения доступа к компьютерной системе и совершения ввода, удаления, блокирования или модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование соответствующих средств.

Как разъясняется в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, под вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей следует понимать целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) – ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки,

---

[1] *Петров С.А.* Хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана : уголовно-правовая оценка и совершенствование правовой регламентации: дис. … канд. юрид. наук; Акад. Генер. прокуратуры РФ. Калининград, 2015. - С. 10. – Текст: непосредственный.

[2] *Уторова Т.Н*. Преступления против порядка управления : учебное пособие / Т.Н. Уторова, Л.А. Колпакова; Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Вологда: Северо-Западный ин-т (филиал) Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. - С. 144. – Текст: непосредственный.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Собрание законодательства РФ 2014. № 59 (Часть I). Ст. 7784.

[4] Федеральный закон от 29.11.2012 (ред. от 03.07.2016) № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 49. Ст. 6752.

хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него[1].

Предметом мошенничества, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, являются безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и иное право на чужое имущество[2]. Особенностью данного вида мошенничества является то, что в отличие от кражи, оно совершается полностью или частично в виртуальном пространстве, а субъект завладевает имуществом потерпевшего втайне от него[3].

Одной из наиболее сложных проблем в правоприменительной практике является отграничение мошенничества в сфере компьютерной информации от кражи с использованием информационных технологий.

Важным критерием разграничения является характер доступа к информации и способ завладения имуществом. Как указывается в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, в тех случаях, когда хищение совершается путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным (тайно либо путем обмана воспользовался телефоном потерпевшего, подключенным к услуге «мобильный банк», авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица и т.п.), такие действия подлежат квалификации как кража, если виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети. При этом изменение данных о состоянии банковского счета и (или) о движении денежных средств, происшедшее в результате использования виновным учетных данных потерпевшего, не может признаваться таким воздействием[4].

Сложность отграничения усугубляется тем, что в ст. 159.6 УК РФ отсутствуют традиционные для мошенничества признаки обмана или злоупотребления доверием. Как справедливо отмечается в научной литературе, «обмануть машину, то есть бездушную вещь, у которой отсутствует психика, невозможно»[5]. Это обстоятельство создает концептуальные сложности при классификации данного преступления как разновидности мошенничества.

Проблема отграничения мошенничества в сфере компьютерной информации от неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) также представляет значительную сложность для правоприменителей. Анализ диспозиций этих статей позволяет выявить существенные различия в конструкции данных составов преступлений.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 (ред. от 15.12.2022) № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2, февраль. 2018.

[2] Апелляционное определение СК по уголовным делам Свердловского областного суда от 14 ноября 2016 г. по делу № 22-9276/2016 // Справочно-правовая система ГАРАНТ. - URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения: 17.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Уторова Т.Н.* Специфика квалификации киберпреступлений: отграничение мошенничества в сфере компьютерной информации от смежных составов / Т.Н. Уторова // Право и экономика: стратегии регионального развития: сборник материалов V Вологодского регионального форума с международным участием (г. Вологда, 20-21 марта 2025г.) / составитель Ю. А. Пеганова; Главное правовое управление Администрации Губернатора Вологодской области ; Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Вологда: Северо-Западный ин-т (филиал) Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2025. - С. 99. – Текст: непосредственный.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 (ред. от 15.12.2022) № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2, февраль. 2018.

[5] *Хаджинов Н.И.* Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации / Н.И. Хаджинов // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2019. - Т. 4. - № 11 (3). - С. 204. – Текст: непосредственный.

Объективная сторона неправомерного доступа к компьютерной информации предусматривает блокирование, уничтожение, копирование и модификацию компьютерной информации в качестве обязательных альтернативных последствий совершенного неправомерного доступа к компьютерной информации. В то время как объективная сторона мошенничества в сфере компьютерной информации предусматривает указанные последствия в качестве альтернативных способов совершения преступления.

Как верно отмечают В.А. Мазуров, Е.А. Куликов, И.А. Анисимова, неправомерный доступ к компьютерной информации может выступать как первая стадия совершения преступления[1]. Это обстоятельство создает сложности при разграничении данных составов на практике, особенно если действия лица одновременно содержат признаки обоих преступлений.

Важным критерием отграничения является цель совершения неправомерного доступа. Если он осуществляется из корыстной заинтересованности с целью хищения чужого имущества или приобретения права на него, действия лица квалифицируются по ст. 159.6 УК РФ. Если же неправомерный доступ совершен не из иных корыстных побуждений, надлежит применять только ст. 272 УК РФ.

Как указывается в абзаце 2 п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по статье 272, 273 или 274.1 УК РФ.

Однако данное разъяснение является дискуссионным. Например, А.А. Краснова считает, что дополнительная квалификация по статьям главы 28 УК РФ приводит к двойному вменению вины[2].

Сложности при разграничении мошенничества в сфере компьютерной информации и преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ), обусловлены тем, что создание, использование и распространение таких программ может выступать способом совершения мошенничества.

В соответствии со ст. 273 УК РФ уголовная ответственность наступает за разработку, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации либо копирования информации, нейтрализации средств защиты компьютерной информации.

Создание вредоносных программ для последующего совершения мошенничества в сфере компьютерной информации характеризуется двойным умыслом лица: сначала – на создание программы с целью ее использования для неправомерного воздействия на компьютерную информацию, затем – на хищение имущества или приобретение права на него с использованием этой программы.

В этом случае действия лица должны квалифицироваться по совокупности ст. 159.6 и ст. 273 УК РФ, поскольку создание вредоносной программы и ее использование для хищения представляют собой два самостоятельных общественно опасных деяния, посягающих на разные объекты уголовно-правовой охраны: информационную безопасность и отношения в сфере собственности.

---

[1] *Мазуров В.А*. Преступления в сфере компьютерной информации: мошенничество в сфере компьютерной информации; неправомерный доступ к компьютерной информации; создание, использование и распространение вредоносных программ: учебное пособие / В.А. Мазуров, Е.А. Куликов, И.А. Анисимова // Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. - С. 158. – Текст: непосредственный.

[2] *Краснова А.А.* Разграничение двух смежных составов: мошенничества в сфере компьютерной информации (ст.159.6 УК РФ) и неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) / А.А. Краснова // Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов / редкол.: Д.В. Рыбин (пред.), Е.В. Трофимов (отв. ред.) и др. Санкт-Петербург, 2020. - С. 142. – Текст: непосредственный.

Проблема разграничения мошенничества в сфере компьютерной информации и мошенничества с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ) также актуальна для правоприменительной практики.

Ключевым критерием отграничения выступает способ совершения хищения и объект воздействия. Мошенничество с использованием платежных карт, предусмотренное ст. 159.3 УК РФ, характеризуется тем, что «хищение имущества осуществлялось с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанному лицу такой карты на законных основаниях либо путем умолчания о незаконном владении им платежной картой»[1].

Особенностью данного вида мошенничества является то, что «мошенник обманывает не потерпевшего, а иное лицо»[2]. Способом совершения данного вида мошенничества выступают «обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом».

В отличие от ст. 159.3 УК РФ, мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) совершается не путем обмана конкретных лиц, а преимущественно техническим воздействием на компьютерные системы и информационные сети.

Практика показывает сложность разграничения при использовании электронных платежных средств. Так, при дистанционной оплате товаров или услуг через интернет с использованием чужой банковской карты действия квалифицируются по ст. 159.3 УК РФ, поскольку лицо «создает у уполномоченных сотрудников торговых организаций (продавцов) впечатление, будто использует её правомерно, то есть вводит их в заблуждение относительно наличия у него полномочий на использование данной карты, то есть совершает активный обман действием»[3].

Однако если хищение совершается путем использования конфиденциальной информации держателя платежной карты (персональных данных, данных карты, контрольной информации, паролей), полученной под воздействием обмана или злоупотребления доверием, такие действия квалифицируются как кража. Аналогичная ситуация возникает при использовании чужой или поддельной карты через банкомат без участия работников банка, когда деяние также квалифицируется как кража.

Особую сложность представляет квалификация деяний, когда для совершения мошенничества с использованием платежных карт применяются вредоносные компьютерные программы. Возникает вопрос, должны ли в таком случае действия квалифицироваться по совокупности ст. 159.3, 159.6 и нормами гл. 28 УК РФ?

Еще одной проблемой правоприменительной практики является игнорирование нормы о неправомерном обороте средств платежей (ст. 187 УК РФ). Хотя Пленум Верховного Суда РФ № 48 дал четкие разъяснения, что если лицо изготовило, приобрело, хранило или транспортировало поддельные электронные средства, технические устройства или программы, предназначенные для неправомерного перевода денежных средств, в целях последующего совершения преступления, предусмотренного ч. 3 или ч. 4 ст. 159.6 УК РФ, но не смогло довести его до конца по независящим от него

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 (ред. от 15.12.2022) № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2, февраль. 2018.

[2] Обобщение судебной практики по уголовным делам, рассмотренным в апелляционном порядке во втором полугодии 2018 г. в Калининградской области // Справочно-правовая система ГАРАНТ. - URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения: 17.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Обобщение судебной практики по уголовным делам, рассмотренным в апелляционном порядке во втором полугодии 2018 г. в Калининградской области // Справочно-правовая система ГАРАНТ. - URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения: 17.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

обстоятельствам, содеянное квалифицируется как совокупность приготовления к данному преступлению и оконченного преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ.

Так, Верховный Суд Чувашской Республики в одном из дел признавал лицо виновным по ст. 159.6 УК РФ и оправдывал по ч. 1 ст. 187 УК РФ в связи с тем, что на момент совершения деяний действовала предыдущая редакция ст. 187 УК РФ, не признававшая распоряжения о переводе денежных средств платежными документами. При этом суд не поставил под сомнение правильность квалификации преступлений по ст. 159.6 и ст. 187 УК РФ по совокупности[1].

Таким образом, анализ объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, выявил его специфические особенности, отличающие его от традиционного мошенничества. В отличие от классического мошенничества, данное преступление совершается не путем обмана или злоупотребления доверием конкретного лица, а путем получения доступа к компьютерной системе и совершения ввода, удаления, блокирования или модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование соответствующих средств. Данная особенность создает концептуальные сложности при классификации данного преступления как разновидности мошенничества.

Исследование показало, что наиболее острыми проблемами в правоприменительной практике являются вопросы отграничения мошенничества в сфере компьютерной информации от кражи и от преступлений, предусмотренных ст. ст. 272, 273 УК РФ. Ключевым критерием разграничения мошенничества в сфере компьютерной информации и кражи с использованием информационных технологий является характер доступа к информации: при краже лицо использует учетные данные собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным, тогда как при мошенничестве в сфере компьютерной информации осуществляется незаконное воздействие на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети.

Сложной проблемой остается вопрос о необходимости дополнительной квалификации по ст. ст. 272, 273 УК РФ при совершении мошенничества в сфере компьютерной информации. Анализ научных подходов показывает, что данный вопрос требует унификации с учетом тяжести преступлений-способов и единства объектов посягательства.

[1] Обзор судебной практики Верховного суда Чувашской Республики по уголовным делам № 1 (2024) (утвержден Президиумом Верховного Суда Чувашской Республики 19 февраля 2024 г.) // Справочно-правовая система ГАРАНТ. - URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения: 17.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДОКУМЕНТОВ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Смирнова Дарина Александровна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попаденко Елена Викторовна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Технико-криминалистическая экспертиза документов (ТКЭД) является одним из ключевых инструментов установления истины в уголовном, гражданском и арбитражном процессах, особенно в условиях роста числа преступлений, связанных с подделкой документов. Эффективность её применения напрямую зависит от уровня правового регулирования, которое должно обеспечивать как научную обоснованность методов исследования, так и процессуальную легитимность результатов.

В дореволюционной России судебная экспертиза как институт находилась на зачаточной стадии развития. Устав уголовного судопроизводства 1864 года закреплял возможность вызова так называемых «сведущих лиц» для выяснения обстоятельств, требующих специальных познаний. Однако каких-либо специализированных процедур исследования документов или квалификационных требований к этим «сведущим лицам» законодательство не предусматривало. Функции, близкие к технико-криминалистической экспертизе, выполнялись преимущественно в рамках почерковедческого анализа, основывавшегося на субъективных оценках без унифицированной методики[1].

Начало XX века в России ознаменовывается сменой общественного строя и последующим принятием нового законодательства, что не могло не сказаться на развитии института судебной экспертизы. Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1923 г. и 1960 г. привнесли ряд нововведений: отвергался взгляд на эксперта как на научного судью; заключения эксперта приравнивались к другим доказательствам; появилась процессуальная фигура специалиста; введен институт повторных и дополнительных судебных экспертиз[2].

Период постсоветской трансформации открыл новую страницу в развитии судебной экспертизы. Центральным нормативным актом стал Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской

[1] *См. Байгончокова Н.А*. Законодательные акты императорской России об институте сведущих людей и применение их норм на практике / Н.А. Байгончокова // Актуальные проблемы российского права. - 2014. - № 12. – С. 2816 - 2820. – Текст: непосредственный; *Цыганкова Е.В*. Систематизация экспертного законодательства в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года / Е.В. Цыганкова // Вестник ПАГС. - 2023. - № 3. – С. 89 – 101. – Текст: непосредственный.

[2] *Аристеев М.С*. Становление и развитие судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве / М.С. Аристеев // Вестник Российской таможенной академии. - 2016. - № 4. – С. 168. – Текст: непосредственный; *См. Терехин В.В*. Допустимость доказательств на начальном этапе исторического развития советского уголовно-процессуального законодательства / В.В. Терехин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2013. - № 22. - С. 9 - 13 – Текст: непосредственный; *См. Смолин А.В*. Становление и развитие института уголовно-процессуального доказывания / А.В. Смолин // Сибирское юридическое обозрение. - 2024. - № 1. – С. 93 – 106. – Текст: непосредственный.

Федерации»[1]. Закон впервые на федеральном уровне закрепил возможность осуществления экспертной деятельности как в государственных, так и в негосударственных структурах, установил требования к квалификации экспертов, их правам и обязанностям. Принципиально важным стало признание экспертного заключения самостоятельным доказательством, подлежащим оценке судом по правилам, установленным процессуальными кодексами.

Во исполнение положений указанного закона о том, что все судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля обязаны осуществлять деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов, стали приниматься технические стандарты. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 7.0.8-2013 дает общее определение документа, как «зафиксированной на носителе информации с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать». Кроме того, в стандарте перечислены термины документов, которые используются экспертами для классификации документов по различным основаниям.

Государственный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 51511-2001 дает определение другому объекту исследования и реквизиту документа — оттиску печати, как изображению клише печати на бумаге. Кроме того, данный стандарт раскрывает содержание следующих терминов, используемых при исследовании оттисков: печать, клише печати, мастичная печать, штемпельная краска и штемпельная подушка.

Основные термины и определения понятий в области полиграфии и репрографии можно найти, соответственно, в восьми частях Национального стандарта РФ ГОСТ Р ИСО 12647-1-2017 «Технология полиграфии. Контроль процесса изготовления цифровых файлов, растровых цветоделений, пробных и тиражных оттисков», и в действующем по настоящее время Государственном стандарте Союза ССР ГОСТ 13.0.002-84 «Репрография. Термины и определения».

Одним из наиболее часто встречающимся объектом исследования технико-криминалистической экспертизы является защищенная полиграфическая продукция, определение термина которой указано в Национальном стандарте РФ ГОСТ Р 54109-2010.

Технико-криминалистическая экспертиза документов отличается разнообразием применяемых методов исследования. Одним из общенаучных методов исследования является измерение. В целях обеспечения единства измерений, определяемых Федеральным законом от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» эксперт должен проводить данный метод с использованием линеек, изготовление которых регламентировано ГОСТ СССР 17435-72[2].

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2001 года и Гражданском процессуальном кодексе 2002 года содержатся детализированные положения о порядке назначения, замены, отстранения эксперта, а также об основаниях признания заключения недопустимым доказательством (статьи 195–207 УПК РФ, глава 6 ГПК РФ). Эти нормы создают единое правовое поле для применения ТКЭД в различных отраслях судопроизводства.

В последние годы в России наблюдается активное развитие нормативной базы, регулирующей проведение ТКЭД. В частности, Федеральная служба судебных приставов (ФССП) утвердила Методические рекомендации по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений,

---

[1] *См. Буромский И.В.* Процессуальное положение эксперта в уголовном и гражданском процессе / И.В. Буромский, Ю.В. Ермакова, Е.С. Сидоренко // Судебная медицина. - 2019. - № 1. – С. 42 – 46. – Текст: непосредственный.

[2] *Пакалина Д.И.* Значение национальных стандартов в технико-криминалистической исследовании документов / Д.И. Пакалина // Вестник Московского университета МВД России. - 2023. - № 2. – С. 157. – Текст: непосредственный.

подследственных ФССП России[1]. Эти рекомендации уточняют процедуры назначения экспертиз, включая ТКЭД, и определяют требования к квалификации экспертов.

Развитие института судебной экспертизы после распада СССР в странах постсоветского пространства пошло по схожей траектории. Несмотря на различия в политико-правовых системах, большинство государств Содружества Независимых Государств сохранили преемственность основных положений, заложенных в советский период, и адаптировали их к современным условиям[2].

В Республике Беларусь действует Закон от 18 декабря 2019 года № 281-З «О судебно-экспертной деятельности»[3], в котором закреплены организационно-правовые основы, принципы и структура экспертной системы. По своей структуре и содержанию он во многом соответствует российскому Федеральному закону от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ, включая положения о правах и обязанностях эксперта, требованиях к заключению и статусе экспертных учреждений.

В Республике Казахстан подход к правовому регулированию судебной экспертизы отличается большей гибкостью. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан[4] допускает участие в экспертной деятельности как государственных, так и негосударственных экспертов. В соответствии со статьёй 272 УПК РК, стороны вправе ходатайствовать о назначении экспертизы с указанием конкретного эксперта, а орган, ведущий уголовный процесс, обязан рассмотреть такое ходатайство по существу. Закон также предоставляет стороне защиты возможность собирать доказательства, в том числе в виде заключений специалистов, а также знакомиться с материалами, относящимися к предмету экспертизы. Эти положения усиливают состязательный характер процесса и расширяют инструментарий защиты.

В отличие от континентальной модели, в правовой системе США судебная экспертиза не регулируется единым кодифицированным актом. Основным источником правового регулирования выступают Федеральные правила доказательств (Federal Rules of Evidence), принятые в 1975 году. Ключевое значение имеет Правило 702, посвящённое допустимости экспертного заключения в федеральных судах. В редакции, действующей с 1 декабря 2023 года, оно устанавливает, что экспертное заключение может быть допущено только в случае, если «сторона, представляющая эксперта, доказывает, что: (a) эксперт обладает необходимыми знаниями, опытом, подготовкой или образованием; (b) свидетельство является результатом надёжных принципов и методов; и (c) эксперт надёжно применил эти принципы и методы к обстоятельствам дела»[5].

Такие положения подчёркивают значимость не только профессиональной квалификации эксперта, но и строгости методологического подхода, что особенно актуально в сфере судебных исследований документов. Подобная модель регулирования усиливает функцию суда как фильтра, исключающего недостоверные или ненаучные заключения, и делает допустимость экспертизы предметом доказывания, а не формальности.

---

[1] *Кучин О.С.* О некоторых проблемах современного правового регулирования судебно-экспертной деятельности в РФ / О.С. Кучин // Вестник экономической безопасности. - 2020. - № 5. – С. 63. - Текст: непосредственный.

[2] *См. Парамонова Л.Ф.* Институт частной судебной экспертизы в СНГ: сравнительно-правовой анализ / Л.Ф. Парамонова // Вестник ННГУ. - 2018. - № 4. – С. 136 – 142. - Текст: непосредственный.

[3] *Кирвель В.* Инновации в судебно-экспертной деятельности: опыт Республики Беларусь / В. Кривель, И. Мороз // Общество и инновации. - 2020. - № 2. – С. 119. – Текст: непосредственный.

[4] *Расулова Н.С.* Особенности правового регулирования назначения и производства судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве России и Республики Казахстан / Н.С. Расулова // Вестник Уральского юридического института МВД России. - 2020. - № 1. – С. 13. – Текст: непосредственный.

[5] *Олива Д.Д.* Выявление судебно-экспертного мошенничества / Д.Д. Олива, В.И. Бити // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. - 2018. - № 4. - С. 200 – 203. – Текст: непосредственный.

В Германии порядок привлечения экспертов урегулирован параграфом 404 и последующими параграфами Гражданского процессуального уложения (Zivilprozessordnung, ZPO). Согласно указанному параграфу, выбор привлекаемых экспертов и определение их количества осуществляет суд[1].

Это положение подчёркивает, что суд обладает исключительным правом выбора экспертов, необходимых для рассмотрения дела. Однако, согласно абзацу 2 параграфа 404 Гражданского процессуального уложения, перед назначением эксперта стороны могут быть заслушаны относительно кандидатуры эксперта. Кроме того, абзац 3 параграфа 404 устанавливает, что при наличии официально назначенных экспертов для определённых видов заключений предпочтение должно отдаваться именно им, если только особые обстоятельства не требуют иного.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование технико-криминалистической экспертизы документов прошло длительный путь эволюции — от отсутствия специализированных норм в дореволюционной России до формирования комплексной системы правовых и технических стандартов в современной Российской Федерации. Ключевыми вехами стали Устав уголовного судопроизводства 1864 года, УПК РСФСР 1923 и 1960 годов, а также Федеральный закон № 73-ФЗ 2001 года, который заложил основы институциональной и процессуальной самостоятельности судебной экспертизы.

Сравнительный анализ зарубежного опыта показывает, что, несмотря на различия в правовых традициях, все рассмотренные страны стремятся обеспечить надёжность экспертных заключений: в континентальных системах (Россия, Беларусь, Германия) акцент делается на официальном статусе эксперта и стандартизации методик, в то время как в англосаксонской модели (США) центральную роль играет суд как «фильтр» допустимости доказательств на основе научной обоснованности применяемых методов.

Вместе с тем в российском законодательстве сохраняются пробелы, касающиеся регулирования ТКЭД цифровых и электронных документов, а также недостаточной проработки механизмов контроля за качеством частной экспертной деятельности. В этих условиях дальнейшее развитие правового регулирования ТКЭД должно быть направлено на гармонизацию национальных стандартов с международной практикой, укрепление методологической базы экспертизы и адаптацию нормативной базы к вызовам цифровой трансформации. Только такой подход позволит обеспечить высокую доказательную силу результатов ТКЭД в современном правосудии.

[1] *Митулинская Я.А*. К вопросу о доказательственном значении результатов судебных и несудебных экспертиз в гражданском процессе России, США и ФРГ / Я.А. Митулинская // Законность и правопорядок в современном обществе. - 2015. - № 26. – С. 45. – Текст: непосредственный.

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИНСТИТУТА ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Соколов Виталий Дмитриевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Герасимова Елена Владимировна,
заведующий кафедрой уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Глава 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)[1] предусматривает уголовную ответственность за совершение преступлений против правосудия. Указанные преступления посягают на правосудие, однако его уголовно-правовое понимание в качестве видового объекта преступления гораздо шире, чем деятельность судов по рассмотрению и разрешению в установленном порядке гражданских, уголовных и иных дел. Так, Е.Р. Абдрахманова полагает необходимым включать в понятие правосудия не только непосредственно деятельность суда, но и деятельность органов, способствующих ему в этом — органов предварительного расследования, органов принудительного исполнения вступивших в законную силу решений суда[2]. Указанный подход законодателя целесообразен и обусловлен тем, что без деятельности иных органов осуществление правосудия судом было бы практически невозможно.

К числу преступлений против правосудия законодатель, среди прочих, относит заведомо ложное заключение эксперта, консультацию специалиста, показание свидетеля, неправильный перевод (ст. 307 УК РФ). В теории уголовного права указанные деяния принято называть лжесвидетельством[3].

История правовой регламентации института уголовной ответственности за лжесвидетельство берёт своё начало со времён древнерусского права.

В историко-правовом контексте проблема лжесвидетельства занимает особое место в системе древнерусского права. Анализ Пространной редакции Русской Правды (XII в.) позволяет выявить сложную систему правовых норм, регулировавших вопросы ответственности за ложные обвинения[4]. Особый интерес представляет дифференцированный подход законодателя к процедуре опровержения обвинений[5]. Для обычных случаев ложного обвинения в убийстве требовалось привлечение семи свидетелей, а в отношении варягов (представителей иноземного населения) действовал упрощённый порядок — достаточно было свидетельских показаний двух человек

Религиозно-правовая природа норм о лжесвидетельстве в древнерусском праве заслуживает отдельного внимания. Вплоть до революции она проявлялась в том, что

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] *Абдрахманова Е.Р.* Уголовно-правовая охрана деятельности исправительно-трудовых учреждений / Е. Р. Абдрахманова // Ульян. гос. ун-т. - Ульяновск: Изд-во СВНЦ, 1996. - С. 73. -Текст: непосредственный.

[3] *Цветков Ю.А*. Лжесвидетельство в XXI веке / Ю.А. Цветков // Законность. - 2017. - № 10. - С. 49. - Текст: непосредственный.

[4] *Титов Ю.П*. Хрестоматия по истории государства и права России / Ю.П. Титов // Проспект. - 2000. - С. 11. - Текст: непосредственный.

[5] *Свечникова Е.И.* Эволюция института свидетельствования и современные проблемы использования свидетельских показаний в российском уголовном судопроизводстве / Е.И. Свечникова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2016. - № 5-6. - С. 11. - Текст: непосредственный.

свидетельские показания воспринимались как религиозный акт, а лжесвидетельство рассматривалось не только как правонарушение, но и как грех.

Значительная эволюция норм о лжесвидетельстве происходит в XVI веке в период формирования централизованного Московского государства. Судебник 1550 года (царский судебник Ивана IV) вводит принципиально новую систему наказаний за лжесвидетельство[1]. Сравнительный анализ показывает, что если в Русской Правде основной акцент делался на восстановительном правосудии, то Судебник 1550 года ориентирован уже на карательную функцию. Это изменение отражает процесс централизации судебной власти.

Таким образом, историческое развитие норм о лжесвидетельстве в XI-XVI веках демонстрирует постепенную трансформацию от традиционных общинных форм правосудия к государственной системе уголовных наказаний, отражая общую тенденцию становления российской государственности.

Уголовная ответственность за лжесвидетельство по Соборному уложению 1649 года отличалась большим уровнем дифференциации по сравнению с более ранними источниками российского права. Так, предусмотрена ответственность за ложные показания свидетелей при проведении повального обыска, который сопровождался массовым опросом населения о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела в суде[2]. В случае, если уличённая сторона по делу подаст жалобу о том, что большинство опрошенных лжесвидетельствовали, надлежало произвести очную ставку между ними и оставшимися свидетелями. Лжесвидетели подлежали наказанию в виде штрафа, уплачиваемого в пользу государства. Размер наказания зависел от социального статуса виновного лица, а в отношении крестьян применялся иной вид наказания – битьё кнутом.

Эпоха Петра I стала временем глубоких преобразований во всех сферах государственной жизни, включая правовую систему. В этот период происходит активная рецепция европейского законодательства, сопровождающаяся ужесточением ответственности за преступления против правосудия. Наиболее значимым уголовно-правовым актом петровского времени стал Артикул воинский 1715 года, который, несмотря на свою военную направленность, фактически выполнял роль общеуголовного кодекса[3].

Особое внимание в Артикуле уделялось вопросам отправления правосудия. Так, статья 198 устанавливала строгую ответственность за лжесвидетельство, допуская применение смертной казни в наиболее тяжких случаях. Эта норма отражала общую тенденцию петровского законодательства к ужесточению наказаний за преступления, подрывающие авторитет государственной власти и судебных институтов.

Дальнейшее развитие норм о лжесвидетельстве произошло в середине XIX века. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года впервые в истории российского права выделило правосудие в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны[4]. Статья 258 Уложения предусматривала ответственность за дачу

---

[1] *Лавицкая М.И.* Регламентация процессуального статуса свидетеля и свидетельских показаний в законодательстве московского периода (на примере Судебника 1497 года и Судебника 1550 года) / М.И. Лавицкая // Вестник Международного юридического института. – 2020. – № 1(72). – С. 6. – Текст: непосредственный.

[2] См. Соборное уложение 1649 года. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 203 с. - (Антология мысли). - ISBN 978-5-534-17550-9. – URL: https://urait.ru/bcode/568700 (дата обращения: 02.09.2025). – Режим доступа: свободный. - Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт. - С. 62 - URL: https://urait.ru/bcode/568700/p.62 (дата обращения: 02.09.2025). – Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст: электронный.

[3] *Бондаренко Ю.В.* Систематизация уголовного законодательства в Российской империи / Ю.В. Бондаренко // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. - 2023. - № 3 (15). - С. 10. – Текст: непосредственный.

[4] *Цепелев К.В.* Заведомо ложный донос и заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: специальность

ложной присяги, совершённую с предварительным умыслом. Санкция за это преступление включала комплекс мер: лишение всех прав состояния (дворянства, чинов, наград) и ссылку на поселение в Сибирь.

Следует отметить, что законодатель дифференцировал ответственность в зависимости от наличия корыстных мотивов, степени влияния лжесвидетельства на исход дела, социального положения лжесвидетеля.

К началу XX века в российском праве сложилась разветвлённая система норм, направленных на защиту правосудия от лжесвидетельства. Эволюция этих норм демонстрирует постепенную гуманизацию наказаний, усложнение конструкций составов преступлений, усиление процессуальных гарантий при расследовании дел о лжесвидетельстве.

Таким образом, к началу XX века сформировано понимание общественной опасности лжесвидетельства, а система наказаний за его совершение варьировалась в зависимости от конкретных исторических условий.

Подход советского законодателя существенно отличался от подхода, имевшегося в имперский период. В частности, УК РСФСР 1922 г., 1926 г. имелась разрозненность, поскольку правосудие не было обозначено в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны[1]. Нормы об ответственности за лжесвидетельство находились в различных разделах уголовного закона, в том числе среди преступлений против жизни, свободы и достоинства, порядка управления, должностных (служебных) преступлений.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года предусмотрел в качестве преступлений против правосудия как деяния должностных лиц, препятствующие правильному отправлению правосудия, так и деяния иных лиц[2]. Следует отметить, что дифференцировалась ответственность за заведомо ложное показание свидетеля, за заведомо ложное заключение эксперта, консультацию специалиста и неправильный перевод (лишение свободы или исправительные работы сроком до одного года) и заведомо ложный донос (лишение свободы или исправительные работы сроком до двух лет). Необходимо обозначить наличие квалифицированного состава лжесвидетельства, соединённого с обвинением в особо опасном государственном или ином тяжком преступлении или с искусственным созданием доказательств обвинения, а равно совершённого с корыстной целью[3].

Таким образом, ретроспективный анализ института лжесвидетельства в российском уголовном праве позволяет сделать выводы о том, что значимость установления ответственности за лжесвидетельство осознана ещё в Древней Руси, с развитием российского права видоизменялась лишь система наказаний, применяемых к лицам, совершившим преступление. Кроме того, менялся подход законодателя относительно объекта лжесвидетельства, правосудие окончательно сформировалось в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны к началу XX века.

Совершенствование института уголовной ответственности за лжесвидетельство в современном российском праве требует комплексного подхода, который должен включать

12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: Диссертация на соискание кандидата юридических наук / Цепелев К.В.; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации». - Москва, 2018. - С. 44. – Текст: непосредственный.

[1] *Трикоз Е.Н.* Юридико-техническая характеристика Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1922 г / Е.Н. Трикоз // Научные труды. Российская академия юридических наук : Труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXIII Международной научно-практической конференции, Москва, 23–25 ноября 2022 года. – Москва: Издательская группа «Юрист», 2023. – С. 84. - Текст: непосредственный.

[2] Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

[3] *Смирнов М.А.* История развития отечественного законодательства об ответственности за преступления против правосудия / М.А. Смирнов // Вестник науки. - 2024. - № 10 (79). - С. 140. – Текст: непосредственный.

в себя не только глубокий анализ отечественных правовых традиций, но и тщательное изучение зарубежного законодательного опыта. Практический аспект изучения зарубежного опыта имеет не менее важное значение, поскольку анализ правоприменительной практики других государств помогает прогнозировать эффективность тех или иных правовых норм в российских условиях, способствуя адаптации положительного иностранного опыта к национальным правовым реалиям.

Современные правовые системы демонстрируют различные подходы к регулированию ответственности за лжесвидетельство. Наиболее показательными в этом отношении являются законодательства Польши и Японии, представляющих разные правовые традиции.

Польское законодательство, закрепленное в Уголовном кодексе Республики Польша, содержит детальную регламентацию ответственности за преступления против правосудия в главе XXX[1]. Статья 233 УК РП устанавливает ответственность за дачу ложных показаний, которые могут быть использованы как доказательства в судопроизводстве или ином предусмотренном законом производстве. Особенностью польского подхода является обязательное условие ответственности — предупреждение со стороны допрашивающего о возможной уголовной ответственности либо взятие обещания о даче правдивых показаний. Санкция за данное преступление предусматривает лишение свободы на срок до 3 лет[2]. При этом кодекс содержит важные исключения из ответственности: при незнании о праве отказа от показаний и при наличии страха уголовной ответственности за себя или близких лиц.

Отдельно регламентируется ответственность экспертов, специалистов и переводчиков с аналогичными санкциями. Характерной чертой польского законодательства является возможность чрезвычайного смягчения наказания или полного отказа от него при определенных условиях, таких как незначительность обстоятельств или добровольное исправление ложных сведений до вынесения решения. Последующие статьи УК РП устанавливают ответственность за ложный донос (штраф, ограничение или лишение свободы до 2 лет) и создание ложных доказательств (лишение свободы до 3 лет).

Совершенно иной подход демонстрирует японское законодательство, изложенное в главе 20 Уголовного кодекса Японии[3]. Статья 169 предусматривает за лжесвидетельство под присягой суровое наказание — лишение свободы с принудительным трудом от 3 месяцев до 10 лет, причем без дифференциации по видам судопроизводства. Важной особенностью японской правовой системы является институт добровольного раскаяния (статья 170), предусматривающий смягчение или освобождение от наказания при признании до вступления решения в силу. Статья 171 распространяет ответственность на экспертов и переводчиков при условии их приведения к присяге, а статья 172 регулирует вопросы ложного доноса с аналогичными правилами о смягчении наказания при раскаянии.

Сравнительный анализ выявляет существенные различия в подходах этих правовых систем. По субъектному составу: Польша отдельно выделяет свидетелей, экспертов, переводчиков, тогда как Япония объединяет всех субъектов при условии присяги. В части санкций польское законодательство предусматривает более мягкие наказания (до 3 лет), в то время как японское — существенно строже (до 10 лет). Условия освобождения от ответственности также различаются: польский акцент на исправление ошибки против

---

[1] Уголовный кодекс Польши // Россия: библиотека Пашкова. - URL: https://constitutions.ru/?p=29233 (дата обращения: 10.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Спектор Л.А.* Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод как препятствие осуществления правосудия / Л.А. Спектор // Пробелы в российском законодательстве. - 2009. - № 4. - С. 286. – Текст: непосредственный.

[3] Уголовный кодекс Японии // Россия: библиотека Пашкова. - URL: https://constitutions.ru/?p=407 (дата обращения: 10.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

японского значения факта раскаяния. Процессуальные требования также различны: Польша требует обязательного предупреждения, Япония —приведения к присяге.

Особого внимания заслуживает японский подход к персонификации ложного доноса, требующий конкретной направленности против определенного лица с целью возбуждения именно уголовного или дисциплинарного производства[1]. Этот нюанс демонстрирует высокую степень защиты прав личности в японской правовой системе.

Таким образом, сравнительный анализ законодательства Польши и Японии показывает, что при общей направленности на защиту правосудия, национальные правовые системы вырабатывают различные механизмы противодействия лжесвидетельству, отражающие особенности правовых культур и традиций этих стран. Польская модель отличается большей дифференциацией и гибкостью, в то время как японская — строгостью и универсальностью подходов. Оба опыта представляют значительный интерес для совершенствования российского законодательства в данной сфере.

Ретроспективный и сравнительно-правовой анализ норм об уголовной ответственности за лжесвидетельство показывает устойчивую традицию уголовно-правовой защиты правосудия от лжесвидетельства в российском законодательстве: от дифференцированных и казуальных норм Русской Правды до систематизированных положений современного уголовного закона.

Перспективным видится включение дополнительных квалифицирующих признаков применительно к составам лжесвидетельства (в частности: совершённое группой лиц, с использованием служебного положения) в текст действующего уголовного закона в целях усиления защиты нормального порядка отправления правосудия с сохранением баланса между эффективностью и гуманизмом наказания, с учетом лучших отечественных традиций и зарубежного опыта.

[1] *Селюгина Д.К.* Зарубежный опыт установления уголовной ответственности за заведомо ложный донос / Д.К. Селюгина // Сибирские юридические студенческие чтения: материалы XIX международной научной конференции студентов, Омск, 14 мая 2021 года. – Омск: Частное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический университет», 2022. – С. 177. – Текст: непосредственный.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ И ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ДОНОСА

Соколов Виталий Дмитриевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Герасимова Елена Владимировна,
заведующий кафедрой уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Глава 31 Уголовного кодекса Российской Федерации[1] включает в себя преступления, посягающие на порядок отправления правосудия. Среди прочих главой предусмотрена уголовная ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложных показания (ст. 306 и ст. 307 соответственно). В современных условиях реформирования судебной системы и административной реформы установление ответственности за деяния, препятствующие надлежащему исполнению участниками судопроизводства своих процессуальных функций, имеет ключевое значение, поскольку процессуальная ложь влечёт за собой юридические последствия в отношении иных участников процесса, причиняет ущерб механизму правосудия по уголовным, гражданским и арбитражным делам.

Анализ основных составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 306 УК РФ и ч. 1 ст. 307 УК РФ, позволяет выделить ряд существенных различий между ними.

В частности, объективная сторона заведомо ложного доноса предусматривает совершение действия, заключающегося в сообщении информации о преступлении, не соответствующей действительности, заведомо ложное показание свидетеля может быть совершено как в активной, так и в пассивной формах (например, умышленное умолчание сведений, имеющих значение для дела).

Как правило, заведомо ложный донос имеет место до возбуждения уголовного дела, заведомо ложное показание свидетеля совершается в рамках возбуждённого уголовного дела.

Субъект заведомо ложного доноса является общим (вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет). В свою очередь, субъект преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, является специальным (лицо, имеющее процессуальный статус свидетеля).

Кроме того, в настоящее время некоторые вопросы квалификации указанных преступлений являются неразрешёнными.

Во-первых, имеются проблемы в определении недостоверных сведений в качестве заведомо ложных.

Предметом указанных преступлений являются сообщённые лицом сведения, обладающие признаком заведомой ложности. Заведомо ложная информация полностью или частично не соответствует действительности. Кроме того, характер заведомости определяет наличие у виновного прямого умысла на совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 306, 307 УК РФ. Верховный суд указывает, что добросовестное заблуждение лица относительно события или его существенных обстоятельств, исключает умышленность его действий. Проблемным в данном случае является вопрос о

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

разграничении добросовестного заблуждения и сообщения заведомо ложных сведений[1]. Ввиду того, что чёткие критерии для подобного разграничения судебной практикой не разработаны и нормативно не закреплены, в настоящее время имеет место широкое усмотрение правоприменителя относительно наличия заведомости в сообщённых сведениях. В целях разрешения сложившейся проблемы предлагается включить в текст постановления Пленума Верховного суда казуальный перечень возможных критериев разграничения (например, наличие доказанного сговора заявителя (свидетеля) и подозреваемого по уголовному делу (иного участника процесса) при условии существенного противоречия иным материалам уголовного дела), поскольку нормативное закрепление таких критериев в тексте уголовного закона существенно усложнит содержание диспозиций и не сможет обеспечить перечисления наиболее полного перечня критериев для разграничения заведомо ложных сведений от сведений, полученных от добросовестно заблуждающегося участника процесса.

Во-вторых, не разрешён вопрос о наличии (отсутствии) множественности преступлений при неоднократном сообщении сведений о готовящемся или совершённом преступлении.

Так, возможна ситуация, при которой субъект одним действием сообщает информацию о двух различных готовящихся (совершённых) преступлениях или сообщает об одном преступлении, готовящемся (совершённом) двумя лицами, хотя и указанная информация является заведомо ложной. В последнем случае необходимо отметить повышенную опасность совершённого деяния, поскольку необоснованно встаёт вопрос об уголовном преследовании двух заведомо невиновных лиц, что усложняет работу сотрудников правоохранительных органов и суда. Полагаем, что в данном случае имеет место совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 306 УК РФ.

Следует отметить, что в отношении неоднократно данных заведомо ложных показаний свидетеля совокупность преступлений отсутствует и квалифицируется как сложное единичное преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 307 УК РФ. Полагаем данный подход Верховного суда Российской Федерации весьма обоснованным, поскольку виновный действует с единой целью и единым умыслом, направленным на введение органов предварительного расследования или суда в заблуждение. Кроме того, в целях исключения разночтений в практике применения законодательных положений судами считаем необходимым закрепить в Постановлении однозначный подход к квалификации преступления.

В-третьих, по-прежнему дискуссионным в теории уголовного права является вопрос о возможности (или невозможности) привлечения к уголовной ответственности лиц, совершающих заведомо ложные доносы анонимно.

Уголовно-процессуальное законодательство в настоящее время предусматривает исчерпывающий перечень поводов и оснований для возбуждения уголовного дела, в том числе и сообщения о преступлениях[2]. Ряд теоретиков (А.И. Чучаев[3], И.А. Бобраков[4]) полагают возможным привлечение к уголовной ответственности за заведомо ложный донос, совершённый анонимно. Некоторые исследователи считают, что привлечение к уголовной ответственности в указанном случае невозможно, поскольку действующее

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. Сентябрь. 2022.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Парламентская газета, № 241-242, 22.12.2001.

[3] *Чучаев А.И.* Преступления против правосудия: научно-практический комментарий / А.И. Чучаев // Ульяновск: Издательско-полиграфическая компания «Дом книги», 1997. – С. 47. – Текст: непосредственный.

[4] *Бобраков И.А*. Заведомо ложный донос. Преступления, совершаемые иными лицами (ст. 304, 306, 309-312, 315-316 УК РФ) / И.А. Бобраков // Энциклопедия уголовного права. - СПб. - 2017. - С. 927. – Текст: непосредственный.

законодательство однозначно указывает на то, что анонимное сообщение о преступлении не может служить поводом для возбуждения уголовного дела.

Полагаем последний подход более обоснованным с учётом объекта рассматриваемого посягательства: в данном случае уголовное дело не возбуждается, соответственно, вред интересам правосудия не причиняется. Кроме того, Верховный суд обозначает наличие предупреждения об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в качестве одного из необходимых оснований для привлечения к ней. Лицо, анонимно сообщающее о совершённом преступлении, не предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос и, соответственно, не может быть привлечено к ней, что подтверждается практикой судебной коллегии Верховного суда Российской Федерации по уголовным делам[1]. Иным образом складывается ситуация при размещении недостоверных сведений с использованием сети «Интернет» (например, в комментариях к публичной записи, в сообществе социальной сети). В данном случае по каждому материалу в целях решениях вопроса о необходимости возбуждения уголовного дела проводится доследственная проверка.

Таким образом, в настоящее время часть вопросов относительно квалификации заведомо ложного доноса и показаний свидетеля остаются неразрешёнными в судебной и следственной практике, в том числе: отсутствие однозначных критериев разграничения добросовестного заблуждения от лжесвидетельства, наличие множественности при различном содержании заведомо ложного доноса, возможности привлечения к ответственности. Перспективным видится внесение изменений в действующее постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации №20 от 28.06.2022 года с казуальными положениями, включающими в себя обобщение практики применения судами законодательства и разъяснения высшей судебной инстанции по наиболее проблемным вопросам.

[1] См., например: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.08.2022 № 73-УД22-7-К8 // Портал Верховного суда Российской Федерации. - URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2158264 (дата обращения: 10.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ЗАКОННОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Соловьев Владимир Викторович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Санташов Андрей Леонидович,
профессор кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент

Принцип законности в уголовном праве, согласно части 1 статьи 3 УК РФ, означает, что преступность, наказуемость и иные уголовно-правовые последствия деяния может устанавливаться только уголовным законодательством. Часть 2 статьи 3 УК РФ дополняет этот принцип указанием, что применение уголовного закона по аналогии не допускается. Это означает, что преступлением может быть признано лишь такое деяние, признаки которого точно совпадают с закреплёнными в уголовном законе.

Принцип справедливости в уголовном праве устанавливает требование соразмерности назначенного наказания совершённому преступлению и личности виновного, а также запрет на несение двойной ответственности за одно и то же деяние.

В уголовном праве Древней Руси принципы законности и справедливости были закреплены в «Русской Правде» — первом законодательном памятнике древнерусского государства. Эти принципы отражали представления о верховенстве закона и пропорциональности наказания.

Стремление к справедливости — один из главных принципов «Русской правды». В документе устанавливались правила, определяющие, каким образом следовало решать споры и наказывать преступников.

Некоторые аспекты принципа справедливости в «Русской правде»:

Принцип равенства перед законом. Все граждане, независимо от социального статуса или достатка, были равны в глазах закона и имели одинаковые права и обязанности.

Справедливость при рассмотрении дел. Судебные заседания проводились публично, чтобы обеспечить прозрачность и защиту интересов всех сторон. Это позволяло контролировать принятие судебных решений и исключить произвол со стороны судей.

Компенсация в случае ущерба. В случае причинения вреда другому человеку виновный должен был возмещать ущерб своими силами или деньгами. Так обеспечивалось восстановление справедливости и защита интересов пострадавшего.

Защита личной свободы и достоинства человека. Закон защищал граждан от произвола и насилия, определяя порядок наказания за совершение преступлений.

Некоторые способы реализации принципа справедливости в Древней Руси:

Принцип состязательности. Истец и ответчик получали равные возможности отстаивать свои права и интересы. Например, в делах о поклепной вире бремя доказывания своей правоты возлагалось на ответчика[1].

Принцип гласности. Судебное заседание было открытым, на нём могли присутствовать все желающие. Стороны имели право участвовать в проведении различных процессуальных действий.

[1] Русская Правда. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14 (дата обращения: 11.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Свободная оценка доказательств судом. Участники процесса были независимы от постороннего мнения лиц, не участвующих в суде. Доказательства оценивались судьями по их внутреннему убеждению, на основании полной уверенности в достоверности предъявленных доказательств.

«Суд божий». К этому способу установления истины в судебном процессе прибегали в сомнительных случаях. Он вершился в различных ритуальных формах, позволяющих определить виновного.

Неприкосновенность личности. Любое задержание или заключение под стражу должно было производиться при соблюдении форм, предписанных обычаем или законом.

Также в Древней Руси существовало представление о равной ответственности лиц за неправомерные деяния, независимо от подданства. Это отражено, например, в русско-византийских договорах 912 и 944 годов, которые регламентировали уголовно-правовые отношения (кровная месть, наказания за преступления против личности и имущества, преступления в семейно-брачной сфере).

Принцип законности[1] также впервые был закреплён в Русской Правде Это стало отправной точкой для развития правового государства в России.

Некоторые аспекты принципа законности в «Русской Правде»:

Сословные различия в ответственности. Закон устанавливал неодинаковую ответственность за посягательство на лиц разной социальной принадлежности. Например, за убийство представителей господствующего класса («княжих людей») назначалась двойная вира (штраф) — 80 гривен, свободного общинника — 40 гривен, феодально зависимого смерда — 5 гривен.

Дифференциация ответственности в зависимости от субъективной стороны преступления. В законе отсутствовали различия между умыслом и неосторожностью, но различались два вида умысла: прямой и косвенный.

Наказуемыми были лишь действия или бездействие, имеющие общественную опасность. Подавляющее число преступлений совершалось путём действия, лишь в немногих случаях наказуемым было и преступное бездействие (утайка находки, длительное невозвращение долга).

Главным органом, обеспечивающим соблюдение закона, являлся суд, поскольку он практически был единственным правоохранительным органом государства.

Начиная с XV в. в России стали появляться первые систематизированные законодательные акты, а именно Судебник 1497 года.

Принцип справедливости в Судебнике Ивана III 1497 года выражался в том, что наказание за правонарушения должно быть соразмерно вреду, а судебные решения — законными и обоснованными[2].

Основные положения

Равные возможности сторон в судебном разбирательстве. Обе стороны назывались истцами, и каждая имела право представить доказательства.

Ответственность за неправое решение. Судья, виновный в разборе дела «не по суду», обязан был возместить сторонам понесённые расходы[3].

Возмещение убытков. С лжесвидетеля взыскивались все убытки и расходы, понесённые потерпевшим.

Регламентация судебных поединков. Если стороны не могли разрешить спор с помощью других доказательств, допускался поединок («поле»). Убитый в поединке

---

[1] *Попова Е.В.* Русская Правда как первая попытка кодификации права в истории России / А.В. Попова // URL: https://moluch.ru/archive/461/101289?ysclid=mob728bgbx345716532 (дата обращения: 10.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *См. Гребенщикова И.В*. Судебник 1497 года как источник права Русского (Московского) государства / И.В. Гребенщикова // Наука. Образование. Современность / Science. Education. The present. – 2022. – С. 76 – 80. – Текст: непосредственный.

[3] Судебник 1497 года. - URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1497?ysclid=mob76veox8851295686 (дата обращения: 10.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

автоматически проигрывал дело, а сумму иска и судебные издержки возмещали его родственники.

Примеры статей

Статья 50. Если свидетель не являлся в суд, независимо от того, давал ли он показания по делу или нет, с него взыскивались сумма иска, убытки и все пошлины.

Статья 51. Если послух не подтверждал обстоятельства, приведённые выставившей его стороной, последняя проигрывала дело.

Статья 19. Устанавливала, что если боярин обидит человека не по суду и даст на него правую грамоту, то взятое отдаётся назад, а боярину и диаку в том пени нет.

Принцип законности[1] проявлялся в том, что государство могло начать дело без воли истца, при этом оно несло судебные издержки, которые затем возлагало на виновную сторону (ст. 3, 6). Наиболее серьёзной категорией преступлений считались деяния, направленные против государства и церкви. К ним относились убийство господина, церковная кража, крамольные слова против княжеской власти или церкви, шпионаж и сговор с врагом. Наказанием за эти правонарушения служила смертная казнь.

Принцип законности в судебнике 1497 года проявлялся в следующих положениях:

Запрет на взяточничество. Судебник строго запрещает судьям любого ранга брать взятки.

Запрет на отказ в доступе к правосудию. В документе закреплён запрет отсылать жалобщиков, а также указано, что нужно давать управу всем приходящим с жалобами.

Установление конкретного размера судебных пошлин. Сумма рассчитывалась в зависимости от характера преступления и его доказанности в суде.

Ответственность за неправый суд. Согласно статье 19 Судебника «О неправом суде», в случае вынесения решения с нарушением установленного порядка, стороны возвращались в первоначальное состояние, а дело подлежало пересмотру.

Независимость и беспристрастность судей. В документе указано, что исполнителям государевой власти за рассмотрение спора ничего не следует брать, чтобы не иметь личной заинтересованности.

Также Судебник 1497 года вводил обязательную письменную регистрацию судебных решений, что способствовало качеству судебного процесса и избежанию ошибок.

Следующим этапом развития принципов законности и справедливости стало Соборное Уложение 1649 года[2].

Статья 1 Уложения гласила: «Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или на права и безопасность общества или частных лиц, есть преступление»[3].

Таким образом, первым признаком преступления считалось «нарушение законов», которые охраняли неприкосновенность властей. Это общее положение дополнялось выделением в качестве особо опасных государственных преступлений и преступлений против порядка управления.

Кроме того, в Уложении содержалось указание на создание системы сдержек и противовесов: государь должен был принимать решения, не противоречащие Соборному уложению, а само Уложение должно было охранять интересы государства в лице государя. Таким образом реализовывался принцип законности.

---

[1] *См. Цечоев В.К.* История отечественного государства и права: учеб. пособие для студентов вузов / В.К. Цечоев, В.И. Власов, О.В. Степанов. - М.; Ростов н/Д : МарТ, 2003 (Тул. тип.). – 478с. – Текст: непосредственный.

[2] Соборное Уложение 1649 года. - URL: www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm (дата обращения: 10.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Мулукаев Р.С.* Исторический аспект законности / Р.С. Мулукаев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – С. 98. – Текст: непосредственный.

Что касается принципа справедливости[1], то в документе была чётко сформирована иерархия ценностей, посягательства на которые признавались особо опасными и строже наказуемыми.

А также были реализованы: Принцип справедливого суда. В преамбуле и главе «О суде» декларировалось: «людям всякого чина в Московском государстве суд и расправа равна». Закон предусматривал отвод судей по причине их заинтересованности в деле или неприязни к какой-либо из сторон. И принцип талиона Согласно ему, мера наказания должна воспроизводить вред, причинённый преступлением («око за око, зуб за зуб»). Например, за телесное повреждение предписывалось отплачивать преступнику тем же: «отсечёт руку или ногу, или нос, или ухо, или губы отрежет, или глаз выколет… самому ему то же учинить».

При Петре I принципы законности и справедливости были закреплены в правовой системе Российской империи, но их реализация имела свои особенности.

Принцип законности

Укрепление роли закона как источника права. Закон регулировал деятельность и структуру государственных учреждений, органов самоуправления, прочих объединений и организаций.

Требования к ясности и чёткости законов. Пётр I писал: «Надлежит законы писать ясно, чтобы их не перетолковывать».

Обязательная публикация законов. Указ 1720 года требовал «письменных указов не посылать, как прежде бывало, а посылать печатные».

Закрепление положения об отсутствии обратной силы закона. В законодательных актах всё чаще встречалось это правило.

Принцип справедливости

Пётр I отождествлял законность и справедливость, считая, что формальное закрепление его воли возводит её в ранг нравственного закона.

Некоторые аспекты принципа справедливости в правовой системе Петра I:

Публичность судебных процессов. Судебные процессы стали открытыми для общественности, что повысило прозрачность судебной системы.

Элементы состязательности в судебном процессе. Указ 1723 года «О форме суда»[2] частично восстановил в гражданских делах состязательный процесс, где обе стороны могли представлять свои аргументы перед судом.

Дифференцированное решение участи осуждённых. Пётр I старался учитывать степень общественной опасности деяний и заслуги перед государством. Например, если получение государственным служащим незаконного вознаграждения не привело к совершению иного серьёзного преступления, император предпочитал поступать с виновным снисходительно.

Проблемы реализации

Фактическое исполнение законов не всегда соответствовало потребностям государства. Несоблюдение правовых норм в государственной деятельности и в частной общественной жизни стало скорее правилом, чем исключением.

Для решения этих проблем Пётр I вводил систему надзора, например, фискалов, которые доносили обо всех фактах нарушения законов, взяточничества и казнокрадства. Однако фискальная служба была сугубо тайной, поэтому не пользовалась популярностью в общественном мнении и слабо влияла на создание обстановки законности и правопорядка.

---

[1] *Нифталиева И.А.* Формирование и развитие принципа справедливости в Российском уголовном законодательстве / И.А. Нифталиева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – С. 42. – Текст: непосредственный.

[2] Указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 года // Справочно-правовая система «ГАРАНТ». – URL: https://base.garant.ru/57566520/ (дата обращения: 12.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Принцип законности окончательно утвердился в отечественном уголовном праве с принятием Свода законов 1832 года[1]. Это связано с системой общих положений, на которую замыкались статьи особенной части, и с характерными нормами-дефинициями. Данный принцип проявлялся в статьях 1 и 102.

Статья 1. Преступлением именовалось всякое деяние, запрещённое уголовным законом под страхом наказания.

Статья 102. Все преступления были объёмлемы, наказуемы и судимы силою закона.

Принцип справедливости в Своде законов 1832 года был связан с подходами к криминализации и определению системы правил назначения наказания.

Различение преступлений и проступков. Наказание назначалось по мере большей или меньшей умышленности, по мере большей или меньшей близости к совершению преступления, по мере принятого участия в содеянном, а также по обстоятельствам, уменьшающим или увеличивающим вину.

Введение института защитников. Обвиняемые могли иметь защитников («депутатов»), но их возможности были ограниченными: они могли только присутствовать при допросе обвиняемого, наблюдать за правильностью следствия и по окончании его удостоверять правильность протокола.

В Уголовном уложении 1903 года принцип законности был закреплён в норме: «нет преступления, нет наказания без указания о том в законе».

Преступление определялось как «деяние, воспрещённое во время его учинения законом под страхом наказания».

Принцип справедливости проявился в том, что уголовный закон стал различать преступления и проступки. Наказание назначалось по мере большей или меньшей умышленности, по мере близости к совершению преступления, по участию в содеянном, а также по обстоятельствам, уменьшающим или увеличивающим вину.

Были регламентированы обстоятельства, исключающие преступность деяния. К ним относились исполнение закона, исполнение приказа по службе, необходимая оборона, принуждение со стороны кого-либо, крайняя необходимость и другие.

В уголовном праве СССР существовали такие принципы, как социалистическая законность и социалистическая справедливость.

Принцип социалистической законности заключался в том, что преступность и наказуемость деяния определялись только уголовным законом. Никто не мог быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом.

Принцип социалистической справедливости предполагал, что наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно соответствовать характеру, степени общественной опасности и обстоятельствам совершения преступления.

В «Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» от 25 декабря 1958 года[2] говорилось, что задачами уголовного судопроизводства было быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию, а ни один невиновный не был привлечён к уголовной ответственности и осуждён.

В постсоветский период, с начала 1990-х годов, потребовалось создание нового уголовного кодекса, который соответствовал социально-политическим и экономическим изменениям в стране. В 1996 году в России приняли Уголовный кодекс РФ, вступивший в действие 1 января 1997 года.

---

[1] Свод законов уголовных от 1832 года. - URL: https://www.prlib.ru/item/364033 (дата обращения: 12.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1. Ст. 6.

Принцип законности в УК РФ впервые в истории отечественного уголовного законодательства сформулирован в специальных нормах Общей части.

Принцип справедливости закреплён в ст. 6 УК РФ[1]:

Часть 1 содержит положение о соразмерности наказания и иных мер уголовно-правового воздействия характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Часть 2 устанавливает запрет на повторное привлечение лица к уголовной ответственности за одно и то же преступление.

Кроме того, в ч. 2 ст. 43 УК РФ указано, что цель наказания — восстановление социальной справедливости, а ч. 1 ст. 60 УК РФ говорит о назначении виновному лицу справедливого наказания.

Принцип законности является основополагающим в уголовном праве. Он предполагает, что только закон может содержать норму, описывающую признаки конкретного преступного деяния и устанавливающую вид и размер наказания за его совершение.

Некоторые примеры закрепления принципа законности в уголовном законодательстве зарубежных стран[2]:

Турция. В ст. 1 УК Турции установлено, что «никто не может быть наказан за деяние, которое законом не признано правонарушением. Никто не может подвергаться наказаниям, кроме тех, которые предусмотрены законом».

Польша. В § 1 ст. 1 УК Польши отмечено, что «уголовной ответственности подлежит лишь лицо, которое совершило деяние, запрещённое под угрозой наказания законом, действовавшим во время его совершения».

Азербайджан. В ст. 5 УК Азербайджана закреплено, что преступность деяния, а также наказание за него и иные меры уголовно-правового характера определяются только УК Азербайджана.

Принцип справедливости также находит отражение в международных актах, например в Уставе Организации Объединённых Наций, Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах и Конвенции о защите прав человека и основных свобод[3].

Некоторые примеры закрепления принципа справедливости в уголовном законодательстве зарубежных стран:

Франция. В УК Франции проявление принципа справедливости видно в ст. 132-24: «В пределах, установленных законом, суд назначает наказания и определяет режим их исполнения в зависимости от обстоятельств преступного деяния и личности исполнителя».

Швейцария. В УПК Швейцарии закреплены принципы законности, публичности, уважения человеческого достоинства и принцип справедливости, запрет злоупотребления правом, принцип независимости, требование ускорения, принцип обвинения, презумпция невиновности, свободная оценка доказательств.

Таким образом, принципы справедливости и законности развивались на протяжении всей истории человечества, при этом их понимание менялось в зависимости от эпохи и контекста.

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

[2] *См. Кузнецов А.П.* Уголовно-правовые принципы в законодательстве зарубежных стран: теоретическое исследование / А.П. Кузнецов // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. - № 4. – С. 164 – 167. - Текст: непосредственный.

[3] *Мутасова М.А*. Особенности закрепления принципа справедливости в уголовном законодательстве Российской Федерации и некоторых зарубежных стран / М.А. Мутасова // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2019. - № 1. – С. 268. – Текст: непосредственный.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОМУ И ОБВИНЯЕМОМУ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Соловьева Александра Викторовна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попаденко Елена Викторовна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

История формирования принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту отражает эволюцию правового государства и признание личности центральным субъектом уголовного процесса. Для понимания его современного содержания необходимо проследить его развитие как в отечественной, так и в зарубежной правовой традиции.

В эпоху древнерусского государства ключевым источником правового регулирования общественных отношений выступала Русская Правда, которая, обладая комплексной правовой природой, содержала материальные и процессуальные нормы различных отраслей права – уголовного, гражданского, уголовно-процессуального и др. [1] Некоторые ученые отмечают, что в целом уголовный процесс эпохи Русской Правды имел примитивный характер и не предусматривал права на какую-либо защиту обвиняемого[2]. В то же время А.А. Томсинов подчеркивает, что уголовный процесс времен действия Русской Правды главным образом строился на началах обвинительно-состязательных[3]: уголовное преследование инициировалось частными лицами, защита от обвинения производилась самими обвиняемыми, а роль суда сводилась к пассивному, беспристрастному наблюдению за состязанием противоборствующих сторон.

Безусловно, нормы Русской правды регулировали уголовно-процессуальные отношения лишь фрагментарно. Однако в них можно обнаружить положения, свидетельствующие о наличии у лиц, привлекаемых к юридической ответственности за совершение уголовных деяний, права на самостоятельную защиту. Так, отдельные статьи Русской правды предусматривали возможность привлечения свидетелей лицами, которым предъявлено обвинение. Например, для снятия обвинения в убийстве требовалось привлечь семь свидетелей (ст. 18).

Таким образом, на уровне Русской Правды было закреплено право лиц, обвиняемых в совершении уголовных деяний, на самостоятельную защиту путем привлечения свидетелей. Однако это право не было абсолютным: оно ограничивалось как видом преступления (только при обвинении в убийстве), так и единственным способом защиты (привлечение свидетелей). Несмотря на фрагментарный характер этого права и полное отсутствие в обществе того времени профессиональных юристов и адвокатов как социального класса, его можно рассматривать как исходную предпосылку для дальнейшего исторического развития института уголовно-процессуальных гарантий.

---

[1] *См.: Пашенцев Д.А*. Российская законотворческая традиция: онтология процесса / Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. - 2018. - № 8. - С. 5 - 13. – Текст: непосредственный.

[2] *Неряхин А.И*. Обеспечение права на защиту при производстве дознания в сокращенной форме: дисс. … канд. юрид. наук. Владимир, 2020. - С. 22. – Текст: непосредственный.

[3] *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века / В.А. Томсинов // М.: Зерцало-М, 2015. - С. 340. – Текст: непосредственный.

Здесь также важна идея законодателя о недопустимости автоматического признания привлекаемого лица виновным и необходимости предоставления ему средств правовой защиты, пусть и в значительно усеченном виде.

В дальнейшем в уголовном процессе отечественного государства элементы частно-искового процесса отошли на второй план, стали появляться и получать широкое распространение зачатки инквизиционного процесса, о чем свидетельствует анализ содержания Судебников 1497 и 1550 годов, а также Соборного уложения 1649 года. В этот период не происходило развития правовых норм, регулирующих защиту лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Напротив, процессуальное положение таких лиц ухудшилось: основным доказательством вины стало собственное признание, для получения которого узаконивались пытки. Право на самостоятельную защиту путем привлечения свидетелей, как в Русской правде, не устанавливалось. Следовательно, говорить о каком-либо развитии права на защиту от уголовного преследования в указанный исторический период не приходится.

В контексте развития зарубежного права следует подчеркнуть, что законодательство эпохи Просвещения в отдельных европейских государствах достигло существенного прогресса в регулировании права на защиту. Так, М. А. Чельцов-Бебутов отмечает, что основные черты современных методов организации уголовного судопроизводства, сформировавшиеся с началом буржуазно-демократических революций (в частности, в Англии), окончательно оформились в XVII веке, когда наиболее остро встал вопрос об оправданности применения репрессивных мер к гражданам. Положения, установленные законом Habeas Corpus Act в 1679 г., до сих пор являются гарантией защиты личности от произвола государственной власти[1].

Чуть позже идеи о правах личности, в том числе о праве на защиту в уголовном процессе, нашли отражение во французской Декларации прав человека и гражданина, принятой в августе 1789 года. По мнению А. В. Пиюка, судьбоносные преобразования той эпохи заключались в организации уголовного судопроизводства с обязательной защитой прав личности при верховенстве закона[2]. Таким образом, можно констатировать существенное отставание России от развитых европейских государств в вопросе правового регулирования обеспечения защиты лиц, подвергаемых уголовному преследованию, в XVIII веке.

Переломный момент в отечественной истории наступил с принятием Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г., который ознаменовал выделение уголовного процесса в отдельную отрасль правового регулирования и появление смешанного российского уголовного процесса. Досудебные стадии строились на инквизиционных началах, тогда как судебное разбирательство основывалось на принципах гласности, устности, непосредственности и равноправия сторон обвинения и защиты. В научной литературе обоснованно отмечается, что Устав 1864 года существенно расширил процессуальные гарантии обвиняемого, наделив его правом представлять оправдательные доказательства, отказываться от дачи показаний, обжаловать следственные действия, а функцию защиты подсудимых возложил на присяжных поверенных[3].

В советский период право на защиту обвиняемого был закреплено на конституционном уровне: статья 111 Конституции СССР 1936 г. провозглашала это право

---

[1] *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / Чельцов-Бебутов М.А. // СПб., 1995. - С. 380 – 382. – Текст: непосредственный.

[2] *Пиюк А.В*. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект: дис. …д-ра юрид. наук. - Томск, 2017. - С. 29. – Текст: непосредственный.

[3] *См.: Хроменков И.Р*. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства: монография // И.Р. Хроменков, О.В. Качалова // Москва: Проспект, 2023. - 176 с. – Текст: непосредственный.

на стадии судебного разбирательства, оставляя за скобками досудебный этап, когда участие защитника не менее важно. В УПК РСФСР 1960 г. (ст. 19) право на защиту регламентировалось, однако не распространялось на подозреваемого, несмотря на то, что он выделялся в качестве отдельного участника уголовно-процессуальных отношений (ст. 52 УПК РСФСР 1960 г.). Только Законом РФ от 23 мая 1992 г. № 2825-1 право на защиту было распространено и на подозреваемого.

Ученые отмечают, что советское уголовно-процессуальное законодательство регламентировало принцип обеспечения права на защиту в усеченном варианте и не закрепляло реальный механизм его обеспечения. Н.А. Логинов констатирует фактическое отсутствие права на защиту в досудебном производстве, особенно на стадии возбуждения уголовного дела[1]. В то же время М.С. Строгович подчеркивал, что право обвиняемого на защиту является основой всех процессуальных прав, предоставляемых законом обвиняемому, интегрированным выражением этих прав[2], что свидетельствует о признании его основополагающего характера в теории уголовного процесса.

В зарубежной правовой системе ключевую роль в развитии сферы защиты прав лиц, подвергнутых уголовному преследованию, сыграла Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., в частности пункт 3 статьи 6, закрепивший минимальные стандарты права на справедливое судебное разбирательство[3]: незамедлительное уведомление об обвинении, достаточное время для подготовки защиты, право на адвоката (в том числе бесплатного), право допрашивать свидетелей обвинения и вызывать своих.

Практика Европейского суда по правам человека оказала значительное влияние на европейские национальные правовые системы. Например, в решениях ЕСПЧ критиковалась практика Франции, ограничивавшая возможности обвиняемого давать показания и вызывать свидетелей[4]. В Великобритании под влиянием европейских стандартов были приняты Закон о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 года, Закон о судах и юридических услугах 1990 года и Закон о доступе к правосудию 1999 года, которые существенно расширили гарантии защиты на всех стадиях уголовного процесса.

В 1990-е годы, в условиях формирования правового государства, произошел качественный скачок в развитии принципа обеспечения права на защиту. Принятие Конституции РФ 1993 г. (ст. 48) и ратификация Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1998 г.) создали правовую основу для приведения отечественного уголовного процесса в соответствие с международными стандартами. Эти изменения нашли свое отражение в Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2001 г., который впервые закрепил принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту в качестве одного из основополагающих (ст. 16 УПК РФ).

Таким образом, принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту прошел долгий путь от фрагментарных норм древнерусского права до статуса международного стандарта справедливого правосудия, закрепленного в национальном законодательстве. Его историческое развитие отражает постепенный переход от карательной модели уголовного процесса к модели, ориентированной на защиту прав и свобод личности.

---

[1] *Логинов Н.А*. Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах – членах СНГ: дисс. …канд. юрид. наук // М., 2019. - С. 36. – Текст: непосредственный.

[2] *Строгович М.С.* Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности // М., 1975. - С. 17. – Текст: непосредственный.

[3] *См. Чеботарева И.Н.* Процессуальное равенство сторон обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве / И.Н. Чеботарева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2023. - № 3. - С. 499 - 520. - Текст: непосредственный.

[4] *Туманов В.А.* Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1 / редкол.: В.А. Туманов и др. // М, 2000. С. 698-704, 755-767; Т. 2. С. 85-93, 196-206. - Текст: непосредственный.

РАЗВИТИЕ НОРМ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Степанов Матвей Андреевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Колпакова Людмила Алексеевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Историческое развитие норм об уголовной ответственности в области преступлений, нарушающих правила дорожного движения и эксплуатацию транспортных средств, шло параллельно с развитием различных видов транспорта в России. Изучение различных нормативных правовых актов, позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование безопасности дорожного движения в России появляется в период правления Ивана III, то есть к концу XVI –XVII веков. В данный период времени были приняты общие правила пользования почтовыми трактами. Это было связано с тем, что велось активное строительство дорог, что в свою очередь было обусловлено расширением территории Российского государства. Так же одним из важных положений, закрепленных в вышеуказанных правилах, стало установление правостороннего движения, за нарушение которого была предусмотрена ответственность в виде «битья батогами» для холопов, и штрафа в три деньги с соболями для бояр[1].

Важное значение в регулирование безопасности дорожного движения в Российском государстве, сыграло Соборное уложение 1649 года. В данном источнике права безопасность дорожного движения регулировалась в главе IX «О мытах и о перевозах, и о мостах». Данная глава запрещала несоблюдение требований по содержанию дорог, создание препятствий на дорогах. За данные деяния устанавливалась гражданско–правовая ответственность. Кроме того, в положениях Соборного уложения 1649 года впервые содержался состав преступления, устанавливающий уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения. Так, в данном составе преступления, говорилось о том, что всадник, совершивший наезд на лошади в состоянии опьянения, умышленно или «с похвалы» на «чью жену», должен был подвергнут битью кнутом. Если же, последствием вышеуказанного наезда являлось изувечение женщины, прерывание беременности или рождение мертвого ребенка, всадник должен был быть подвергнут тюремному заключению сроком на три месяца. Так же, если наезд приводил к смерти женщины, то виновный всадник должен был быть подвергнут смертной казни[2]. Но в данном положении имелось исключение, о том, что, если смерть женщины наступила не по вине всадника, а из-за того что лошадь испугалась, то всадник никакого наказания не нес. Так же в данном положении явно усматриваются отягчающие и смягчающие обстоятельства, которые влияли на наказание.

Дальнейшее правовое регулирование безопасности движения транспортных средств связанно с правлением Петра I. В 1683 году был издан Указ, в котором

[1] *См.: Ванеков И.С.* История становления и развития уголовной ответственности за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств / И.С. Ванеков // Юридический факт. - 2020. - № 94. - С. 17 - 20. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Горбунова Л.В*. Некоторые аспекты развития законодательства об ответственности за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта в дореволюционной России / Л.В. Горбунова // Марийский юридический вестник. - 2008. - № 6. – С. 105 – 109. – Текст: непосредственный.

содержался запрет быстрой езды по городу, для того чтобы избежать различные травмы жителей городов. Соблюдением данных требований занимался Стрелецкий приказ[1].

Дальнейшее развитие правового регулирования безопасности дорожного движения происходило в период правления императрицы Анны Иоанновны, а именно в 09 марта 1730 года был издан Сенатский указ «О нескорой и осторожной езде на лошадях по улицам, и о задержании в Полиции тех, которые будут давить лошадьми и бить проходящих кнутьями». В нем усматривается ужесточение наказаний в сфере безопасности дорожного движения. Согласно этому акту, за повторность правонарушения в сфере дорожной безопасности предусматривалось наказание в виде битья кнутом, а также предусматривалось наказание в виде ссылки на каторгу. В связи с тем, что нарушения правил дорожного движения не раз приводили к наездам на пешеходов и они получали увечья, за данное правонарушение было введено наказание в виде смертной казни[2].

В 1742 году в период правления Елизаветы Петровны, впервые появляется институт конфискации имущества за совершение правонарушения в виде быстрой езды. Так же в 1752 году происходит законодательное закрепление правостороннего движения на дорогах. Отметим, что ранее уровень нормативного регулирования этого вопроса был гораздо ниже (Правила).

Дальнейшее развитие норм о безопасности дорожного движения происходит в период правления императора Александра I. В 1802 году Александр I издает Указ «О запрещении скорой езды». Данным правовым актом закреплялась ответственность владельца гужевого экипажа за нарушение правил передвижения гужевого транспорта. Ранее ответственности подлежал лишь извозчик гужевой повозки.

В 1809 году в Российском государстве впервые появляется государственный орган, осуществляющий обеспечение безопасности на дорогах – транспортная полиция, которая занималась наблюдением за исправностью дорог, а также безопасностью передвижения по дорогам различного транспорта. В 1835 году впервые за нарушение правил дорожного движения появляются такие наказания как штраф и арест.

В XIX веке в России появляется автомобильный транспорт, в связи с этим появилась необходимость дальнейшего развития механизма правового регулирования в сфере безопасности дорожного движения. В связи с этим в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 году появились соответствующие нормы. В данном правовом акте транспортные преступления делились на 3 категории: 1) преступления, совершенные на сухопутном транспорте; 2) преступления, совершенные на морском транспорте; 3) преступления, совершенные на речном транспорте. Однако данные нормы были закреплены в различных разделах Уложения, что свидетельствовало о том, что законодатель еще не понимал транспортную безопасность как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны, что требовало дальнейшего развития правового регулирования данного вопроса[3].

В связи с большими темпами развития автомобильного транспорта в России требовалось и развитие правового регулирования безопасности дорожного движения и правил эксплуатации транспортных средств. Изначально правила дорожного движения

---

[1] *Постникова В.Г.* История становления законодательства об уголовной ответственности за преступления, нарушающие правила дорожного движения и эксплуатацию транспортных средств / В.Г. Постникова // ModernScience. - 2022. - №11-1. - С. 55. - URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49754501_45893380.pdf (дата обращения: 21.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *См. Борзых С.А.* Исторический аспект уголовной ответственности за нарушение безопасности дорожного движения в России / С.А. Борзых // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. - 2014. - № 1 (2). - С. 132 - 138. – Текст: непосредственный.

[3] *Вербина О.Л.* История становления деятельности органов по безопасности дорожного движения в отечественном праве / О.Л. Вербина // История государства и права. - 2014. - № 11. - С. 10 - 13. – Текст: непосредственный.

применялись только в г. Санкт-Петербург и г. Москва. Так в 1900 году Городской думой г. Санкт–Петербурга было принято Обязательное постановление о порядке пассажирского и грузового движения по городу на автомобилях. В данном постановлении были зафиксированы не только правила дорожного движения, но и определенные требования, предъявляемые к водителям и пешеходам, особенно внимание уделялось их поведению на дорогах. Помимо этого, впервые появляются определенные требования к транспортному средству, а именно транспортное средство должно было пройти технический осмотр, а также на транспортном средстве спереди и сзади должны были быть установлены номерные знаки. Со временем стали приниматься правовые документы в сфере безопасности дорожного движения, действующие на территории всей страны.

Одним из таких нормативно-правовых актов стало Уголовное уложение от 22 марта 1903 года. В большей мере оно регулировало правила безопасности движения на железнодорожном, морском и речном транспорте. Кроме того, согласно данного уложения ответственность наступала за повреждение вышеуказанных транспортных средств. В дальнейшем развитие института уголовной ответственности за преступления, нарушающие правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, происходило в СССР[1].

Первым документом, регулирующим дорожное движение в СССР, стал декрет «Об автодвижении по городу Москве и его окрестностям» от 16 июня 1920 года. Данный декрет включал в себя такие положения как, требования к водителю, правила регистрации механических транспортных средств, правила технического контроля транспортных средств, ограничение скорости движения транспортного средства. Далее правовое регулирование уголовной ответственности за преступления, нарушающие правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств получило развитие в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года. В нем не было выделено специальных составов, предусматривающих ответственность за нарушение правило дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, но в данном кодексе предусматривалась ответственность за нарушение движения по сухопутным, морским и речным путям[2].

В Уголовном Кодексе РСФСР 1926 года составы преступления, предусматривающие уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств находились в различных главах Особенной части кодекса, единой главы регулирующую данную сферу не существовало. Кроме того, нарушение правил движения по дорогам относилось к государственному преступлению.

Последующее развитие уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств получило в Уголовном Кодексе РСФСР 1960 года. Было осуществлено разграничение ответственности работников, осуществляющих свою трудовую деятельность на транспорте, и водителей транспортных средств как частных лиц. В Уголовном Кодексе РСФР 1960 года уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств наступала, если такими действиями потерпевшему был причинен какой-либо вред здоровью, либо же наступала смерть потерпевшего. В связи с тем, что в 1968 году в СССР были приняты «Правила дорожного движения по улицам и дорогам СССР», в Уголовный Кодекс РСФСР 1960 года были внесены изменения, касающиеся уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а именно появляется уголовная ответственность за управление транспортным

---

[1] *См. Войтенков Е.А.* Историко-правовые особенности и этапы становления отечественной системы обеспечения безопасности дорожного движения / Е.А. Войтенков // Общество и право. - 2010. - № 3 (30). – С. 17 – 28. – Текст: непосредственный.

[2] *Рублев А.Г.* Становление уголовной ответственности за автотранспортные преступления в советском законодательстве / А.Г. Рублев // Вестник Уральского юридического института МВД России. - 2015. - № 4. – С. 50. – Текст: непосредственный.

средством в состоянии опьянения при наличии административной преюдиции[1]. Данное положение Уголовного Кодекса РСФСР 1960 года становится прообразом статьи 264.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации. В 1992 году статья, предусматривающая уголовную ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения, была декриминализована.

Далее развитие правового регулирования связано с принятием Уголовного Кодекса Российской Федерации 1996 года. В данном кодексе впервые составы предусматривающие уголовную ответственность за наращение безопасности движения и эксплуатацию транспорта были объединены в одну главу, а именно глава 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта». В дальнейшем в данную главу неоднократно вносились изменения. Так, в 2015 году была введена статья 264.1 предусматривающая уголовную ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию. В 2021 году в статью 264.1 УК РФ была введена часть вторая, которая предусматривает уголовную ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, имеющим судимость. Так же в 2021 и 2022 годах в главу 27 УК РФ были введены новые составы преступлений, а именно статьи 264.2, 264.3 УК РФ. Таким образом, законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за нарушение безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, продолжается и в наши дни[2].

Говоря о правовом регулировании безопасности движения и эксплуатации транспортных средств стоит сказать и о регулировании данного института в зарубежных странах. Прежде всего, необходимо сказать о регулировании данного института в странах СНГ. В большинстве Уголовных Кодексов стран СНГ преступления направление против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств помещены в отдельные главы. Например, в УК Республики Беларусь, УК Туркменистана, УК Казахстана преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств помещены в отдельные главы. Так же в уголовных кодексах стран СНГ содержатся нормы предусматривающий ответственность за управлением транспортным средством в состоянии опьянения, а также ответственность за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на установление состояния опьянения. В Уголовном Кодексе Туркменистана предусмотрена уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения, если в результате этого потерпевшему был причинен средней тяжести вред здоровью по неосторожности либо же это повлекло причинение материального вреда. Квалифицирующим признаком данного состава преступления является отсутствие у лица права на управление транспортным средством[3]. Так же одним из квалифицирующих признаков вышеуказанного состава является повторность совершения деяния. Таким образом, по УК Туркменистана уголовная ответственность за управление лицом транспортного средства в состоянии опьянения наступает при наступлении определенных последствий.

В Уголовном кодексе Казахстана также предусмотрена уголовная ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, но данная норма содержит в себе особенность. Так, наступление уголовной ответственности

---

[1] *Войтенков Е.А.* Уголовная и административная ответственность за преступления и правонарушения в сфере безопасности дорожного движения в советском законодательстве: историко-правовой анализ и особенности правоприменительной практики / Е.А. Войтенков // Российский следователь. - 2013. - № 16. - С. 23 - 27. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44137895_35007302.pdf (дата обращения: 22.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *См. Валдаев Е.В.* Эволюция законодательства об ответственности за транспортные преступления по праву России / Е.В. Валдаев, А.И. Гуров // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. - 2015. - № 1 (36). - С. 45 - 49. – Текст: непосредственный.

[3] *Ларина Л.Ю.* Уголовно-правовое обеспечение транспортной безопасности в странах СНГ / Л.Ю. Ларина // Правовое государство: теория и практика. - 2019. - № 3 (57). – С. 117. – Текст: непосредственный.

за такое деяние связано не только с управлением транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортным средством, находящимся в состоянии опьянения, но также и передача такому лицу управления транспортным средством, либо допуск такого лица к управлению транспортным средством, совершенный должностным лицом либо собственником транспортного средства. В российском законодательстве аналогичных норм не предусмотрено[1].

В Уголовном Кодексе Республики Молдова предусмотрены нормы о привлечении к уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии сильного алкогольного опьянения либо же в состоянии опьянения, вызванного наркотиками или другими веществами, вызывающими опьянение. В связи с этим возникают проблемы с определением состояния сильного алкогольного опьянения так как никаких критериев для этого не предусмотрено, так же не говорится о степени опьянения наркотиками или другими веществами[2].

Законодательство стран Европы демонстрирует сходные подходы. Так, например, в разделе 27 «Общеопасные преступные деяния» Уголовного Уложения ФРГ содержатся нормы, устанавливающие ответственность за вышеуказанное деяние. В отличие от российского законодательства, где предусмотрена административная преюдиция, предваряющая привлечение к более серьезной ответственности, то в данном правовом источнике уголовная ответственность установлена за однократное управление транспортным средством в состоянии опьянения при условии причинения физического вреда потерпевшему. Любопытно, что криминализировано даже покушение на нарушение правил безопасности дорожного движения в состоянии опьянения, что отнесено к категории уголовных проступков[3].

Во Франции уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения была установлена в 1958 году. В 1970 году были определены допустимые пределы количества алкоголя в крови и в парах выдыхаемого воздуха. В настоящее время во Франции установлена как административная ответственность, так и уголовная ответственность за управление лицом транспортного средства в состоянии опьянения. Дифференциация соответствующих деяний на уголовные правонарушения, уголовные проступки, преступления зависит от количества обнаруженного в крови алкоголя. Так если у водителя было установлено состояние алкогольного опьянения, а показатель спирта в крови повышает показатель в размере 0,5 грамма на литр, то данное деяние будет квалифицировано как уголовное правонарушение. За такое деяние предусмотрено наказание в виде штрафа. Если же у водителя показатель алкоголя в крови превышает показатель в размере 0,8 грамм, то данное деяние будет квалифицированно как преступление[4]. За данное деяние предусмотрены такие виды наказания как штраф, лишение свободы, а также дополнительное наказание в виде лишения права управления либо же обязательные работы. Так же в Уголовном Кодексе Франции предусмотрена уголовная ответственность за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения или за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние

---

[1] *См. Сычев К.А.* Уголовная ответственность водителей за совершение дорожно-транспортных преступлений в состоянии опьянения: позитивный зарубежный опыт / К.А. Сычев // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии: материалы Международной научно-практической конференции, Барнаул, 27–28 июня 2024 года. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2024. - С. 55 - 57. – Текст: непосредственный.

[2] См. *Верзилин С.В*. Зарубежный опыт по совершенствованию системы юридической ответственности в области обеспечения безопасности дорожного движения и порядка привлечения к ней / С.В. Верзелин // Регион: системы, экономика, управление. - 2021. - № 1 (52). - С. 180 - 187. – Текст: непосредственный.

[3] *Букалерова Л.А.* Противодействие транспортным правонарушениям и преступлениям, совершаемым лицами, находящимися в состоянии опьянения, по уголовному законодательству Германии и Франции / Л.А. Букалерова, М.В. Афанасьев // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. - 2017. - № 1 (44). - С. 120. – Текст: непосредственный.

[4] *Коробеев А.И.* Транспортные преступления и транспортная преступность / А.И. Корабеев // М.: Юрлитинформ, 2015. - С. 238. – Текст: непосредственный.

опьянения. Наиболее строгое наказание предусмотрено за первое из них. Управление транспортным средством в состоянии наркотического опьянения также наказуемо. Если же деянием причинен вред здоровью человека, либо же это повлекло смерть человека, назначается наказание в виде штрафа и лишения свободы.

Законодательство Канады также предусматривает уголовную ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения. К уголовной ответственности по данной категории преступлений привлекается лицо управляющее транспортным средством в состоянии опьянения, лицо контролирующее транспортное средство. Лицо в состоянии опьянения может быть признано виновным и тогда, когда оно находилось на водительском месте, даже если транспортное средство не двигалось (находилось на парковке). Отдельно регламентирована уголовная ответственность за отказ от прохождения водителем транспортного средства освидетельствования на состояние опьянения. При этом требовать прохождения освидетельствования на состояние опьянения уполномочен сотрудник полиции[1].

Таким образом, можно сделать вывод, что нормы об уголовной ответственности за преступления, нарушающие правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в России прошли большой исторический путь. Развитие правового регулирования в этой сфере происходило параллельно с развитием различных видов транспортных средств. Кроме того, отметим, что в зарубежных странах сложился в целом единообразный подход к основаниям и пределам уголовной ответственности за нарушение правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Некоторые из специфических норм могут быть использованы для обсуждения дальнейших новелл российского уголовного закона.

[1] *Букалерова Л. А.* Ответственность за совершение транспортных преступлений в состоянии опьянения по уголовному законодательству Канады / Л.А. Букалерова, А.М. Зокина // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 30 сентября – 01 2019 года / под общей редакцией Н.А. Лопашенко. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. - С. 81. – Текст: непосредственный.

НЕОТЛОЖНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Степашова Татьяна Александровна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Морозов Роман Михайлович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

В научных кругах принято считать, что Россия, ввиду исторических особенностей своего развития, а в частности из-за изменения политического строя государства более двух раз в течение столетия, участия в двух мировых войнах и ряда других локальных военных конфликтах, не успевает в развитии научном, техническом и, что немаловажно, в законодательном от ряда стран, в том числе и западных. В связи с этим в настоящие время сложилось устойчивое мнение о том, что зарубежное законодательство куда более совершеннее российского.

Например, законодательство Республики Беларусь во многом схоже с законодательной базой Российской Федерации.

Стоит отметить, что многие положения Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее УПК РБ) практически идентичны с отдельными положениями российского Уголовно-процессуального кодекса.

При этом в ст. 186 УПК РБ нашли свое отражение основные положения института неотложных следственных действий. По нашему мнению, согласно изучаемой норме, законодатель Республики Беларусь предоставил субъекту определенное право выбора, а именно: орган дознания при обнаружении явных признаков преступления вправе на свой выбор произвести следующие действия: передать заявление или сообщение о преступлении с собранными материалами проведенной проверки по подследственности; воспользоваться правом на возбуждение уголовного дела и проведение неотложных следственных действий[1].

По мнению белорусского ученого-процессуалиста С.В. Борико, именно наличие ограниченного перечня следственных действий не позволяет заменить понятие «неотложные», на понятие «первоначальные»[2].

Передача материалов по подследственности в УПК Белоруссии обеспечивает привлечение квалифицированных специалистов, что способствует оперативному и качественному расследованию. Однако право выбора органа дознания требует четких критериев для принятия решения о проведении НСД или передаче материалов. Отсутствие таких критериев может привести к субъективным решениям, например, в определении «явных признаков преступления». Неясно, достаточно ли обоснованного подозрения или требуются неопровержимые доказательства вины. Это создает риск утраты доказательств или необоснованного отказа от НСД.

Для устранения этих пробелов необходимо разработать методические рекомендации, которые: четко определяют критерии «явных признаков преступления»;

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 16 июля 1999 г. № 295-З. - URL: https://etalonline.by/document/?regnum=Hk9900295 (дата обращения: 27.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Борико С.В*. Уголовный процесс: учебник / С.В. Борико // Минск: Адукацыя і выхаванне, 2016. - С. 158. – Текст: непосредственный.

регламентируют сроки и порядок передачи материалов; устанавливают механизмы контроля за решениями органов дознания; предоставляют заявителям право на обжалование таких решений.

Кроме того, важно обеспечить защиту прав граждан при передаче материалов, чтобы исключить затягивание расследования или препятствия доступу к правосудию. Эффективное взаимодействие между органами дознания и следователями, включая строгие сроки и единый формат передачи материалов, также повысит качество расследования. Таким образом, совершенствование нормативной базы и методических рекомендаций позволит повысить эффективность НСД в Республике Беларусь, сохраняя баланс между оперативностью и законностью.

Необходимо разработать эффективные механизмы информационного обмена и сотрудничества, чтобы обеспечить бесперебойность расследования и предотвратить потерю важной информации. Это может включать в себя установление строгих сроков передачи материалов, определение формата их оформления и согласование дальнейших следственных действий. Предоставление органу дознания права выбора между проведением неотложных следственных действий и передачей материалов по подследственности является, безусловно, рациональным решением, для эффективной реализации этого права необходимо устранить существующие пробелы в законодательстве и разработать более детализированные методические рекомендации, регламентирующие порядок принятия таких решений и обеспечивающие защиту прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства. Только в этом случае можно достичь максимальной эффективности работы органов дознания и обеспечить качественное и справедливое расследование преступлений.

В УПК Республики Казахстан статья 196, регламентирующая неотложные следственные действия (НСД), выделяет их как особую категорию, требующую незамедлительного проведения во избежание утраты важных доказательств. Законодатель Казахстана ограничивает неотложные следственные действия (осмотр места происшествия, обыск, выемка, освидетельствование, задержание подозреваемых, допрос подозреваемых, дотерпевших и свидетелей)[1]. УПК РК четко определяет условия проведения неотложных следственных действий, подчеркивая необходимость наличия достаточных оснований для их проведения. Это предотвращает злоупотребления и обеспечивает защиту прав и свобод граждан. Нельзя пренебрегать принципом законности при проведении НСД, даже в условиях неотложности. Все действия должны быть задокументированы в соответствии с требованиями УПК РК, включая составление протоколов и других необходимых документов. В противном случае, полученные доказательства могут быть признаны недопустимыми[2].

Сравнение с российским уголовно-процессуальным законодательством показывает не только различия в перечне уполномоченных субъектов, но и в подходах к регламентации самих НСД. В России, например, перечень НСД не ограничен, что может привести к определенным сложностям в практической деятельности правоохранительных органов[3].

В Казахстане же, более широкий перечень уполномоченных субъектов - следователи, дознаватели и органы дознания - позволяет быстрее реагировать на ситуации, требующие немедленного расследования. В России не четко обозначен круг

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V. - URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852 (дата обращения: 27.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V. - URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852 (дата обращения: 27.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Журба О.Л.* Институт неотложных следственных действий в отечественном и зарубежном уголовном процессе / О.Л. Журба, Е.Г. Раднева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. - 2020. - №. 3. - С. 198. – Текст: непосредственный.

лиц, производящих следственные действия в п. 19 ст. 5 УПК РФ (орган дознания) и ч. 5 ст. 152 УПК РФ (следователь, дознаватель). Таким образом практика Казахстана как отмечается в теории уголовного процесса, позволяет более эффективно пресекать преступления и собирать необходимые доказательства. Важно отметить, что предоставление следователям полномочий по проведению НСД, помимо дознавателей, является инновационным подходом, усовершенствующим качество и эффективность расследования. Этот подход позволяет более гибко реагировать на изменение обстановки на месте происшествия и своевременно принимать необходимые меры для сохранения доказательств.

Однако, этот широкий спектр полномочий налагает повышенную ответственность на следователя, требуя от него высокой квалификации и строгого соблюдения законодательства. Необходимость постоянного совершенствования системы обучения и подготовки следователей в Казахстане является важным фактором эффективного функционирования института НСД. В итоге, институт неотложных следственных действий в УПК РК представляет собой сбалансированный механизм, обеспечивающий как эффективное расследование, так и защиту прав и свобод граждан, при условии его строгого соблюдения и постоянного совершенствования.

Законодатель Республики Казахстан, предпринял попытку отступить от «привычной» для всех ассоциации проведения неотложных следственных действий исключительно уполномоченным субъектом, определив при этом срок производства неотложных следственных действий в 5 суток.

Обратимся к законодательству и правоохранительной системе КНР, которые довольно специфичны. Это обусловлено политическим строем государства, где основополагающие принципы социализма сочетаются с капиталистическими реалиями современного мира[1].

Так, уголовно-процессуальное законодательство представлено в виде единого кодифицированного кодекса. Однако в Уголовно-процессуальном кодексе КНР (далее УПК КНР[2]) рассматриваемый нами институт нашел свое отражение лишь в форме отдельного предложения в параграфе одной статьи, а именно: в параграфе третьем ст. 84 УПК КНР содержится формулировка следующего характера – «В случаях если дело не подпадает под юрисдикцию уполномоченных органов, но требуется принятие неотложных мер, то данные органы принимают эти меры, перед тем как передать дело в компетентный орган».

В китайском уголовно-процессуальном законодательстве, таким образом, широта понятия «неотложных мер» порождает как преимущества, так и существенные риски.

С одной стороны, отсутствие жестких временных рамок и ограничений на субъекта производства позволяет оперативно реагировать на быстротечно развивающиеся ситуации, предотвращая уничтожение доказательств или ухудшение положения потерпевших. Это особенно актуально в условиях масштабной страны с разнообразной криминальной обстановкой. Например, при расследовании крупных экономических преступлений, требующих быстрого ареста активов или допроса ключевых свидетелей, гибкость китайской системы позволяет действовать эффективно, минуя бюрократические препоны. Возможность использования неотложных мер разными уполномоченными органами способствует быстрому обмену информацией и координации действий, что ускоряет процесс расследования и повышает его эффективность. Однако широта полномочий сопряжена с риском злоупотреблений. Отсутствие четких временных ограничений открывает возможности для продления неотложных мер неопределенно

[1] *Журба О.Л.* Указ. соч. - С. 199. – Текст: непосредственный.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс КНР. - URL: http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330729.htm (дата обращения: 27.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

долго, фактически лишая подозреваемого или обвиняемого основных процессуальных гарантий[1].

Отсутствие строгого контроля за субъектами, имеющими право на проведение таких мер, создает потенциальную угрозу нарушения прав и свобод граждан. Неясные критерии определения «неотложности» могут привести к произволу и ущемлению прав лиц, не имеющих отношения к преступлению. Кроме того, недостаточно четкая регламентация дальнейшей передачи дела компетентному органу может приводить к затягиванию процесса и потере ценных доказательств в результате неправильной или несвоевременной фиксации.

Для минимизации рисков необходим более детальный регламент института неотложных следственных действий. Это включает в себя разработку четких критериев определения неотложности, установление строгих временных рамок для проведения таких действий, уточнение компетенции уполномоченных органов, а также совершенствование механизмов контроля за их деятельностью. Необходимо также усилить гарантии защиты прав и свобод лиц, в отношении которых применяются неотложные меры, включая право на немедленное информирование о причине их применения, право на защиту и право на обжалование действий уполномоченных органов. В целом, баланс между необходимостью быстрого реагирования на криминальные ситуации и защитой прав и свобод граждан является ключевым аспектом совершенствования института неотложных следственных действий в КНР.

Принято считать, что законодательство Германии более прогрессивное, и заслуживает отдельного внимания с целью изучения и научного анализа.

Параграф 29 УПК Германии, действительно, предоставляет прокурору определённую свободу действий, позволяя ему проводить некоторые следственные действия без предварительного судебного разрешения. Однако, это не означает отсутствие контроля и не свидетельствует о существовании безграничных полномочий[2]. Ключевое слово здесь — «некоторые». Закон чётко определяет рамки этих исключений, ограничивая их срочностью и необходимостью предотвращения непосредственной угрозы для жизни, здоровья людей или значительного материального ущерба. Речь идёт о ситуации, когда задержка, связанная с получением ордера, может привести к необратимым последствиям[3].

Например, если обнаружено место преступления с очевидными следами насилия, и существует реальная вероятность, что преступник может скрыться или уничтожить улики, прокурор имеет право немедленно начать следственные действия, такие как осмотр места происшествия, изъятие вещественных доказательств, допрос очевидцев, не ожидая решения суда. Но даже в этом случае, прокурор обязан в кратчайшие сроки (обычно в течение 24-48 часов) представить суду отчёт о проведённых действиях и обосновать их необходимость. Суд, в свою очередь, проверяет обоснованность действий прокурора, и в случае незаконного проведения следственных действий, может признать их результаты недопустимыми в качестве доказательств. Система сдержек и противовесов в немецкой системе уголовного судопроизводства чрезвычайно важна. Полиция, как правило, первой прибывает на место происшествия и осуществляет первичные действия, но не имеет права проводить самостоятельное расследование. Её полномочия ограничиваются обеспечением порядка, предотвращением уничтожения улик и фиксацией обстоятельств происшествия. Все собранные полицией материалы передаются в прокуратуру. Прокуратура, в свою очередь, решает, достаточно ли собранных доказательств для возбуждения уголовного дела и начинает дознание.

Важную роль играет суд, который является независимым органом и контролирует законность действий как полиции, так и прокуратуры. Суд не только выдаёт ордера на

---

[1] *Журба О.Л.* Указ. соч. - С. 200. – Текст: непосредственный.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ. - URL: https://pravo.org.ua/files/_%281%29.pdf (дата обращения: 27.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Журба О.Л.* Указ. соч. - С. 201. – Текст: непосредственный.

проведение следственных действий, но и может проверять правомерность действий прокурора, осуществляемых без судебного ордера. В случае нарушения процессуальных норм, суд может применить санкции, вплоть до отмены результатов расследования. Система взаимодействия между полицией, прокуратурой и судом обеспечивает баланс между эффективностью расследования и соблюдением прав подозреваемых.

Таким образом, отсутствие прямого закрепления института неотложных следственных действий в УПК Германии не означает его отсутствия. Он реализуется через предусмотренные параграфом 29 и другими статьями исключения, строго контролируемые судом. Это позволяет достичь баланса между необходимостью быстрого реагирования на криминальные события и гарантиями прав человека. Отсутствие прямого закрепления также подчеркивает приоритет принципа правовой определённости и необходимость строгого соблюдения процедурных норм. Система работает на основе внимательной проверки каждого случая на соответствие закону, исключая произвол.

Под «неотложными служебными действиями» в данном кодексе принято понимать осуществление действий должностными лицами, а также компетентными органами не входящих в круг их компетенции и полномочий с целью проведения всестороннего и полного расследования, если имеются основания к отводу полномочных на проведение данных действий субъектов. Иными словами, в определенных случаях прокурор вправе провести следственные действия без получения специального разрешения с дальнейшим уведомлением компетентного органа о принятом решении. Законодатель в данной норме наделил органы прокуратуры правом производства следственных действий в «обход» определенного кодексом порядка по аналогии с отечественным законодательством, регламентирующим понятие «не требующий отлагательства»[1].

Анализ зарубежного опыта показывает разнообразие подходов к регулированию неотложных следственных действий. Однако, независимо от государственного устройства, общим является принцип необходимости быстрого реагирования на ситуации, угрожающие доказательствам или безопасности людей.

Сравнительный анализ института НСД в России, Беларуси, Казахстане, КНР и Германии выявляет разнообразие подходов, но подчеркивает общий принцип — необходимость оперативного реагирования для сохранения доказательств и защиты общественной безопасности. В России перечень НСД ограничен 10 сутками. В Беларуси право выбора органа дознания требует четких критериев. Казахстан предоставляет широкий спектр полномочий, но нуждается в усилении подготовки кадров. КНР демонстрирует гибкость, но отсутствие строгой регламентации создает риски злоупотреблений. Германия обеспечивает баланс между оперативностью и судебным контролем, что минимизирует нарушения прав граждан.

Для совершенствования института НСД в России целесообразно:

1. Разработать четкие критерии и методические рекомендации, как в Беларуси, для исключения субъективизма.

2. Расширить перечень субъектов, реализующих неотложные следственные действия, добавив следователей как в Казахстане.

3. Внедрить механизмы судебного контроля НСД, аналогичные немецким, для обеспечения законности.

[1] *Журба О.Л.* Указ. соч. - С. 203. – Текст: непосредственный.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Тепаева Анастасия Сергеевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Лютынский Антон Мечиславович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Зарождение института специальных знаний произошло еще в глубокой древности. Как отмечается в научной литературе, уже в VI веке до нашей эры в судопроизводстве Китая помимо использования медицинских знаний применялись также и отпечатки пальцев для удостоверения документов. Кроме того, сохранились записи, подтверждающие проведение в то время исследования поддельных документов[1]. В IV веке до нашей эры древнегреческий врач Гиппократ в своих научных трудах описывал особенности проведения исследования повреждений на телах младенцев и трупах[2].

Что касается нашей эры, то первые упоминания судебной экспертизы содержались в законодательстве византийского императора Юстиниана (VI век) и были посвящены исследованию почерка в судебных целях.

Одной из первых судебных экспертиз, по мнению многих авторов, является проведение по постановлению Папы римского Иннокентия III в 1209 г. исследования в целях определения того, какое их повреждений, нанесенных несколькими людьми, было смертельным. Кроме того, в средневековой Германии в 1532 г. императором Карлом V издается Уголовно-судебное уложение «Каролина», нормы которого обязывали привлекать врачей при расследовании некоторых преступлений против жизни и здоровья.

В России же зарождение судебной экспертизы, как отмечается в научной литературе, происходит лишь в XVI столетии. Первым задокументированным случаем использования специальных знаний является проведение в 1535 г. по поручению Елены Глинской (регента Ивана IV) врачом Феофилом освидетельствования удельного князя Андрея Старицкого в связи с подозрением его в симуляции. В дальнейшем, уже с середины XVII столетия, такого же рода исследования стали широко применяться на практике, в том числе и для установления характера телесных повреждений[3].

Как отмечается в научной литературе, первая медицинская экспертиза в России, проведенная именно в судебных целях, состоялась в 1649 г. в отношении лекаря Елизария Лоранта[4]. Заключение экспертов содержало в себе следующие выводы: «А по осмотру бит по спине, на правом боку вспухло и синево знать»[5].

---

[1] *Филатова Э.А.* История развития института судебной экспертизы за рубежом / Э.А. Филатова // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 78-3. – С. 153. – Текст: непосредственный.

[2] *Рабиль Т.Б.* Язык и метод в современной судебной экспертизе / Т.Б. Рабиль // М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 101. – Текст: непосредственный.

[3] *Россинская Е.Р.* История становления и развития института судебной экспертизы в России / Е.Р. Россинская, А.М. Зинин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2015. – № 12. –С. 18. – Текст: непосредственный.

[4] *Сергеева Т.С.* Становление института судебной экспертизы в отечественном уголовном процессе / Т.С. Сергеева // Архонт. – 2025. –№ 2(53). – С. 119. – Текст: непосредственный.

[5] *Крылов И.Ф.* Судебная экспертиза в уголовном процессе / И.Ф. Крылов // СПб.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – С. 102. – Текст: непосредственный.

Кроме того, во второй половине XVII столетия происходят первые исследования психического состояния обвиняемых, что позволяет утверждать о зарождении судебно-психиатрической экспертизы.

Стоит уделить внимание и появлению во второй половине XVII столетия экспертных исследований различных кореньев, настоек и иных веществ, которые проводились в целях выявления в них ядов и отравляющих средств, что говорит о зарождении токсикологической экспертизы.

Что касается закрепления положений, касающихся судебной экспертизы и специальных знаний в целом, то в таких законодательных актах XVI-XVII столетий как Судебник Ивана IV 1550 г. и Соборное Уложение 1649 г. не содержится упоминаний об этом. Первым российским законодательным актом, регламентирующим производство судебной экспертизы, по мнению Ж.В. Хацук, является царский Указ от 6 марта 1699 г., в соответствии с которым вводилась обязательность исследования подписей на крепостных актах, а в качестве экспертов привлекались дьяки и подьячие приказов[1].

Что касается развития института судебной экспертизы в XVII столетии за рубежом, то большое внимание в это время уделялось исследованию почерка и документов. Так, в 1604 г. во Франции был опубликован научный труд Ф. Демаля, посвященный методам обнаружения поддельных рукописей, а также сравнительному исследованию почерка и подписей. В 1622 г. в Италии был издан трактат К. Бальди, в котором были описаны диагностические исследования рукописного текста на предмет определения отдельных свойств исполнителя текста. В 1637 г. во Франции был опубликован научный труд Ж. Ровено, посвященный исследованию письма и способам подделки документов[2].

Кроме того, в конце XVII столетия в Германии были систематизированы все необходимые для следствия и суда знания в области медицины, а сама судебная медицина была выделена в отдельный раздел медицинской науки. Проведенная И. Боном работа, как отмечает Ж.В. Хацук, побудила ученых Европы и России к разработке приемов и методов, необходимых для решения различных следственных и судебных задач.

Процесс развития института судебной экспертизы (прежде всего судебной медицины) в начале XVIII столетия в России характеризуется определенным его закреплением в законодательных актах. Так, изданные Петром I Воинский (1716 г.) и Морской (1720 г.) уставы устанавливали обязанность привлекать лекарей для исследования повреждений на одежде и теле пострадавшего и проводить вскрытие трупов для определения причины смерти[3].

Стоит отметить, что свойственный судебно-медицинской экспертизе характер сепарирования она приобрела в 1842 г. в связи с изданием Устава судебной медицины, который закрепил организацию судебно-медицинской службы, а также её формы, и основные правила производства исследований[4].

XIX столетие также характеризуется зарождением баллистической экспертизы, которое произошло благодаря хирургу П.И. Пирогову.

---

[1] *Хацук Ж.В.* История развития экспертизы в судопроизводстве / Ж.В. Хацук // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. - 2015. - № 1 (187). - С. 97. – Текст: непосредственный.

[2] *Россинская Е.Р.* История становления и развития института судебной экспертизы в России / Е.Р. Россинская, А.М. Зинин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - 2015. - № 12. - С. 23. – Текст: непосредственный.

[3] *Хацук Ж.В.* История развития экспертизы в судопроизводстве / Ж.В. Хацук // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. - 2015. - № 1 (187). - С. 97. – Текст: непосредственный.

[4] *Алешина А.Н.* История становления института судебной экспертизы / А.Н. Алешина // Державинские чтения: XVII Международная научно-практическая конференция: сборник статей: в 2 т., Москва, 21–23 ноября 2023 года. – Москва: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России). 2023. - С. 414 - 415. – Текст: непосредственный.

На процесс развития института судебных экспертиз большое влияние оказала судебная реформа, проведенная императором Александром II в 1864г. Изданный в то время Устав Уголовного судопроизводства закреплял положения о том, что эксперты приглашаются в случае необходимости в «специальных сведениях или опытности в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии»[1]. Помимо этого в законе был приведен открытый перечень тех лиц, которые могли привлекаться в качестве экспертов. Также Устав закреплял определенные качества (требования), которыми должны были обладать эксперты[2]. В законе были упомянуты и коллегиальные формы участия экспертов, что в свою очередь, как указывает А.А. Светличный, послужило основой для формирования в дальнейшем такого вида судебной экспертизы как комиссионная[3].

Стоит отметить, что в XIX столетии, как отмечает Н.Е. Муженская, в юридической литературе впервые упоминается слово «эксперт»[4], например, в научных трудах А.П. Куницына имеется следующее высказывание: «для исследования предмета тяжбы или преступления употреблялись также знатоки, les experts»[5]. Публикация указанных трудов позволяет сделать вывод о начале формирования и разработки теоретических исследований о новой процессуальной фигуре — эксперте, а также, по словам ряда ученых, заложении традиции российской экспертизы[6].

Развитие же института судебной экспертизы в XIX столетии за рубежом характеризуется формированием основ фотопортретной экспертизы, основоположником которой считается французский юрист А. Бертильон. Он создал регистрацию преступников по антропометрическим данным, разработал систему признаков внешности, которая стала применяться для идентификации человека, а также сформулировал методы проведения опознавательной (сигналетической) фотосъемки, которые также стали применяться для отождествления человека.

В это же время австрийским юристом Г. Гроссом осуществляется попытка систематизации разрозненных знаний, приемов и методов судебной экспертизы. В своих научных трудах Г. Гросс впервые вводит термин «криминалистика», обобщает опыт собирания доказательств по уголовным делам, а также описывает эффективное использование рентгеновских лучей, микроскопии, папиллярных узоров и приемов фотографии.

В конце XIX столетия в Великобритании вводится метод дактилоскопической регистрации арестованных или осужденных к лишению свободы, который был разработан Ф. Гальтоном, В. Гершелем, Г. Фолдсом, Э. Генри. В дальнейшем указанная система вводится и других странах, в том числе и в России в 1907-1908 гг. Указанные события послужили катализатором для интенсивного развития дактилоскопической экспертизы в России. Так, в 1912 г. В.И. Лебедев провел первую дактилоскопическую экспертизу, которая была успешно использована в доказывании по уголовному делу об убийстве[7].

---

[1] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики / Р.С. Белкин // М. Юристъ. - 1997. - С. 96 - 97. – Текст: непосредственный.

[2] *Голобородько А.В*. История развития судебно-экспертных учреждений в период Российской империи / А.В. Голобородько // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2023. - С. 53. – Текст: непосредственный.

[3] *Светличный А.А.* Зарождение и развитие института специальных знаний в дореволюционной России / А.А. Светличный // Актуальные проблемы российского права. - 2015. - № 2 (51). - С. 141. – Текст: непосредственный.

[4] *См. Муженская Н.Е*. Развитие правового института судебной экспертизы: фрагменты истории / Н.Е. Муженская // Государство и право. - 2009. - С. 78–87. - Текст: непосредственный.

[5] *Куницын А.П*. Историческое изображение древнего судопроизводства в России / А.П. Куницын // СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. е. и. в. Канцелярии. – 1843. - С. 99. - Текст: непосредственный.

[6] *См. Нестеров А.В*. История экспертизы и экспертика / А.В. Нестеров // Препринт. ВШЭ. - 2011. - С. 70–77. – Текст: непосредственный.

[7] *Сергеева Т.С*. Становление института судебной экспертизы в отечественном уголовном процессе / Т.С. Сергеева // Архонт. - 2025. - № 2 (53). - С. 119. – Текст: непосредственный.

Что касается развития судебной экспертизы в первой половине XX столетия за рубежом, то существенный вклад в это время внес французский криминалист Э. Локар, добившийся открытия Лионской лаборатории технико-полицейских методов[1]. Кроме того, он разработал пороскопический метод исследования следов папиллярных узоров пальцев рук, графометрический метод исследования почерка, методики ряда экспертных исследований с применением химических методов.

Как отмечается в научной литературе, на этом заканчивается первый и самый объемный этап становления научной и практической экспертной деятельности, и после революции 1917 г. начинается второй этап, характеризующийся формированием научных основ отраслей криминалистической техники.

Развитию и систематизации имеющихся знаний в области судебной фотографии посвятил свою деятельность С.М. Потапов, который в период с 1926 по 1948 гг. опубликовал несколько своих научных трудов, содержащих сведения о судебно-оперативной фотографии и рекомендуемых способах съемки, а также о судебно-фотографической экспертизе и ее методах.

В конце 40-х годов XX столетия начинают формироваться теоретические основы экспертизы документов. Существенную роль в этом сыграли Н. В. Терзиев и А.А. Эйсман, которые в своих научных трудах впервые ввели термин «Техническая экспертиза документов», дали толкование понятию «документ» в рамках криминалистики, а также обозначили систему криминалистического исследования документов.

На данном этапе происходит формирование теоретических основ и такой отрасли криминалистики как трасология. Особый вклад в ее развитие внес Б.И. Шевченко, который изучал механизм следообразования, предложил классификацию трасологических объектов и следов, а также разработал научные основы трасологической идентификационной экспертизы.

Разрабатывались и научные основы баллистической экспертизы. Первоначально основы теории судебной экспертизы огнестрельного оружия и боеприпасов были заложены судебными медиками (Ю.М. Кубицким,С.Д. Кустановичем), поскольку именно они изучали огнестрельные повреждения на теле человека. Однако наибольшее значение оказали опубликованные в период с 1955 по 1961 гг. труды Б.М. Комаринца, в которых он сформулировал основы идентификации оружия по стреляным гильзам и выстрелянным пулям[2].

Стоит отметить, что принятый в 1922 г. Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) РСФСР впервые закрепил термин «эксперт», обозначил в примечании к ст. 67 два случая обязательного участия эксперта. Кроме того, в ст. 201 УПК РСФСР 1922 г. были закреплены случаи производства повторной экспертизы по определению психического состояния обвиняемого.

В следующем УПК РСФСР 1923 г. примечание, касающееся случаев обязательного участия эксперта, было дополнено положением о том, что порядок вызова и дачи экспертизы определяется особой инструкцией, издаваемой Народным Комиссариатом Юстиции по соглашению с Народным Комиссариатом Здравоохранения. Также была закреплена процедура назначения судебной экспертизы, требования к комиссионному заключению экспертов, а также было установлено, что в случае признания следователем экспертизы недостаточно ясной, или неполной, следователь вправе по собственной инициативе или по ходатайству обвиняемого, назначить по мотивированному своему постановлению производство новой экспертизы.

---

[1] *Крылов И.Ф.* Избранные труды по криминалистике / И.Ф. Крылов // Санкт-Петербург: Издат. Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та. - 2006. - С. 161 - 162. – Текст: непосредственный.

[2] *Россинская Е.Р.* История становления и развития института судебной экспертизы в России / Е.Р. Россинская, А.М. Зинин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - 2015. - № 12. - С. 25 – 27. – Текст: непосредственный.

На этом заканчивается второй этап становления научной и практической экспертной деятельности, и начинается третий этап, характеризующийся формированием общей теории судебной экспертизы, которое происходило на теоретической базе криминалистики, рассматривавшей судебную экспертизу в соответствующих разделах криминалистической техники. Однако постепенно стали возникать идеи о формировании теории криминалистической экспертизы как самостоятельной области научного знания.

Первоначально ряд судебных медиков высказали мнение об обособлении криминалистики и судебной экспертизы с передачей ее представителям технических и естественных наук, которые в силу своей подготовки, в отличие от юристов, якобы лучше смогут производить исследование вещественных доказательств. Данная попытка была неудачной, поскольку, как отмечается в научной литературе, она была явно преждевременной и не была востребована экспертной практикой.

Однако в 1960-1970-х гг. ввиду развития института судебных экспертиз и существенного расширения его возможностей стало очевидным, что судебная экспертиза может быть объектом самостоятельного научного знания. В 1973 г. А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская выступили с предложением о формировании судебной экспертологии.

В послевоенные годы, как отмечает М.С. Башуев, активно развивались следующие виды судебных экспертиз: баллистика, генетическая идентификация личности, исследование почерка и документов, что позволило значительно повысить эффективность борьбы с такими преступлениями, как убийства, грабежи и терроризм[1].

Изданный в 1960 г УПК РСФСР более детально регламентировал вопросы судебной экспертизы. В нем расширялся перечень обязательного проведения экспертизы, закреплялись случаи назначения дополнительной и повторной экспертизы, а также достаточно подробно устанавливался процессуальный статус эксперта.

В конце 80-х — начале 90-х годов XX столетия начинается современный этап развития научной и практической экспертной деятельности, в ходе которого происходит формирование новой междисциплинарной теории — общей теории судебной экспертизы и признание ее большинством криминалистов. Однако возрастание роли специальных знаний в уголовном судопроизводстве, а также развитие теории и практики судебной экспертизы обусловили необходимость рассматривать общую теорию судебной экспертизы как полноценную науку – судебную экспертологию[2].

Стоит обратить внимание и на правовую регламентацию судебной экспертизы в настоящее время. Так, УПК РФ в действующей редакции на законодательном уровне вводит фигуру специалиста, закрепляя определение данного понятия и его процессуальный статус. Также УПК РФ раскрывает понятие «эксперт», расширяет перечень случаев обязательного назначения судебной экспертизы, дает понятия комиссионной и комплексной экспертизе и подробным образом регламентирует процедуру назначения судебной экспертизы и устанавливает требования к заключению эксперта.

Что касается регламентации института судебной экспертизы в зарубежных странах, то, например, в УПК Китая экспертизе посвящен отдельный раздел, состоящий всего из четырех статей, в которых излагаются случаи привлечения экспертов, а также основания для проведения повторных и дополнительных экспертиз.

В УПК Франции судебной экспертизе также посвящен отдельный раздел, в котором довольно подробно регламентируется процедура назначения судебной экспертизы, причем делается акцент на установлении конкретных сроков ее проведения, закрепляя положение о том, что если этот срок превышает один год, то судья может потребовать, чтобы до этого был подан промежуточный отчет. В последующем он

---

[1] *Башуев М.С.* История становления и развития эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве в России / М.С. Башуев // Вестник науки. - 2025. - № 12. - С. 155. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Россинская Е.Р.* Современные представления о предмете и системе судебной экспертологии / Е.Р. Россинская // Lex Russica. - 2013. - № 4. - С. 421 - 428. – Текст: непосредственный.

направляется сторонам и свидетелям, которые могут одновременно направить свои замечания эксперту и судье для подготовки окончательного заключения.

В УПК Германии нормы, касающиеся судебной экспертизы, также выделены в отдельный раздел, причем помимо основных вопросов отдельно уделяется внимание производству молекулярно-генетического анализа и взятию образцов ДНК у обвиняемых, а также вскрытию трупа и экспертизам по фальшивомонетничеству и подделке знаков оплаты и сравнительному исследованию почерков.

Таким образом, история становления и развития института судебной экспертизы является многовековой и берет свое начало еще до нашей эры. При этом современная судебная экспертиза, сочетая богатый исторический опыт с передовыми технологиями, находится на довольно высоком уровне и способна решать огромное количество поставленных перед ней следственными и судебными органами задач.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Теребова Анна Николаевна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Колпакова Людмила Алексеевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Для решения проблемы уголовно-правовой охраны окружающей природной среды необходимо учитывать процесс развития уголовного законодательства, условия его формирования, тенденции и перспективы. Применение метода исторического анализа способствует более эффективному прогнозированию путей дальнейшего совершенствования уголовного закона.

Законодательное закрепление ответственности за экологические правонарушения встречается уже на ранних этапах развития российской государственности[1].

Исторический анализ уголовно-правовых категорий имеет важнейшее теоретическое, а иногда даже и практическое значение, причём не только в науке уголовного права. Эволюция экологического уголовного права отражает изменение приоритетов государства в охране окружающей среды, демонстрируя, какие её аспекты в разные периоды признавались ключевыми и получали максимальную правовую защиту. Исторический анализ помогает отследить общую экономико-правовую политику государства. В то же время, изучение конкретных исторических условий позволяет выяснить природу принятого закона или правовой доктрины, что имеет немаловажное значение в анализе действующих нормативно-правовых актов, объясняет логику законодателя, причины принятия тех или иных законов, пробелы и коллизии в них, а соответственно и возможные проблемы в их реализации. Более того, исторический анализ может способствовать выявлению актуальных направлений дальнейшего развития уголовного права.

С первобытных времен человек являлся частью природы и подчинялся биологическим законам «природопользования», ограничиваясь удовлетворением самых насущных потребностей. Общий принцип отношения природы в первобытном человеческом обществе можно охарактеризовать как «не навреди». Такое подсознательное отношение человека к природе и понимание важности охраны окружающей среды способствовало появлению особых правил природопользования. Так, уже в Ясе Чингисхана, Монголо-ойратском уставе 1640 года, а также в кодексе «Халха-джирум» XVIII века были закреплены нормы, которыми руководствовались еще бурятские племена, а именно: запрет на использование земель за пределами выделенных для земледелия; запрет на вырубку «живого» леса и некоторых видов деревьев, которые восстанавливаются долгое время (сосна, ель, пихта).

Одним из наиболее значимых исторических памятников права был свод законов Русская Правда. Помимо прочего, предписания этого документа касались отношений в сфере охраны окружающей среды. Впервые Русская Правда предусматривала санкции за нарушение правил природопользования. Штраф в 12 гривен (такой же, как за кражу холопа) предусматривался за браконьерство, в частности незаконную ловлю некоторых

[1] *См. Джунусова Д.Н.* Экологическая преступность и ответственность за экологические преступления: монография / Д.Н. Джунусова // М.: Академия естествознания, 2012. – 135 с. – Текст: непосредственный.

видов животных и птиц в сети[1]. Более поздние законы славян также во многом основывались на положениях Русской Правды. Например, в Вислицком статуте 1347 года имеется постановление: «А кто кому дерево зрубить со пчелами, имеетъ заплатить гривну тому, чии пчолы, и другую судове гривну; а кто бортное дерево зрубить безъ пчолъ, то полгривны заплатить, а судове другую полгривны»[2].

Далее нормы об охране общественных отношений в сфере экологии развивались в Уставных грамотах и Сборных уложениях, где впервые появляется термин «бортничество». Имея привилегированное значение для экономики, мед и медопродукты охранялись законом. Позднее развитие пасек лишило дикое пчеловодство своей важности, поэтому утратили силу положения об их защите. Охота была важной составляющей в экспорте из России, однако она осталась прежде всего формой досуга высших сословий. Именно в интересах таких охотников появились многочисленные запреты, в том числе на использование капканов, сетей и других способов массового истребления животных. Русский лес издавна служил своеобразной защитой от недругов государства. Поэтому за вырубку взимался штраф в 10 гривен или неограниченное количество ударов кнутами. За повторное нарушение запрета была предусмотрена смертная казнь. В Соборном уложении была предусмотрена охрана рыбных богатств, правда, только находящихся в частном владении. За лов рыбы в чужом пруду предусматривалось битье батогами, при повторной провинности – битье кнутом, а в третий раз – отрезание уха. А в 1669 году наказание было ужесточено: нарушителю отсекали кисть левой руки[3].

Стоит отметить, что до конца XII века на территории современной России не было целостного правового европейского государства, по этой причине экологическое законодательство нашей страны не имело достаточного развития до эпохи Петра Великого и расцвета Российской империи.

Впервые именно Петр I обратил внимание на полное отсутствие правового регулирования недропользования. Указом 1719 года он установил правила пользования недрами земли. Естественно, наказания за несоблюдение закона были отчаянно строгими. Так, по уставу Петра Великого «все в собственных и чужих землях имеют право искать, плавить, варить и чистить металлы и минералы»[4]. Телесными наказаниями или смертной казнью каралось воспрепятствование добыче руды, строительству заводов, сокрытие нахождения на участке полезных ископаемых. Такие жесткие, а возможно, и жестокие санкции объяснялись необходимостью срочно поднять экономику государства за счет добычи, использования и экспорта полезных ископаемых.

Впервые Петром I были введены предписания по рациональному использованию земель. Если ранее уборка хлеба осуществлялась преимущественно «вырыванием» из земли пшеницы, что нарушало земельный покров, то теперь убирать хлеб было дозволено исключительно косой. Также в рамках рационализации использования земель предусматривалось заселение пустующих, а лес стали распиливать, вместо традиционного изготовления досок топором. Другим нововведением стали меры по охране почв, введенные указом 1712 года о сохранении почвенного покрова при рубке лесов[5].

Нормы того исторического этапа ещё не были проникнуты осознанным экологическим подходом, поэтому их рассмотрение сегодня представляет скорее

---

[1] *См. Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.) / И.Н. Данилевский // М., 2001. – 389 с. – Текст: непосредственный.

[2] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией // СПб., 1846. – Т. 1. - № 2. – 420 с. – Текст: непосредственный.

[3] *Булгаков М.Б.* Природоохранные акты: от «Русской Правды» до петровских времен / М.Б. Булгаков, А.А. Ялбулганов // Государство и право. – 1996. – № 3. – С. 540. – Текст: непосредственный.

[4] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен / С.М. Соловьев // М.: Мысль, 1993. – Т. 7–8. – С. 534. – Текст: непосредственный.

[5] *Булгаков М.Б.* Российское природоохранное законодательство XI – начала XX вв. / М.Б. Булгаков, А.А. Ялбулганов // М.: Легат, 1997. – 83 с. – URL: http://rudocs. exdat.com/docs/index-177363.html (дата обращения: 11.11.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

исторический, чем практический интерес. Вообще, термин «экологические преступления» впервые вошел в научный оборот лишь в середине двадцатого столетия. Еще позже он начал употребляться в международно-правовых актах – лишь в 1970-ые годы. Тем не менее, борьба с некоторыми экологическими преступлениями в России имеет давнюю историю. Вплоть до Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), экологические преступления воспринимались исключительно как экономические посягательства на государственное или общинное имущество. В самом Уложении ряд преступлений экологического характера можно обнаружить в разделе «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния».

Многие статьи Уложения предусматривали ответственность специальных субъектов, например, чиновников лесного хозяйства и служащих за разрешение самовольной порубки леса или за участие в таких деяниях.

Впервые вводилась ответственность за посягательства на атмосферу и воды – в отделе «О нарушении правил для охранения чистоты воздуха и безвредности воды». Это объясняется в первую очередь бурным индустриальным развитием Российской Империи в то время. Так, например, в статье 863 устанавливается ответственность за постройку фабрики, мануфактуры или завода, признанных по законам вредными для чистоты воздуха или воды в черте города или по течению реки».

Особое внимание уделялось нормам, устанавливающим уголовную ответственность за нарушение правил охоты. Например, в статье 915 Уложения устанавливалась ответственность «чинов полиции, а в селениях сельских начальников за непринятие мер к прекращению охоты и звериной и птичьей ловли в запрещенное время в запрещенных местах…». Позже Уложение дополнялось такими статьями как «Убой зубра» (ст. 921.3), «лов в Черном и Азовском морях рыбы тралами» (ст. 921.5) и т. д.

Наказание за совершение экологических преступлений в Уложении 1845 года варьировалось в зависимости от степени тяжести посягательства, а также от сословного положения преступника. За совершение большинства экологических посягательств предусматривались наказания имущественного характера, либо так называемое лишение всех прав состояния — лишение всех политических, служебных и гражданских прав. Для некоторых преступлений в качестве санкций предусматривались более жесткие наказания, такие как ссылка на поселение в Сибирь, на Кавказ (практически не применялась), ссылка на каторгу, различные телесные наказания. Особое место занимали «исправительные наказания», которые назначались в большинстве своём специальным субъектам преступления.

Уголовное уложение 1903 года оказалось куда более прогрессивным в части регулирования экологических преступлений, а также принципов назначения наказания. Так, например, в главе «О нарушении постановлений, ограждающих народное благосостояние» содержалось 18 статей экологической направленности, среди которых стоит выделить такие как: «незаконная охота без установленного охотничьего свидетельства» (ст. 247), «рубка растущего леса или корчевка пней или корней, в случаях, когда такая рубка или корчевка запрещена законом…» (ст. 255). Увеличился список норм об ответственности за посягательства на водные объекты: «порча воды, служащей для питья или для водопоя, бросанием, сваливанием, выливанием, спуском в неё или мочением в ней веществ, делающих воду непригодной для питья или водопоя» (ст. 220); «проведение трубы для отвода нечистот в реку или канал, где сие воспрещено законом или обязательным постановлением, или в непредназначенную для сего городскую трубу» (ст. 385).

Уложение 1903 года, несмотря на то, что так и не вступило в силу в полном объеме, оказало существенное влияние на дальнейшую уголовно-правовую мысль и содержание советских нормативно-правовых актов.

После двух революций 1917 года и фактической смены общественно-политического строя, а также в условиях гражданской войны, сфера уголовного права

фактически оказалась в упадке. В некодифицированном уголовном законодательстве РСФРС можно выделить лишь постановление Совета Труда и Обороны от 27.07.1920 г. «О борьбе с лесными пожарами»[1], которое, по сути вновь возвращало уголовное право к доктрине объективного вменения, так как виновные лица подлежали ответственности «за пожар по причине неосторожного разведения огня в лесу, близ леса, на пашне … как за умышленный поджог».

Ситуация несколько изменилась с принятием Уголовного кодекса Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1922 года[2]. В нём предусматривался ряд норм за экологические преступления, которые были помещены в главу о государственных преступлениях и главу о нарушении правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок. Среди них выделяются: несоблюдение соответствующих законов и постановлений, принятых в целях сбережения лесов; охота в недозволенном месте, в недозволенное время, недозволенными орудиями, способами и приемами; разработка недр с нарушением установленных правил (ст. 99), а также «неизвещение подлежащих властей со стороны лиц, к тому обязанных, о случаях заразных болезней или падежа скота». Значительные изменения произошли в санкциях: УК 1922 года — первый кодифицированный уголовный закон, в котором не было предусмотрено смертной казни. Санкциями за нарушение вышеуказанных статей предусматривалось лишение свободы, принудительными работами, штрафом и конфискацией орудий преступления.

Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1926 года[3] увеличил количество норм об уголовной ответственности за экологические преступления, однако значительно смягчил тяжесть санкций. Стоит отметить, что вся политико-правовая сфера в то время отличалась усилением диспозитивного начала, связанного с проведением Новой экономической политики. Однако с 30-х годов двадцатого века в уголовном законодательстве стали отчетливо проявляться признаки усиления уголовной ответственности и расширения степени криминализации деяний. Уголовный кодекс 1926 года неоднократно претерпевал изменения и уточнения.

Так продолжалось вплоть до принятия нового Уголовного кодекса Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1960 года[4]. При его разработке ни законодатель, ни правоприменитель не осознавали специфику окружающей среды как объекта преступного посягательства. Экологические посягательства воспринимались скорее, как посягательства экономические или санитарные. Так как кодекс еще не выделял отдельной главы, посвященной экологическим преступлениям, нормы об ответственности за них предусматривались в главах: «о преступлении против социалистической собственности», «о хозяйственных преступлениях» и «о преступлениях против общественной безопасности». Среди таких преступлений можно выделить:

– Нарушение ветеринарных правил (ст. 160)

– Нарушение правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (ст. 161)

---

[1] Постановление Совета Труда и Обороны РСФСР от 27 июля 1920 года «О борьбе с лесными пожарами». – URL: https://istmat.org/node/42341 (дата обращения: 11.11.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 01.06.1922 года. – URL: https://nnov.hse.ru/ (дата обращения: 12.11.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 05.03.1926 года. – URL: https://nnov.hse.ru/ (дата обращения: 12.11.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 27.10.1960 года. – URL: https://nnov.hse.ru/ (дата обращения: 12.11.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

– Незаконное занятие рыбным и другими промыслами (ст. 163) — Незаконная охота (ст. 166)

– Незаконная порубка леса (ст. 169)

– Загрязнение водоёмов и воздуха (ст. 223)

Особенностью норм об ответственности за экологические преступления, предусмотренные в Кодексе 1960 года, являлась их высокая степень бланкетности. Существовал ряд нормативно-правовых актов, связанных со статьями УК РСФСР, например: «Положение об охране рыбных запасов…» (15.09.1958); «Правила охраны и промысла морских млекопитающих» (11.07.1975); «Типовые правила спортивного и любительского рыболовства» (13.04.1983) и т. д.

Так как большинство посягательств рассматривались как экономические, санкции за них предусматривали, как правило, наказания не связанные с лишением свободы. В то же время, такое осознание экологических преступлений не отражало представлений о приоритете человеческих ценностей (жизни, здоровье, праве на благоприятную окружающую среду). Данное соперничество вылилось во всё более накапливающееся противоречие, катализатором которого выступило усиление демократического развития в странах западной Европы и Америки, необходимости сотрудничества с этими странами на уровне международных организации (соответственно ратификации международных соглашений, присоединения к пактам и конвенциям), а также разрастающимися внутренними политико-экономическими противоречиями.

В конечном счёте, общеизвестные события и политика, проводимая властями СССР в середине 1980-х — начале 1990-х годов вылилась в полную трансформацию экономической, политической, социальной и, наконец, правовой доктрины. Важным событием для демократического развития уголовного законодательства в сфере экологических преступлений стало принятие Закона РСФСР от 19.12.1991 «Об охране окружающей природной среды»[1], в котором впервые было выделено понятие экологического преступления. Изменилась и политика в отношении уголовных санкций: теперь назначение штрафа определяется согласно кратному размеру заработка за определенный период. Следующим значительным шагом в развитии уголовно-экологического законодательства становится принятие Конституции РФ 1993 года[2], которая впервые устанавливает экологические права граждан.

Указанные обстоятельства во много повлияли на процесс разработки и принятия УК РФ, в котором впервые на законодательном уровне была выделена самостоятельная глава, посвящённая экологическим преступлениям, при этом соответствующие нормы были существенно детализированы и расширены[3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что развитие норм об уголовной ответственности за экологические преступления напрямую связано с политико-экономическим развитием государства в определённый исторический период.

Так, для Российской Империи было характерно медленное и постепенное развитие уголовного права в сфере экологических преступлений, с присущим данному периоду традиционализмом. События 1917 года, приведшее государство в состояние анархии и гражданской войны, привело данную уголовную сферу в упадок, и лишь с окончанием гражданской войны новое руководство смогло заново выстроить всю правовую сферу. Дальнейшее развитие характеризовалось абсолютным давлением социалистической

---

[1] Закон Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 19.12.1991 №2060-I «Об охране окружающей природной среды» (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РФ.1992. № 10. ст. 457.

[2] Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.11.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Саркисов А.С.* История развития уголовного законодательства об ответственности за экологические преступления / А.С. Саркисов // Молодой ученый. – 2024. – № 10 (509). – С. 215-217. – Текст: непосредственный.

доктрины во всех отраслях права, и лишь в конце 70-х годов экологические преступления перестали рассматриваться исключительно как экономические или санитарные. Построение нового демократического государства обуславливает его правовое развитие. В настоящее время Уголовный кодекс содержит ряд экологических преступлений, выделенных в самостоятельную главу, однако на сегодняшний день, данная глава, еще не представляет окончательный вариант развития норм уголовной ответственности за экологические преступления и требует совершенствования.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕРКИ И ОЦЕНКИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Тупушев Анатолий Анатольевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попаденко Елена Викторовна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо- Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Современное уголовное судопроизводство всё чаще сталкивается с необходимостью работы с информацией, зафиксированной в цифровой форме. Цифровая информация может содержаться на различных электронных носителях — от стационарных компьютеров до облачных сервисов. Такая информация, при соблюдении процессуальных условий, может рассматриваться как электронное доказательство.

Несмотря на отсутствие специального термина в УПК РФ, в научной литературе под электронным доказательством предлагается понимать информацию, зафиксированную в электронно-цифровой форме и полученную в установленном уголовно-процессуальном порядке, способную подтвердить или опровергнуть обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ[1].

Проверка электронного доказательства — это неотъемлемый этап в процессе его допустимости и оценки. Эта процедура направлена на установление:

- соответствия способа получения данных требованиям закона;
- наличия признаков подделки, утраты или искажения информации;
- соответствия содержания доказательства предмету доказывания;
- условий хранения, которые могут повлиять на достоверность.

Таким образом, проверка электронного доказательства включает в себя как юридическую, так и техническую составляющие, в отличие от большинства других видов доказательств.

Вопрос о субъекте проверки является не только техническим, но и процессуально значимым. УПК РФ не ограничивает следователя в праве самостоятельно анализировать электронные данные. Однако объём и сложность информации зачастую требуют привлечения лица с особыми знаниями. Большинство следователей не имеют профильной подготовки в сфере информационных технологий, что ставит под сомнение объективность их проверки и понимание структуры цифровых файлов. В действующем законодательстве отсутствует чёткое указание, в каких случаях проверка должна осуществляться исключительно специалистом, а в каких — следователь может действовать самостоятельно.

Процесс проверки электронных доказательств невозможен без участия специалиста. В соответствии со ст. 58 УПК РФ, специалист — это лицо, обладающее специальными знаниями и навыками в области науки, техники, искусства или ремесла, привлекаемое для содействия в получении и исследовании доказательств. В качестве специалиста может быть привлечено лицо:

1. Сотрудники экспертно-криминалистических подразделений МВД, СК, ФСБ
2. Специалисты негосударственных организаций

[1] *См. Рыбина Н.С.* Уголовно-процессуальные правоотношения: понятие, цели, правовая основа и структура / Н.С. Рыбина // Вестник Московского университета МВД России. - 2011. - № 7. – С. 204 – 208. – Текст: непосредственный.

3. Преподаватели и научные сотрудники

4. Частные специалисты с техническим образованием

5. Сотрудники научно-исследовательских институтов (НИИ)

Не маловажными являются условия допуска специалиста к участию в деле, а именно:

- наличие соответствующего образования или опыта работы в заявленной области;
- отсутствие личной заинтересованности или иной зависимости от сторон;
- подтверждение профессиональной компетентности: диплом, удостоверение, выписка из реестра специалистов, справка с места работы;
- при необходимости — предоставление письменного заключения или справки-объяснения о результатах содействия.

В практике работы с цифровыми носителями специалист:

1) помогает корректно извлечь данные;
2) осуществляет контроль над программно-аппаратным доступом;
3) производит контрольную идентификацию данных (например, сравнение с резервными копиями);
4) разъясняет следователю особенности представленных цифровых материалов.

Н.Н. Сентябова подчёркивает, что участие специалиста должно быть не правом, а обязанностью следователя в случаях, когда речь идёт о доказательствах в цифровой форме, особенно если они хранятся на сложных носителях или в сетевом облаке[1].

Особое значение имеет ст. 87 УПК РФ, определяющая возможность и обязанность следователя, дознавателя и суда проверять доказательства любыми законными средствами, включая допросы, очные ставки, предъявление доказательств для опознания, экспертизы. Применительно к цифровым объектам сюда могут быть отнесены действия:

- извлечение информации с носителя;
- сопоставление хеш-сумм;
- анализ структуры и метаданных;
- документирование цифрового следа.

Суд осуществляет проверку всех доказательств, представленных по делу, в том числе на предмет их допустимости. Для электронных доказательств обязательной становится проверка соблюдения условий:

1) законности получения (наличие постановления или санкции суда);
2) технической корректности действий специалистов;
3) документального сопровождения (протокол, акты, видеозапись);
4) гарантий неизменности данных (хеширование, изолированное хранение).

Оценка доказательств в уголовном процессе является одним из центральных этапов доказательственной деятельности, направленной на определение значения тех или иных сведений для установления обстоятельств уголовного дела. В соответствии с положениями ст. 88 УПК РФ, все доказательства подлежат оценке с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Что касается электронных доказательств, их оценка требует особого внимания по нескольким причинам. Во-первых, цифровая информация может быть представлена в формате, непонятном лицу, не обладающему техническими знаниями. Во-вторых, электронные данные легко поддаются изменениям, копированию, удалению и

[1] См.: *Сентябова Н.Н.* Электронный документ как средство доказывания в цивилистическом процессе / Н.Н. Сенябова, Д.А. Плотников // Вестник науки. - 2023. - № 11 (68). - т. 1. - С. 414 – 424. – Текст: непосредственный.

фальсификации, что обуславливает необходимость анализа не только самого содержания, но и метаданных, а также условий получения и фиксации[1].

Субъектами оценки электронных доказательств выступают, прежде всего, следователь, прокурор и суд. Следователь проводит предварительную оценку при принятии решения о приобщении материалов к делу. Прокурор — при утверждении обвинительного заключения, а суд — при исследовании доказательств в ходе судебного разбирательства.

Основаниями оценки электронного доказательства являются:

- соответствие его получения требованиям закона (включая соблюдение процессуальной формы);
- техническая целостность и неизменность файла (в том числе подтверждение контрольной хеш-суммы);
- наличие протокола, фиксирующего процесс извлечения и анализа информации;
- наличие заключения специалиста (если использовались специальные знания);
- воспроизводимость информации (то есть возможность продемонстрировать её другим участникам процесса);
- логическая взаимосвязь с иными доказательствами.

При оценке электронных доказательств следует уделить особое внимание тому, какие именно данные легли в основу вывода, каким способом они были получены, не подвергались ли редактированию, и можно ли установить их подлинность и источник. Если отсутствуют признаки нарушения процедуры, а также подтверждается техническая достоверность (например, путём сопоставления метаданных, анализа времени создания и т.д.), электронное доказательство может быть признано допустимым и надлежащим источником сведений о фактах.

Следовательно, оценка цифровых доказательств — это не просто механическая проверка содержимого, но и комплексное суждение, сочетающее юридические и технические основания. Именно поэтому участие специалистов и применение современных технических средств становится неотъемлемым элементом правильной и объективной оценки электронных данных[2].

Основные сложности в оценке цифровых данных обусловлены как отсутствием единых стандартов, так и низкой технической подготовкой участников уголовного судопроизводства. В российской практике до сих пор отсутствуют чёткие процессуальные ориентиры, каким образом следует проводить оценку именно цифровой информации.

Во-первых, отсутствие нормативного акта или инструкции, регламентирующей этапы оценки электронных доказательств, оставляет этот вопрос на усмотрение субъекта расследования или суда. Это порождает неоднородность практики, а в ряде случаев — ошибки.

Во-вторых, далеко не все сотрудники следственных органов и судьи обладают достаточной квалификацией для оценки цифровой информации, особенно если речь идёт о сложных технических данных: системных логах, метаданных, сетевых пакетах. Это снижает объективность процесса и создаёт опасность ошибочного толкования информации.

В-третьих, воспроизводимость и наглядность таких доказательств нередко вызывают затруднения. Примером может служить ситуация, когда оригинал информации

---

[1] *Нечаев В.Д.* Проблемы использования электронных доказательств в уголовном процессе / В.Д. Нечаев // Молодой ученый. - 2021. - № 18 (360). - URL: https://moluch.ru/archive/360/80640/ (дата обращения: 17.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Гамбарова Е.А.* Изъятие цифровых следов из сети Интернет и использование их в доказывании: уголовно-процессуальные аспекты / Е.А. Гамбарова // Jus strictum. - 2023. - № 3. – URL: https://vektornaukipravo.ru/jour/article/view/612/587 (дата обращения: 17.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

представлен в виде массива бинарных данных, прочитать и интерпретировать который без программ невозможно. Это нарушает принцип состязательности, если одна из сторон не имеет доступа к необходимому программному обеспечению или техническому пониманию.

Таким образом действующее уголовно-процессуальное законодательство недостаточно полно и последовательно регулирует вопросы, связанные с применением электронных доказательств. Отсутствие легального определения, процедурных регламентов проверки, и оценки таких данных, а также четких стандартов участия специалиста и соблюдения технических процедур, что приводит к правовой неопределенности, снижает эффективность предварительного расследования и затрудняет судебную оценку полученных сведений. Все это свидетельствует о необходимости законодательного закрепления специальных норм, регулирующих обращение с электронными доказательствами в рамках уголовного судопроизводства.

СТАНОВЛЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Умницына Ирина Владимировна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Костикова Наталия Александровна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

В Уголовном кодексе РСФСР (далее – УК РСФСР, Кодекс) 1922 года под состав преступлений в сфере закупок можно было отнести ст. 110 «…заключение явно невыгодных для государства договоров или сделок, или всякий иной подрыв и расточение государственного достояния в ущерб интересам трудящихся», ст. 130 «Неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным учреждением или предприятием, если доказан заведомо злонамеренный характер неисполнения договора или иные заведомо недобросовестные по отношению к государству действия, даже если эти действия выразились в возвращении авансов до срока и отказе от дальнейшего исполнения договора, но с использованием предоставленных государством средств на цели, не относящиеся к исполнению обязательств по договору».

Согласно положениям УК РСФСР 1926 года наказания за преступления в сфере закупок предусматривались по ст. 109 «Злоупотребление властью или служебным положением…», ст. 110 «Превышение власти или служебных полномочий…», ст. 111 «Бездействие власти…», ст. 112 «Злоупотребление властью…», ст. 117-118 (взяточничество), ст. 129 «Расхищение государственного или общественного имущества, в частности, путем заключения невыгодных сделок, лицом, руководящим государственным или общественным учреждением или предприятием, совершенное по соглашению с контрагентами этих учреждений или предприятий», ст. 131 «Неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным или общественным учреждением…».

Первые попытки формирования криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере закупок были отражены в 1925 г. в работе В.У. Громова «Дознание и предварительное следствие: (теория и техника расследования преступлений): руководство для органов дознания и народных следователей»[1]. Рассматривая деяния по ст. 131 УК РСФСР 1926 г. В.У. Громов предлагал рекомендации при установлении обстоятельств злонамеренного неисполнения недобросовестным контрагентом государственного или общественного учреждения или предприятия обязательств по договору, в том числе путем детального анализа соответствующего договора[2]. А в 1928 г. В.У. Громов вместе с Н.А. Лаговиером для расследования хозяйственных и должностных преступлений предлагали следующие методы расследования: проведение бухгалтерско-

[1] *Громов В.У.* Дознание и предварительное следствие: (Теория и техника расследования преступлений): Руководство для органов дознания и народных следователей / под ред. и с предисл. Н.В. Крыленко. – М., 1925. – URL: http://elib.shpl.ru (дата обращения: 20.09.2025) – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Шмонин А.В.* Формирование криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: монография / А.В. Шмонин, Е.Н. Земскова. – М.: Юстицинформ, 2021. – С. 82. – Текст: непосредственный.

хозяйственных экспертиз, обыск и выемку документов, обыски в целях нахождения денежных средств, допросы, истребование различных справок[1].

Поэтапно расследовать преступления по статьям, предусматривающим ответственность за хищения, связанные с подлогом документов, предложили в 1935 г. авторы П. Тарасов-Родинов и М. Ласкин. Они выделяли следующие этапы расследования:

1) изъятие, осмотр и изучение документов;

2) допрос свидетелей по вопросам о том, при каких обстоятельствах был обнаружен подложный документ, с какой целью мог быть совершен подлог, т.е. с целью получения денег или имущества или с целью сокрытия совершения растраты или иного преступления, наконец, кому мог быть выгоден данный подлог;

3) попутно – собирать материалы для назначения экспертизы;

4) производство графической экспертизы;

5) допрос обвиняемого и, в случае надобности, проверка его объяснения[2].

В период военного времени (1941-1945 г.г.) работы по расследованию преступлений были ориентированы на военную тематику. Так в подготовленном в 1942 г. помощником Главного военного прокурора СССР С. Я. Розенблитом пособии «Дознание в Красной Армии», имевшее подзаголовок «Руководство для дознавателей»[3] выделялось расследование отдельных видов преступлений (побег с поля боя, самовольное оставление позиции, членовредительство, дезертирство, неисполнение приказаний, кражи, промотание имущества, нарушение уставных правил караульной службы, пьянство и хулиганство, оскорбление).

В 1949 г. под общей редакцией Генерального прокурора СССР Г.И. Сафонова выходит подготовленный методическим советом Прокуратуры СССР коллективный труд под названием «Настольная книга следователя»[4], в третьей части которой была отражена методика расследования экономических преступлений (хищений государственного и общественного имущества, обмеривания и обвешивания потребителей, выпуска некачественной продукции, преступлений в сфере капитального строительства, взяточничества, должностных преступлений).

При хищении государственного и общественного имущества методика расследования предполагала следующий алгоритм действий: объяснение материально-ответственного лица, выявление способа хищения, обыск, допрос свидетелей, собирание и проверка документов, допрос обвиняемого.

Преступления в сфере капитального строительства предлагалось расследовать так: изучить и проверить материалы ведомственных проверок, выявивших нарушения капитального строительства; изучить техническую, бухгалтерскую документацию; допросить рабочих, бригадиров, мастеров, инженерно-технический персонал; определить круг лиц, кто подписывал документацию; при необходимости провести техническую, бухгалтерскую экспертизу; при незаконном получении средств из спецбанков провести изъятие документов из банка.

---

[1] *Громов В.И.* Расследование хозяйственных и должностных преступлений: Практическое пособие для органов дознания и следствия / В.И. Громов, Н.А. Лаговиер – М., 1928. – URL: viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_008163393?page=5&rotate=0&theme=white (дата обращения: 20.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Шмонин А.В.* Формирование криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: монография / А.В. Шмонин, Е.Н. Земскова. – М.: Юстицинформ, 2021. – С. 93. – Текст: непосредственный.

[3] *Розенблит С.Я.* Дознание в Красной Армии. Руководство для дознавателей / под ред. В.И. Носова. – М., 1942. – С. 28-46. - URL: https://www.prlib.ru/item/407639 (дата обращения: 20.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] *Александров Г.Н.* Настольная книга следователя / под общ. ред. Г.Н. Сафонова, А.И. Апурин, Т.М. Арзуманян, Б.Я. Арсеньев и др.– М., 1949. – С. 627-782. - URL: archive.org/details/B-001-029-694-ALL/B-001-029-694-01/page/n5/mode/2up (дата обращения: 20.09.2025) – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Следственные действия настольной книги при расследовании преступления о взяточничестве включали в себя:

- Обыск (обнаружение переписки между участниками преступлений, обнаружение самого предмета взятки). Записи обычно делались в записных книжках, на листках настольных календарей, на газетах. Иногда номера телефонов записываются на стене в квартире или служебном помещении, вблизи телефонного аппарата;
- Исследование документов (обнаружение следов, обнаружение подложности документов, обнаружение документов, свидетельствующих о сумме взятки). Исследование документов не ограничивается их осмотром. Документы должны быть проверены, их доказательственное значение должно быть оценено в совокупности с другими данными, собранными следователем;
- Допрос свидетелей (например, очень ценными являются показания официанта ресторана, хоть и не знающего о существе сделки, совершенной посетившими ресторан взяточником и взяткодателем, но наблюдавшего их встречу для передачи денег одним другому);
- Допрос обвиняемого. Эффективно – допрос на очной ставке. В этом смысле особенное значение приобретает очная ставка между сознавшимся участником преступления и не сознавшимся.

УК РСФСР 1960 г., как и предыдущие нормативные акты, не содержал специальных норм относительно уголовной ответственности за должностные преступления коррупционной направленности в сфере государственных закупок. Преступления в сфере закупок можно было квалифицировать по ст. 92 «Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением», ст. 93 «Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем мошенничества», ст. 94 «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием», ст. 173 Получение взятки», ст. 174 «Дача взятки», ст. 175 «Должностной подлог».

Говоря о развитии криминалистических методик расследования преступлений в период устойчивого развития и перестройки советского государства, следует отметить, что одним из его итогов стало постепенное внедрение расследований отдельных видов преступлений экономической направленности. Например, отдельные вопросы расследования дел о взяточничестве можно найти в работах В.П. Бурчанинова, З.Т. Барановой, В.В. Степанова, Л.Ш. Берекашвили, И.К. Туркевич[1], расследования преступлений в сфере капитального строительства – в работах Ю.Б. Утевского, Ф.Т. Селюкова, М.С. Чугунова, Г.П. Свешникова, В.П. Корж, А.И. Натура[2].

---

[1] *См. Бурчанинов В.П.* Расследование дел о взяточничестве: автореф. дис... канд. юрид. наук / М-во высш. образования СССР. Киевский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. Кафедра уголовного права. - Киев, 1954. – Текст: непосредственный; *Баранова З.Т.* Расследование дел о взяточничестве: автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 1956; *Степанов В.В.* Расследование взяточничества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1964. – Текст: непосредственный; *Берекашвили Л.Ш.* Методика расследования взяточничества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1965. – Текст: непосредственный; *Туркевич И.К.* Расследование и предупреждение взяточничества (по материалам Украинской ССР): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Киев, 1968. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Утевский Ю.Б.* Расследование преступлений в области капитального строительства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1954. – Текст: непосредственный; *Селюков Ф.Т.* Расследование хищений денежных средств в строительных организациях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1964. – Текст: непосредственный; *Чугунов М.С.* Расследование и предупреждение хищений материалов в строительных организациях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1966. – Текст: непосредственный; *Свешников Г.П.* Расследование дел о приписках в государственной отчетности и представлении других умышленно искаженных отчетных данных о выполнении планов в промышленности и капитальном строительстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Харьков, 1969. – Текст: непосредственный; *Корж В.П.* Проблемы расследования и предупреждения хищений в промышленном строительстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1985. – Текст: непосредственный; *Натура А.И.* Первоначальный этап расследования хищений в

Современный УК РФ 1996 г. также пошел по пути применения общих норм, не предусматривая специальных составов за преступления в сфере государственных закупок[1]. К ним относились статьи, которые регулировали общие коррупционные деяния, мошенничество и превышение служебного положения: ст. 159 УК «Мошенничество», ст. 285 УК «Злоупотребление должностными полномочиями», ст. 290 УК «Получение взятки», ст. 291 УК «Дача взятки», ст. 204 УК «Коммерческий подкуп» и др.

После распада СССР и образования Российской Федерации отношения в сфере закупок стали регулироваться более основательно, началось формирование и развитие законодательной базы, регламентирующей соответствующие отношения. На сегодняшний день правовая база контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд насчитывает около 150 нормативных правовых актов[2]. Наряду с этим УК РФ дополняют рядом статей.

Так, в 2017 году вносится ст. 201.1 «Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа», в 2018 г. – ст. 200.4. «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», ст. 200.5 «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок», ст. 200.6 «Заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», ст. 304 претерпела изменения «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд». И, наконец, в 2022 году УК РФ был дополнен ст. 201.2 «Нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа», ст. 201.3 «Отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа».

Стоит отметить и активизацию исследований уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и криминалистических аспектов расследования экономических и должностных преступлений, в т.ч. в бюджетной сфере[3]. Примером являются работы Л.В. Бертовского «Расследование преступного нарушения правил экономической деятельности» (2006 год), С.Ю. Журавлева «Расследование экономических преступлений» (2010 год), Д.Н. Капович «Привлечение в качестве обвиняемого и окончание предварительного расследования по уголовным делам о коррупционных преступлениях, совершаемых при распределении и расходовании бюджетных средств» (2012 год). Рассмотрению проблем расследования преступлений в сфере закупок посвящены работы и исследования сотрудников и специалистов академий МВД России «Современная практика расследования преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[4].

строительстве, сопряженных с приписками и другими искажениями отчетности о выполнении планов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1990. – Текст: непосредственный.

[1] *Павленков Р.В.* Ретроспективный анализ законодательства, предусматривающего ответственность за преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд / Р.В. Павленков // Сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. – 2021. – № 2 (12). – С. 84. – Текст: непосредственный.

[2] Нормативно правовые акты 44-ФЗ. – URL: zakupki.gov.ru/epz/main/public/document/view.html?searchString=&sectionId=907&strictEqual=false. (дата обращения: 20.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Земскова Е.Н.* Расследование преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис.... канд. юрид. наук. – Москва, 2018. – С. 36-37. – Текст: непосредственный.

[4] *Алехин Д.В.* Особенности расследования преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд: учебное пособие / Д.В. Алехин, Ю.С. Антонов, В.В. Бычков, Б.В. Борин, А.А. Лебедева, А.Ж. Саркисян, С.В. Харченко – М.: Московская академия СК

Методика выявления преступлений, в том числе преступлений в сфере закупок, в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в 1995 году включала в себя основные оперативно-розыскные мероприятия: опрос граждан; наведение справок; проверочная закупка; исследование предметов и документов; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; контролируемая поставка[1].

Обратим внимание на то, что ряд нарушений, связанных с целями осуществления закупок, определением цены государственного или муниципального контракта, заключением или исполнением государственного или муниципального контракта и совершаемых из корыстной или иной личной заинтересованности, не может рассматриваться как уголовно наказуемое злоупотребление служебным положением, поскольку эти нарушения совершаются представителями заказчика, которые не являются должностными лицами (например, работниками контрактной службы, контрактными управляющими, членами комиссии по осуществлению закупок, лицами, осуществляющими приемку поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг)[2].

Осуществляя расследование уголовного дела о преступлениях в сфере закупок, на первоначальном этапе расследования необходимо произвести следственные действия, направленные на собирание доказательств выявленного преступления. К таким следственным действиям будут относиться выемка у заказчика документов, имеющих значение для уголовного дела, допрос в качестве свидетелей представителей заказчика, исполнителя, поставщика, подрядчика[3]. Хочется отметить, что документы заказчика в основном были на бумажном носителе, или частично в электронном в виде. Однако цифровой мир не стоит на месте, и с 1 января 2019 года все закупки были переведены в электронную форму. С 1 января 2022 года приемка товаров, работ, услуг стала обязательной для всех контрактов, заключённых по результатам электронных процедур в электронном виде, а с апреля 2024 года подписывать контракт нужно только в электронной форме. В результате весь документооборот, от начала размещения закупки до исполнения сторонами всех обязательств, стал электронным и доступным для общего обозрения.

В 2016 году в перечень оперативно-розыскных мероприятий был добавлен пункт «Получение компьютерной информации», что позволило правоохранительным органам применять технологии для цифровых расследований, включая анализ электронных писем, мессенджеров и социальных сетей.

Таким образом, анализируя историю развития государственных закупок, историю расследования преступлений в сфере закупок, можно сделать следующие выводы: со временем закупки стали прозрачными, а законодательная база в сфере государственных закупок с каждым годом растет все больше и больше, следовательно, усиливается и

России, 2021. – 84 с. – URL: https://academy-skrf.ru/science/publications/2021/Особенности%20расследования%20преступлений%20в%20сфере%20закупок%20товаров,%20работ,%20услуг%20для%20обеспечения%20государственных%20или%20муниципальных%20нужд.pdf. (дата обращения: 20.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[1] Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ, 14.08.1995, № 33, ст. 3349.

[2] Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/410960-7. (дата обращения: 20.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Перов В.А.* Расследование преступлений, совершаемых при планировании, размещении и исполнении государственного (муниципального) заказа: учеб-метод, пособие для студентов вузов / В.А. Перов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – С. 73. – Текст: непосредственный.

ведомственный контроль. В частности, один из таких контролирующих органов на сегодняшний день является Федеральная антимонопольная служба (ФАС России). Можем полагать, что в случае выявления действий (бездействия) должностных лиц субъекта контроля, содержащих признаки состава преступления, соответствующие материалы могут быть направлены в правоохранительные органы, а это говорит уже о ведомственном взаимодействии, направленном на выявление и последующее расследование преступлений.

В заключение хочется отметить, что как бы не развивалась криминалистическая методика расследования преступлений, в том числе в сфере закупок товаров работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, такие следственные действия, как выемка документов, допрос свидетелей и проведение экспертиз были и останутся основными средствами получения информации. Однако, технико- и тактико-криминалистическое обеспечение их производства должны развиваться и соответствовать современности.

ИСТОРИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Фролов Даниил Эдуардович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Костикова Наталия Александровна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

«Настоящая книга написана человеком, который в течение многих лет, посвященных им всецело деятельности судебного следователя, пришел к убеждению, что для службы этой требуется гораздо больше познаний, нежели ему могут дать законы и их комментаторские и научно-обработанные издания»[1] – указано во введении к «Руководству для судебных следователей как система криминалистики» Г. Гросса, считающейся одной из основополагающих работ для криминалистики как науки.

Для предварительного расследования первоочередным является его законность.

Вместе с тем, для достижения целей, установленных ч. 1 ст. 6 УПК РФ, в виде защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод[2], необходимо также учитывать эффективность деятельности, направленной на борьбу с преступностью в широком смысле, то есть предварительного расследования, оперативно-розыскной и иных соответствующих видов деятельности, а также принимать меры, направленные на ее повышение. Подобное стало причиной того, что началось формирование отдельных наук, имеющих основной практической задачей повышение эффективности указанной деятельности и обращающихся с этой целью к другим, не связанным с юридическими, наукам, на что также указывает ранее приведенная цитата. Одной из сформированных подобным образом наук стала криминалистика.

Криминалистику можно представить как науку о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах, методах судебного исследования и предотвращения преступлений[3]. Вместе с тем, указанное определение Р.С. Белкина ряд авторов считает неполным, дополняя, что криминалистика относится к категории юридических наук[4].

---

[1] *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики: пер. с нем. / Д-р Ганс Гросс, б. австрийский следств. судья, ныне проф. Праж. ун-та; С 4-го доп. изд. пер. Л. Дудкин и Б. Зиллер. – Санкт-Петербург: Н.К. Мартынов, 1908 – XXVIII, 1040 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003747873/ (дата обращения: 21.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Парламентская газета, № 241-242, 22.12.2001.

[3] *См. Волынский А.Ф.* Криминалистика: Учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА – Закон и право, 2013. – 943 с. – Текст: непосредственный.

[4] *См. Дубровин С.В.* Криминалистика, ее понятие, задачи и система / С.В. Дубровин, А.И. Глушков, С.Я. Казанцев и др. // Закон и право. – 2021. – № 11. – С. 218 - 224. – Текст: непосредственный.

Временем создания криминалистики как науки можно считать XIX век, поскольку именно в это время выпущены две основополагающие работы для криминалистики как науки: «Руководство по судебному учению о расследовании» Л. фон Ягеманна 1838-1841 годов и «Руководство судебных следователей» Г. Гросса 1893 года.

«Руководство» Л. фон Ягеманна представляло изложение структурированного знания о практике расследования преступлений, что послужило основой для научной разработки и систематизации методов и средств[1].

«Руководство» Г. Гросса, помимо направленности на использование в практической деятельности, также предназначалось для обоснования необходимости в систематизации и внедрения в практику естественных и технических наук. Вместе с этим, Г. Гросс с 1894 года употреблял термин «криминалистика» в качестве названия особой научной дисциплины, занимающейся раскрытием преступлений на научной основе, «со строго ограниченной областью и обстоятельной обработкой ее отделов», что, в отличие от ранее принятого значения – уголовно-правовые дисциплины в целом, наиболее схоже с современным видением криминалистики как науки. Также Г. Гросс указывал на необходимость овладения знаниями криминалистики практическими работниками и студентами и активно предпринимал действия, в том числе, через государственные инстанции, направленные на получение указанными лицами подобного практического опыта, при этом инициативы Г. Гросса даже имели ограниченный успех – по поручению министерства юстиции Г. Гросс провел курсы обучения судебным следователям и офицерам австрийской жандармерии[2].

Также XIX век в истории криминалистики важен тем, что именно в это время появляются первые научно-обоснованные средства и методы, используемые и в настоящее время, например, в 1858 году У. Хершел начал исследование папиллярных линий пальцев рук, что послужило основой дактилоскопических исследований и регистрации[3], в 1881 году А. Бертильоном разработана система опознавательной фотографии и предложено измерять антропометрические данные регистрируемых преступников, что послужило началом антропометрической идентификации[4].

Также стоит отметить, что криминалистика по своей сути, существовала и ранее, поскольку деятельность, схожая с предварительным расследованием в наше время, появилась в связи с необходимостью установления обстоятельств дел различного рода.

В качестве примера можно привести трактат «Молот ведьм» 1486 – 1487 годов – одно из отражений инквизиционного судопроизводства. Так, в разделе «Общие вопросы ведьме или колдуну. Первый акт судьи» имеются следующие положения: «Да будет известно судье, что обычно ведьмы отрицают во время первого допроса всякую вину, что еще больше возбуждает против них подозрения». Далее приводятся «Частные вопросы ведьме или колдуну. Второй акт судьи», содержащий типовые вопросы, которые направлены на установление обстоятельств, связанных с личностью «обвиняемого»: «На вопрос о том знает ли она, что о ней идет худая молва и что ее ненавидят, она ответила…», а также с произошедшим: «На вопрос о том, почему порча последовала столь скоро после произнесения угрозы, обвиняемою был дан ответ…»[5]. Таким образом, автор

---

[1] *Сокол В.Ю.* Людвиг фон Ягеманн – основатель научной системы расследования преступлений и криминалистики / В.Ю. Сокол // Вестник КРУ МВД России. – 2012. – № 2 (16). – С. 66. – Текст: непосредственный.

[2] *Сокол В.Ю.* Ганс Гросс – основатель современной криминалистики / В.Ю. Сокол // Вестник КРУ МВД России. – 2012. – № 3 (17). – С. 44. - Текст: непосредственный.

[3] *Пинчук П.В.* Дактилоскопия: исторические аспекты и роль в решении идентификационных задач на современном этапе ее развития / П.В. Пинчук // ПЭМ. – 2001. – № 2-2. – С. 46. – Текст: непосредственный.

[4] *Чулахов В.Н.* О регистрационной дактилоскопической системе Альфонса Бертильона / В.Н. Чулахов, Н.В. Максимов // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 4. – С. 218. – Текст: непосредственный.

[5] *Шпренгер Я.* Молот ведьм / Монахи Я. Шпренгер, Г. Институрис ; Пер. с лат. Н. Цветкова ; С предисл. проф. С.Г. Лозинского, проф. М.П. Баскина. – Москва: Атеист, 1932. – URL:

трактата предусматривает тактику допроса, приводя типичные вопросы, задаваемые обвиняемому, при этом, в первом примере отмечена трудность, которая может возникнуть при допросе и на которую допрашивающему, то есть судье, стоит обратить внимание.

Далее необходимо соотнести определения криминалистики и криминалистического обеспечения.

Криминалистическое обеспечение можно представить в виде системы криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений[1].

Исходя из ранее данных определений, можно сделать вывод, что криминалистическое обеспечение является логическим продолжением криминалистики в виде ее практического применения. В связи с этим, история криминалистического обеспечения неразрывно связана с историей самой криминалистики, поскольку само по себе представляет ее производную.

Однако у криминалистического обеспечения расследования отдельных категорий преступлений можно выделить основоположников и период зарождения в науке. Применительно к криминалистическому обеспечению расследования преступлений прошлых лет таким периодом можно считать 1972 год, когда В.П. Лавровым было подготовлено учебное пособие «Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет», и 1980 год, когда им же была защищена диссертация на тему «Общие положения организации и методики расследования нераскрытых преступлений прошлых лет»[2].

В.П. Лаврова по праву можно считать основоположником отечественного научного исследования криминалистического обеспечения расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, поскольку его работы, в том числе и ранее указанные, стали научным фундаментом не только в практической деятельности, но и в дальнейших исследованиях по данному вопросу[3].

В конце рассмотрим зарубежный опыт расследования подобной категории преступлений на примере США.

В США существует проблема наращивания преступлений называемых «cold cases», то есть нераскрытых. Так, ряд авторов, ссылаясь на данные статистики, указывает, что процент раскрытых дел по убийствам в 1965 году составлял около 80 процентов, в то время как в 2017 году этот показатель составлял около 60 процентов, а из 250 000 нераскрытых убийств в целом более 100 000 приходятся на период с 1997 года по 2017

---

https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009360140/ (дата обращения: 20.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[1] *См. Аверьянова Т.В*. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / Т.В. Аверьянова и др. // под ред. Т. В. Аверьяновой и Р. С. Белкина. – М., 1997. – 398 с. – Текст: непосредственный.

[2] *Бессонов А.А.* Вопросы расследования преступлений прошлых лет в трудах Владимира Петровича Лаврова и современной практике / А.А. Бессонов // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 7. – С. 56. – Текст: непосредственный.

[3] *См. например: Кравцова И.А.* Отдельные криминалистические аспекты организационно-тактического обеспечения расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте / И.А. Кравцова // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – № 3. – С. 147 – 154. – Текст: непосредственный; *Волынкин Е.Н.* О некоторых мерах по раскрытию преступлений, совершенных в прошлые годы / Е.Н. Волынкин // Вестник УЮИ. – 2019. – № 4 (86). – С. 154 – 159. – Текст: непосредственный; *Самиев Н.М*. Работа следователя по приостановленному уголовному делу о нераскрытом преступлении: планирование, особенности, эффективность / Н.М. Самиев // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 3 (33). – С. 183 – 190. – Текст: непосредственный.

год[1]. При этом в США большое значение придается использованию различного рода баз данных, например, CODIS (Combined DNA Index System (Комбинированная система индексации ДНК), позволяющей судебно-медицинским лабораториям, подключенным к указанной системе, обмениваться и сравнивать профили ДНК[2] и IAFIS (Integrated Automated Fingerprint Identification System (Интегрированная автоматизированная система идентификации по отпечаткам пальцев), позволяющую проводить идентификацию по отпечаткам пальцев, ранее внесенных в базу данных[3], наиболее схожая с отечественной АДИС Папилон. Вместе с этим, использование указанных систем, согласно проведенным опросам, является наиболее важным для расследования преступлений указанной категории, поскольку доступность ДНК-улики для сопоставления в системе CODIS по результатам опросов имеет рейтинг 4,74, доступность отпечатков пальцев для сопоставления в системе IFIAS – 4,68, то есть первое и второе место по важности соответственно[4].

[1] Serial Killer Connections Through Cold Cases / Eric Martin; Dawn Elizabeth Schwarting; Ruby J Chase // National Institute of Justice – 15.06.2020. – URL: https://nij.ojp.gov/topics/articles/serial-killer-connections-through-cold-cases (дата обращения: 21.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] FBI: Combined DNA Index System (CODIS). – URL: https://web.archive.org/web/20170429154144/https://www.fbi.gov/services/laboratory/biometric-analysis/codis (дата обращения: 21.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] FBI CJIS Division: Integrated Automated Fingerprint Identification System (IAFIS). – URL: https://web.archive.org/web/20010505091326/http://www.fbi.gov/hq/cjisd/iafis.htm (дата обращения: 21.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] Cold-Case Investigations: An Analysis of Current Practices and Factors Associated with Successful Outcomes / Robert C. Davis, Carl Jensen, Karin E. Kitchens - Текст: электронный – Office of Justice Programs. – URL: https://www.ojp.gov/pdffiles1/nij/grants/237558.pdf (дата обращения: 21.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ, КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В РОССИИ

Цветков Роман Геннадьевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Валеев Артем Тахирович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина(МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Одной из форм участия граждан в осуществлении правосудия в уголовном судопроизводстве и единственной формой в Российской Федерации на сегодняшний день является суд с участием присяжных заседателей.

Востребованность указанного института, с учетом ограниченного количества дел, которые возможно рассматривать с участием присяжных заседателей велика, так согласно сведениям Судебного Департамента при Верховном суде Российской Федерации за 2023 год подано ходатайств о рассмотрении дел судом с участием присяжных заседателей – 773, за первую половину 2024 года – 325[1], вместе с тем, суды при поступлении уголовного дела в суд с ходатайством обвиняемого о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей сталкиваются с большим количеством препятствия, связанных с рассмотрением уголовного дела.

Ключевой является проблема формирования коллегии присяжных заседателей, которая бы была сформирована в соответствии с требования уголовно-процессуального закона. Первым элементом указанной проблемы является неявка достаточного количества кандидатов. Указанная проблема стала более актуальной, после принятия Федерального закона № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей»[2], который установил, что дела с участием присяжных заседателей рассматриваются не только в судах субъекта, но и в судах районного звена.

Согласно сведениям Архангельского областного суда, явка кандидатов в присяжные заседатели составляет в среднем 10 процентов от общего числа вызванных, вместе с тем, практика показывает, что в районных судах явка еще ниже и составляет в среднем 3-6 % от числа вызванных[3]. Традиционно низкая явка кандидатов в присяжные заседатели в летний период. Необходимо отметить, что наиболее низкая явка имела место в период пандемии, а также по делам, оправдательные приговоры по которым были отменены. Граждане, чтобы не участвовать в данном действии, обычно ссылаются на состояние здоровья, трудовую занятость или вовсе не объясняют причины своей неявки. Для обеспечения явки в суд 30-40 кандидатов в присяжные заседатели работники суда направляют от 500 до 1000 приглашений.

---

[1] Судебный департамент при ВС РФ: официальный страница в социальной сети «Вконтакте» – URL: https://vk.com/cdvsrf (дата обращения: 22.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» от 23.06.2016 (ред. от 29.12.2017) № 190-ФЗ // Российская газета, № 139, 28.06.2016.

[3] Справка по результатам обобщения судебной практики по теме: «О рассмотрении районными (городскими) судами Архангельской области уголовных дел с участием присяжных заседателей за период с 1 января 2021 г. по 1 октября 2024 г.» // Документ опубликован не был.

При введении суда присяжных в новой России (в 1993 году), предусматривался административный штраф в сумме 1 минимального размера оплаты труда за неявку кандидата в присяжные заседатели без уважительной причины по вызову в суд для исполнения своего гражданского долга[1], однако действующий Кодекс об административных правонарушениях не содержит такого состава. Представляется, что административная ответственность за неявку кандидатов в присяжные заседатели имела мотивирующую функцию, которая способствовала своевременному формированию коллегии присяжных заседателей. Отмена же административной ответственности привела к ослаблению мотивации участия граждан в отправлении правосудия, что в свою очередь повлекло усугубление проблемы низкой их явки по вызову в суд и своевременному формированию коллегии присяжных заседателей. Есть основания полагать, что решение об отмене административной ответственности за неявку в суд без уважительной причины кандидата в присяжные заседатели фактически привело к ухудшению правового положения лиц, находящихся под стражей, и ходатайствующих о рассмотрении их дела судом с участием присяжных заседателей.

Вместе с тем, ряд ученых, указывает, что одним из условий преодоления индифферентного отношения граждан к участию в деятельности важнейших институтов гражданского общества, в том числе, суда с участием присяжных заседателей, является правовое воспитание - целенаправленное воздействие на сознание личности, социальных групп и общества в целях превращения правовых идей и требований в личные убеждения граждан, формирование их социально-политической активности, однако указывая на позитивные примеры привлечения граждан к ответственности за неявку в суд для отбора в коллегию присяжных заседателей в зарубежных странах[2].

Следующей проблемой формирования коллегии присяжных заседателей является большое количество критериев для кандидатов. Требования, предъявляемые к кандидатам в присяжные заседатели, установлены в ст. 3 Федерального закона от 20.08.2004 № 113-ФЗ "О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации". В ст. 7 указанного закона названы дополнительные основания исключения кандидатов в присяжные заседатели из дополнительного и основного списка при решении вопроса о формировании коллегии для рассмотрения конкретного уголовного дела. Указанные статьи предусматривают свыше 17 ограничений, при наличии которых кандидат не имеет права исполнять обязанности присяжного заседателя.

Для больших городов эта проблема обычно сводится к тому, что нужно много времени, для того, чтобы собрать необходимый состав, а вот в небольших поселениях данный вопрос стоит куда острее. Так, в случае, когда количество жителей и так не высоко, то порой сформировать коллегию присяжных заседателей, которая удовлетворяла бы всем требованиям закона просто невозможно[3].

При этом необходимо учитывать, что с целью сохранения беспристрастности и объективности присяжных заседателей, они не должны быть знакомы с участниками уголовного процесса, их знакомыми, не проживать вместе и ничего не знать о совершенном преступлении с учетом того факта, что в маленьких городах о совершении особо тяжких преступлений известно всем, поскольку это освещается в средствах массовой информации.

По замыслу законодателя, предусмотренная в ст. 328 УПК РФ процедура, призвана способствовать формированию коллегии присяжных заседателей из числа

---

[1] Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) (ред. от 20.03.2001) // Ведомости ВС РСФСР, 1984, № 27. Ст. 909.

[2] *Владыкина Т.А.* Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей: дис. ... доктора юридических наук. – Екатеринбург, 2018. – С. 223. – Текст: непосредственный.

[3] *Минаева А.А.* Актуальные проблемы суда присяжных заседателей в РФ / А.А. Минаева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 9-2. – С. 177. – Текст: непосредственный.

беспристрастных граждан, способных разрешать дело по своему внутреннему убеждению и совести. Однако на практике не всегда удается сформировать коллегию присяжных заседателей из лиц, сознание которых не обременено заранее сформировавшимися предубеждениями.

Так, отменен приговор Пролетарского районного суда г. Тулы от 05 декабря 2018 года, помимо прочего, в связи с тем, что присяжный заседателей была знакома с подсудимым, о чем скрыла сведения[1].

В литературе предлагают решить указанную проблему на законодательном уровне, путем внесения соответствующих изменений в ч. 1 ст. 35 УПК РФ, в которой можно будет включить норму о возможности изменения территориальной подсудности при невозможности сформировать коллегию присяжных заседателей в районном (городском, гарнизонном) суде. При этом указывая, что как следствие возрастут судебные расходы, которые итак являются существенными для данной формы отправления правосудия[2].

Судебная практика по вопросам, связанным с формированием коллегии присяжных заседателей, дает основание сделать вывод, что наиболее распространенным нарушением действующего законодательства является сокрытие присяжными определенной информации.

Частью 3 статьи 328 УПК предусмотрено, что кандидаты в присяжные заседатели обязаны правдиво отвечать на задаваемые им вопросы, а также представлять необходимую информацию о себе и об отношениях с другими участниками уголовного судопроизводства. При этом, на законность состава коллегии присяжных заседателей влияет именно факт ложного ответа на вопросы председательствующего или факт умолчания информации, допущенный со стороны кандидата в присяжные заседатели.

Так, кассационным определением Верховного Суда РФ приговор Курганского областного суда отменен в связи с тем, что присяжный заседатель имел непогашенную судимость и не мог исполнять функции присяжного заседателя[3].

На практике стороны задают вопросы, которые направлены на выяснение обстоятельств, которые не являются препятствием для участия присяжного заседателя в рассмотрении дела. При этом следует учесть, что поскольку такие вопросы были допущены, то сокрытие присяжным заседателем интересующей защиту или обвинение информации является основанием для отмены приговора. Кроме того, существует порочная практика того, что одна из сторон скрывает от суда ставшую ей известной негативно характеризующую информацию о личности присяжного заседателя в целях сохранения "про запас" основания для отмены не отвечающего ее интересам приговора [4].

Так, основанием для отмены приговора Иркутского областного суда послужил незаконный состав коллегии присяжных, в числе которых был гражданин Л., 1953 г.р., скрывший факт состояния на учете в психоневрологическом диспансере с 2007 г. в связи с прохождением лечения алкоголизма средней степени тяжести. На основании ст. 3 Закона «О присяжных заседателях» коллегию присяжных необходимо считать незаконной, поскольку сокрытие данного факта лишило государственного обвинителя возможности

---

[1]Апелляционное определение Тульского областного суда от 18 марта 2019 г. № 1-161/2019. – URL: https://oblsud--tula.sudrf.ru/ (дата обращения: 22.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Барыгина А.А.* Проблемы формирования коллегии присяжных заседателей в районных судах / А.А. Барыгина // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 22.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29.11.2012 № 82-О12-39сп // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 22.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[4] *Тисен О.Н.* Проверка сведений о кандидатах в присяжные заседатели как необходимая составляющая действий по предотвращению вхождения в состав коллегии граждан, участие которых в отправлении правосудия запрещено в силу прямого указания закона / О.Н. Тисен // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 22.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

заявить мотивированный отвод кандидату в присяжные[1].

В целях предотвращения отмены приговоров по указанному основанию, в литературе предлагается создание специального органа по составлению списков кандидатов в присяжные заседатели в каждом субъекте Российской Федерации, что значительно упростило бы деятельность суда и сторон по формированию коллегии присяжных заседателей. Такие комиссии должны действовать в каждом районном населенном пункте для составления списков кандидатов в присяжные заседатели от соответствующего муниципального образования и последующей их передачи в органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. В обязанности подобного органа необходимо включить не только простое составление общего и запасного списков кандидатов в присяжные заседатели, но и тщательную проверку сведений о них на предмет наличия в их биографии фактов, препятствующих участию в отправлении правосудия[2].

Исходя из вышесказанного следует, что комплектование корпуса присяжных заседателей и обеспечение его нормальной деятельности является одним из ключевых вопросов организации и деятельности суда присяжных. Распространение практики отмены оправдательных приговоров по указанным выше основаниям свидетельствует о необходимости совершенствования формирования коллегии присяжных заседателей. В этой связи необходимо создать более четкий и эффективный механизм установлений подлинных данных о личности присяжных.

[1] Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2009 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2010, № 6.

[2] *Тисен О.Н.* Формирование коллегии присяжных заседателей: теоретические и практические проблемы: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. – Оренбург, 2009. – С. 15. – Текст: непосредственный.

КИБЕРПРОСТРАНСТВО КАК НОВАЯ ПЛОЩАДКА ДЛЯ ДЕМОНСТРАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ЕДИНЫЕ ПОДХОДЫ К КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВ

Черныш Яна Евгеньевна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Герасимова Елена Владимировна,
заведующий кафедрой уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Современное цифровое пространство кардинально изменило все аспекты человеческой деятельности, создав принципиально новые возможности для коммуникации, бизнеса и социального взаимодействия. Киберпространство, ставшее неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, представляет собой сложную систему, которую исследователи все чаще характеризуют как новую политическую реальность, где формируются уникальные механизмы власти и влияния[1]. В виртуальном мире традиционные географические и политические границы теряют свое значение, а взаимодействие между субъектами приобретает глобальный характер. Однако параллельно с очевидными преимуществами цифровой трансформации, киберпространство породило и новые формы противоправной деятельности, требующие адекватного законодательного реагирования.

Особую тревогу вызывает использование цифровых технологий для демонстрации особо тяжких преступлений против личности. В последние годы все чаще фиксируются случаи, когда убийства совершаются с их последующей публикацией в сети Интернет или даже транслируются в режиме реального времени. Такие действия не только причиняют вред непосредственным жертвам, но и создают эффект «цифрового заражения», когда демонстрация насилия провоцирует новые преступления и оказывает разрушительное воздействие на общественную нравственность. Эти опасные тенденции побудили законодателя ввести в 2024 году специальный квалифицирующий состав – убийство, совершенное с публичной демонстрацией (п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Анализ современной преступности в цифровой среде позволяет выделить несколько ключевых особенностей, которые необходимо учитывать при квалификации таких деяний.

Во-первых, техническая простота совершения преступлений в киберпространстве - сегодня для организации противоправной деятельности достаточно иметь базовые компьютерные навыки и доступ в Интернет.

Во-вторых, появление целой индустрии киберпреступности, включающей специализированные форумы в даркнете, где можно приобрести инструменты для взлома, украденные данные.

В-третьих, глобальный характер цифровых преступлений, когда преступник и жертва могут находиться в разных странах, что создает дополнительные сложности при расследовании преступлений[2].

---

[1] *См. Войскунский А.Е.* Поведение в киберпространстве: психологические принципы / А.Е. Войскунский // Человек. - 2016. - № 1. - С. 36-49. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Евдокимов К.Н.* К вопросу о совершенствовании системы противодействия технотронной преступности в Российской Федерации / К.Н. Евдокимов // Российский следователь. - 2021. - № 10. - С. 69-72. – Текст: непосредственный.

Социальные сети и мессенджеры создали принципиально новые возможности для коммуникации, которые преступники активно используют в своих целях. Современные исследователи выделяют три уровня цифрового взаимодействия:

- межличностный (один на один);
- групповой (в рамках закрытых сообществ);
- массовый (публичные платформы)[1].

Каждый из этих уровней требует особого подхода при квалификации преступлений, поскольку степень общественной опасности и потенциальный вред существенно различаются.

Например, трансляция убийства в закрытом чате из 10 человек и публикация аналогичного видео на Rutube — это принципиально разные по степени общественной опасности деяния, хотя формально и подпадают под один квалифицирующий признак.

Современное уголовное законодательство, направленное на противодействие публичной демонстрации убийств в цифровой среде, сталкивается с рядом проблем, которые можно условно разделить на четыре группы: законодательные, квалификационные, доказательственные и международно-правовые. Каждая из этих групп требует детального анализа и комплексного подхода к решению.

Первая группа проблем связана с недостатками законодательной формулировки квалифицирующего признака п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ[2]. Так, данная норма оперирует терминами, которые не получили четкого определения в уголовном праве.

Например, понятие «публичная демонстрация» может трактоваться правоприменителями по-разному. Так, одни правоприменители могут понимать под публичной демонстрацией любую трансляцию в сети Интернет, даже в закрытых чатах, другие могут посчитать, что для квалификации по данному признаку необходимо доказать факт массового распространения контента.

Неясность временных рамок также создает сложности: если преступник записал убийство на видео, а спустя неделю выложил его в сеть, подпадает ли это под квалификацию по п. «о»?

Наконец, неясность создает необходимое для квалификации по данному пункту количество зрителей, что может породить нарушение единства судебной практики.

Вторая группа проблем касается сложностей в разграничении составов и определении субъекта преступления. Дискуссионным является вопрос: должен ли преступник лично осуществлять трансляцию или достаточно его осведомленности о ведении записи? Будет ли нести ответственность лицо по п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если оно непосредственно не осуществляло умышленное причинение смерти другому лицу, но при этом осуществляло запись убийства на видео?

Для того чтобы ответить на данный вопрос необходимо проанализировать роль лица в преступлении и характер его действий. Ключевым условием применения данной нормы является установление умысла на демонстрацию преступления и связи между действиями виновного и квалифицирующим признаком.

Предполагается, что, если запись осуществлялась по предварительной договорённости с исполнителем убийства, например, для последующей публикации в целях пропаганды насилия, запугивания или получения материальной выгоды, действия оператора могут быть квалифицированы как соучастие в данном преступлении. Хотя по характеру и степени общественной опасности действия лица, осуществляющего запись не равны действиям лица, осуществляющего умышленное причинение смерти другому человеку.

---

[1] *Сабельникова М.А*. Информационное общество в Российской Федерации. 2018: статистический сборник / М.А. Сабельникова, Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, О.Ю. Дудорова и др.; Росстат; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М.: НИУ ВШЭ, 2018. - С. 5-7. – Текст: непосредственный.

[2] Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета, № 181, 15.08.2024.

Если же лицо содействовало совершению преступления с данным квалифицирующим признаком путем предоставления технических устройств или иных записывающих средств, то тогда логично определить ответственность данного лица как пособника в совершении данного преступления.

Ситуация усложняется, если запись велась без согласования с исполнителем, но оператор осознавал, что материалы могут быть использованы для публичной демонстрации.

Например, если лицо присутствовало во время совершения преступления, понимало его характер, но ограничилось фиксацией событий без активного участия. Здесь решающую роль играет установление субъективной стороны преступления: был ли у оператора прямой умысел на содействие публичности или его действия носили случайный характер. Если умысел не доказан, применение п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ исключается.

Отдельно стоит рассмотреть случай, когда оператор скрыл запись или не сообщил о преступлении, тогда возникает вопрос о привлечении к ответственности за укрывательство (ст. 316 УК РФ).

Важно подчеркнуть, что п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ касается квалификации именно убийства, а не последующих действий по распространению записи. Если лицо не участвовало в лишении жизни, но позднее способствовало распространению материалов в сети, это не образует состава по данной норме.

Таким образом, привлечение оператора к ответственности по п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ возможно только при доказанности его соучастия в убийстве, выразившегося в умышленном содействии публичной демонстрации. Если связь между записью и преступлением не установлена, а умысел на придание публичности отсутствует, основания для вменения данной нормы нет.

Таким образом, для устранения правовой неопределённости требуется законодательное закрепление чётких критериев, разграничивающих соучастие в преступлении и нейтральное фиксирование событий. Это позволит избежать как необоснованного привлечения к ответственности, так и безнаказанности лиц, использующих цифровые технологии для усиления общественной опасности преступлений.

Отграничение преступлений с признаком публичной демонстрации от смежных составов является также одной из ключевых проблем квалификации, требующей внимательного рассмотрения всех обстоятельств дела. Прежде всего, следует отметить необходимость разграничения между публичной демонстрацией как квалифицирующим признаком и самостоятельными составами преступлений, связанными с распространением информации. Например, может возникнуть вопрос о соотношении убийства с публичной демонстрацией (п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), если демонстрация убийства сопровождалась соответствующими призывами.

Такие случаи образуют реальную совокупность преступлений, поскольку, несмотря на возможное совпадение во времени, совершаются разными деяниями.

Другой аспект проблемы отграничения связан с необходимостью различать публичную демонстрацию преступления и его совершение в присутствии посторонних лиц. Для квалификации деяния по признаку публичной демонстрации требуется активное действие по привлечению внимания аудитории, а не просто наличие случайных свидетелей. Кроме того, важно отличать реальную публичную демонстрацию от угрозы такой демонстрации, которая может образовывать самостоятельный состав преступления.

В целом, установление совокупности преступлений при наличии признака публичной демонстрации может представлять значительную сложность для правоприменительной практики.

Одной из основных проблем может стать определение необходимости дополнительной квалификации действий по статьям, предусматривающим ответственность за незаконное распространение информации.

Например, если лицо, совершившее убийство с публичной демонстрацией, также распространило информацию, содержащую сцены сексуального насилия, может возникнуть вопрос о необходимости дополнительной квалификации по ст. 242 УК РФ (Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов). В таких случаях следует руководствоваться принципом недопустимости двойного вменения и учитывать, что публичная демонстрация уже охватывается квалифицирующим признаком основного преступления. Однако если распространение информации выходит за рамки непосредственной демонстрации преступления и приобретает самостоятельный характер, возможна квалификация по совокупности.

Третья группа проблем связана со сложностями процессуального характера. Установление умысла на публичную демонстрацию становится почти невозможным в случаях спонтанных преступлений.

Как доказать, что преступник, случайно оказавшийся в кадре при совершении убийства, осознавал публичность своих действий?

Также фиксация цифровых доказательств осложняется техническими особенностями: удаление метаданных, использование анонимных прокси-серверов, шифрование переписки.

Определение круга лиц, имевших доступ к материалам, требует сложной экспертизы: в случае с закрытыми группами в соцсетях необходимо анализировать логи серверов, что часто невозможно из-за расположения компаний-провайдеров за рубежом.

Четвертая группа проблем обусловлена трансграничным характером цифровых преступлений. Если убийство совершено в России, а трансляция велась через сервер в Нидерландах, возникает вопрос о юрисдикции.

Для преодоления указанных трудностей необходим системный подход, сочетающий законодательные, организационные и технологические меры.

Так, необходимо внести изменения в ст. 105 УК РФ, четко определив:

- «публичную демонстрацию» как умышленные действия по обеспечению доступа к материалам неопределенному кругу лиц;

- критерии публичности (например, доступность контента без специального разрешения);

- временные рамки (демонстрация считается квалифицирующим признаком, если умысел на нее возник перед или во время совершения преступления).

Целесообразно ввести отдельную статью об ответственности интернет-платформ за непринятие мер по блокировке противоправного контента.

В целях разъяснения судьям порядка применения и толкования смысла п «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ при принятии судебного решения Верховный Суд должен принять постановление, разъясняющее:

- правила квалификации при соучастии по п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ:

- порядок доказывания умысла;

- алгоритм разграничения с другими составами преступлений.

Создание специализированных киберследственных подразделений в МВД и СК РФ позволит накопить экспертизу в расследовании таких дел.

Внедрение ИИ-систем мониторинга контента в реальном времени поможет оперативно выявлять трансляции насилия.

Таким образом, введение п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ стало важным, но лишь первым шагом в создании комплексной системы противодействия новой форме общественно опасных деяний. Дальнейшее развитие законодательства и правоприменительной практики должно учитывать, как специфику цифровой среды, так и необходимость

сохранения баланса между эффективной защитой общества и соблюдением конституционных прав и свобод граждан.

Особое значение для эффективного раскрытия и расследования данных преступлений приобретает междисциплинарный подход, объединяющий достижения юриспруденции, криминологии, психологии и компьютерных наук.

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СТ. 109 УК РФ

Черныш Яна Евгеньевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Герасимова Елена Владимировна,
заведующий кафедрой уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Институт ответственности за причинение смерти по неосторожности имеет глубокие исторические корни в российском уголовном праве.

Одним из древнейших источников, регулирующих ответственность за преступления против жизни, является Русская Правда Ярослава Мудрого (1016 г.). Анализ ее положений показывает, что в ранний период развития древнерусского права отсутствовало четкое разграничение между умышленным и неосторожным причинением смерти[1].

Более детальная регламентация ответственности за лишение жизни прослеживается в следующих памятниках права: Псковской Судной грамоте (1397 г.), Двинской Уставной грамоте (1440 г.), а также в Судебниках 1497 и 1550 гг. В данных актах уже содержатся отдельные нормы, касающиеся убийства, однако в источниках по-прежнему отсутствует различие между умышленным убийством и причинением смерти по неосторожности.

Например, Судебник Ивана III вводит понятие «душегубство», которое включало в себя не только преднамеренное убийство, но и случаи неосторожного причинения смерти[2].

Выделение неосторожного причинения смерти (в источниках именуется как «неосторожное убийство») в самостоятельный состав преступления происходит в Соборном уложении 1649 года, а именно в главе XXIV.

Так, статья 18 освобождала от ответственности за смерть, причиненную «без умышления», например, когда лошадь «испужавшись» задавила человека. Статья 20 аналогично трактовала случаи случайного попадания стрелы или падения дерева при отсутствии вражды между сторонами.

Следует отметить, что в Соборном уложении 1649 г. грань между неосторожной формой вины и случайностью оставалась размытой.

Дальнейшее развитие института произошло в Артикуле Воинском 1715 г., принятом в период правления Петра I.

Так, в данном правовом акте появляются составы преступлений с двумя формами вины: умыслом по отношению к деянию и неосторожностью по отношению к последствию в виде смерти человека. Характерная особенность правового регулирования заключалась в том, что при квалификации неосторожного причинения смерти решающим фактором становится наличие умысла при нарушении специальных предписаний: обращения с оружием, дисциплинарной практики начальников в отношении подчиненных и условий правомерности необходимой обороны. Так, артикул 158 устанавливал, что даже при отсутствии прямого умысла на убийство виновный подлежал наказанию, «понеже убийство от того произошло». По-прежнему ненаказуемыми являлись «неумышленные и

[1] *См. Ханахок С.М.* Институт уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ханахок Сусанна Мугдиновна; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2011. – 30 с. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Титов Ю.П.* Хрестоматия по истории государства и права России / Ю.П. Титов – Москва: Проспект, 2008. – 172 с. – ISBN: 978-5-392-00616-8. – Текст: непосредственный.

ненарочные убийства, совершенные при отсутствии вины, то есть «по случаю» (артикул 159)[1].

В течение 50–60-х годов XVIII века была осуществлена проектная разработка «Уголовного уложения». В указанном проекте предполагалась следующая сложная классификация убийств. Так, был представлен «неосторожный вариант убийства», а именно, как деяние, которое совершено без умысла, вследствие неосторожного поведения с признанием вины лица его совершившего[2]. Однако данное уложение принято не было.

В 1832 г. принят Свод законов Российской Империи. В томе 15 – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных регламентированы конкретные виды убийств.

Так, выделялись два вида убийства по неосторожности: во-первых, когда лицо могло предвидеть противозаконные последствия, и, во-вторых, когда лицо совершило действия, не запрещенные законом, но должно было при осмотрительности или могло предвидеть такие последствия (ст. 336).

Также выделялись: убийство в драке, которое расценивалось как неосторожное, если не был установлен умысел (ст. 337); причинение смерти вследствие применения ненадлежащего лекарства аптекарем или лекарем, которое также относилось к убийству по неосторожности (ст. 344)[3].

В Уголовном уложении о наказаниях 1845 года предусмотрены положения, согласно которым преступления могли совершаться как умышленно, так и неумышленно. При этом не признавалось виновно совершенным деяние, если его последствия имели случайный характер (ст. 7).

В дальнейшем Уложение 1845 года нашло своё отражение в Уложении 1903 года. Уложение 1903 года отличилось от предыдущего уровнем юридической техники. Так, в нем был закреплен широкий спектр видов «неосторожных убийств»: нанесение человеку побоев без умысла на убийство, и повлекшее смерть потерпевшего; совершение лицом действия явно незапрещенного законом, которое повлекло смерть по неосторожности; совершение лицом действия, которое повлекло неожиданную смерть потерпевшего[4]. Уложение 1903 года просуществовало до 1917 года.

Октябрьская революция повлекла за собой немедленный и кардинальный разрыв с прежней судебной системой, сопровождавшийся упразднением всех царских юридических институтов. Это относилось и к законодательству о преступлениях против жизни и к порядку расследования и судебного рассмотрения дел о данных преступлениях.

Так в 1922 году был принят Уголовный кодекс РСФСР. Ответственность за преступления, посягающие на жизнь, была установлена в гл.5 УК РСФСР «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». В разделе 1 «Убийство» выделялось «Неосторожное убийство» (ст.147). В названной статье выделялось два вида «неосторожного убийства»: по ч.1 ст.147 УК РСФСР наказывалось просто «неосторожное убийство»; в ч. 2 ст. 147 предусматривалось «неосторожное убийство», которое явилось результатом сознательного несоблюдения правил предосторожности[5].

Аналогичная система квалификации преступлений против жизни человека сохранилась и в УК РСФСР 1926 г., но следует отметить и специфику данного нормативного акта. Так, «убийство по неосторожности» было объединено с убийством в результате превышения мер необходимой обороны.

---

[1] *См. Латкин В.Н.* История русского права периода империи (XVIII и XIX века). В 2 томах. Том 1. Учебник для вузов / В. Н. Латкин. - Москва: Юрайт, 2017. - 407 с. - Текст: непосредственный.

[2] *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право в 2 частях. Часть 1: Русское уголовное право / Н. С. Таганцев. – Москва: Юрайт, 2025. – 414 с. – URL: https://urait.ru/bcode/565188 (дата обращения: 02.10.2025) – Режим доступа: для зарегистр. пользователей. - Текст: электронный.

[3] *См. Арямов А.А*. История уголовного права России: учебное пособие / А.А. Арямов. - Москва: ЮСТИЦИЯ, 2021. - 188 с. - Текст : непосредственный.

[4] *См. Титов Ю.П.* Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период: учебное пособие / Ю. П. Титов, О.И. Чистяков. – Москва: Юрид. лит., 1990. - 478 с. - Текст: непосредственный.

[5] *См. Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. - Москва: Юрайт, 2025. - 653 с. - Текст: непосредственный.

Вплоть до вступления в законную силу Уголовного кодекса РФ состав данного преступления содержался в ст. 106 УК РСФСР 1960 года: «Убийство, совершенное по неосторожности, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до двух лет».

В отличие от ст. 106 УК РСФСР 1960 г., где говорилось о совершенном по неосторожности убийстве, законодатель в ст. 109 УК РФ 1996 г. избегает самого термина «убийство» и говорит о «причинении смерти по неосторожности». И в этом есть глубокий смысл.

Согласно общепринятому мнению убийство — это деяние которое всегда характеризуется умыслом на причинение смерти, а убийца представляется человеком, совершившим такое умышленное деяние. Наиболее правильным является четкое разделение категорически разных видов деяний: неосторожного причинения вреда и умышленного убийства.

Поэтому, действующий УК РФ в отличие от УК РСФСР 1960 года исключил причинение смерти по неосторожности из видов убийств[1].

Таким образом, исторический анализ показывает, что российское уголовное право постепенно совершенствовало регулирование ответственности за причинение смерти по неосторожности, учитывая как степень вины, так и обстоятельства совершения преступления. Современная редакция ст. 109 УК РФ логично завершает этот процесс, подчеркивая принципиальное отличие неосторожного деяния от умышленного убийства.

В зарубежных правовых системах подход к квалификации причинения смерти по неосторожности существенно отличается от отечественного, что обусловлено особенностями национального законодательства и правовой доктрины. В первую очередь стоит рассмотреть подход законодателя в США.

Важно отметить принципиальное различие между российским и американским уголовным правом в вопросе определения самого понятия «убийство». В российском Уголовном кодексе убийством признается только умышленное причинение смерти (ст. 105 УК РФ), тогда как в американской правовой системе термин убийство может охватывать и неосторожные формы вины, что требует особого рассмотрения.

Федеральное уголовное законодательство содержится в разделе 18 Кодекса США озаглавленный «Преступления и уголовный процесс», включенный в Свод законов США актом Конгресса США от 25 июня 1948 г. (United States Code (USC): Title 18 - «Crimes and Criminal Procedure»)[2]. Это типовой закон, который призван стимулировать законодательные органы штатов США и помогать им обновлять, и стандартизировать уголовное законодательство страны.

Источником уголовных законов в отдельных штатах является Примерный уголовного кодекса США (Model Penal Code). Этот кодекс по своей правовой природе не является нормативно-правовым актом. Он был разработан в целях унификации уголовного законодательства в 1962 г. группой ученых-правоведов и был принят в качестве типовой модели уголовного закона штатов.

В разделе 18 Примерного уголовного Кодекса США, в отличие от УК РФ, дифференциация уголовной ответственности за совершение убийства проводится сугубо по формам виновности, без учета обстоятельств, повышающих общественную опасность содеянного (квалифицирующих признаков).

Итак, в ч. 1 ст. 210.1 Примерного уголовного кодекса США, приведено общее определение убийства, согласно которому лицо виновно в совершении преступного причинения смерти, если оно с целью, заведомо, по опрометчивости или небрежности

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] *См. Козочкин И.Д.* Уголовное право США: учебник для вузов / И. Д. Козочкин. — Москва: Юрайт, 2025. - 218 с. - Текст: непосредственный.

причиняет смерть другому человеческому существу. В соответствии с ч. 2 ст. 210.1 этого Кодекса, убийство может быть тяжким, простым или убийством по небрежности[1].

Однако вышеописанный подход к классификации убийств является не единственным на территории США. Второй подход, который также значительно распространен в этой стране – это деление убийств на степени. К слову сказать, именно такой вариант классификации убийств характерен для федерального законодательства, где основным источником уголовного права является Раздел 18 Свода законов США.

Так, выделяют тяжкое убийство (murder) и простое (непредумышленное) убийство (manslaughter).

В свою очередь простым (непредумышленным) убийством, согласно ст. 1112 раздела 18 Кодекса США, признается незаконное умерщвление человека без злого умысла, которое может быть произвольным (при внезапной ссоре или в состоянии аффекта) или вынужденным (к примеру, в силу отсутствия должной осторожности и осмотрительности виновного в ходе правомерного поведения, повлекшего смерть).

Такое расширенное понимание убийства имеет исторические корни в английском общем праве, где традиционно все случаи противоправного лишения жизни квалифицировались как убийство, с последующим подразделением на более конкретные виды.

Интересно, что в американском праве существует также концепция «felony murder» (убийство при совершении тяжкого преступления), когда смерть, наступившая в результате совершения определенных тяжких преступлений (например, ограбления), автоматически квалифицируется как убийство, даже если виновный не имел умысла на причинение смерти[2].

Подводя итог, можно сказать, что расширенное понимание убийства в американском праве отражает особый подход к охране человеческой жизни, при котором значение придается не только субъективному отношению виновного, но и степени общественной опасности самого деяния. Российская же система делает больший акцент на точном соответствии между формой вины и квалификацией преступления.

Неосторожное причинение смерти во Франции представляет собой причинение смерти другому человеку в результате оплошности, неосторожности, невнимания, небрежности или неисполнения обязанности по безопасности, или предосторожности, возложенной законом или регламентами, смерти другого лица представляет собой «непредумышленное убийство» (абз. 1 ст. 221-6) [3].

Таким образом, как отмечают исследователи, французский законодатель ввел в уголовное право косвенный умысел (эвентуальный). Для данного случая эту форму вины французские юристы определяют следующим образом: лицо, осознавая риск причинения смерти другому человеку, сознательно игнорирует этот риск, умышленно нарушая при этом какую-либо обязанность по безопасности или предосторожности.

Интересно то, что уголовная ответственность за «непредумышленное» убийство и другие преступления против жизни, в отличие от отечественного уголовного права, распространяется и на юридические лица.

В Уголовном кодексе Японии вопросы ответственности за неосторожное причинение вреда здоровью и смерти систематизированы в главе 28, которая

---

[1] *См. И.С. Власов*. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: общ. часть уголов. права / И.С. Власов, Н.Ф. Кузнецова, Н.А. Голованова и др. – Москва: Юрид. лит., 1991. – 287 с. – ISBN 5-7260-0520-1. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Третьяков К.В*. Сравнительный анализ квалификации убийств по уголовному праву РФ и США / К.В. Третьяков // Вестник КГУ. - 2015. - № 3. - С. 195 - 198. – Текст: непосредственный.

[3] *См. Крылова Н.Е.* Уголовное право Франции: учебник для вузов / Н.Е. Крылова. - Москва: Юрайт, 2025. - 159 с. - (Высшее образование). - URL: https://urait.ru/bcode/561353 (дата обращения: 06.10.2025). – Режим доступа: для зарегистр. пользователей. — Текст: электронный.

регламентирует составы преступлений, связанных с причинением телесных повреждений или смерти по неосторожности[1].

В статье 211 УК Японии выделяется – обычная неосторожность, грубая неосторожность и неосторожность при осуществлении профессиональной деятельности.

Последняя имеет место, когда невнимание допускается специальным субъектом, на котором лежит обязанность уделять повышенное внимание, например, в случаях причинения телесных повреждений или смерти в результате ДТП, вызванного неосторожностью водителя.

Институт ответственности за причинение смерти по неосторожности также занимает важное место в уголовных кодексах стран СНГ.

Международной основой для криминализации неосторожного причинения смерти служит Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ, принятый 17 февраля 1996 года. Статья 116 данного документа содержит базовые положения: часть 1 определяет простое причинение смерти по неосторожности как преступление средней тяжести, часть 2 аналогичным образом квалифицирует причинение смерти по неосторожности двум или более лицам[2]. Примечательно, что в отличие от Модельного кодекса, статья 109 УК РФ дополнительно выделяет специальный квалифицирующий признак – причинение смерти вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, что отражает более детализированный подход российского законодателя к дифференциации ответственности.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (ст. 144) практически полностью воспроизводит положения Модельного кодекса, однако устанавливает более низкий возраст уголовной ответственности - с 14 лет вместо общепринятых в большинстве стран СНГ 16 лет[3].

Особый интерес представляют нормы УК Таджикистана (ст. 108) и Кыргызстана (ст. 101), которые демонстрируют своеобразный подход к структурированию составов. Эти кодексы объединяют в одной части (части 2) два различных по степени общественной опасности состава: причинение смерти по неосторожности двум и более лицам и причинение смерти вследствие ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей, устанавливая для них одинаковые санкции (до 5 лет лишения свободы)[4]. Такой законодательный подход представляется дискуссионным, поскольку не учитывает существенную разницу в степени общественной опасности между гибелью одного человека (даже вследствие профессиональной небрежности) и смертью нескольких лиц, что противоречит принципу справедливости уголовной ответственности.

Таким образом, институт ответственности за причинение смерти по неосторожности в российском уголовном праве прошел сложный путь исторического развития, отражая постепенную гуманизацию и дифференциацию уголовной ответственности.

Начиная с древних правовых памятников, где отсутствовало четкое разграничение между умышленным и неосторожным причинением смерти, законодательство последовательно формировало более совершенные подходы к квалификации данного деяния.

---

[1] *Крылова Н.Е*. Уголовное право зарубежных стран: в 3 томах. Том 2. Общая часть. Франция. Германия. Италия. Япония: учебник для вузов / Н.Е. Крылова, В.Н. Еремин, М.А. Игнатова, А.В. Серебренникова; под редакцией Н.Е. Крыловой. - 5-е изд., перераб. и доп. - Москва: Юрайт, 2023. - 263 с. - (Высшее образование). - ISBN 978-5-534-02093-9. - Текст: непосредственный.

[2] *Волосова Н.Ю*. Уголовное право стран СНГ: учебное пособие / Н. Ю. Волосова. - Оренбург: ОГУ, 2019. - 122 с. - Текст: непосредственный.

[3] *См. Бабий Н.А*. Уголовное право Республики Беларусь: общая часть: учебное пособие / Н. А. Бабий. - 2-е изд., перераб. и доп. - Минск: ГИУСТ БГУ, 2013. - 686 с. - Текст: непосредственный.

[4] *Ханахок С.М.* Особенности законодательного описания состава причинения смерти по неосторожности в УК отдельных стран СНГ и Балтии / С.М. Ханахок // Общество и право. - 2010. - № 4. - С. 196. – Текст: непосредственный.

Важными вехами этого процесса стали выделение случаев ненаказуемого причинения смерти в Соборном уложении 1649 года, детализация составов в законодательстве XIX века и окончательное оформление современной конструкции в УК РФ 1996 года, где подчеркивается принципиальное отличие неосторожного причинения смерти от умышленного убийства.

Сравнительный анализ показывает, что, несмотря на различия в подходах различных правовых систем (например, включение неосторожных форм в понятие убийства в англосаксонском праве или акцент на нарушении правил безопасности в континентальном), общемировой тенденцией является стремление к балансу между защитой жизни человека и принципами субъективного вменения. В странах СНГ, сохраняющих общие правовые традиции, также наблюдаются как схожие черты, так и дискуссионные различия в регулировании данного института. Дальнейшее развитие норм о причинении смерти по неосторожности должно учитывать необходимость соблюдения принципа справедливости при одновременном обеспечении эффективной защиты одного из важнейших прав человека – права на жизнь.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

Шабловский Сергей Васильевич,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Лютынский Антон Мечеславович,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Актуальность исследования проблем правоприменительной практики, связанной с квалификацией преступных действий по ст.163 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), определяется, прежде всего распространенностью данных преступлений. Так согласно данным официальной статистики в 2024г. по ст. 163 УК РФ было осуждено 1929 человек, тогда как в 2023г. к уголовной ответственности по данной статье было привлечено 1531 виновное лицо[1]. Кроме того, увеличилось число жертв вымогательств по всей стране. В 2024г. было зафиксировано 5300 жертв программ-вымогателей, которые блокируют доступ к компьютеру, а за его восстановление требуют денежных средств.

Необходимо отметить, что в 2023г. потерпевших от действия программ-вымогателей было меньше на 26 % в сравнении с аналогичным показателем 2023г. Более того, появляются новые формы вымогательств. Например, вымогательство, связанное с использованием социальных сетей. Как правило, действия преступника связаны с угрозами распространения сведений в социальной сети. Жертве вместе с угрозами направляются интимные фото или видеоматериалы, которые хранятся у нее на странице. В случае невыполнения жертвой требований преступников данные интимные сведения получают общественную огласку в сети.

Программы-вымогатели используются не только отечественными преступными группами, но и международными преступными организациями. Среди преступных групп, использующих программы-вымогатели, лидирующую позицию занимает «LockBit». Объектами его преступных действий выступают промышленные и технологические компании. Другая преступная группа «RansomHub» использовала программы-вымогатели против 500 коммерческих организаций. Применяемые против данных программ меры не дали достаточной результативности, что обусловлено высокой адаптивностью данной программы.

Преступная группа «Play» осуществляет атаки, направленные против организаций, реализующих деятельность в сфере производства, недвижимости и технологий.

Общее число преступных групп, осуществляющих вымогательства в сети «Интернет» за прошедший год выросло на 33 %. Так, в 2023г. таких группировок было выявлено 67, в 2024г. – 89.

Наиболее часто жертвами программ-вымогателей становились промышленные предприятия, а также предприятия технологической сферы. Подобный избирательный выбор объектов для вымогательств обусловлен их потребностью в обеспечении непрерывного процесса функционирования.

По объему причиненного ущерба лидирует компания «VolkswagenGroup». В 2024г. объем ущерба, который ей нанесли программы-вымогатели составил 356 млрд. долл. США. В число лидеров по ущербу можно отнести нефтяную компанию OmanOil.

[1] Уголовное судопроизводство // Судебная статистика. – URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Программы-вымогатели получили от данной компании в 2024г. свыше 40 млрд. долларов США.

Объектом преступных посягательств программ-вымогателей могут быть также государственные структуры. Например, в 2024г. такой атаке подверглась администрация округа Колумбия. Опасность получения доступа преступниками к данным системам опасна тем, что они могут получить возможность использовать критически важные данные, а также осуществлять управление общественными сервисами.

При этом наиболее часто в качестве объектов устремлений программ-вымогателей выступают компании США. Здесь в ушедшем году от вымогательств пострадало 1700 компаний. Указанный показатель превышает аналогичные данные для Канады и Великобритании в 10 раз[1].

В России в последнее время участились случаи совершения вымогательств под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевших. Речь в данном случае идет о вымогательствах под угрозой распространения интимных фотографий и видеоматериалов, хранящихся на страницах в социальных сетях пользователей. Действия таких злоумышленников на начальном этапе взаимодействия с жертвой направлены на получение незначительной суммы денег. Однако, сразу после удовлетворения начальных требований, преступник направляет жертве повторные, в которых представлена более высокая сумма. В представленных случаях действия преступника носят комплексный характер и квалифицируются по совокупности совершенных преступлений. Например, шантаж в социальных сетях, связанные с рассылкой компрометирующей информации, предусматривает наступление уголовной ответственности не только по ст. 163 УК РФ, но и по ст. 137 УК РФ. Последняя предусматривает наступление ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни. То есть преступник своими действиями нарушает конституционные права жертвы, закрепленные в ст.23 Конституции РФ[2].

Совокупность сведений, угроза распространения которых попадает по ст.137 УК РФ, раскрыта в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)». В рамках данного Постановления Верховный Суд указывает, что под сведениями, позорящими потерпевшего или его близких лиц, понимаются информация, содержание которой может испортить репутацию или опорочить честь и достоинство жертвы[3].

Как отмечается в исследовании А.Д. Чурсиной в качестве способа вымогательства в сети «Интернет» может выступать угроза распространения сведений следующего характера:

раскрывающих аморальный поступок потерпевшего;

предающая огласке тайну усыновления;

раскрывающая определенные данные о семье[4].

С.А. Стяжкина отмечает, что в качестве информации, угроза распространения которой выступает в качестве способа совершения вымогательства в социальных сетях, могут выступать следующие сведения: фото; интимные переписки. Кроме того,

---

[1] LockBit слабеет, RansomHub наступает: кто возглавит вымогательский бизнес в 2025 // SecurityLab.ru. – URL: https://www.securitylab.ru/news/555974.php (дата обращения 30.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2016.

[4] *Чурсина А.Д.* Кибервымогательство и угрозы в социальных сетях / А.Д. Чурсина //Вестник Московского Университета МВД России – 2022. – № 5. – С. 295. – Текст: непосредственный.

преступники могут заблокировать доступ пользователя е его аккаунту в социальных сетях и требовать денежных средств за восстановление доступа к нему. Подобный вид вымогательств реализуется в отношении блогеров, для которых социальная сеть – место заработка[1].

Действия злоумышленников по взлому переписки в социальной сети квалифицируется отдельно. Ответственность за них предусмотрена в статье 138 УК РФ и карается штрафом до 80 тысяч рублей или общественными работами.

Потребность в анализе проблем, связанных с квалификацией данной группы преступлений, связана с опасностью преступления, что подчеркивается и законодателем, который определяет его как тяжкое преступление, направленное против имущества. Последствия реализации данного преступления имеют значение ка для жертвы, так и для общества в целом.

Наибольшую опасность представляют собой виды вымогательства, раскрытые законодателем в рамках ч.3 ст. 163 УК РФ:

совершение преступления организованной группой;

совершение преступных действий в целях получения имущества в особо крупном объеме;

вымогательство, связанное с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшему[2].

Во всех указанных случаях следователи сталкиваются с потребностью отграничения данных преступных действий от смежных составов. Например, в случае, если вымогательство было сопряжено с угрозой применения населения, а в последствии его применения было совершено убийство, то такие действия квалифицируются по совокупности ч.3 ст.163 УК РФ и п. «з» ч.2 ст. 105 УК РФ. Кроме того, по совокупности преступных действий квалифицируются действия вымогателей, связанные с реализацией угрозы причинения тяжкого вреда здоровью жертвы.

Наиболее сложным, с точки зрения правоприменительной практики, является разграничение вымогательства от грабежа и разбоя, а также хищения человека и захвата заложника. Разграничить вымогательство с грабежом и разбоем представляется возможным на основании временного признака. В случаи реализации преступником грабежа иди разбоя, требует немедленно передать имущества, угроза применения насилия также может быть реализована сразу после ее предъявления жертве. В то время, как в случаях вымогательства угроза направлена на будущее, требования также выставляются преступником относительно будущего времени. Соответственно у жертвы вымогательства имеется возможность принять какие-либо меры охраны, а также обратиться в правоохранительные органы.

В случае необходимости отграничить вымогательство от похищения человека или захвата заложника следователям также необходимо обратить внимание на временной критерий. Так, при вымогательстве угроза сопровождается требованиями получить имущество за похищенного или захваченного человека. Как правило, в качестве такового выступают дети. В случае похищения или захвата заложника, преступник сначала реализует преступное действие, связанное с захватом и перемещением человека и только после этого предъявляет материальные требования[3].

Особую сложность составляют случаи, когда вымогатели при отсутствии со стороны жертвы действий по предоставлению требуемого материального блага или

---

[1] *См. Стяжкина С.А*. Вопросы квалификации кибервымогательства / С.А. Стяжкина //Вестник Московского Университета МВД России – 2022. – № 7. – С.295 – 300. – Текст: непосредственный.

[2] *Бородин С.В.* Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации /С.В. Бородин // М.: Спарк, 2018. – С. 190. – Текст: непосредственный.

[3] *Зеленский В.Д*. Криминалистическая методика расследования отдельных видов и групп преступлений: учеб. пособие / В.Д. Зеленский // Краснодар: КубГАУ, 2013. – С. 90. – Текст: непосредственный.

денежных средств, осуществляют похищение человека. В данном случае, преступление квалифицируется по совокупности ст. 163 и ст. 126 УК РФ[1].

Также существует потребность в отграничении вымогательства от самоуправства с применением насилия. В случае самоуправства виновный пытается завладеть не чужим имуществом, своим, то есть тем имуществом, на которое он, по его мнению, имеет права. При вымогательстве преступник пытается завладеть чужим имуществом[2].

В качестве примера судебной практики проанализируем апелляционное определение от 12 марта 2020 г., данное Верховным Судом РФ. Указанное определение вынесено по делу о преступлении, совершенном 19 января 2018г. группой лиц по предварительному сговору. Указанные лица совершили похищение несовершеннолетнего ребенка, которому на момент похищения было 6 лет, с целью в последующем вымогать у его родителей денежные средства на общую сумму 2 млн. руб.

Защитник и один из соучастников преступления считают, что судом вынесено слишком суровым наказание и требуют переквалифицировать преступные действия с п. «а» ч.3 ст. 126 УК РФ на п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ, поскольку он намеревался получить деньги, а не похищать ребёнка.

При рассмотрении материалов данного уголовного дела Верховным Судом учтено, что вымогательство считается оконченным с момента доведения требования до потерпевшего, а похищение человека – с момента его захвата и начала перемещения. То есть судом первой инстанции сформулирован обоснованный вывод о том, что указанные преступники совершили несколько преступных деяний, по каждому из которых они должны быть привлечены к уголовной ответственности[3].

Таким образом, объективные признаки вымогательство характеризуются схожестью с такими преступлениями, как разбой, грабеж, хищение человека и захват заложника. Однако, накопленный опыт правоприменительной практики позволяет следователям и суду однозначно разграничивать данные преступления на основании временных признаков. Развитие института вымогательства на данном этапом связано с проблемой киберпреступности, что требует совершенствования института противодействия данной группе преступлений.

---

[1] *Капустин С.П.* Проблемы и особенности квалификации вымогательства / С.П. Капустин // Молодой ученый. - 2019. - № 25 (263). - С. 297-299. – URL: https://moluch.ru/archive/263/60883 (дата обращения: 14.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Крюков В.В.* Цели уголовного наказания: понятие, виды, механизмы достижения: автореф. дис. …канд. юр. наук: 12.00.08 – Саратов, 2017. – С. 8. – Текст: непосредственный.

[3]Апелляционное определение от 9 июля 2020 г. Верховный Суд РФ [Электронный ресурс]//Судебные и нормативные акты. – URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/c1awsN3pElVC/?vsrf-txt=вымогательство+в+сети&vsrf-case_doc=&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&snippet_pos=5912#snippet (дата обращения: 15.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНСТИТУТЕ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ И ПРАКТИКА ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Шарова Екатерина Евгеньевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Санташов Андрей Леонидович,
профессор кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент

Проблема превышения должностных полномочий на протяжении десятилетий остается одной из самых острых в уголовном праве, поскольку затрагивает интересы государства, общества и граждан. Этот институт служит правовой гарантией от злоупотреблений со стороны должностных лиц, обладающих властью и возможностями влиять на судьбы людей и общественные процессы[1]. В условиях стремительно меняющихся политических и социально-экономических реалий вопрос о границах допустимого поведения должностных лиц становится особенно актуальным. Уголовное законодательство должно четко очерчивать рамки полномочий, а также устанавливать ответственность за их превышение, что требует не только исторического анализа развития соответствующих норм, но и сравнительного изучения зарубежной практики.

Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий берет свое начало в судебниках 1497 и 1550 гг. В Судебнике 1550 г. содержались положения о неосторожном вынесении неправосудного решения и об умышленном неправосудии, связанном с взятием посула. Субъектами были «государевы служилые люди».

Первые нормы, непосредственно устанавливающие запрет на превышение должностных полномочий, были закреплены только в Соборном уложении 1649 г., которое предусматривало общий состав должностного преступления. По конструкции состав материальный, что вытекает из положения об убытках и продажах, возникших у челобитчиков. Последствия конкретизированы с учетом требований времени и законодательной техники.

Соборное Уложение 1649 года — один из первых систематизированных источников права в истории России, сыгравший важную роль в формировании правовых основ борьбы с должностными злоупотреблениями. Хотя в нем ещё не существовало чётко оформленного института «превышения должностных полномочий» в современном понимании, отдельные статьи Уложения предусматривали наказания за злоупотребление властью, взяточничество, недобросовестное исполнение обязанностей и самоуправство. Например, чиновники, превышающие полномочия, могли быть подвергнуты телесным наказаниям или штрафам, а в случае причинения вреда — нести более суровую ответственность[2]. Эти нормы свидетельствуют о том, что уже в XVII веке государство

[1] *Воронина С.С.* Превышение должностных полномочий: уголовно-правовой аспект / С.С. Воронина // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 43. – С. 122 – 129. – Текст: непосредственный.

[2] Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1985.

осознавало необходимость контроля над деятельностью служилых людей и стремилось к определенному правовому порядку[1].

Генеральный регламент коллегий, изданный Петром I в 1720 году, стал важнейшим административно-правовым актом, в котором впервые системно закреплялись правила функционирования государственных учреждений и поведение чиновников. Регламент вводил жесткую вертикаль подчинения, обязанность вести делопроизводство и строго придерживаться инструкций. Особое внимание уделялось предупреждению превышения полномочий и борьбе со злоупотреблениями.

В документе прямо указывалось, что чиновник, действующий вне рамок своих обязанностей или использующий должность в личных целях, подлежит наказанию вплоть до увольнения, ссылки или уголовной ответственности[2]. Впервые вводился принцип коллегиальности решений, что должно было служить сдерживающим фактором от произвола отдельных лиц[3]. Таким образом, Генеральный регламент сыграл важную роль в институционализации должностной ответственности и приближении к современным представлениям о пределах властных полномочий.

Общее учреждение министерств, утверждённое Александром I в 1811 году, стало ключевым шагом в административной реформе Российской империи, направленной на централизацию управления и упорядочение деятельности исполнительной власти. Впервые термин «превышение власти» был применен к деяниям министров в Общем учреждении министерств 1811 г. Превышением власти назывались случаи, «когда министр, превысив пределы своей власти, постановит что-либо в отмену существующих законов, уставов или учреждений или же собственным своим действием и миновав порядок, для сего установленный, предпишет к исполнению такую меру, которая требует нового закона или постановления»[4].

Документ содержал положения, определяющие структуру министерств, порядок принятия решений, а также обязанности и ответственность должностных лиц. В нём подчёркивалась необходимость чёткого разграничения компетенций, а также личной ответственности чиновников за превышение своих полномочий или неисполнение служебных обязанностей.

Таким образом, Общее учреждение министерств закладывало правовую основу для института дисциплинарной и уголовной ответственности государственных служащих, включая случаи произвольных или вредоносных действий, выходящих за рамки их компетенции. Это был важный этап в развитии идеи законности и подотчётности власти в дореволюционной России.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года стал первым кодифицированным уголовным актом советского государства и отражал идеологические установки нового режима, включая жесткий контроль за поведением должностных лиц. Превышение власти или служебных полномочий квалифицировалось как одно из опаснейших преступлений против государственного порядка. Статья 105 предусматривала наказание за действия должностного лица, выходящие за пределы предоставленных ему полномочий, если такие

[1] *Иванов А.А.* Соборное Уложение 1649 года как источник уголовного права России // История государства и права. – 2020. – № 17. – С. 34 – 38. – Текст: непосредственный.

[2] Генеральный регламент коллегий 1720 года. // Полн. собр. законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. VI. – URL: https://compass.historyrussia.org/doc/5599 (дата обращения: 17.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] *Алексеев А.И.* История отечественного права / А.И. Алексеев - М.: Юрайт, 2021. – Текст: непосредственный.

[4] Общее учреждение министерств 1811 года // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. XXIX. - https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2675307 (дата обращения: 17.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

действия причиняли вред государственным интересам или гражданам[1]. При этом правовая оценка превышения полномочий зависела от социально-политического контекста: строго наказывались любые формы «революционной самодеятельности», не санкционированные партией или органами власти[2].

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года стал более детализированным и системным по сравнению с предыдущим. Он выделил должностные преступления в отдельную главу, закрепив ответственность за превышение власти или служебных полномочий в статье 109. Согласно этой норме, превышением считались действия должностного лица, явно выходящие за пределы его компетенции и повлекшие существенный вред государственным или общественным интересам[3]. Кодекс 1926 года упрочил репрессивную направленность советского уголовного права, рассматривая должностные преступления не только как нарушение служебной дисциплины, но и как потенциальную угрозу политической стабильности. Наказание за такие деяния включало исправительно-трудовые работы, ссылку или лишение свободы. Особенностью подхода стало широкое и подчас произвольное толкование состава преступления, что позволяло использовать статью 109 как средство политических репрессий и борьбы с инакомыслием внутри государственного аппарата[4].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года ознаменовал собой переход к более стабильной и формализованной правовой системе, в том числе в отношении регулирования должностных преступлений. Превышение власти или служебных полномочий получило закрепление в статье 171, которая предусматривала ответственность за действия должностного лица, явно выходящие за пределы его полномочий и причиняющие существенный вред государственным или общественным интересам[5]. Диспозиция ч. 1 ст. 171 УК 1960 г. «Превышение власти или служебных полномочий» излагалась в следующей редакции: «Превышение власти или служебных полномочий, то есть умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему законом, если оно причинило существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан».

Кодекс 1960 года включал более чёткие критерии, отличающие превышение полномочий от иных должностных правонарушений, таких как злоупотребление или халатность.

Сравнивая ст. 171 УК 1960 г. и ст. 109 УК 1926 г., нельзя не отметить большую четкость, юридическую точность и продуманность формулировок более нового закона. Законодатель стремился максимально конкретно описать деяние. Об этом свидетельствует и то, что в главных своих чертах основной состав и система квалифицирующих признаков перешли и в УК 1996 г.[6]

30 марта 1990 г. Пленум Верховного Суда СССР принял постановление «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» и

---

[1] Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР, 01.06.1922, № 80, ст.153.

[2] *Слуцкий М Л.* Уголовное право РСФСР: историко-правовой анализ / М.Л. Слуцкий // М.: Наука, 1982. - Текст: непосредственный.

[3] Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР, 06.12.1926, № 80, ст.600.

[4] *Кудрявцева Т.В.* Должностные преступления в российском уголовном праве: история и современность / Т.В. Кудрявцева // Уголовное право. – 2021. – № 6. – С. 15 – 21. – Текст: непосредственный.

[5] Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, № 40, ст.591.

[6] Слуцкий М Л. Уголовное право РСФСР: историко-правовой анализ / М.Л. Слуцкий // М.: Наука, 1982.

параллельно опубликовал обзор судебной практики по делам об этих преступлениях. Данное постановление действует до настоящего времени с учетом изменений, внесенных в него Пленумом Верховного Суда РФ в 2000 г. и признающих не действующими в России ряд пунктов, касающихся субъекта должностных преступлений.

Пленум Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 года сыграл значительную роль в разъяснении практики применения норм уголовного законодательства, регулирующих ответственность за превышение должностных полномочий. В своем постановлении Пленум подчеркнул необходимость строгого и дифференцированного подхода к квалификации данных преступлений, выделяя ключевые признаки состава и рекомендуя учитывать при вынесении приговора характер деяния, степень причиненного вреда и обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность[1]. Особое внимание уделялось правовой оценке действия должностных лиц, совершённых в условиях неоднозначности и сложной социальной обстановки конца советской эпохи. Эти разъяснения стали важным ориентиром для судов в переходный период, способствуя укреплению законности и повышению профессионализма судебной системы.

Уголовный кодекс РФ 1996 года стал основой современного уголовного законодательства, включая институт ответственности за превышение должностных полномочий. В УК РФ 1996 г. была включена глава 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». В статье 286 Кодекса четко сформулирован состав преступления, который включает действия должностного лица, явно выходящие за пределы полномочий, если это повлекло существенный вред правам и законным интересам граждан либо охраняемым законом интересам общества или государства.

Особенностью нового кодекса стало более детальное разграничение между превышением полномочий и иными должностными преступлениями, а также введение дифференцированных санкций, учитывающих степень общественной опасности деяния и его последствия[2]. При этом закон ориентируется на международные стандарты, стремясь обеспечить баланс между эффективностью борьбы с коррупцией и защитой прав должностных лиц. Практика применения статьи 286 отражает тенденцию к более профессиональному и взвешенному подходу в судебных процессах, несмотря на сохраняющиеся вызовы в борьбе с должностными злоупотреблениями[3].

В зарубежных странах институт превышения должностных полномочий, как правило, рассматривается в рамках более широкой категории должностных или коррупционных преступлений. Общей тенденцией является привязка ответственности к факту злоупотребления служебным положением, особенно если это повлекло ущемление прав граждан или нанесло ущерб государству. Во многих правовых системах действует принцип законности и пропорциональности наказания, что предполагает чёткое разграничение между дисциплинарным нарушением и уголовным преступлением. В отличие от отечественной практики, акцент делается не столько на формальное превышение полномочий, сколько на наличие корыстного умысла, нанесённого вреда или подрыва общественного доверия к институтам власти. Кроме того, во многих странах существует развитый механизм служебного контроля и антикоррупционного аудита, что снижает потребность в широком применении уголовного преследования.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 № 4 (ред. от 10.02.2000) «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 16.10.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *Горячева И.Н.* Уголовное право России: институциональные изменения / И.Н. Горячева // М.: Статут, 2019. – Текст: непосредственный.

[3] *Жалинский А.Э.* Советское уголовное право: теория и практика / А.Э. Жалинский. – М.: Юридическая литература, 1988. – Текст: непосредственный.

В Китае превышение должностных полномочий рассматривается как одно из проявлений злоупотребления властью и регулируется Уголовным кодексом КНР, особенно статьями 382–385, касающимися коррупции, взяточничества и служебных преступлений. Китайское законодательство не всегда чётко отделяет превышение полномочий от иных должностных нарушений — основной акцент делается на ущербе государственным интересам, дисциплине и политической лояльности. Особенностью китайской модели является тесная связь уголовного преследования с дисциплинарной системой Коммунистической партии: Комиссия по проверке дисциплины партии играет ведущую роль в выявлении и предварительном расследовании подобных дел. В случае подтверждения нарушений дело может быть передано в суд, где чиновники несут серьёзную ответственность вплоть до пожизненного заключения. Такая система позволяет эффективно бороться с должностными злоупотреблениями, но вызывает критику за закрытость процедур и политизированность.

Во Франции превышение должностных полномочий регулируется в рамках норм Уголовного кодекса, главным образом разделами о преступлениях должностных лиц. Ключевые статьи — 432-1 и последующие — устанавливают ответственность за злоупотребление служебным положением, незаконное вмешательство в дела, превышение полномочий, а также получение незаконных выгод. Французская система уделяет особое внимание защите прав и свобод граждан от произвольных действий со стороны представителей власти. Отличительной чертой является активная роль судов и прокуратуры, а также наличие специализированных органов, таких как Высший орган по борьбе с коррупцией. Дела о превышении полномочий, особенно если они связаны с корыстью или ущемлением прав граждан, рассматриваются строго и с учётом стандартов Европейского суда по правам человека.

Подводя итог, можно констатировать, что развитие законодательства об ответственности за превышение должностных полномочий в России прошло путь от общего и идеологически окрашенного регулирования к более чётким и правовым формулировкам.

Зарубежный опыт — Франции и Китая — показывает разнообразие подходов, но объединяет общий акцент на подотчётность власти и предотвращение злоупотреблений. Для России важным остаётся дальнейшее уточнение норм, развитие судебной практики и усиление механизмов контроля.

ИНСТИТУТ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Шевцова Екатерина Александровна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Колпакова Людмила Алексеевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Изучение и исследование принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних всегда привлекало пристальное внимание ученых, законодатели и практических работников. В настоящее время исследуемый институт регламентирован нормами главы 14 Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (далее – УК РФ). Вместе с тем, данный институт в отечественном уголовном праве прошел длительный исторический путь формирования, становления и развития.

Изменение форм, способов и подходов законодателя к вопросу о преступности несовершеннолетних было связано с политической ситуацией в российском государстве и сменой общественно-экономических формаций.

Первые упоминания о специальных мерах уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних находят свое отражение в Соборном Уложении 1649 г., согласно которому дети в полном объеме находились во власти родителей, при этом отец и мать могли за совершенный проступок «бити кнутом». Согласно Воинскому Артикулу Петра I от 25.01.1715 г. несовершеннолетние до 10 лет не подлежали уголовной ответственности, а, следовательно, к ним не применялись иные меры уголовно-правового характера[2].

В Своде законов Российской империи 1832 г. получил свое закрепление дифференцированный подход назначения наказания для несовершеннолетних, разработанный еще во времена правления Елизаветы Петровны и Екатерины II. В частности, старшие отроки 15-17 лет подвергались наказанию в виде битья плетьми, дети от 10 до 15 лет – розгами, малолетние до 10 лет – отдавались под надзор родителей, дети крепостных – под надзор помещику[3]. Как представляется данная мера частично напоминает существующую норму п. «б» ч.2 ст. 90 УК РФ, то есть передачу несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц их заменяющих.

Значимость Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. заключается в том, что оно вводит понятие «разумения». В частности, уголовная ответственность по общему правилу наступала с 10 лет. До достижения данного возраста дети не могли понимать суть совершенных ими действий (не обладали «разумением»), поэтому за совершение преступления они отдавались под присмотр родителей, священнослужителя. Меры домашнего исправления также применялись к детям в возрасте 10-14 лет, если они действовали без разумения (неосознанно). Более строгие наказания применялись к несовершеннолетним в возрасте от 14 до 21 года. После

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 295.

[2] *Лысенко В.С.* Иные меры уголовно-правового характера: от древнерусского права до советского законодательства / В.С. Лысенко // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2024. – № 2. – С. 50. – Текст: непосредственный.

[3] *Лысенко В.С.* Иные меры уголовно-правового характера: от древнерусского права до советского законодательства / В.С. Лысенко // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2024. – № 2. – С. 49. – Текст: непосредственный.

наступления совершеннолетия (21 год) правонарушитель нес наказание по всей строгости. Таким образом, до 21 года к несовершеннолетним применялись меры принудительно-воспитательного характера[1].

На наш взгляд, наиболее важной вехой в развитии исследуемого института явилось принятие в 1866 г. Закона «Об исправительных приютах», согласно которому частные лица и общественные учреждения получили право создавать в стране приюты с целью нравственного исправления несовершеннолетних, которым был вынесен приговор суда. Кроме того, данный нормативный акт впервые послужил основой для раздельного содержания взрослых и несовершеннолетних преступников. Так, например, в Вологодской губернии исправительный ремесленный приют, находившийся в введении «Вологодского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов», был открыт в 1886 г. Право судебных органов на помещение несовершеннолетнего преступника в приют взамен тюремного наказания было обусловлено целью гуманного нравственного воздействия на впечатлительную природу несовершеннолетнего путем приучения его к систематическому труду. Как представляется, данная мера схожа с существующими в настоящее время нормами уголовного права (ч.2 ст. 90, ст. 92 УК РФ).

Как отмечает Е.А. Мухтарова, в приют поступали не только несовершеннолетние преступники, но и нищие и бродяги испорченной нравственности. Все несовершеннолетние являлись лицами мужского пола от 10 до 16 лет. По общему правилу, мальчики содержались в приюте до наступления совершеннолетия (18 лет). Вместе с тем, возраст пребывания в приюте мог быть сокращен по соответствующему ходатайству общества в случае успешного освоения подопечными программы обучения и отличного поведения. Надзор за несовершеннолетними осуществляли смотритель приюта и соответствующие служащие. В качестве важнейшего средства исправления подростков использовалось профессиональное обучение ремеслу с целью возможности для последующего обеспечения средств к существованию. Мерами поощрения являлись объявления благодарности, освобождение от неквалифицированных грязных работ и пр. При этом основными нарушениями являлись рукоприкладство (драка), курение, отказ от работы[2].

Еще одной новеллой Уложения 1845 г. (в ред. 1895 г.) явилось исправление девочек-подростков, совершивших различного рода правонарушения в возрасте 7-17 лет, путем их отправления в монастырь[3].

В уголовном Уложении 1903 г. было предусмотрено внушение от суда для несовершеннолетних в возрасте 10-17 лет как новая мера взыскания. Она предусматривала выговор (осуждение поступка), замечание (поставление на вид) и собственно внушение (разъяснение противозаконности)[4].

В конце XIX – начале XX века общий тренд на совершение преступлений несовершеннолетними кардинально изменился. В частности, совершение общественно опасного деяния несовершеннолетним перестало восприниматься как преступление, а, напротив, стало рассматриваться в качестве «отклонения» в поведении, за которое не требуется наказывать, а к «правонарушителю» в качестве гуманной меры необходимо применять реабилитационное реагирование. В этот период в США (1899 г.), Канаде (1908 г.), а также в некоторых странах Западной Европы (Бельгия – 1912 г., Франция – 1914 г.,

---

[1] *Грошева Н.Н.* Принудительные меры воспитательного воздействия: исторический аспект / Н.Н. Грошева // Молодой ученый. – 2016. – № 9(113). – С. 819 - 823. – URL: https://www.moluch.ru/archive/113/28979 (дата обращения: 15.10.2025). – Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[2] *Мухтарова Е.А.* История становления института принудительных мер воспитательного воздействия в отечественном уголовном праве / Е.А. Мухтарова // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 2. – С. 83. – Текст: непосредственный.

[3] *См. Бурлака С.А.* Понятие и юридическая природа принудительных мер воспитательного воздействия / С.А. Бурлака // Научный портал МВД России. – 2010. – № 4 (12). – С. 39 - 45. – Текст: непосредственный.

[4] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 томах. Т.2. – М., 1994. – С. 180. – Текст: непосредственный.

Греция – 1924 г.) стали создаваться специальные детские (ювенальные) суды, которые занимались рассмотрением дел, которые не были связаны с совершением опасных преступлений[1]. Схожие суды также были созданы в Российской империи, а именно: в Санкт-Петербурге (1910 г), Москве, Харькове, Киеве, Одессе Риге, Томске, Саратове (1917 г.). В качестве специальных мер, применяемых к несовершеннолетним, не связанных с наказанием, важно отметить выговор; помещение подопечных в специальные дома (приюты) или под надзор воспитателей; изоляцию ребенка из дурной среды и его передачу на воспитание в другие семьи; возмещение ущерба из карманных денег для компенсации материального вреда; поучительная воспитательная мера, которая заключалась в переписке соответствующих книг, применяемая к младшим несовершеннолетним[2].

Таким образом, уже в дореволюционный период наметились определенные меры уголовно-правового реагирования, применяемые к несовершеннолетним, которые схожи с действующими методами воздействия.

Распад Российской империи, Февральская и Октябрьская революции, гражданская война послужили теми обстоятельствами, которые разрушили мирный уклад жизни во всех сферах жизни общества, обусловили голод, разруху и всплеск преступности, в т.ч. среди несовершеннолетних. В связи с этим 14.01.1918 г. был принят Декрет «О комиссиях для несовершеннолетних»[3]. В соответствии с данным декретом, суды и тюремное заключение в отношении несовершеннолетних (до 17 лет) были упразднены, а уголовные дела соответствующей категории лиц рассматривали комиссии для несовершеннолетних. При этом комиссия могла либо освободить несовершеннолетнего от уголовной ответственности, либо направить его в детский дом, приемник, приют или коммуну. В силу нестабильности экономической ситуации данные учреждения функционировали достаточно короткий промежуток времени.

Снижение возраста уголовной ответственности до 16 лет произошло в связи с принятием УК РСФСР 1922 г[4]. По общему правилу, к несовершеннолетним «правонарушителям применялись меры воспитательного воздействия, однако если они не оказывали воздействия на лиц 14-16 лет, последних комиссия отдавала под суд.

В соответствии с УК РСФСР 1926 г[5]. к несовершеннолетним малолетнего возраста могли применяться меры медико-педагогического характера, а именно: передача несовершеннолетнего родителям либо помещение в специальное заведение.

Усиление роли государства во всех сферах общественной жизни, расцвет тоталитаризма и массовые репрессии в 1930-е гг. повлекли за собой ликвидацию комиссий по делам несовершеннолетних и отмену мер воспитательного воздействия, однако не смогли решить проблему роста подростковой преступности[6].

В годы Великой Отечественной войны государство стало проявлять особую заботу в отношении несовершеннолетних. В частности, в этом период появились специальные воспитательные учреждения закрытого типа для несовершеннолетних правонарушителей

---

[1] *Люблинский П.И.* Суды для несовершеннолетних в Америке как воспитательные и социальные центры / П.И. Люблинский. – Москва, 1911. – С. 156. – Текст: непосредственный.

[2] *См. Михайлова Т.Н.* Принцип особого положения несовершеннолетнего в рамках уголовного судопроизводства России / Т.Н. Михайлова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 2 (97). – С. 115 - 129. – Текст: непосредственный.

[3] Декрет СНК от 14.01.1918 «О комиссиях для несовершеннолетних» // СУ РСФСР. 1918. № 16. Ст. 227.

[4] Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР, 01.06.1922, № 80, ст.153.

[5] Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР, 06.12.1926, № 80, ст.600.

[6] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31.05.1935 «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» // СЗ СССР. 1935. № 32. Ст. 252.

в возрасте от 11 до 16 лет – детские трудовые воспитательные колонии, в которых исправление подростков происходило мерами воспитательного, а не уголовно-правового характера в зависимости от тяжести совершенного преступления[1].

Согласно УК РСФСР 1960 г.[2] по общему правилу субъектом преступления признавалось физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. При этом за совершение отдельных тяжких и особо тяжких преступлений уголовной ответственности также подлежали несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет. Вместе с тем, впервые в истории советского уголовного законодательства суд получил право в соответствии со ст. 63 УК РСФСР 1960 г. на применение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних за совершение преступлений, которые не представляли общественной опасности. К таким мерам законодатель относил выговор (строгий выговор); извинение в устной или публичной форме; предостережение; возмещение ущерба лицом, достигшим 15-летенго возраста в размере не более 50 руб.; передачу под строгий надзор родителям или лицам, их замещающим; передачу под надзор трудовому коллективу, общественной организации; помещение в специальное воспитательное учреждение учебного или лечебного типа. Как видим, нормы об отдельных принудительных мерах воспитательного воздействия сохранились и в действующем законодательстве (ч.2 ст. 90, 92 УК РФ), при этом их количество сократилось.

Институт принудительных мер воспитательного воздействия также распространен в законодательстве большинства зарубежных стран, при этом он может присутствовать в уголовном законодательстве, в специальных законах, а также в синтезированном виде.

Так, например, в странах англо-саксонской правовой семьи (США, Великобритания, Новая Зеландия) наиболее действенной мерой признается установление надзора за несовершеннолетними специализированным органом (специальной службой пробации)[3].

Помещение несовершеннолетнего в учебно-воспитательное учреждение характерно для уголовного законодательства стран СНГ, Германии, Испании, Франции и др.

Предупреждение или выговор как наиболее «легкая» мера воспитательного воздействия встречается в законах стран СНГ, бывших республик Югославии, Египта, стран Прибалтики.

В уголовном законодательстве отдельных стран (Белоруссия, Босния и Герцеговина, Мали) в качестве меры воздействия предусмотрено возложение обязанности личного или публичного извинения перед потерпевшим.

В качестве меры воспитательного воздействия в Испании, Нидерландах, а также в странах Прибалтики встречаются общественные работы, которые имеют формальные отличия от уголовных наказаний.

Такие принудительные меры воспитательного воздействия как передача под надзор родителей, возложение обязанности по заглаживанию причиненного вреда, ограничение досуга, то есть меры, предусмотренные пп. «б», «в» и «г» ч.2 ст. 90 УК РФ встречаются в уголовном законодательстве Великобритании, Германии, Франции, Монголии, Египта, Швейцарии и пр.

Таким образом, исторический опыт показывает, что в различные периоды отечественной истории происходила соответствующая дифференциация уголовного наказания и принудительных мер воспитательного воздействия в зависимости от

---

[1] Постановление СНК СССР от 15.06.1943 № 659 «Об усилении борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» // Постановления Совета Народных Комиссаров СССР за июнь 1943 г., 1943.

[2] Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, № 40, ст.591.

[3] *См. Перевалова Т.А.* Принудительные меры воспитательного воздействия: сравнительное исследование на примере европейских стран / Т.А. Перевалова // Вестник науки. – 2023. – № 6 (63). – С. 515 - 520. – Текст: непосредственный.

политической и социально-экономической ситуации: в отдельные периоды принудительные меры воспитательного воздействия имели приоритетное значение перед уголовным наказанием несовершеннолетних и наоборот. В настоящее время исследуемый институт в той или иной форме встречается в уголовном законодательстве либо в отдельных законах большинства стран мира.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Шемякина Алина Алексеевна,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попаденко Елена Викторовна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина(МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Обеспечение благоприятного и безопасного развития ребенка, защита его физического, психического и нравственного здоровья, включая половую неприкосновенность, признаны одной из важнейших задач государственной политики Российской Федерации. Согласно Стратегии национальной безопасности РФ, усиление роли государства как гаранта безопасности личности, в том числе детей и подростков, является приоритетным направлением обеспечения общественной безопасности на долгосрочную перспективу[1].

До XVIII–XIX веков вопросы сексуальной морали и преступлений против нравственности регулировались преимущественно церковью. Например, в Кормчей книге осуждались блуд, прелюбодеяние и растление девственниц. За такие деяния предусматривалось церковное покаяние, а в тяжких случаях — передача дела в светские органы власти.

Первым крупным светским актом стало Соборное уложение 1649 года, в котором содержались некоторые нормы, карающие за изнасилование, соблазнение и растление девиц. Однако защита носила патриархальный характер: акцент делался на чести семьи, а не на правах ребенка как личности.

В XVIII веке светская власть постепенно берет на себя регулирование преступлений на сексуальной почве. Например, при Екатерине II в «Наказе Комиссии 1767 года» впервые появляются идеи о защите неприкосновенности личности, в том числе половой, как о естественном праве.

Настоящим поворотным моментом стало принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и его последующих редакций (1857, 1866, 1885 гг.). Впервые половые преступления были выделены в отдельную главу как посягательства на общественную нравственность. Особое внимание уделялось защите несовершеннолетних, находящихся под опекой или в иной зависимости от виновного. Степень наказания зависела от возраста потерпевшего, обстоятельств преступления и тяжести причиненного вреда[2]. Ключевую роль в формировании осуждения сексуального насилия по-прежнему играла церковь.

После Октябрьской революции 1917 года юридическая мысль перешла в светское русло. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года впервые разделил насильственные и ненасильственные формы сексуальных посягательств. Под последними понимались половые сношения с несовершеннолетними, в том числе в «извращенной форме» или с

[1] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.

[2] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов. - URL: http://elib.shpl.ru/nodes/17827 (дата обращения: 20.09.2025). - Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

элементами растления. Также был выделен самостоятельный состав — развратные действия, ведущие к развращению несовершеннолетних[1].

В УК РСФСР 1960 года насильственные действия сексуального характера получили самостоятельное закрепление в ст. 117. К квалифицирующим признакам были отнесены угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а также совершение преступления рецидивистом. За изнасилование малолетних предусматривалась смертная казнь[2].

В 1990-е годы в условиях правовых реформ вновь обострился научный интерес к понятию «половые преступления» В научной литературе доминировал узкий подход, ограничивающий круг таких деяний статьями 117–121 УК РСФСР[3]. В то же время такие исследователи, как А.П. Дьяченко, предлагали более широкое понимание, включающее не только насилие, но и любые действия, нарушающие нормальное половое развитие несовершеннолетних[4].

В настоящее время глава 18 УК РФ включает пять составов преступлений, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних:

- изнасилование (ст. 131);
- насильственные действия сексуального характера (ст. 132);
- принуждение к действиям сексуального характера (ст. 133);
- половое сношение и иные действия с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 134);
- развратные действия (ст. 135).

В научной литературе отсутствует единое понимание «половой неприкосновенности». А.Н. Игнатов определяет половые преступления как общественно опасные действия, грубо нарушающие установленный в обществе порядок половых отношений и принципы половой нравственности[5]. А.В. Макаров подчеркивает, что несовершеннолетний не способен осознанно распоряжаться своей сексуальной свободой, поэтому любые сексуальные действия в отношении него должны считаться посягательством[6].

Современное состояние и развитие сексуальной преступности в Российской Федерации служит критерием оценки состояния общества и эффективности государственного управления в сфере борьбы с данными видами преступлений. Согласно официальной статистике, в 2021 году по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы в России потерпевшими признаны 6570 несовершеннолетних — это на 12 % больше, чем в 2020 году (5861 ребёнок)[7]. Почти половина таких преступлений (48,8 %) совершена в отношении детей младше 14 лет.

---

[1] Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР, 01.06.1922, № 80, ст.153.

[2] Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР, 06.12.1926, № 80, ст.600.

[3] *См. Дьяченко А.П.* Уголовно-правовая охрана граждан от преступлений в сфере сексуальных отношений: учеб. пособие / А. П. Дьяченко; Акад. МВД России. - Москва: Акад. МВД России, 1995. - 66 с. - Текст: непосредственный.

[4] Там же.

[5] *Власов А.Э.* Понятие и структура преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в современном российском законодательстве / А.Э. Власов // Концепт. - 2015. - 2015. - № 05 (май). - С. 117. - URL: http://e-koncept.ru/2015/15152.htm (дата обращения: 22.09.2025). - Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[6] *Макаров А.В.* Уголовная ответственность за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних в России и за рубежом / А.В. Макаров // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2019. - № 4. - С. 128. – Текст: непосредственный.

[7] Форма «1-П» (453)», книга 11 «Сводный отчет по России «сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие» 2019-2021». – Текст: непосредственный.

Наибольшее количество деяний приходится на составы, предусмотренные:

– ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера) — 4400 случаев (в 2020 г. — 2800);

– ст. 134 УК РФ (половое сношение и иные действия с лицом, не достигшим 16-летнего возраста) — 4084 преступления (в 2020 г. — 5100);

– ст. 135 УК РФ (развратные действия) — 1958 случаев (в 2020 г. — 1700)[1].

В докладе Уполномоченного по правам ребенка за 2019 год отмечался «шокирующий» рост числа преступлений на сексуальной почве: за два года (с 2017 по 2019) их количество выросло с 13 500 до 14 800[2].

Международные стандарты, закрепленные в Конвенции о правах ребёнка 1989 г., обязывают государства не только криминализировать традиционные формы сексуального насилия, но и предусматривать ответственность за новые, технологически обусловленные угрозы, такие как онлайн-груминг, распространение детской порнографии и сексуальные домогательства в цифровой среде.

Анализ законодательства ряда стран показывает, что эффективная защита несовершеннолетних строится на следующих принципах:

– расширение составов преступлений за счет включения нетрадиционных форм посягательств;

– усиление ответственности за использование уязвимого положения (зависимость, беспомощность, возраст).

Законодательство Мальты демонстрирует наиболее прогрессивный подход к защите несовершеннолетних в условиях цифровизации. Статья 204 Уголовного кодекса охватывает не только физическое насилие, но и принуждение к проституции, публичную демонстрацию половых органов, в том числе через интернет, груминг — целенаправленное установление контакта с несовершеннолетним с целью последующего сексуального контакта[3]. Особенно важно, что груминг криминализирован даже при отсутствии фактического сексуального акта. Это позволяет пресекать преступления на ранней стадии, до причинения физического или психологического вреда. Для России введение аналогичного состава позволило бы устранить правовой пробел, связанный с активным использованием мессенджеров и социальных сетей для вербовки жертв.

Немецкое уголовное право (раздел 13 Уголовного кодекса ФРГ) делает ставку на защиту уязвимых категорий, а не только на запрет конкретных действий. Статья 174 Уголовного кодекса ФРГ предусматривает ответственность за сексуальные действия с лицами, находящимися в состоянии зависимости — будь то несовершеннолетние, находящиеся под опекой, подчинённые, пациенты или лица, находящиеся в беспомощном состоянии (например, под воздействием алкоголя или лекарств). Кроме того, демонстрация порнографии детям и склонение к сексуальным действиям квалифицируются как самостоятельные преступления, даже если физического контакта не было[4]. Это отражает понимание того, что психологическое воздействие может быть столь же травмирующим, как и физическое насилие. Российское законодательство не содержит специальной нормы о сексуальных действиях с лицами, находящимися в зависимом положении. Введение такого квалифицирующего признака повысило бы эффективность квалификации преступлений, совершаемых педагогами, тренерами, родственниками.

---

[1] Там же.

[2] Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2019 год. - URL: https://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/May2020/5IYpevfVd8zvvDAvGE47.pdf (дата обращения: 17.09.2025). - Режим доступа: свободный. - Текст: электронный.

[3] *См. Маслак С.Н.* Уголовно-правовые меры противодействия изнасилованиям и насильственным действиям сексуального характера в международном уголовном праве и уголовных законах зарубежных стран / С.Н. Маслак // Общество и право. - 2010. - № 4 (31). - С. 177 - 180. - Текст: непосредственный.

[4] Там же.

Проведенный анализ показывает, что российское законодательство прошло значительный путь эволюции — от церковно-патриархального осуждения до светского уголовно-правового регулирования. Однако современное состояние выявляет пробелы: недостаточная защита от цифровых угроз (груминг), отсутствие квалифицирующего признака «в отношении двух и более несовершеннолетних». Зарубежный опыт предлагает эффективные решения: криминализация груминга (Мальта); усиление ответственности за использование зависимого положения (ФРГ). Полагаем, присутствие подобных мер позволило бы не только усилить правовую защиту детей, но и привести российское законодательство в соответствие с международными обязательствами.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Шохина Ксения Юрьевна,
обучающаяся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попаденко Елена Викторовна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Апелляционное производство – это стадия уголовного процесса, направленная на пересмотр не вступивших в законную силу судебных решений. Участие прокурора здесь особенно важно, так как он обеспечивает законность, защищает интересы государства, общества и граждан, способствуя тем самым справедливому, обоснованному и правомерному судопроизводству. Для совершенствования правовой системы целесообразно обращаться к сравнительно-правовому анализу уголовно-процессуального законодательства[1]. Такой подход позволяет заимствовать эффективные правовые механизмы, выявлять лучшие практики и устранять пробелы в национальном законодательстве.

В мировой практике существуют различные модели апелляционного производства. В одних странах он представляет собой единый институт пересмотра судебных решений, в других – включает разнообразные формы обжалования. Эти различия обусловлены особенностями национальных правовых систем, что, в свою очередь, определяет специфику процессуальных полномочий прокурора на стадии апелляционного рассмотрения.

Особенностью российской правовой системы является возможность одновременного участия в процессе двух представителей прокуратуры. Согласно УПК РФ, суд апелляционной инстанции может рассматривать представления как государственного обвинителя, так и вышестоящего прокурора. Как справедливо замечает Н.В. Буланова, речь не идет о парном поддержании государственного обвинения, ведь у данных сторон разное процессуальное положение – прокурор - государственный обвинитель продолжает поддерживать обвинительный тезис, а вышестоящий прокурор исполняет надзорные функции[2]. Таким образом, возникает проблема столкновения интересов в представлениях государственного обвинителя и вышестоящего прокурора, что, по нашему мнению, недопустимо. Относительно данного законодательного положения есть и более резкая критика. Так, современный российский исследователь по уголовному процессу А.Н. Разинкина в своей работе категорично указала: «Необходимости в таком тандеме нет никакой»[3].

---

[1] *Эпп И.В*. Сравнительно-правовой анализ процессуального положения прокурора в апелляционном судопроизводстве с некоторыми зарубежными странами / И.В. Эпп // Вопросы студенческой науки. - 2024. - № 5 (93). – С. 606 – 610. - URL: https://sciff.ru/wp-content/uploads/2024/06/Sciff_5_93.pdf (дата обращения: 25.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] *См.: Буланова Н.В*. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами: монография / Н.В. Буланова // Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации: монография. Москва: Проспект, 2016. - 192 с. - URL: http://ebs.prospekt.org/book/31199 (дата обращения: 25.09.2025). - Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст: электронный.

[3] *Разинкина А.Н*. Проблемы правовой регламентации процедур пересмотра судебных актов в апелляционном и кассационном порядке / А.Н. Разинкина // Законность. - 2013. - № 9. – С. 8. – Текст: непосредственный;

Существуют также аргументы в пользу того, что для обеспечения объективности и беспристрастности представителя прокуратуры в оценке исследуемых в апелляционном производстве материалов уголовного дела «в суде апелляционной инстанции непосредственно должен участвовать тот прокурор, который не принимал участия в рассмотрении уголовного дела по существу», т. е. в заседании суда первой инстанции[1].

В этом контексте уместно упомянуть предложение В.А. Лазарева о том, что вышестоящий прокурор должен осуществлять лишь контроль над участием государственного обвинителя в апелляционной инстанции, при необходимости изменять или отзывать апелляционные представления[2]. Мы считаем данную позицию обоснованной, поскольку в суде второй инстанции государственный обвинитель продолжает отстаивать обвинительный тезис и располагает полной информацией о фактических и юридических обстоятельствах уголовного дела. В то время как, вышестоящий прокурор зачастую незнаком с данными обстоятельствам, что, по нашему мнению, может негативно сказаться на качестве его деятельности в суде.

В отношении иностранных же государств, в частности США, правом подачи апелляционной жалобы имеют только осужденные и их защитники, а также обвинитель. Причем апелляционную жалобу может подать только тот обвинитель, который непосредственно принимал участие в рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции[3]. Представляется, что такое требование уголовно-процессуального права США соответствует концепции состязательного типа процесса. Только сторона, принимавшая непосредственное участие в рассмотрении дела в суде первой инстанции, имеет право на обжалование судебного решения. Данное требование процессуальной доктрины является безусловным, в том числе и для государственного обвинения.

Однако существуют страны, в которых прокуратура осуществляет публичные действия в суде и может направлять квалифицированных юристов своего органа на судебные заседания, в зависимости от своего усмотрения. Такая практика применяется, например, в Германии и Франции, где уголовный процесс, как и в России, относится к смешанному типу. Так, статья 296 Уголовно-процессуального кодекса Федеративной Республики Германия гласит: «Обжалование судебных решений является правом прокуратуры и обвиняемого». А в статье 324, регулирующей проведение апелляционных разбирательств, говорится о «представителе прокуратуры». В соответствии со статьей 34 Французского Уголовно-процессуального кодекса генеральный прокурор лично или через своих заместителей «представляет прокуратуру в апелляционном суде»[4].

Таким образом, анализ зарубежного опыта показывает, что участие прокуратуры в апелляционном производстве может быть организовано различными способами, в зависимости от специфики национальной правовой системы. Однако мы считаем, что представителем государства со стороны обвинения в суде должен быть только

Шадрин В.С. Особенности процессуального положения и участия прокурора в рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции / В.С. Шадрин // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / под редакцией К.Б. Калиновского. Санкт-Петербург, 2021. - С. 81. – Текст: непосредственный.

[1] *Курочкина Л.А.* Прокурор в суде апелляционной инстанции: кто он? / Курочкина Л.А. // Законность. - 2016. - № 7. - С. 29. – Текст: непосредственный.

[2] *См.: Лазарева В.А.* Участие прокурора в уголовном процессе: учебник и практикум для вузов. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 283 с. - URL: https://urait.ru/bcode/559802 (дата обращения: 25.09.2025). – Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст: электронный; *Решетова Н.Ю.* Участие прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства: монография / Н.Ю. Решетова, Е.В. Великая, В.С. Шадрин // Москва: Проспект, 2023. - 208 с. - URL: http://ebs.prospekt.org/book/46895 (дата обращения: 25.09.2025). – Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст: электронный.

[3] *Гуценко К.Ф.* Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко // М.: Зеркало, 2001. - С. 285. – Текст: непосредственный.

[4] *Кириллова Н.П.* Поддержание государственного обвинения в суде как элемент прокурорской власти в Германии и России / Н.П. Кириллова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. - 2022. - № 3 (48). - С. 104. – Текст: непосредственный.

непосредственно участвующий в судебном разбирательстве прокурор. В процессуальном смысле, именно государственный обвинитель реализует функцию обвинения, представляет доказательства виновности подсудимого, заявляет ходатайства и участвует в прениях сторон. Его процессуальные действия и решения, принимаемые в ходе судебного разбирательства, имеют юридическую силу и обязательны для участников процесса в рамках, установленных законом. В свою очередь, вышестоящий прокурор осуществляет надзор за деятельностью нижестоящих прокуроров, в том числе за законностью и обоснованностью принимаемых ими процессуальных решений. Однако осуществление надзорных функций не наделяет вышестоящего прокурора автоматическим статусом участника судебного разбирательства по каждому конкретному уголовному делу.

Кроме того, представляет научный интерес сопоставительный анализ нормативного регулирования участия прокурора в апелляционной инстанции с такими странами как, Республика Беларусь и Казахстан. Несмотря на, единство правового пространство, а также схожесть уголовно-процессуальных законов государств наблюдаются определенные расхождения института участия прокурора в апелляционной инстанции при рассмотрении уголовных дел. Так, например, процессуальный документ обжалования судебных актов прокурора в данных государствах называется по-разному. В Российской Федерации – это апелляционное представление, в Республике Беларусь - апелляционный протест, а в Республике Казахстан – апелляционное ходатайство.

На наш взгляд, использование законодателем термина «апелляционное представление» в отношении формы реагирования прокурора на неправосудное решение является законодательным недостатком. В соответствии с пунктом 27 части 1 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, представление определяется как акт прокурорского реагирования на решения судебных органов. Изучение статьи 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» демонстрирует, что представление используется исключительно в случаях незаконных действий или бездействия должностных лиц, но не применяется к правовым актам. Для оспаривания противоречащих законодательству правовых актов предусмотрена специальная форма прокурорского реагирования – протест прокурора. В связи с этим возникают вопросы относительно обоснованности выбора законодателем представления в качестве инструмента обжалования прокурором приговоров или других судебных актов. Кроме того, и в ст. 389.6 УПК РФ, в которой регламентировано содержание апелляционной жалобы, среди прочих других реквизитов присутствует требовании об указании обжалуемого судебного решения.

Ст. 36 ФЗ «О прокуратуре» носит название «Опротестование судебных решений». В диспозиции указано, что прокурор обязан приносить протесты на незаконные и необоснованные решения, в том числе и на приговоры и иные судебные акты, принимаемые судом, рассматривающим уголовное дело. Некоторые авторы сделали предположение, почему законодатель использовал именно термин «представление», а не «протест». По их мнению, представление более соответствует равенству сторон в суде и принципу состязательности, чем принесение прокурором протеста[1]. Однако нам более близка точка зрения второй группы авторов, которые считают, что на самостоятельность суда не влияет факт внесения прокурором именно протеста, а не какого-либо иного акта прокурорского реагирования. Наоборот, выбор такой формы возражения, как протест вполне соотносится с тем, что прокурор является государственным обвинителем в суде, то

[1] *См.: Лазарева В.А.* Участие прокурора в уголовном процессе: учебник и практикум для вузов. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 283 с. - URL: https://urait.ru/bcode/559802 (дата обращения: 25.09.2025). – Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст: электронный; *Ткаченко И.Н.* Участие прокурора в апелляционном и кассационном судопроизводстве в уголовном процессе: проблемы теории и законодательства, пути их устранения / И.Н. Ткаченко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2024. - № 5-4 (92). – С. 270. – Текст: непосредственный.

есть от лица государства дает оценку общественно опасному виновному деянию подсудимого. В случае же с обжалованием, а также от имени государства[1].

В сложившейся ситуации явно прослеживается существенное расхождение между специальным законодательством, регулирующим статус и деятельность прокуратуры, и УПК РФ. Использование законодателем в уголовно-процессуальном законе такой формулировки, которая противоречит сущности представления в ФЗ «О прокуратуре РФ» приводит к размытию понятия «представление», создает проблемы в практической деятельности прокуратуры, а также искусственно создает ситуацию законодательной несогласованности[2]. По нашему мнению, акт прокурорского реагирования при обжаловании приговора должен быть представлен в виде протеста.

К примеру, в Республике Беларусь определение таких понятий как «протест» и «представление» тождественны с понятиями данными в российском законодательстве[3]. Однако согласно Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь, актом обжалования прокурора является как раз-таки – протест, что позволяет избежать коллизий и обеспечивает более эффективную защиту законности в уголовном процессе.

На основании проведенного сравнительно-правового анализа можно сделать вывод о том, что процессуальное положение прокурора в апелляционном судопроизводстве в разной степени отличается в представленных странах. Эти различия оказывают влияние на эффективность апелляционных процессов и требуют дальнейшего изучения. Подобные исследования является необходимым условием для совершенствования уголовно-процессуального законодательства и обеспечения его соответствия современным вызовам и потребностям общества[4].

.

[1] *См.: Буланова Н.В*. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами: монография / Н.В. Буланова // Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации: монография. Москва: Проспект, 2016. - 192 с. - URL: http://ebs.prospekt.org/book/31199 (дата обращения: 25.09.2025). - Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст: электронный.

[2] *См. Скачко А.В*. Международные правовые стандарты и зарубежный опыт развития и совершенствования процессуального статуса прокурора в уголовном судопроизводстве / А.В. Скачко, Е.Ю. Баклыкова // Вестник Московского университета МВД России. - 2021. - № 5. – С. 109 – 114. – Текст: непосредственный.

[3] *См. Солтанович А.В*. Прокурор в уголовном апелляционном судопроизводстве Республики Беларусь / А.В. *Солтанович, М.А. С*калкович // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. - 2016. - № 9-2. - С. 281 - 287. – Текст: непосредственный.

[4] *См*. *Кашанина Т.В.* Право: публично-правовые и частно-правовые начала: Учебник и практикум для вузов / Т.В. Кашанина, Н.М. Сизикова // Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 553 с. - URL: https://urait.ru/bcode/560231 (дата обращения: 25.09.2025). - Режим доступа: для зарегистр. пользователей. – Текст: электронный.

ИНСТИТУТ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Якушев Артемий Владимирович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Попаденко Елена Викторовна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Институт возбуждения уголовного дела – советское изобретение в уголовном процессе. Именно в СССР в тридцатые годы возбуждение уголовного дела было оформлено как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства. С девяностых годов по настоящее время ведутся дискуссии о необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела в структуре уголовного процесса.

Напомним, что стадия возбуждения уголовного дела предусматривает особую допроцессуальную, доследственную проверку следователем сообщения о преступлении с целью выяснить, имеются ли в конкретном случае признаки преступления. После этого возбуждается уголовное дело и начинается *процессуальная* деятельность по расследованию преступления, или выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, которые может быть обжаловано. В постановлении о возбуждении уголовного дела обязательно указывается статья Уголовного кодекса РФ, по которой, предположительно, квалифицируется деяние, а также лицо, его совершившее (если оно известно), и само деяние, в отношении которого и будет проводится дальнейшее расследование.

В Российской Империи в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства 1864 года стадия возбуждения уголовного дела не предусматривалась. Согласно статье 297 Устава уголовного судопроизводства[1] законными поводами к начатию предварительного следствия признавались объявления и жалобы частных лиц, сообщения полиции, присутственных мест и должностных лиц, явка с повинной, возбуждение дела прокурором, возбуждение дела по непосредственному усмотрению судебного следователя.

Как мы видим, сразу после появления сообщения о преступлении начиналось предварительное следствие без какой-либо специальной доследственной проверки.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года также не предусматривал самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела. Соответствующая глава УПК РСФРСР 1922 года называлась «Возбуждение производства по уголовному делу». Уполномоченные участники уголовного процесса – прокурор, следователь, орган дознания, суд при наличии в заявлении указаний на состав преступления не были связаны требованием о принятии мотивированного процессуального решения о начале производства по уголовному делу (ст. 96 УПК РФСФР 1922 г.), то есть сразу после принятия сообщения о преступлении переходили к предварительному следствию.

В начале 1930-х годов в связи с многочисленными случаями необоснованного применения органами дознания и следователями мер процессуального принуждения без какого-либо контроля со стороны прокурора и суда в литературе начали высказываться

[1] Устав уголовного судопроизводства 1864 года. - URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (дата обращения: 16.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

предложения о необходимости формализации процедуры принятия решения о возбуждении производства по уголовному делу[1]. Большое значение для регламентации процедуры возбуждения производства по уголовному делу оказали решения и материалы состоявшегося в апреле 1934 г. I Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников. В терминологии выступлений и резолюциях совещания уже применялся термин «возбуждение дела и начало расследования», а не «возбуждение производства по уголовному делу». Обращалось внимание на недопустимость арестов и производства следственных действий до возбуждения уголовного дела.

В дальнейшем решения указанного совещания были реализованы в директивном письме Прокуратуры СССР от 13 августа 1934 г. «О качестве расследования», согласно которому «возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место лишь по мотивированному постановлению соответствующего следственного органа, утвержденному прокурором».

Как отмечал М.С. Строгович еще в 1938 г., возбуждение уголовного дела является самостоятельной стадией уголовного процесса: «Практическое значение момента возбуждения уголовного дела очень велико. Правильное решение вопроса об основаниях к возбуждению уголовного дела обеспечивает такой порядок, при котором судебно-следственные органы реагируют только на преступления; этим устраняются неосновательные возбуждения уголовных дел и связанные с эти стеснения для граждан, напрасная трата сил и средств судебно-следственного аппарата на расследование и разбор действий, лишенных общественно-опасного содержания, а потому и не требующих вмешательства тех органов, основной задачей которых является борьба с преступностью. Процессуально-правовое значение возбуждения уголовного дела заключается в том, что оно служит основанием для производства всех дальнейших судебно-следственных действий по расследованию и разрешению уголовного дела … (допросы, избрание мер пресечения, предание суду и т.п.)»[2].

Требование о вынесении специального мотивированного постановления о начале расследования, «возбуждении уголовного дела», была закреплено в письме Прокуратуры СССР от 13 августа 1934 года, но в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР такого требования не было. Тем не менее, на практике применялось именно письмо Прокуратуры СССР.

Следующим этапом стало закрепление стадии возбуждения уголовного дела на законодательном уровне в 1958 и 1960 годах. Согласно статье 3 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 года[3] суд, прокурор, следователь и орган дознания были обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию. Согласно статье 109 Уголовно-процессуального кодекса РФСФР 1960 года[4] прокурор, следователь, орган дознания и судья обязаны были принимать заявления и сообщения о любом совершенном или подготовляемом преступлении и принимать по ним решения в срок не более трех суток со дня получения заявления или сообщения, а в исключительных случаях – в срок не более 10 суток. Как следовало из части 1 статьи 129 УПК РСФСР 1960 г., предварительное следствие могло производиться только после возбуждения уголовного дела.

---

[1] *Головко Л.В*. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко, автор главы: Чекулаев Д.П. // 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. - С. 580. – Текст: непосредственный.

[2] *Строгович М.С*. Учебник уголовного процесса. Учебник / Строгович М.С. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. - С. 104. – Текст: непосредственный.

[3] Закон СССР от 25.12.1958 (ред. от 28.11.1989) «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР, 1959, № 1, ст. 15.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // Ведомости ВС РСФСР, 1960, № 40, ст. 592.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 года воспринял сложившуюся традицию вынесения мотивированного постановления о возбуждении уголовного дела. Обязанность возбуждения уголовного дела и установления события преступления закреплена в статье 21 УПК РФ, порядок возбуждения уголовного дела установлен разделом VII.

В международной – континентальной и англо-американской – практике возбуждение уголовного дела как самостоятельная стадия не рассматривается. В англосаксонской модели уголовного процесса юридическое значение имеют лишь действия, совершаемые судом, в суде или по его приказу[1]. В континентальной традиции предварительному судебному следствию предшествует полицейское дознание. (В европейской и российской (точнее сказать советской или постсоветской) уголовно-процессуальной терминологии имеются существенные расхождения. Так, в российском понимании «дознание» – это одна из форм предварительного (досудебного) расследования преступлений. От предварительного «следствия» оно отличается лишь тем, что дознание имеет место при совершении преступлений небольшой и средней тяжести. При этом предварительное следствие и дознание подчиняются одним и тем же требованиям, по их результатам выносится фактически один и тот же документ, они проводятся несудебными органами. В европейском понимании дознание предшествует предварительному следствию. Дознание осуществляется полицейскими органами под руководством прокурора. Собранные в ходе дознания материалы передаются прокурору, который принимает решение о прекращении уголовного преследования или направлении дела на предварительное следствие, например, во Франции). Предварительное следствие проводится следственным судьей (судебным следователем), который независим от прокурора и иных лиц (судебная природа), и деятельность которого детально процессуально регламентирована (в отличие от дознания). Во всяком случае в европейской модели не выносится какой-либо процессуальный акт о начале расследования. Полицейские приступают к дознанию сразу после получения сообщения о преступлении.

Можно говорить о неких сходствах в европейском полицейском дознании и советском возбуждении уголовного дела.

1. Эти виды деятельности предшествуют процессуальной (регламентированной законом) деятельности по расследованию преступлений – предварительному следствию;

2. Эти виды деятельности направлены на установление признаков преступления, то есть по их итогам принимается решение о прекращении уголовного дела или о дальнейшем расследовании.

Но имеющиеся различия весьма существенны:

1. В ходе стадии возбуждения уголовного дела у предполагаемых подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших нет их процессуальных статусов, соответственно, нет процессуальных прав, а в ходе европейского полицейского дознания участники процесса пользуются своими правами;

2. После европейского дознания собранные материалы передаются прокурору, который решает вопрос об их дальнейшей судьбе, а по окончании стадии возбуждения уголовного дела следователь (или российский дознаватель) сам выносит постановление и может принять дело к своему производству.

В связи с приведенными различиями говорить, например, о совпадении этих институтов не приходится.

[1] *Гуценко К.Ф.* Уголовный процесс западных государств: учебное пособие / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головко, Б.А. Филимонов; под ред. Гуценко К.Ф.; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. - 2-е изд., доп. и испр. - Москва: Зерцало - М, 2002. - С. 46. – Текст: непосредственный.

Стадию возбуждения уголовного дела восприняли постсоветсткие страны, например, Беларусь (статья 166 УПК Республики Беларусь[1]). Некоторые государства постарались уйти от стадии возбуждения уголовного дела, например, Украина. Там появился институт «внесения в реестр досудебных расследований». Тем не менее российские исследователи указывают, что «институт «внесения в реестр досудебных расследований» превратился в ту же самую «доследственную проверку», поскольку при внесении в реестр требуется квалифицировать деяние (иначе нельзя определить подследственность, т.е. компетентный орган расследования), а для квалификации необходимо собрать определенные фактические данные. Это неизбежно привело к «теневому» возрождению стадии возбуждения уголовного дела, так как по итогам «доследственной проверки» нередко выясняется отсутствие признаков преступления, в силу чего принимается решение не о «внесении в реестр», а об «отказе во внесении в реестр» и т.п.»[2].

Отметим, что стадия возбуждения уголовного дела на сегодняшний день имеет внутренние противоречия, коллизии в правовом регулировании, дискуссия о необходимости сохранения этой стадии ведется, но однозначного ответа пока не дано ввиду сильных аргументов как за сохранение этой стадии, так и за отказ от неё. Международный европейский и англо-американский опыт значительно отличается от российского понимания начала расследования преступления.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.07.2023 г.). - URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414958#pos=43;-60 (дата обращения: 16.09.2025). - Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[2] Головко Л.В. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко, автор главы: Чекулаев Д.П. // 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. - С. 586. – Текст: непосредственный.

ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА «ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОВТОРНЫМ НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ» И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Янсон Федор Степанович,
обучающийся магистратуры Северо-Западного института (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:
Колпакова Людмила Алексеевна,
доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Вопросы, связанные с безопасностью дорожного движения, становятся всё более актуальными в современном обществе. Увеличение числа автомобилей, рост интенсивности движения и, как следствие, увеличение числа дорожно-транспортных происшествий (ДТП) требуют от государства разработки эффективных мер по контролю за соблюдением правил дорожного движения. Одной из ключевых проблем в этой области является квалификация преступлений, связанных с повторными нарушениями правил дорожного движения[1].

Вопрос квалификации преступлений, связанных с повторными нарушениями правил дорожного движения, представляет собой важную проблему, как с точки зрения правоприменительной практики, так и с точки зрения обеспечения безопасности дорожного движения. Повторные нарушения правил дорожного движения зачастую приводят к серьёзным последствиям, включая дорожно-транспортные происшествия, травмы и гибель людей. Поэтому изучение особенностей квалификации таких преступлений, а также анализ опыта других стран в данной области, является крайне важным.

Неэффективность административного наказания, предусматривающего повышенную ответственность за повторные факты нарушений правил дорожного движения, привела законодателя к выводу о необходимости криминализации их наиболее опасных и злостных видов.

Принято считать, что криминализация, как метод уголовной политики, должна быть связана с «неблагоприятной динамикой определенных видов человеческого поведения, научно-техническим прогрессом, развивающим потенциально опасные сферы науки и техники»[2].

Выбор перечня нарушений правил, систематическое совершение которых является криминальным, был связан с признанием их основными факторами риска ДТП. Констатировалось прямое и нарастающее влияние кратности таких правонарушений на рост тяжести их вреда.

Важным событием стало принятие поправок к Уголовному кодексу Российской Федерации (далее – УК РФ), которые расширили круг лиц, подлежащих уголовной ответственности. Теперь водители, систематически игнорирующие правила, могут быть привлечены к ответственности уже за второе и последующие нарушения. В частности,

[1] *Солодянкина Н.А*. Этапы развития управления безопасностью дорожного движения / Н.А. Солодянкина // Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». - 2021. - С. 5. – Текст: непосредственный.
[2] *Лопашенко Н.А.* Уголовная политика / Н.А. Лопашенко // М.: Волтерс Клувер. - 2009. - С. 105. – Текст: непосредственный.

адекватность и пропорциональность наказания обрели новое значение, что наиболее ярко отражает вовлеченность суда в практику применения норм[1].

В рамках общей тенденции к дифференциации уголовной ответственности и усилению профилактической функции права в Уголовном кодексе Российской Федерации на сегодняшний день действуют три специальные нормы, конструкция которых основана на административной преюдиции. Речь идет о статьях 264.1, 264.2 и 264.3 УК РФ[2], объединенных общей целью — борьбы с рецидивом опасных правонарушений в сфере дорожного движения через криминализацию повторных проступков.

Первой и наиболее известной стала статья 264.1 УК РФ («Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию»). Она была введена Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ и установила уголовную ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, уже подвергнутым административной ответственности или имеющим судимость за аналогичное нарушение. Данная мера стала ответом законодателя на высокую общественную опасность и распространенность повторного вождения в нетрезвом виде.

Следующим этапом стало введение статьи 264.2 УК РФ («Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами») Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ. Эта норма расширила сферу действия преюдиции, криминализировав нарушение правил дорожного движения, предусмотренное частью 4 или 5 статьи 12.9 либо частью 4 статьи 12.15 КоАП РФ, лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами за любое из деяний, предусмотренных частью 7 статьи 12.9 и частью 5 статьи 12.15 КоАП РФ.

Наконец, статья 264.3 УК РФ («Управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость») была введена Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ, вступившим в силу 25 июля 2022 года. Эта норма напрямую указывает на факт управления автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное ч.4 ст. 12.7 КоАП РФ.

Далее обратимся к конструкциям составов преступлений, предусмотренных ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ.

Основным объектом данных преступлений является безопасность дорожного движения, то есть состояние дорожного процесса, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествия и их последствий.

Объективной стороной указанных преступлений является ряд действия, так или иначе связанных с управлением транспортными средствами.

В рамках ст. 264.1 УК РФ признается управление автомобилем, трамваем или другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения, ранее подвергнутым административному взысканию за аналогичное административное правонарушение, или за невыполнение законного требования соответствующего должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения[3].

---

[1] *Краев Д.Ю*. Квалификация нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств / Д.Ю. Краев // Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. - 2019. - С. 13. – Текст: непосредственный.

[2] *Баранчикова М.В.* Криминализация повторных нарушений правил дорожного движения как направление повышения безопасности дорожного движения / М.В. Баранчикова // Журнал «Безопасность дорожного движения». - 2023. - № 3. - С. 49. – Текст: непосредственный.

[3] *Попович Д.Н.* Предмет преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств / Д.Н. Попович // Academy. - 2019. - № 1 (40). - С. 3. – Текст: непосредственный.

Согласно диспозиции ст. 264.2 УК РФ преступным признается управление транспортным средством лицом, допустивший нарушение, предусмотренное ч. 4 или 5 ст. 12.9 или ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ, ранее привлеченный за повторное превышение скорости более чем на 60 км/ч либо повторный выезд на полосу, предназначенную для встречного движения.

В рамках ст. 264.3 УК РФ предусмотрена ответственность за управление автомобилем, трамваем или другим механическим транспортным средством лицом будучи лишенным права управления и подвергнутым административному наказанию за повторное совершение аналогичного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ.

В данных составах преступлений субъектом выступает лицо, ранее подвергнутое наказанию за определенные виды нарушений Правил дорожного движения (ПДД РФ) и лишенное права управления транспортными средствами.

Субъективная сторона рассматриваемых составов преступлений представлена виной в форме прямого умысла относительно нарушения ПДД.

Особенностью вышеуказанных статей УК РФ выступает закрепление «повторности» за их совершение, означающей, что обязательным условием уголовной ответственности является ранее имевшая место административная повторность, которая при сохранении состояния административной наказуемости у субъекта дополняется фактом аналогичного нарушения[1].

Понятие повторного нарушения ПДД РФ в рамках административного законодательства определяется ст. 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которая регламентирует, что лицо считается подвергнутым административному наказанию в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о его назначении.

Соответственно, совершение после истечения данного срока повторного нарушения правил дорожного движения нивелирует возможность привлечения к ответственности водителей по ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ.

Также особенностью составов преступлений, предусмотренных вышеуказанными статьями УК РФ, является такое понятие как «Управление транспортным средством». В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» дает следующее определение, а именно, управление транспортным средством представляет собой целенаправленное воздействие на него лица, в результате которого транспортное средство перемещается в пространстве (вне зависимости от запуска двигателя).Соответственно моментом совершения общественно-опасного деяния наступает с начала движения транспортного средства[2].

Рассматривая ст. 264.2 УК РФ, следует отметить примечание к данной статье, благодаря которому можно сделать вывод, что третий факт существенного превышения скорости и выезда на полосу встречного движения будет квалифицироваться как преступление только в случае выявления сотрудниками Госавтоинспекции и не распространяется на случаи фиксации правонарушений работающими в автоматическом

---

[1] *Безородов Д.А*. Преступления против безопасности движения или эксплуатации транспорта / Д.А. Безородов // Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации: учебное пособие / под ред. А. Н. Попова. Санкт-Петербург, 2023. - С. 47. – Текст: непосредственный.

[2] *Смирнова П.В*. Предмет преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта / П.В. Смирнова // Вопросы российского и международного права. - 2023. - № 6. - С. 423. – Текст: непосредственный.

режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото-видео записи.

При этом в России наблюдается тенденция к исключению фактов фиксации превышения скорости непосредственно сотрудниками полиции, что означает неприменимость анализируемой нормы к таким нарушениям.

Учитывая, что все три статьи с административной преюдицией подразумевают выявление повторных нарушений указанных в них правил дорожного движения уполномоченными лицами без применения средств фото-видеофиксации, число потенциальных субъектов преюдиционных норм будет весьма ограничено.

Исходя из действующих положений, фиксация и установление признаков рассматриваемых преступлений происходит исключительно на начальных стадиях административного производства (возбуждение дела об административном правонарушении, административное расследование).

Если рассматривать вопросы доказывания, то первоначальными документами будущего уголовного дела служат протоколы, предусмотренные исключительно административным законодательством: протокол об отстранении от управления транспортным средством; акт освидетельствования на состояние алкогольного опьянения; протокол о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения; акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения (в случае проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения)[1].

Критерии квалификации нарушений всегда зависели от степени их опасности, времени, прошедшего с момента предыдущего правонарушения, и даже от воздействия на общественное сознание. Принятие системы учета повторных правонарушений и уголовной ответственности как дополнительной меры, подтверждает стремление правовой системы к более эффективной защите участников дорожного движения.

Судебная практика демонстрирует, что основное внимание уделяется не только самой правовой норме, но и способам её применения в зависимости от обстоятельств конкретных дел. Подборка примеров из практики, где обвиняемые уже имели предшествующие нарушения, подтверждает, что суды применяют статьи о повторном нарушении ПДД РФ, назначая наказания, соответствующие серьезности инцидента и личности нарушителя.

Особенно это выражается в уголовной ответственности за управление транспортным средством лицом или за невыполнение законного требования соответствующего должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. В 2024 г. по двум частям статьи 264.1УК РФ осуждено 41112 человек, это значительный показатель по сравнению с другими распространенными дорожно-транспортными преступлениями, например, ст. 264.2 УК РФ, по 2 частям которой в этом же году было признано виновными всего 50 человек, а по двум частям ст. 264.3 УК РФ – 1409 человек[2].

Проанализировав судебную статистику по уголовным делам предусмотренных за повторное нарушение ПДД РФ за 2023 г. где по двум частям ст. 264.1 УК РФ было осуждено 48655 человек, по двум частям 264.2. – 54, по двум частям 264.3 УК РФ – 871[3]; исходя из данных статистики, можно сделать вывод, что происходит тенденция по снижению допущения водителями повторных нарушений правил дорожного движения,

---

[1] *Жуков А.М*. Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному взысканию (ст.264.1 УК РФ): уголовно-правовой анализ и проблемы применения / А.М. Жуков // Вестник Московского университета МВД России. - 2017. - № 2. - С. 148. – Текст: непосредственный.

[2] Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК. 2024 г. // АПИ ПРЕСС. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 19.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

[3] Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК. 2023 г. // АПИ ПРЕСС. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 19.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

связанных с управлением транспортным средством в состоянии опьянения, при этом, сохраняющаяся в стране проблема алкоголизации, не даёт возможности кардинального решения этой проблемы. Ещё одна проблема – управление транспортным средством лицом, лишённым этого права, что связано с низким уровнем правосознания населения и в связи с этим слабым превентивным действием в отношении него мер административной ответственности.

Несмотря на положительную сторону, связанную с эффективностью введенных правовых мер борьбы с повторным нарушением ПДД РФ, установлением административной преюдиции в уголовном законодательстве, породило множество процессуальных вопросов[1].

Так, например, на первых этапах применения ст. 264.1 УК РФ возникала проблема с определением лица, ранее подвергнутого административному наказанию по времени совершения проступка (действия законодательства во времени). В Верховный Суд Российской Федерации Госавтоинспекцией МВД России были направлены обращения о разъяснении порядка применения положений статьи 264.1 УК РФ к лицам, совершившим административные правонарушения, связанные с повторным управлением транспортными средствами в состоянии опьянения. Вопросы, затронутые в обращениях, были рассмотрены на заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации 31 июля 2015 года.

Верховный Суд РФ в своем разъяснении указал, что для целей ст. 264.1 УК РФ учитывается административное наказание, назначенное лицу до 1 июля 2015 года за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения[2].

Профилактика повторных нарушений правил дорожного движения остается актуальной задачей для различных стран, стремящихся к снижению числа дорожно-транспортных происшествий и повышению общественной безопасности, для этого такие общественно-опасные деяния вводятся в раздел УК РФ, как отдельный состав преступления[3].

В рассматриваемых составах преступлений субъектом является только водитель транспортного средства, в то время как в законодательстве ряда государств перечень субъектов рассматриваемых преступлений расширен. Так, согласно Уголовному кодексу Польши, ответственности подлежит не только лицо, которое управляет транспортным средством, находясь в состоянии алкогольного опьянения или под воздействием наркотических средств, но и лицо, которое допускает к управлению механическим либо иным средством лицо, находящееся в состоянии опьянения[4].

Уголовный кодекс Армении, принятый 18 апреля 2003 года содержит раздел 9: «Преступления против общественной безопасности, безопасности компьютерной информации, общественного порядка, общественной нравственности и здоровья населения», в которых расположены ст. ст. 242, 243 УКА. В качестве самостоятельного

---

[1] *Писаревская Е.А.* Преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминологические аспекты / Е.А. Писаревская // Уголовная юстиция. - 2023. - № 22. - С. 18. – Текст: непосредственный.

[2] *Ильин И.В*. Проблемы квалификации и расследования преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» (административно-правовые и уголовно-правовые аспекты) / И.В. Ильин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2016. - № 3. - С. 140. – Текст: непосредственный.

[3] *Белокобыльский Н.Н.* Виды и характер преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта в Уголовном законодательстве России / Н.Н. Белокобыльский // Вестник Московского университета. - 2017. - № 3. - С. 6. – Текст: непосредственный.

[4] *Рясенец А.С.* Особенности уголовной ответственности за нарушения правил дорожного движения в зарубежных странах / А.С. Рясенец // Международный научный журнал «Символ науки». - 2024. - № 6-2. - С. 108. – Текст: непосредственный.

преступного деяния армянское законодательство отдельно выделяет передачу транспортного средства лицу, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения, либо не достигшему возраста 16 лет, что следует из ст. 243 УКА при наступлении общественно-опасных последствий, предусмотренных ст. ст. 241 и 242 УКА[1].

Анализ уголовного законодательства зарубежных стран свидетельствует о наличии различных подходов к привлечению лиц к уголовной ответственности за совершение такого деяния, как нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Включение составов дорожно-транспортных преступлений в уголовное законодательство большинства зарубежных стран подтверждает наличие общественной опасности преступного деяния.

По справедливому утверждению А.Ю. Якимова, введение административной преюдиции в случаях неоднократного совершения правонарушений, которые характеризуются повышенной общественной опасностью, является убедительным свидетельством гармонизации норм, устанавливающих административную и уголовную ответственность за нарушения в области дорожного движения[2].

Таким образом, проблемы правовой регламентации ответственности и квалификации преступлений, связанных с повторным нарушением правил дорожного движения, следует рассматривать в контексте эволюции правоприменительной практики и уголовного законодательств.

---

[1] *Золотарь К.В.* Сравнительно-правовой анализ зарубежного уголовного законодательства об ответственности за нарушение правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств / К.В. Золотарь // Цифровая наука. - 2020. - № 4. - С. 158. – Текст: непосредственный.

[2] *Якимов А.Ю.* Вопросы гармонизации норм, устанавливающих административную и уголовную ответственность за нарушения в области дорожного движения / А.Ю. Якимов // Государство и право. - 2022. - № 8. - С. 106. – Текст: непосредственный.

Сборник материалов научно-исследовательских семинаров обучающихся по программам магистратуры Северо-Западного института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)